
*Научно-документальная серия книг
«РЕАБИЛИТИРОВАННЫЕ ИСТОРИЕЙ»*

ОДЕССКИЙ МАРТИРОЛОГ

ТОМ 3

Одесса
ОКФА
2005

ББК 63.3(4УКР-4ОДЕ-20)6
О-41
УДК 9(477.74-25)«19»

Одесская областная редколлегия серии «Реабилитированные историей»:

*Л. Г. Белоусова, Е. М. Голубовский, А. В. Гонтар,
Л. В. Ковальчук (председатель), С. В. Мартыновский, А. А. Мисюк,
Г. А. Разумов, Е. Л. Стрельцов, А. И. Уемов, А. В. Фесик, Б. Г. Херсонский*

О-41 **Одесский мартиролог:** Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти. Т. 3 / Составители Л. В. Ковальчук, Г. А. Разумов. — Историко-мемориальное издание. — Одесса: ОКФА, 2005. — 896 с., ил. (Серия «Реабилитированные историей»).

ISBN 966-571-124-5

Серия книг «Одесский мартиролог» посвящена истории репрессий, совершавшихся за годы советской власти в Одессе и Одесской области. В ней представлены алфавитные списки наших репрессированных сограждан, аннотированные описания одиночных и групповых дел (архивно-следственных, спецпоселенцев, архивно-фильтрационных и др.), информационно-аналитические таблицы по разным категориям репрессированных, архивные документы, статьи и очерки по истории репрессий, воспоминания репрессированных и их родственников.

Серия издается Одесским академическим центром в рамках всеукраинской государственной программы «Реабилитированные историей» на благотворительных началах и распространяется бесплатно. Предназначается для специалистов и широкого круга читателей.

О 0503000000 Без объявл.
2005

ББК 63.3(4УКР-4ОДЕ-20)6
УДК 9(477.74-25)«19»

ISBN 966-571-124-5

© Л. В. Ковальчук, Г. А. Разумов, 2005
© Одесский академический центр, 2005

Уважаемый читатель! Перед вами третий том серии «Одесский мартиролог» — книг по истории репрессий в Одессе и Одесской области в годы советской власти. Этот том дополняет материалы предыдущих, называет новые, ранее неизвестные имена репрессированных, представляет документальные материалы из архива УСБУ в Одесской области.

Историко-исследовательская программа «Одесский мартиролог» выполняется Одесским академическим центром в рамках всеукраинской государственной программы «Реабилитированные историей». Она посвящена восстановлению исторической правды о массовых репрессиях, совершившихся в СССР на протяжении всего периода его существования, и увековечению памяти о жертвах советского тоталитаризма. Основными информационными источниками должны стать архивы ЧК — ГПУ — НКВД — МГБ — КГБ, которые хранятся в Службе безопасности Украины и Федеральной службе безопасности Российской Федерации, государственные архивы (в том числе бывшие партийные), архивы Министерства внутренних дел и Министерства обороны, сборники документов, материалы, опубликованные в прессе, воспоминания узников ГУЛАГа.

Изучение, анализ и осмысление документов прошлого позволяют представить его современному человеку как можно более точно и объективно, способствовать деифологизации советской истории, освобождению общественного сознания от идеологических догм.

Работа по программе «Одесский мартиролог» началась в 1991 году, когда по инициативе членов общества «Мемориал» руководство УКГБ по Одесской области приняло решение начать составление списков с краткими биографическими данными репрессированных. За прошедшие годы получены материалы более чем о 35 тысячах человек. Эти сведения вводятся в компьютерную базу данных, на основе которой затем составляются списки репрессированных по одной из категорий — подследственные. Осуществить столь объемную программу стало возможным благодаря финансовой поддержке Одесской областной государственной администрации и Одесского горисполкома, а также участием разных людей и организаций, которым мы выражаем глубокую признательность.

«Одесский мартиролог» задуман как серийное и многотомное издание. В первых двух томах, изданных в 1997 и 1999 годах, помещены списки репрессированных, в которых названы более 34 тысяч имен по архивам УСБУ и ГАОО (категории подследственных и подсудимых), дан первичный статистический анализ этой информации, опубликованы описание фонда Одесского губернского ревтрибунала, а также другие архивные документы и исторические очерки.

В 2001 году был подготовлен макет третьего тома, но средств на его тиражирование не было. Затем возникли проблемы с работой в архиве УСБУ, связанные со сменой руководства, и длительное время сотрудники Академцентра, работающие по программе «Мартиролог», не имели доступа к архивным источникам. В 2002–2003 годах наша

организация приняла участие в международной программе создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий в СССР — «Возвращенные имена». В рамках этой программы мы провели мониторинг состояния сбора данных о репрессированных по всей Украине, участвовали в составлении стандартов перечней данных по основным категориям репрессированных, разработке методик описания различных архивных источников, издании двух обобщающих сборников по этой программе.

Все это задержало издание третьего тома «Одесского мартиролога», но в то же время значительно углубило понимание проблем изучения истории репрессий. И когда в конце 2003 года областная госадминистрация выделила средства на издание, мы решили, что публиковать книгу в прежнем виде уже нельзя. Поэтому новое издание подготовлено после значительной переделки и доработки материалов с учетом новых данных и нового концептуального видения проблемы. Оно состоит из двух книг: в третьем томе «Мартиролога» публикуются новые материалы о подследственных, в четвертом — первые материалы о спецпоселенцах.

Третий том «Мартиролога» имеет следующую структуру.

Вводная статья посвящена анализу одного из самых информативных фондов документов по истории репрессий на Одессине — фонда «П» архива УСБУ в Одесской области.

I раздел: «Репрессии: категория подследственных» продолжает представлять материалы этого фонда: алфавитный список содержит краткие данные еще на 897 человек (общее число представленных имен — 33909); информационно-аналитические таблицы составлены на основе дополненной базы данных на 33909 подследственных; даны аннотированные описания архивно-следственных дел 1919-го и начала 1920 года — всего 159 дел на 190 человек; публикуются документы архивно-следственных дел — обвинительные заключения, постановления, обзорные справки, приговоры, письма репрессированных и их родственников, реабилитационные и другие материалы (136 наименований по 91 делу на 324 человека).

II раздел: «Проблемы тоталитаризма и история репрессий» содержит статьи и документальные очерки, написанные преимущественно по материалам архивно-следственных дел.

Серия «Одесский мартиролог» — благотворительная. Эту книгу, как и предыдущие, мы дарим одесским библиотекам и музеям, школам и вузам, архивам и комиссиям по восстановлению прав реабилитированных, органам государственной власти, общественным организациям и партиям. Мы направляем «Одесский мартиролог» в районы Одесской области и города Украины, рассылает книгу в другие страны, откуда родом многие репрессированные и где живут их потомки.

Благодарим всех, кто прислал отзывы о нашей работе, и продолжаем надеяться, что эта работа нужна вам, уважаемый читатель.

Серия «Одесский мартиролог»:

— это наш долг памяти перед всеми невинно убиенными, униженными и оскорбленными советским тоталитарным режимом;

— это наше покаяние за многолетний страх, молчание и равнодушие;

— это наш завет будущему — такое не должно повториться.

Л. В. КОВАЛЬЧУК,
председатель Одесской областной редколлегии
научно-документальной серии книг
«Реабилитированные историей»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обращение к читателю	3
Фонд «П» архива УСБУ в Одесской области: проблемы описания (Л. В. Ковальчук)	9
<i>Раздел I. РЕПРЕССИИ: КАТЕГОРИЯ ПОДСЛЕДСТВЕННЫХ</i>	27
I.1. Списки подследственных.....	29
Предисловие	30
Алфавитный список подследственных (<i>продолжение</i>).....	36
Условные сокращения, понятия.....	59
Комментарии.....	60
<i>Дополнение 1.</i> Алфавитный список вариантов написания фамилий подследственных, вторых, третьих фамилий и псевдонимов	61
<i>Дополнение 2.</i> Порядковый список вариантов написания фамилий подследственных, вторых, третьих фамилий и псевдонимов	65
<i>Дополнение 3.</i> Уточненные данные о подследственных, названных в 1-м и 2-м томах «Мартиролога».....	67
I.2. Информационно-аналитические таблицы	83
Предисловие	84
<i>Диаграмма.</i> Количество арестов по годам.....	87
<i>Таблица 1.</i> Хронология репрессий	88
<i>Таблица 2.</i> Возраст репрессированных.....	90
<i>Таблица 3.</i> Место рождения репрессированных.....	91
<i>Таблица 4.</i> Национальность репрессированных	93
<i>Таблица 5.</i> Социальный статус репрессированных	94
<i>Таблица 6.</i> Сводные процентные данные о репрессированных	96
I.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел (<i>начало</i>)	97
Предисловие	98
1919 год	104
1920 год (январь — апрель)	175
<i>Дополнение 1.</i> Алфавитный список подследственных по описанным архивно-следственным делам.....	476
<i>Дополнение 2.</i> Алфавитный список сотрудников ЧК — ГПУ, особых отделов армий, других организаций, свидетелей, родственников и знакомых подследственных по описанным архивно-следственным делам	483
<i>Дополнение 3.</i> Порядковый указатель описанных архивно-следственных дел	514
I.4. Архивные документы о подследственных	517
Предисловие	518
Перечень документов	521
1918–1929 годы	528
1930-е годы	550

1940-е годы	606
1950-е годы	640
1960-е годы	705
1970–1990-е годы	725
<i>Дополнение 1. Алфавитный список имен по документам архивно-следственных дел, опубликованным во 2-м и 3-м томах «Одесского мартиролога».....</i>	<i>745</i>
<i>Дополнение 2. Порядковый указатель архивно-следственных дел, документы из которых опубликованы во 2-м и 3-м томах «Одесского мартиролога».....</i>	<i>776</i>
<i>Аббревиатуры, сокращения, исторические имена</i>	<i>783</i>
Раздел II. ПРОБЛЕМЫ ТОТАЛИТАРИЗМА И ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ	
<i>(статьи и очерки)</i>	<i>793</i>
<i>Предисловие.....</i>	<i>794</i>
<i>Красный террор как система (А. И. Уемов)</i>	<i>795</i>
<i>Уничтожение оппозиционных партий и политических организаций на Одещине в 1921–1929 годах (В. А. Савченко)</i>	<i>809</i>
<i>Одеський обласний відділ народної освіти в період масових репресій 1930-х років: невідомі сторінки історії (Е. П. Петровський)</i>	<i>827</i>
<i>Заручники системи: справа контрреволюційної організації болгарських політемігрантів (І. В. Бринош, Е. П. Петровський)</i>	<i>843</i>
<i>Репресоване духовенство на Одещині в першій половині 40-х років ХХ століття (М. І. Михайлуца)</i>	<i>870</i>
<i>Свободный художник (В. А. Фабианская).....</i>	<i>888</i>
<i>Заключение</i>	<i>894</i>
<i>Сведения об авторах и организациях</i>	<i>895</i>

Фонд «П» архива УСБУ в Одесской области: проблемы описания

Одним из главных источников для изучения истории репрессий на Одещине является фонд прекращенных архивно-следственных дел (фонд «П») архива управления Службы безопасности Украины в Одесской области. Название фонда не означает, что в нем содержатся только те дела, которые были прекращены в ходе следствия по реабилитирующим основаниям (за отсутствием состава преступления или за недоказанностью обвинения). Абсолютное большинство дел этого фонда содержит информацию о судьбах расстрелянных, заключенных в лагеря, сосланных на Север, в Сибирь, Казахстан, на Урал. Название же фонда обусловлено процедурой — прекращением следственного дела в результате его пересмотра и (или) реабилитации.

В большинстве дел фонда «П» есть реабилитационные документы — свидетельства того, что эти репрессивные решения и вынесенные приговоры официально признаны незаконными. С середины 50-х и до конца 80-х годов определения о прекращении дел по реабилитирующим основаниям принимали суды разных уровней и трибуналы, с 1989 года такие заключения принимают преимущественно прокуратуры. В дальнейшем по этим делам сотрудники одесского УКГБ, а затем УСБУ, составляли справки на репрессированных, которые мы использовали при составлении именных списков и информационно-аналитических таблиц, опубликованных в первых двух томах «Одесского мартиролога» и продолженных в третьем. Материалы этого фонда составили основу документального раздела второго тома, публикуются здесь и будут включены в следующие тома этой серии.

Но списки имен, выборочная статистика и тексты отдельных документов, даже приведенные во множестве, не могут представить фонд в целом. А сделать это необходимо, потому что архивно-следственные дела — это уникальный и ценнейший источник для изучения истории Одещины всех десятилетий существования советской власти. Благодаря сохранившимся в них документам можно:

- проследить судьбы десятков тысяч людей, представляющих все социальные группы, все национальности, все возрасты (история через биографии);
- восстановить события, которые происходили в нашем крае в 20–80-е годы прошлого века и долгие годы замалчивались (история как рассекречивание событий прошлого);
- узнать особенности массового сознания, свойственного гражданам СССР в разные периоды его существования и воздействие этого сознания на индивидуальное поведение человека (история с точки зрения социальной психологии и общественной морали);
- изучить, пусть на региональном уровне, особенности функционирования и эволюции механизма репрессий как воплощения советской тоталитарной системы (история как материал для осмысления социально-политических процессов и постановки общих социально-философских проблем).

Анализ документов архивно-следственных дел позволяет утверждать, что при всей сложности этих задач они выполнимы. И такие документы, хранящиеся во всех

областных управлениях СБУ и центральных киевских архивах, могут не только заполнить лакуны в советской историографии, но и послужить основой для дальнейших специальных изысканий.

Главная проблема заключается в том, что для широкого круга специалистов-исследователей материалы этого фонда (так же как и остальных фондов архивов СБУ — и центрального, и региональных) остаются пока недоступными. Поэтому задача нашей редколлегии, работающей с делами фонда «П», — представить их как можно более полно, точно и систематизированно. Этим обусловлена структура первых трех томов «Одесского мартиролога»:

- алфавитный список граждан, проходящих по архивно-следственным делам, продолжающийся в каждом томе по мере выявления новых данных (опубликовать его сразу целиком невозможно, поскольку руководство архива продолжает считать многие дела фонда «секретными», то есть не подлежащими исследованию, в том числе и ряд тех дел, по которым приняты заключения о реабилитации);

- информационно-аналитические таблицы, дополняемые в каждом следующем томе;

- хронологическое описание фонда, начатое в третьем томе — аннотированные описания следственных дел 1919 и начала 1920 года;

- тексты документов из архивно-следственных дел, публикуемые начиная со второго тома;

- научные статьи и документальные очерки, написанные преимущественно по материалам этого фонда.

В фонде «П» хранятся совершенно уникальные исторические материалы. Научного описания этих документов не существует из-за его закрытости; поэтому по итогам десяти лет работы одесской редколлегии с делами фонда «П» написана эта статья.

**Формирование фонда,
хронологические границы
дел, количественные
характеристики,
места хранения**

При всей безусловной значимости и объемности этого фонда следует сразу оговорить, что он не первичен и далеко не полон. Он является производным и выборочным, поскольку формировался не по мере завершения следствия и передачи дел в архив (что отражало бы процесс репрессий 20–80-х годов), а по мере пересмотра архивно-следственных дел и принятия решений об их прекращении и (или) о реабилитации. То есть этот фонд — лишь часть того массива следственных дел, которые велись советскими репрессивными органами и реально отражают процесс репрессий.

Базовым является так называемый «нулевой» (или основной) фонд архивно-следственных дел, остающийся секретным и недоступным для исследований и описания¹. Когда в 1954 году начался процесс реабилитации, дела из основного фонда стали пересматривать и в случае их прекращения и принятия решения о реабилитации переводить в новый фонд, обозначенный литерой «П».

Таким образом, фонд «П», содержащий дела 20–90-х годов и ныне продолжающий пополняться текущими прекращенными делами УСБУ 2000-х годов, начал фор-

¹ Название «нулевой» фонд получил в результате того, что все номера дел в нем начинаются с нуля.

мироваться лишь с 1954 года. Пересмотр дел основного фонда продолжается по сей день (хотя не систематически, а в исключительных случаях), то есть фонд «П» продолжает пополняться и архивно-следственными делами периода советской власти. Одна из проблем его описания заключается именно в том, что процесс его формирования до сих пор не завершен. Когда он будет сформирован окончательно и когда будет полностью передан на государственное хранение — сказать сложно.

Описей фонда нет и точно определить количество единиц хранения в нем пока невозможно. Согласно порядковой нумерации дел и журналам регистрации (в которые вносится номер дела, фамилия, имя и отчество подследственного или подследственных, проходящих по этому делу, годы рождения и примечания о движении дела) на декабрь 2005 года последний номер — № 29056-п.

Но это не означает, что на данный момент в фонде содержится 29056 единиц хранения. Значительная часть дел многотомны, к большинству дел прилагаются КНД (контрольно-наблюдательные дела), к некоторым — личное дело заключенного (тюремное или лагерное), в некоторых есть имущественные дела, которые заводили в 50–60-е годы, если реабилитированные или их родственники подавали заявление о выплате компенсации за конфискованное имущество¹. Если учесть все виды дел и многотомность некоторых из них — единиц хранения в фонде «П» значительно больше, чем то следует из порядковых номеров архивно-следственных дел.

Цифра 29056 неточна и по другим причинам:

- большое количество дел выслано из одесского архива в другие города и бывшие республики СССР (по месту рождения репрессированного);
- часть перенумерована в связи с объединением дел на одного репрессированного за разные годы в одно дело при сохранении за ним одного номера;
- некоторые дела возвращены в основной (нулевой) фонд;
- некоторые номера пропущены, так как за годы формирования фонда случались ошибки в порядковой нумерации.

Исходя из этого, реальных архивно-следственных дел, продолжающих находиться в фонде «П», меньше чем 29056.

Все эти факторы не позволяют определить точную цифру не только единиц хранения, но даже архивно-следственных дел. Приблизительное же их количество — 25–26 тысяч, ориентировочное число подследственных, проходящих по этим делам — около 36 тысяч человек. Так как фонд продолжает формироваться, количество входящих в него дел и суммарное количество фигурирующих в них людей могут меняться.

Отдельной проблемой является разъединение фонда. По существующей инструкции часть дел фонда «П» должна быть передана на госхранение. Это только те

¹ Эти дополнительные дела нынешнее руководство архива УСБУ считает «секретными» — их не выдают исследователям для описания. А в них может содержаться информация о местах заключения и лагерной судьбе репрессированного, дата и место его смерти, дата освобождения, данные о дальнейшей судьбе и т. д. По имущественным делам, с которыми нам приходилось работать в прошлые годы, видно, каким мытарствам и унижениям подвергались люди, попросившие компенсацию, и насколько она бывала мизерна по сравнению с изъятым имуществом; о возврате квартиры или дома речь не шла вообще. На вопрос, на каком основании все эти дела «засекречены», следует традиционный ответ «не положено» без обоснования и пояснений. Поэтому даже определить, прилагаются ли к данному конкретному следственному делу какие-либо дополнительные дела как самостоятельные единицы хранения и каково их количество, мы не можем.

дела, репрессивные решения по которым были приняты так называемыми тройками, двойкой и особым совещанием. Все остальные дела — направленные в суды и трибуналы, прекращенные следственными органами, без итогового решения и др. должны продолжать храниться в архивах СБУ, независимо от того, приняты по ним заключения о реабилитации или нет. Разъединение фонда — серьезная проблема как для его сохранности, так и для его описания и изучения.

Долгие годы эта инструкция в Одессе не выполнялась, но осенью 2005 года начался процесс подготовки дел к передаче в Государственный архив Одесской области. Комиссия по передаче дел создана не была, работу ведут только сотрудники УСБУ. Они самостоятельно выбирают дела, согласно своим ведомственным инструкциям изымают из них часть документов, удаляют КНД и некоторые другие вложения, продолжающие считаться «секретными», перенумеровывают листы дела и составляют новые описи.

16 декабря 2005 года подготовленная таким образом первая тысяча дел передана на госхранение в ГАОО. Это выборка из 5000 дел фонда «П». Остальные 4000 и часть документов, изъятых из переданных дел, продолжают храниться в УСБУ. Началась подготовка к передаче второй тысячи дел, предположительно это будет выборка из 5000–8000 номеров дел фонда «П». Теперь основная часть дел будет продолжать храниться в архиве УСБУ (Еврейская, 43), а часть дел — в помещении бывшего партийного архива (Пироговская, 29).

Но о полной передаче фонда «П» в Государственный архив Одесской области пока речь не идет в принципе.

Фондообразователи и состав дел

Абсолютное большинство дел, содержащихся в этом фонде, возбуждали и вели следственные органы одесского областного (ранее — губернского, окружного) управления (отдела) НКВД, МГБ, МВД, КГБ (ранее — ЧК и ГПУ) и их районные (уездные) отделения (подотделы). В том числе — районов, которые позднее вошли в состав Николаевской области (образованной 22 сентября 1937 года), Кировоградской области (образованной 10 января 1939 года) и Херсонской области (образованной 30 марта 1944 года). Значительная часть дел 30-х годов возбуждена УГБ НКВД Молдавской АССР и его районными отделениями (с 1924 по август 1940 года часть территории Бессарабии, переименованная в МАССР, входила в состав УССР, и значительное количество следственных дел этого периода продолжают храниться в одесском архиве). Некоторая часть дел 40–50-х годов — производства УНКВД по Измаильской области и его районных отделений (с 1940 по 1954 годы Измаильская область существовала как самостоятельная, затем была включена в состав Одесской области и дела соответственно переданы на хранение в УМГБ — УКГБ по Одесской области).

Но часть дел этого фонда — не одесского производства (в широком историческом понимании этого определения). В 50–60-е годы действовал ведомственный приказ по МГБ — КГБ о пересылке дел по месту рождения репрессированных. Поэтому в фонде «П» встречаются дела на уроженцев Одесщины, присланные в те годы из областных управлений КГБ Украины и других союзных республик.

Дела на военнослужащих возбуждали особые отделы соответствующих воинских подразделений, входивших в состав различных армий, фронтов (в военные годы), военных округов. Те дела, что были переданы в Одесское областное управление

МГБ — КГБ, после их прекращения по реабилитирующим основаниям (как правило, военными трибуналами или военными прокуратурами) также вошли в фонд «П».

Часть дел 1940–1941 годов на людей, арестованных в нашем регионе (в том числе в Бессарабии), в начале войны этапированных на Урал и в Сибирь и умерших там в лагерях еще до окончания следствия, в 50-е годы также поступила в этот фонд из архивов соответствующих областных (краевых, республиканских) управлений МГБ — КГБ.

В 60-е годы Одесское управление КГБ также выполняло приказ центральных органов и частично разослало дела, ведшиеся в Одессе, в архивы других управлений КГБ в соответствии с местом рождения подследственного. Но сделано это было весьма избирательно. Предварительный анализ фонда «П» показывает, что в нем продолжает храниться значительная часть дел на уроженцев самых различных регионов СССР и других стран, проживавших и репрессированных в Одессе и Одесской области (см. таблицу «Место рождения репрессированных», стр. 91). Опыт общения с коллегами из других регионов, ведущими аналогичную работу, свидетельствует, что и в архивах других управлений бывшего КГБ продолжает храниться немалое количество дел на уроженцев Одесщины. И получить эти данные, а может быть, и дела, возможно только при наличии общей международной программы по истории репрессий.

Дела, входящие в фонд «П», очень разнообразны и могут характеризоваться по разным параметрам. Например:

- Время возбуждения дела, срок его ведения, дата закрытия, дата принятия репрессивного решения. Временной диапазон очень различен: от одного-двух дней до нескольких лет.

- Место возбуждения, ведения и закрытия дела, место принятия репрессивного решения. Административно-территориальный диапазон также очень широк: от единого места (Одесса), одной области (село — районный центр — Одесса) до этапирования заключенного по разным регионам Союза и заочного принятия репрессивного решения.

- Количество людей, привлекавшихся по делу в ходе следствия и фигурирующих в архивно-следственном деле. Одиночные и групповые дела (от 2–3 человек до 100 и более). Количество человек в следственном деле и архивном деле может отличаться: большое групповое дело при передаче в архив могли оформить как серию одиночных дел и небольших групповых, а ряд одиночных следственных дел, ведшихся параллельно в отношении нескольких обвиняемых, в дальнейшем могли объединить под одной обложкой и передать в архив как групповое дело.

- Дела по одному аресту или дела, в которых под одним номером объединены два или более дел, возбужденных в разные годы против одного или нескольких человек.

- Состав и качество документов. В разные периоды советской власти нормативный перечень документов в следственном деле менялся. Но степень соответствия или несоответствия этой норме очень различная, многие документы могли вообще не оформлять или оформлять с грубыми нарушениями.

- Дела, завершившиеся репрессивным решением, принятым судебными или внесудебными органами: судами и трибуналами разных уровней или тройками, двойкой, особым совещанием, коллегиями и т. п.

- Наличие и тип документа о реабилитации. Заключение прокуратуры на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР 1989 года или Закона Украины 1991 года о реабилитации, в предыдущие годы — определение или постановление судебных органов различных инстанций о прекращении дела по реабилитирующим

основаниям или отсутствие этих документов в делах, прекращенных самими следственными органами.

- Объем дела: однотоминое дело (от двух-трех листов до нескольких сот страниц) или многотоминое дело (от двух до десяти и более томов).
- Аутентичность дела — или ее нарушение в результате изъятия документов сотрудниками УКГБ — УСБУ.

Последняя характеристика является одной из наиболее существенных и актуальных. Дело в том, что сотрудники архива до сих пор воспринимают документы по истории репрессий не как уникальный и ценнейший исторический источник, а как свою ведомственную собственность и, ссылаясь на ведомственные инструкции (естественно, «секретные»), продолжают изымать из дел документы. По их словам, вынутые документы подшиваются в контрольно-наблюдательные дела, хотя на сегодняшний день ни к контролю, ни к наблюдению за ведением следствия эти документы никакого отношения уже не имеют. Как правило, это доносы, агентурные заметки, рапорты и донесения сексотов (секретных сотрудников), меморандумы с агентурными материалами, а также личные документы репрессированных (паспорт, военный билет, удостоверения и т. д.).

Допускаем, что в инструкциях советского периода указания подобного рода были. Косвенным подтверждением тому является, например, так называемая справка-заместитель от 17 марта 1960 года, подшитая к делу № 11656-п. Приводим ее текст полностью: «Согласно директивы КГБ при СМ СССР за № 40 сс от 17 марта 1958 года мною изъяты из архивно-уголовного дела № 018218 в отношении Подгорецкого Владимира Ивановича листы за номерами один и два как документ неследственного характера и направлен в учетно-архивное отделение УКГБ при СМ УССР по Одесской области для приобщения его к контрольно-наблюдательному делу Подгорецкого Владимира Ивановича. Старший следователь следственного отдела УКГБ при СМ УССР по Одесской области капитан Рожко».

По архивным правилам в случае отсутствия в деле каких-либо документов справки-заместители, объясняющие причины этого, должны быть обязательно. В архивно-следственных делах фонда «П» этого нет, приведенная выше справка — единственная встреченная нами более чем за десять лет работы с документами этого фонда. В последнее время мы добились того, чтобы сотрудник архива, изымающий документы, хотя бы указывал на обложке дела номера вынутых листов или ставил в описи возле номеров этих листов пометку, что они изъяты. Но это паллиативное решение коснулось максимум сотни дел, а в скольких тысячах вообще не указано, где находятся изъятые документы? В большинстве дел этого фонда листы перенумерованы по два, три, а то и более раз. И где находятся документы, вынутые перед очередной перенумерацией, неизвестно. Особенно печально то, что этот вандализм продолжается на четырнадцатом году существования государственности Украины. Закономерно возникает вопрос: тайны какого государства продолжает хранить Служба безопасности Украины? Причем заведомо преступные тайны.

Если в прошлые годы сотрудники советской гэбэ (во всех исторических модификациях) репрессировали миллионы людей и хранили эту информацию под грифами «совершенно секретно», то сегодня сотрудники СБУ, «секретя» отдельные документы, дела и целые архивные фонды, **репрессируют историю**. Сохранение грифов секрет-

ности на документах о преступлениях советского режима препятствует научному изучению и анализу прошлого и продлевает репрессии в отношении миллионов советских граждан, поскольку исследователи лишены возможности максимально точно и полно описать и проанализировать события тех десятилетий.

Поэтому проблема **полной сохранности** документов по истории репрессий является столь же важной и актуальной, как и проблема передачи всех этих документов на государственное хранение и **открытие их для научного изучения**.

Способы описания фонда Как было сказано выше, реально в одесском фонде «П» приблизительно 25–26 тысяч дел. Эта цифра не самая большая для подобных фондов, но весьма солидная. В связи с этим возникает вопрос: как описывать такой фонд?

Порядковый

Традиционные правила требуют порядкового описания — последовательной аннотации всех дел от первого до последнего (когда фонд будет окончательно сформирован). Так, например, был описан фонд Одесского губернского ревтрибунала во втором томе «Мартиролога». Но, учитывая объем фонда «П», — это было бы многотомное и многолетнее издание (причем с неизбежными лакунами, так как часть дел пока не выдается), дающее пусть подробное, но весьма затрудненное для восприятия общее представление о фонде. Напомним, он формируется с 1954 года по настоящее время из тех дел нулевого фонда, которые поэтапно пересматривались судами и прокуратурами различных уровней или прекращались самими следственными органами за недоказанность обвинения или смертью подсудимого, из прекращенных архивно-следственных дел, присланных из других регионов, а также из следственных дел УСБУ в Одесской области, прекращенных в 90-х — 2000-х годах. Поэтому последовательность дел в фонде «П» совершенно произвольная. Так, дело № 1 на И. Л. Файнгерша было возбуждено в 1937 году, а реабилитирован он в 1954-м. Аналогично дело № 3 на И. Д. Устименко. Далее — несколько дел начала и конца 40-х годов, по которым решение о реабилитации также принято в 1954 году. Затем идет группа дел, присланных в 50-е годы из Ивдельлага НКВД на людей, этапированных после начала войны летом 1941 года в Свердловскую область и умерших там в ходе следствия в конце 1941–1942-го еще до решений особого совещания при НКВД по их делам. Эти дела, как прекращенные в связи со смертью обвиняемого, были переведены в фонд «П» в самом начале его формирования; а затем, после принятия Закона Украины «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года, их представили в прокуратуру и заключение о реабилитации было оформлено в мае — июле 1992 года.

Для примера представим первые пятьдесят дел фонда «П» в виде таблицы.

№ дела	Фамилия, имя, отчество	Дата ареста или данные о движении дела	Статья (статьи)	Дата решения	Решение по делу	Дата реабилитации
1-п	Файнгерш Илья Лазаревич	31.12.1937	54-8, 54-11 УКУССР	21.06.1938	8 лет ИТЛ	10.04.1954
2-п	Давидов Дмитрий Иванович	дело перенумеровано, хранится под № 10645-п				

№ дела	Фамилия, имя, отчество	Дата ареста или данные о движении дела	Статья (статьи)	Дата решения	Решение по делу	Дата реабилитации
3-п	Устименко Илья Денисович	29.10.1937	54-1 п. «а», 54-6 УК УССР	16.12.1937	10 лет ИТЛ	8.05.1954
4-п	Шелест-Малых Георгий Иванович	дело выслано в УКГБ по Архангельской области				
5-п	Бениамович Яков Борисович	13.06.1941	нет	21.03.1942	10 лет ИТЛ	28.06.1954
6-п	Быков Георгий Антонович	дело выслано в УКГБ по Мурманской области				
7-п	Деркач Петр Моисеевич	дела по второму аресту в 1951 и по первому аресту в 1937 объединены, хранятся под № 11831-п				
8-п	Калиниченко Филипп Дмитриевич	16.04.1949	54-10 ч. 1 УК УССР	31.08.1949	ссылка на поселение в Красноярский край	19.05.1954
9-п	Дьячишина Галина Григорьевна	23.07.1945	54-1 п. «а» УК УССР	10.06.1946	11 мес. ЛС (зачет фактически отбытого наказания)	07.07.1992
10-п	Онищенко-Онеску Максим Григорьевич	17.02.1949	54-1 п. «а», 54-10 ч. 2, 54-11 УК УССР	13.06.1949	25 лет ИТЛ, 5 лет ПП, КИ	14.09.1954
11-п	Степанов Василий Федорович	10.02.1946	54-10 ч. 2 УК УССР	28.06.1946	10 лет ИТЛ, 5 лет ПП, КИ	14.09.1954
12-п	Гончаренко Нина Васильевна	04.08.1948	54-1 п. «а», 180 УК УССР	18.11.1948	25 лет ИТЛ, 5 лет ПП	07.09.1954
13-п	Потапов Павел Александрович	29.04.1945	54-1 п. «а», 54-10 УК УССР	28.05.1945	освободить	—
14-п	Засядьвовк Иван Васильевич	дело выслано в УКГБ по Кировоградской области				
15-п	Лопатюк Василий Григорьевич	23.04.1944	54-1 п. «а» УК УССР	06.10.1944	15 лет ИТЛ, 5 лет ПП, КИ	14.09.1954
16-п	Васильковский Павел Митрофанович	27.10.1944	54-3, 54-10 ч. 2 УК УССР	26.02.1945	10 лет ИТЛ, 3 года ПП, КИ	30.09.1954
17-п	Карнаух Григорий Максимович	22.04.1949	54-10 ч. 1, 54-11 УК УССР	24.09.1949	ссылка на поселение в Северо-Казахстанскую область	07.07.1992

№ дела	Фамилия, имя, отчество	Дата ареста или данные о движении дела	Статья (статьи)	Дата решения	Решение по делу	Дата реабилитации
18-п	Имас Александр Маркович	31.03.1938	54-1 п. «б», 54-9, 54-11 УКУССР	02.07.1939	освободить	—
	Краснодембский Евгений Андреевич	11.05.1938	54-1 п. «б», 54-9, 54-11 УКУССР	01.06.1939	освободить	—
	Левичев Степан Михайлович	16.03.1938	54-1 п. «б», 54-9, 54-11 УКУССР	01.06.1939	освободить	—
	Монбланов Владимир Викторович	22.06.1938	54-1 п. «б», 54-9, 54-11 УКУССР	01.06.1939	освободить	—
	Петров Сергей Дмитриевич	28.07.1938	54-1 п. «б», 54-9, 54-11 УКУССР	01.06.1939	освободить	—
	Рабинович Даниил Израилевич	23.06.1938	54-1 п. «б», 54-9, 54-11 УКУССР	01.06.1939	освободить	—
	Циммер Николай Иванович	14.07.1938	54-1 п. «б», 54-9, 54-11 УКУССР	01.06.1939	освободить	—
	Якир Генрих Миронович	22.06.1938	54-1 п. «б», 54-9, 54-11 УКУССР	01.06.1939	освободить	—
19-п	Иванов Александр Михайлович	не арестовывался	58-1 п. «б» УК РСФСР	02.10.1942	дело прекратить, пропал без вести	
20-п	Рашковецкий Шмиль Тобясович	09.06.1942	58-10 ч. 2 УК РСФСР	25.07.1942	10 лет ИТЛ, 5 лет ПП	10.02.1993
21-п	Речич Николай Нестерович	22.11.1941	58-1 п. «б» УК РСФСР	05.01.1942	освободить	—
22-п	Федорук-Нечитайло Пелагея Ивановна	дело выслано в УКГБ по Николаевской области				
23-п	Логинов Касьян Константинович	18.01.1946	58-1 п. «а» УК РСФСР	08.05.1946	10 лет ИТЛ, 5 лет ПП	22.10.1954
24-п	Рекачинский Григорий Андреевич	24.12.1941	54-10 ч. 2 УКУССР	05.02.1942	10 лет ИТЛ, 5 лет ПП	23.02.1993
25-п	Гринчук Анатолий Васильевич	17.11.1941	58-10 ч. 2 УК РСФСР	24.02.1942	освободить	—
26-п	Ребрий Леонид Эммануилович	11.04.1942	58-1 п. «б» УК РСФСР	11.05.1942	освободить	—
27-п	Сандуленко Степан Данилович	17.10.1944	193-9 п. «а», 193-28 УК РСФСР	04.04.1945	дело передать на доследование	—

№ дела	Фамилия, имя, отчество	Дата ареста или данные о движении дела	Статья (статьи)	Дата решения	Решение по делу	Дата реабилитации
28-п	Бойченко Давид Адамович	10.06.1941	58-13 УК РСФСР	10.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	07.07.1992
29-п	Зильберман Ихель Яковлевич	11.06.1941	58-13 УК РСФСР	04.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	07.07.1992
30-п	Вайсбекер Константин Петрович	10.06.1941	58-13 УК РСФСР	10.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	07.07.1992
31-п	Гелос Илья Пантелеевич	11.06.1941	58-13 УК РСФСР	10.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	07.07.1992
32-п	Дубина Василий Иванович	12.06.1941	58-13 УК РСФСР	10.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	07.07.1992
33-п	Гузенко Никон Федорович	11.06.1941	58-13 УК РСФСР	04.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	07.07.1992
34-п	Гацкий Иван Иванович	13.06.1941	58-13 УК РСФСР	07.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	07.07.1992
35-п	Бауэр Афанасий Константинович	28.06.1941	58-13 УК РСФСР	07.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	23.07.1992
36-п	Гаврилович Евгений Иванович	13.06.1941	58-13 УК РСФСР	04.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	20.07.1960
37-п	Резвый Ефим Севастьянович	13.06.1941	58-13 УК РСФСР	14.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	07.05.1992
38-п	Иванов Иван Иванович	11.06.1941	58-13 УК РСФСР	04.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	11.05.1992
39-п	Баскаков Никифор Устимович	13.06.1941	58-13 УК РСФСР	14.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	11.05.1992
40-п	Даниленко Семен Кузьмич	13.06.1941	58-13 УК РСФСР	14.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	07.05.1992
41-п	Деев Иван Петрович	13.06.1941	58-13 УК РСФСР	14.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	22.07.1991
42-п	Георгица Андрей Васильевич	11.06.1941	58-13 УК РСФСР	14.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	19.01.1990

№ дела	Фамилия, имя, отчество	Дата ареста или данные о движении дела	Статья (статьи)	Дата решения	Решение по делу	Дата реабилитации
43-п	Михайлов Илья Павлович	13.06.1941	58-13 УК РСФСР	24.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	11.05.1992
44-п	Ведута Андрей Ипатьевич	13.06.1941	58-13 УК РСФСР	12.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	20.02.1960
45-п	Авакумов Леонид Яковлевич	12.06.1941	58-13 УК РСФСР	12.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	07.05.1992
46-п	Кушниренко Иван Дмитриевич	11.06.1941	58-13 УК РСФСР	25.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	07.05.1992
47-п	Гладкий Яков Савельевич	10.06.1941	58-13 УК РСФСР	12.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	07.05.1992
48-п	Куликовский Владимир Иванович	10.06.1941	58-13 УК РСФСР	14.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	22.04.1991
49-п	Клитка Даниил Николаевич	13.06.1941	58-13 УК РСФСР	14.03.1942	дело прекратить в связи со смертью	11.05.1992
50-п	Колесниченко Петр Калинович	дело выслано в УМВД Одесской области				

Примечания.

ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь, ЛС — лишение свободы, ПП — поражение в политических правах, КИ — конфискация имущества.

Литера «п» после порядкового номера обозначает принадлежность этого дела к фонду прекращенных дел.

И так далее — до дела № 29056-п.

Эти же годы репрессий, эти же статьи обвинения, эти же решения по делу будут встречаться в последующих сотнях и тысячах дел. Периодически будут повторяться фамилии, если в фонде «П» окажется несколько дел на одного и того же человека (по предыдущему или последующему аресту). Причем дело, возбужденное в отношении этого человека в 1938 году, может фигурировать под номером, например, 2060-п, а его же дело 1928 года — под номером 15000-п. Разнесенными на сотни и тысячи номеров могут оказаться дела не только на одного человека, но и на членов одной семьи, даже если они были арестованы одновременно и вначале проходили по одному делу. Это опять-таки связано с процессом реабилитации: одного реабилитировали, например, в 1956 году, а других — позже.

Публикация последовательной описи была бы очень полезным архивным делом, но процесс анализа и обобщения имеющихся документальных материалов пришлось бы отложить на десятилетия. Поскольку начинать анализ фонда, готовить выборки

Проблематично при выборе алфавитного принципа описание групповых дел, так как люди, проходившие по одному и тому же делу, оказываются разнесенными по разным буквам алфавита, попадают в разные тома, и описание группового дела, пересекающихся причин ареста, хода следствия, соотношения приговоров и т. д. в аннотацию не попадают. Можно после каждой персональной справки указывать всех, кто проходит по этому же делу; но если их несколько десятков или более сотни, то это очень усложнит и загромодит издание, а информация по делу в целом так и не объединится.

Еще одна проблема — описание разных категорий репрессированных. Если составить описание всех дел одного фонда по алфавитному принципу, то полного алфавитного списка репрессированных все равно не получится. Не получится даже полного алфавита по одной категории — например, подследственных, чьи судьбы представлены в фонде архивно-следственных прекращенных дел. Фонд не содержит данных обо **всех** подследственных нашего региона, он фрагментарен, выборочен — и, соответственно, алфавитный перечень будет фрагментарным и выборочным.

Если же ставить задачу составления полного списка репрессированных по всем категориям и по всем имеющимся фондам, то алфавитное описание одного фонда тем более ничего не даст.

Проанализировав все эти причины, мы отказались от использования алфавитного принципа при описании фонда «П» в серии «Одесский мартиролог».

Административно-территориальный

Следующий принцип распределения материала — административно-территориальный в сочетании с алфавитным. Так по республикам, краям, областям, городам и районам издавались военные Книги памяти. По этому же принципу в некоторых регионах издаются Книги памяти репрессированных. Это наиболее удобный вариант для представления данных по регионам; это издания, в которых наиболее заинтересованы местные музеи, библиотеки, краеведческие общества.

Безусловно, собрать и представить данные о репрессированных каждого села, поселка, города, района и т. д., увековечить их память на их малой родине, где, возможно, живут их родственники, внуки и правнуки, чрезвычайно важно. В качестве краеведческой задачи — сбор документов, воспоминаний, писем, лагерных и поселенческих предметов быта и т. д. — это первостепенно и актуально, ведь с годами уходят из жизни и сами репрессированные, и документы о репрессиях. Но в качестве исследовательской архивной задачи, полагаем, преждевременно. Сначала следует собрать, описать и изучить все источники, согласовать принципы подхода к административно-территориальному делению, составить соответствующие информативно-аналитические таблицы, а затем уже формировать алфавитные списки репрессированных по каждому населенному пункту.

Проводить же описание одного из многих архивных фондов по административно-территориальному принципу достаточно сложно, и результат может оказаться весьма спорным.

Например, мы изучаем репрессии на Одессине. Но границы и административное деление Одесской области (как и других областей, краев, автономий) за годы советской власти многократно менялись. Есть точка зрения, что учитывать нужно только современное территориальное деление и использовать современные географи-

ческие названия. Читателю так действительно удобнее, но в плане историческом и документальном будут допущены серьезные ошибки.

Далее. В состав нашей области в разные периоды входили территории, которые сейчас входят в состав Николаевской, Кировоградской, Винницкой, Херсонской областей и Молдовы. И многие документы о репрессированных, родившихся, живших и работавших на этих территориях, продолжают храниться в одесских архивах, в том числе в фонде «П». Как быть с ними? Не описывать? Абсурд. Тогда они останутся вообще не описаны, так как наши коллеги из иных регионов могут лишь предполагать их наличие. Описывать, но выделять в отдельные разделы: территории нынешней Николаевщины, Кировоградщины и так далее? Тоже как-то странно: основной массив информации — в их изданиях, а у нас и где-либо еще — отдельные разделы. Как же собрать их воедино? И кто и когда это будет делать?

А как быть с репрессированными, которые родились или жили в других городах, районах, областях, республиках Российской империи и СССР или в других странах? Опять разделы? Но тогда их будет очень много и они будут несоизмеримы.

Еще вопросы. Как быть с населенными пунктами, которые перестали существовать? Использовать их старые названия и сочетать с нынешними названиями районов Одесской области? Противоречивое сочетание. Как быть с селами и поселками, ранее входившими в состав одних районов, а сейчас — других или переименованных? Использовать только современные названия? Они будут не только неточны, но войдут в противоречие с названиями районных отделений ГПУ и НКВД (не говоря уж об уездных подотделах ЧК), совершавших репрессии, и, возможно, с названием места работы репрессированного. А как быть с местом жительства? Указывать современное название, вообще не существовавшее на момент репрессии?

Итак, модернизация названий и административно-территориального деления удобна для читателей — жителей этих мест, но нарушает историческую и документальную точность описания. Поэтому при научном описании источников такой подход недостаточно корректен.

Есть другая точка зрения. Так как вопрос учета изменений в административно-территориальном делении СССР сложен, а переименования населенных пунктов были многократными, то надо издавать данные о репрессированных с указанием тех названий места рождения, места жительства и работы, места отбытия наказания и места смерти, которые зафиксированы в документах (деле, карточке, списке и т. д.). Это и проще, и соответствует документу.

Для первичных записей из источника и первичной базы данных это обязательное требование — точное воспроизведение указанного географического названия. Но для книжного, отредактированного издания это уже спорный подход. Дело в том, что в документах географические названия и их административная принадлежность записывались крайне произвольно и с большим количеством ошибок. Стоит ли воспроизводить эти ошибки в книге? И как тогда быть с распределением информации в соответствии с административно-территориальным принципом, если в источниках перемешаны названия, существовавшие в разные исторические периоды? О единообразии же записей в таком случае вообще говорить не приходится.

Наиболее правильным, с нашей точки зрения, является принцип исторической топонимики, то есть использования наименования, соответствующего конкретной

исторической дате. Так, например, человек, родившийся в 1900 году, не может быть уроженцем Одесской области или Молдавской АССР, а является уроженцем Херсонской, Подольской или Бессарабской губернии. Название места жительства должно соответствовать дате ареста. Название места отбытия наказания — периоду, когда заключенный там находился. Название места смерти — ее дате. Но при соблюдении принципа исторической топонимики бессмысленно описывать фонд по административно-территориальному критерию, так как структура получится не постоянная, а изменчивая.

Есть еще один немаловажный момент, мешающий принять составление описаний по административно-территориальному принципу. Кого выбирать? Только уроженцев? Или и уроженцев, и жителей? Или тех и других плюс работавших в этом населенном пункте и там арестованных, но постоянно проживавших в другом месте? Если первый вариант, то как объяснить, что люди, жившие и арестованные (или «раскулаченные», или «лишенцы» и т. д.) в этом месте, не будут указаны как репрессированные этого села, города, района и т. д.? А если второй или третий вариант — то, значит, многих нужно указывать дважды, а некоторых — трижды. Например, уроженец Ананьевского уезда, житель Беляевского района, работал и был арестован в Одессе.

Таким образом, ни порядковое, ни алфавитное, ни административно-территориальное описание фонда не сможет дать общее представление о нем и соответствовать научным критериям исторического исследования.

Хронологический

Наша главная задача — изучение истории репрессий на Одесщине в контексте общей истории репрессий, совершавшихся при советской власти. Поэтому мы выбрали хронологический принцип описания фонда, позволяющий проследить динамику репрессий, закономерности пиков и временных спадов этого процесса. Он также дает возможность проанализировать типовые для каждого исторического периода причины арестов, формулировки обвинения и способы их фальсификации, фиктивность проведенного следствия и несоответствие проступка или идеологически «неправильных» высказываний (если они были) и тяжести принятого репрессивного решения. Наконец, хронологический принцип описания позволяет начать анализ фонда, не откладывая эту работу до того неопределенного времени, когда описание фонда будет завершено.

Так, уже первый этап работы (описание дел 1919 и 1920 годов) выявил одну из важных особенностей этого фонда (а возможно, и других фондов архивно-следственных дел). Ряд одиночных и небольших групповых дел сформированы искусственно. В действительности они являются частью больших групповых следственных дел, по которым могли проходить многие десятки и даже более сотни человек. Разделение же на отдельные дела произошло после принятия в отношении всех этих людей окончательного репрессивного решения при передаче дела в архив. Объяснить причины этого явления пока мы не можем. Дел в отношении многих из этих людей, привлекавшихся по большим групповым следственным делам, в фонде «П» нет; возможно, они не сохранились, возможно, продолжают храниться в недоступном для нас основном фонде или в других фондах. Не знаем. Но это еще раз свидетельствует о неполноте, избирательности и вторичности фонда «П».

Предварительный общий обзор фонда позволяет сделать некоторые наблюдения относительно характера описываемого источника. Практически все архивно-следственные дела содержат информацию о репрессиях, многие — о самых жестоких их видах (расстрелах, длительных сроках заключения, смерти в тюрьме или лагере). В некоторых достаточно полно раскрывается механизм совершения репрессий. Особое значение этого фонда состоит также в том, что в каждом деле представлены реальные человеческие судьбы и можно со значительной степенью вероятности проследить не только фактическую, но и психологическую сторону совершившихся трагедий. Наконец, в этих делах четко предстают нравы и обычаи, культурные ценностные ориентиры разных периодов советской истории.

Дела начала 20-х годов, как правило, произвольно оформлены, состоят из малограмотно заполненных документов, но в них еще слышна живая речь и почти отсутствуют протокольные штампы. В делах этих лет часто встречаются показания свидетелей в пользу обвиняемого. В крестьянских делах это так называемые приговоры сельских сходов с многочисленными подписями в поддержку и оправдание арестованного односельчанина. В городских делах это подписные листы, характеристики, просьбы отпустить на поруки, подписанные сослуживцами или соседями по дому и подтверждающие лояльность арестованного к советской власти.

К концу 20-х и на протяжении 30-х годов делопроизводство в системе ГПУ — НКВД значительно совершенствуется. Дела оформляются по заданной структуре, в них преобладают стандартные бланки и типовые документы, уровень грамотности городских следователей несколько повышается, хотя в районных отделениях, как правило, остается весьма низким. Но более всего обращает на себя внимание стиль и содержание протоколов допросов и постановлений. В абсолютном большинстве случаев они клишированы: стандартные вопросы — стандартные ответы, универсальные штампы, живая речь встречается лишь в исключительных случаях, даже если это собственноручно написанные показания обвиняемого (возможно, и продиктованные следователем). Как правило, столь же однообразны показания свидетелей. Они написаны как бы под копирку, меняются только фамилия и анкетные данные допрашиваемого. Особенно это свойственно массовым делам конца 30-х годов, когда «следствие» могло совершиться в течение двух-трех, а порой и одного дня.

В 60–90-е годы сотрудники прокуратуры, пересматривая эти дела, констатировали явную фальсификацию многих протоколов допросов как обвиняемых, так и свидетелей. В этих делах уже практически отсутствуют свидетельские показания в защиту арестованного. Причины тому различны. С одной стороны, следователю, заранее ориентированному на виновность подследственного, такие показания не нужны, и он их просто не протоколирует (об этом давали показания сами сотрудники НКВД, привлеченные к ответственности в 1939–1940-х годах за «нарушение социалистической законности»). Если же свидетель сообщает об обвиняемом больше хорошего, чем плохого, то такой протокол допроса при составлении обвинительного заключения просто не упоминается, как будто его и не было.

Но главная причина отсутствия таких (назовем их защитными) показаний и характеристик в том, что существенно изменилась нравственно-психологическая атмосфера общества. Насаждение «образа врага», поощрение доношительства, стукачества как нормы поведения, как обязанности бдительного советского гражданина

значительно изменили нравы и поведение людей. Более того, эта «норма» была закреплена и в Уголовном кодексе: по статье 54-8 УК УССР была репрессирована масса так называемых ЧСИР (членов семей изменников родины) за то, что они — жены, мужья, дети, родители, братья, сестры — не донесли на своих близких.

Дела первой половины 40-х годов в фонде «П» представлены двумя типами. Первый — это дела на арестованных накануне или в самом начале войны и затем этапированных вглубь советской территории. Среди них большинство — жители Бессарабии, присоединенной к СССР в 1940 году, и советские немцы, якобы заподозренные в шпионаже. Начальных следственных документов в этих делах, как правило, нет: арестованных вывозили подальше от фронта, а дела на них либо терялись, либо уничтожались при отступлении, либо их вообще не успевали заводить. Поэтому все следственные документы оформлялись уже в лагере, в том числе и постановление о задержании и содержании под стражей (хотя человек был арестован несколько месяцев назад), и анкета арестованного. Никаких обвинительных материалов в таких делах нет, даже сфальсифицированных, зачастую следователь в лагере спрашивал у подследственного, за что того арестовали, и это зафиксировано в протоколе его допроса. Но отсутствие доказательств виновности заключенного компенсируется показаниями лагерной агенты или других заключенных, ранее его знавших (односельчан, сослуживцев, родственников, оказавшихся в том же лагере), о его «антисоветских настроениях».

Второй тип дел — фронтовые, заведенные армейскими особыми отделами. Они также лишены каких-либо — хотя бы фиктивных — доказательств и основываются только на доносах и показаниях политруков и «бдительных» однополчан о «пораженческих настроениях» обвиняемого. Если такие дела заводили на пропавших без вести, то часто их обвиняли в «измене Родине» и заочно приговаривали к расстрелу.

И лагерные, и фронтовые дела очень лаконичны и однотипны, часто состоят из нескольких документов и практически все демонстрируют, что не только для следователя, но и для свидетелей обвиняемый однозначно виновен.

Послевоенные дела, и в особенности немногочисленные в фонде «П» дела послевоенного периода, внешне значительно отличаются от всех предыдущих. Они сверхтщательно оформлены, в них соблюдены все процедурные формальности, собраны все необходимые типы документов — всевозможные постановления, протоколы допросов обвиняемого, свидетелей и очных ставок между ними; отдельными томами к делу приложены «вещественные доказательства» (например, религиозная или диссидентская литература, периодика, личные дневники и письма и т. п.). Но несмотря на эту, казалось бы, выдержанную норму ведения следствия, эти дела отличаются от предшествующих более по форме, чем по сути. Для всех участников процесса однозначна и естественна презумпция виновности. Сам факт ареста уже свидетельствует о неблагонадежности, «антисоветчине», якобы свойственной этому человеку, и допрашиваемые (с помощью наводящих вопросов следователя, а порой и самостоятельно) стараются вспомнить (или придумать) как можно больше плохого или хотя бы сомнительного об этом человеке. В делах этих десятилетий так же, как и в предшествующих, в основном отсутствуют оперативные материалы: агентурные данные, меморандумы, составленные из доношений сексотов, анонимные или подписанные доносы и т. п.; но атмосфера доносительства, наушничества, стукачества уже окончательно становится господствующей. Основным же объектом преследования и подавления как прежде,

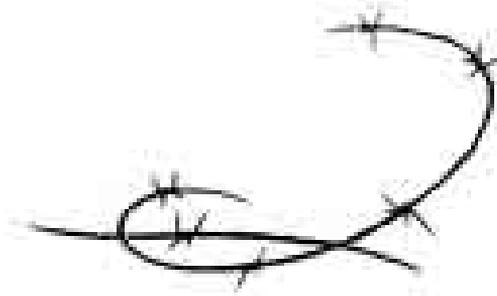
так и в последние десятилетия советской истории являются мысли, убеждения и высказывания, действительные либо придуманные следственными органами.

Это самые беглые и начальные наблюдения по фонду «П». Подробная же картина развития репрессий, отраженная в документах этого фонда, надеемся, будет формироваться по мере хронологической публикации аннотированных описаний следственных дел в подразделе 1.3. Начатый в этом томе с дел 1919–1920 годов, он будет последовательно продолжаться и представлять дела последующих лет в новых томах серии.

Остальные же части первого раздела «Репрессии: категория подследственных», составленного по документам дел фонда «П» УСБУ в Одесской области, знакомы читателям «Одесского мартиролога». В первом подразделе представлено продолжение списка имен подследственных. Во втором — дополненные информационно-аналитические таблицы. И в четвертом — тексты документов из архивно-следственных дел.

В конце раздела дан общий список аббревиатур и сокращений, наиболее часто встречающихся в представленных документах архивно-следственных дел.

Л. В. КОВАЛЬЧУК,
руководитель программы «Одесский мартиролог»

1.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел

(начало)

В 1918–1919 годах власть в Одессе сменялась постоянно. Известно, что репрессии осуществлялись белогвардейцами, немецкими войсками, Антантой, армиями гетмана Скоропадского, Петлюры и т. д. Этот аспект истории репрессий в советской историографии отражен. Тема же красного террора, массовых репрессий, организованных советской властью, значительно менее изучена. Поэтому именно она является главной в «Мартирологе». Конкретно в данном, третьем, подразделе книги документально представлены преступления, совершавшиеся при установлении советской власти на Одещине: временном в 1918 и 1919 годах и окончательном с февраля 1920 года.

С большой степенью вероятности можно констатировать, что документов 1918 года в фонде «П» нет. Сохранились ли они в других фондах архива УСБУ, нашей редколлегии установить пока не удалось, информация продолжает оставаться «секретной».

Несколько месяцев советской власти в 1919 году представлены в фонде «П» немногочисленными делами, заведенными в основном особым отделом III Украинской Советской Красной армии и направленными в военно-революционный трибунал; приговоры трибунала и заключения прокуратуры о реабилитации в них отсутствуют. Дел Одесской ЧК в этом фонде нет. Сохранились ли они, и если да, то где находятся, неизвестно.

Таким образом, первые этапы красного террора, массовые репрессии, осуществлявшиеся Одесской ЧК в 1918 и 1919 годах, в фонде «П» не представлены. Это еще раз свидетельствует о его неполноте и недостаточной репрезентативности для изучения истории репрессий.

1920 год — первый задокументированный пик советского террора на Одещине, но дела фонда «П» представляют лишь его незначительную часть. Несравнимо более полные списки репрессированных содержатся в протоколах заседаний коллегии Одесской губернской чрезвычайной комиссии (ОГЧК). Это внесудебный орган, и принятые им репрессивные решения (в том числе о массовых расстрелах) противозаконны. Следовательно, мы, как областная редколлегия серии «Реабилитированные историей» обязаны изучить эти документы и подготовить их к публикации. Но руководство архива УСБУ продолжает считать эту информацию «секретной» и полагает, что видеть эти документы (и вообще знать об их существовании) нам «не положено». А так как мы настаиваем на выдаче протоколов коллегии, то, чтобы снять вопрос в принципе, в 2005 году их выслали в Киев в центральный архив СБУ, хотя до этого 85 лет они спокойно хранились в одесском архиве. Поэтому вынуждены констатировать: ни реальное количество репрессированных ОГЧК в 1920 году, ни, тем более, их полный список опубликовать пока невозможно.

Но даже частичная информация о репрессиях 1920 года, представленная в архивно-следственных делах фонда «П», столь значительна и драматична, что подробное ее описание оказалось очень объемным. Поэтому в третьем томе «Мартиролога» публикуются аннотации дел лишь первых месяцев 1920 года (январь — апрель), а в следующих планируется опубликовать остальные.

Описания дел расположены в хронологической последовательности: день за днем, месяц за месяцем. В начале каждого месяца указывается общее количество дел, хранящихся в фонде «П», из заведенных ОГЧК (или иными структурами) в этом месяце, общее число людей, проходящих по этим делам, и других репрессированных, упоминающихся в этих делах, но не представленных в фонде «П». Для сравнения указаны номера ордеров на аресты и обыски, оформленные ОГЧК в этом месяце. Эти данные наглядно показывают, что за февраль — апрель ордеров только ОГЧК выписано было в среднем в 11 раз больше, чем репрессированных, чьи дела ныне хранятся в фонде «П».

Дела, заведенные на арестованных в один и тот же день, расположены согласно алфавитной последовательности их фамилий. Если аресты по групповому делу продолжались на протяжении нескольких дней или месяцев, то аннотация дела помещена по дате первого ареста. В качестве опорной даты, по которой распределялись и группировались все дела, мы выбирали дату ареста, определенную по протоколу обыска и задержания.

С юридической точки зрения задержание не тождественно аресту, и следовало бы их дифференцировать. Но реальная практика советских репрессивных органов этого периода свидетельствует, что они такого разделения не делали, специальных постановлений об аресте не принимали, и задержанный фактически являлся арестованным. Соответственно в наших материалах дата задержания определяется как дата ареста и является базовой, потому что именно с этого момента кардинально меняется судьба человека и он становится объектом явной репрессии. Дата же принятия коллегией ОГЧК или иным репрессивным органом окончательного решения — о расстреле, заключении в концлагерь или другом — является началом нового этапа репрессии, и этот этап в делах фонда «П» не отражен.

В описании каждого дела соблюдена единая структура представления материала.

Вначале указывается, когда (*дата*), кем (*название органа*) и по какому *обвинению* (или без предъявления такового) арестован человек. Если нет возможности точно определить дату, то оговаривается, что эта дата — предполагаемая или (исходя из имеющихся документов) что арест произведен не позднее определенного числа.

Если дела групповые и аресты производились в разные дни, то информация располагается в хронологической последовательности: описывается ход следствия и по мере появления новых арестованных сообщается когда, кем и по какому обвинению эти люди лишались свободы. Общее количество арестованных по групповому делу указывается в конце, рядом с номером архивно-следственного дела.

После информации об аресте следуют *биографические (анкетные) данные* арестованного:

- фамилия, имя, отчество со всеми вариантами написания, встречающимися в документах дела, и при наличии — другими именованиями (например, девичья фамилия, партийный или артистический псевдоним, новая фамилия, взятая из-за неблагозвучия первоначальной, и т. п.);

- возраст на момент ареста (в документах дел начала 20-х годов, как правило, записан именно возраст, а не год рождения репрессированного, поэтому эта цифра более точна);

- год рождения (как правило, вычисленный, поэтому в скобках указывается вариант), при наличии — дата рождения (если в деле сохранился дореволюционный документ с указанием даты рождения, то в тексте уточняется, что дата приведена по старому стилю);

- место рождения (в основном использован принцип исторической топонимики, то есть название места рождения приводится соответствующее году рождения; для сел по возможности указаны волость и уезд);
- национальность (во многих делах эта информация отсутствует, поскольку в типовых документах тех лет такой графы не было);
- социальное происхождение (определения по возможности унифицированы);
- уровень образования (определения унифицированы; названия учебных заведений и годы их окончания указываются далее при описании показаний арестованного);
- профессия или специальность (при наличии специального образования);
- вероисповедание (в делах этих лет встречается редко, поскольку такого пункта не было в типовых советских документах; но все же чаще, чем в делах последующих лет);
- партийность (в этот период, как правило, беспартийные, но изредка встречается указание партийной принадлежности);
- семейное положение, наличие детей, их число, пол и возраст;
- место работы (службы) и должность на момент ареста (или их отсутствие);
- место жительства (адрес) на момент ареста (приводится название, соответствующее 1919 или 1920 году).

Вопросительный знак в скобках после каких-либо анкетных (биографических) данных означает, что точные указания таковых в деле отсутствуют, но их можно установить предположительно, исходя из показаний арестованного или других документов.

В следующей части аннотации описываются *обстоятельства ареста*, основания для него, причины или повод. Как правило, это инициатива знакомых или сослуживцев по задержанию и доставке человека в комендатуру или следственную комиссию, заявления-доносы соседей, донесения сексотов, агентурная разработка и т. п. В некоторых делах такие документы отсутствуют: либо они не были подшиты при оформлении дела, либо изъяты позже или уже в наше время, в 2003–2005 годах, сотрудниками архива УСБУ перед выдачей дел для описания — как «оперативные документы», «не подлежащие разглашению» (секретность на доносы и доносителей, а также на агентурные сводки сохраняется по сей день). В таких случаях мы формулируем предположение о причинах ареста на основании других документов дела; в случаях изъятий дополнительно указываем в примечании номера отсутствующих листов, изъятых сотрудниками архива УСБУ.

Далее констатируется наличие (или отсутствие) нормативной документации — *ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного*; а также оформление ордера постфактум, нередко — через несколько дней после того как человек уже был лишен свободы. Номер ордера указывается для того, чтобы можно было наглядно видеть, какое мизерное количество дел сохранилось в фонде «П» по сравнению с реальным числом людей, на арест и (или) обыск которых оформлялись ордера. Заводились ли на них дела и сохранились ли они до сегодняшнего дня — неизвестно. Но можно утверждать, что обыскам подвергли число людей не меньше, чем число порядковых номеров соответствующих ордеров.

Одна из характерных особенностей работы ЧК — существование практики арестов по так называемым открытым ордерам, на арест «по усмотрению», которые давали право сотрудникам ЧК задерживать всех подозрительных с их точки зрения граждан без обоснования причин. Сколько людей лишились свободы на основании таких ордеров — сказать невозможно.

При наличии протокола обыска дан перечень изъятых у арестованного документов и имущества и указано, куда оно было передано.

Если в постановлении о содержании под стражей заполнена графа об обвинении — эта запись приводится дословно.

Анкета арестованного, как правило, отсутствует, хотя, судя по некоторым делам, типовой бланк в 1920 году уже существовал.

В делах 1919 и начала 1920 года полный комплект всех этих документов встречается крайне редко. Как правило, многие из них отсутствуют, поэтому завершается эта часть аннотации перечнем начальных следственных документов, которых в деле нет.

Основной блок аннотации — это описание хода *следствия*.

Эта часть начинается с информации о допросах подследственного: сколько их было за весь период нахождения под стражей, когда, с каким перерывом, где и кем они проводились¹. Если дата допроса или фамилия проводившего его следователя отсутствует, это оговаривается.

Далее излагается содержание протоколов допросов подследственного, максимально полно (насколько возможно по данному источнику) восстанавливается его биография, с учетом его показаний и сведений из личных документов, подшитых к делу. Приводятся объяснения самого подследственного относительно причин ареста и его ответ на обвинение. Наиболее информативные фрагменты протоколов цитируются.

Здесь же описаны заявления подследственного и его собственноручные показания. В групповых делах сопоставляются сведения из протоколов допросов обвиняемых.

Если по делу привлекались свидетели, то далее следует описание протоколов их допроса: количество допросов, когда проводились, какое отношение каждый свидетель имел к подследственному и какие дал показания. Фиксируются возможные противоречия в показаниях.

В делах начала 20-х годов часто встречаются заявления, обращения, ходатайства, прошения родственников, друзей, соседей, сослуживцев подследственного; для сельских жителей — приговоры сельских сходов. Эти документы также представлены в описаниях дел и цитируются с соблюдением стиля оригинала.

Завершает эту часть аннотации описание заключения следователя по данному делу с точной формулировкой обвинения. Заключение по делу — документ, на основании которого коллегия ОГЧК рассматривала дело и принимала то или иное репрессивное решение. В описании указана дата составления заключения, фамилия сотрудника, чья подпись под ним стоит, изложено основное содержание (как правило, в заключении повторялись показания доносителей, самого обвиняемого и свидетелей). Данный документ наиболее точно показывает, насколько обоснованными и произвольными были репрессии, насколько они зависели от субъективной оценки сотрудников ЧК. Поэтому формулировки из заключений также цитируются и стиль оригинала сохраняется.

В ряде дел заключение отсутствует или его заменяет клочок бумаги с предложением: обвиняемого расстрелять.

Отдельным абзацем дана *выписка из протокола заседания репрессивного органа* (для дел начала 20-х годов, как правило, коллегии ОГЧК) с указанием даты, формулировки обвинения и репрессивного решения — в большинстве случаев в виде цитат.

¹ С точки зрения сотрудников СБУ фамилии следователей, как и всех сотрудников ЧК, должны по-прежнему оставаться закрытой информацией. Однако срок давности на эти архивные документы давно истек и описание их должно публиковаться без ведомственной цензуры.

Здесь же следовало бы указывать дату и место расстрела или же место, где репрессированный отбывал заключение. Однако в архивно-следственных делах этого периода такой информации нет.

Судя по существовавшей процедуре, дело сдавали в архив после расстрела или отправки в концлагерь. Поэтому мы указываем, что репрессированный был расстрелян предположительно не позднее даты передачи дела в архив. Сами же протоколы заседаний коллегии ОГЧК с датами расстрелов на сегодняшний день остаются «секретными» документами.

Наиболее вероятное место заключения на тот период — Одесский губернский концлагерь; но в делах, как правило, это не указывается.

Если коллегия приняла решение об освобождении и есть документ, подтверждающий факт освобождения, то эта информация приводится здесь же.

В групповых делах фамилии репрессированных объединены по общим формулировкам обвинения или по общему репрессивному решению.

Блок, завершающий основной текст аннотации — это информация о пересмотре дела и *реабилитации*. Здесь приведены фрагменты из заключения прокурора о реабилитации, а также указаны даты, тип документа, орган, принявший реабилитирующее решение, и юридическое основание реабилитации, — либо уточняется, что дело не пересматривалось и решение о реабилитации не принималось.

В некоторых делах есть дополнительная информация о *дальнейшей судьбе репрессированного*, — как правило, о новой репрессии. Подобная информация встречается в самом деле 1919–1920 годов, в подшитых к нему документах о репрессии более поздних годов или в виде отдельного тома по новому делу. Но чаще эта информация содержится в другом деле фонда «П», с совершенно иным номером, и свести ее воедино стало возможным благодаря базе данных «Одесский мартиролог».

Большинство аннотаций содержит *примечания*.

В них отмечается противоправность ведения следствия и принятия решения по делу без уточнения фамилии подсудственного (вариативность в написании фамилии, имени и отчества арестованного в различных документах следственного дела очень распространена). Цитируются фрагменты отдельных документов (в том числе характеристик, удостоверений, газетных статей и т. д.), изъятых у арестованных при обыске. В расстрельных делах оговаривается вероятность наличия даты расстрела в протоколах заседаний коллегии ОГЧК и недоступность для исследователей этой информации.

Здесь же констатируется отсутствие в деле части первоначально подшитых документов, с указанием номеров изъятых листов и, по возможности, предположением, что именно было изъято. Еще раз подчеркиваем, что многие документы изъятые сотрудниками архива УСБУ в 2003–2005 годах, перед выдачей дел для проверки ранее составленных аннотаций и составления новых (в 1990-х — начале 2000-х годов дела выдавались без изъятий).

Здесь же указаны имена репрессированных, упомянутых в данном деле, но по нему не проходивших (выделены жирным шрифтом), а также имена тех людей, которые подлежали аресту, но данных об аресте которых нет (выделены прописными буквами).

В конце каждого аннотированного описания указан нынешний *номер архивно-следственного дела*, под которым оно хранится в фонде «П». Если дело групповое, указано, сколько человек привлекалось по данному делу.

Таким образом, все аннотации составлены по единой структуре. Для каждого раздела аннотации и описания основных типов документов выработаны определенные

формулировки, часто вводятся цитаты. Большой объем цитирования при описании документов позволяет точнее передать их содержание и сохранить колорит эпохи. Комментарии сведены к минимуму. Полагаем, что документы говорят сами за себя.

В результате такого подробного описания дела аннотации получаются очень объемными, в особенности если дело групповое или велось длительное время. Возможно, это усложнит восприятие приведенной в них информации и вызовет вопрос, сколько же лет и томов потребуется для описания дел даже одного фонда «П».

Много лет и много томов. Но не это главное. Традиционный подход в Книгах памяти — публикация кратких именных справок (и он также будет использован в одесских книгах серии «Реабилитированные историей»). Но справка, при всей важности ее публикации, все же в значительной степени анонимна, она не может дать представления о личности человека, его судьбе, индивидуальной трагедии, пережитой именно им, конкретном преступлении репрессивных органов, совершенном именно в отношении данного конкретного человека. Книги, содержащие алфавитные ряды справок, чрезвычайно важны — они называют имена жертв государственного террора и увековечивают память о них. Их мемориальное значение неоспоримо. Но после прочтения такой справки остается желание узнать, а что за нею, что это был за человек, какую жизнь он прожил, что послужило поводом для репрессии, что происходило в ходе следствия и т. д. Особенно важно подробное описание дел потому, что они являются прямым документальным свидетельством каждодневной преступной деятельности советских карательных органов. Не в виде исключения, а именно как системы. Причем системы, сознательно создаваемой с первых же этапов установления советской власти.

Практически каждый документ архивно-следственных дел — это свидетельство о преступлении власти по отношению к человеку, которого она объявила «обвиняемым» и «преступником». Именно каждый документ. От агентурной разработки (сбор слухов, сплетен, доносов, провокации, шантаж и т. п.), ареста и обыска (без оформления соответствующих документов или с грубым их нарушением, с изъятием и присвоением имущества арестованного), хода следствия (неделями и месяцами содержание в тюрьме без проведения допросов или выполнения иных следственных действий), вплоть до составления заключения по делу (обвинение без доказательств) и принятия репрессивного решения (произвольное решение людей, присвоивших себе право распоряжаться чужими жизнями).

В «Мартирологе» будут и дальше публиковаться списки репрессированных, причем по разным категориям. Расширять свод имен, узнавать и увековечивать память о жертвах тоталитарной системы — наш долг. Но не менее важно раскрывать преступную и циничную суть этого режима, механизмы его функционирования, называть исполнителей этой повседневной террористической деятельности. Чтобы создавать противовес мифам и иллюзиям массового сознания о преимуществах «сильной» (тоталитарной) власти, «порядка», «законности» и «справедливости», якобы ей свойственным.

В конце третьего подраздела «Мартиролога» даны дополнения:

- Алфавитный список подследственных по описанным архивно-следственным делам.
- Алфавитный список сотрудников ЧК — ГПУ, особых отделов армий, других организаций, свидетелей, родственников и знакомых подследственных по описанным делам.
- Порядковый указатель описанных дел.

1919

В этом году власть в Одессе сменялась многократно: немцы, Центральная Рада, Петлюра, красные, белые... И каждая перемена власти знаменовалась новыми репрессиями. Конкретными документальными данными обо всех жертвах 1919 года, в том числе о жертвах красного террора, мы не располагаем. В фонде прекращенных дел архива УСБУ по предварительным данным сохранились лишь 23 одиночных дела и 3 групповых, всего на 30 человек, репрессированных в Одессе при советской власти в 1919 году.

Основной блок — это дела, возбужденные в конце апреля — июне (в период очередного временного установления в Одессе советской власти) особым отделом III Украинской Советской Красной армии и особым отделом при коменданте Одессы и порта. Главное обвинение — принадлежность в прошлом к одной из монархических организаций: Союзу русского народа, Союзу русских людей или Русскому народно-государственному союзу. Дела, как правило, не завершены, дальнейшие судьбы арестованных неизвестны.

Несмотря на то, что Одесская чрезвычайная следственная комиссия активно действовала в этот период и репрессировала, судя по косвенным источникам, большое число людей, *ни одного дела ОЧСК за 1919 год в фонде «П» нет*. Это еще раз свидетельствует о его неполноте и недостаточной репрезентативности для изучения истории репрессий на Одещине.

ЯНВАРЬ

Единственное дело за январь с Одессой еще не связано.

Хронологически первая репрессия, отраженная в фонде «П», представлена в деле № 27697-п на Иозефа Хорвата.

Это дело одновременно и типичное, и исключительное. Типичное тем, что советская власть и тут сразу же ввела принцип равенства, репрессируя людей независимо не только от возраста, пола, профессии, национальности, но и от гражданства; тем, как отразилась в нем работа бюрократической системы, как принимались репрессивные решения; тем, что был репрессирован и однофамилец обвиняемого, не имевший к нему никакого отношения. Исключительность же этого дела в том, что под одной обложкой собраны документы по двум арестам Хорвата — в 1919 и 1924 годах, в то время как в фонде «П» дела по персоналиям не систематизированы и документы по нескольким арестам одного и того же человека, как правило, находятся в разных делах, отстоящих друг от друга на тысячи номеров. Но главное исключение — в том, что дважды репрессированному и приговоренному к смерти все-таки удалось спастись.

8 января 1919 года пограничной участковой ЧК в слободе Александровка Воронежской губернии без предъявления обвинения арестован

ХОРВАТ Иозеф (Иосиф Иосифович, Осип Осипович), он же **ХОРВАТ-ИДРИАНСКИЙ (ХОРВАТ-ИДРИНСКИЙ, ХОРВАТ-АДРИАНСКИЙ) Осип Осипович (Иозеф Иозефович) (26 лет)**. Родился 8 сентября 1893 года в городе Идрия (Венеция-Джулия, Австро-Венгрия); словенец, подданный Сербии; образование среднее, по профессии — кадровый офицер, подпоручик; член партии социал-демократов интернационалистов; женат. На момент ареста — офицер для особых поручений при

штабе 1-й гвардейской бригады 12-й стрелковой дивизии; находился в расположении части в Воронежской губернии; постоянного места жительства не имел.

Обстоятельства ареста изложены в его показаниях. Будучи в командировке в Купянске (Воронежская губерния), следовал в штаб 1-й бригады под командованием Сахарова. «Так как революционный Купянский комитет не соглашался меня отпустить, я под разными обманными предложениями бежал и по дороге встретил солдата сахаровского полка, который в хуторе Бабичевом Троицкой волости был задержан советской властью. Я этого испугался и бросил там, во дворе, где был задержан товарищ, все свои документы, воткнув их в солому, а сам отправился, так как был отпущен Бабичевским председателем, каковые документы по уходе моем из хутора Бабичева были отысканы... 8 января в слободе Александровке Старобельского уезда я был задержан». На следующий день, 9 января, препровожден в Валуйскую уездную ЧК, а еще через две недели, 25 января — в революционный военно-полевой трибунал при штабе группы войск Курского направления и из валуйской тюрьмы переведен в купянскую.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

В описи изъятых вещей значатся документы и личные вещи арестованного, в том числе кожаная фуражка, офицерская сумка, шарф, пара сапог, шпоры, туалетные принадлежности. Также изъяты несколько экземпляров воззвания Украинской повстанческой армии к красноармейцам (текст воззвания см. на стр. 528–531).

Запротоколированы два допроса Хорвата (за полгода ведения следствия): 9 января в слободе Троицкой Валуйского уезда его допросил следователь пограничной участковой ЧК Белявский, через две с половиной недели, 26 января — предположительно в ревтрибунале (следователь не указан).

В протоколах, а также в личных и служебных документах, приложенных к делу, записано, что допрашиваемый окончил в 1913 году реальное училище в Идрии и до лета 1914 года служил в Триесте в транспортном обществе конторщиком. В июле 1914 года по мобилизации был призван в австрийскую армию, в годы войны с Россией служил в 97-м пехотном полку в качестве вольноопределяющегося; на фронте был дважды ранен, в начале 1915 года в районе Карпат попал в плен к русским (где пробыл полгода) и отправлен в госпиталь в Одессу. Там был мобилизован в Сербскую армию, находящуюся в России, в 1915 году окончил сербское военное училище в Одессе и до октября 1916 года служил в сербском корпусе. «В дни февральской революции после раскола в корпусе выделился в Киеве революционный Юго-славянский полк, в который я вступил. Из полка при первом занятии Киева большевиками был назначен комендантом дворца. При отступлении из Киева в качестве караульного начальника при имуществе государственного банка приехал в Харьков, где сдал эвакуированные ценности. Затем со своей командой влился в партизанский отряд (гвардейский Юго-славянский)». В отряде служил до весны 1918 года. Состоял в югославской группе партии социал-демократов интернационалистов и членом исполкома Югославского революционного союза в России, имел воинский чин подпоручика.

«В Екатеринославе попал в плен к немцам и гайдамакам. Из плена бежал в Киев по документу Попкова. Получив пропуск от министра по великорусским делам Украинской народной республики, проехал в Валуйки в штаб Антонова в контрразведку». (Ставка верховного главнокомандующего войск Донецкого и Криворожского бассейнов находи-

лась в то время на станции Лиски, Воронежская губерния). Был принят на службу агентом контрразведывательного отделения, два месяца служил в штабе III армии украинских войск и в штабе верховного главнокомандующего советских войск юга России Антонова.

К делу приложено удостоверение, выданное Хорвату 14 мая 1918 года и подписанное начальником контрразведывательного отделения чрезвычайного штаба военного округа республики Донецкого и Криворожского бассейнов. «Дано сие товарищу Хорвату в том, что он за время нахождения в отделении исполнил все возложенные на него обязанности: совершенно секретные, секретные, весьма срочные, точно, добросовестно и аккуратно, работал в тылу неприятеля, проявляя все действия агента».

В мае 1918 года штаб переформировали в штаб VIII Советской армии, 2 июня Хорват был назначен сотрудником агентурной разведки отделения по борьбе со шпионажем штаба военного руководителя военного совета Воронежского района, работал под псевдонимом «Иван Николаевич Славянский», все лето находился в командировках, преимущественно на украинских территориях, занятых немцами. В рапорте от 24 июля доложил: «...На границе Донской области на станции Милерово... при обыске была обнаружена при мне карта железных дорог с заметками красными чернилами... я был арестован... объявлен шпионом и переведен в тюрьму, где находится приблизительно 3000 политических арестованных... немецким комендантом был освобожден... саквояж с вещами и бельем пропал. За неимением достаточно денег и времени невозможно было объездить целый район. Железнодорожное движение в Донецком бассейне очень плохое. При обратном переходе через демаркационную линию на Валуйском направлении был арестован солдатами 7-й роты 1-го Воронежского Советского полка...» В августе продолжил разведдеятельность.

6 сентября подал по начальству рапорт: «Ввиду того, что я получил известия, что моя деятельность на Украине обнаружена и меня германские власти преследуют, прошу временно назначить меня на другую подходящую должность». 7 сентября назначен старшим наблюдателем регистрационного отделения штаба Южного фронта и откомандирован на контрольно-пропускной пункт № 1 Валуйского участка (станция Палатовка) для несения регистрационной службы. 16 сентября подал рапорт: «Граница на Валуйском участке плохо охраняется и почти совершенно открыта. Одному мне невозможно принести пользу. Прошу уполномочить меня на организацию завесы Валуйского участка». В течение двух месяцев неоднократно посылал рапорты о состоянии дел (примеры см. в Примечаниях). 14 ноября отправил телеграмму в военный контроль штаба VIII армии: «Граница открыта. Последняя рота снята по распоряжению штаба 3-й бригады». 16 ноября прибыл в Воронеж, подал рапорт с просьбой о переводе в штаб 1-й гвардейской бригады 12-й пехотной дивизии.

«Командиром 1-й бригады товарищем Огинским был назначен в штаб этой бригады для особых поручений. Когда отступили из Подгорной в Острогжск, бригаду принял Сахаров, таким образом, я перешел в подчинение ему. У Сахарова также после временного назначения командиром батальона остался для особых поручений. По приказу Сахарова батальон, вверенный мне, тогда еще в 60 человек, был переброшен с Лискинского фронта, где формировался, в полк в Валуйки для дальнейшего формирования. Через день прибыл командир формирующегося полка эстонец Курек, и я ему сдал батальон. По прибытии Сахарова в Валуйки забрал меня последний с собой в Уразово. Там он меня командировал в оперативный штаб в качестве своего представителя».

В декабре командирован в Курск к Антонову-Овсеенко «для уяснения положения украинских войск» и в оперативный штаб повстанческой армии Восточно-Украинского фронта. «В штабе пробыл я ночь, а утром Сахаров приказал ехать с ним в Валуйки. Он отправился на Острожжск, я остался в Валуйках. Здесь я поступил в разведку к товарищу Гринченко при бригаде, которой командовал Дмитриев. Когда снова Сахаров явился в Валуйки, я просил его уволить от службы, так как я служу в другом месте, но он велел ехать с ним в Уразово. Из Уразово Сахаров отправился в Волчанск, хотел меня взять, но я скрылся и уехал в Валуйки, явился к товарищу Гринченко.

Дня через 2–3 произошел в Уразово инцидент, и тогда мне военный комиссар товарищ Чуйко сказал, что меня расстреляют за то, что я был в сахаровской бригаде, так как всех сахаровцев расстреливают. Я после этого поехал в Волчанск на лошадях через Казинку и Ольховатку. В Волчанске явился к Сахарову, спросил, что делать. Он сказал, что его здесь уже хотели разоружить и был бой. Во время разговора на мое замечание, что он может быть уже не командир бригады, он сказал: не твое дело — и выхватил маузер. Я сбежал и уехал в Купянск. Дальше не знал, что делать.

В ревкоме я спрашивал Полухина и Шапошникова, что делается, но мне ничего определенного не сказали. Полухин сказал, что идут офицерские отряды ЧК разоружать нас. В ревкоме было совещание, куда меня Полухин повел. Там был Муравьев, две барышни с бомбами и некоторые другие, их не знаю. Всего человек 15. Меня спросили: что нужно. Я просил подводу для поездки в Россоси на фронт и соврал, что еду от Сахарова с секретным поручением. Тогда Муравьев сказал, что со мной поедет еще один сахаровец и что я должен получить у них литературу для раздачи солдатам. Мой попутчик ушел куда-то, поручив получить его документ. Тут у меня произошел разговор с неизвестным мне, которого я принял за анархиста, о политическом положении. Я сказал: «Левые эсеры опять черт знает что делают». Он оказался левым эсером и после сказанного мною заметил: «Вам нельзя доверять, пойду переговорю с товарищами». Я тем временем, забрав свои вещи (ручной чемодан), ушел на станцию. Уехал на Купянск-Узловую. Там встретился с тремя сахаровцами, которые ехали из больницы Нового Оскола. Один мне понравился, я ему сказал, что напрасно он едет к Сахарову, и предложил ехать вместе. Фамилии его не знаю. Доехали вместе до станции Кисловки, затем на подводах поехали на Троицкое. В Троицком, чтобы получить подводу, обратились к председателю Совета, предъявив документы: я о том, что состою для поручений при штабе 1-й бригады, а мой попутчик — документ от Сахарова. Нас, как сахаровцев, задержали и отправили в чрезвычайную комиссию в Кальновку. Там меня отпустили. Арестовали в Александровке. При аресте я кричал на тех, кто меня арестовывал, потому что боялся расстрела без допроса. Особые сведения при первом допросе были обещаны мною для того, чтобы оттянуть время и меня не расстреляли сразу, так как был уже приговорен к смертной казни».

Об этом периоде службы также сказал: «Служа в штабе 1-й бригады, я заметил, что оперативный штаб и вообще все учреждения левых эсеров не хотят контактивно работать с центральной советской властью... Сахаров находился всегда под влиянием кого-либо. В последнее время — Кириченко-пьяницы».

К делу приложены несколько удостоверений Хорвата и служебные документы (выписки из приказов, рапорты, телефонограммы), подтверждающие его показания, а также двухмесячная переписка в связи с его прошением о принятии в русское подданство и

о перемене фамилии на Хорват-Идрианский, поданным в начале июня 1918 года. Документа с окончательным решением по этому вопросу в деле нет.

С 26 января 1919 года содержался в Купянске в уездной тюрьме.

27 января Хорват подал заявление в военно-полевой трибунал при штабе группы войск Курского направления: «Прошу отпустить меня в больницу, так как по засвидетельствованию фельдшера болею легкими и лечение в тюрьме является невозможным из-за скверного воздуха».

Значительную часть дела составляет переписка по этому вопросу, которая в течение месяца велась между членом трибунала Н. Тамариным, начальником санчасти Безпаловым, комендантом штаба Кальницким и начальником тюрьмы Капустянским.

По состоянию здоровья Хорвата должны были перевести в больницу. Тюремный фельдшер констатировал, что арестованный «действительно нуждается в больничной помощи ввиду хронической болезни легких». Врач, освидетельствовавший заключенного, 1 февраля дал заключение: «разлитой бронхит, требуется больничное лечение».

Трибунал неоднократно предлагал «перевести содержащегося в тюрьме Хорват-Идрианского в больницу и приставить конвой», но главврач эвакогоспиталя отвечал, что мест для пациента с конвоем нет. Начальник санчасти направлял врача для проверки «действительно ли арестованный нуждается в переводе в больницу» и затем предписывал поместить его «в госпиталь под конвоем и под ответственность начальника тюрьмы». Начальник тюрьмы после нескольких отношений трибунала 5 февраля написал: «Возвращая при этом переписку за № 206, 227, 608, 691, 235, доношу, что заключенный Хорват-Идрианский Иосиф может быть помещен в эвакуационный госпиталь на лечение при условии, если ответственность за него с меня трибуналом будет снята, так как караул, приставленный к нему, должен быть назначен не из караула, охраняющего тюрьму, а совершенно другой. Отвечать же за другой караул я не могу и не в праве согласно военной инструкции советской власти».

6 февраля член трибунала обратился к коменданту штаба с просьбой «командировать... постоянный караул... для присмотра Хорват-Идрианского, которого под этим конвоем отправить в эвакогоспиталь». Однако заключенный остался в тюрьме на прежних условиях.

20 февраля врач констатировал: «он болен туберкулезом легких, сильным малокровием и цинготным воспалением десен; ввиду сильной общей слабости и повышенной температуры нуждается в госпитальном содержании». В тот же день начальник тюрьмы отправил в трибунал телефонограмму: «Заключенный Хорват-Идрианский по заключению врача Кнапского болен туберкулезом легких и цингой, изолировать его в отдельную камеру невозможно ввиду переполнения тюрьмы арестованными, а находясь в общей камере с другими заключенными он легко распространит туберкулез. Прошу сделать распоряжение о немедленном помещении Идрианского в госпиталь, поставив над ним караул не тюремный и без моей ответственности». На документе стоит резолюция «Запросить начальника тюрьмы о заключении врача о возможности препровождения Хорвата в [трибунал]» и на обороте справка: на запрос по телефону начальник тюрьмы сообщил, что будет выслано заключение врача и что Хорват следовать не может.

После очередной переписки этапный отдел при штаб-квартире сообщил в трибунал, что 22 февраля Хорват-Идрианский отправлен в купянский эвакуационный госпиталь». Был ли он там принят — неизвестно, документа госпиталя в деле нет.

Параллельно с этим трибунал вел переписку по поводу Хорвата с особым отделом при реввоенсовете VIII армии. Вначале был послан запрос на «все материалы, касающиеся указанного лица». Отправив 29 января материалы, заведующий следственной частью написал, что особому отделу «желательно было бы снять допрос означенного Хорвата в связи с делами некоторых бывших сотрудников военконтроля».

4 февраля трибунал направил в реввоенсовет очередной запрос: «Содержащийся под стражей Хорват-Идрианский... находился в отряде Сахарова для особых поручений. Поэтому трибунал просит сообщить, относится ли к нему приказ, в силу которого все участники сахаровского отряда объявлены дезертирами». На обороте документа — ответ от 6 февраля: «Ввиду того, что о Хорвате имеется дело в революционном полевом трибунале VIII армии, отправить в Воронеж под надежной охраной».

11 февраля из Купянска в Воронеж поступило сообщение, что дело Хорвата по обвинению в «дезертирстве» направляется «для разбора его по совокупности с делом, имеющимся в производстве трибунала VIII армии о том же Хорвате». В отношении указано: «обвиняемый препровождается вместе с сим под конвоем». Одновременно послан запрос в госпиталь: «Трибунал просит срочно сообщить, может ли находящийся на лечении в госпитале арестованный Хорват-Идрианский по состоянию своего здоровья быть отправлен в Воронеж, куда передается о нем дело, и в утвердительном случае немедленно перевести его в тюрьму». Главврач эвакогоспиталя ответил 17 февраля: «товарищ красноармеец Хорват-Идрианский в госпитале ни в каких книгах не значится». В результате ни дело, ни обвиняемый отправлены не были.

А 14 марта из Воронежа поступило сообщение: «Ввиду ликвидации дел сотрудников военного контроля надобность в допросе гражданина Хорват-Идрианского отпадает, а потому препровождать его в особый отдел не является нужным».

В качестве единственного свидетеля по делу 18 марта был допрошен заключенный уездной тюрьмы Евдоким Муравьев, бывший председатель Купянского ревкома, член партии левых эсеров, председательствовавший 27 декабря 1918 года на повстанческом собрании и подписавший воззвание, изъятое у Хорвата. В протоколе записано: «Хорват-Идрианского впервые видел я в Купянске кажется в последних числах декабря 1918 года, вечером. Он приехал тогда из Волчанска по поручению командира бригады Сахарова... с поручением переговорить с кем-либо из лиц, принимавших деятельное участие в повстанческой армии». Сообщил, что в тот день было заседание активных работников армии, на котором Хорват присутствовал как гость, но никаких личных переговоров он с ним не вел, только выдал мандат на проезд в бригаду Сахарова. Кто дал Хорвату листовки с воззванием, не знает.

Других следственных материалов за этот период в деле нет.

3 мая военный следователь реввоен трибунала XIII армии Гуз написал постановление: «Принимая во внимание, что данными дела Хорват-Идрианский Осип избличается в том, что состоя при Сахарове для особых поручений, принимал непосредственное участие в деятельности левых эсеров при движении партизанских отрядов на Украине, доказательством чему служат обнаруженные при нем во время задержания листовки, содержание которых имеет целью ниспровержение имевшего быть и существующего уже на Украине рабоче-крестьянского правительства и включает призыв к выборному началу командного состава в армии, каковые листовки, как это видно из объяснения его, получены им в Купянском ревкоме для распространения между красноармейцев, и что

ввиду этого настоящее дело как имеющее непосредственную связь с делом левых эсеров подлежит ведению реввоен трибунала Южфронта, коему уже передано упомянутое дело о левых эсерах, постановил: представить в трибунал XIII армии на распоряжение о передаче настоящего дела по подсудности».

В деле имеется справка: «Революционный военно-полевой трибунал XIII армии, рассмотрев настоящее дело в распорядительном заседании от 4 мая 1919 года, постановил: ввиду того, что дело о Хорвате Адрианском (так в документе. — *Ред.*) близко касается дел о сахаровских бандах, отправить дело по совокупности в реввоен трибунал Южфронта».

Еще через два месяца, 8 июля, военный следователь реввоен трибунала Южного фронта П. Витолин составил заключение по делу Хорвата, обвиняемого в «дезертирстве». В заключении сказано:

«1) <...> Находясь на службе у Сахарова, принимал активное участие в повстанческой авантюре, поставившей своей целью свержение существующего на Украине временного рабоче-крестьянского правительства, как это видно из воззваний, обнаруженных при аресте за подписью некоего Муравьева, в которых говорится: «Мы будем бороться против образовавшегося в Курске так называемого временного рабоче-крестьянского правительства... Мы будем против него, потому что оно самозванное правительство, правительство выскочек».

2) Путем письменной агитации, распространяя ложные данные и клевету против рабоче-крестьянского правительства, подрывал авторитет советской власти Велико-россии. В прокламациях говорится: «Мы не хотим, чтобы на Украине восторжествовала власть комиссародержавия, которая существует сейчас везде в России, мы не хотим, чтобы страной распоряжались «чрезвычайки», ничем не отличающиеся от охранных отделений царского режима, которые поработили трудовое крестьянство и отняли право у людей с мозолистыми руками... Мы не хотим, чтобы стон стоял на Украине, такой же, как стонет сейчас Великороссия от ига блудных, лживых, трусливых комиссаров...» Резко критикует существующий в Великороссии строй, говоря: «Политика, проводимая сейчас в Великороссии, направленная против власти всего трудового народа и выдвигающая власть только одной партии, отталкивает от комиссародержавцев все истинно трудовое, подлинно революционное, честное. Насилием держится сейчас контрреволюционная власть комиссародержавцев».

3) Принимал участие в кампании, поставившей своей целью активную борьбу против советской власти в Великороссии, как это явствует из обращения, в котором говорится: «Повстание растет и ширится, охватывает всю Украину, оно охватит скоро и Великороссию».

4) Находясь на службе в разведке у товарища Гринченко, поддерживал связь с Сахаровым, и, узнав, что банду последнего собираются разоружить, самовольно покинул службу и поехал к последнему.

5) Из штаба Сахарова поехал в Купянск в штаб Муравьева, с которым, согласно показаниям Муравьева, имел раньше дела, где присутствовал на собрании и запасшись литературой для распространения среди Красной армии уехал. По дороге был задержан.

Считая следствие по делу Осипа Хорвата-Идринского (так в документе. — *Ред.*) законченным, весь следственный материал со своим заключением препровождаю в трибунал на рассмотрение».

12 июля 1919 года революционный военно-полевой трибунал Южного фронта в составе председателя Лапина, членов Озоля и Наджаровой рассмотрел дело О. О. Хорват-Идрианского по обвинению в «распространении повстанческой литературы, активном участии в повстанческих бандах, действовавших против советской власти», и принял решение «**при обнаружении расстрелять**».

16 июля копия приговора отправлена в особый отдел Южного фронта для розыска Хорват-Идрианского и «приведения приговора в исполнение. Об исполнении сообщить».

Больше документов по первому аресту Хорват-Идрианского в деле нет. Остальные документы — за 1922–1925 годы: об аресте летом 1922 года в Иркутске однофамильца Хорвата и повторном аресте самого Хорват-Идрианского осенью 1924 года в Одессе.

9 августа 1922 года выдана справка о том, что Хорват-Идрианский (так в документе) Осип Осипович (возраст вписан, но затем вычеркнут) зарегистрирован в особом отделе Восточно-Сибирского военного округа «как разыскиваемый бывший старший наблюдатель регистрации штаба южной группы, активный участник в повстанческих бандах, объявленный вне закона. Разыскивается РВТ Южфронта. Список ВЧК № 170370 от 26 сентября 1921 года». На обороте надпись: «Имеется Хорват Иозеф Иозефович, 34 года, австрийско-подданный, немец, бывший военный... служит на мельнице № 3» и резолюция: «Начальнику секретно-оперативной части: Прошу о выяснении личности».

10 августа сотрудник 5-го отделения Иркутского губотдела ГПУ подал по начальству рапорт: «Довожу до сведения, что в саду им. Розы Люксембург среди борцов есть какой-то борец сербский гражданин Хорват. По розыску 5-го отделения значится Хорват-Идрианский, серб, как шпион-контрразведчик».

11 августа под грифом «совершенно секретно» было дано задание установить, проживает ли по улице Троицкой, 14 Иозеф Иозефович Хорват и служит ли на мельнице № 3. 17 августа сексот донес начальнику агентуры, что данные верные, и на следующий день дано распоряжение «вызвать и допросить по существу».

23 августа 1922 года Иркутским губотделом ГПУ без предъявления обвинения арестован

ХОРВАТ Осип Осипович, 34 года. Родился в феврале 1888 года в Вене (Австро-Венгрия); немец, подданный Австрии, из рабочих; образование среднее, по профессии — рабочий-модельщик; беспартийный; женат. На момент ареста работал на мельнице № 3 губпродкома; проживал в Иркутске (ул. Троицкая, 14, кв. 6).

Основанием для ареста послужило сходство некоторых анкетных данных с данными разыскиваемого ОГПУ Хорват-Идрианского. На 23 августа Хорвата вызвали на допрос и после допроса арестовали.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей в деле нет.

Анкета арестованного заполнена 26 августа; в ней отмечено, что в день ареста 23 августа Хорват был допрошен, но протокола с такой датой в деле нет. Единственный запротоколированный допрос датирован 2 августа, его провел уполномоченный особого отдела Гонт. Возможна ошибка в написании даты, так как указано, что Хорват допрашивался «в качестве обвиняемого» и все документы конца августа подписал тот же уполномоченный Гонт. Но есть вероятность, что допрос был проведен еще до ареста, и протокол впоследствии приобщен к делу, так как дата вписана четко, а сам протокол за-

полнен на бланке особого отдела Восточно-Сибирского военного округа, который выдал вышеуказанную справку от 9 августа о том, что Хорват-Идрианский зарегистрирован как объявленный вне закона и разыскиваемый трибуналом Южного фронта.

В протоколе записано, что допрашиваемый до 1914 года жил в Австрии, в городе Ульмиц, работал на литейном заводе модельщиком. На войне был на фронте рядовым 97-го пехотного полка австрийской армии до осени 1915 года, потом попал в плен. С конца 1915 года до 1 января 1916-го находился в концлагере в Орле, затем его отправили в Березовку на Байкал в лагерь военнопленных, пробыл там до июля 1916 года. После этого отпущен в Казань, работал у помещика Лебедева в деревне Любянка Казанской губернии чернорабочим до февральской революции. После установления первый раз советской власти его в числе других 150 человек направили в уездный город Мамадыш Казанской губернии, где он работал поваром при лагере военнопленных до 1918 года. В мае 1918-го переведен в Челябинск, затем — в Петропавловск (там лечился, а затем работал в американском госпитале) и в конце 1918 года — в Иркутск. Всюду работал в госпиталях санитаром. С 1922 года работает на госмельнице.

На вопрос следователя, не встречал ли он какие-нибудь банды или повстанческие отряды, когда «продвигался по городам России», ответил, что сам лично никаких банд не видел, но слышал, что в районах Сибири какие-то банды есть.

25 августа у Хорвата взята подписка о невыезде, а 26 августа Иркутский губотдел ГПУ, рассмотрев его дело по обвинению «как подозрительная личность на основании списков ВЧК», постановил: «Принимая во внимание отсутствие материалов, Хорвата из-под стражи освободить под подписку о невыезде из Иркутска. Дело следствием продолжать, запросив подробный материал ВРГ Южфронта».

Однако есть вероятность, что сразу освобожден не был, поскольку 1 сентября помощник начальника осведомительного отдела Кусков подал по начальству рапорт: «Арестованному Хорвату Иозефу пытается передать по секрету какое-то письмо некто Шейн, проживающий на Спасо-Лютеранской, 24 или 12. Этот же Шейн пытается через смотрителя товарища Гетц узнать, за что арестован Хорват, под предлогом якобы передать жене арестованного. Гетц не намерен, конечно, удовлетворить просьбы Шейна. Интересно выяснить, что за личность. Сообщаю для сведения». На документе надпись от 2 сентября «У кого дело Хорвата? Доложить», — и ответ: «У Рейгерин».

9 сентября начальник Иркутского губотдела ГПУ Берман отправил в Москву в ОГПУ шифрограмму: «В Иркутске задержан Хорват Осип Осипович, объявленный Вами вне закона, список ВЧК № 170370 от 26 сентября 1921 года. Обвиняется в активном участии в повстанческих бандах. Срочно шлите материал и его приметы».

Видимо, ответ не был получен, так как более чем через месяц, 17 октября, последовала повторная шифротелеграмма в Москву с той же просьбой.

31 октября отдел центральной регистратуры ОГПУ под грифом «совершенно секретно» направил в Иркутский губотдел ГПУ сообщение: «более подробных сведений (кроме указанных в циркуляре) в отделе не имеется, в силу чего ОЦР запрошен верховный трибунал ВЦИК об указании, где находятся дела революционного военно-полевого трибунала Юго-Западного фронта. По получении сведений будет сообщено дополнительно. Начальник отдела Шанин».

В конце ноября, также «совершенно секретно», дело 1919 года на Хорват-Идрианского было выслано из Москвы в Иркутск.

Когда был освобожден арестованный в августе Хорват, неизвестно, но 7 декабря он был вызван повесткой на допрос, который провел уполномоченный Иркутского губотдела ГПУ Баринбаум (дата допроса в протоколе не указана, допрашиваемый именуется Юзевом Юзиевичем, 35 лет). Он снова пересказал свою биографию и на вопросы следователя ответил, что колчаковский переворот застал его в Иркутске, служил он тогда в лазарете, в России ни в каких войсках не служил, фамилия его — Хорват и другой никогда не было; на Украине он не бывал и в бандах не участвовал.

Был ли Хорват после допроса взят под стражу — неизвестно.

3 января 1923 года уполномоченный КРО Иркутского губотдела ГПУ Зимин составил заключение по делу, в котором кратко изложил основные биографические данные двух однофамильцев и написал: «На основании вышеизложенного и находя, что личность Хорвата не имеет ничего общего с разыскиваемым Хорватом-Адрианским (так в документе. — *Ред.*), кроме сходства фамилии, имени и отчества, и что имеющиеся в деле данные о нем исключают всякую возможность подозревать его в действиях, проявленных разыскиваемым Хорватом-Адрианским, полагал бы: производство по делу Хорвата прекратить, аннулировав подписку о невыезде из Иркутска от 25 августа 1922 года. Дело передать в РСО для дальнейшего розыска Хорват-Адрианского».

В тот же день, 3 января, Иркутский губотдел ГПУ принял постановление. «Рассмотрев дело гражданина Хорвата Осипа Осиповича по обвинению как разыскиваемого и объявленного вне закона приговором революционного военно-полевого суда Южного фронта от 12 июля 1919 года в распространении повстанческой литературы и активном участии в борьбе с советской властью в составе повстанческих банд, то есть преступления, предусмотренном ст. 57 Уголовного кодекса РСФСР, и принимая во внимание отсутствие в деле определенных указаний причастности Хорвата к преступлениям разыскиваемого Хорват-Адрианского (так в документе. — *Ред.*), постановил: производство дальнейшего дознания по настоящему делу прекратить, аннулировав подписку Хорвата о невыезде из Иркутска от 25 августа 1922 года. Дело передать в РСО для дальнейшего розыска Хорват-Адрианского.

Справка: Хорват на свободе. Вещественных доказательств по делу нет».

Тем не менее через семь месяцев, 14 августа 1923 года, агентуре Иркутского губотдела ГПУ было снова дано задание выяснить, проживает ли по Троицкой, 14 Иозеф Иозефович Хорват «и, если выехал, то куда и когда». На следующий день подан рапорт, что проживает.

18 августа оформлен ордер № 147 на арест Иозефа Иозефовича Хорвата и в тот же день без предъявления обвинения произведен его арест. Последний документ о нем — протокол ареста, в котором стоит его подпись.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Больше документов по арестам Хорвата в 1922 и 1923 годах в деле нет.

28 октября 1924 года Одесским губотделом ГПУ без предъявления обвинения повторно арестован Осип Осипович Хорват-Идрианский. В анкете те же биографические данные, что были зафиксированы при первом аресте, но указано, что на момент ареста он — подданный Италии, контролер 2-го сахарного завода, проживал в Одессе (Колодезный пер., 25, кв. 6).

Основания для ареста, судя по справке стола розыска от 28 октября, прежние. «Обвинение: старший наблюдатель — шпион регистрационного отдела штаба Южного

фронта, в распространении повстанческой литературы и активном участии в повстанческих бандах, действовавших против советской власти. Приговорен РВТ Южного фронта. Постановление: при обнаружении расстрелять. Разыскивается Иркутским губотделом ГПУ от 20 декабря 1923 года, согласно списку ОГПУ Москва за № 283369 от 25 июля 1924 года». На справке стоит резолюция: «Арестовать, выяснить и результат сообщить в стол розыска».

Ордер № 4458 Одесского губотдела ГПУ на арест и обыск оформлен 28 октября. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты документы и «разная переписка на иностранном языке».

29 октября приняты три постановления:

— о начатии дела на Хорват-Идрианского по статье 66 УК УССР;

— о мере пресечения в отношении его в связи с обвинением в «преступных деяниях, выразившихся в распространении повстанческой литературы и активном участии в повстанческих бандах, действовавших против советской власти» — содержать в ДОПРе;

— о привлечении его в качестве обвиняемого, первоначально по статье 66 и с формулировкой «обвиняется в шпионаже согласно списку разыскиваемых ОГПУ Москва за № 283369 от 25 июля 1924 года», а затем в этом же постановлении статья исправлена на 58-ю, а формулировка — на указанную в предыдущем постановлении.

Этим же днем датирована справка, что арестованный болен туберкулезом легких.

Запротоколированы три допроса Хорват-Идрианского (за полтора месяца ведения следствия и полгода содержания под стражей): 29 октября и более чем через месяц, 4 и 9 декабря, его допросил помощник уполномоченного 2-й группы 3-го отделения Одесского губотдела ГПУ Михайлов.

В протоколах подробно записана биография допрашиваемого. Вначале — те же данные, что и в протоколах допросов 1919 года, затем о службе в Красной армии до 1921 года и о пребывании в Одессе с 1922 по 1924 год. Относительно обстоятельств первого ареста сообщил: «Находился под следствием в РВТ Южного фронта... обвинялся в службе в повстанческой бригаде, выступавшей против советской власти. После ряда опросов освобожден под поручительство начальника особого отдела XIII армии товарища Смирнова», после чего долго болел, затем продолжал служить в Красной армии. (Показания допрашиваемого воспроизведены следователем в заключительном постановлении по делу, см. стр. 537–540).

На декабрьских допросах заявил: «Никакого участия в восстании не принимал, вообще считал восстание как ссору между командирами за верховную власть, и тогда не понимал политического характера восстания, то есть свержение советской власти». Повстанческую литературу не распространял: «Найденные у меня воззвания я получил в Купянске, у кого не помню, роздал в двух-трех деревнях крестьянам, у которых мы останавливались, среди красноармейцев не распространял». В части, выступившей против советской власти, находился всего два дня. В купянском госпитале пробыл три-четыре недели, после выписки и выхода из госпиталя в ревтрибунал не являлся, поскольку не вызывали, часто встречался со следователем, который допрашивал его в ревтрибунале, но тот ничего о его деле не говорил. Завершил свои показания так: «Если я в чем-нибудь провинился в 1918 году, находясь в частях Сахарова, так только лишь потому, что я тогда не разбирался в политических течениях и только, а другого ничего не подразумевал, причем из службы моей в Красной армии видно, кем я являюсь для советской власти».

Сразу после ареста Хорват-Идрианского Одесский губотдел ГПУ сообщил об этом в Иркутск, потому что 8 ноября оттуда пришел телеграфный ответ: «Задержите. Нами выслано дело». И затем: «При сем препровождается дело № 535 на разыскиваемого нами Хорват-Идрианского. Иркутский губотдел ГПУ просит в порядке следствия и имеющегося материала в деле установить виновность обнаруженного Вами Хорват-Идрианского, в случае подтверждения привлечь к ответственности». На отношении стоит резолюция от 26 ноября: «Михайлову. Срочно допросить по существу службы у Сахарова, литературы и дело прекратить».

После декабрьских допросов арестованного помощник уполномоченного Михайлов 12 декабря принял постановление о предъявлении Хорвату обвинения по статье 58 УК УССР. В документе сказано, что на вопрос не желает ли обвиняемый «добавить еще чего-либо к своим показаниям в свое оправдание, показал, что если он провинился перед советской властью в 1918 году, то только потому, что он не разбирался в то время в политических течениях, причем просит принять во внимание его службу в Красной армии, что свидетельствуют документы, находящиеся при деле» (документы, изъятые при обыске в 1924 году, к делу не приобщены. — *Ред.*). Обвиняемому объявлено, что следствие по делу закончено и оно будет направлено Одесскому губернскому прокурору «для дальнейшего направления». Последующие документы свидетельствуют, что более месяца после принятия постановления, до 27 января 1925 года, дело отправлено прокурору все еще не было.

После ареста состояние здоровья Хорвата ухудшилось; судя по документам, в ноябре он находился в тюремной больнице. О нем постоянно хлопотала его жена — медсестра Ольга Хорват. Она направляла письма в губотдел ГПУ и прокуратуру с приложением справок о том, что он уже несколько лет болен туберкулезом легких, обращалась в итальянское генеральное консульство, находившееся в Одессе, с просьбами ходатайствовать об освобождении мужа.

Переписка между облотделом ГПУ и агентством наркомата иностранных дел СССР (куда обращался консул Италии) продолжалась в течение трех месяцев. И если в 1919 году подобная переписка шла месяц и завершилась госпитализацией и фактически освобождением Хорвата, то в 1924–1925-м она осталась без результата.

31 октября итальянский генеральный консул Галанти писал: «По заявлению Ольги Хорват муж ее Иосиф Хорват, итальянский гражданин, 28 октября сего года арестован и препровожден в ГПУ. Итальянское генеральное консульство имеет честь просить уполномоченного наркоминдела не отказать посодествовать к скорейшему допросу Хорвата и к сообщению сему генеральному консульству причины его ареста. Означенный Хорват страдает туберкулезом легких и по окончании работы на сахарном заводе, где он работал, отправлялся на ночлег в «Тубсанаторию» по Белинской улице для лечения. Ввиду болезни он должен быть отправлен сим генеральным консульством на родину в Италию, а потому оно просит отпустить больного Хорвата на свободу для репатриирования его на родину».

Далее следуют копии более десятка отношений, в которых уполномоченный наркоминдел запрашивает о состоянии дела Хорвата, а ГПУ отвечает, что арестованный обвиняется в «активном участии в повстанческих бандах, действовавших против советской власти, в распространении повстанческой литературы и в шпионаже», что его разыскивает Иркутский губотдел ГПУ и требует «содержать под стражей». Через полтора месяца такой переписки губотдел решил срочно «запросить итальянское консуль-

ство, согласно ли таковое взять под свое поручительство итальянского подданного гражданина Хорват-Идрианского Осипа Осиповича». Ответ гласил: «итальянское генеральное консульство сим дает полнейшее заверение представительству народного комиссариата иностранных дел в том, что всеми средствами, находящимися в его распоряжении, будет препятствовать выезду за границу итальянскому подданному Иосифу Хорвату до окончания уголовного дела». Однако губотдел ГПУ такое поручительство счел «недостаточным»: «Освобожден может быть Хорват только лишь в том случае, если итальянское генеральное консульство поручится в том, что гражданин Хорват до суда из Одессы никуда не уедет и в день слушания его дела явится в суд».

Подобная переписка продолжилась и в январе. Судя по некоторым упоминаниям, состояние здоровья Хорвата ухудшалось.

26 января 1925 года помощник уполномоченного 2-й группы КРО Одесского губотдела ГПУ Михайлов составил заключительное постановление по делу Хорват-Идрианского. Подробно изложив показания обвиняемого, он заключает: «Исходя из этого видно, что Хорват-Идрианский принимал активное участие в восстании против советской власти, выразившемся: 1) в распространении повстанческой литературы, в чем он сознался и что свидетельствуют также обнаруженные у него воззвания; 2) участии в бандах, действовавших против советской власти, что видно из протокола опроса бывшего председателя Купянского ревкома Муравьева, причем с момента приговора гражданин Хорват-Идрианский до дня ареста числился в розыске.

Принимая во внимание, что гражданин Хорват-Идрианский приговорен революционным военно-полевым трибуналом Южного фронта от 12 июля 1919 года заочно к расстрелу, совершенные Хорватом-Идрианским преступные деяния предусматриваются ст. 58 УК УССР и вполне следствием установлены... постановил: следственное дело... направить одесскому губернскому прокурору для дальнейшего направления.

Примечание: Арестованный содержится под стражей в ДОПРе № 1. Вещественных доказательств по делу не имеется». Документ подписали Михайлов, уполномоченный 2-й группы КРО Карелин, начальник КРО Барминский и помощник начальника губотдела ГПУ Гарин. (Полный текст постановления см. на стр. 537–540).

10 февраля помощник губпрокурора Идин вернул дело «для приобщения к нему приговора ревтрибунала Южного фронта. Одновременно указываю Вам, что согласно ст. 3 УПК против Хорват-Идрианского не может быть возбуждено уголовное преследование, так как приговор реввоен трибунала Южфронта вошел в законную силу и подлежит после применения всех соответствующих амнистий приведению в исполнение. Не соблюдена также ст. 163 УПК, вследствие чего возникла переписка между агентством НКВД в Одессе и генеральным консульством Италии.

После приобщения приговора реввоен трибунала Южфронта дело вернуть в губпрокуратуру для дальнейшего направления на предмет разрешения вопроса о применении соответствующей амнистии».

На документе от руки дописано: «Арестованный содержится в ДОПРе и перечислен за вами».

12 февраля Одесский губотдел ГПУ принял постановление: «Принимая во внимание, что приговор по делу указанного гражданина находится на листе дела № 176, что приговор вступил в законную силу и согласно циркуляру ВС за № 1 приговор подлежит исполнению только после применения соответствующих амнистий, постановил: де-

ло вместе с личностью гражданина Хорват-Идрианского Осипа Осиповича направить Одесскому губпрокурору для дальнейшего направления».

14 марта 1925 года кассационная коллегия уголовных дел Верховного суда УССР в составе председателя Собчака и членов суда Романова и Миронова рассмотрела дело в порядке надзора на приговор реввоен трибунала Южного фронта от 12 июля 1919 года по обвинению О. О. Хорват-Идрианского в «распространении противосоветской литературы и участии в бандах».

Из определения коллегии: «Реввоен трибунал Южного фронта приговором от 12 июля 1919 года признал доказанным, что гражданин Хорват-Идрианский, будучи старшим наблюдателем регистрационного отдела штаба Южного фронта в 1919 году, принимал активное участие в бандах, действовавших против советской власти, а также в том, что распространял противосоветскую литературу, с которой и был задержан, а затем скрылся. За означенные деяния реввоен трибунал приговорил гражданина Хорват-Идрианского к высшей мере социальной защиты — расстрелу. 28 октября 1924 года Хорват был задержан в Одессе, дело о нем представлено в Верховный суд. Из обзора дела в порядке надзора существенных нарушений не усматривается, но принимая во внимание, что с момента совершения осужденным Хорват-Идрианским преступления прошло более 5 лет, к нему надлежит применить примечание 2 к ст. 33 УК и заменить расстрел иной мерой социальной защиты, а посему на основании изложенного и руководствуясь ст. 449 УПК определил: приговор реввоен трибунала Южного фронта от 12 июля 1919 года по делу о Хорват-Идрианском Осипе оставить в силе. Однако на основании примечания 2 к ст. 33 УК **заменить расстрел изгнанием его из пределов СССР бессрочно.** Определение окончательное».

Почти через месяц, 9 апреля, председатель кассационной коллегии уголовных дел Верховного суда УССР Меламед направил дело с копией определения в военный трибунал Украинского военного округа «для исполнения».

14 апреля документы оттуда были препровождены в ГПУ УССР с просьбой «исполнить указанное определение» и упоминанием о том, что «Хорват содержится в одесском ДОПРе № 1 и перечислен содержанием за Вами».

17 апреля заместитель начальника справочно-информативной части ГПУ УССР В. Иванов направил документы в Одесский губотдел ГПУ. 21 апреля наложена резолюция: «КРО. Для исполнения».

Предположительно 2 мая начальник контрольно-пропускного пограничного пункта Одесского порта Саргани получил телефонограмму начальника КРО губотдела ГПУ с предписанием посадить Хорват-Идрианского на отходящий за границу пароход. 8 мая им отправлен ответ: «Доношу, что согласно Вашей телефонограмме гражданин Хорват-Идрианский Осип Осипович посажен на отходящий за границу итальянский пароход «Трено». Пароход убывает сегодня в 2 часа дня».

15 мая по постановлению КРО Одесского губотдела ГПУ дело сдано в архив губотдела.

Завершают следственное дело два документа:

— отношение начальника учетно-оперативной части ГПУ УССР В. Иванова от 30 мая в Одесский горотдел ГПУ, в котором предлагается «немедленно сообщить, выслан ли Хорват-Идрианский или же еще нет. В случае если таковой еще не выслан, высылку приостановите и немедленно вышлите нам его дело»;

— копия ответа помощника начальника губотдела Гарина, предположительно от 5 июня, в котором сообщается, что Хорват 8 мая выслан за границу и дело о нем хранится в архиве губотдела.

В 1996 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Анализ собранных по делу материалов дает основание сделать вывод о необоснованности приговора. Хорват-Идрианский виновным себя не признал. Материалы дела не содержат конкретных фактов его участия в повстанческих бандах».

Реабилитирован 8 мая 1996 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона Украины «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием в деле совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к уголовной ответственности».

Примечания.

1. В документах по каждому из арестов встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Хорват, Хорват-Идрианский, Хорват-Идринский, Хорват-Адрианский. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в личных и служебных документах — Хорват (до июня 1918 года), Хорват-Идрианский (после июня 1918 года).

2. Приводим тексты документов периода службы Хорвата на демаркационной линии.

Три рапорта старшего наблюдателя Хорвата начальнику отделения Огинскому от 16 сентября 1918 года:

«При сем представляю на Ваше распоряжение нижеследующие товары, конфискованные на контрольно-пропускном пункте у лиц, провозивших таковые с целью спекуляции. 19 кож, 1 лоскут кожи, 1 заготовка, 3 пары детских ботинок, 1 отрез шерстяной материи, 1 кусок шинельного солдатского сукна, 12 отрезов разной бумажной материи, 5 отрезков бязи, 5 кусков защитного сукна, 1 серая офицерская шинель, 4 пары старых рейтузов, 1 башлык, 1 палатка, моток черных ниток, 6 карандашей, 1 объектив, 1 электрический фонарь, 1 бинокль, 1 треножник».

«На станции Палатовка 10 сентября было мною отобрано у проезжающего на украинскую территорию Сергея Михайловича Федорова, приехавшего из Финляндии... 3 фотоаппарата, 3 кассеты, 1 ретушевка, 2 коробки снимков, 5 пакетов проявительной бумаги, 1 пакет со снимками, 1 компас, 1 труба для полевых снимков без одного стекла, 1 пакет пластинок, 1 коробка фиксажа».

13 сентября был отобран от служащего Центротексила Михаила Дмитриевича Семенова фотоаппарат «Кодак».

14 сентября были мною задержаны подозреваемые в шпионстве Иван Мюллер, Федор Костылев и Горянский, бывший комендант станции, который продался потом немцам и выдавал советских служащих немецким властям, и Анастасия Костылева, от которой были отобраны нитки. Все арестованные были переданы Никитинскому военному руководителю Авилову с требованием препроводить их во вверенное Вам отделение.

На днях должны прибыть с Украины три шпиона в Воронеж: Иван Гуков, Митрофан Шулекин и Павел Добычин.

На территории Воронежской губернии находятся 9 агентов гетмана, фамилии которых передам по почте. 14 дней тому назад были в Воронеже 3 офицера Добровольческой армии, которые захватили полковое знамя полка (так в документе. — *Ред.*) и увезли на Дон».

«Мною были замечены украинские агенты Иван Гуков, Митрофан Шулекин и Павел Добычин, выехавшие в Воронеж. Кроме того, мною были на станции Палатовка задержаны

по обвинению в шпионстве Иван Мюллер, Федор и Анастасия Костылевы и Горянский, причем при обыске у них были отобраны 1535 рублей, которые мною вместе с задержанными отправлены в Никитовку товарищу Авилкову.

На пропускном пункте отобрано у проезжающих лиц три фотоаппарата (1 полевой и 2 модели «Кодак») с принадлежностями и пластинками, которые при сем представляю на распоряжение».

Резолюция от 18 сентября: «Сообщено начальнику милиции и в адресный стол об установлении наблюдения за прибывшими в Воронеж Гуковым, Шулекиным и Добычиным».

Выписка из приказа № 83 от 3 октября 1918 года:

«Представленные старшим наблюдателем Хорватом при рапорте три фотоаппарата (1 полевой и 2 модели «Кодак») с пластинками и другими принадлежностями, отобранные у проезжающих через демаркационную линию лиц, оставить для надобностей отделения и записать в инвентарь.

Начальник отделения Огинский».

Рапорт старшего наблюдателя Хорвата военному комиссару Крюкову от 1 октября 1918 года:

«Деньги, отбираемые мною на контрольно-пропускном пункте от переезжих на Украину, были сданы железнодорожному политкомиссару Гончарову на станции Палатовка. Деньги, отбираемые от 24 сентября, находятся при мне и будут по представленному счету сданы Вам. Сумма денег, сданных политкомиссару, будет сообщена мною дополнительно».

Рапорт старшего наблюдателя Хорвата начальнику отделения Огинскому от 15 октября 1918 года:

«В ночь с 4 на 5 октября партия гайдамаков в составе 36 человек перешла демаркационную линию до деревни Троицкой и наложила на крестьян 10 тысяч рублей контрибуции. Так как в пограничной роте нет кавалерии, был вызван из Никитовки конный отряд. До прибытия отряда гайдамаки удалились».

Служащие при контрольно-пропускном пункте № 1 Суворов и Червин по заявлению солдат самовольно отбирали вещи и предполагали придержать для себя. Мною был произведен обыск, при котором были обнаружены золотые вещи и деньги. Поименованные были арестованы и препровождены в распоряжение штаба 3-й бригады.

Таможенный пункт приступил к осмотру вещей 5 октября, работа не налажена.

6 октября убежали через демаркационную линию начальник станции Палатовка Голубев и начальник железнодорожной охраны Лискинского участка Данильчук, захватившие с собою крупную сумму казенных денег. Они переехали на дрезине в сопровождении железнодорожной охраны по железнодорожной линии до станции Мандрово. Вещи коменданта станции Палатовка были перевезены через контрольный пункт, на них были печати таможенного пункта. Как подозрительные еще раз пересмотрены, в корзине оказался полевой бинокль и другое военное снаряжение и обмундирование, которое подлежит конфискации. Так как нет лошадей, догнать убежавших не было возможности.

На демаркационной линии стоит железнодорожная охрана, которая не подчиняется командиру пограничной команды и самовольно пропускает разных лиц».

На документе резолюция от 22 октября: «Копия рапорта препровождена в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией».

Рапорт старшего наблюдателя Хорвата начальнику отделения Огинскому от 17 октября 1918 года:

«На нейтральной зоне находится много дезертиров с оружием, которые грабят приезжих на Украину, например, в селе Мандрово есть шайка, которая пересматривает вещи. На днях явился ко мне гражданин Соболев и представил мне расписку на тысячу двести (1200)

рублей с моею подписью и сказал, что ему выдали незнакомые типы на станции Мандрово, которые у него отобрали деньги и вещи.

На окраине села Либенко стоит пост Ливенской продовольственной управы, который покупает, а большею частью конфискует все товары, привезенные из Украины, например, сахар, соль, папиросы и проч. Эти же конфискованные товары они продают по высоким ценам, например, конфискованные или купленные папиросы за 1 рубль 80 копеек они продают по 4 рубля. Этот самый пост очень часто осматривает вещи проезжающих на Украину. Недавно жаловался мне пассажир, что у него отобрали золотые часы и сукно. В другом случае был арестован солдатами пограничной роты человек, который хотел обойти наши посты, при допросе оказалось, что у него были отобраны постом продовольственной управы деньги и одежда и ему сказали, чтобы он обошел наши посты кругом, если же он попадет в руки пограничной стражи, то будет расстрелян.

Демаркационная линия завешена только на протяжении 10 верст. По многим поступившим сведениям на остальной, не завешенной линии происходит контрабанда и пересылка ценных вещей на Украину. Где пересекает железнодорожная линия демаркационную линию, там стоит караул железнодорожной охраны, который пропускает разных лиц через линию. Например, 6 октября убежали начальник станции Палатовка Голубев и начальник 7-го участка железнодорожной охраны Данильчук, которые захватили с собою 1030 тысяч рублей. Они были препровождены на дрезине железнодорожной охраны до станции Мандрово. Узнавши об этом, я распорядился об аресте поименованных лиц, а за неимением лошадей невозможно было их поймать. Вещи их были присланы через контрольный пункт, на вещах была наклейка таможенного надзора, а в вещах оказались бинокль, шашка и военное обмундирование и снаряжение, подлежащие конфискации.

В окрестностях и в лесах слишком частая стрельба. Пограничная стража очень нуждается в лошадях, солдаты почти все без шинелей (1-й Острогорский полк, 7-я рота).

На документе резолюция от 22 октября: «1. В Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией. Препровождается для сведения. 2. В военный контроль штаба 8-й армии. Препровождается для сведения и принятия соответствующих мер».

Рапорт старшего наблюдателя Хорвата начальнику отделения Огинскому от 16 ноября 1918 года:

«Граница Валуевского участка по распоряжению Украинского правительства закрыта. Несмотря на это переходит много пассажиров, так как охрана границы немецкая и украинская ненадежна. Между немецкими и украинскими частями часто возникают недоумения.

По распоряжению 3-й бригады рота Калачевского полка, охраняющая демаркационную линию, снята. Охрана демаркационной линии возложена на пограничные комиссариаты Чрезвычайной пограничной комиссии, которые только приступили к формированию пограничной охраны. На данный момент демаркационная линия обнажена. Переход разных подозрительных лиц, контрреволюционеров, спекулянтов и контрабандистов через демаркационную линию происходит без задержки».

(Дело № 27697-п на 2 человек)

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ

24 дела на 28 человек, проходивших по делам фонда «П», и дополнительно 1 человек, упоминавшийся в них как арестованный. (Это только незначительная часть дел особого отдела III армии и особого отдела при коменданте города. Ни одного дела ЧК за этот период в фонде «П» нет; количество людей, проходивших по этим делам, неизвестно).

Косвенным подтверждением того, что реальное число пострадавших от деятельности этих особых отделов значительно больше, могут служить номера ордеров на арест и обыск, хотя не во всех делах есть ордер или ссылка на него при обыске. Единственный ордер особого отдела при коменданте города имеет № 357, сколько всего их было — неизвестно. Наименьший номер ордера особого отдела III армии, фигурирующий в этих делах — 21, наибольший — 395. Первых и абсолютного большинства промежуточных ордеров нет, имена и судьбы людей, репрессированных по этим ордерам, неизвестны.

Репрессии, совершавшиеся в этот период в уездах Одесской губернии, в фонде «П» не представлены. Документов о людях, задержанных при облавах и взятых в качестве заложников (кроме М. Мойсеенко), нет.

24 апреля 1919 года особым отделом при коменданте Одессы и порта без предъявления обвинения арестован

БЕЛИКОВИЧ Владимир Цезаревич (63 года). Родился в 1855 (1856) году; место рождения и национальность не указаны, из дворян; образование среднее, профессия не указана; беспартийный; женат. На момент ареста занимался кролиководством и литературной деятельностью; проживал в Одессе (ул. Среднефонтанская, 11, дача Оболенского).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, арестован по агентурной разработке членов монархических организаций или по доносу.

Ордер № 357 особого отдела при коменданте Одессы и порта на арест и обыск Беликовича оформлен 24 апреля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты «разные бумаги, документы и рукопись его сочинения. В этой же квартире взяты из трех комнат, в которых помещался удранный белогвардейский полковник Яковлев Борис, 1 шинель, 1 мундир, 1 узел с бельем».

Постановление о содержании под стражей принято более чем через неделю после ареста.

Анкеты арестованного в деле нет.

26 апреля, через два дня после ареста, Беликович отправлен в особый отдел при штабе III армии. В сопроводительном отношении сказано: «Согласно распоряжению начальника следственного отдела при комендантуре пересылаем в Ваше распоряжение арестованного Беликовича с указанием, что он является видным монархистом».

27 апреля последовал ответный запрос особого отдела в следственный отдел с просьбой прислать обвинительный материал, «так как из протокола обыска нет сведений для предъявления какого-либо обвинения».

29 апреля переданы «два портфеля с бумагами» арестованного.

Запротоколированы два допроса Беликовича (за две недели ведения следствия): 30 апреля и 1 мая его допросил военный следователь особого отдела III армии (фамилия не указана).

В протоколах записано, что допрашиваемый приехал в Одессу из Кишинева в 1906 году вместе с женой; здесь познакомились с графом Коновницким, по предложению последнего вступил в возглавляемую им монархическую организацию Союз русского народа, состоял менее месяца. «Увидев грязь и безнравственность идей, проводимых этим союзом... под прикрытием будто бы высоких идей спасения царя от революционеров, когда на самом деле это было не что иное, как шайка разбойников, я, назвав графа Коновницина Степкой Разиным, из этого преступного союза выступил». Затем

около двух месяцев состоял действительным членом партии народной свободы (точное название не помнит), после чего с группой молодых людей создал партию «Белый двуглавый орел», в устав которой заложили идею недопущения насилия над женщинами и детьми евреев — в противовес дружинам Союза русского народа. По его ходатайству устав утвердил одесский градоначальник. Председательствовал Беликович в этой партии 2–3 месяца. Примерно в конце 1908 года партия «Белый двуглавый орел» была ликвидирована по требованию нового градоначальника генерала Толмачева. «После этого ни в каком союзе, ни в какой политической партии не состоял, на монархических и других собраниях и митингах никогда не был и никакой политической деятельностью не занимался... После закрытия партии «Белый двуглавый орел» я занялся исключительно писательской деятельностью, совершенно аполитичной, а средства к существованию добывал продажей моих книг... и также кролиководством.

Я занимаю комнату в указанном выше доме в квартире офицера, оставившего Одессу вместе с добровольцами. С Яковлевым я ничего общего не имел и был с ним даже в контрах из-за квартиры.

По поводу предъявленных мне рукописей моих писем на имя бывшего одесского городского головы Пеликана, а также на имя бывшего одесского градоначальника Толмачева, в которых я рекомендую себя убежденным монархистом, объясняю, что потребность получить ввиду плохих моих материальных средств какую-либо службу заставляла меня петь в ту же дудку, в которую пело все население из чувства страха. Таким образом, я называл себя тем, чем я должен был быть в то время...» Места Беликович не получил.

К делу приложено обращение заведующего земельным отделом Одесского Совета рабочих депутатов в поддержку арестованного — направлено на имя коменданта Одессы 26 апреля: «На основании прошения Марии Беликович прошу освободить из-под ареста ее мужа Владимира Беликовича, который занимается кролиководством, что имеет важное значение в деле продовольствия населения. Во время же ареста хозяйство остается без надлежащего наблюдения, а потому в интересах общественной пользы иметь на свободе указанного работника». Из комендатуры обращение передано в особый отдел III армии. Ответа нет.

1 мая военный следователь особого отдела III армии (фамилия не указана) составил заключение по делу Беликовича, обвиняемого в «контрреволюционной деятельности». В заключении сказано: «Расследовав дело... и принимая во внимание: 1) что принадлежность Беликовича к монархическим партиям, проводящим идеи человеконенавистничества, натравливания одной части населения на другую, то есть на евреев, и контрреволюционная деятельность Беликовича вполне устанавливается отчасти показаниями самого Беликовича, так и обнаружением у него при обыске воззваний и его собственноручными письмами... на имя бывшего одесского городского головы Пеликана, градоначальника Толмачева и др., к делу приобщенным; 2) что Беликович, как член монархических организаций, способствовавший проведению в городские головы крайне правого Пеликана, получал материальные выгоды за счет одесского населения и все требовал новых возмездий, устанавливается как теми же документами, так и приложенной к делу копией постановления судебного следователя 5-го участка одесского градоначальничества, который, рассмотрев дело по обвинению бывшего одесского городского головы Пеликана и его товарища Мечникова в преступлениях по должности, удостоверяет, что «Беликович явился лицом, воспользовавшимся плодами преступления этих лиц», а потому

полагал бы гражданина Беликовича предать суду военно-революционного трибунала за контрреволюционную и погромную деятельность» (документ не подписан).

2 мая на бланке начальника особого отдела составлен черновик постановления, согласно которому Беликовича надлежит «предать суду военно-революционного трибунала и подвергнуть личному задержанию и содержать под стражей в военной тюрьме» (документ не подписан).

5 мая 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин, «рассмотрев дело о гражданине Владимире Беликовиче по обвинению его в контрреволюционной деятельности, нашел, что он подлежит суду военно-революционного трибунала, а потому, дабы пресечь возможность гражданину Беликовичу уклониться от следствия и суда, постановил: гражданина Беликовича подвергнуть личному задержанию и **содержать под стражей в тюрьме в одиночном заключении**».

Рассматривалось ли дело Беликовича в трибунале — неизвестно. Приговора трибунала в деле нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. На обложке дела есть нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

2. Документов, писем и рукописи Беликовича, изъятых при обыске и переданных из следственного отдела при комендатуре в особый отдел III армии, в настоящее время в деле нет.

(Дело № 6071-п)

28 апреля 1919 года особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

СТРОК Дмитрий Иванович (30 лет). Родился в 1888 (1889) году в Лидском уезде Виленской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование начальное, по профессии — канцелярский служащий; беспартийный; женат. На момент ареста служил в канцелярии комиссара по охране города, проживал в Одессе (ул. Садовая, 13).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Возможно, задержан во время облавы либо проверки документов, поскольку к делу подшит ордер № 21 особого отдела III армии от 28 апреля: «Товарищу Волошановичу разрешается произвести обыск, выемку документов и арестовать по его усмотрению разных лиц по улице Садовой, 13». Протокола обыска в деле нет.

Постановление о содержании под стражей принято на шестой день после ареста (документ не подписан).

Анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запротоколированный допрос Строка провел 1 мая военный следователь особого отдела III армии Семенов (через три дня после ареста, один допрос за полторы недели ведения следствия).

В протоколе записано: «Я, как солдат действительной службы, в 1912 году был откомандирован помимо моей просьбы на писарскую должность в канцелярии военного прокурора Виленского военного окружного суда в общую часть, где как писарь зани-

мался перепиской на машинке и регистратурой. Никаких следственных обязанностей не исполнял, и все следствие было для нас, писарей, тайной. Война застала меня на действительной службе, и я оставался в канцелярии прокурора до 1915 года... В августе 1915 года был произведен в чиновники военного времени и до конца войны служил по интендантству в разных должностях. Оставался и после февральской революции. При установлении в армии выборного начала я был избран солдатами на должность бухгалтера интендантского управления 2-го армейского корпуса и утвержден в этой должности полковым комитетом и, кроме того, избран товарищем председателя военно-революционного комитета, о чем в бумагах моих имеется удостоверение. Уволен от службы по демобилизации в апреле 1918 года. В это время я находился с моей частью на станции Пырлица в Бессарабии. Но выехать нельзя было, так как не пускали румыны. Тогда я поехал в Яссы, там получил паспорт от консула и с этим паспортом приехал в Одессу. Домой, в Лидский уезд, я проехать не мог и не хотел, так как там была немецкая оккупация. В Одессу я прибыл 20 апреля 1918 года и здесь за отсутствием дела был без работы».

20 сентября 1918 года поступил в канцелярию одесского градоначальника на должность писца с окладом 225 рублей в месяц в регистратуре распорядительного отдела, где служил до прихода советских войск. «После остался на службе в распоряжении комиссара по охране Одессы Левковского, по поручению которого я регистрировал печати всех организаций и учреждений. Здесь я числюсь и по сие время. Никаких поручений при службе в градоначальстве, имеющих отношение к осведомительскому или сыскному отделу, я не исполнял и вел только журнал входящих и исходящих бумаг. К тому же в доме № 9 по Греческой улице, где я занимался, этого отдела и не было, он помещался, кажется, в Лондонской гостинице. Никого из деятелей сыска не знаю... Никаким агентом или сотрудником в шпионаже я никогда нигде не состоял».

Назвал фамилии и адреса коммунистов, которые могут подтвердить его сочувственное отношение к советской власти.

3 мая на бланке начальника особого отдела составлен черновик постановления, согласно которому Строк обвиняется в «шпионаже», «опрос его и предварительное следствие дают основание к продолжению такового», а потому его надлежит «подвергнуть личному задержанию и содержать под стражей в тюрьме в одиночном заключении». (Документ не подписан; судя по почерку, составлен военным следователем Семеновым).

5 мая допрошены два свидетеля, названные обвиняемым — его сослуживец по канцелярии и его родственник. Оба подтвердили показания Строка.

Первый свидетель сказал, что тот служил регистратором в распорядительном столе, где «делами сыскными и контрразведочными вовсе не занимаются, а ведались выдачи разрешений на торговлю вином, устройство зрелищ и т. п. Чтобы Строк занимался сыском — этого заметно не было, при политических же разговорах он ничего худого о советской власти не высказывал и лишь выражал сожаление, что в гражданской войне гибнут культурные ценности и древности. Он очень беден, служил из-за куска хлеба... В канцелярии чиновники его недолюбливали за симпатии большевизму и даже анархизму».

Другой свидетель — начальник охраны станции Одесса-Товарная, коммунист, заявил: «Строк — мой свойственник, муж моей двоюродной сестры... Я удивлен обвинением его в контрреволюционной деятельности... добровольцам он не служил, преждему правительству не содействовал, в канцелярии служил из-за куска хлеба... Ни к каким политическим партиям и организациям он не принадлежал».

5 мая заведующий следственной частью особого отдела III армии Ахмедов подписал заключение по делу Строка, обвиняемого в «шпионаже». В заключении сказано: «Рассмотрев следственное производство по делу... нашел: 1) что личные объяснения Строка на допросе у следователя не содержат в себе опорочивающих заявлений и согласны с обстоятельствами дела; 2) что во взятых при обыске у обвиняемого документах и бумагах ничего компрометирующего не содержится; 3) что хотя Строк и служил до советской власти в градоначальстве, но по показаниям допрошенных свидетелей Кочергина и Гавевского служба эта не носила контрреволюционного характера и не была связана с сыском, была лишь службой из нужды; 4) что те же свидетели... удостоверили сочувственное отношение Строка к задачам советской власти еще во время господства в Одессе добровольцев; 5) что при наличии вышеизложенных данных нет оснований к продолжению судебного преследования Строка, а потому полагал бы дело... производством прекратить и Строка от ареста освободить».

6 мая начальник особого отдела Фомин написал записку: «Строка освободить и дело производством прекратить». На следующий день оформлено соответствующее постановление.

7 мая 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин, «рассмотрев дело о гражданине Строке Димитрии Ивановиче по обвинению его в шпионаже, нашел, что в деле нет оснований к продолжению судебного преследования, а потому постановил: дело... производством прекратить и Строка от ареста освободить». (Подписи Фомина нет, но документ заверен подписью заведующего следственной частью Ахмедова).

Данных об освобождении нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. На обложке дела сверху надпись: «Освоб[одить], прекращено», однако внизу нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

2. Документов и бумаг Строка, изъятых при обыске, в настоящее время в деле нет. Хотя в рапорте коменданта особого отдела от 29 апреля, поданного начальнику активной части, указано, что документы арестованного Строка переданы в следственную часть особого отдела.

(Дело № 6072-п)

Не позднее *3 мая 1919 года* особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

ДУСИНСКИЙ Иван Иванович (40 лет). Родился 8 апреля 1879 года в Харькове; национальность и происхождение не указаны; образование высшее, по специальности — публицист; беспартийный; женат, имел дочь 13,5 лет. На момент ареста служил помощником библиотекаря в научной библиотеке Новороссийского университета; проживал в Одессе (Военный спуск, 1, кв. 3).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, арестован по агентурной разработке членов монархических организаций как руководитель одесской организации Русского народно-государственного союза.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, анкеты арестованного в деле нет. Судя по упоминаниям в протоколах допросов и описи документов, при аресте был произведен обыск, в результате которого изъяты личные документы, фотографии, статьи Дусинского, а также документация Русского народно-государственного союза.

С 3 по 8 мая арестованный находился в особом отделе III армии (ул. Херсонская, 60), затем был переведен в одесскую тюрьму (ул. Херсонская, 63).

Постановление о содержании под стражей принято на пятый день после ареста.

Запротоколированы два допроса Дусинского (продолжительность следствия неизвестна): 4 и 7 мая его допросил военный следователь особого отдела III армии Николаев.

В протоколах записано, что допрашиваемый происходит из семьи ветеринарного врача; в 1899 году окончил Каменец-Подольскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета, после окончания которого в 1903 году был оставлен на кафедре классической филологии. В дальнейшем поступил на службу в университетскую библиотеку, все годы состоял в должности помощника библиотекаря; одновременно с 1910 по август 1917 года заведовал иностранным отделом газеты «Одесский листок». Был личным дворянином.

«...Занимался научной и литературной деятельностью... от общелитературной постепенно перешел к публицистической деятельности. Меня интересовали весьма разнообразные вопросы, но так как публицистика у нас всегда отличалась партийным характером, а узкая партийность мне претила, то я сосредоточился на области, где можно было писать более свободно, не становясь человеком партии: на вопросах внешней и славянской политики России в связи с международными отношениями вообще. К этому побуждало меня еще убеждение в особой необходимости разработки вопросов этой категории ввиду надвигающегося перелома — великой мировой войны. Ее приближение я ясно ощущал еще с Боснийского кризиса 1908 года, сознавая в то же время, как слабо подготовлена русская общественность и даже русская государственность к разрешению всех связанных с этим вопросов.

В связи с этим я напечатал в газете «Русская речь» ряд статей по разным внешнеполитическим вопросам. Часть этих статей была издана отдельным оттиском в 1910 году. Взяв на себя затем обязанности заведующего иностранным отделом газеты «Одесский листок», я с 1910 года сосредоточил свою публицистическую работу в этом органе — все по тому же отделу международной и славянской политики. Знакомя русскую общественность с этими назревшими вопросами, я старался подготовить ее к тяжелому, но, увы, неизбежному, благодаря ошибкам германской политики, кризису ужасной мировой войны. Этой войны я вместе со всею официальной и общественной Россией не хотел, но сознавал, что она навязывается нам ложной политикой германского империализма и что избегнуть ее, к сожалению, не в наших силах.

Год перелома — 1914-й застал меня в «Одесском листке», и большую часть войны, именно до августа 1917 года, я проработал там же. В августе 1917 года на почве принципиальных разногласий и случайных недоразумений с арендатором «Одесского листка» господином Штерном я расстался с «Одесским листком» и с тех пор остался без постоянной независимой публицистической трибуны, за исключением времени с ноября 1917 по февраль 1918 года, когда попытался создать хотя бы небольшой независимый орган «Свободное слово» (непериодическое издание, вышло семь номеров). Это издание прекратилось с приходом в Одессу немцев, так как благодаря занятой мною определенно

дружественной к советской власти позиции (№ 7 газеты «Свободное слово») продолжение издания при австро-германской оккупации представлялось мне немыслимым... В дальнейшем мне при желании высказаться приходилось вновь прибегать к услугам разных чужих изданий».

По поводу обвинения в «контрреволюционной и погромной деятельности» заявил:

«Я никогда не состоял членом какой-либо политической партии, так как всякая партийность и кружковщина были противны моему сердцу. До революции я работал на почве и в условиях существовавшего строя, не принимая в политической жизни иного участия, кроме как в роли публициста. С победой февральской революции я первоначально не выходил из роли наблюдателя совершавшихся событий, но очень скоро для меня стало ясным, что ход революции неизбежно ведет к развалу русского государства и гибели единства России, того единства, которое я считал великой и незаменяемой ценностью для всех сторон нашей народной жизни. Для меня было совершенно ясно, что силам центробежным и разрушающим надо противопоставить силы центростремительные и созидающие и таким путем отстоять и спасти великое государство, созданное многовековыми усилиями ряда поколений нашего народа при содействии и участии других народов, слившихся в единый государственный организм России.

Так как партии, которая прямо и последовательно шла бы правильным путем к этой цели, я не находил, то и решил создать союз, основанный на началах возможно менее партийных и возможно более общенародных и общегосударственных. С этой целью я выпустил особое воззвание и переговорил с несколькими знакомыми лицами, в том числе с С. Н. Скарлато, разослал пригласительные повестки и 25 июня 1917 года состоялось первое общее собрание союза, который был назван Русским народно-государственным союзом, в знак того, что должен слить воедино интересы народные с интересами государственными вопреки обычному до тех пор разъединению их и противопоставлению общества государству. Таким образом, инициатором Русского народно-государственного союза был я, мне же выпала на долю и обязанность быть в дальнейшем руководителем союза.

В начале его деятельности был избран совет, на первых порах из трех лиц, в дальнейшем постепенно пополнявшийся отчасти путем избрания на общих собраниях, отчасти путем привлечения к участию в работах, что допускается по уставу. Денежные средства черпались исключительно из членских взносов и мелких пожертвований разных лиц, и все время существования финансовое положение союза было более чем скромным. Ввиду этого и агитационная деятельность союза была невелика, выражаясь лишь в устройстве общих собраний да изредка в издании воззваний и летучек, при том неизменно изданий легальных, за подписью совета или председателя союза. Изданий подпольных союз принципиально никогда не выпускал, чуждаясь вообще всякой конспиративной работы и оставаясь на почве признания и подчинения фактически существующей власти.

В течение очень долгого времени никакой связи Русского народно-государственного союза с одесскими монархическими организациями не существовало. Весной 1918 года был сделан опыт устройства двух объединенных общих собраний Русского народно-государственного союза с другими местными русскими (в том числе и монархическими) организациями. Этот опыт привел руководителей союза к решению воздержаться на будущее время от устройства объединенных собраний и впредь поддерживать со всеми русскими организациями связь путем участия в намечавшемся тогда Совете русских организаций. Однако такое участие, ввиду расхождения во взглядах, оказалось мало пло-

дотворным и фактически не существовало, каждый же союз работал порознь, соответственно своей программе и своим задачам, не интересуясь работой другого. В частности Русский народно-государственный союз совершенно не был в курсе деятельности одесских монархических организаций. В отдельных, весьма редких и единичных случаях совет союза сносился с представителями одесских монархических организаций через профессора Яворского, который сам лично в этих организациях, насколько мне известно, не состоял, но был знаком с их руководителями».

На втором допросе добавил: «По вопросу о связи, какая может подразумеваться между возглавляемым мною Русским народно-государственным союзом и Союзом русского народа, заявляю, что это две совершенно различные организации, не имеющие ничего общего ни по возникновению, ни по программе, ни по задачам, ни по составу. Союз русского народа являлся организацией всероссийской, возникшей в 1905–1906 году не то в Петрограде, не то в Москве, он был основан доктором Дубровиным. Здесь, в Одессе, сколько припоминаю, в начале 1906 года было основано графом Коновницким отделение этого союза, существовавшее несколько лет. Затем деятельность его совершенно замерла и заглохла, и никаких сведений о ней я не имел. Я лично никогда не входил в состав этой организации, ни разу не бывал на ее собраниях и даже не знаю, где они происходили, и не был знаком с ее руководителем. Все сведения об этом союзе почерпнуты мною из общей печати... О его существовании в настоящее время ничего не знаю».

«...Предполагая лично, что Россия, в итоге революции, вероятно, вновь станет в какой-либо форме монархией, я тем не менее не считал нужным предрешать этот вопрос в составленном мною проекте устава союза, так как полагал, что в условиях тяжелого внутреннего и внешнего положения страны необходимо выдвигать то, что объединяет граждан разных лагерей и партий, а не то, что разъединяет их.

В июне 1917 года, когда составлялся устав, вопрос об окончательном образе правления был чисто академическим, ближайшим же и жизненным был вопрос о сохранении *единого русского государства* — задача, к выполнению которой надлежало привлечь как монархически, так и республикански настроенных граждан-патриотов. Практически вопрос о форме правления должен был, по общему мнению, решаться в будущем Учредительном собрании, против чего мы не возражали. В свое время мы приняли участие в этих выборах по Херсонской губернии, выставив своих кандидатов как из числа членов союза, так и из числа не принадлежавших к союзу лиц разных общественных слоев.

Особенного агитационного отдела у нас не было. Главным, а очень часто единственным работником в этой области (по составлению воззваний) был я. Раздача производилась на общих собраниях, а иногда также путем рассылки по разным адресам, большей частью по сборнику «*Вся Одесса*» — адресная книга, выходявшая до войны.

Как указано выше, союз подчинялся фактически существующей власти и в нужных случаях обращался к ней и сносился с нею, независимо от личных и принципиальных симпатий и антипатий. Но, разумеется, в последнем отношении были различия. Например, по отношению к Украинской Раде позиция союза все время была отрицательной, так как самостоятельная политика Рады стояла в прямом противоречии с основной общерусской платформой союза. Поэтому в периоды столкновений между украинцами и большевиками симпатии руководителей союза были определенно на стороне последних. В частности, например, совет союза дебатировал даже вопрос о посылке приветствия главверху Муравьеву по случаю взятия им Киева, и приветствие не было послано лишь

вследствие более быстрого, чем ожидалось, прибытия Муравьева в Одессу, а приветствовать в Одессе было неудобно, так как могло быть истолковано как заискивание...

Поэтому естественно, что союз приветствовал падение Рады и возникновение Гетманства, усматривая в этом поражение шовинистической и враждебной всему русскому политике украинства. Но, тем не менее, узкоклассовая политика гетманской власти, к тому же чересчур пассивно подчинявшаяся австро-германской указке, признавалась руководителями союза ошибочной и не пользовалась сочувствием. Особенно же не симпатичными союзу были тенденции, проявлявшиеся в Киеве, к созданию какого-то не то гетманского, не то эрцгерцогского монархизма. В условиях тогдашней действительности наиболее целесообразным средством противодействия таким тенденциям была идея монархизма общерусского, и потому союз, отнюдь не изменяя своего устава, стал в некоторых случаях пользоваться формулой народно-монархической как протестом против тенденции гетманского монархизма. Никаких особых отношений к немцам и австрийцам у союза не было, и вообще руководители союза тщательно избегали принимать на себя какие бы то ни было обязательства по отношению к этим оккупантам, которых союз считал чужой и по существу враждебной себе силой.

Петлюровское движение на Украине понято было деятелями союза как проявление крайней шовинистической украинской реакции, непримиримо враждебной всему русскому. Поэтому союз мог опасаться со стороны петлюровской власти всего худшего, и с приближением петлюровцев к Одессе руководители союза уничтожили списки членов союза и вообще все дела, опасаясь репрессий со стороны петлюровской власти.

Взятие Одессы добровольцами и французами было поэтому встречено нами с чувством облегчения, как избавление от фанатичного и враждебного засилья. Под впечатлением этого события явилась даже мысль о создании при союзе комитета помощи раненым добровольцам. Дабы не смешивать это дело с делами и отчетностью союза, образовался для этого особый комитет под председательством профессора Яворского, который просил господина Скарлато взять на себя обязанности казначея. Я лично в состав этого комитета не вошел, отчасти за недостатком свободного времени, отчасти же потому, что хотел ближе ознакомиться с действительным обликом Добровольческой армии, характер и деятельность которой на основании известных мне газетных и других сведений вызывали во мне значительные сомнения. Во всяком случае, я считал нежелательным связывать судьбу и деятельность союза с делом Добровольческой армии».

На втором допросе добавил: «По вопросу о взаимоотношениях союза с Добровольческой армией считаю нужным указать, что первоначальное чувство признательности к ней за освобождение от власти петлюровцев в дальнейшем совершенно ступсывалось под влиянием крайне бездарных приемов управления, от чего частью пострадало население, в том числе, конечно, и члены союза. Чувствовалась также отдаленность власти Добровольческой армии от народа и от народных нужд. Все это и многое другое вызвало полное охлаждение союза к этой армии, недоверие к ее способности объединить Россию и даже к желательности такого объединения ее силами. Со своей стороны и Добровольческая армия, очевидно, не причисляла нас к числу своих, так как не выдвигала никого из наших деятелей и вообще ничем не содействовала союзу, даже в мелочах».

«...Оккупанты явились в Одессу в роли союзников и друзей России и русского народа, поэтому и отношение к ним как к силе, содействовавшей освобождению от петлюровцев, было на первых порах благоприятным, но в дальнейшем политика францу-

зов стала крайне сбивчивой и неясной и отношение деятелей союза к французам становилось все более отрицательным. Все чаще приходилось слышать заявления, что французы и их политика являются причиной крайне тяжелого положения города и его района и что вообще политика оккупантов преследует на деле своекорыстные и узкоэгоистические цели.

Что касается англичан, то, как известно, они не входили в соприкосновение с Одесой, и, таким образом, отношение к ним не могло быть ни положительным, ни отрицательным.

Наибольшим сочувствием деятелей союза пользовались греки, причем это особое сочувствие объяснялось главным образом общностью религии.

По вопросу о Колчаке сказать я ничего не могу, так как ни у меня, ни, насколько знаю, у других деятелей союза никогда не было в распоряжении точных данных о деятельности этого сибирского диктатора. Вопрос об отношении к Колчаку никогда в союзе не обсуждался, и никаких решений по этому поводу не принималось.

...По вопросу о деятельности в союзе С. Н. Скарлато, А. И. Агарева, И. Я. Яворского и других могу сказать следующее.

С. Н. Скарлато — второй по порядку член совета (первым был я) являлся все время скромным и полезным работником, стоявшим очень определенно на народнической платформе, сдержанным и умеренным; он был казначеем союза.

А. И. Агарев являлся в союзе представителем наиболее левого республиканского течения, глубоким народником и нередко определенно и даже очень резко высказывался против монархизма. Как работник союза он был совершенно бездеятельным, хотя одно время и даже довольно долго числился секретарем союза. В совете союза он нередко высказывался как сторонник и защитник большевистских идей, определенно подчеркивая заслуги большевизма в деле объединения России, в чем с ним соглашались и многие другие члены совета.

А. В. Качановский связан был с союзом главным образом тем, что по моей просьбе предоставил деятелям союза возможность собираться у себя на квартире и поместить там же канцелярию союза. Он человек умеренный и совершенно бездеятельный и лишь в благодарность за упомянутую услугу он, как хозяин, был приглашен в состав совета. Как человек просвещенный и пользовавшийся значительной известностью и уважением в обществе он был выставлен кандидатом на выборах в Учредительное собрание.

Профессор Яворский лишь впоследствии, именно летом 1918 года, стал бывать на наших собраниях и был кооптирован в совет. Он все время был деятелем скорее академического типа.

Е. Саморуко также лишь осенью 1918 года вошла в соприкосновение с союзом. Отличаясь властным и нервным характером, она вносила нередко путаницу и проявляла склонность к самостоятельным и даже самоуправным действиям, в чем сама охотно упрекала других. По существу она все время была чужда идеям и направлениям союза.

Что касается Личковахи и Богур, то они работали в союзе только в августе — сентябре 1917 года. Личковаха, впрочем, не проявлял в то время почти никакой деятельности, наоборот Богур — даровитый оратор, часто выступал на общих собраниях. В течение всей осени и зимы 1917–1918 года они не принимали решительно никакого участия в делах союза и вновь появились на нашем горизонте весной 1918 года. В этот период они вновь несколько раз выступали с докладами по разным вопросам. Их воззрения

были более правыми, и потому возникли разногласия, в результате которых эта группа откололась от союза и спустя не много времени образовала общество «Русское собрание», на заседаниях которого, как нам пришлось слышать, позиция и деятели Русского народно-государственного союза подвергались неоднократным нападкам и поношениям. Никаких связей с этой группой у союза в дальнейшем не было.

Генерал Безрадецкий был всегда весьма далек от союза, и единственная связь — это то, что он был в списках кандидатов в Учредительное собрание как деятель известный и популярный в некоторых местностях Херсонской губернии. С тех пор мы его не видели.

Барон Бюллер бывал одно время на собраниях союза, но, кажется, наша платформа его не удовлетворяла, и мы вскоре потеряли его из виду.

...Елизавету Сергеевну Андреевскую знаю. Серьезного участия в делах союза она не принимала, бывая скорее в качестве гостя. Где она находится теперь, я не знаю. (Е. С. Андреевская была арестована 5 мая, описание дела № 6073-п см. на стр. 136–137. Дел на других людей, упомянутых Дусинским, в фонде «П» нет, были ли они арестованы в 1919 году, неизвестно. — *Ред.*).

...Несколько человек из состава совета в последнее время действительно стали обвинять меня в единоличном и самоуправном ведении дел союза. Считаю, что это обвинение по существу было неосновательно и явилось следствием кампании, предпринятой против меня госпожой Саморупо, подчинившей своему влиянию нескольких человек из совета. Фактом является то, что я был главным работником союза и потому, естественно, многое был должен делать самостоятельно, но к совету я относился всегда с надлежащим вниманием и с ним считался. Раскола в союзе не было, произошел лишь раскол в совете, подготавливавшийся уже давно и произошедший накануне прибытия в Одессу советских войск, которое прекратило всякую вообще деятельность и совета, и союза. По существу я считаю раскол этот проявлением личных антагонизмов и разногласий.

...Отношение союза к погромной агитации, от кого бы таковая ни исходила, всегда было определено отрицательным. Деятели союза считали всякие погромы явлением крайне уродливым и совершенно недопустимым и преступным. Сведениями о погромной агитации в Одессе совет союза не располагал.

Что касается создания боевых дружин «союзников», мы знали об этом лишь то, что печаталось в общей прессе. Сообщения о разных насилиях и даже преступлениях, совершаемых членами дружины Русского собрания, вызывали у деятелей союза естественно отрицательное отношение, хотя никаких других сведений, кроме газетных, у нас об этом не было. Самый факт существования дружин с разрешения властей мы считали, разумеется, вполне законным. В связи с возникновением таких дружин был поднят даже вопрос о возможности и желательности подобного формирования при нашем союзе, разумеется, на началах строгой законности. Но к практическим действиям в этом направлении союз не приступал. О каких-либо складах оружия руководителям союза ничего известно не было».

Об отношении союза к советской власти заявил следующее:

«В период второго фронтового съезда осенью 1917 года совет союза желал принять участие в занятиях съезда и обратился в организационную секцию Румчерода с соответствующим заявлением о предоставлении мест, но получил ответ, что на съезд могут быть допущены только представители социалистических партий, к которым наш союз не принадлежит.

Когда в связи с наступлением немцев положение советской власти было уже критическим, я, прочитав в газетах обращение деятеля Румчерода товарища Кривошеева к русской интеллигенции с призывом помочь в общенародном деле, отправился в Румчерод к автору воззвания и спросил, не могу ли я быть чем-либо полезен, ибо как публицист считаю при данных условиях дело советской власти делом общерусским. Не знаю, помнит ли товарищ Кривошеев этот разговор, так как в то время он был очень занят неотложными делами.

Те же по существу мысли я высказал тогда же в печатной форме в № 7 «Свободного слова», призывая всех русских патриотов признать правительство народных комиссаров и противопоставить наступлению внешнего врага сплоченное единение всех русских граждан. Это воззвание мною было сделано в печати от лица союза как его председателя. (Просил приобщить этот номер газеты к делу. Просьба оставлена без удовлетворения. — *Ред.*)

...Что касается моего личного отношения к большевизму, то я всегда признавал большевиков наиболее народной из социалистических партий и вместе с тем более прямой, искренней и честной. Не считая советскую власть высшим идеалом государственного устройства, тем не менее полагал, что она представляет собой первый серьезный опыт социалистического строительства, крупное испытание жизнеспособности социализма. К теоретическому представителю большевизма товарищу Ленину я относился всегда с полным уважением, а политика советской власти в моих глазах очень часто совпадала, особенно на южной и западной окраине, с народно-государственными интересами России. Эту же точку зрения я проводил и не без успеха и в союзе, что нередко вызвало возражения сторонников других взглядов и обвинения в большевизме.

Считая, что советская власть, особенно в период своего укрепления на новом месте, будет относиться крайне подозрительно и недоброжелательно к деятельности всяких организаций некоммунистического характера, я и другие руководители союза решили прекратить деятельность союза впредь до выяснения намерений и позиций новой власти. Само собой разумеется, эта власть нами была признана и абсолютно никаких действий, против нее направленных, мы не предпринимали и предпринимать не собирались. Вопрос о дальнейшем существовании союза оставался открытым, заседаний и собраний членов союза не было, встречи носили случайный характер. Благодаря указанному обстоятельству я не знаю, бежал ли кто-либо из деятелей союза и кто именно из Одессы. Как я слышал, уехала госпожа Саморупо, других сведений у меня нет».

На втором допросе добавил:

«Об отношениях моих к советской власти я просил бы вызвать в качестве свидетелей С. Н. Скарлато, Агарева, а также допросить всех вообще рабочих типографии Скарлато, в помещении которой я в их присутствии нередко разговаривал с разными лицами о советской власти и определенно указывал крупные заслуги большевизма перед Россией... Товарища Кривошеева, нынешнего округвоенкома, прошу вызвать в качестве свидетеля в части, касающейся моего разговора с ним в конце февраля 1918 года в помещении Румчерода. Ему же тогда, помнится, я вручил № 7 „Свободного слова“».

О многочисленных документах, изъятых при обыске, арестованный дал следующие пояснения.

«В деле имеется удостоверение о том, что я состою членом русской общины в Одессе (документ по описи за № 10). По этому поводу могу сказать следующее. Мысль

о создании русской общины в Одессе, по аналогии с существовавшей уже долгое время в Одессе еврейской общиной, была выдвинута А. Г. Агаревым (так в документе. — *Ред.*), который особенно интересовался этим начинанием. Эта община мыслилась им как совершенно внепартийный орган, в состав которого могли бы входить по желанию все лица, причисляющие себя к русской национальности, совершенно независимо от их политических убеждений, в духе национально-персональной автономии. Деятельность этой общины находилась лишь в зародыше, я вошел в число членов ее по предложению Агарева. Лично я этим начинанием интересовался мало. Хотя ничего вредного в нем не усматривал. Общих собраний, наверное знаю, эта организация еще не устраивала. Проект ее устава был основан вполне определенно на началах абсолютной беспартийности. Правление этой общины собиралось в квартире Качановского. Фактически эта организация является фиктивной.

В отношении документа по описи за № 13 скажу следующее. Доклад об императоре Николае Александровиче был мною составлен под впечатлением известия об убийстве семьи Романовых, весть о котором глубоко потрясла всех. Считая это дело актом совершенно ненужной жестокости, я был нравственно потрясен им. С политической точки зрения в основу доклада легла вышеотмеченная мною мысль о противодействии так называемому гетманскому монархизму, с которым возможно было бороться только выдвигая общерусскую монархическую идею. Это и было политической подкладкой доклада. Доклад этот вышел без всяких изменений отдельной брошюрой и распространялся легально на общих основаниях, но как издание личное, не от союза.

Листовка по описи документов за № 18 составлена лично мною как протест против гражданской войны, разьедавшей Россию, и призыв к единению».

На втором допросе добавил: «Что касается вопроса о желательном исходе нынешней гражданской войны на территории России, то я полагал наиболее разумным и практичным достижение справедливого соглашения между борющимися группами и областями, в чем, по-моему, положительную роль могла бы сыграть союзная России дипломатия, выдвинувшая в свое время в этом именно духе план совещания на Принцевых островах».

«...Портреты особ бывшего царствующего дома (документы за № 26, 27, 28 и 29) с особой целью не хранил, они были в бумагах еще с прежних, царских времен, когда в этом, как полагаю и теперь, ничего преступного не было, и я не видел необходимости уничтожать их.

...Что касается двух групповых фотографий офицеров, на одной из коих имеется и моя фотография, заявляю следующее. Обе эти группы состоят из офицеров — хорватов и словенцев, так называемых диссидентов, выступивших весной 1917 года из состава добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев, квартировавшего в то время в Одессе и ее районе и составлявшего вспомогательную часть русской армии. Недовольные порядками, существовавшими в корпусе, представители этой группы обратились ко мне как к публицисту с просьбой осветить вопрос о них на столбцах печати, мнением которой они дорожили. Я посвятил их делам несколько статей в «Одесском листке». Вскоре после этого все члены группы диссидентов приняты были на службу в русскую армию и летом разъехались по своим частям на разные фронты. Перед отъездом летом 1917 года они снялись в общей группе, куда пригласили и меня, оставив мне на память эти снимки».

Об изъятых у него списках сказал, что это списки подписчиков на газету «Русское дело» и список рассылки приглашений на собрание союза, составленный главным образом по сборнику «Вся Одесса».

Свои показания Дусинский завершил заявлением: «Все изъятое у меня документы, записки и прокламации не содержат ничего противозаконного. В случае если бы в них содержался элемент преступности, я, конечно, не преминул уничтожить их, для чего у меня было более чем достаточно времени, почти целый месяц. Я этого не сделал, считая подобное уничтожение совершенно излишним и ненужным, за полным отсутствием в них признаков какого-либо преступления. Этим же сознанием своей полной невиновности объясняется также и то, что я не собирался никуда уезжать с приближением советских войск и остался в советской Одессе».

8 мая 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин, «рассмотрев дело о гражданине Иване Ивановиче Дусинском по обвинению его в контрреволюционной деятельности, нашел, что показания, данные обвиняемым, дают основание к продолжению такового, а потому дабы пресечь возможность гражданину Дусинскому уклониться от следствия и суда постановил: гражданина Ивана Дусинского подвергнуть личному задержанию и **содержать под стражей в тюрьме в одиночном заключении».** (В рукописном варианте этого постановления, судя по почерку, составленном следователем Николаевым, Дусинский обвиняется в «контрреволюционной и погромной деятельности»; в напечатанном и подписанном Фоминым — только в «контрреволюционной». — *Ред.*)

К делу приложено обращение Центрального союза служащих государственных и общественных учреждений Херсонской губернии в поддержку арестованного. 12 мая оно было направлено в Чрезвычайную следственную комиссию. В обращении сказано: «По ходатайству Елены Паулиновны Дусинской исполком Союза служащих Новороссийского университета обратился в исполком Центросоюза с просьбой оказать ему содействие в выяснении судьбы мужа Дусинской, помощника библиотекаря Новороссийского университета и члена профсоюза служащих государственных и общественных учреждений Ивана Ивановича Дусинского. Вследствие этого исполком союза просит не отказать сообщить, предъявлено ли Дусинскому какое-нибудь обвинение и, если предъявлено, то какое именно, на какой стадии находится разбирательство, куда могут быть направлены лица, которые будут приносить пищу Дусинскому...»

15 мая прошение зарегистрировано в секретном отделе ОЧК, предположительно в тот же день наложена резолюция: «Как видно, дело ведется особым отделом. Проверить в наших списках, и в случае отсутствия такого арестованного направить прошение в особый отдел». 16 мая прошение переслано в особый отдел III армии, 18 мая там зарегистрировано. Ответа на прошение, так же как и документов, свидетельствующих о продолжении следствия, протоколов допроса свидетелей, заключения следователя и окончательного решения по делу нет.

Дальнейшая судьба И. И. Дусинского неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. На обложке дела нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

2. К делу подшиты два листа с описью документов по делу Русского народно-государственного союза, изъятых при обыске и аресте Дусинского (всего 47 наименований). В описи, в частности, указаны устав союза, часть списка его членов, список кандидатов от союза в Учредительное собрание, различные листовки, экземпляр газеты «Свободное слово» № 4 за 1918 год, рукописи статей арестованного, его паспорт, несколько удостоверений и фотографий, портреты членов царской семьи и мн. др. Кроме того — протокол обыска и ареста Дусинского и протокол предварительного дознания на двух страницах.

Ни одного документа или фотографии из указанных в описи в настоящее время в деле нет.

(Дело № 6082-п)

4 мая 1919 года особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

СНЕЖКО-БЛОЦКИЙ Михаил Викторович (43 года). Родился в 1875 (1876) году; место рождения и национальность не указаны, из потомственных дворян; образование не указано, по профессии — управляющий имением; беспартийный; женат. На момент ареста постоянного места работы не имел; временно проживал в Одессе (ул. Княжеская, 18), постоянное место жительства — Тирасполь.

Основанием для ареста послужило донесение неких Осипова и Силина (даты нет) о том, что по Княжеской, 18 «в квартире бежавшей с буржуями Назаровой сейчас проживает бывший помощник пристава дореволюционного времени Снежко-Блоцкий (служил в Петропавловском и Херсонском участках). При гетманском правительстве служил в Балте или Ананьеве, после падения гетманской власти бежал в Одессу. При французском влиянии вернулся в Балту или Ананьев. Сейчас сбрил бороду и подстриг волосы. Высокий и полный. Страшный монархист и антисемит». На документе резолюция без даты и подписи: «Дать ордер».

Ордер № 88 особого отдела III армии на арест и обыск оформлен 4 мая. На обороте надпись: «Ордер использован, арест произведен, документы взяты».

Протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запротоколированный допрос Снежко-Блоцкого провел 5 мая военный следователь особого отдела III армии Я. Закин.

В протоколе записано, что допрашиваемый в 1900-е годы служил в Сибири, в Тобольске, земским страховым агентом. В 1907 году приехал в Одессу, служил помощником пристава в Херсонском, Петропавловском и Портовом участках при градоначальнике Толмачеве. Через два года перешел на должность помощника полицмейстера в Екатеринослав, при губернаторе Якунине, а еще через пять месяцев — на должность пристава в село Каменское Екатеринославской губернии. Прослужив год, ушел и более на государственной службе не состоял. В 1912 году переехал в Одессу к матери, где вместе с женой открыли в 1914-м мастерскую дамского платья по улице Гоголя, 18. Мастерская просуществовала до 1916 года. Затем служил у графа Оболенского управляющим имением в селе Малаешты Херсонской губернии, затем — имением Нирод в Бессарабской губернии. Постоянно проживал в Тирасполе. «В настоящее время нахожусь без должности. Приехал в Одессу из Тирасполя искать службу, обращался в советские учреждения. Политической деятельностью никогда не занимался».

Предположительно в эти же дни по делу допрошены два свидетеля (протоколы не датированы), давно знавшие обвиняемого: его дальний родственник, летчик Красной армии, и письмоводитель хозяйки особого отдела III армии.

Первый свидетель заявил, что Снежко-Блоцкий в юности сам был против полиции, но растратил наследство и вынужден был поступить в полицию, так как, не имея образовательного ценза, на другую службу претендовать не мог; и что человек он спокойный и уравновешенный.

Другой свидетель сказал, что знает обвиняемого с детства, подтвердил его показания и добавил: «человек он неплохой и, будучи на полицейской службе, зла людям не делал».

Предположительно с 5 по 8 мая (дата не указана) военный следователь особого отдела III армии Закин составил заключение по делу Снежко-Блоцкого, обвиняемого в «службе в полиции при царском режиме». В заключении повторяются показания обвиняемого и свидетелей и говорится: «В материалах при обыске на квартире ничего компрометирующего не обнаружено. Семь лет тому назад, в 1912 году, Снежко-Блоцкий оставил совершенно службу в полиции и перешел на частную службу. Ввиду всего вышеизложенного полагаю: дело Снежко-Блоцкого прекратить, он подлежит освобождению».

8 мая 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин написал записку: «Снежко-Блоцкого сфотографировать, зарегистрировать и освободить из-под стражи». Соответствующее постановление отсутствует.

Документа с окончательным решением по делу и фотографии арестованного нет. Вероятно, был освобожден, так как в конце дела на внутренней стороне обложки есть запись: «Документы получил. М. Снежко-Блоцкий» (дата не указана).

Других данных об освобождении нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

На обложке дела нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

(Дело № 12249-н)

5 мая 1919 года особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестована

АНДРЕЕВСКАЯ Елизавета Сергеевна (39 лет). Родилась в 1879 (1880) году в Одессе; национальность не указана, из потомственных дворян; образование среднее, по профессии — учительница; беспартийная; вдова. На момент ареста постоянного места работы не имела; проживала в Одессе (Казарменный пер., 1).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, арестована по агентурной разработке членов монархических организаций. (В деле № 6082-п отмечено, что у руководителя Русского народно-государственного союза И. И. Дусинского при аресте изъяты списки членов союза. В деле № 6081-п отмечено, что в особом отделе III армии имеются такие списки).

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованной в деле нет. Содержалась в одесской тюрьме (ул. Херсонская, 63).

Единственный запроотоколированный допрос Андреевской провел 5 мая военный следователь особого отдела III армии Я. Закин.

В протоколе записано, что допрашиваемая владела имением в Тираспольском уезде Херсонской губернии. По окончании гимназии учительствовала. 23 октября 1918 года приехала в Одессу на съезд земельных собственников. По поводу обвинения в «контрреволюционной деятельности» заявила: «В середине ноября член Русского народно-государственного союза Петр Павлович Ганский предложил мне вступить в члены союза. Общие собрания союза происходили в зале ремесленной управы в епархиальном доме. На собраниях... я бывала всего несколько раз, иногда выступала, призывая к единению. Я не считалась политической деятельницей. Руководители союза рассчитывали получить от меня деньги, которых у меня не было. Против советской России я не шла, ибо считала, что советская власть объединяет Россию».

12 мая Андреевская подала на имя начальника особого отдела III армии заявление, в котором просила о дополнительном допросе. На обороте надпись: «К делу. Трибунал».

Протоколов допроса свидетелей, заключения по делу, постановления начальника особого отдела III армии в деле нет.

На протоколе допроса обвиняемой стоит резолюция без даты и подписи: «**В военно-революционный трибунал**». Рассматривалось ли дело Андреевской в трибунале — неизвестно. Приговора трибунала в деле нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

На обложке дела нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

(Дело № 6073-п)

5 мая 1919 года особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

МИРОШНИЧЕНКО Федор Иванович (54 года). Родился в 1864 (1865) году, место рождения и национальность не указаны; из ремесленников; образование начальное, профессия не указана; беспартийный; женат, имел взрослого сына. На момент ареста постоянного места работы не имел; проживал в Одессе (Слободка-Романовка, ул. Новоселецкая, 7).

Обстоятельства ареста. Арестован по агентурной разработке членов монархических организаций. 5 мая сотрудник № 17 представил в особый отдел докладную записку: «По наведенным мною справкам и документальным данным Ф. И. Мирошниченко состоял до последнего дня переворота, то есть до прихода советских войск, активным членом комитета Союза русских людей. Пользовался большой популярностью среди своих членов, за что его всегда единогласно избирали на общих собраниях Союза русских людей в комитет». В тот же день на докладную наложена резолюция «Выдать ордер» и на бланке начальника активной части особого отдела III армии написано задание по разработке. «Секретно. По делу Мирошниченко Ф. И. Произвести обыск, выемку документов и арестовать Мирошниченко Ф. И., живущего по Новоселецкой улице угол Рачковой, собственный дом на Слободке-Романовке. Обвиняется как член Союза рус-

ских людей, принимавшего активное участие против советской власти до прихода советских войск. Сведения дал сотрудник № 17».

Ордер № 97 особого отдела III армии на арест и обыск оформлен также 5 мая. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты личные документы, старые погоны, фотоаппарат и бумаги. На следующий день, 6 мая, на ордер наложена резолюция: «Следствие».

Постановление о содержании под стражей принято на третий день после ареста.

Анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколированный допрос Мирошниченко провел 7 мая военный следователь особого отдела Я. Закин (продолжительность следствия неизвестна).

В протоколе записано, что допрашиваемый получил домашнее образование, являлся потомственным почетным гражданином; до весны 1917 года работал смотрителем новой городской больницы. По поводу обвинения в «контрреволюционной деятельности» заявил: «Меня считают монархистом, но я сам себя монархистом не считаю. Сын ремесленника, я 42 года живу своим собственным трудом. Теперешняя деятельность советской власти привлекает мои симпатии, так как я вижу, что эта власть есть действительно твердая власть, действующая в интересах трудящихся, к числу которых я принадлежу... Признаюсь, что до прихода теперь в Одессу представителей советской власти у меня под влиянием газетных статей было отношение не совсем благожелательное к власти Советов, потому что представителей советской власти рисовали в виде каких-то бандитов и террористов. Между тем многие декреты и действия нынешней власти вызывают мои симпатии как человека трудящегося. Мой сын служит помощником начальника милиции в Слободке-Романовке и состоит студентом высшего сельскохозяйственного института. В Русский народно-государственный союз я записался главным образом из любопытства, не будучи знаком с программой, практического участия в работе союза не принимал и после посещения 2–3 собраний вовсе перестал интересоваться делами союза».

В качестве компрометирующего материала к делу приложено заявление (на печатном бланке), которое Мирошниченко подал 14 февраля 1919 года в управу русской общины Одессы: «Прошу принять меня членом русской общины. При сем прилагаю 3 рубля пожертвований на нужды общины».

К делу подшит документ, направленный в особый отдел 6 мая, в котором разные люди, знавшие арестованного, высказались в его поддержку. Бывший председатель Совета рабочих депутатов района Слободка-Романовка написал: «Федор Иванович Мирошниченко ничего контрреволюционного не проявлял, а наоборот, способствовал проведению в жизнь культурных начинаний Совета созыва 1918 года Слободского района». Бывший член этого Совета написал: «Федор Иванович Мирошниченко во время власти Советов в 1917 году был благожелателен к власти народа, посещал все спектакли, устраиваемые мною в бытность мою членом Совета рабочих депутатов района Слободка-Романовка, и предлагал свои услуги для чтения лекций по кооперации, помогал в устройстве детских утренников и при вступлении немецких войск говорил мне, что в случае преследования кого-либо из членов Совета обращаться к нему и общими усилиями он будет помогать освобождению». Аналогичную характеристику дал бывший член исполкома того же Совета. Ниже приклеена газетная вырезка: «Секретарь ремесленной управы Ф. И. Мирошниченко вошел в управу с докладом о необходимости устроить при управе организацию страхования цеховых подмастерьев на случай безработицы, инвалидности

и смерти». В конце листа — заявление еще нескольких человек: «В дни черной реакции в 1905 году, когда были погромы, Ф. И. Мирошниченко в своей квартире на Госпитальной улице скрывал несколько еврейских семей, рискуя своей жизнью... Знают Мирошниченко и многие другие евреи, которые знают, что он никогда не был антисемитом и контрреволюционером». Здесь же перечислены фамилии спасенных.

На документе стоит резолюция от 8 мая: «К делу Мирошниченко» (подпись неразборчива).

Протоколов допроса свидетелей в деле нет.

8 мая 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин, «рассмотрев дело о гражданине Федоре Мирошниченко в принадлежности к Русскому народно-государственному союзу, нашел достаточное основание для привлечения его к законной ответственности. Постановил: гражданина Мирошниченко заключить под стражу и **отправить в одесскую тюрьму (общая камера) впредь до особого моего распоряжения**».

10 мая состоялось заседание комитета служащих новой городской больницы, в которой ранее работал Мирошниченко. По ходатайству его сына комитет принял постановление и направил его в особый отдел III армии: «ходатайствовать об освобождении арестованного на поруки райкома партии коммунистов (большевиков) Слободки-Романовки». В постановлении сказано: «В бытность Мирошниченко смотрителем новой городской больницы в период службы его с 20 июня 1911 года по 15 апреля 1917 года Мирошниченко никогда не был замечен в пропаганде монархических идей. Никогда никого из служащих не преследовал за политические убеждения, противные его убеждениям, а также арестов, по заявлению старых служащих, по его доносам в больнице не было. Препятствий ко взятию Ф. И. Мирошниченко на поруки не встречается».

На документе стоит резолюция от 13 мая: «К делу Мирошниченко» (подпись неразборчива).

Заключения следователя и окончательного решения по делу нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. На обложке дела нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «1 кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

2. Личных документов Мирошниченко, изъятых при обыске, в настоящее время в деле нет.

(Дело № 6062-п)

6 мая 1919 года особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

АПРЕЛЕВ Федот Иванович (50 лет). Родился в 1868 (1869) году, место рождения и национальность не указаны, из крестьян; образование начальное, по профессии — торговец; беспартийный; женат, имел пятерых детей. На момент ареста торговал бакалейными товарами, проживал в Одессе (ул. Александровская, 20, кв. 62).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, арестован по агентурной разработке членов монархических организаций. (В деле № 6082-п отмечено, что

у руководителя Русского народно-государственного союза И. И. Дусинского при аресте изъяты списки членов союза. В деле № 6081-п отмечено, что в особом отделе III армии имеются такие списки).

Ордер № 113 особого отдела III армии на арест и обыск оформлен 6 мая. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты фотоаппарат, седло, палатка, плащ. На следующий день, 7 мая, на ордер наложена резолюция: «В следственную часть».

Постановление о содержании под стражей принято на третий день после ареста.

Анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Апрелева провел 9 мая военный следователь особого отдела III армии Николаев.

В протоколе записано, что допрашиваемый получил домашнее образование, всегда занимался торговлей, был купцом 2-й гильдии. По поводу обвинения в «контрреволюционной деятельности (член Русского народно-государственного союза)» заявил, что весной 1917 года один малознакомый человек предложил ему выставить свою кандидатуру в гласные Одесской городской Думы по списку неизвестного тогда ему Русского народно-государственного союза за № 13. «До этого я не состоял членом названного союза, и принимая во внимание, что я был и до этого момента безразличным к каким бы то ни было партиям, я категорически отказался вступить в члены Русского народно-государственного союза даже и по такой причине, как выставление моей кандидатуры в гласные Думы. По прошествии нескольких дней тот же, мне сейчас не известный, вместе с С. Н. Скарлато, принесли листок выборный мне в магазин и заявили, что я попал и в члены союза, и в список кандидатов на выборы в гласные. Я вручил им 10 рублей 50 копеек согласно предъявленной мне членской квитанции, но вновь категорически от участия в какой бы то ни было деятельности в союзе или же от лица союза отказался. Делегаты эти, видя мое упорство, сошлись со мною на том хотя бы, чтобы я не портил им уже поданного списка и не отказывался публично, через печать. Я, узнавши, что в списке кандидатов от союза стою под № 19, и не веря в жизнеспособность самого союза, пошел на эту уступку и не протестовал публично. Выбран, конечно, не был и после этого совершенно забыл, что где-то существует такой союз как Русский народно-государственный. Вообще с ним я не имел никакой связи, и не будь этого случая и не попал бы.

С другими какими-либо союзами, как политическими, так и идейными, правыми или левыми, не имел другой связи, как только благотворительной. Меня многие знают только за такого, да и за своим делом, при семье в пять человек, я едва ли в состоянии был бы найти время заниматься активной политикой. Квитанцию написал собственноручно по их просьбе. Власть советскую признаю и ей повинуюсь. Вреда против нее не замышлял. Понимаю ее как власть единственную и народную».

В качестве компрометирующего материала к делу приложен корешок квитанции (на печатном бланке) Русского народно-государственного союза от 6 мая 1918 года о взносе Федота Апрелева на сумму 10 рублей 50 копеек.

После показаний, данных обвиняемым, в тот же день и на том же листе следователь особого отдела III армии Николаев составил заключение по делу: «Показаниями обвиняемого подтверждается приписываемое ему участие в качестве рядового члена контрреволюционного Русского народно-государственного союза, подлежащего за свою такую деятельность суду военно-революционного трибунала. Почему в целях не дать

возможности обвиняемому уклониться от дальнейшего следствия и суда полагаю необходимым заключить его под стражу в одесской тюрьме с содержанием в общей камере».

9 мая 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин, «рассмотрев дело о гражданине Федоте Ивановиче Апрелеве по обвинению его в контрреволюционной деятельности, выразившейся в принадлежности к Русскому народно-государственному союзу, ставившему своей целью борьбу с советской властью, нашел, что опрос его и предварительное следствие дают основание к преданию его суду военно-революционного трибунала, а потому, дабы пресечь возможность гражданину Федоте Апрелеву уклониться от следствия и суда, постановил: гражданина Федота Апрелева **передать суду военно-революционного трибунала и подвергнуть личному задержанию и содержать под стражей в тюрьме в общей камере**».

Рассматривалось ли дело Апрелева в трибунале — неизвестно. Приговора трибунала в деле нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

На обложке дела нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

(Дело № 6078-п)

6 мая 1919 года особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

БОГАЧЕВ Роман Михайлович (49 лет). Родился в 1869 (1870) году, место рождения и национальность не указаны; из мешан; образование начальное, по профессии — приказчик; беспартийный; женат, имел дочь. На момент ареста служил приказчиком; проживал в Одессе (ул. Пантелеймоновская, 99, кв. 8).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, арестован по агентурной разработке членов монархических организаций. (В деле № 6082-п отмечено, что у руководителя Русского народно-государственного союза И. И. Дусинского при аресте изъяты списки членов союза. В деле № 6081-п отмечено, что в особом отделе III армии имеются такие списки).

6 мая комиссар Науменко подал заведующему активной частью Кушнареву доклад: «Арестованный Роман Богачев по ордеру № 112 проживает по Пантелеймоновской ул., 99. При появлении нас во дворе скрылся в своей квартире, после же осмотра всего двора был найден сотрудником Соколовским на крыше. О чем считаю нужным сообщить Вам». На документе стоит резолюция от 7 мая: «В следственную часть» (подпись неразборчива).

Ордера на арест и обыск (на который ссылается комиссар Науменко), протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запротоколированный допрос Богачева провел 8 мая военный следователь особого отдела III армии Николаев.

В протоколе записано, что допрашиваемый получил домашнее образование и всю жизнь служил приказчиком. По поводу обвинения в «контрреволюционной деятельности (член Русского народно-государственного союза)» заявил, что членом союза состо-

ит с мая 1918 года, и объяснил, как это произошло: по просьбе знакомого покупателя дал ему деньги, но что это взнос в какой-то союз, тогда не знал. Больше ничего не знает, на собраниях не бывал, руководителей также не знает. «К монархическим организациям, как рабочий человек, подвергавшийся эксплуатации хозяина, никогда не принадлежал, и ни в какой партии не состоял, ни правой, ни левой. Советскую власть признаю и ждал, как свою и народную власть. Вообще я — человек рабочий, политики не знаю и ни в чем себя виновным против советской власти не признаю по совести».

В тот же день, 8 мая, военный следователь особого отдела III армии (фамилия не указана) составил заключение по делу Богачева: «Из признания обвиняемого видно, что он действительно состоял членом Русского народно-государственного союза, ведшего контрреволюционную и погромную деятельность, и поэтому в числе прочих членов названного союза подлежит преданию суду военно-революционного трибунала. Полагаю, что впредь до разбора сего дела, в целях пресечения обвиняемому возможности уклониться от суда, гражданина Романа Богачева следовало бы заключить под стражу в одесской тюрьме и содержать в общей камере». (Документ не подписан; судя по почерку, составлен военным следователем Николаевым).

На этом заключении стоит резолюция без даты и подписи: «**В военно-революционный трибунал**».

Постановление начальника особого отдела III армии отсутствует.

Рассматривалось ли дело Богачева в трибунале — неизвестно. Приговора трибунала в деле нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

На обложке дела нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

(Дело № 6055-н)

7 мая 1919 года особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

ЭБЕЛОВ Михаил Исаевич (64 года). Родился в 1854 (1855) году в городе Немирове Подольской губернии; национальность не указана, из дворян; образование высшее, по профессии — кадровый офицер, генерал; беспартийный; женат, имел двух дочерей. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Одессе (Французский б-р, дача Слуцкого).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Возможно, был задержан при облаве и проверке документов. В его показаниях упоминается, что с 6 на 7 мая он остался ночевать на квартире полковника Щепетовского — «лишь потому, что моя квартира очень холодная».

Ордера на арест и обыск, протокола обыска и анкеты арестованного в деле нет.

Постановление о содержании под стражей принято на третий день после ареста.

Запротоколированы два допроса Эбелова (за неделю ведения следствия): 7 мая его допросил уполномоченный особого отдела III армии А. Андриенко и 8 мая — военный следователь того же отдела Семенов.

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил Алексеевское военное училище и Академию генерального штаба. Был военным губернатором Забайкальской области, командующим 34-й пехотной дивизией в Екатеринославе, помощником командующего войсками в Иркутске, начальником военных сообщений в Варшавском военном округе, главным начальником Одесского военного округа, имел чин генерала от инфантерии. После увольнения в августе 1917 года более не служил, ни к какой политической партии не примыкал.

По поводу обвинения в «контрреволюционной деятельности» дал следующие показания.

«Я в дореволюционное время был главным начальником Одесского военного округа, которым оставался и при министерстве Керенского до 11 августа 1917 года, когда был отчислен от должности по неизвестным мне причинам. После этого я жил в Одессе на Французском бульваре и нигде не служил. За все время со дня рабоче-крестьянской революции 25 октября 1917 года я не примыкал ни к какой политической партии, индифферентно относясь к партийной борьбе, не служа нигде...

Прохождение мною службы в течение моей жизни изложено в моем послужном списке, имеющемся при деле (в настоящее время в деле отсутствует. — *Ред.*). Сверх сего имею сказать следующее. В течение полугодового управления мною краем после революции я действовал в полном согласии со всеми политическими партиями за исключением крайне правых, которые в то время уже не существовали. Во время существования в Одессе советской власти в 1918 году я был совершенно в стороне от дел, был уволен со службы еще в августе 1917 года. Противодействие советской власти не соответствовало моим убеждениям, в силу которых я вообще не противодействую власти, раз она власть.

Во время оккупации края сначала немцами, а потом французами и кратковременно украинцами я не имел никаких знакомств с правящими кругами, а потому не мог оказывать никакого влияния на те меры, какие ими предпринимались. Что касается добровольческой армии, то с моей точки зрения это абсурд в военном отношении, ибо в этой армии офицеры, из которых составлена эта армия, противопоставляются Советской армии, состоящей из сынов народа и представляющей собой русский народ. Всякую иностранную оккупацию я считаю оскорблением для России, которая сама может устроить свои внутренние дела. Так же смотрел и на привлечение к участию в разрешении русских дел французов и англичан. Гетманская власть не пользовалась моим сочувствием, как созданная под ферулой наших врагов немцев, ими только поддерживаемая и искусственно разделяющая Россию. Ко времени прихода в сем году советской власти я никакого противодействия ей не оказывал и ни в какие сношения с добровольческим командованием или иными организациями не входил, равно не имел общения с отдельными лицами из этих организаций».

Эбелов подтвердил, что был знаком со многими известными людьми, в том числе с графом Шуваловым: «...Был дружен в семейном отношении в бытность его Варшавским генерал-губернатором, оказывал ему в то время некоторые услуги, будучи начальником военных сообщений в Варшавском военном округе. Я не разделял его крайне монархических взглядов и антисемитских убеждений, каковые в нем были сильно развиты, что не могло мешать ему высказывать свои взгляды передо мною и даже письменно. Я служил до сих пор, потому что нужно было служить... о возврате до крепостного времени не мог думать. Вообще о причастии к лицам, поставившим себе задачей возврат преж-

него и ниспровержение существующего строя рабоче-крестьянской власти Советов, я не думал...

С Калобовым, бывшим екатеринославским губернатором, у меня близкого знакомства никогда не было, знал я его лишь по службе в Екатеринославе. У меня в штабе округа он был всего раз, через два месяца после февральской революции, с просьбой о предоставлении ему места в армии. Я ему отказал, имея в виду его крайне правые убеждения и сочувствие Союзу русского народа. (О том же, что Калобов в бытность свою губернатором расстреливал рабочих, я не знаю)...

Мое знакомство с Каульборсом относится к 1909 году, когда я вступил в командование 34-й пехотной дивизией в Екатеринославе, а Каульборс был командующим войсками Одесского военного округа. Каульборс был в начале 1911 года сменен Зарубаевым, а я в конце 1911 года был назначен в Иркутск помощником командующего войсками. Частных отношений к генералу Каульборсу, семейных, я не имел, к деятельности его относился весьма неодобрительно как человека, желавшего выслужиться, минуя часто правду, и склонного к служебному фокусничеству. Политическая деятельность генерала Каульборса мне неизвестна, так как я, будучи строевым начальником, никакой роли в ней не играл. За время моего командования 34-й дивизией мои войска ни разу не вызывались для подавления каких-либо политических выступлений... С Каульборсом я не виделся уже четыре года. С 1915 года ни я у него, ни он у меня не бывал...

Имеющаяся в деле записка с выписками приговоров военного суда в Чите, вошедших в силу 2 октября 1906 года, составлена мною во время ознакомления с делами (эта записка в настоящее время в деле отсутствует. — *Ред.*). Но самые приговоры были вынесены не при мне и утверждены не мною, а генералом Рененкамфом, так как на должность военного губернатора Забайкальской области я был назначен приказом от 25 октября 1906 года и на место службы прибыл 10 декабря, как это видно из послужного списка...

Для характеристики моей деятельности в должности военного губернатора Забайкальской области ссылаюсь на имеющуюся во взятых у меня бумагах записку, составленную мною в 1917 году в период февральской революции по просьбе командира крейсера «Синоп» Зарудного для освещения моей деятельности перед обществом. Прошу эту записку приобщить к делу (в настоящее время в деле отсутствует. — *Ред.*). Из этой записки усматривается мое гуманное отношение к политическим ссыльным и моя борьба с Союзом русского народа...

Со дня вступления моего в должность главного начальника Одесского военного округа мне пришлось иметь столкновения с председателем одесского Союза русских людей Радзевичем. Он обнаружил стремление вмешиваться в дела управления, считая свой союз проводником идей самодержавия и игнорируя даже манифест 17 октября. Я указал ему, чтобы он строго придерживался устава, не вмешивался в дела управления, а также дела политических партий, и дал понять ему, что я не допущу натравливания одной части населения на другую, выливавшегося обычно в погромы. В общем, оттолкнул его. Когда же Радзевич стал возражать, то я предложил ему удалиться из моего кабинета и впредь ко мне не являться. Этим я хотел показать, что какая бы то ни было совместная деятельность властей с Союзом русских людей отныне становится невозможной. Об этом тогда знал весь город. После этого Радзевич стал писать на меня доносы как военным, так и гражданским властям, обвиняя меня в потакательстве революционному движению. На это я не обращал никакого внимания, управляя краем по закону.

Я поручил градоначальнику ознакомиться с перепиской и журналами Союза русских людей, причем оказалось, что Радзевич рассылал все постановления свои министрам, и это я ему запретил. Радзевич уклонялся от составления полного регистрационного списка членов Союза русских людей, так как, по словам Радзевича, многие из этих членов служили в еврейских предприятиях. Это я считал цинизмом, так как Союз русских людей не отличался добрым отношением к евреям. После этого я искал случая подвергнуть Радзевича строгому взысканию, но он, узнав об этом, стал осторожным, а затем уехал на фронт, продолжая там инспирировать против меня перед генералом Брусиловым.

Что касается Союза русского народа, во главе которого стоял Пеликан, я его порицал, и когда после революции революционный комитет из представителей всех партий постановил арестовать Пеликана и других лиц, в том числе Мечникова, фамилии их не помню, то это постановление я приказал немедленно привести в исполнение. Пеликана я считал совершенно не соответствующим по его политическим убеждениям и способностям званию городского головы, а Союз русского народа, как и Союз русских людей, вредным для общественного спокойствия. Закрывать эти союзы я не мог, так как закрытие зависело от Министерства внутренних дел, где они имели сильную поддержку. Поэтому я старался хотя бы обезвредить их деятельность.

Через день или два после обнародования Манифеста императора об отречении от престола ко мне явился офицер и конспиративно сообщил, что в ночь с 6 на 7 марта союзники (правые) решили арестовать меня и произвести погром, наступая со стороны Большого Фонтана и Дальника. Имея основания считать сообщение достоверным, я приказал принять предупредительные меры посредством соответствующего расположения в городе войск с пулеметами и охраны моей квартиры. Таким образом предпологавшееся выступление союзников было предотвращено, тем более что главари его были подвергнуты аресту.

В бытность мою главным начальником Одесского военного округа в Одессе функционировал военно-окружной суд, но дел политических он не рассматривал, точнее, не рассматривал потому, что такие дела при мне не возникали. Приговоры военно-окружного суда утверждались не мной, а главнокомандующим фронтом, я же давал только заключение. Никаких высылки в административном порядке политических деятелей я не производил.

По поводу взятых при обыске шашки, сабли и шпаги, седла и походного снаряжения объясняю, что еще 7 или 8 апреля я, желая сдать эти вещи и не имея возможности по состоянию здоровья доставить их, запросил по телефону коменданта управления, не могут ли за этими предметами числить кого-либо. Мне ответили, что эти вещи могут быть сданы мною при имеющем состояться осмотре квартиры. Тогда я и отдал оружие дворнику дома, у которого оно ныне и взято...

Все имеющиеся у меня ордена являются очередными наградами за военную службу, такими, какие получали все служившие соответственно чинам и должностям.

В национальном государственном союзе я не состоял. Не чувствуя за собою никакой вины против народа и революции, я оставался в Одессе при советской власти в прошлом году и в настоящем, хотя теперь мне представлялась полная возможность уехать на английском пароходе в Константинополь или куда я пожелал бы».

В конце протокола допроса от 7 мая уполномоченный особого отдела А. Андриенко написал свое заключение: «Выводя общую характеристику обвиняемого, я вижу

в нем неискренность на том основании, что при первых словах он сказал неправду о своем дворянском происхождении, тогда как не дворяне не могли быть в военной академии. Умолчание о таких связях, как граф Шувалов, повторяет эту неискренность. Его высказываемые противосоюзные взгляды не соответствуют тому скорому движению по иерархической лестнице, которое видно из его послужного списка. Его религиозность, доходящая до фанатизма, конечно, в известных пределах не дает основания верить высказываемым им взглядам, что явно противоречит тому обстоятельству, что царская охранка была всеведуща в этом отношении, особенно для людей, делающих быструю карьеру. Его дружба с людьми старого строя служит еще большим показателем традиционности убеждений».

Внизу дописаны дополнительные показания Эбелова: «Высказываю свои взгляды на партию Союз русского народа как на партию государственную не в смысле политическую, а в смысле искания своих выгод, и хотя она пользовалась поддержкой правительства, я не признавал ее».

К делу приложено прошение Эбелова без указания даты, поданное начальнику особого отдела: «Маленькая камера, в которой я заключен, переполнена заключенными (до 14 человек). До крайности спертый воздух, сон на полу без подушки лишает меня возможности дышать более чистым воздухом, при моем старческом возрасте в 64 года, сердцебиении, болезненном расстройстве внутренних органов — желудка и мочевого пузыря. Поэтому прошу: не признаете ли возможным улучшить место моего заключения, предоставив мне комнату в одном из верхних этажей или иным образом».

9 мая заведующий следственной частью особого отдела III армии Ахмедов подписал заключение о мере пресечения и на его основании начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин в тот же день принял соответствующее постановление. «Рассмотрев дело о гражданине Эбелове Михаиле Исаевиче по обвинению его в контрреволюционной деятельности, нашел, что следствие по сему делу надлежит продолжать, а потому дабы пресечь возможность гражданину Эбелову Михаилу уклониться от следствия и суда, постановил: гражданина Эбелова Михаила подвергнуть личному задержанию и содержать под стражей в тюрьме в одиночном заключении».

14 мая на бланке заведующего следственной частью особого отдела III армии Ахмедова составлено заключение по делу Эбелова, обвиняемого в «контрреволюционной деятельности». В заключении сказано: «Рассмотрев следственное производство... нашел: 1) что занимая высокие административные посты, в частности пост главного начальника Одесского военного округа, бывший генерал Эбелов не мог не действовать согласно видам и целям существовавшего тогда царского правительства; 2) что политика этого правительства была разорительна для страны и сопровождалась политическим и социальным гнетом трудовых масс и противодействием их стремлениям к народоправству; 3) что, таким образом, Эбелов, являясь проводником в жизнь этой политики по своему служебному положению, должен за нее нести ответственность перед революционным трибуналом; 4) что означенные данные служат основанием для предания его суду военно-революционного трибунала. А потому полагаю: гражданина Эбелова Михаила Исаевича предать суду военно-революционного трибунала III Украинской Советской Красной армии по обвинению в осуществлении противонародной политики царского правительства» (документ не подписан).

Постановление начальника особого отдела III армии отсутствует.

На протоколе допроса от 8 мая стоит резолюция без даты и подписи: «**В военно-революционный трибунал**». Рассматривалось ли дело Эбелова в трибунале, неизвестно. Приговора трибунала в деле нет.

Документы о рассмотрении дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. В книге В. И. Голованя «Одесский военный округ и его командующие (1862–1918)» указывается, что М. И. Эбелов был **расстрелян 13 июля 1919 года** (стр. 44).

2. Послужного списка Эбелова и многих других документов, упоминаемых им на допросах и, вероятно, изъятых при обыске, в настоящее время в деле нет.

(Дело № 12250-п)

Не позднее **11 мая 1919 года** особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

ШОСТАК Семен Иванович (54 года). Родился в 1864 (1865) году; место рождения, национальность и происхождение не указаны; образование начальное, по профессии — военный и кожевник-торговец; беспартийный; женат, имел четырех дочерей. На момент ареста служил контролером сторожей в артели; проживал в Одессе (ул. Новосельского, 42).

Обстоятельства ареста из дела не ясны, возможно, задержан при проверке документов в связи с тем, что в его паспорте были подчистки.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Шостака провел 11 мая судебный следователь особого отдела III армии Мельников (продолжительность следствия неизвестна).

В протоколе записано, что допрашиваемый был личным почетным гражданином; окончил сельское народное училище, одиннадцать лет прослужил в Одесской городской конной жандармской команде, числился в дополнительном штате при жандармском управлении для проверки заграничных паспортов, уволился по собственному желанию. После этого сначала служил в частных предприятиях, а в 1908 году поступил в городскую полицию и до 1917 года служил полицейским надзирателем при Бульварном участке, прикомандированным к полиции из охранного отделения Одесского жандармского управления; по службе участвовал в обысках, арестах и регистрации арестованных. Уволился в конце 1917 года, служил артельщиком во Всероссийском земском союзе, а в последнее время — контролером сторожей в Екате[рининской] ком[мерческой] артели.

Признал, что подчистил в паспорте год рождения, уменьшив возраст на год, с целью поступления на службу (боялся, что как старого человека его не примут), а также ту страницу, где было указано, что он служил в жандармской команде.

Предположительно в день допроса (дата не указана) судебный следователь особого отдела III армии Мельников составил заключение по делу Шостака без формулировки обвинения. В заключении сказано: «Допросив арестованного Семёна Шостака, установил через сознание его, что он служил в охранном отделении Одесского жандармского управления, откуда был прикомандирован в качестве полицейского надзирателя к Бульварному участку, принимал участие в обысках и арестах. В паспорте С. Шостака обнаружены в двух местах подчистки. Ввиду этого полагаю, что дело для дальнейшего произ-

водства должно быть направлено в военно-революционный трибунал, а Шостак подлежит отправлению в тюрьму в общую камеру». (Рукописный черновик документа Мельников подписал, перепечатанный чистовик — нет).

Постановление начальника особого отдела III армии отсутствует.

На протоколе допроса стоит резолюция без даты и подписи: «**В военно-революционный трибунал**».

Рассматривалось ли дело Шостака в трибунале, неизвестно. Приговора трибунала в деле нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

Дело состоит из двух описанных документов — протокола допроса арестованного и заключения следователя.

(Дело № 12254-н)

26 мая 1919 года комендантом штаба окружного военкомата без предъявления обвинения арестованы

ЗАВЕЛЕВИЧ Анелия Петровна (29 лет). Родилась в 1879 (1880) году; место рождения, национальность, происхождение, образование, профессия, партийность, семейное положение не указаны. На момент ареста заведовала сапожной мастерской; проживала в Одессе (ул. Мариинская, 2);

САТИНСКИЙ Владимир Васильевич (39 лет). Родился в 1869 (1870) году; место рождения, национальность, происхождение, образование не указаны; по профессии — военнослужащий; партийность и семейное положение не указаны. На момент ареста заведовал командным составом (воинская часть не указана); проживал в Одессе (ул. Пироговская, 6).

Обстоятельства ареста изложены в акте от 26 мая, составленном комендантом штаба окружного военкомата П. Бобровским. «По приказанию помощника окружного военкома товарища Кузина, поддержанному председателем высшей военной инспекции Юзовским, и по указанию вестового товарища Бернада мною и комендантом В. В. И. товарищем Ушеровым был произведен обыск в квартире товарища Сатинского, во время которого были обнаружены нижеследующие предметы: казенные рубахи, кальсоны, несколько аршин полотна, два ящика патронов русского образца и разрывные, русские национальные флаги, одна разряженная бомба, офицерские погоны и много разных бумаг. Арестована также мною заведующая сапожной мастерской Завилевич (так в документе. — *Ред.*). Во время приезда для производства обыска вышеназванная Завилевич позвонила в часть курсантов и передала, что приехали какие-то бандиты или налетчики, несмотря на то, что были предъявлены документы В. В. И. Принятыми мною вовремя мерами команда, вызванная Завилевич, была задержана, благодаря чему не произошло столкновения и кровопролития».

В тот же день арестованные вместе с изъятыми у них при обыске вещами препровождены в управление коменданта Одессы и порта.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкет арестованных в деле нет.

26 мая на бланке дежурного следователя особого отдела при управлении коменданта города оформлены протоколы ареста Завелевич и Сатинского (фамилия следователя не указана). В протоколе на арест Завелевич записано, что обыск был произведен в Алексеевском приюте. В перечень вещей, изъятых у арестованных, помимо названных в акте, внесены сберегательная книжка Завелевич, три печати, карта большого размера, паспорт и личные документы Сатинского.

На протоколах стоит резолюция от 27 мая: «Вместе с вещественными доказательствами отправить в особый отдел III армии» (подпись неразборчива).

К делу приложены регистрационные карточки без даты, в которых в качестве причины ареста Завелевич указано «сокрытие казенных вещей», Сатинского — «политическое дело». Здесь же написано, что они направлены на гарнизонную гауптвахту.

Протоколов допросов арестованных, свидетелей, заключения следователя, а также окончательного решения по делу нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

Первоначально, на 15 октября 1919 года (дата регистрации дела в Новозыбкове), дело состояло из 34 листов. Предположительно в те же годы основная часть документов изъята; оставлены 8 листов, на которые составлена опись. В 2002 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъят из дела паспорт пограничника, предположительно принадлежавший Сатинскому.

(Дело № 16215-п на 2 человек)

27 мая 1919 года особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестована

СОМОВА Августа Ивановна (29 лет). Родилась в 1889 (1890) году в селе Березовское Херсонской губернии; национальность не указана, из мещан; образование неполное среднее, профессии не имела, домохозяйка; беспартийная; замужем, мать 7-летнего ребенка. На момент ареста постоянного места работы не имела, ученица киностудии Чардынина; проживала в Одессе (ул. Коблевская, 6, кв. 14).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, арестована по агентурной разработке членов монархических организаций. (В деле № 6082-п отмечено, что у руководителя Русского народно-государственного союза И. И. Дусинского при аресте изъяты списки членов союза. В деле № 6081-п отмечено, что в особом отделе III армии имеются такие списки).

Ордер № 294 особого отдела III армии на арест и обыск оформлен 27 мая. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты документы, переписка, фотографии. На следующий день, 28 мая, на ордер наложена резолюция: «В следственную часть».

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованной в деле нет.

Единственный запротоколированный допрос Сомовой провел 29 мая следователь особого отдела III армии Семенов.

В протоколе записано, что допрашиваемая окончила 5 классов гимназии, замужем за военнослужащим в звании капитана, и что ей приходилось искать работу, поскольку семья материально нуждалась.

По поводу обвинения в «принадлежности к Русскому народно-государственному союзу» заявила: «Я никогда не состояла членом названного союза, заявление в него не подавала, деятелей его не знаю, денег в его пользу не жертвовала. Союз этот, кажется, монархический, и я в него ни за что не вступила бы, будучи демократкой и по происхождению, и по взглядам. Ни на каких собраниях союза я не бывала. Вообще я не имею времени для занятий политикой, будучи занята ребенком».

В тот же день, 29 мая, на бланке заведующего следственной частью особого отдела III армии (фамилия не указана) составлено заключение по делу Сомовой, обвиняемой в «принадлежности к Русскому народно-государственному союзу». В заключении сказано: «Рассмотрев дело... нашел: 1) что хотя Сомова и значится в списках членов названного союза, но фактически ее в нем участие ничем не устанавливается; 2) что самое включение Сомовой в число членов союза могло произойти и без ее сознательного согласия, если принять во внимание неразборчивость деятелей союза в способах вербовки членов; 3) что обыском и выемкой ничего указывающего на ее сочувствие контрреволюции не установлено; 4) что при таких условиях нет данных для предания Сомовой суду и дальнейшего содержания ее под стражей. А потому полагаю: дело... производством прекратить и ее, Сомову, из-под стражи освободить». (Рукописный черновик заключения, судя по почерку, составлен следователем Семеновым, но не подписан ни им, ни заведующим следственной частью).

Постановление начальника особого отдела III армии отсутствует.

31 мая 1919 года на машинописный и рукописный (не подписанный) текст заключения о прекращении дела в отношении А. И. Сомовой наложена резолюция «Взять подписку о невыезде и освободить» (подпись неразборчива).

К делу приложен рапорт политического комиссара николаевской автоколонны в поддержку Сомовой, поданный 30 мая на имя коменданта особого отдела: «Зная лично гражданку Сомову как человека, явно сочувствующего советскому строю, я, Степан Захарович Петренко, полагаю, что она была арестована по ложному доносу. Со своей стороны свидетельствую, что она в партии истинно русских людей и ни в какой-либо контрреволюционной другой не состояла и не состоит, а состоит в партии киноъемщиков, где и все время занята. А потому осмелюсь просить Вас о распоряжении освободить товарища Сомову из-под ареста на мою ответственность. За все могущие произойти с ее стороны поступки против советской власти обязуюсь отвечать по всей строгости суда революционного трибунала. Надеюсь, что моя просьба об освобождении оклеветанного товарища найдет поддержку справедливых взглядов советского правительства». На документе стоит резолюция без даты и подписи: «Следственная часть. К делу».

Последний лист дела — подписка Сомовой о невыезде без указания даты: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящую подписку особому отделу III Украинской Советской Красной армии в том, что обязуюсь впредь до окончания дела моего без разрешения отдела не отлучаться и являться к следствию и суду аккуратно. Жить буду: Коблевская, 6, кв. 14».

Вероятно, была освобождена, так как в конце дела на внутренней стороне обложки есть запись: «Получила все сполна. Сомова» (дата не указана).

Окончательного решения по делу нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. На обложке дела нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

2. Документов и фотографий Сомовой, изъятых при обыске, в настоящее время в деле нет.

(Дело № 6075-н)

28 мая 1919 года особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

ЗИНГЕР Герш Шимонович (17 лет). Родился в 1901 (1902) году в Одессе; еврей, из мещан; образование начальное, профессии не имел; беспартийный; холост. На момент ареста — красноармеец 1-й Белорусской советской бригады; проживал в Одессе (ул. Колонтаевская, 67, кв. 21).

Основания для ареста в деле не представлены. Предположительно — по доносу (см. примечания).

Ордер № 303 особого отдела III армии на арест и обыск оформлен 28 мая. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты два удостоверения. На следующий день, 29 мая, на ордер наложена резолюция: «В следственную часть».

Постановление о содержании под стражей принято более чем через одиннадцать дней после ареста.

Анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запротоколированный допрос Зингера провел 5 июня военный следователь особого отдела III армии Янин (более чем через неделю после ареста, один допрос за две недели ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый происходит из мещан города Любарска, окончил 2 класса училища Трейстера, жил с родителями. Летом 1918 года был отправлен в госпиталь на Колонтаевскую; вернулся домой при немцах. Однажды вечером, возвращаясь из кино, был задержан немецким шпиком, посчитавшим его большевиком. Знакомый Зингера Шаференко предъявил документы сотрудника сыскного отделения и настоял на его освобождении. «Этот Шаференко... предлагал мне поступить в уголовный розыск. Я, поддавшись его убеждениям, подал соответствующее заявление, но мне ответили, что я слишком молод для такой должности. Второй раз я опять подал, благодаря уговорам того же Шаференко, не послушавшись моей матери, которая просила меня не делать этого. Но и в этот раз мне отказали, ответив, что жидов не принимают. Больше я туда не обращался».

В качестве свидетелей обвинения допрошены комиссар дома № 67 по улице Колонтаевской и двое соседей арестованного — красноармеец и фабричная работница (протоколы не датированы).

Первый свидетель заявил, что Зингер якобы сам говорил ему, что служит сыщиком, а устроил его старший сыщик Шаференко, «который в настоящее время сбежал... Был Зингер всегда при револьвере, безобразничал, остановил однажды против нашего же дома человека и рукояткой револьвера ударил его по голове. По слухам мне известно, что он многих рабочих выдавал добровольцам. Я сам приговорен добровольцами к смертной казни и спасся благодаря моей ловкости. Кто выдал меня не знаю, может быть, Зингер, а может быть, другой».

Другой свидетель сообщил, что «знает Зингера давно как жильца дома, раньше он сыском не занимался, но за месяца три до прихода советской власти записался в сыскное отделение. Его принял Шаференко, начальник или инспектор сыскного отделения. Он выдал многих товарищей, а также моего родного брата Константина» (который избежал ареста — заметил через окно сыщиков и скрылся).

Третья свидетельница рассказала, что когда у одного из соседей была кража, Зингер явился к ней и потребовал впустить для обыска. «Заявил, что он сыщик и имеет право производить обыски... Во дворе я слышала, что он выдал матроса, рабочего на заводе Анатра, и тот должен был скрыться. Вообще в доме у нас говорили, что Зингер выдает многих и его следовало бы расстрелять».

Остальные соседи обвиняемого по дому подали заявление в его поддержку (дата не указана): «Настоящим мы, жильцы дома по ул. Колонтаевской, 67, удостоверяем, что мы знаем Герша Шимонова Зингера как скромного и тихого молодого человека, ни в чем предосудительного его не замечали и не знали, чтобы он принадлежал к сыску или служил в сыском отделении» (10 подписей).

6 июня отец арестованного Шимон Лейбович Зингер написал прошение в контрольно-следственный отдел: «Около двух недель назад мой сын был арестован... вследствие ложного оговора в том, что он будто бы до прихода советской власти служил агентом судебной милиции и в качестве такового выдавал большевиков. Ввиду полной необоснованности изложенного настоящего обвинения, в доказательство чего представляю удостоверение юртеста (секции судебно-уголовного розыска)... о том, что мой сын никогда не служил в уголовно-розыском отделе. Прошу... принять меры к его скорейшему освобождению из одесской тюрьмы. К сему добавляю, что в случае надобности я обязуюсь по первому требованию доставить моего сына на суд под мою личную ответственность».

К прошению приложено удостоверение, выданное 6 июня секцией судебно-уголовного розыска юридического отдела Совета рабочих депутатов Одессы: «Дано Зингеру Шимону в том, что из уцелевших дел бывшего одесского уголовно-розыскного отдела не видно, чтобы сын его Герш Зингер состоял когда-либо на службе в названном отделе».

Не позднее 7 июня (дата не указана) военный следователь особого отдела III армии Янин составил заключение по делу Зингера, обвиняемого в «службе в сыском отделении». В заключении сказано: «Рассмотрев дело... нашел: по свидетельским показаниям (см. показания Амелина, Садовского и Гинц) обвинение Зингера в службе в сыском отделении вполне доказано. Ввиду чего полагаю: Зингера Герша предать суду гражданского революционного трибунала, меру пресечения избрать общее тюремное заключение».

7 июня текст продублирован в заключении заведующего следственной частью особого отдела III армии Ахмедова, но в постановочной части гражданский революционный трибунал заменен на военно-революционный трибунал (документ не подписан).

В тот же день на бланке постановления начальника особого отдела III армии Фомина напечатано, что Зингер обвиняется в «службе в сыском отделении», что «по свидетельским показаниям обвинение... вполне доказано» и поэтому его следует «предать суду военно-революционного трибунала III армии, а мерой пресечения избрать общее тюремное заключение» (документ также не подписан).

На копии протокола допроса обвиняемого, куда допечатаны и показания трех свидетелей, стоит резолюция от 11 июня: «В военно-революционный трибунал» (документ не подписан).

Не позднее 12 июня (дата не указана) военный следователь особого отдела III армии Янин составил новое заключение: «Рассмотрев дело... нашел: из удостоверения юридического отдела... выданного отцу обвиняемого, не видно, чтобы сын его Герш состоял когда-либо на службе в названном отделе. Если из показаний свидетелей обвинения явствует, что обвиняемый Герш озорничал, то это объясняется исключительно его несовершеннолетством (16 лет) (так в документе. — *Ред.*), необдуманностью и склонностью в этом возрасте к шальным и необдуманным поступкам. Ввиду чего полагаю: Герша Зингера из-под стражи освободить, отобрав подписку о невыезде из Одессы, дело производством прекратить».

12 июня текст продублирован в заключении заведующего следственной частью особого отдела III армии Ахмедова.

12 июня 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин, «рассмотрев следственное производство по делу Зингера Герша и не найдя оснований к дальнейшему производству следствия за отсутствием состава преступления, постановил: дело Зингера Герша производством прекратить и его от содержания под стражей в одесской тюрьме **освободить**. Копию настоящего постановления препроводить начальнику одесской тюрьмы для исполнения». Постановление напечатано на обычном листе, подписано Фоминым и скреплено печатью начальника особого отдела III армии.

Вероятно, арестованный был освобожден, так как в конце дела на внутренней стороне обложки есть запись: «Документы получил. Г. Зингер» (дата не указана).

Других данных об освобождении нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. На обложке дела нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «II кк» (то есть осуждение по II категории — срок заключения). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

2. В 2003 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъят л. 1 — возможно, первоначальный донос.

(Дело № 6080-п)

28 мая 1919 года особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестована

САУЛИНА Ксения Алексеевна (60 лет). Родилась в 1858 (1859) году в Одессе; национальность не указана, из мещан, образование начальное, по профессии — торговка; беспартийная; вдова, мать семерых детей. До ареста торговала зеленью и курами, проживала в Одессе (ул. Земская, 18, кв. 23).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, арестована по агентурной разработке членов монархических организаций. (В деле № 6082-п отмечено, что у руководителя Русского народно-государственного союза И. И. Дусинского при аресте изъяты списки членов союза. В деле № 6081-п отмечено, что в особом отделе III армии имеются такие списки).

Ордер № 276 особого отдела III армии на арест и обыск оформлен 26 мая. Арестована 28 мая, в протоколе обыска указано, что компрометирующие документы не обнаружены. В тот же день на ордер наложена резолюция: «В следственную часть».

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованной в деле нет.

Единственный запотоколированный допрос Саулиной провел 29 мая следователь особого отдела III армии Семенов.

В протоколе записано, что по поводу обвинения в «принадлежности к Русскому народно-государственному союзу» допрашиваемая заявила: «В означенный союз я никогда не записывалась, на собрания его не ходила, его главарей не знаю. Если я и записана в какие-либо списки членов союза, то это сделано без моего ведома и согласия. Я припоминаю случай, когда ко мне подходили с просьбой пожертвовать на церковь. Я дала один рубль, квитанции не получила и нигде не расписывалась. Я политикой не занимаюсь, вся жизнь у меня прошла в заботах о детях, которых у меня было семеро... Я болею всю зиму, болит голова, шум в ушах, страдаю почками, плохо вижу».

В тот же день, 29 мая, на бланке заведующего следственной частью особого отдела III армии (фамилия не указана) составлено заключение по делу Саулиной, обвиняемой в «принадлежности к Русскому народно-государственному союзу». В заключении сказано: «Рассмотрев дело... нашел: 1) что хотя Саулина и значится в списке названного союза, но намеренное ее вступление в последний или какое-либо участие в его деятельности ничем не устанавливается; 2) что самое включение Саулиной в число членов союза могло произойти и без ее сознательного согласия, если принять во внимание неразборчивость деятелей союза в способах вербовки членов; 3) что обыском и следствием ничего компрометирующего Саулину не устанавливается; 4) что, независимо от этого, малокультурная женщина шестидесятилетняя Саулина не может представляться опасною для общественного порядка; 5) что при таких условиях нет оснований для предания ее суду и дальнейшего содержания под стражей. А потому полагаю: дело... производством прекратить и Саулину изпод стражи освободить». (Рукописный черновик заключения, судя по почерку, составлен следователем Семеновым, но не подписан ни им, ни заведующим следственной частью).

Постановление начальника особого отдела III армии отсутствует.

31 мая 1919 года на машинописный (также не подписанный) текст заключения о прекращении дела в отношении К. А. Саулиной наложена резолюция: «Освободить, отобраз подписку о невыезде» (подпись неразборчива).

Последний лист дела — недатированная подписка Саулиной о невыезде: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящую подписку особому отделу III Украинской Советской Красной армии в том, что обязуюсь впредь до окончания дела моего без разрешения отдела не отлучаться и являться к следствию и суду аккуратно. Жить буду: Земская, 18, кв. 23».

Окончательного решения по делу нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

На обложке дела нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

(Дело № 6092-н)

Не позднее **30 мая 1919 года** особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестованы супруги

КАРУЗО Мария Димитриевна (41 год). Родилась в 1877 (1878) году в Галиции (Австро-Венгрия); национальность не указана, из мещан; образование и профессия не

указаны; беспартийная; замужем. На момент ареста постоянного места работы не имела, домохозяйка; проживала в Одессе (Малый пер., 4, кв. 8);

КАРУЗО Спиридон Иванович (70 лет). Родился в 1848 (1849) году в Одессе; национальность не указана, из дворян; образование высшее, по специальности — военный юрист; беспартийный; женат. На момент ареста постоянного места работы не имел; проживал в Одессе (Малый пер., 4, кв. 8).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, арестованы по агентурной разработке членов монархических организаций. (В заключении следователя отмечено, что в особом отделе III армии имелись списки членов Русского народно-государственного союза. В деле № 6082-п отмечено, что у руководителя Русского народно-государственного союза И. И. Дусинского при аресте изъяты списки членов союза).

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, анкет арестованных в деле нет.

Постановление о содержании под стражей принято на следующий день после допроса.

Запротоколировано по одному допросу супругов Карузо. 30 мая их допросил военный следователь особого отдела III армии Семенов.

С. И. Карузо окончил военно-юридическую академию, до 1917 года был военно-судебным служащим, секретарем, в последние годы не служил. По поводу обвинения в «принадлежности к Русскому народно-государственному союзу» заявил: «Я в члены союза не записывался, а только сделал в пользу этого союза пожертвование в сумме одного или полутора рублей один раз, кто ко мне обратился с просьбой об этом пожертвовании, я не знаю. Дело это было у меня на квартире, кажется, в прошлом году. С программой союза знаком не был, но о его целях слышал. Ни на одном собрании союза я не присутствовал, с руководителями союза знаком не был, но фамилии некоторых из них слышал, например, Дусинского, Скарлато, Качановского». (И. И. Дусинский был арестован не позднее 3 мая, описание дела № 6082-п см. на стр. 125–135. Дел на двух других человек в фонде «П» нет, были ли они арестованы в 1919 году — неизвестно. — *Ред.*).

М. Д. Карузо по поводу того же обвинения сказала: «В союзе или иных монархических организациях я не состояла и не состою. Как попала моя фамилия в список членов союза, не знаю. Быть может меня внесли в этот список потому, что я дала пожертвование, даже не зная в чью пользу собирали, кажется, на обучение каких-то детей. Пожертвовала я два или три рубля. Ни на какие собрания я не ходила».

На следующий день после допроса, 31 мая, военный следователь особого отдела III армии Семенов составил заключение по делу супругов Карузо, обвиняемых в «принадлежности к Русскому народно-государственному союзу». В заключении сказано: «Рассмотрев следственное производство по делу... нашел: 1) что принадлежность обвиняемых к названному союзу доказывается нахождением их имен в найденных списках членов союза; 2) что помимо этого обвиняемые оказывали содействие союзу денежными пожертвованиями; 3) что при таких обстоятельствах имеются данные для предания обвиняемых суду; 4) что ввиду крайне болезненного состояния Карузо Марии представляется необходимым изменить в отношении ее меру пресечения. А потому полагаю: граждан Карузо Спиридона Ивановича и Карузо Марию Дмитриевну предать суду Одесского революционного трибунала... меру же пресечения в отношении Карузо Марии изменить, освободив ее из-под стражи с отображением подписки о невыезде под поручительство мужа ее Карузо Спиридона, которого оставить под стражею». (Ни рукописный черновик заключения, ни машинописный вариант не подписаны).

31 мая 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин принял два постановления, отдельно о каждом из обвиняемых. Рассмотрев дело М. Д. Карузо и С. И. Карузо по обвинению в «принадлежности к Русскому народно-государственному союзу» и найдя, что «обвинительный материал дает основания предать их суду военно-революционного трибунала, а потому, дабы пресечь возможность уклониться от следствия и суда, постановил:

гражданку Карузо Марию предать суду военно-революционного трибунала, а меру пресечения избрать отобрание подписки о невыезде и поручительство мужа ее Карузо Спиридона;

гражданина Карузо Спиридона предать суду военно-революционного трибунала, подвергнуть личному задержанию и содержать под стражей в тюрьме в общей камере».

(Рукописный черновик постановления в отношении Марии Карузо подписан за Фомина и поставлена его печать. Постановление в отношении Спиридона Карузо напечатано, но не подписано).

Подписки о невыезде или других данных об освобождении Марии Карузо нет.

На копии протокола допроса Спиридона Карузо стоит резолюция без даты и подписи: «В военно-революционный трибунал».

Рассматривалось ли дело в трибунале — неизвестно. Приговора трибунала в деле нет. Дальнейшая судьба обоих неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

На обложке дела неясные надписи, которые предположительно можно прочесть как «2 ч. — I кк, 2 ч. — II кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел, осуждение по II категории — срок заключения). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

(Дело № 6081-п на 2 человек)

Не позднее *30 мая 1919 года* особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестована

ПОДОЛЬСКАЯ Мария Ивановна (60 лет). Родилась в 1858 (1859) году в Бессарабской губернии; национальность не указана, из духовенства; образование начальное, профессии не имела; беспартийная; вдова. На момент ареста — домохозяйка; проживала в Одессе (ул. Херсонская, 23, кв. 20).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, арестован по агентурной разработке членов монархических организаций. (В деле № 6082-п отмечено, что у руководителя Русского народно-государственного союза И. И. Дусинского при аресте изъяты списки членов союза. В деле № 6081-п отмечено, что в особом отделе III армии имеются такие списки).

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, анкеты арестованной в деле нет.

Постановление о содержании под стражей принято на следующий день после допроса.

Единственный запотоколированный допрос Подольской провел 30 мая военный следователь особого отдела III армии Семенов.

В протоколе записано, что допрашиваемая происходит из семьи священника, получила домашнее образование, окончила курсы сестер милосердия военного времени.

По поводу обвинения в «принадлежности к Русскому народно-государственному союзу» заявила: «Ни в названном союзе, ни в иных монархических партиях и союзах я не состояла и не состою, пожертвований в их пользу не делала, никакой агитации в их пользу не вела. Единственное пожертвование в пользу бедных через Союз русского народа (другая организация. — *Ред.*) я сделала, но не от себя, а по просьбе соседки Сончак, которая просила меня передать в союз пару или две чулок. Я ее просьбу исполнила, зашла в прихожую союза, отдала чулки, получила квитанцию и ушла. По поводу предъявленных мне документов, изъятых у меня при обыске, заявляю, что эти бумаги были мне даны или в церкви, или знакомыми, или найдены на улице».

В тот же день, 30 мая, следователь Семенов составил заключение по делу Подольской, обвиняемой в «принадлежности к Русскому народно-государственному союзу»: «Рассмотрев дело... нашел: 1) что таковая принадлежность устанавливается нахождением имени Подольской в списке членов Русского народно-государственного союза; 2) что обнаружением при обыске у нее тенденциозно-монархической литературы устанавливается ее сознательное восприятие контрреволюционных идей; 3) что при таких условиях имеются основания для предания суду. А потому полагаю: гражданку Подольскую Марию Ивановну предать суду Одесского революционного трибунала... а до суда содержать по стражей в тюрьме» (документ не подписан).

31 мая 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин, «рассмотрев дело о гражданке Подольской Марии Ивановне по обвинению ее в принадлежности к Русскому народно-государственному союзу, нашел, что обвинительный материал дает основание для предания ее суду военно-революционного трибунала, а потому, дабы пресечь возможность гражданке Подольской Марии Ивановне уклониться от следствия и суда, постановил: гражданку Подольскую Марию Ивановну **передать суду военно-революционного трибунала, подвергнуть личному задержанию и содержать под стражей в тюрьме в общей камере**». (Документ не подписан. Внизу допечатано: «С подлинным верно. Заведующий следственной частью», но подписи заведующего нет).

2 июня продублировано то же постановление, но также не подписано.

На копии протокола допроса обвиняемой стоит резолюция без даты и подписи: «В военно-революционный трибунал».

Рассматривалось ли дело Подольской в трибунале — неизвестно. Приговора трибунала в деле нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. Первые документы дела — на **Федора Исааковича ГАВИНОВИЦКОГО**, курьера эвакуационного пункта Одесского района. Арестован в ночь на 24 мая 1919 года при разноске пакетов, отправленных из канцелярии эвакуационного пункта, и доставлен в особый отдел III армии. 27 мая на ходатайство политкома эвакуационного пункта Пятницкого об освобождении арестованного наложена резолюция: «Освободить и препроводить политкому с тем, чтобы подвергнуть наказанию за разглашение ночного пропуска». Документа об освобождении нет.

На обложке дела — фамилия Гавиновичко и нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

2. Документов, изъятых у Подольской при обыске, в настоящее время в деле нет.

(Дело № 6060-п)

Не позднее **1 июня 1919 года** особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

АФАНАСЬЕВ Сергей Севастьянович (54 года). Родился в 1864 (1865) году в Одессе, национальность не указана, из мещан; образование начальное, профессии не имел, чернорабочий; беспартийный; женат. До ареста — чернорабочий в Югостройке; проживал в Одессе (Слободка-Романовка, частный дом).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, арестован по агентурной разработке членов монархических организаций. (В деле № 6082-п отмечено, что у руководителя Русского народно-государственного союза И. И. Дусинского при аресте изъяты списки членов союза. В деле № 6081-п отмечено, что в особом отделе III армии имеются такие списки).

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Афанасьева провел 1 июня военный следователь особого отдела III армии Меньшов (продолжительность следствия неизвестна).

В протоколе записано, что допрашиваемый окончил народное училище, до 1917 года работал в порту на выгрузке пароходов, в последнее время — чернорабочий в Югостройке. По существу дела заявил: «Я сейчас ни к каким партиям не принадлежу и не знаю, к какой партии принадлежать, так как все быстро меняется. В 1907 году я был записан в Союз русского народа. В то время существовал такой порядок, что принимали на работу только того, кто запишется в Союз русского народа. Записывались не единично, а целыми артелями. Я вошел в артель белогрузчиков в порту в Русском обществе пароходства и торговли на Практе [ической] гавани, и чтобы получить работу вся артель белогрузчиков должна была записаться в Союз русского народа. Мы вносили членские взносы 50 копеек и слушали по воскресеньям лекции, когда нас приглашали, а сами не выступали. В Русский народно-государственный союз записался случайно — полгода назад. Пришел в «Коллизей» послушать собрание, при входе требовали брать членский билет в 50 копеек, который давал право вообще посещать данные собрания. Но я был всего один раз и больше туда не пошел, так как мне не понравились ни ораторы, ни публика. Цель мне была известна — именно монархическая».

На следующий день после допроса, 2 июня, военный следователь особого отдела III армии Меньшов составил заключение по делу Афанасьева, обвиняемого в «принадлежности к Русскому народно-государственному союзу». В заключении сказано: «Рассмотрев дело... нашел: 1) Афанасьев Сергей, по профессии чернорабочий, в 1907 году записался в Союз русского народа с той целью, чтобы иметь возможность получить работу. Это было в то время, когда запись в Союз русского народа была единственным и непременным условием при поступлении на службу, получении какой-либо работы. Только одна запись, а отнюдь не политическая зрелость в области монархических идей, принималась во внимание при определении качеств и пригодности человека; 2) в члены Русского народно-государственного союза Афанасьев был записан на собрании этого союза, которое он посетил однажды из любопытства, и больше подобных собраний не посещал; 3) по своему развитию и политической зрелости Афанасьев С. не способен играть активной роли. Принимая во внимание приведенные условия, полагаю однако дело об Афанасьеве С. на окончательное производство передать в военно-революционный трибунал, а меру пресечения оставить прежнюю, то есть содержание в тюрьме».

Постановление начальника особого отдела III армии отсутствует.

На копии протокола допроса обвиняемого стоит резолюция без даты и подписи: **«В военно-революционный трибунал».**

Рассматривалось ли дело Афанасьева в трибунале — неизвестно. Приговора трибунала в деле нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. На обложке дела нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

2. Дело состоит из двух документов — протокола допроса арестованного и заключения следователя.

(Дело № 6076-п)

Не позднее **1 июня 1919 года** особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

СЯРЧИНСКИЙ Герард Викентьевич (40 лет). Родился в 1878 (1879) году в Кишиневе Бессарабской губернии; национальность не указана, из служащих; образование начальное, по профессии — канцелярист; беспартийный; женат, отец двоих детей. На момент ареста работал кондуктором трамвая; проживал в Одессе (Слободка-Романовка, ул. Томилина, 14).

Основанием для ареста послужили показания командира нестроевой роты 50-го Украинского Советского полка А. Свицерского (дата не указана) о том, что в первых числах мая 1918 года Сярчинский якобы выдал трех рабочих коменданту австро-германского командования и 15 мая те были расстреляны. «Я сам тоже был арестован... но мне чудом удалось бежать... О том, что это была проделка Сярчинского, мне подлинно стало известно после моего побега. Я долго его искал и только в последнее время случайно набрел на него».

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, анкеты арестованного в деле нет.

Постановление о содержании под стражей принято на четвертый день после допроса.

Единственный запроотоколенный допрос Сярчинского провел 1 июня военный следователь особого отдела III армии А. Янин.

В протоколе записано, что допрашиваемый происходит из семьи коллежского секретаря, получил домашнее образование, с 17 лет служил в канцеляриях — сначала в Бессарабском губернском правлении, затем был переведен в Одессу на службу в таможеню. Прослужив там восемь лет, ушел, так как получил наследство от отца и некоторое время жил на эти средства. Когда деньги кончились, попробовал вновь устроиться на таможеню, но его не приняли, так как он не имел высшего образования. «Я вынужден был поступить в полицию, чтобы иметь кусок хлеба, поступил сверхштатным надзирателем... нес дежурства у театров и увеселительных мест, также на Дерибасовской и Толчке». Прослужил в полиции с 1913 по 1917 год, после февральской революции выехал в Харбин, но найти там работу не смог и вернулся в Одессу; занимался рубить дрова, выполнял другие черные работы. В декабре 1918 года устроился на место кондуктора трамвая. Об-

винение в убийстве трех рабочих категорически отрицал. «Это положительно не постижимо для моего ума... я не умею владеть оружием, не был никогда на военной службе... Это гнусный донос, фантастическая клевета... Я никому никогда не сделал зла... Прошу скорейшего и детального выяснения этого дела и устроить мне очную ставку с тем, кто донес на меня так нагло и ложно». Назвал имена и адреса людей, которые могут засвидетельствовать его лояльность.

Протоколов допроса этих людей, очной ставки обвиняемого с обвинителем в деле нет.

Не позднее 5 июня (дата не указана) военный следователь особого отдела III армии Янин составил заключение по делу Сярчинского, обвиняемого в «выдаче австро-германскому командованию трех рабочих, последствием чего был расстрел означенных рабочих». В заключении сказано: «Рассмотрев дело... нашел, что обвинение... вполне доказано свидетельским показанием товарища Свидерского, командира нестроевой роты 50-го Украинского Советского полка. Свидетель был также арестован вместе с тремя погибшими товарищами своими и чудом спасся от участи последних. Ввиду изложенного полагаю: Сярчинского Герарда предать суду военно-революционного трибунала, меру пресечения избрать одиночное тюремное заключение».

Текст продублирован в заключении заведующего следственной частью особого отдела III армии (дата не указана, фамилии и подписи нет).

5 июня 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин, «рассмотрев дело о гражданине Сярчинском Герарде по обвинению его в выдаче австро-германскому командованию трех рабочих на расстрел, нашел, что показанием свидетеля обвинение вполне доказано, а потому постановил: гражданина Сярчинского Герарда **предать суду военно-революционного трибунала III Украинской Советской Красной Армии, а мерой пресечения избрать тюремное одиночное заключение**». (Документ напечатан на бланке, подписи нет).

На копии протокола допроса обвиняемого допечатаны показания свидетеля и стоит резолюция без даты и подписи: «В военно-революционный трибунал».

Рассматривалось ли дело Сярчинского в трибунале, неизвестно. Приговора трибунала в деле нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

На обложке дела нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

(Дело № 15206-н)

В ночь на **3 июня 1919 года** особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестована

МОЙСЕЕНКО (МОЙСЕЕНКО) Мария Ивановна (34 года). Родилась в 1884 (1885) году в Одессе; национальность не указана, из мещан; образование начальное, по профессии — телефонистка; беспартийная; замужем. До ареста работала телефонисткой Одесского почтово-телеграфного округа; проживала в Одессе (ул. Московская, 9).

Обстоятельства ареста. Задержана у себя на службе как заложница за мужа — Максима Петровича МОЙСЕЕНКО (МОЙСЕЕНКО), который подлежал аресту.

Основанием для решения о его аресте послужило заявление в особый отдел, которое подал 26 мая телефонист штаба III армии П. Портной: «В черные декабрьские дни 1905 года на Пересыпи как и в других местах оперировали погромщики. Одним из руководителей погрома был почтовый чиновник Мойсеенко, проживающий по Московской, 7 (так в документе. — *Ред.*), который убил неких молодых людей Чаплика, Спектора и др. Этот ярый контрреволюционер до сего времени безнаказанно гуляет на свободе, несомненно работает в пользу контрреволюции и ожидает удобного момента, когда он сможет своими окровавленными руками быть полезен гидре контрреволюции. Поэтому во имя справедливости, за которую борется рабоче-крестьянская власть, тем более в данный момент, когда все контрреволюционеры Одессы ведут погромную агитацию, необходимо этого сподвижника погромщика Григорьева арестовать и предать в руки правосудия рабоче-крестьянской власти, которая должна его наказать по заслугам. Прошу, чтобы мое имя осталось для других конспирацией, так как я намерен еще сделать некоторые заявления и не желал бы, чтобы на Пересыпи, где я проживаю, знали о моей работе...» На заявлении стоит резолюция от 26 мая: «Для исполнения» (подпись неразборчива).

На основании этого заявления была проведена агентурная разработка и 28 мая получена подписка еще четырех человек, подтвердивших участие Мойсеенко в погроме 1905 года.

Ордер № 334 особого отдела III армии на арест и обыск Максима Мойсеенко оформлен 2 июня. В протоколе обыска, проведенного в тот же вечер, указано, что его не оказалось дома и вместо него арестована его жена, изъяты переписка и фотографии. На следующий день, 3 июня, на ордер наложена резолюция: «В следственную часть».

Ордера на арест и обыск Марии Мойсеенко, постановления о содержании ее под стражей, анкеты арестованной в деле нет.

Единственный запротоколированный допрос Марии Мойсеенко провел 14 мая военный следователь особого отдела III армии Янин (через десять дней после ее ареста, единственный более чем за три недели ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемая окончила городское девичье училище, работала телефонисткой. О муже сказала, что 2 июня он собирался в деревню за продуктами, уехал ли он, вернулся ли — ей неизвестно, так как она была арестована на службе и домой уже не вернулась. О нем можно справиться в железнодорожном парке.

Протоколов допроса свидетелей в деле нет.

Не позднее 15 июня (дата не указана) военный следователь особого отдела III армии Янин составил заключение по делу М. П. Мойсеенко, обвиняемого в «участии в погромах и убийстве семи евреев в 1905 году». В заключении сказано: «Рассмотрев следственное производство по делу... нашел, что согласно поданному телефонистом штаба III армии товарищем Портным заявлению и агентурной разработке предъявленное обвинение вполне доказано. Но Максим Мойсеенко от следствия и суда скрылся и в качестве заложницы задержана его жена, Мария Мойсеенко. Ввиду того, что преступление, инкриминируемое Максиму Мойсеенко, по характеру своему является довольно тяжким, полагаю: Марию Мойсеенко держать под стражей в одесской тюрьме до тех пор, пока муж ее Максим Мойсеенко не будет разыскан или лично явится и предаст себя следственным и судебным властям».

15 июня текст продублирован в заключении заведующего следственной частью особого отдела III армии Ахмедова. На документе стоит резолюция начальника особого отдела Фомина от **16 июня 1919 года**: «**Держать как заложницу в тюрьме**».

19 июня в особый отдел поступил запрос из комиссариата Одесского почтово-телеграфного округа о причинах ареста Марии Мойсеенко с просьбой освободить «если за ней ничего преступного не числится».

На документе стоит резолюция Ахмедова от 20 июня: «К делу и ответить причину ареста».

Окончательного решения по делу нет.

Дальнейшая судьба супругов Мойсеенко неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. В фонде «П» это дело зарегистрировано и хранится как одиночное — на Максима Мойсеенко. Арест и содержание под стражей Марии Мойсеенко репрессией «не считается».

2. В 2001 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъят из дела л. 3 — предположительно агентурная разработка.

3. Документов и фотографий Мойсеенко, изъятых при обыске, в настоящее время в деле нет.

(Дело № 6094-п)

Не позднее **4 июня 1919 года** особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

ПЕТРОВСКИЙ Михаил Борисович (68 лет). Родился в 1850 (1851) году в селе Пригорье Рославльского уезда Смоленской губернии; национальность и происхождение не указаны; образование высшее, по специальности — врач; беспартийный; женат. На момент ареста служил военным врачом в больнице для раненых; проживал в Одессе (ул. Тираспольская, 5).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, арестован по агентурной разработке членов монархических организаций.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запотоколированный допрос Петровского провел 15 июня военный следователь особого отдела III армии Янин (через 11 дней после начала следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый окончил духовную семинарию и Московский университет; до февральской революции 1917 года заведовал больницей для раненых, затем занимался врачебной практикой. По существу дела заявил: «Бумаги, найденные у меня на квартире, не мои, а принадлежат жилище, проживающей у меня на квартире. Я никогда не был подписчиком газеты «Русская речь». Эта газета получалась в лечебнице, где я работал, я ее изредка читал. Однажды мне прислали подписной лист для сбора денег на издание в Одессе означенной газеты «Русская речь». Раз я получил такой лист, то надо было что-нибудь сделать. Я и предложил некоторым знакомым... собрали 7–8 подписей, не более. Я не распространял эту газету, не искал подписчиков по городу, предлагал случайным пациентам, чтоб выполнить долг общественной деликатности, если так можно выразиться, — раз прислали подписной лист, то неудобно его вернуть пустым. Членом Союза русских людей никогда не состоял. В настоящее время мне ли под 70 лет заниматься какой-либо политикой?»

Заключения следователя в деле нет.

15 июня на бланке заведующего следственной частью особого отдела III армии Ахмедова напечатан текст заключения по делу Петровского, обвиняемого в «принадлеж-

ности к Союзу русских людей и распространении монархического содержания газеты, издававшейся в Одессе под названием «Русская речь». В заключении сказано: «Рассмотрев следственное производство по делу... нашел, что Петровский, как сам сознался, получив подписной лист для сбора денег на издание... собрал 7–8 подписей и содействовал таким путем увеличению контингента подписчиков на газету определенно погромного и ярко монархического направления. Так как названная газета «Русская речь» была органом Союза русских людей, то ясно, что Петровский состоял членом названного союза. Принимая во внимание его социальное положение — военный врач и частную практику, я усматриваю в его действиях определенный состав преступления — соучастие в распространении погромной литературы среди широких слоев населения. А посему полагаю: Михаила Петровского предать суду гражданского революционного трибунала, мерой пресечения избрать освобождение из-под стражи под поручительство члена Совета рабочих депутатов и политкома флотилии Красного флота товарища Милицкого» (документ не подписан).

16 июня 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии (фамилия не указана), «рассмотрев следственное производство по делу Михаила Петровского по обвинению его в принадлежности к Союзу русских людей и в распространении погромной литературы, постановил: дело Петровского **передать на рассмотрение суда гражданского революционного трибунала, мерой пресечения избрать освобождение его из-под стражи под поручительство члена Совета рабочих депутатов и политкома флотилии Красного флота товарища Милицкого**» (документ не подписан).

Поручительство в деле отсутствует. Данных об освобождении М. Б. Петровского нет.

На копии протокола допроса обвиняемого стоит резолюция без даты и подписи: «Гражданский революционный трибунал».

Рассматривалось ли дело в трибунале — неизвестно. Приговора трибунала в деле нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. Дата ареста указана предположительно. Никаких арестных документов нет, но на обложке написано, что дело начато 4 июня.

2. На обложке дела есть нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

(Дело № 6069-п)

Не позднее **9 июня 1919 года** особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

ИВАЩЕНКО Лев Афанасьевич (42 года). Родился в 1876 (1877) году в городе Константинограде Полтавской губернии; национальность и происхождение не указаны; образование среднее, по профессии — военнослужащий; партийность не указана; женат. На момент ареста — военнослужащий 5-й стрелковой Советской дивизии; проживал в Одессе (ул. Новосельского, 104, кв. 5).

Основания для ареста в деле не представлены, предположительно — арестован по доносу.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, анкеты арестованного в деле нет.

Постановление о содержании под стражей принято после проведения допроса.

Единственный запроотоколенный допрос Иващенко провел 13 июня военный следователь особого отдела III армии Янин (через четыре дня после начала следствия, продолжительность следствия неизвестна).

В протоколе записано, что допрашиваемый окончил реальное училище в Полтаве; в годы войны с Германией воевал на Румынском фронте, за политическую деятельность был разжалован из офицеров; по политическим убеждениям — социал-революционер. После демобилизации весной 1918 года приехал в Одессу и в течение года был безработным, в апреле 1919 года поступил на советскую службу. По поводу обвинения в «погромной и против советской власти агитации» заявил: «Обвинение в погромной агитации есть сплошной вымысел, в поселке «Самопомощь» никогда не только не был, даже до сего времени не слышал о существовании такового, поэтому прошу сделать очную ставку с теми лицами, кои подтверждают этот факт. Со дня демобилизации, то есть с 1 мая 1918 года, и до прихода советских войск в Одессу ни в какой воинской части не служил. С 14 апреля 1919 года вступил на службу в советские войска и занимал там ответственный пост. Я физически не мог нигде бывать, так как на службе находился с 6 часов утра и до 2–3 часов ночи, а потому и помещался при штабе 5-й стрелковой Советской дивизии. За все время службы пришел домой не более 3–4 раз... Относительно моих отношений к еврейскому населению вообще прошу допросить моего соседа по квартире как ближайшего сотоварища Вайруба, смотрителя двора товарища Степана и затем товарища Плотеева, жившего в период 1917 года в городе Хмельницком, где я, будучи на военной службе при старом режиме, стоял на квартире у еврея Бурштейна, которому массу раз оказывал помощь, а также и многим бедным евреям, беря их в свои мастерские».

Протоколов допроса свидетелей и очных ставок в деле нет.

Вероятно в тот же день (дата не указана) военный следователь особого отдела III армии Янин составил заключение по делу Иващенко, обвиняемого в «погромной и против советской власти агитации». В заключении сказано: «Рассмотрев дело... нашел: обилие обвинительного материала дает основание усмотреть в действиях и словах обвиняемого полный состав преступления (в деле ни одного обвинительного документа нет. — *Ред.*). Ввиду чего полагаю: Льва Иващенко предать суду военно-революционного трибунала, меру пресечения оставить ту же, то есть общее тюремное заключение».

13 июня текст продублирован в заключении заведующего следственной частью особого отдела III армии Ахмедова (документ не подписан).

13 июня 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин, «рассмотрев дело о гражданине Иващенко Льве по обвинению его в погромной и против советской власти агитации, нашел, что обилие обвинительного материала подтверждает обвинение его, а потому постановил: гражданина Иващенко Льва **предать суду военно-революционного трибунала III Украинской Советской Красной Армии, а мерой пресечения уклонения от суда избрать общее тюремное заключение**» (документ не подписан).

На копии протокола допроса обвиняемого стоит резолюция без даты и подписи: «В революционно-военный трибунал».

Рассматривалось ли дело Иващенко в трибунале, неизвестно. Приговора трибунала в деле нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

Дата ареста указана предположительно. Никаких арестных документов нет, но на обложке написано, что дело начато 9 июня.

(Дело № 6093-п)

Не позднее **12 июня 1919 года** особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

ГЕЛЬБАК Владимир Сергеевич (Александрович) (59 лет). Родился в 1859 (1860) году в Киевской губернии; национальность не указана, из дворян (?); образование среднее, по профессии — служащий; беспартийный; женат. На момент ареста служил помощником начальника милиции Бульварного района; проживал в Одессе (ул. Гоголя, 2).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Возможно, был задержан в парикмахерской кем-то из посетителей и доставлен в особый отдел.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, анкеты арестованного в деле нет.

Постановление о содержании под стражей принято 13 июня.

Единственный запроотоколенный допрос Гельбака провел 12 июня военный следователь особого отдела III армии Семенов.

В протоколе записано, что допрашиваемый происходит из семьи надворного советника, окончил 5 классов гимназии; до 1918 года жил в Измаиле, служил приставом в полиции, а после февральской революции — в штабе речных сил. В 1918 году переехал в Одессу, служит в Бульварном районе; сначала был приказным, а теперь — помощник начальника милиции. По поводу обвинения в «поношении советской власти» заявил: «Нужно быть сумасшедшим или пьяным, чтобы сидя в парикмахерской в присутствии посторонних поносить ту советскую власть, которой я служу. Никогда и нигде большевиков бандитами, разбойниками и авантюристами я не называл. По прежней своей службе в милиции не раз оказывал содействие большевикам». Назвал многочисленных свидетелей (в том числе начальника милиции Бульварного района Леонова), которые могут удостоверить, что он не способен на приписываемое ему преступление.

Протоколов допроса свидетелей и очных ставок в деле нет.

На следующий день, 13 июня, на бланке заведующего следственной частью особого отдела III армии (фамилия не указана) составлено заключение по делу Гельбака, ошибочно именуемого Владимиром Александровичем и обвиняемого в «поношении советской власти». В заключении сказано: «Рассмотрев следственное производство по делу... нашел, что показаниями свидетелей обвинение подтверждается (такие показания в деле отсутствуют. — *Ред.*). А потому полагаю: Гельбака Владимира Александровича предать суду Одесского революционного трибунала, мерою же пресечения избрать отдачу под надзор начальства, освободив его, Гельбака, из заключения в тюрьме». (Рукописный черновик заключения, судя по почерку, составил следователь Семенов, но подписи нет. Первоначальная формулировка относительно освобождения вычеркнута и сверху дописана другая мера пресечения: «Содержание под стражей в тюрьме»).

В тот же день этот текст продублирован в заключении заведующего следственной частью особого отдела III армии Ахмедова с уточнением: «мерой же пресечения избрать содержание под стражей в тюрьме в общей камере».

13 июня 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин, «рассмотрев дело о гражданине Гельбаке Владимире Александровиче (так в документе. — Ред.) по обвинению его в поношении советской власти, нашел, что показаниями свидетелей обвинение подтверждается, а потому постановил: гражданина Гельбака Владимира Александровича **передать суду военно-революционного трибунала III Украинской Советской Красной армии, а мерой пресечения уклонения от суда избрать общее тюремное заключение**» (документ не подписан).

На копии протокола допроса обвиняемого стоит резолюция без даты и подписи: «В военно-революционный трибунал».

Рассматривалось ли дело Гельбака в трибунале — неизвестно. Приговора трибунала в деле нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

В 2004 году дело пересмотрено. В справке, выданной прокуратурой Одесской области (составила старший прокурор отдела поддержания государственного обвинения в судах советник юстиции Т. Г. Побирская), сказано: «В архивном деле отсутствуют сведения о привлечении Гельбака Владимира Александровича к уголовной ответственности, решение о его виновности, кем и когда он осужден, находился ли под стражей, другие данные. В деле имеется протокол опроса от 12 июня 1919 года Гельбака Владимира Сергеевича, но не Александровича. При таких обстоятельствах, исходя из материалов дела, оснований для дачи заключения по данному архивному делу не усматриваю».

Примечания.

Это дело на протяжении трех лет не выдавалось исследователям для описания; первоначальный ответ на вопрос почему — «не положено». В 2004 году архив УСБУ направил дело в прокуратуру, и справка прокуратуры в дальнейшем трактовалась как «отказ в реабилитации» и «обоснование» запрета на выдачу дела.

После многократных писем и обращений редколлегии к руководству и УСБУ, и учетно-справочного направления, в которое входит архив УСБУ (несколько раз сменившемуся за этот период), в 2005 году дело было выдано.

Это единственное дело 1919 года из числа находящихся в фонде «П», которое направлялось в прокуратуру для пересмотра.

(Дело № 12247-н)

16 июня 1919 года особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестованы

МАГДЕНКО Владимир Евгеньевич (38 лет). Родился 29 января (по старому стилю) 1881 года в Санкт-Петербурге; национальность не указана, из потомственных дворян Полтавской губернии; образование среднее, по профессии — кадровый офицер, полковник; православный; беспартийный; женат, имел дочь трех лет. На момент ареста — начальник общего отдела Одесского окружного военно-автомобильного управления; проживал в Одессе (Вагнеровский пер., 4, кв. 5);

ТУРГЕНЕВ Владимир Александрович, возраст неизвестен, анкетных данных нет; по профессии — кадровый офицер, полковник. На момент ареста — начальник снабжения Одесского окружного военно-автомобильного управления; проживал в Одессе (ул. Успенская, 27, кв. 1).

Основанием для ареста послужил анонимный донос, поступивший в особый отдел 1 июня 1919 года: «Довожу до сведения начальника особого отдела, что я заметил двух типов лично мне известных, которые в настоящее время прикрываются маской и уже успели устроиться в советское одесское окружное автомобильное управление, а именно:

1) Бывший полковник Владимир Александрович Тургенев, который при гетманском режиме служил командиром 5-й или 7-й автомобильной колонны в Чернигове. Когда в Чернигов вступили советские войска, то он бросил народное хозяйство и роту на произвол судьбы и бежал в Киев, где искал себе убежище, но не мог нигде такового найти. Так как советские войска подходили к Киеву и боясь, дабы не встретиться со своими брошенными товарищами черниговцами, то он бежал в Одессу, где несколько раз пытался пробраться в Екатеринодар в Добровольческую армию, но ему не удалось, так как сообщение с Екатеринодаром на некоторое время было прекращено. Тогда эта птица, благодаря знакомству с бывшим полковником Щербачевым, нашла себе теплое местечко в автомобильной части на Вагнеровском переулке № 6, где устроился якобы прикомандированным всего за пять дней перед приходом советских войск в Одессу. Как только добровольцы стали удирать из Одессы, то этот тип все время бегал и агитировал некоторых из служащих удрать в Аккерман, но к счастью его никто не послушал, и он в силу необходимости застрял в Одессе и под покровительством Щербачева попал на службу в советское учреждение, где, по-видимому, выжидает удобного [случая].

2) Бывший полковник Владимир Евгеньевич Магденко, который служил при гетмане и при добровольцах в 3-й автомобильной колонне на Канатной и всегда ходил в серебряных погонах, и если ему кто-либо не отдавал честь, то он кричал: «Я — атаман и морду буду бить». Когда вступили в Одессу советские войска, то он погончики сбросил и убежал к себе на квартиру. А когда все было спокойно, то он явился было в роту, но его там товарищи шоферы не приняли и погнали старой метлой, а он потом нашел себе место, благодаря его приятелю, тому же Щербачеву в том же управлении. Вот все, что я знаю.

Советовал бы начальнику особого отдела сделать распоряжение убрать этих типов с советского учреждения, а предложить им, если они преданы советской власти, отправиться на фронт и доказать свою преданность. Но я уверен, что они никогда туда не пойдут, а скорее убегут.

Там еще есть несколько маскирующихся типов, но за этими идет мой надзор, и я сообщу Вам дополнительно, а этих двух советовал бы убрать как можно скорее для избежания заразы.

Адреса этих типов указать не могу, так как они часто меняют квартиры, а потому предлагаю справиться об их месте жительства у комиссара того же управления».

3 июня дано задание: «Товарищ Грузинов! Самый тщательный материал соберите по поводу этих двух полковников. Откомандируйте сотрудников к политкому узнать их адреса и сведения о них. Если политком не знает адреса, то узнайте в адресном столе. Опросите осторожно товарищей шоферов, которые могут дать показания о них. В самый кратчайший срок доставьте материал мне» (подпись неразборчива).

Другое задание подписал уполномоченный Штейнберг (здесь дата не указана): «Пошлите опытного сотрудника в одесское окружное автомобильное управление и опросите комиссара, чтобы дал точный адрес, где проживают Тургенев и Магденко».

Видимо, в ходе агентурной разработки (документы — рапорты из дела изъяты) был заподозрен еще один сотрудник управления, так как 9 июня уполномоченный Штейн-

берг написал: «Товарищу Звеневу! Прошу выдать ордер на арест Тургенева, Магденко и поручика Чайковского».

Ордера № 393, 394 и 395 особого отдела III армии на арест и обыск всех троих оформлены через неделю, 16 июня. В тот же день произведены аресты Магденко и Тургенева; в протоколах обыска отмечено, что изъяты их документы. На следующий день, 17 июня, на все три ордера наложена резолюция: «В следственную часть».

17 июня 1919 года особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

ЧАЙКОВСКИЙ Сергей Александрович, возраст неизвестен, анкетных данных нет; по профессии — кадровый офицер, сотник. На момент ареста — начальник 1-й одесской автомобильной мастерской, заведующий хозяйством Одесского окружного военно-автомобильного управления; проживал в Одессе (ул. Пироговская, 3, кв. 63).

Основания для ареста в деле не представлены. Вероятно, заподозрен в ходе агентурной разработки его сослуживцев по автомобильному управлению, проходящих по этому делу — Магденко и Тургенева.

16 июня оформлен ордер № 393 особого отдела III армии на арест и обыск, 17 июня произведен арест; в протоколе обыска указано, что помимо документов изъяты 12 тысяч рублей, столовое серебро, два мундира, фотоаппарат и другие личные вещи. На обороте протокола обыска три записи: от 17 июня — «Деньги и серебро принял. Казначей-бухгалтер», без даты — «Принял окромя серебра, денег и фотоаппарата. Иванов» и от 24 июля — «Документы в числе 32 обратно получил. Чайковский».

Постановлений о содержании под стражей, анкет всех трех арестованных и протоколов их допросов в деле нет.

Предположительно 17–20 июня (точную дату прочесть невозможно) помощник начальника окружного автомобильного управления Шербачев направил заявление на имя начальника особого отдела III армии с просьбой об освобождении Чайковского и взятии его на поруки, так как его присутствие необходимо на службе.

18 июня допрошен единственный свидетель — политком 1-й одесской автомобильной мастерской Михаил Курков. Он заявил, что обвиняемых знает мало: «Хорошо их знает товарищ Драло, служащий военно-окружного автомобильного управления. Имеющееся в деле заявление, написанное на пишущей машинке, составлено им для меня и им переписано вручную мне это заявление. Драло просил держать в тайне его причастность к этому заявлению. В мою бытность политкомом управления я ничего предосудительного за обвиняемыми не замечал. Почему меня политуправление перевело из управления в мастерскую, не знаю».

На 19 июня был вызван на допрос сотрудник автомобильного управления Драло, но состоялся ли допрос — неизвестно, протокола в деле нет.

18 июня военный следователь особого отдела III армии Семенов составил заключение по делу Магденко, Тургенева и Чайковского, обвиняемых в «службе в Добровольческой армии». В заключении сказано: «Рассмотрев следственное производство по делу... нашел: 1) что насколько выяснилось, служба обвиняемых в Добровольческой армии не была добровольной и не носила активного характера; 2) что обвиняемые состоят ныне на службе в военном советском учреждении; 3) что, по заявлению политкома названного управления, обвиняемые как специалисты автомобильной техники являются необходимыми работниками. А потому полагаю: меру пресечения обвиняемым спосо-

бов уклонения от суда и следствия изменить, освободив их из-под стражи с отобранием подписки о невыезде».

В тот же день текст продублирован в заключении заведующего следственной частью особого отдела III армии. На нем резолюция Ахмедова от 20 июня: «Освободить, отобрав подписки о невыезде».

18 июня 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии (фамилия не указана), «рассмотрев следственное производство по делу по обвинению... Чайковского Сергея Александровича... Тургенева Владимира Александровича и... Магденко Владимира Евгеньевича в службе в Добровольческой армии, постановил: дело... производством продолжать, меру же пресечения в отношении арестованных изменить, **освободив их из-под стражи с отобранием подписки о невыезде**» (документ не подписан).

В конце дела подшиты подписки Магденко, Тургенева и Чайковского о невыезде: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящую подписку особому отделу III Украинской Советской Красной армии в том, что обязуюсь впредь до окончания дела моего без разрешения отдела не отлучаться и являться к следствию и суду аккуратно...» — без указания даты, но с указанием адреса, по которому каждый обязуется проживать.

Вероятно, были освобождены, так как в начале дела на внутренней стороне обложки есть три записи от 20 июня: «Документы о самоличности получил обратно» с подписями Магденко, Тургенева и Чайковского.

27 июня военный следователь Семенов на бланке заведующего следственной частью особого отдела III армии Ахмедова составил новое заключение по делу Магденко, Тургенева и Чайковского, обвиняемых в «службе в Добровольческой армии». В заключении сказано: «Рассмотрев следственное производство... нашел: что хотя обвиняемые и служили при добровольцах в автомобильных частях, но их служба была, с одной стороны, принудительной, с другой — не была активно антисоветской. А потому полагаю: дело по обвинению Чайковского С., Тургенева В. и Магденко В. производством прекратить и их от подписки о невыезде освободить».

Резолюции и подписи Ахмедова на документе нет. Постановления начальника особого отдела о прекращении дела и документов, которые бы свидетельствовали о возврате изъятого при обыске имущества, также нет.

Дальнейшие судьбы неизвестны.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. На обложке дела нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

2. К делу приложены следующие личные документы, изъятые у арестованных при обыске и не возвращенные при освобождении.

Послужной список и краткая записка о службе в автомобильных войсках Магденко. Из этих документов следует, что в августе 1898 года он окончил 2-й Петроградский кадетский корпус Петра Великого и поступил в Михайловское артиллерийское училище юнкером рядового звания. По окончании училища в августе 1900 года назначен на службу в 11-ю конно-артиллерийскую батарею с производством в подпоручики; в августе 1903 года произведен в поручики. Участвовал в русско-японской войне; в августе 1907 года произведен в штабс-капитаны; с 1910 года — командир эскадрона; в ноябре 1912 года произведен в ка-

питаны. В 1913 году окончил офицерский класс военной автомобильной школы по первому разряду со званием «военный автомобилист» и в сентябре назначен в 4-й железнодорожный батальон командиром 5-й роты. В июле 1914 года вступил в должность начальника Одесской автомобильной команды, с которой после начала войны с Германией был направлен на Западный фронт в составе VI армии; в июле 1915 года назначен в 14-ю автомобильную роту помощником командира по строевой и технической части, затем — командиром роты; в октябре 1916 года произведен в подполковники, в сентябре 1918-го — в полковники. За военную службу и участие в военных действиях награжден орденами святого Владимира 4-й степени, святой Анны 2-й, 3-й и 4-й степеней, святого Станислава 2-й и 3-й степеней, а также тремя медалями.

Копия (не датирована) удостоверения *Тургенева*, что он бывший командир 3-й автомобильной роты, полковник, окончил полный курс мирного времени военно-автомобильной школы по 1-му разряду с присвоением звания военного автомобилиста.

Два удостоверения *Чайковского*: от октября 1918 года — что он сотник украинской армии и от марта 1919 года — что он сотрудник 1-й одесской автомобильной мастерской.

3. К делу подшита также копия приказа № 17 по Одесскому военному округу от 25 апреля 1919 года, возможно, переданная из автомобильного управления в качестве доказательства незаконности арестов сотрудников управления:

«При сем объявляю декрет Совнаркома УССР.

Совнарком УССР постановил: аресты военнослужащих, также обыски и выемки различных документов производить не иначе как с ведома комиссара той части войск и учреждений, к которым принадлежит данный военнослужащий, притом в присутствии комиссара или его представителя.

Предсовнаркома и наркомвоендел Н. Подвойский.

Начальник окружного военно-юридического управления Семенов».

4. В 2001 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъяты из дела л. 14 и л. 16 — вероятно, доклады сотрудников особого отдела о выполнении оперативного задания по сбору сведений о Магденко и Тургенева.

(Дело № 6061-п на 3 человек)

Не позднее **19 июня 1919 года** особым отделом III Украинской Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

МУСАТОВ Александр Епифанович (27 лет). Родился в 1891 (1892) году в селе Терновка Черкасского уезда Киевской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование неполное среднее, по профессии — литейщик и канцелярист; беспартийный; женат. На момент ареста служил переписчиком в Одесском советском караульном полку; временно проживал в Одессе (Средний Фонтан, ул. Солнечная, 12); постоянное место жительства — Елисаветград.

Основания для ареста и его обстоятельства изложены в показаниях от 19 июня двух агентов секретного отдела Вознесенского военного комиссара — Ивана Антонова и Корнелия Молдаванова, задержавших Мусатова и доставивших его в особый отдел.

Антонов заявил: «Фамилии лица, задержанного мною и Молдавановым, я не знаю. Знаю его в лицо. Он служил в петлюровских войсках. Часть войск, в которой он служил, стояла в Вознесенске, и этот гражданин занимал должность заведующего хозяйством. У нас в Вознесенске после ухода немецких войск с 25 ноября 1918 года установилась советская власть. Когда в Вознесенск вступили войска Украинской Директории, часть войск, в которой служил задержанный нами гражданин, арестовала Вознесенский Совет рабочих

депутатов в составе 31 человек и продержала под арестом полтора суток. Участвовал ли этот гражданин в аресте Совета, я не знаю, но мне известно, что он принимал от заведующего хозяйством Совета рабочих депутатов все дела. Чем занимался после, с 25 ноября до нового прихода советских войск, этот гражданин я не знаю. Перед отступлением войск Директории из Вознесенска этот гражданин вместе со Смаглием, его начальником, и неизвестным мне третьим забрали в банке 820 тысяч рублей и с этими деньгами уехали...»

Молдаванов подтвердил эти показания и добавил: «Перед отступлением из Вознесенска петлюровцы вообще и этот гражданин забирали кожу, мануфактуру, мобилизовали портных и сапожников и заставили их шить себе обувь и одежду. Был такой случай: кучер, который должен был подать задержанному мной лицу экипаж для поездки на вечер, почему-то немного запоздал. Когда же лошади были поданы, задержанный мной набросился на кучера и начал его избивать, грозил револьвером. Часть войск, в которой служил этот гражданин, при уходе из Вознесенска забрала из разных учреждений около 200 тысяч рублей. Добавляю, что за шитье одежды и обуви рабочим деньги не были уплачены...»

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколированный допрос Мусатова провел в тот же день, 19 июня, военный следователь особого отдела III армии Лидин.

В протоколе записано, что допрашиваемый окончил 6 классов городского училища, служил в армии. По поводу обвинения в «службе в петлюровских войсках и содействии хищению народных денег» заявил: «После увольнения меня от службы в армии в первых числах января 1918 года я жил в Елисаветграде, где я постоянно проживаю, и служил на заводе Эльворти литейщиком... С завода Эльворти я был уволен за забастовку. До увольнения меня арестовали и продержали под арестом полтора месяца. В начале 1918 года я поступил в Красную армию и был избран от красноармейцев в Елисаветградский революционный трибунал, в котором состоял до прихода немецких войск...»

В ноябре 1918 года Украинской Директорией была объявлена мобилизация и я был призван в войска. Меня назначили в Вознесенск в штаб дивизии в качестве письмоводителя. В Вознесенск я прибыл 1 декабря. Во время ареста Вознесенского Совета рабочих депутатов я там еще не был. Вообще с арестами я не имел ничего общего, а работал в канцелярии.

В Вознесенске для военной сотни, находившейся при штабе, шили обмундирование. Деньги для расплаты с рабочими были выданы начальнику сотни Ковалю. Произвел ли Коваль расчет с рабочими, я не знаю.

Однажды в пьяном виде я встретил кучера штаба, который по несколько дней не являлся на службу. Я его побил, но как это произошло, я не помню.

Во время моего пребывания в Вознесенске я встретил брата секретаря Елисаветградского ревтрибунала товарища Брилля, говорил ему, что при надобности я могу оказать содействие своим бывшим сотоварищам, и если у них соберется комитет, то я нахожусь в их распоряжении. В Вознесенске я не раз обращался к Гладковскому, члену комитета рабочих, с вопросом, налажена ли у них связь с Елисаветградом. В петлюровских войсках я служил против своего желания, по мобилизации.

Воинская часть, в которой я служил, вышла из Вознесенска в первых числах февраля 1919 года. Перед уходом войск... по приказанию начальника дивизии Смаглия мною вместе со старшиной Белоцерковским и адъютантом Булгаковым было получено из Вознесен-

ского казначейства 600 тысяч рублей. Всю эту сумму полностью мы передали начальнику дивизии Смаглию... После выхода из Вознесенска воинская часть, где я служил, распалась. Я поехал по направлению к Николаеву, по пути меня арестовали добровольцы и держали под арестом до прихода советских войск. С приходом советских войск я был освобожден и поступил в 1-й конный дивизион, стоящий в Одессе, на должность переписчика...»

20 июня на бланке заведующего следственной частью особого отдела III армии Ахмедова напечатано заключение по делу Мусатова, обвиняемого в «службе в петлюровских войсках и содействии похищению начальником войск народных денег». В заключении сказано: «Рассмотрев следственное производство... нашел, что показаниями свидетелей и личным признанием обвиняемого совершенное им преступление доказано. А потому полагаю: гражданина Мусатова Александра Епифановича предать суду военно-революционного трибунала. Принимая же во внимание, что Мусатов попал в петлюровские войска не добровольно, а по мобилизации, что, содействуя увозу из Вознесенска народных денег, он, Мусатов, выполняя приказ своего начальника, полагаю: мерою пресечения уклонения от суда избрать отобрание у Мусатова подписки о невыезде» (документ не подписан).

21 июня 1919 года начальник особого отдела III Украинской Советской Красной армии Фомин, «рассмотрев дело о гражданине Мусатове Александре Епифановиче по обвинению его в службе в петлюровских войсках и содействии в хищении народных денег, нашел, что показаниями свидетелей и личным признанием обвиняемого обвинение доказано, а потому постановил: гражданина Мусатова Александра предать суду военно-революционного трибунала III Украинской Советской Красной армии, а мерою пресечения уклонения от суда избрать отобрание подписки о невыезде» (документ не подписан).

Подписки Мусатова о невыезде в деле нет, — возможно, освобожден не был.

На копии протокола допроса обвиняемого стоит резолюция без даты и подписи: «В военно-революционный трибунал».

Рассматривалось ли дело Мусатова в трибунале — неизвестно. Приговора трибунала в деле нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

На обложке дела нечеткая надпись, которую предположительно можно прочесть как «I кк» (то есть осуждение по I категории — расстрел). Но есть вероятность, что это помета делопроизводителя при регистрации дела.

(Дело № 6056-п)

Дел за июль в фонде «П» нет. В августе власть в Одессе сменилась: до начала февраля 1920 года здесь были белогвардейцы.

По 1919 году в фонде «П» хранится еще одно дело, заведенное в ноябре особым отделом XII армии.

28 ноября 1919 года начальником военно-контрольного пункта № 1 особого отдела XII Красной армии без предъявления обвинения арестована

САВИНКОВА Екатерина Константиновна, возраст неизвестен, анкетных данных нет. Временно находилась в Гомеле; постоянное место жительства — Одесса (ул. Елизаветинская, 21, кв. 18).

Обстоятельства ареста отражены в препроводительном отношении от 30 ноября под грифом «Совершенно секретно» начальника военно-контрольного пункта № 1 особого отдела XII Красной армии А. Канделя: «Начальнику особого отдела XII Красной армии товарищу Аптеру. Препровождая при сем гражданку Екатерину Савинкову, доношу, что она была приведена на пункт 25 ноября в 23–24 ночи сотрудником иностранной агентуры особого отдела XII армии товарищем Викторovým, который заявил, что он подозревает ее в шпионаже как прошедшую из-за фронта и заберет ее вместе с собой в Новозыбков в особый отдел. 27 числа часов в 15 дня товарищ Викторöv явился на пункт и заявил, что скоро идет на Новозыбков какой-то поезд и он едет этим поездом и везет с собой Савинкову. После этого он ушел и больше не возвращался. 28 числа утром Савинкова явилась ко мне на пункт и просила выдать ей пропуск. Когда я ее спросил, почему она здесь, в Гомеле, а не уехала с Викторovým, она мне ответила, что он уехал сам, а ее оставил, забрав с собою некоторые ее бумаги. Не зная, почему она была освобождена товарищем Викторovým, я ее задержал, опросил и препровождаю в Ваше распоряжение. Приложение: протокол опроса, свидетельство за № 1534/258 и метрическая выпись за № 1145». (Два последних документа в настоящее время в деле отсутствуют. — *Ред.*)

Ордер № 240 комендатуры особого отдела при ВУЧК оформлен 30 ноября, через пять дней после задержания. В документе указано, что дело направлено начальнику особого отдела.

Протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованной в деле нет.

1 декабря на препроводительное отношение начальника военно-контрольного пункта наложены две резолюции: «Разобрать и проверить» и «Следователю. Для расследования» (подписи неразборчивы). Но следственных документов особого отдела в деле нет.

Единственный запротоколированный допрос Савинковой провел 29 ноября начальник военно-контрольного пункта № 1 особого отдела XII Красной армии А. Кандель.

В протоколе записано, что допрашиваемая 14 мая 1919 года вышла замуж за Давида Андреевича Савинкова, служившего в то время помощником капитана на пароходе «Мария», а позднее перешедшего на работу в особый отдел III Украинской Советской Красной армии. В июне 1919 года Савинков вместе с особым отделом выехал из Одессы. В конце июля от него передали жене письмо, что особый отдел находится в Кременчуге, затем оттуда же пришло еще одно письмо. После отъезда мужа она нанялась на полевые работы в Ананьевском уезде Херсонской губернии, работала месяца два. По возвращении в Одессу ее арестовали агенты деникинской контрразведки, забрали письма и фотографии мужа. После трех недель ареста ее освободили под поручительство сестер и знакомых, и она выехала в Казатин, откуда перешла линию фронта и в Бердичеве обратилась к коменданту города в надежде получить справку, но не получила. В Бердичеве была арестована Викторovým, знавшим ее и мужа по Одессе. Он повез ее в Новозыбков в особый отдел, в поезде матрос сказал ему, что так, без основания, арестовывать нельзя и в Новозыбкове он сообщит об этом куда следует. «Викторöv говорил, что в особом отделе меня продержат под арестом месяца 2–3, так как особый отдел медленно разбирает дела, если же я заеду к нему на квартиру, то он сделает так, что дело будет окончено за неделю». В Гомеле он доставил ее в военно-контрольный пункт № 1, «где я пробыла до следующего дня. На следующий день Викторöv уехал из Гомеля, а меня оставил на произвол судьбы. Очутившись после этого сама в Гомеле, я решила ехать разыскивать мужа,

но так как без пропуска нельзя было уехать из Гомеля, то я отправилась за пропуском на военно-контрольный пункт № 1, где меня и арестовали».

5 декабря 1919 года следователь особого отдела XII армии Зубков принял постановление: «Рассмотрев дело о Савинковой Екатерине, подозреваемой в шпионаже, нахожу, что для обвинения ее в названном преступлении нет никакого основания, а потому полагаю, что ее надлежит из-под стражи освободить, таковое постановление представить на утверждение начальника особого отдела XII армии». В тот же день начальник особого отдела XII армии Анетер утвердил постановление об **освобождении**.

6 декабря следователь Зубков направил коменданту особого отдела XII армии отношение: «Согласно резолюции начальника особого отдела XII армии от 5 декабря 1919 года прошу освободить из-под ареста Савинкову Екатерину».

Данных об освобождении нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. Последний документ дела — копия отношения, направленного 15 июня 1978 года в Москву начальником 10-го отделения УКГБ по Одесской области подполковником Бородиным начальнику центрального оперативного архива КГБ при СМ СССР подполковнику П. М. Емельяненко: «В процессе разработки архивных материалов УКГБ по Одесской области обнаружены два письма Савинкова Бориса, посланные в 1917 году с фронта к матери. Направляем на Ваше распоряжение для возможного использования в исторических целях. Приложение: упомянутое на 3 листах». Копии писем сделаны не были.

2. В описи документов дела, составленной в 1919 году, указаны три документа, в настоящее время в деле отсутствующие: л. 6 — дополнение № 130, л. 7 и л. 8 — два письма Бориса Савинкова матери.

(Дело № 6065-н)

1920

В этом году, после окончательного установления в Одессе советской власти 7–8 февраля по новому стилю (25 января по старому), начались массовые аресты и расстрелы. Полные данные об этих событиях, все имена жертв до сих пор неизвестны. Списки репрессированных периодически публиковались в одесских газетах, но уверенности в том, что они исчерпывающи, нет. Наша редколлегия располагает только выборочными материалами, свидетельствующими о некоторых тенденциях совершавшихся репрессий, но не дающими полного представления о масштабах террора.

На арестованных в 1920 году в фонде прекращенных дел по предварительным данным находятся 281 одиночное дело и 69 групповых на 391 человека; всего — на 672 человека. В основном это арестованные Одесской чрезвычайной следственной комиссией (ОЧСК), в дальнейшем — Одесской губернской чрезвычайной следственной комиссией (ОГЧСК) и губернской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Одесском исполкоме (более известной как ОГЧК, губЧК, Одесская ЧК). Основные формулировки обвинения — «контрреволюция», «служба в Добровольческой армии», «служба в контрразведке»; статьи Уголовного кодекса не указаны, так как его еще не было (принят в РСФСР только в 1922 году, на пятом году советской власти, тогда же продублирован уголовными кодексами союзных республик). В делах революционных трибуналов, как правило, вместо ссылки на закон фигурирует формулировка: «руководствуясь революционной совестью». В делах ЧК нет никаких — ни правовых, ни псевдоморальных обоснований совершающихся репрессий. Это полный произвол людей, присвоивших себе право распоряжаться судьбами других и уничтожать их по собственному усмотрению. Просто красный террор. Проследим его хронологию, частично представленную в архивно-следственных делах фонда «П» архива УСБУ в Одесской области.

ЯНВАРЬ

Единственное дело, еще не связанное с деятельностью ОЧСК. Реальное количество пострадавших несопоставимо больше, но в данном архивном фонде других дел за январь 1920 года нет.

14 января 1920 года отделением № 7 особого отдела при реввоенсовете XII армии «как подозрительная личность» арестована

ГАГАРИНА Августа (Августина) Антоновна (21 год). Родилась в 1898 году в Одессе; национальность не указана, из казаков; образование среднее, профессии не имела; беспартийная; замужем. На момент ареста служила прислугой; временно проживала в Киеве на квартире хозяев (ул. Ирининская, 6, кв. 6); постоянное место жительства — Одесса.

Обстоятельства ареста из дела не ясны.

Ордер № 28 на арест и обыск оформлен 14 января, на обороте запись: «...Служила в качестве регистраторши в контрразведке белых и подлежит немедленному аресту».

Протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованной в деле нет.

Запротоколирован единственный допрос Гагариной (почти за месяц ведения следствия; дата и фамилия следователя не указаны). В протоколе записано, что она происходит из казаков Полтавской губернии; до приезда в Киев служила в богадельне вместе с матерью; мужа нет уже два года, и где он — не знает. 10 декабря 1919 года выехала из Одессы в Киев к сестре Валентине, с которой намеревалась ехать в Харьков искать работу. В Киеве сестры не оказалось, куда уехала — неизвестно. В дороге ее обокрали, средств не было, поэтому пошла в услужение. Заявила, что при денкинцах нигде не служила.

Единственный свидетель сообщил, что в середине декабря к нему обратилась женщина с просьбой о помощи; он дал ей денег и сказал, чтобы пришла через день. Когда она явилась, жена дала ей работу временной прислуги. (Дата в протоколе допроса свидетеля также не проставлена).

18 января допросивший арестованную и свидетеля следователь отделения № 7 особого отдела Гайдуков составил заключение по делу: «Рассмотрев дело Гагариной, обвиняемой якобы регистраторша контрразведки белой, нашел, что если и было указано подпольным адресным столом на ее гнусное дело, то можно и ошибиться, а потому за неимением деталей и за недоказанностью предъявленного ей обвинения Гагаринову освободить из-под стражи, а дальнейшее следствие прекратить».

7 февраля 1920 года особый отдел XII армии, рассмотрев дело А. А. Гагариной «по подозрению в службе в денкинской контрразведке», постановил: «Принимая во внимание недоказанность обвинения, дело прекратить и сдать в активную часть для наблюдения за Гагариной». На обложке дела две надписи: «Освобождена» (дата не указана) и «Арестованной по делу нет» 28 мая 1920 года. Вероятно, была освобождена, но дата освобождения и дальнейшая судьба неизвестны.

Документы о реабилитации в результате прекращения дела особым отделом отсутствуют.

(Дело № 7916-н)

ФЕВРАЛЬ

30 дел на 34 человека, проходивших по делам этого фонда, и 11 человек, упоминавшихся в них как арестованные. Косвенным подтверждением того, что реальное количество пострадавших было значительно больше, являются номера ордеров на арест и обыск, хотя не во всех делах есть ордер или ссылка на него при обыске. Наименьший номер ордера ОЧСК, фигурирующий в февральских делах — 47, наибольший — 245. Первых и абсолютного большинства промежуточных ордеров нет, имена и судьбы людей, обысканных и (или) арестованных по этим ордерам, неизвестны.

Дела, которые велись в этот период в уездах Одесской губернии, представлены в фонде «П» очень мало. Документов о людях, задержанных при облавах и взятых в качестве заложников, в фонде «П» нет.

8 февраля 1920 года задержан и затем военно-следственным отделом при коменданте Одессы и порта без предъявления обвинения арестован

ОКУНЕВ Владимир Михайлович (44 года). Родился в 1875 (1876) году во Пскове; русский (?), происхождение не указано; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, подполковник; беспартийный; холост. На момент ареста

числился в охранной роте при коменданте города; временно проживал в Одессе (ул. Херсонская, 42, кв. 6).

Обстоятельства ареста. 7 февраля, услышав в городе стрельбу, явился в помещение роты, узнал, что она направлена в порт, пошел туда, но там ее уже не застал. Так как весь день на улицах шли бои, заночевал в Карантинной гавани. Утром там же в порту был задержан полковым патрулем (вероятно, как военный). 11 февраля передан в военно-следственный отдел при коменданте Одессы и порта, затем — в административно-юридический отдел и 25 марта — в чрезвычайную следственную комиссию (Екатерининская пл., 1) по обвинению в «активной поддержке Добармии».

Ордера на арест, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Окунева (за два месяца ведения следствия): 14 февраля, через неделю после ареста, его допросил военный следователь административно-юридического отдела Карелин и более чем через полтора месяца, 3 апреля — уполномоченный активной части ОГЧК Ерашвили.

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил 7 классов Псковского реального училища и Алексеевское военное училище, служил в 96-м Омском пехотном полку, а затем в русско-японскую войну — в 26-м стрелковом полку; при осаде Порт-Артура в 1904 году тяжело ранен в ногу и контужен. После этого в строю и на командных должностях не был, служил в военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны и в особой канцелярии по принятию прошений. В годы войны с Германией служил в штабе IX, затем VI армии в должности штабного офицера для поручений при начальнике этапно-хозяйственного отдела, в апреле 1918 года по расформировании штаба уволен в запас в чине подполковника и уехал из Болграда в Киев. При первой советской власти прошел регистрацию и был снят с учета как раненый и контуженный.

При добровольцах в октябре 1919 года мобилизован и как нестроевой офицер и инвалид 2-й группы направлен в отдел помощи отставным военным и их семьям при штабе Киевской области, принимал прошения о пособиях.

В декабре вместе с отделом эвакуирован в Одессу и, в связи с расформированием штаба, зачислен в охранную роту при коменданте Одессы. К службе не приступил, так как в дороге заболел возвратным тифом. О своих политических убеждениях сказал, что является аполитичным и приветствует власть, которая водворит в стране порядок и тишину.

9 марта и 6 апреля в следственные органы поступили два ходатайства об освобождении Окунева и взятии его на поруки от бывшего народовольца и политссыльного С. В. Майера, написавшего, что тот «ни к каким политическим обществам и партиям не примыкал и против советской власти не выступал... человек немолодой, больной и, главное, совершенно невинный». Эти ходатайства были подтверждены еще двумя членами ВКП(б).

8 апреля уполномоченный активной части ОГЧК Ерашвили составил заключение по делу, в котором указал: «за отсутствием улик и обвинительного материала виновность не установлена, нахожу возможным освобождение из-под ареста на поруки».

9 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело В. М. Окунева по обвинению в «активной поддержке Добармии», постановила: его освободить, дело прекратить.

Еще через три дня, 12 апреля, из ОГЧК в одесскую тюрьму было направлено указание о немедленном освобождении Окунева. Дата освобождения и дальнейшая судьба неизвестны.

Документы о реабилитации в результате прекращения дела ОГЧК отсутствуют.

Примечание.

В письме, направленном 12 апреля из ОГЧК в одесский тюремный замок, дано указание об освобождении из-под ареста также **Ивана ВОВКА** и **Вильгельма ЗЕГОРША** по распоряжению начальника особого отдела Заковского. Дел на этих людей в фонде «П» нет.

(Дело № 12009-н)

9 февраля 1920 года секретно-оперативным отделом Одесской ЧСК по обвинению в «службе в добровольческой контрразведке» арестован

АЛЕКСАНДРОВ Александр Васильевич (22 года). Родился в 1897 (1898) году, место рождения и происхождение не указаны; русский, подданный Румынии; образование среднее, по профессии — спортсмен-боксер; беспартийный; женат гражданским браком. На момент ареста занимался боксом; проживал в Одессе (Николаевский б-р, 1, кв. 1);

Обстоятельства ареста описаны в показаниях и протоколе допроса в качестве обвинителя члена ВКП(б) Д. С. Дунина, заведующего губотделом по борьбе с саботажем и преступлениями по должности при губернском судебном уголовном розыске (в обоих документах дата не указана): «Я, член подпольной контрразведки одесской организации коммунистов-большевиков, с августа 1919 по январь 1920 года... следил за Александровым... он служил в контрразведке добровольцев на улице Елисаветинской, 19... допрашивал и избивал арестованных, ярый антисемит... раньше, летом 1919 года, был начальником подпольной белогвардейской контрразведки, фотографировал коммунистов и сотрудников ЧК... В первые дни прихода советской власти я взял у товарища Северного ордер, арестовал Александрова и доставил в ЧК». Такого ордера в деле нет; есть записка председателя ОЧСК Северного с распоряжением представить данное дело на его рассмотрение (дата не указана).

А. В. Александров
в конце 1910-х годов

Ордер № 47 ОЧСК на арест и обыск оформлен 14 февраля, к тому времени арестованный уже пять дней находился под стражей. В протоколе обыска, проведенного у него на квартире по этому ордеру, записано, что изъяты переписка и фотографии.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Вероятно, **14 февраля 1920** года Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестована его гражданская жена

ИНГЕЛЕВИЧ Мария Эразмовна (30 лет). Место рождения и происхождение не указаны, русская; образование среднее, по профессии — учительница русского языка; беспартийная; замужем. На момент ареста постоянного места работы не имела; проживала в Одессе (Николаевский б-р, 1, кв. 1).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Ордера на ее арест, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованной, протокола допроса в качестве обвиняемой в деле нет.

На протоколе обыска, проведенного у них на квартире по ордеру № 47, стоит ее подпись.

1 марта следователь Дорин написал, что она «никакого отношения к делу не имеет, а посему считаю содержание ее под арестом лишним». Резолюция заведующего юридическим отделом при ОЧСК Кириллова: «Немедленно освободить, взять подписку о невыезде до окончания дела Александрова». В тот же день (1 марта) она дала подписку, что «до окончания следствия по ее делу» (хотя собственно ее дела нет. — *Ред.*) никуда из Одессы выезжать не будет и по первому требованию ОЧСК явится, «куда будет приказано». На этом документе стоит резолюция: «Подлежит расстрелу» (дата не указана, подписи нет). В апреле допрашивалась в качестве свидетельницы по делу Александрова. Дальнейшая судьба неизвестна, в фонде «П» ее дела нет.

Единственный запроотоколенный допрос Александрова проведен 21 апреля (более чем через два месяца после ареста, один за три с половиной месяца ведения следствия). Он категорически отверг все обвинения и заявил: «так как я никогда фотографом не был и на военной службе не служил, то не имею никакого понятия о контрразведке и, следовательно, начальником контрразведки быть не мог, то считаю обвинение это ложным». Назвал многих свидетелей, которые смогут подтвердить его невиновность.

23 апреля допрошены трое свидетелей, хорошо знавших обвиняемого. Ингелевич сказала, что знает его два года «как человека честного и беспартийного, никогда на службе в Добровольческой армии не был, тем более в контрразведке... оружия не имел и им не владеет... фотографией никогда не занимался. Считаю его арест абсурдом по чьему-то наговору». Хозяин квартиры, которую они снимали, заявил, что это порядочный и благонамеренный человек, «против советской власти ничего не имеет... я не замечал за ним ничего плохого и не знаю, за что он арестован». Третья свидетельница сказала, что знает обвиняемого уже 16 лет как порядочного человека: «занимался спортом, вел себя как подобает честному человеку, ни в чем замечен не был. Арест его считаю наговором на него его врагов».

Заклучения по делу нет. Проведший все допросы помощник уполномоченного по общим делам М. Сидоренко под протоколом допроса обвиняемого написал: «Ввиду того, что при допросе свидетели по делу Александрова рекомендовали его как порядочного человека и что он никакого отношения к контрразведке не имеет и фотографированием не занимался, то, по моему мнению, как невиновный должен подлежать освобождению». Эти слова перечеркнуты и вписано: «Дело на рассмотрение комиссии».

*20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело А. В. Александрова по обвинению в «службе в контрразведке, в избивании арестованных и в антисемитизме», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 23 мая, когда дело было сдано в архив.*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «...По делу отсутствует заключительный документ... Собранные в деле материалы не давали оснований для вывода коллегии ОГЧК. К делу приобщены заявление и протокол допроса (других процессуальных документов в деле нет) человека, назвавшего себя подпольщиком-коммунистом в период нахождения в Одессе белых и путем слежки установившего принадлежность Александрова к белой контрразведке и его репрессивные действия... Алексан-

дров это категорически отрицал. Допрошенные три свидетеля, хорошо знавшие Александра, положительно охарактеризовали его и опровергли утверждение обвинения о его службе в контрразведке».

Реабилитирован 29 июля 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств его контрреволюционной деятельности».

Документы о пересмотре дела и реабилитации М. Э. Ингелевич отсутствуют.

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Александра, а также определить, рассматривала ли коллегия дело Ингелевич и какое было принято решение, пока невозможно.

2. В фонде «П» это дело зарегистрировано и хранится как одиночное — на А. В. Александра. Арест и содержание под стражей М. Э. Ингелевич репрессией «не считается».

3. Изъятые при обыске документы и фотографии, указанные в описи 1920 года, в настоящее время в деле отсутствуют.

(Дело № 26938-п на 2 человек)

11 февраля 1920 года комендантом ревкома Одессы по обвинению в «провокационной деятельности» арестован

СТРАЦИНСКИЙ Даниил Саввич, он же **ВЕЛИКАНОВ-СТРАЦИНСКИЙ** (по удостоверениям 1919 года) (**26 лет**). Родился в 1893 (1894) году в Тирасполе Херсонской губернии; национальность, происхождение и образование не указаны, по профессии — техник; член партии социалистов-революционеров; холост. На момент ареста постоянного места службы не имел; остался в Одессе после бегства из заключения, в котором находился при белых; временно проживал у знакомых (ул. Пушкинская, 76, кв. 17), постоянное место жительства — Тирасполь.

Д. С. Страцинский
в 1919 году

Обстоятельства ареста. Явившись в ревком для регистрации как бывший заключенный, встретил там людей, вместе с которыми осенью 1919 года находился на гауптвахте у белых. Был ими задержан, доставлен к коменданту ревкома и затем в ОЧСК.

Ордера на арест, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Основанием для ареста, вероятно, послужило недатированное заявление члена партии Эдуардовой (Керцман): «Арестованный Страцинский, выдающий себя за сочувствующего советской власти, бравирующий тем, что сидел на гауптвахте по подозрению в большевизме — является провокатором, выдавшим меня и Бернардо Длугарио (по другим документам дела — Дулгачев. — *Ред.*) в момент нашего ареста в контрразведке 3 сентября 1919 года. Будучи в тот момент уже арестованным в контрразведке, он для облегчения своего положения написал на нас пространный донос о всей нашей партийной работе легального и нелегального времени, указал, что мы коммунисты... Теперь от него отказывается... Задержан он, когда расхаживал по ревкому с красной повязкой и винтовкой, где он чувствовал себя, по-видимому, своим человеком».

Запротоколированы два допроса Страцинского (за три месяца ведения следствия): 14 февраля его допросил следователь юридического отдела при ОЧСК Сибирцев и почти через три месяца, 5 мая, — уполномоченный ОГЧК П. Григорьев. К делу приложены также собственноручные показания обвиняемого (дата не указана) и его заявление следователю от 15 февраля.

На первом допросе он рассказал об обстоятельствах ареста за «провокационную деятельность» и заявил: «Не знаю, в чем заключаются такие подозрения, и не могу признать своей виновности... Действительно, считая глубоким позором провокацию, я как социалист подчиняюсь расследованию, но такого рода преступления за собой не чувствую и никогда не могу признать».

О себе сказал так: «Я как старый социалист должен изложить свою работу за революционное время. В 1916 году, будучи в Киеве при 4-м железнодорожном батальоне, за секретную пропаганду среди солдат предан суду и просидел четыре с половиной месяца на гауптвахте. При перевороте освобожден, избран в исполнительный комитет, в котором работал полтора месяца. Потом убыл с батальоном на фронт, в район Минской губернии; избран секретарем исполкома, затем заведующим библиотекой. В партии социалистов-революционеров состоял товарищем председателя и делегатом крестьянских губернских конференций в Минске. В 1917 году, при Советах, был временным председателем и затем товарищем председателя Виленского исполкома. Возвратился с фронта домой в Тирасполь, не служил, отдыхал и лечился. После прихода большевиков в 1919 году поступил в особый отдел III Украинской Советской Красной армии, служил помощником заведующего и заведующим активной частью военно-контрольного пункта № 4. Прибыв в Одессу за указаниями по эвакуации в особый отдел штаба III армии, по объективным причинам задержался и не смог уехать. При добровольцах скрывался, 14 августа арестован контрразведывательным пунктом, но по ложным показаниям смог освободиться. 28 августа снова арестован как служивший при советской власти в особом отделе и отправлен на гарнизонную гауптвахту, где находился до 14 января 1920 года».

В письменных показаниях обвиняемый указал, что находясь под стражей «вошел в доверие и втерся в группу румынских агентов»; вместе они обсуждали планы подпольной работы в случае установления советской власти, «больше всего надежд возлагали на полковника Елкина и его жену, которые будут занимать должности в советских учреждениях и этим обеспечат конспирацию организации...»

Далее на допросе рассказал, что в ночь на 15 января 1920 года благодаря караульному смог вместе с группой заключенных бежать с гауптвахты и скрывался в городе до прихода в Одессу советских войск. «Не чувствуя за собой никакого абсолютно греха, я добровольно скрывался от белых, рискуя быть ими расстрелян как советский служащий и дезертир. Ждал советских войск, чтобы помочь в деле окончательного изгнания белогвардейщины. С первого дня старался зарегистрироваться».

Явившись в ревком, он встретил людей, ранее находившихся на гауптвахте, и среди них — Бернардо Длугаро, которому сообщил, что имеет «ценный материал» о планах подпольной работы румынских агентов, собранный в заключении. Тот велел ему прийти на другой день. «Придя в ревком утром 11 февраля, я нашел Бернардо и полковника Елкина вместе и ими же был арестован... Причина моего ареста в том, что они решили попросту от меня избавиться, так как я знал их тайну». (Перед арестом услышал от своего знакомого, что 10 февраля на квартире Елкина было конспиративное собрание, на кото-

ром «обсуждался вопрос о подпольной работе и занятии намеченными лицами определенных постов»).

На допросе в мае обвиняемый повторил прежние показания и еще раз сказал: «Ни на минуту не сомневаюсь, что причиной моего ареста послужило изложенное здесь, а не провокация, за которую я должен был бы быть арестован в первый день, увидевшись с Бернардо. Агунья, заявившая на меня, мне совершенно неизвестна».

На допросах и в заявлении назвал имена свидетелей, в том числе сотрудников ЧК, военных и партийных работников, которые смогут подтвердить его показания и «охарактеризуют с политической стороны».

По делу Страцинского запротоколированы показания восьми свидетелей. Допросы велись с 16 февраля по 13 марта в основном следователем по особо важным делам при президиуме ОГЧК Горожанином. Большинство свидетелей — те, кто находился вместе с обвиняемым в 1919 году под арестом. Трое сказали, что он «ничего в пользу добровольцев не говорил, мечтал о скором приходе советской власти... с гауптвахты бежал... все его симпатии на стороне большевиков, хотел поскорее с ними работать и начать новую жизнь». Двое рассказали об аресте жены Бернарда Длугарио (Дулгачева), ответственной советской работницы Зои Керцман, якобы собственноручно расстреливавшей белых офицеров; после ее ареста заключенные составили на нее обширное донесение, в написании которого принимал участие Страцинский. (Обстоятельства ее ареста изложены в этих показаниях несколько иначе, чем в заявлении, подписанном «Эдуардова». — *Ред.*) Остальные свидетели подтвердили показания обвиняемого: бывший караульный сказал, что не воспрепятствовал бегству с гауптвахты около 35 арестованных, в том числе и Страцинского, а двое его знакомых — что после побега он несколько дней до прихода советских войск скрывался у них на квартире.

В марте из Тирасполя в Одессу приехала младшая сестра обвиняемого — Серафима Страцинская. К делу приложены два ее заявления: от 22 марта следователю ОГЧК с просьбой вызвать ее для дачи показаний и предоставления документов о службе брата при советской власти и от 29 марта в юротдел при ОГЧК. В нем говорится: «Ввиду того, что первое мое прошение об освобождении брата осталось без внимания, вторично прошу ускорить его дело, так как все данные уже собраны и доставлены документы его как бывшего советского служащего. Убедительно прошу обратить внимание на то, что брат мой является единственной опорой больного отца и старухи матери, в помощи родным я бессильна, так как не окончила еще гимназии. Прошу смягчить вину брата и ускорить его освобождение».

30 марта на это заявление наложена резолюция: «К делу Страцинского». Протокола допроса сестры обвиняемого нет.

Заклучения по делу нет.

*7 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Д. С. Страцинского по обвинению в «провокаторстве — офицер», постановила: его **расстрелять**, имущество конфисковать. Дата расстрела не указана, — вероятно, расстрелян в тот же день, так как дело сдано в архив 7 июня.*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «...Подвергнут расстрелу за то, что якобы выдал контрразведке белых участницу подпольной организации. Страцинский подобного рода обвинение отрицал, допрошенные в качестве свидетелей лица, хорошо его знавшие, положительно охарактеризовали, преступление с его

стороны также отрицали. Обвинение (не предъявленное) построено на субъективных, не проверенных показаниях заинтересованных лиц».

Реабилитирован 19 октября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Страцинского пока невозможно.

(Дело № 27024-п)

12 февраля 1920 года начальником милиции Александровского района Одессы без предъявления обвинения арестован

БРОДЮК Семен Алексеевич (48 лет). Родился в 1871 (1872) году в селе Кормильча Яцкорунской волости Каменец-Подольского уезда Подольской губернии; из крестьян, национальность и образование не указаны; по профессии — городской и дворник; беспартийный; женат, имел детей. На момент ареста служил милиционером Александровского участка Одессы; проживал в Одессе (ул. Ришельевская, 69, дворницкая).

Обстоятельства ареста. Задержан младшим помощником начальника милиции Александровского района Луговым, который 12 февраля подал по начальству рапорт: «Доношу, что во время пребывания добровольцев в Одессе в сентябре 1919 года проживавший со мной в одном доме, по Ришельевской, 69, бывший стражник Александровского участка... Семен Бродюк выразился в присутствии жильцов: «Вы у меня, коммунисты, теперь получите»... Из-за его предательства был арестован жилец дома Яков Барский, — доставил его в участок, бил прикладом... О советской власти Бродюк заявил, что она не более как на 2–3 недели... Выразил радость, что добровольцы наступают. Так как Бродюк записался сейчас на службу в Александровский район в качестве милиционера, считаю такое явление недопустимым». В тот же день начальник райотдела милиции дал распоряжение об аресте и было оформлено постановление о содержании задержанного под стражей.

Ордера на арест, протокола обыска, анкеты арестованного в деле нет.

13 февраля Луговой провел два допроса: в качестве свидетеля — Якова Барского, заявившего, что Бродюк его «арестовал, пытался расстрелять, избивал прикладом и доставил в участок», но за взятку надзиратель отпустил его домой; и самого обвиняемого, который объяснил, что как дворник дома многократно предупреждал Барского, что нужно прописаться, чего тот не сделал, поэтому по распоряжению пристава доставил его в участок, но не бил.

На следующий день, 14 февраля, Бродюк был передан в чрезвычайную следственную комиссию.

24 февраля на имя председателя ЧК поступило заявление семи милиционеров Александровского района, ходатайствовавших об освобождении обвиняемого: «Мы все отлично знаем товарища Бродюка... Он никакими арестами не занимался и никого не избивал... смело можем ручаться за его политическую благонадежность... по всей вероятности, он сделался жертвой доноса на личной почве... просим освободить из-под ареста или на поруки».

Единственный запроотоколированный в ОЧСК допрос Бродюка провел 28 февраля следователь юридического отдела Земский. В протоколе записано: «Я солдат русской армии. Был на войне России с Японией. В 1906 году приехал с Дальнего Востока в Одессу, поступил городовым в Херсонский участок... служил до 1911 года. В 1912-м поступил дворником дома по улице Троицкой, 40. В 1914-м был мобилизован и всю войну прослужил рядовым на фронте. В 1917 году вернулся в Одессу, поступил на службу в полицию, служил до сентября 1919-го. С приходом белых оставил службу и поступил дворником. Служил до прихода советской власти 7 февраля 1920 года. Затем поступил милиционером в Александровский участок».

Будучи дворником дома № 69 по Ришельевской, неоднократно предлагал одному жильцу записаться в домовую книгу, но он этого не сделал. Предлагал, если не может прописаться, оставить этот дом, но тот не слушался. Был приказ добровольцев, что если жильцы не прописаны, будут строго отвечать смотритель двора и хозяин дома, «управляющий домом строго приказал не допускать жить в доме жильцам без прописки». Поэтому он доставил Барского в участок, но не избивал. Заявил, что против коммунистов не выступал. Назвал свидетелей, которые могут подтвердить его показания.

Протоколов допроса свидетелей, протокола очной ставки, заключения, так же как и окончательного решения по делу нет. Только резолюция на протоколе допроса в ОЧСК: «*В концентриционный лагерь до конца гражданской войны*», поставленная другим карандашом нечеткая подпись председателя ОГЧК Реденса и нечеткая дата — предположительно 28 февраля 1920 года.

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба С. А. Бродюка неизвестны.

31 марта его жена направила в судебно-следственный отдел прошение, в котором писала, что после ареста мужа «осталась без всяких средств и с двумя маленькими детьми. До сего времени не знаю, за что он арестован. Прошу... ускорить расследование по делу». 2 апреля заведующий отделом наложил резолюцию: «В ЧК с просьбой присовокупить к делу».

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях до сих пор остаются «секретными», поэтому определить, рассматривала ли коллегия дело Бродюка и какое было принято решение, пока невозможно.

(Дело № 5657-н)

12 февраля 1920 года Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестован **ДМИТРИЕВ (ДИМИТРИЕВ) Гавриил Тимофеевич (23 года)**. Родился в 1896 (1897) году в селе Кирсановского уезда Тамбовской губернии; русский (?), из рабочих; образование не указано, по профессии — крестьянин (?); член ВКП(б); холост. На момент ареста постоянного места службы не имел; временно проживал в Одессе, постоянное место жительства — город Кирсанов Тамбовской губернии.

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Судя по документам дознания, основанием для ареста послужил донос товарищей по партии, с которыми при добровольцах Дмитриев сидел в тюрьме, что он якобы выдал коммуниста Планциса.

Ордера на арест, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Протоколов допроса Дмитриева также нет. Есть только его собственноручные показания от 12, 14, 26 февраля и 12 марта. О себе он написал: сын столяра, в 1916 году служил в Турции (в городе Карсе личным секретарем начальника 3-й Кавказской инженерной строительной др[ужины] и в Трапезунде секретарем районного инженера); в августе 1917 года вступил в партию большевиков. Был выбран членом комиссии при ревкоме по ликвидации правого фланга Кавказской армии, и в январе 1918 года приехал в Батум для подготовки помещений для эвакуирующихся частей. В мае приехал в Москву и поступил в военный контроль оперода Народного комиссариата военных дел простым сотрудником, а в августе был назначен военкомом станции Москва Александровской железной дороги. В октябре 1918 года командирован на юг России представителем военконтроля в Харькове, Екатеринославе и Одессе. Прибыв в 1919 году в Одессу, поступил в губернский особый отдел на должность помощника начальника по активной части.

Арестованный признал, что был знаком с Планцисом еще по работе в Москве и знал, что тот был прислан в Одессу при белогвардейцах для подпольной работы; но отрицал, что выдал его. Сам он был арестован после прихода в Одессу белых и в тюрьме встретил арестованного Планциса. Показаний о нем не давал; считает, что его выдал бывший сотрудник особого отдела Иванов, который, как выяснилось позже, работал в добровольческой разведке, имел чин поручика, а после установления власти белых допрашивал арестованных сотрудников особого отдела. Признал, что Планцис подозревал его, Дмитриева, в даче обвинительных показаний следователю, но утверждал, что объяснился с Планцисом и инцидент был исчерпан. В отношении записки, якобы обличающей его в предательстве, показал, что они с Планцисом при встрече в кабинете зубного врача обсудили все предъявленные обвинения, сгруппировали их и записали.

Приводим текст этой записки, переданной в ОГЧК одним из обвинителей Дмитриева — Баландиным и приобщенной к делу:

1. Заведовал заграничной агентурой в Киеве
2. Руководил всей разведкой на Украине
3. Писал из тюрьмы письмо одесскому резиденту Давидову
4. Служил в Москве
5. Посредством полковника Арнольдова хотел выехать обратно в Москву
6. Привез 500000 руб. для особого отдела Одессы
7. Начинович и Марьян»

Отношение бывших соратников Дмитриев объяснил тем, что в тюрьме он «очень часто осуждал действия ЧК, которая расстреливала беспощадно, и ругал тех комиссаров, которые пьянствовали и этим погубили советскую власть в Одессе в 1919 году. Я все говорил в глаза таким комиссарам и сотрудникам, конечно, для таких людей я был неприятен и указывал, что если я останусь жив, то буду настаивать, чтобы всех советских деятелей в период 1919 года, совершивших преступление по должности, не допускать к работе и отправить на фронт. Делал я большие нападки на лиц из уголовного элемента, которые проникли на советскую службу и обдeldывали свои делишки. Все это было не по душе многим лицам. И вот после всего этого начались придирки ко мне, а здесь случай, происшедший с Планцисом. Они воспользовались и повели кампанию против меня, обвиняя меня в провокаторстве. Я с Планцисом был в слишком хороших отношениях, чтобы это могло произойти с моей стороны.

...Донос Ирмы Нейман и Баландина на меня сделан на личной почве. Нейман служила у меня в активной части. Она была арестована у нас в особом отделе за иудофобство, я ее уволил из активной части, а главным образом она зла на меня на интимной почве. Товарищ Баландин был арестован в особом отделе мною за злоупотребление по службе, выразившееся в устройстве пьяных оргий во время занятий в военном зале».

В последних показаниях Дмитриев написал: «Я очень прошу президиум ОГЧК при разборе моего дела вызвать меня, так как сидение мое в ЧК есть пятно в слишком малой моей деятельности на революционном поприще».

С 12 февраля по 15 марта были допрошены девять свидетелей. Большинство коммунистов, сидевших в тюрьме вместе с Дмитриевым и Планцисом, дали негативную оценку обвиняемому, но о предательстве последнего судили с чужих слов. Один подтвердил, что между Дмитриевым и Ирмой Нейман были личные счеты. Она же дополнительно обвинила его в выдаче некоего Начиновича, преданного, как и Планцис, военно-полевого суду. А Баландин добавил к этому списку серба Марьяна и передал следователю записку, якобы обличающую Дмитриева в провокаторстве. Жена Планциса также сказала, что считает Дмитриева виновным в расстреле мужа, но уверена, что кроме него еще кто-то говорил следователю о работе мужа в особых отделах в Москве и Киеве. Бывший сотрудник особого отдела подтвердил, что Иванов действительно оказался сотрудником контрразведки белых и он знал о деятельности Планциса. Одна из свидетельниц заявила, что когда у нее на квартире арестовывали Начиновича и серба, то солдаты сказали, что этот адрес дала им только что арестованная девица (возможно, Нейман, так как именно ее письма они искали у Начиновича).

Протоколов очных ставок в деле нет.

22 марта следователь ОГЧК Дорин составил заключение по делу Дмитриева, обвиняемого в «выдаче товарища Планциса, Начиновича и серба, расстрелянных контрразведкой до суда». В нем говорится: «По заявлению товарищ Нейман арестован бывший помощник начальника губернского особотдела Дмитриев, который, находясь в тюрьме, провоцировал товарища Планциса, Начиновича и Марьяна (серба).

Товарищ Планцис — видный работник (член КП), приехал в Одессу за несколько дней до прихода белогвардейцев со специальной миссией из Москвы для подпольной работы. Его здесь никто не знал. Несколько раз он был арестован, но против него контрразведка не могла найти материала. В последний раз, когда товарищ Планцис был арестован и отправлен в тюрьму, там его увидел Дмитриев, который тоже там содержался. Почти одновременно с товарищем Планцисом были арестованы товарищи Начинович и Марьян (серб). Все они должны были быть уже освобождены, как вдруг следователь контрразведки Мадатов вызывает товарища Планциса и заявляет ему: «Наконец-то я узнал, кто вы, мне Дмитриев открыл карты». После этого дело приняло резкий поворот к худшему и было передано военно-полевого суду, но товарищи Планцис, Начинович и серб были расстреляны еще до суда...

Из следственного материала и опроса целого ряда свидетелей — товарищей, сидевших в тюрьме вместе с Дмитриевым и товарищем Планцисом, выясняется безусловная виновность Дмитриева в провокации, а потому я, следователь ОГЧК, постановил: дело передать на рассмотрение президиума ОГЧК для наложения достойного наказания».

В тот же день коллегия ОГЧК рассмотрела дело и постановила оставить его за президиумом.

26 марта 1920 года коллегия ОГЧК, снова рассмотрев дело Г. Т. Дмитриева по обвинению в «выдаче добровольцам товарищей Планциса, Начиновича и серба, расстрелянных контрразведкой за суды (так в документе. — Ред.)», постановила: **расстрелять**. Дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Решение не соответствует собраным по делу доказательствам. Дмитриев предъявленное ему обвинение отрицает. Показания свидетелей о совершенном деянии построены на предположениях... перечисленные лица, согласно материалам дела, являлись подпольщиками. Неконкретность и предположения характерны и для других так называемых доказательств, приобщенных к делу в виде заявлений, отрывочных записей, неоформленных протоколов допросов».

Реабилитирован 14 июля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Дмитриев, Димитриев. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного — Дмитриев.

2. В выписке из протокола заседания коллегии напечатано *Павла Матвеевича Дмитриева*, сверху от руки дописано *Гавриила Тимофеевича*, но печатный текст не вычеркнут. Кто такой Павел Матвеевич Дмитриев — неизвестно, его дела в фонде «П» нет.

3. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Дмитриева пока невозможно.

(Дело № 27447-п)

13 февраля 1920 года военно-контрольным пунктом № 7 особого отдела XIV Советской Красной армии без предъявления обвинения арестованы

АЛЕШИН Исаак (Исаакий) Васильевич (26 лет). Родился в 1893 (1894) году в станице Кочетовской области Войска Донского; русский, из казаков (из дворян); образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, хорунжий; беспартийный; женат. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Одессе (ул. Манежная, 24, кв. 12);

КАЛИНОВСКИЙ Александр Иосифович (21 год). Родился в 1898 (1899) году в Елисаветграде Херсонской губернии; национальность и происхождение не указаны; образование среднее, профессии не имел; беспартийный, холост. На момент ареста — студент Новороссийского университета; проживал в Одессе (ул. Манежная, 24, кв. 12);

ЯГОДИН Павел, возраст неизвестен, анкетных данных нет.

Основанием для ареста Алешина послужило недатированное заявление в особый отдел XIV армии коменданта здания военного госпиталя Г. М. Райхера. Он сообщал, что Алешин продал казенное имущество и лошадей, а также «представлялся сотрудником ЧК и вымогал деньги». 13 февраля оформлен ордер № 34 на обыск и арест Алешина. При обыске изъяты шашка, винтовка, револьвер и 4 тысячи рублей (оприходованы коменда-

турой особого отдела). Одновременно с Алешиным арестованы «как подозрительные» Калиновский и Ягодин, находившиеся у него на квартире.

Ордера на арест Калиновского и Ягодина, протокола их обыска, постановлений о содержании всех троих под стражей и анкет арестованных в деле нет.

Запротоколированы два допроса Алешина (более чем за два месяца ведения следствия) — 14 февраля и почти через два месяца, 6 апреля; один допрос Калиновского 14 февраля; протоколов допроса Ягодина нет, указано только, что возбуждено следственное дело. (Допросы провели военные следователи особого отдела XIV армии: в феврале — Крымский, в апреле — Глик).

Алешин подробно изложил свою биографию. В 1914 году окончил Новочеркасский кадетский корпус; в годы войны с Германией воевал на Румынском фронте, служил младшим офицером в 40-й отдельной казачьей сотне, был контужен, попал в австрийский плен, после освобождения в 1917 году служил в 10-й Донской особой конной казачьей сотне. В 1918-м учился на 1-м курсе Одесского высшего сельскохозяйственного института. В 1919 году служил в Красной армии в должности начальника команды конных разведчиков полка имени Петра Старостина. 16 августа был командирован в Одессу за находившимся в городе имуществом эскадрона; при отступлении красных остался в городе из-за болезни жены. После занятия Одессы добровольцами «начал искать выход, чтоб избежать мобилизации на фронт», поступил в стражу, но был отчислен от туда как бывший командир Красной армии. Затем устроился на службу в управление начальника работ по укреплению Одесского района, где числился хорунжим по личным поручениям. Отказался эвакуироваться вместе с белыми и добровольно остался в Одессе как сочувствующий советской власти. После ее установления зарегистрировался одним из первых. Считал себя убежденным коммунистом, хотя формально в партии не состоял. Обвинение в присвоении казенных денег и продаже казенных лошадей категорически отрицал.

Калиновский дал показания, что учился в университете, у Деникина не служил; чтобы избежать мобилизации, в январе 1920 года скрывался на квартире Алешина, после прихода красных дал дворнику свои документы для регистрации в домовую книгу, почему тот его не записал — не знает. Общей регистрации военных не подлежит, так как офицером никогда не был. С Алешиным и Ягодиным познакомился при добровольцах, утверждал, что они сторонники советской власти.

15 февраля заведующий юридическим отделом губернского ревкома подал ходатайство об освобождении Калиновского и изъявил готовность взять его на поруки. Вероятно, арестованный был освобожден, так как в деле есть его подписка о невыезде из Одессы (дата не указана).

14–17 февраля по делу Алешина допрошены трое свидетелей, в том числе заявитель. Они дали показания, что обвиняемый служил хорунжим и продал казенных лошадей.

Заключения по делу нет. В первом протоколе допроса Алешина написано, что он обвиняется в «контрреволюции» («дезертирство из Красной армии, добровольная служба у противника, действия под именем коммуниста и чекиста, подрывающие авторитет советской власти»), а в постановлении от 5 апреля он обвиняется уже в «служении в Добармии».

На начало апреля содержался в кременчугской тюрьме. По постановлению особого отдела XIV Советской Красной армии от 18 апреля 1920 года И. В. Алешин «как офицер

Добрармии вместе с делом № 350 препровождается в особый отдел ВЧК для заключения в концлагерь и на распоряжение».

Окончательного решения по делу нет. Место отбытия заключения Алешина и дальнейшие судьбы всех троих арестованных неизвестны.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

В фонде «П» это дело зарегистрировано и хранится как одиночное — на И. В. Алешина. Арест и содержание под стражей А. И. Калиновского и П. Ягодина репрессией «не считается». Отдельных дел на этих людей в фонде «П» нет.

(Дело № 12243-п на 3 человек)

13 февраля 1920 года военно-контрольным пунктом № 7 особого отдела XIV Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

ПОЛЯНКО Порфирий Александрович (51 год). Родился в 1868 году в деревне Жеребка Ананьевского уезда Херсонской губернии; национальность не указана, из потомственных дворян (из запорожских казаков); образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, капитан; беспартийный; женат, имел одного ребенка. На момент ареста постоянного места службы не имел, занимался сапожным ремеслом; проживал в Одессе (ул. Раскидайловская, 5, кв. 13).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Вероятно, поводом для ареста послужило заявление, указанное в описи документов дела 1920 года, но изъятое в 2003 году (судя по показаниям свидетелей, его могла написать хозяйка квартиры, в которой проживала семья Полянко).

Ордер № 33 КПП № 7 на арест и обыск Полянко оформлен 13 февраля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты денкикинские газеты, военные карты, фотографии, а также кобура от револьвера системы «Наган» (в протоколе обыска запись: кобура «оставлена для нужд особого отдела»).

П. А. Полянко в 1911 году

П. А. Полянко с женой Лидией в середине 1910-х годов

Постановление о содержании под стражей по обвинению в «добровольном служении у противника» принято 16 февраля — на третий день после ареста.

Анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Полянко (почти за два месяца ведения следствия): 14 февраля его допросил военный следователь особого отдела XIV армии Крымский и более чем через полтора месяца, 5 апреля — военный следователь того же отдела Глик.

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил Елисаветградский кадетский корпус, до германской войны служил полицмейстером города Влацлавска Варшавской губернии, до начала 1917 года командовал отрядом пограничной стражи в Подольске, затем состо-

П. А. Полянко в 1917 году.
Подписано: «Дорогой Лидочке
в смутный 1917-й год.
13 ноября 1917 года»

ял в резерве при штабе Киевского военного округа и находился в хирургическом госпитале. После демобилизации в 1918 году приехал в Одессу, занимался сапожным ремеслом. О службе у белых рассказал так: «В декабре 1919 года перед отступлением Деникина была объявлена мобилизация всех офицеров, не считаясь с возрастом... чтобы не идти на фронт, я поступил в Михайловский участок Одессы младшим помощником пристава, служил с 12 по 17 декабря, потом заболел... Уклониться я не мог, потому что квартирохозяйка создала мне своими дрызгами, счетами со мной, безработицу, а я, имея семью, не мог ее оставить без куска хлеба и поступил туда, где мог бы хоть что-нибудь заработать... никакого участия в розыске коммунистов не принимал... служить был должен, чтобы кормить семью... но за эти несколько дней я даже не получил жалованье».

15 и 16 февраля допрошены трое свидетелей: хозяйин квартиры, которую снимал обвиняемый, и две соседки. Первый свидетель показал, что Полянко поселился у него

1 июня 1919 года и занимался сапожничеством, при гетмане выдавал себя за казачьего офицера. «В последнее время... служил помощником пристава у деникинцев... он был дерзким, требовательным... говорил, что большевиков не пустят». Обе соседки заявили, что сами ничего сказать об обвиняемом не могут, но от хозяйки квартиры, с которой у него была ссора, слышали, что он «бывший жандарм... нужно быть с ним осторожной... человек он грубый»; они также видели его в офицерской форме. Одна из свидетельниц добавила: «он всех терроризировал».

16 февраля следователь особого отделения № 7 Крымский составил заключение, в котором утверждается, что Полянко — «бывший жандармско-полицейский офицер, обвиняемый в добровольном служении у противника».

6 марта начальник активной части особого отдела XIV армии передал «материалы с личностью» в следственную часть особого отдела; арестованный содержался в кременчугской тюрьме.

5 апреля (после проведения повторного допроса арестованного) военный следователь особого отдела при реввоенсовете XIV армии Юго-Западного фронта Глик составил заключение по делу Полянко, обвиняемого в «добровольном служении у Деникина»: «...Был помощником пристава, ходил в погонах офицера... Виновным себя не признал и показал, что он бывший жандармский офицер, что со времени поселения в Одессе в 1918 году он якобы занимался сапожным ремеслом и что служить ему пришлось якобы по случаю объявленной мобилизации офицеров. Имея в виду, что при опросе гражданин Полянко давал сбивчивые показания о своей деятельности при деникинщине в Одессе и принимая во внимание показания свидетелей... доказывающих его добровольное служение в Добрармии и отношение к мирному населению, считаю обвинение доказанным: что гражданин Полянко во время деникинщины на Украине добровольно служил помощником пристава Михайловского участка в Одессе и принимал активное участие в борьбе с советской властью... Полагаю: 1) Гражданин Полянко, как явный враг советской власти, использован Красной армией быть не может. 2) На основании телеграммы

ВЧК за № 142 от 10 марта сего года Полянко подлежит отправке в концентрационный лагерь на все время гражданской войны с применением принудительных работ. 3) Дело следствием прекратить».

Окончательного решения по делу нет. Место отбытия заключения и дальнейшая судьба П. А. Полянко неизвестны.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. Телеграммы ВЧК за № 142 от 10 марта 1920 года, упомянутой в заключении следователя Глика, в деле нет.

2. В 2003 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъят из дела л. 15 — судя по описи 1920 года, заявление, послужившее причиной ареста.

(Дело № 9193-п)

14 февраля 1920 года комендантом ревкома Одессы «как провокатор, который выдал бывшего сотрудника ЧК Сандлера» арестован и передан в ОЧСК

ЛАПКИН Владимир Иосифович, он же **ХМАРА (38 лет)**. Родился в 1881 (1882) году в Харькове; национальность, происхождение, образование, партийность не указаны; по профессии — кадровый офицер, подполковник; женат. На момент ареста служил старшиной 1-го куреня штаба 41-й советской дивизии Украинской армии; проживал в Одессе (Воронцовский пер., 4, кв. 8).

Обстоятельства ареста из дела не ясны, возможно, по доносу кого-либо из тех, с кем вместе находился на гауптвахте при белых.

Через полмесяца после ареста, 1 марта, в ОЧСК поступило заявление члена ВКП(б) И. Б. Мильчина о том, что при добровольцах Лапкин занял его квартиру, разграбил находившееся там имущество, угрожал ему и вымогал деньги; податель заявления просил привлечь Лапкина к ответственности и разрешить принять участие в обыске его квартиры «на предмет обнаружения похищенных вещей у меня и возмещения Лапкиным мне убытков, понесенных в связи с разграблением моей квартиры».

Был ли проведен обыск — неизвестно. Ордера на арест, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы три допроса Лапкина следователями юридического отдела при ОЧСК (более чем за полтора месяца ведения следствия): 16 февраля его допросил следователь Гарри, более чем через неделю, 25 февраля — следователь Земский и почти через месяц, 21 марта — следователь Лин.

В протоколах записано, что в январе 1917 года допрашиваемый был уволен с военной службы в чине подполковника русской армии в отставку по 4-й категории, жил в Киевской губернии; с приходом советской власти поступил в штаб III армии, служил в Черкассах заведующим городской продовольственной комиссией и состоял в театральной труппе. В начале мая 1918 года переехал с труппой в Смелу, а затем — в Одессу. Здесь труппу оставил, занимался торговлей вином. У добровольцев в 1918 году не служил, но во время их второго прихода в Одессу в августе 1919-го был мобилизован: служил дежурным офицером при штабе, затем командиром роты по охране порта. В конце августа арестован и посажен на гарнизонную гауптвахту, через четыре месяца бежал; скрывался на Слободке-Романовке под фамилией Хмара.

По поводу обвинений в «провокации» и «грабеже» пояснил, что занял квартиру Мильчина, поскольку домовладелица заявила, что тот — коммунист и бежал от белых; находился в квартире только одну ночь, вещи еще до его прихода вывезли военные, по возвращении хозяина квартиру освободил. Арестованного Сандлера впервые увидел на гауптвахте, раньше его не знал. Слышал, как тот в присутствии всех заключенных просил знакомого штабс-капитана, находившегося в той же камере, не выдавать, что был чекистом. На дознании все заключенные сказали об этом разговоре, поэтому утверждает, что лично он Сандлера не выдавал.

В деле есть заявление Лапкина, поданное 1 марта в юридический отдел при ОЧСК, в котором он пишет, что в результате контузий, полученных на фронте, дважды попадал в психиатрическую больницу. «При добровольцах был в заключении по обвинению в выпуске из одесского порта советских работников без особого на то разрешения контрразведки. 2 января должен был быть предан военно-полевому суду, но бежал и скрывался у рабочих в «Скалах» на Слободке-Романовке». Оставил дома больную жену без средств к существованию. «Почему я, разбитый нравственно и физически, должен быть лишен возможности жить, тогда как свой разум, остаток сил, энергию охотно мог бы употребить в защиту народоправия?» Просит об освобождении под подписку о невыезде или под поручительство начальника штаба 41-й дивизии, в которой служил до ареста.

С 25 февраля по 31 марта допрошены шесть свидетелей, давших разноречивые показания. Одна свидетельница сообщила, что Лапкин производил обыск ее квартиры, но вел себя корректно: никого не арестовал, несмотря на требования других офицеров, и взяток не брал. Допрошенный в качестве свидетеля заявитель повторил, что обвиняемый занял его квартиру (уточнив, что через несколько дней он ее освободил), расхитил его вещи и под угрозой убийства вымогал деньги. Остальные четверо свидетелей сообщили, что осенью 1919 года находились вместе с обвиняемым на гарнизонной гауптвахте, знают его плохо, предполагают, что он был арестован за пьянство; выдал ли Сандлера — точно не знают, но слухи такие ходили.

1 апреля следователь юридического отдела при ОЧСК Лин составил заключение по делу Лапкина, обвиняемого в «провокации, выдаче на гауптвахте Сандлера, служившего в ЧК, в вымогательстве, хищении вещей, службе в портовой контрразведке». Выборочно процитировав показания обвиняемого и некоторых свидетелей, следователь пришел к выводу: «Считать гражданина Лапкина виновным в преследовании лиц советской службы, в разграблении квартиры гражданина Мильчина, в выдаче товарища Сандлера. Что касается его службы в контрразведке в качестве начальника — то, по утверждению Лапкина и одного из его обвинителей, он заведовал контрольным пунктом порта, исполняя фактически обязанности начальника контрразведки (таких «утверждений» в протоколе допроса обвиняемого нет. — *Ред.*). Дело передать на рассмотрение коллегии ОГЧК».

Окончательного решения по делу нет.

Дальнейшая судьба В. И. Лапкина неизвестна. Но, судя по формулировке надписи на обложке дела «Исполнено и в архив», — возможно, был расстрелян.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому определить, рассматривала ли коллегия дело Лапкина и какое было принято решение, пока невозможно.

(Дело № 12013-н)

14 февраля 1920 года Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестован **МОРОЗОВ Димитрий (Дмитрий) Иванович (22 года)**. Родился 14 мая 1897 года в Севастополе Таврической губернии; русский, происхождение не указано; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, подпоручик; член ВКП(б); женат. На момент ареста работал следователем Николаевской ЧСК; в Одессе находился проездом.

Обстоятельства ареста. 14 февраля встретил на Дерибасовской бывшего участника крымского белогвардейского партизанского отряда и препроводил его в губЧК. Однако задержанного освободили, так как тот заявил, что он рабочий, а Морозова задержали для выяснения личности и затем арестовали. При обыске у него изъяли выданное накануне удостоверение реабилитационной комиссии при Одесском губернском партийном комитете, что он является членом севастопольской парторганизации и к выезду его в Севастополь препятствий нет.

Ордера на арест, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Морозова (за полтора месяца ведения следствия): 23 февраля, более чем через неделю после ареста, его допросил следователь юридического отдела при ОЧСК Самойлов и еще через месяц, 21 марта — следователь того же отдела Гарри.

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил Чистопольскую школу прапорщиков, в годы войны с Германией служил младшим офицером в 45-м пехотном полку, на фронте находился с 1915 по июнь 1916 и в 1917 году, был ранен и контужен, вернулся в Севастополь. Там вступил в партию большевиков и служил при политотделе Крымской дивизии товарища Дыбенко.

В мае 1919 года вместе с 1-м Севастопольским полком подпольных советских работников прибыл в Одессу. При очередном переходе власти к белым не успел эвакуироваться и вынужден был пойти на службу в Белую армию, чтобы избежать ареста, а также потому, что не имел иных средств к существованию. Но на службе не был: сперва симулировал болезнь, а затем дезертировал.

К делу приобщены показания бывшего сослуживца Морозова по Севастополю (дата не указана). Он заявил, что они вместе находились в коммунистическом подполье, участвовали в нападении на арсенал севастопольской военной гауптвахты и что он знает Морозова как «самого преданного для советской власти работника».

21 марта следователь юридического отдела при ОЧСК Гарри составил заключение по делу. «Гражданин Морозов задержан по распоряжению товарища Мамендоса для выяснения личности, ввиду того, что Морозов — бывший офицер и привел арестованного рабочего, которого обвинял как добровольца Крымского партизанского отряда. Но по произведенному дознанию видно, что Морозов с 1918 года — партработник и не успевши эвакуироваться поступил в Добрармию с целью скрываться. Дальше поступило заявление товарища Лабзина (член партии большевиков севастопольской организации) о том, что Морозов был сотрудником советской подпольной контрразведки... На основании вышеизложенного и того, что Морозов имеет соответствующую реабилитацию от Одесского губпарткома, считаю личность Морозова выясненной и предложил бы его после соответствующего согласия коллегии ОГЧК отправить в распоряжение губпарткома».

Предположительно 23 марта 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Д. И. Морозова по обвинению в «шпионаже», постановила: его **освободить**, дело следствием продолжать, передав в особый отдел для доследования. Освобожден не позднее 28 марта, так как этим числом получил документы, отобранные при аресте.

Окончательного решения по делу нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

В подшитой к делу выписке из протокола заседания коллегии ОГЧК верхняя часть оборвана, слабо читается дата 13 февраля. Это явная опечатка, так как арестован Морозов был 14 февраля.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях до сих пор остаются «секретными», поэтому точно определить дату заседания коллегии ОГЧК, на котором рассматривалось дело Морозова, а также когда и какое было принято окончательное решение, пока невозможно.

(Дело № 12003-н)

14 февраля 1920 года комендантом ревкома Одессы по обвинению в «принадлежности к портовой контрразведке при белых» арестован и передан в ОЧСК

НЕДОСЕКИН Николай Федорович (24 года). Родился в 1895 (1896) году в Одессе; национальность, происхождение и образование не указаны, по профессии — мануфактурист, приказчик; беспартийный; женат. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Одессе (ул. Пишиновская, 37, кв. 10).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Возможно, арестован по доносу тех, кто при белых одновременно с ним содержался на гарнизонной гауптвахте.

Ордер № 48 ОЧСК на арест и обыск оформлен 14 февраля, когда Недосекин уже находился в оперчасти. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты личные документы, фотографии, более тысячи рублей разными деньгами, кожаный бумажник (куда впоследствии сданы — не указано).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

15 февраля комендант одесского ревкома направил отношение в военно-следственную комиссию: «Примите Недосекина. Обвиняют его в принадлежности к портовой контрразведке товарищи Бурштейн и Пынтя».

Показаний первого в деле нет. Объяснение второго поступило в ОЧСК 3 марта на имя следователя Горшковой (сохранено написание оригинала. — *Ред.*): «Мною была получена повестка по делу Недосекина. Я явился согласно указанному в ней времени, но вы были больны. Не имея фактически времени из-за партийной и профессиональной работы как секретарь обкома союза рабочих водного транспорта, я прошу принять мои письменные показания по делу Недосекина. Я его узнал в комнате № 41 гостиницы «Лондонская», когда он стремился получить пособие как политический. Зная по рассказам на гауптвахте, где и я сидел, что он арестован за то, что совместно с другими устроил самочинную контрразведку в порту и занимались вымогательствами. Естественно на получение какой-либо помощи от советской власти наравне с политическими, тем более, что поведение его было вызывающее, проявившееся в том, что мы все стояли в очереди, а он проник в середину к комиссии и моментально получил анкету и уже приставал, чтобы были отпущены средства ему. Больше ничего не могу показать по этому делу».

23 февраля арестованный подал заведующему юридическим отделом при ОЧСК заявление: «Я был задержан по недоразумению 14 февраля; до настоящего времени я еще не опрошен. При белых я содержался под арестом с 21 августа 1919 года по 14 января 1920 года, в чем меня обвиняют — неизвестно. Прошу ускорить мое дело».

Запротоколированы два допроса Недосекина (за полтора месяца ведения следствия): 5 марта, через три недели после ареста, его допросил следователь юридического отдела при ОЧСК Туманов и на следующий день, 6 марта — следователь того же отдела Горшков. В первом протоколе в графе обвинения указано: «контрразведчик, контрреволюционер, обвиняет подпоручик Пынтя».

В протоколах записано, что допрашиваемый до войны служил приказчиком в магазине Соловьева. В годы войны находился на фронте, попал в плен и четыре года пробыл в Германии, затем бежал в Россию, но в Германии осталась его семья. Приехав в Россию, сначала жил у брата в Ясках и работал вместе с ним в исполкоме. Потом приехал в Одессу и поступил в автомобильное управление III Советской Красной армии, работал старшим кладовщиком до прихода добровольцев. Не эвакуировался, так как хотел поехать за границу, к семье. «Обратился с этим вопросом к полковнику Лапкину, который имел большое влияние в порту. Некоторое время работал вместе с ним, чтобы пробраться за границу, знаю несколько языков. 18 августа 1919 года городской контрразведкой был арестован Лапкин, а 21 — я в числе других пассажиров судна, которое должно было направиться в Италию. Следователь предъявил обвинение, что якобы я работал в ЧК и на грузовике вывозил оттуда трупы расстрелянных красными. Допрос был прерван, и следующие пять месяцев я просидел на гауптвахте без допроса. 14 января 1920 года я совершил побег вместе с другими арестованными, в том числе чекистами и советскими работниками». Назвал их фамилии и адреса.

«Пынтю знаю только по гарнизонной гауптвахте... Владимир Лапкин в порту за взятки под видом пожертвований в помощь Добрармии выдавал пропуска и имел свой отряд. Сейчас он арестован ОГЧК» (см. описание дела № 12013-п, стр. 191–192).

20 и 23 марта были допрошены трое свидетелей — чекист, которому Недосекин помог бежать с гауптвахты, его давний знакомый, у которого он скрывался после побега, и Лапкин. Все они подтвердили показания Недосекина о том, что он ожидал большевиков.

31 марта следователь юридического отдела при ОЧСК М. Григорьев составил заключение: «Рассмотрев дело Недосекина Николая, обвиняющегося в принадлежности к портовой контрразведке, нахожу, что вполне допустима его причастность к самочинно организовавшейся в порту контрразведке в начале правления добровольцев, но истинную роль, которую он в ней играл, выяснить не удалось. Недосекин как человек производит очень скверное впечатление своим наглым видом и манерами, заставляющими видеть в нем ищейку и предателя. Предлагаю Недосекина Николая отправить в концентрационный лагерь до окончания гражданской войны».

3 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Н. Ф. Недосекина по обвинению в «принадлежности к портовой контрразведке при белых», постановила: заключить в лагерь до конца гражданской войны.

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Никаких доказательств обвинения Недосекина, указанного в решении ОГЧК, в деле, состоящем из 15 листов, нет».

Реабилитирован 19 октября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения им контрреволюционного преступления».

(Дело № 27039-п)

14 февраля 1920 года Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестован **ФОМИН Семен Васильевич (31 год)**. Родился в 1888 (1889) году в Оренбурге, русский (?), происхождение, образование не указаны; по профессии — торговец, ранее — милиционер; беспартийный; женат. На момент ареста торговал в собственной бакалейной лавке; проживал в селе Кубанка Одесского уезда Одесской губернии.

Обстоятельства ареста. Привез в Одессу зерно, на улице был задержан и доставлен в комендатуру ЧК. Задержавший его прохожий — слесарь Феодор Чоп подал дежурному следователю заявление: «Во время власти добровольцев я был арестован контрразведкой, подпрапорщик Фомин издевался над арестованными... во время допроса... держал меня за шиворот и давил горло. Исходя из этого прошу возместить ему за наши страдания, которые он нам причинил».

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Фомина (за полтора месяца ведения следствия): 15 февраля и через две недели, 6 марта; допрашивал следователь юридического отдела при ОЧСК Гарри.

В протоколах записано, что в Одессе допрашиваемый жил с 1905 года, в 1914 году мобилизован и направлен на фронт, в конце 1916 года вышел в отставку по статье 37 в чине подпрапорщика и вернулся в Одессу. В 1917–1918 годах служил милиционером в Бульварном участке, в уездной, затем — в железнодорожной милиции на станции Одесса-Главная, с июня 1918-го по август 1919-го — охранником в одесском военном порту. При добровольцах мобилизован в 48-й Одесский пехотный полк, но 13 ноября дезертировал. С этого времени жил в Кубанке, занимался торговлей и в Одессу приезжал за товаром.

В контрразведке никогда не служил; однажды в составе конвойного отряда сопровождал арестованных, но не избивал их. Задержавший его человек — один из тех арестованных; «вероятно, он подумал, что я служил в контрразведке».

На протоколе первого допроса стоит резолюция следователя Горшковой: «Рассмотрев следственный материал по делу Семена Фомина и не находя в нем улики против него, нахожу возможным дело направить к прекращению». Тем не менее на втором допросе он снова обвинялся в «содействии контрразведке и издевательствах над арестованными».

В качестве свидетелей допрошены три человека, знавшие Фомина и ранее арестовывавшиеся контрразведкой белых. Задержавший Фомина и доставивший его в ЧК обвинитель 6 марта повторил свои показания.

В двух других протоколах (дата не указана) обвиняемого характеризуют положительно: «честный человек», «не допускаю возможности, чтобы он наносил арестованным побои, так как он незлой, тихий человек». Один из свидетелей сообщил, что заявление Чопа написано с его слов: «это меня держали за шиворот и издевались, но когда я увидел Фомина, то понял, что это не тот человек... он просто нес караульную службу».

Очная ставка между обвиняемым и заявителем, проведенная 6 марта, подтвердила, что раньше «никаких взаимных счетов они не имели».

На сопровождающем заявлении Чопа отношении коменданта дежурному следователю стоит резолюция от 25 марта (возможно, апреля — месяц указан нечетко): «Освободить», под ней другим карандашом — подпись члена коллегии ОГЧК Заковского.

Заключения следователя и окончательного решения по делу нет.

Дальнейшая судьба С. В. Фомина неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях до сих пор остаются «секретными», поэтому определить, рассматривала ли коллегия дело Фомина и какое было принято решение, пока невозможно.

(Дело № 14775-п)

Не позднее **15 февраля 1920 года** Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестован

БУСЛО Дмитрий Петрович, он же **БОРИСЕНКО (БОРИСЕНКО-БУСЛО) (49 лет)**. Родился в 1870 (1871) году в Пирятинском уезде Полтавской губернии; национальность, происхождение, образование не указаны; по специальности — юрист и кадровый офицер, генерал, бывший товарищ прокурора Одесской судебной палаты; беспартийный; женат. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Одессе (ул. Софиевская, 9, кв. 8).

Обстоятельства ареста из дела не ясны.

Ордер № 59 ОЧСК на арест и обыск оформлен 15 февраля, когда арестованный уже находился в оперчасти. Этим же числом датирована опись имущества, конфискованного на его квартире: деньги, столовое серебро, посуда, продукты (мука, крупы, консервы, сахар, чай, какао, мыло, табак), личные вещи, фотографии, два портфеля с документами и пр. (оприходованы хозотделом ОЧСК). Есть также протокол обыска по ордеру № 57, согласно которому у арестованного изъяты 3650 рублей (сам ордер в деле отсутствует, кем «оприходованы» деньги — не указано).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Бусло провел 17 февраля следователь юридического отдела при ОЧСК Земский (один допрос за полтора месяца ведения следствия).

Арестованный дал следующие показания: «В августе 1919 года по предложению начальника одесского гарнизона полковника Барановского я занял должность помощника начальника контрразведки. Начальником в то время был Тунцельман. 5 октября по приказу генерала Шиллинга я был назначен начальником контрразведывательного одесского пункта... где прослужил до 16 ноября. После этого на службе военной и гражданской не состоял... Причина оставления службы — расхождение по политическим вопросам с Кирпичниковым (начальник штаба армии Деникина. — *Ред.*). За время моей службы в должности начальника контрразведывательного пункта никаких распоряжений об избииении политических заключенных и о расстреле по праву самосуда я не отдавал. Служба в контрразведке для меня была чрезвычайно трудна... материально я был не обеспечен, получал содержание только три тысячи рублей в месяц. Все суммы, отнимаемые

у арестованных, по распоряжению Кирпичникова препровождались в отдел пропаганды [для работ] агентов контрразведки. По оставлении службы с контрразведкой и лицами, стоявшими у власти, связи я не имел...» Назвал многих людей, в том числе сотрудника ОЧСК, которые могут подтвердить его показания.

17 февраля и 3 марта допрошены два свидетеля, члены КП(б)У, заявившие: «...Генерал Борисенко — яркий контрреволюционер, белогвардеец... лично давал распоряжения об избииении коммунистов».

К делу приобщены пять заявлений, поданных в начале марта в ОЧСК другими коммунистами (в том числе бывшим командиром Советского полка), обязанными Бусло освобождением, в которых указывается, что при нем обращение в контрразведке было хорошим: родным передавали записки, позволяли свидания; он сам отругал офицера, избившего арестованного красноармейца.

Дважды допрошена жена Бусло — 20 февраля и 10 марта. К делу приложены ее показания, написанные после второго допроса.

«...Всем известна та вакханалия, которая происходила в первые дни вступления добровольцев в Одессу вследствие образования здесь многочисленных самочинных контрразведывательных пунктов, излавливавших в городе неугодных им людей и сводивших с ними личные свои счета, независимо от того, были ли эти люди не только коммунистами, но даже вообще сторонниками советской власти... Тогдашняя добровольческая власть в лице Туган-Барановского, понимая, конечно, всю опасность для нее же самой от происходивших безобразий, стремилась покончить с этим злом и образовать контрразведывательный орган законный и правомерный.

Всем также небезызвестно, что в добровольческом правительстве была тенденция давать места юристам, которых назначали в самые различные государственные учреждения... Туган-Барановскому указали на моего мужа как на порядочного и честного человека, старого и опытного юриста, и Туган-Барановский, искавший порядочных людей для службы в контрразведке, обратился к моему мужу поступить туда. Муж долго не соглашался... но Туган-Барановский настоял на своем... Отсутствие средств к существованию и необходимость снискивать таковые службой вынудили мужа подчиниться и принять должность помощника начальника контрразведки, но с тем, чтобы не принимать какого-либо участия в наружном розыске, а лишь быть заведующим судной частью, то есть частью исключительно канцелярской, в которую поступали дознания для передачи их по подсудности.

Вскоре однако оказалось, что главная цель, для которой его приняли на службу, — упорядочение дела, — совершенно не могла быть достигнута... По-прежнему продолжали существовать самочинные контрразведки, хватали невинных людей, все тюрьмы были переполнены неизвестно кем посаженными туда людьми, и муж мне рассказывал, что иногда было положительно невозможно не только дать какое-либо законное направление поступившим в судную часть бумагам, но даже нельзя было установить, почему человек сидит в тюрьме, кем он туда посажен, за что, и кто он такой на самом деле... Несколько раз происходила смена сотрудников, но положение вещей от этого не улучшалось. Муж, работавший с раннего утра до поздней ночи, возвращался домой совершенно разбитый и нравственно, и физически, постоянно жаловался мне, что ему присылаются штабом не офицеры, а какие-то бандиты. Жажда легкой наживы, стремление пожить «вовсю» — вот, кажется, две главные цели, которые ими преследуются, говорил муж об этих офицерах...

Вступив в должность заведующего контрразведывательным пунктом, муж стремился поставить дело на почву законности и обеспечить интересы истины и справедливости... Он встретил прямое противодействие штаба... где явно требовали и желали бессмысленных и крутых мер по отношению к лицам, о которых производились в контрразведке дознание и следствие. С таким произволом муж примириться не мог и открыто заявил, что его не допустит... Муж осуждал деятельность Кирпичникова, называл его взяточником и в разговорах возмущался разными противозаконными требованиями Кирпичникова. Служившие в контрразведке ставленники штаба практиковали целый ряд вопиющих злоупотреблений, в том числе и взяточничество, которому покровительствовал штаб, но против которого муж все-таки предпринял борьбу, приведшую к тому, что Кирпичников объявил контрразведку слабой, не удовлетворяющей надобности власти, и моего мужа — не соответствующим своему назначению... В середине ноября 1919 года муж получил возможность уйти со службы.

Таким образом, муж был начальником контрразведывательного пункта всего полтора месяца, с начала октября до середины ноября, и только благодаря мужу этот период времени был наиболее тихим в смысле приписываемых контрразведке избиений и других беззаконий. Для предотвращения этого зла мужем было введено правило, которое подтверждают свидетели (называет несколько фамилий. — *Ред.*): со всех задержанных в контрразведке и отправленных оттуда в тюрьму снимался опрос — не причинялись ли им в контрразведке какие-либо побои, издевательства, вымогательства и т. п. злоупотребления... Многие лица, с которыми мне приходилось говорить, дают о муже самые хорошие отзывы, но из боязни, что их заподозрят в контрреволюции, боятся давать свои заявления, а я, конечно, не могу действовать принудительно.

Что муж не был человеком пристрастным и вовсе не стремился к неумолимому осуждению обвиняемых, а, наоборот, шел навстречу людскому горю, видно из того, что он содействовал освобождению многих арестованных, и не только обвиненных по доносу, но и партийных работников...

Несмотря на то, что муж занимал должность начальника контрразведывательного пункта всего полтора месяца, ему приписывается и вина законной контрразведки за все время ее существования при добровольцах, и вина самочинных контрразведок, и преступления так называемого государственного розыска. Это учреждение было создано штабом в противовес признанной им слабой и не достигающей цели контрразведке, причем пополнен «госрозыск» был самым темным личным составом, там широко практиковались произвол и жестокости... Чтобы указать на слабость деятельности мужа, в госрозыске арестовывали людей, которых мой муж находил возможным освободить, и уж оттуда им трудно было вырваться...

За короткое время принудительной службы в контрразведке муж оказался совершенно разбитым нравственными, физическими, душевными переживаниями от всех тех беззаконий и возмутительных явлений, которые происходили кругом... и воспрепятствовать которым он был лишен возможности. Затем он был недвусмысленно признан добровольческой властью негодным для ее злых целей и выброшен ею за борт без средств к существованию и без возможности устроить свою судьбу... Мужу пришлось много хлопотать, чтобы нас эвакуировали за казенный счет. После долгих просьб ему дали паспорт и обещали место на пароходе. Но пришлось остаться, так как о прибытии парохода мы осведомлены не были...»

26 марта она передала следователю ОЧСК прошение: «Ввиду болезни моего мужа... и так как ни разу не имела свидания и теперь... не знаю, увижу ли его когда-либо, я покорнейше прошу товарища следователя во имя человечности разрешить мне свидание с моим мужем». К делу подшита записка от 29 марта без подписи: «Просьба дать свидание ввиду болезни Борисенко».

27 марта Бусло был переведен из санитарного отдела ОЧСК в эпидемический госпиталь № 2, где **30 марта умер от сыпного тифа**. Состоялась ли последняя встреча с женой — неизвестно.

По заключению следователя ОГЧК Горожанина от 8 апреля 1920 года дело сдано в архив на основании отношения госпиталя о смерти арестованного и акта об освидетельствовании его трупа.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

Жена **БОРИСЕНКО** (так записано во всех документах, в том числе ее заявлениях, имя и отчество не указаны) также была арестована. 2 апреля, когда она уже находилась в предварительном заключении, у нее взяли ключи от квартиры, выяснив, что в запертом на ключ письменном столе остались 20 тысяч рублей. В тот же день оформлен протокол обыска по ордеру № 1049 (самого ордера в деле нет). В результате обыска сотрудник ЧК составил рапорт: «В комнате, занимаемой женой Борисенко, я застал служащего при ревтрибунале Ф. Гордеева. На мой вопрос, что вы здесь делаете, товарищ... он ответил, что смотрит картину... При производстве обыска 20 тысяч рублей я не нашел... Ящик стола был взломан. Наложены пять печатей оперчасти».

Судьба жены Борисенко неизвестна. В фонде «П» ее дела нет.

(Дело № 11973-н)

Не позднее **15 февраля 1920 года** Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестован

ВОЛКОВСКИЙ Иван Иванович (30–40 лет). Точный возраст неизвестен, анкетных данных нет; член украинской коммунистической партии (боротьбистов). На момент ареста постоянного места службы не имел, ранее — чиновник Одесского почтово-телеграфного округа; проживал в Одессе (адрес неизвестен).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Судя по косвенным данным, арестован 15 февраля вместе с Д. П. Бусло (Борисенко) (см. описание предыдущего дела, № 11973-п, стр. 197–200) за «укрывательство» последнего. Возможно, был освобожден и повторно арестован по тому же обвинению в апреле 1920 года, после смерти Бусло; но возможно, что после первого ареста 15 февраля он не был освобожден.

Ордер № 1031 ОГЧСК на арест и обыск оформлен 2 апреля, когда Волковский уже находился в оперчасти. В протоколе личного обыска, проведенного в тот же день, указано, что изъяты удостоверение с фотографией и мандат.

Постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного, протоколов допроса его и свидетелей, а

И. И. Волковский в 1917 году

также других следственных документов в деле нет. Есть изъятые у него личные документы, написанное им объяснение в ОЧСК на четырех листах (дата не указана или обрезана при подшивке документа к делу), несколько ходатайств в его защиту, заключение следователя и выписка из протокола заседания коллегии ОГЧК.

Как следует из этих документов, с 1903 года служил в Одесском почтово-телеграфном округе, к 1917-му — чиновник I разряда, коллежский регистратор. С 1918 года участвовал в подпольной работе украинской компартии. В период советской власти в 1919 году был избран членом коллегии управления Одесского почтово-телеграфного округа, в июне командирован в Житомир для формирования Волянского губернского почтово-телеграфного управления. В сентябре 1919 года направлен в Одессу, снова занятую белыми, для подпольной работы.

Как член компартии сразу же был уволен со службы. Выполняя задание войти в связь с белогвардейской контрразведкой и государственным розыском, установил связь с начальником контрразведывательного пункта Борисенко — «на почве коллекционирования почтовых марок». Был арестован как коммунист-подпольщик, и Борисенко добился его освобождения, «хотя существовало распоряжение Деникина о безсудном расстреле всех комиссаров», и затем трижды спасал его от ареста.

В дальнейшем по ходатайству Волковского Борисенко помог освободить еще нескольких партработников, а также десять арестованных по распоряжению Кирпичникова в ночь под новый год членов «Просвиты», «обвинявшихся в принадлежности к петлюровскому повстанческому штабу, какого в Одессе и не существовало», — пишет Волковский в объяснении. Он указывает также, что все услуги Борисенко оказывал безвозмездно, об этом контакте знало партийное руководство и члены губисполкома. В последнее время из-за провалов многих коммунистов-большевиков ему было поручено поддерживать особенно тесную связь со знакомыми в контрразведке, и он посещал Борисенко ежедневно. Был у него дома и в день занятия города красными в январе 1920 года, видел, как они с женой боялись ареста, поэтому решил им помочь и проводил к своим знакомым. «Долго, даже очень долго я боролся с собой и в одно время хотел было даже уйти оттуда, оставить их на произвол судьбы, это мне подсказывало сердце социалиста, но последнее слово сказали чувства человека и обывателя, подсказанные мне отношением Борисенко ко мне не как контрразведчика к социалисту, а как человека к человеку». Но в дальнейшем «благодаря тайне с Борисенко я не нашел себя достойным отдаться делу строительства новой жизни и совершенно устранился от работы, хотя это и вызывало недоумение товарищей».

В завершение своего объяснения арестованный пишет о Борисенко: «Он не контрреволюционер. Это только юрист и высокой марки рационалист, подвергающий критике разума все, что противоречит принципам человечности. И не вреден он может быть людям, а только полезен, специалист и высокообразованный человек».

16 февраля, на следующий день после ареста Волковского, губпартком боротьбистов направил в следственную комиссию заявление о том, что его поступок совершен «без відома партії і ніяких гарантій Борисенкові, не дивлячись на визволення наших товаришів, партія не давала». Тогда же партийная комиссия направила в ОЧСК доклад с подробной характеристикой арестованного. «Волковський працює активно в одеській організації з 1918 року, з підпільного часу гетьманщини... виявив себе як самий активний, енергійний робітник, який не задумувався ризикувати своїм життям. Разом з тим...

людина дуже добра і м'якосердна. Під час денікінщини був агентом партійної розвідки, був заарештований і за 10 тисяч крб. партією визволений», после этого получил задание освободить арестованных добровольцами коммунистов. Поэтому поддерживал связь с чинами добровольческой контрразведки, сумел освободить многих людей, а также выполнил задание партии не допустить, чтобы добровольцы вывезли имущество телеграфа. «Поступок Волковського в переховуванні Борисенка, зроблений без відома партії, рахуємо як необдуманний, дурний поступок, зроблений Волковським по своїй доброті». На этих бумагах стоит резолюция «Освобод[ить]» — карандашом без даты и подписи. Данных об освобождении в деле нет.

В тот же день, 16 февраля, в ОЧСК подал заявление с просьбой об освобождении Волковского и положительной его характеристикой член компартии С. Панаит, который в 1919 году вместе с ним находился в тюрьме у белых.

4 марта губпартком украинской компартии (боротьбистов) на своем заседании, «выслушав доклад партийной следственной комиссии по делу виновности Волковского», принял постановление: «Члена партии Волковского выдать партийному суду и до расследования отобрать партийные удостоверения». Об этом решении 2 апреля губпартком сообщил в ОГЧК, дополнительно указав: «Что касается подозрения Волковского в провокации или в чем-либо подобном, губпартком абсолютно не допускает такой мысли и считает арест его допустимым только по предъявлении обоснованных материалов».

2 апреля был оформлен ордер на арест и обыск уже находящегося под стражей Волковского; в тот же день следователь В. Горожанин составил заключение по делу по обвинению в «укрывательстве бывшего начальника Одесского контрразведывательного пункта Борисенко-Бусло»: «Ввиду того, что Волковский состоит членом украинской партии коммунистов (боротьбистов), настоящее дело приобретает общественный интерес, вследствие чего полагаю целесообразным передать его слушанием в ревтрибунал Республики».

*23 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело И. И. Волковского по обвинению в «укрывательстве контрреволюционера», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 8 мая, когда дело было сдано в архив.*

Реабилитирован 23 сентября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Волковского пока невозможно.

(Дело № 26988-н)

17 февраля 1920 года Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестован **МАКСИМОВИЧ Владимир Яковлевич (48 лет)**. Родился в 1871 (1872) году в городе Литине Литинского уезда Подольской губернии; национальность, происхождение и образование не указаны; по специальности — адвокат; беспартийный; женат.

На момент ареста постоянного места работы не имел; временно проживал в Одессе (ул. Колонтаевская, 47, кв. 16), постоянное место жительства — Кишинев.

Основания для ареста в деле не представлены.

Ордер № 93 ОЧСК на арест и обыск оформлен 17 февраля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте ничего не обнаружено.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет. В течение недели следственные действия не проводились.

25 февраля Максимович подал заявление на имя председателя Одесской чрезвычайной следственной комиссии Северного: «Будучи арестован по ордеру днем в своей квартире, я положительно не мог себе даже представить, какое преступление или проступок мог бы мне быть инкриминирован против советской власти или строя. Мне 48 лет; в военную службу был призван во время японской и германской войны; состою в чине поручика; в мирное время занимаюсь адвокатурой и артистической деятельностью; абсолютно вне всякой политики. Последнее время был вытребован из отставки на фронт, но выслужил свой предельный возраст. В Одессе за неимением подходящей службы поступил в Подольскую стражу, где благодаря моему возрасту и юридическим познаниям назначен командиром Брацлавского уезда; в Брацлаве пробыл всего семь дней. За всю свою жизнь я даже никого никогда не ударил и не совершил никакого преступления. Умоляю Вас, товарищ председатель, примите Ваше доброе участие в моем деле, так как не чувствую себя ни в чем виноватым, я страшно нравственно и морально страдаю». На заявлении резолюция Северного: «Ускорить дело».

Единственный запроотоколенный допрос Максимовича провел 26 февраля следователь юридического отдела при ОЧСК Земский (более чем через неделю после ареста, один допрос почти за три месяца ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый в годы германской войны служил в русской армии, состоял цензором при штабе фронта, после демобилизации поселился в Кишиневе, так как там проживали родственники жены, служил частным поверенным. В августе 1919 года по приказанию румынских властей покинул город (как бывший офицер русской армии) и вместе с семьей выехал через город Тульчу в Одессу, куда прибыл в конце октября. Не имея средств к существованию, был вынужден искать работу, поэтому согласился на предложенное добровольческими властями место командира госстражи. В Брацлав выехал с женой в начале декабря, а через семь дней поступило распоряжение эвакуироваться. Вернувшись в Одессу, решил остаться здесь и поступить на службу в советское учреждение.

«Я не знаю какое мне предъявляют обвинение. С румынскими властями связи я не имел и не имею. На службе у румын я не состоял. Отношение мое к румынам презрительное».

К делу подшита регистрационная карточка, свидетельствующая, что 12 февраля 1920 года Максимович стал на учет в управлении коменданта Одессы и порта как бывший поручик Добровольческой армии.

В защиту арестованного выступили его соседи по дому. 22 февраля в ОЧСК поступило поручительство, в котором они свидетельствовали, что знают Максимовича «как человека вполне благонадежного и вне всякой политики»; они с женой живут в этом доме с 24 декабря 1919 года, были ограблены бандитами и лишились всех денег; и что Максимович остался в Одессе, чтобы поступить на советскую службу.

В 20-х числах февраля (дата неразборчива) в качестве свидетеля допрошен хозяин квартиры, где проживал арестованный, милиционер Бульварного района. Он сообщил, что знает Максимовича с 1914 года, его отец был Литинским городским головой, а сам он занимался адвокатурой. Подтвердил, что в Брацлаве Максимович прослужил всего несколько дней и вернулся в Одессу, привез с собой три ящика патронов и несколько винтовок. Далее сказал: «По моей просьбе Максимович оставил мне четыре винтовки и все патроны, а остальное сдал в управление губернской стражи. Эти патроны мною сданы в штаб дивизии советских войск. Думаю, если бы Максимович был добровольцем, то во времена бытности их еще здесь он мне не дал бы винтовок и патронов. Живя у меня на квартире, он постоянно говорил еще при добровольцах, что хочет поступить на советскую службу... он ненавидел добровольцев-золотопогонников и генералов, постоянно ругал их... с подчиненными он обращался хорошо и, судя по разговору стражников, он очень любимый ими человек».

6 марта допрошен второй свидетель, один из соседей арестованного по дому. Он также подтвердил его показания и не дал никаких обвинительных сведений.

Были ли дальнейшие следственные действия — неизвестно, других следственных документов в деле нет.

25 марта жена Максимовича Елизавета Николаевна подала в губернский юридический отдел прошение: «Пять недель тому назад арестован чрезвычайной комиссией мой муж, и я никаких сведений о нем не имею и ничего не могу добиться. Между тем я больна воспалением почек и меня угнетает неизвестность о судьбе мужа. Ввиду изложенного прошу контрольно-следственный подотдел запросить, почему мой муж арестован и в каком положении его дело». На документе резолюция заведующего судебно-следственным отделом: «Председателю ОЧСК. Ввиду того, что арестованный содержится уже пять недель, числясь за следователем, что противоречит декрету рабоче-крестьянского правительства Украины, судебный следователь находит необходимым в срочном порядке издание Вами распоряжения об ускорении производства». 29 марта это прошение поступило в секретный отдел ОЧСК.

Но уже 25 марта президиум ОГЧК принял постановление о заключении Максимовича в концентрационный лагерь до конца гражданской войны. (Выписки из протокола заседания президиума в деле нет. Справка об этом решении написана 1 апреля уполномоченным по общим делам на обороте отношения губюротдела о передаче прошения жены Максимовича в ОЧСК).

В начале апреля Максимович подал на имя председателя ОГЧК еще одно заявление: «Шесть недель сижу арестованным, и никто не сказал причины моего ареста, а сейчас я присужден в концентрационный лагерь, но за что? За какую вину? Ради Бога, скажите, за что я присужден? Что мне вменяется в вину? Не откажите, товарищ председатель, исполнить мою просьбу». 3 апреля на заявление наложена резолюция: «Товарищу Аллилуевой. Прошу выдать справку гражданину Максимовичу» (Аллилуева — секретарь президиума ОГЧК. — Ред.). Был ли дан ответ заключенному — неизвестно, в деле копии такого документа нет.

*Предположительно 9 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело В. Я. Максимовича по обвинению в «службе при белых в государственной страже в командной должности», постановила: его **расстрелять**, «имущество, если таковое у него имеется, конфисковать». Дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив.*

Что послужило причиной принятия нового решения — также неизвестно. Материалы доследования и заключение по делу отсутствуют.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «...Постановление коллегии необоснованно. Дело состоит из заявления Максимовича на имя председателя Одесской ЧК, в котором он просит ответить, за что арестован; протокола допроса Максимовича неизвестно в каком качестве, где он объясняет, что в государственную стражу он поступил будучи безработным; двух протоколов допроса свидетелей, положительно отзывавшихся о Максимовиче. Задачи стражи и функции Максимовича в деле не раскрыты».

Реабилитирован 14 июля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. В деле подшито метрическое свидетельство о рождении и крещении в 1895 году в Кишиневе жены Максимовича Елизаветы Николаевны, дочери дворянина Николая Дмитриевича Гиржева-Бельчика. Вероятно, изъято вместе с другими документами при обыске, но в протоколе обыска изъятие документов не отражено.

2. Точная дата принятия расстрельного решения не установлена. В подшитой к делу выписке из протокола заседания коллегии ОГЧК напечатано: «12 мая» — и от руки исправлено на 9 мая. В карточке формы № 1 на Максимовича, хранящейся в ИЦ УМВД Одесской области, ксерокопия которой подшита к делу, написано: 12 мая. Но в ней дата ареста ошибочно указана 26 января, а не 17 февраля, как следует из документов дела.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать точную дату решения коллегии и дату расстрела Максимовича пока невозможно.

(Дело № 27441-п)

Не позднее **17 февраля 1920 года** Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестована

ЦУКАНОВА Варвара Ивановна (23 года). Родилась в 1896 (1897) году, место рождения и происхождение не указаны, русская (?); образование среднее (?), по профессии — машинистка; беспартийная; не замужем. На момент ареста постоянного места работы не имела; проживала в Одессе (ул. Мастерская, 7).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Вероятно, была задержана и доставлена в ОЧСК бывшей сослуживицей — девятнадцатилетней С. М. Бренман; ею же написано заявление, в котором Цуканова обвиняется в «сотрудничестве с контрразведкой белых и выдаче коммунистки» — то есть, ее, Бренман. (Этого документа в деле нет — изъят сотрудником архива УСБУ в 2005 году, но в заключении о реабилитации это заявление упоминается. — *Ред.*).

Ордер № 92 ОЧСК на арест и обыск оформлен 17 февраля, когда арестованная уже находилась в оперчасти. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъято 130 рублей (сданы на хранение помощнику заведующего оперчастью).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованной в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Цукановой провел 18 февраля следователь юридического отдела при ОЧСК Орлов (один допрос более чем за месяц ведения следствия).

В протоколе записано, что в 1919 году при советской власти она служила в городском военкомате, а затем была переведена к этапному коменданту машинисткой. Там же служила Софья Бренман, а также офицеры Гилет и Звезда, первый — писарем, второй — заведующим питательным пунктом. После установления власти белых многие из тех, кто работал при этапном коменданте Одессы, стали сотрудничать с контрразведкой, в том числе Гилет и Звезда. Через некоторое время Гилет арестовал Бренман, предположительно из-за личных счетов. Цуканову вызвали в следственную комиссию и угрозами ареста и суда за дачу ложных показаний вынудили свидетельствовать о Бренман. «Обвинительного материала я никакого не дала, ибо я была ее хорошая знакомая, а потому против нее ничего не могла сказать. Где живут теперь Гилет и Звезда, я не знаю. При аресте мне объявили, что меня спросят только, где живут Гилет и Звезда, и потом отпустят. Больше ничего не могу показать».

2 марта в президиум ОГЧК на имя председателя ОЧСК Северного поступило заявление от арестованной Цукановой. Повторив свои показания, она написала, что арестованная в прошлом году Бренман «по-видимому, из мести за мое показание арестовала меня. Сижу две недели. За что? Во имя правды, существующей в советской власти, умоляю Вас как человека правдивого, сделайте соответствующее распоряжение и освободите меня из-под ареста. Клянусь Вам, я жертва невинная».

21 марта в качестве единственной свидетельницы допрошена обвинительница. Она заявила, что в 1919 году служила на этапном пункте вместе с Цукановой; та была машинисткой, а она — помощником политкома. Когда власть сменилась, их бывший сослуживец офицер Гилет арестовал ее, и Цуканова давала показания по ее делу, «причем она нападала на тех, которые приходили за меня хлопотать в контрразведку». «Цуканова говорила Звезде, что я, Бренман, якобы говорила, что расстреляю детей Звезды как негодных щенят, и Звезде подписала я смертный приговор... Несомненно она еще в старое время подпольно работала с Гилетом и Звездой в добровольческой контрразведке».

Другие свидетели не допрашивались, очная ставка не проводилась.

24 марта 1920 года следователь юридического отдела при ОЧСК Орлов принял постановление о заключении В. И. Цукановой в концлагерь до конца гражданской войны. (Этого документа в деле нет — изъят сотрудником архива УСБУ в 2005 году, но в заключении о реабилитации это постановление упоминается. — *Ред.*)

Окончательного решения по делу нет.

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Решение о лишении Цукановой свободы в деле, состоящем из 12 листов, отсутствует. Вместо него приобщено исполненное от руки постановление следователя от 24 марта 1920 года с выводом о заключении Цукановой в лагерь до конца гражданской войны. В нем указано, что Цуканова арестована по заявлению Бренман и обвиняется в сотрудничестве с контрразведкой белых и выдаче коммунистки, то есть Бренман. В деле отсутствуют доказательства по обоим эпизодам обвинения. Сотрудничество Цукановой с контрразведкой белых, согласно материалам дела, заключалось в том, что после ареста Бренман ею Цуканова вызывалась туда на допрос в качестве свидетеля, чего она не отрицает. Но, будучи с Бренман давними подругами, говорила о ней только положительно. Эти показания Цукановой ничем не опровергнуты. Что касается партийности Бренман, то в графе бланка протокола ее допроса о партийной принадлежности значится: состояла в партии КБ (?). Других данных на этот счет в деле нет».

Реабилитирована 29 ноября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения ею преступления».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях до сих пор остаются «секретными», поэтому точно определить, рассматривала ли коллегия дело Цукановой и какое было принято решение, пока невозможно.

2. Это дело на протяжении трех лет не выдавалось для описания, с мотивировкой «не положено», несмотря на то, что человек реабилитирован, то есть по действующему законодательству репрессия признана незаконной.

После многократных писем и обращений на имя руководства УСБУ (несколько раз менявшегося за это время) и начальников учетно-справочного направления, в которое входит архив УСБУ (также менявшихся), в 2005 году дело было выдано. Но перед этим сотрудником архива изъяты из дела л. 1 и л. 5 — вероятно, заявление Бренман, послужившее основанием для ареста Цукановой, и постановление следователя о заключении обвиняемой в концлагерь (хотя это единственный документ, свидетельствующий о принятии репрессивного решения, и изъятие его из дела недопустимо).

(Дело № 27080-п)

18 февраля 1920 года участковой транспортной ЧК Юго-Западной железной дороги без предъявления обвинения арестован

ФОМИН Тимофей Климентьевич (30 лет). Родился в 1889 (1890) году в поселке Нововоеводское Новокрасновской волости Елисаветградского уезда Херсонской губернии; русский, из крестьян; образование не указано, по профессии — хлебопашец; православный, беспартийный; женат. На момент ареста служил охранником в порту; проживал в Одессе (ул. 2-я Николаевская, 100).

Обстоятельства ареста изложены в протоколе, составленном агентом УТЧК станции Одесса-Главная. «Проходя возле склада ручного багажа, я заметил подозрительного человека, которого опросил, кто он и что здесь делает. Он мне ответил, что хочет получить ручной багаж. При проверке документов я заметил подчистки и надписи. Тогда я его пригласил в УТЧК и обыскав, обнаружил деникинскую прокламацию, воззвание к солдатам, подчищенные документы, пять тысяч рублей и медную кокарду. При допросе он сознался, что служил при деникинской жандармерии».

Ордера на арест и обыск, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Фомина (более чем за месяц ведения следствия): 18 февраля его допросил сотрудник УТЧК Винокур и через две недели, 1 марта — следователь юридического отдела при ОЧСК Лин.

В протоколах записано, что допрашиваемый в годы германской войны находился на фронте и был дважды ранен, поэтому числился увечным воином. В 1919 году мобилизован белыми, но, будучи инвалидом и не желая отправляться на фронт, поступил младшим стражником в жандармерию на станции Бирзула: «...Работа моя заключалась в охране вагонов и в наблюдении за порядком на вокзале... поступил в стражу ради куска хлеба, не предвидя, что будет потом; я неграмотный, зная, что при перемене власти меня будут преследовать, я бы не пошел служить». Прослужил два месяца, с середины ноя-

бря 1919 по середину января 1920 года, никого не преследовал. Затем вернулся в Одессу. Заявил, что и при всех властях служил по охране складов и магазинов. Исправления в документах объяснил так: «Ввиду того, что с прежней женой развелся, я решил подчистить документ и вписать другую жену с дочерью. А в удостоверении я подчистил, чтобы не знали, что я служил добровольно у советской власти». О деникинских воззваниях сказал, что нашел их на улице.

В конце первого протокола написано заключение допрашивавшего сотрудника: «В переходный период Фомин начал подыскивать себе дела, где бы он мог пожить за чужой счет... и добровольно поступил в жандармерию, желая доказать, что он действительно признает единую неделимую Россию. При отступлении деникинской банды он возвращается обратно и стремится пробраться домой, где бы подальше мог поступить на советскую службу. Ввиду того, что факт службы в деникинской жандармерии установлен и не отрицается самим обвиняемым... деньги, задержанные при нем, в сумме пяти тысяч пяти рублей конфисковать и передать в соцобеспечение, а кроме конфискации гражданина Фомина отправить в концентрационный лагерь до конца гражданской войны».

20 февраля его передали в Одесскую ЧСК, где допросили повторно.

Протоколов допроса свидетелей, заключения следователя и окончательного решения по делу нет.

26 марта 1920 года на протокол допроса обвиняемого, проведенного в ОЧСК, наложена резолюция «*Лагерь, 6 месяцев*», подписанная председателем ОГЧК Реденсом.

Место отбытия наказания и дальнейшая судьба неизвестны.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

В описи документов дела, составленной в 1920 году, указаны изъятые при обыске личные документы Фомина, а также деникинские воззвания, которые в настоящее время в деле отсутствуют.

(Дело № 11997-н)

18 февраля 1920 года председателем Ананьевского уездного ревкома по обвинению в «службе в добровольческой контрразведке» арестован

ШМИДТ Франц Иванович (48 лет). Родился в 1871 (1872) году в городе Ломжи Ломжинской губернии; немец (?), происхождение не указано; образование среднее (?), профессия не указана; беспартийный; женат, отец четверых детей. На момент ареста служил бухгалтером кожевенной секции; проживал в Ананьеве.

Обстоятельства ареста. Задержан в Одессе на железнодорожном вокзале при отъезде домой незнакомым человеком, который заявил, что Шмидт служил в добровольческой контрразведке. На основании этого заявления находившийся в том же поезде председатель Ананьевского уездного ревкома Шавленко написал председателю ОЧСК Северному, что просит «принять и содержать под арестом Шмидта до получения материалов из Ананьевского ревкома».

Ордер № 103 ОЧСК на арест и обыск оформлен 18 февраля, после того как арестованный был доставлен в оперчасть ЧК. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты личные и служебные документы, в том числе на польском языке, 15 тысяч рублей, бумажник и перочинный нож (деньги оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запотоколенный допрос Шмидта провел 23 февраля следователь юридического отдела при ОЧСК Земский (почти через неделю после ареста, один допрос более чем за два месяца ведения следствия). В нем и двух заявлениях арестованного, поданных тому же следователю 26 февраля и 4 марта, содержатся некоторые факты его биографии.

«...Еще будучи гимназистом, в 1889 году я сидел в варшавской тюрьме за распространение подпольной литературы: еженедельника «Рабочий» и брошюры «В цепях». Я приехал на службу в Одессу, где в течение четырнадцати лет служил в губернском акцизном управлении. Во время Толмачева, то есть в период сильнейшей реакции, я, будучи членом Исполнительного и театрального попечительства о народной трезвости, заведовал классами музыки и пения, устраивал ежегодные концерты, елки для бедных детей, а по субботам народные балы. В то же время боролся с представителем Толмачева артиллерийским подполковником Нечаем, который учреждения трезвости хотел превратить в притоны Союза русского народа... Не участвуя только в политических партиях, я все-таки до настоящего момента остаюсь крайних левых взглядов, так как я из народа, 150 лет находящегося под игом и всю жизнь бедствующего... Во время устраиваемых петлюровцами погромов я лично приглашал к себе еврейские семьи и делился с ними последним куском хлеба, равным образом я предотвратил готовящийся погром, заблаговременно осведомив о таких слухах еврейскую общину... Все отобранные у меня бумаги на польском языке являются беженскими документами для выезда в Польшу, на мою родину. Раньше я не мог выехать в Ломжу, так как не имел достаточно средств на проезд».

Назвал имена и адреса свидетелей в Одессе и в Ананьеве, которые могут все это подтвердить, а также двух людей, арестованных добровольцами по обвинению в службе в ЧК и освобожденных благодаря ходатайству, подписанному им вместе с рядом других граждан Ананьева.

По существу дела объяснил: «3 января сего года я приехал из Ананьева в Одессу по делам службы в управление районного уполномоченного Новороссийской области Борисенко для сдачи отчета и получения авансов для расплаты со служащими... Деньги мною получены только 7 февраля, в день оставления добровольцами Одессы... Здесь я познакомился с военкомом из Ананьева товарищем Стрижаком. Последний 18 февраля выезжал своим поездом в Ананьев, по моей просьбе он разрешил поместиться и мне на этом поезде. В этот день я отправился на вокзал, и там меня арестовали по указанию одного товарища. Фамилии его не знаю... Никогда ни в какой контрразведке не был и не служил, и заявление об этом задержавшего меня неизвестного мне молодого человека могу объяснить лишь недоразумением или наговором какого-либо недруга, так как личной мести в данном случае не допускаю, ибо за что мне может мстить человек совершенно мне не знакомый. Еще раз самым торжественным образом заявляю перед лицом Бога и собственной совестью, что единственной мечтой моей жизни всегда была именно народная власть в полном смысле этого слова и что в отношении советской власти я не согрешил даже помыслом».

Из заявления Шмидта от 4 марта: «Советская власть, как поистине власть народная, проявляя гуманность и человеколюбие, старается в каждом отдельном случае обвинения выяснить таковое беспристрастно и всесторонне. Непокколебимо уверен в своей абсолютной невинности, я не прошу поправки или снисхождения, душевно и усердней-

ше прошу выяснить дело подробнейшим образом, дабы не оставалось и тени сомнения в том, что это несчастное для меня стечение обстоятельств. Такое детальное выяснение дела естественно требует много времени и возможно лишь на месте в Ананьеве, между тем содержание меня в Одессе равносильно смерти, так как у меня нет белья и меня буквально заедают насекомые, кроме того я страдаю болезнью почек и более тридцати лет геморроем с обильным кровотечением. Поэтому-то я и обращаюсь к Вам и слезно, во имя человечности умоляю: будьте рыцарем правосудия и отправьте меня в Ананьев, что даст возможность всесторонне выяснить дело, так как кроме перечисленных лиц еще сотни других сами пожелают исполнить долг справедливости и осветят мою жизнь почти за десять лет проживания в Ананьеве».

Резолюций на заявлениях нет. В конце февраля допрошены двое из названных Шмидтом свидетелей; они полностью подтвердили его показания и заявили, что он человек аполитичный.

28 февраля жена обвиняемого Юлия Ивановна Шмидт подала прошение на имя заведующего юридическим отделом ОЧСК: «Обращаюсь к вам убитая горем, с великой просьбой помочь семье одного служащего, не имеющего никакой недвижимости и средств к существованию, державшейся лишь службой мужа, перевести арестованного в Одессе по чьему-то доносу мужа в Ананьев... Собираясь уже давно выезжать в Польшу, я распродала почти все добытые тяжелым трудом вещи. Вчера арестован 17-летний сын мой (в фонде «П» его дела нет. — *Ред.*).

Обращаюсь к Вам как к человеку, который поймет мое горе — горе всей семьи человека, испытавшего на себе тяжесть таких обвинений и невинно пострадавшего, что Вы один сможете понять, облегчить и сделать все возможное к скорейшему выяснению, переводу мужа и освобождению моего сына. В Одессе с мужем остались все документы нашей семьи, которые были необходимы для получения пропуска в Польшу у консула». 1 марта на прошение наложена резолюция: «Передаю заведующему особому отделу».

К прошению Юлии Шмидт приложено заявление граждан Ананьева (31 подпись): «Знаем товарища Франца Ивановича Шмидта как человека в высшей степени порядочного, честного труженика и полезного работника при советской власти, оказывавшего немало услуг многим из граждан Ананьева, поручаясь и освобождая из-под ареста при других властях. Просим о возможно скором разборе дела и переводе товарища Шмидта в Ананьев, по месту его постоянного жительства, где легче разобраться и услышать заявления многих граждан, которым товарищ Шмидт хорошо известен своею деятельностью и где больше данных для скорейшего его оправдания». Единственная резолюция, наложенная более чем через месяц — 30 марта — в секретном отделе ОЧСК, гласит: «К делу Шмидта».

Обвинительные показания дали пятеро ананьевских коммунистов, в 1919 году при добровольцах скрывавшиеся в подполье (заявления в ОГЧК датированы 28 и 29 февраля, 5 и 28 марта). Они писали:

«...Я узнал у делопроизводителя канцелярии начальника уезда Петра Зиновича (Зиновьевича), фамилию не знаю, что по его словам Шмидт, кажется, служит в контрразведке со своими двумя сыновьями. По прибытии в Ананьев карательного отряда генерала Шиллинга под командой полковника Пукалова я на второй день был арестован полковником Пукаловым на концерте в гимназии. Обвинение мне предъявили, что я коммунист-большевик, присланный Москвою в Ананьев на подполье. После производства у

меня на квартире обыска жена моя Олегина, также член подпольной организации, угостила производившего обыск капитана пивом и попросила сказать, кто это донес на меня. Капитан, находясь в хорошем расположении духа, сказал, что причиной моего ареста было указание одного из Шмидтов. Так как у меня не было найдено ничего политического, и при содействии местной буржуазии, с которыми во время подполья находился в хороших отношениях, потому что говорил, что я сын московского заводчика, я был выпущен из тюрьмы, но все-таки как я замечал, что за мною следят один из сыновей Шмидта и Сорочинский, я вынужден был прекратить на время подпольную работу»;

«...Когда меня арестовали, Шмидт очень деятельно собирал против меня улики. Одному старику, который служил вместе со мной, он даже угрожал тюрьмой, если тот откажется против меня показывать».

Одна из свидетельниц, бывшая заведующая следственной частью особого отдела обороны побережья Черного моря, сообщала: «...Будучи посланной на подпольную работу в Ананьев товарищами Еленой и Павлом, принялась за свое дело по приезде в город. В одно прекрасное время я отдавала отчет председателю подпольного комитета товарищу Данилову, так как имела хорошую связь с комендантом города и начальником уезда, после чего товарищ Данилов заявил, что мне необходимо переменить квартиру, ибо за мной следят три Шмидта: отец Франц, сын Ясь, который сейчас содержится в ананьевской тюрьме, и третий его сын Марьян». Она же записала показания другого свидетеля, бывшего председателя подпольной организации, и в завершение констатировала: «Полагаю, что гражданин Шмидт виновен в выдаче большевиков-коммунистов умышленно добровольцам и подлежит передаче его в ревтрибунал для учинения над ним самого строгого суда».

9 марта заведующий особым отделом ОЧСК Снегов наложил резолюцию «Согласен». Тем не менее по неизвестным причинам дело тогда завершено не было; документов дальнейшего следствия также нет.

Более чем через месяц, 16 апреля, помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам Радионов составил заключение по делу Шмидта, обвиняемого в «службе в ананьевской контрразведке и выдаче денкинцам подпольных работников КП(б)У». Он счел обвинительные показания свидетелей-коммунистов достаточными для установления факта виновности Шмидта и предложил применить к нему высшую меру наказания.

*23 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Ф. И. Шмидта по обвинению в «контрреволюции», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**. Отобранные при аресте вещи и деньги, а также имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 8 мая, когда дело было сдано в архив.*

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «...Постановление вынесено без каких-либо правовых оснований. В деле отсутствуют необходимые доказательства».

Реабилитирован 14 июля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Возраст Шмидта — 48 лет указан по протоколу допроса. В выписке из протокола заседания коллегии ОГЧК ошибочно проставлено 25 лет.

2. Изъяты при аресте и перечисленные в протоколе обыска личные документы Шмидта — свидетельство о рождении, свидетельство о происхождении, паспорт, документы для выезда в Польшу и др. в деле отсутствуют.

3. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Шмидта пока невозможно.

4. Судя по письму жены Шмидта и показаниям одной из свидетельниц, в Ананьеве в это же время был арестован его сын — **Ясь Францевич ШМИДТ (17 лет)**. В фонде «П» его дела нет.

(Дело № 27448-н)

20 февраля 1920 года Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестован **АВЕРБУХ Лев Осипович**, возраст неизвестен, анкетных данных нет; на момент ареста проживал в Одессе (ул. Московская, 87, кв. 9).

Обстоятельства ареста. 14 февраля сам Авербух подал в следственную комиссию ЧК заявление на двух листах, в котором изложил следующее. В 1919 году он служил секретарем в юридическом отделе ЧК, в августе при отступлении из Одессы советских войск не успел эвакуироваться. После занятия города белогвардейцами скрывался у сестры, не имел никаких источников существования и очень нуждался. Встретив в городе бывшего сотрудника секретно-оперативного отдела ЧК Драгича, попросил его помочь, и тот обещал достать документы; позже узнал, что Драгич служит в контрразведке белых. Затем встретил знакомых коммунистов, заходил к ним домой, просил помочь через политический Красный крест и во время одного из таких визитов был арестован вместе с ними. В аресте и последующих допросах принимал участие Драгич. При переходе власти от белогвардейцев к красным их всех выпустили, и он сразу же явился в ОЧСК к Северному и в партком, но «меня не могли выслушать, поэтому я довожу до следственной комиссии обо всем случившемся».

На заявлении две резолюции: 17 февраля — «Информационный отдел, передать инспектору для разработки» и 20 февраля — «Выписать распоряжение на арест».

18 февраля на допрос в качестве свидетеля вызван один из коммунистов, арестованных белогвардейцами вместе с Авербухом. Он заявил, что тот спровоцировал их арест по договоренности с Драгичем, а затем уговаривал дать выкуп.

Ордер № 111 ОЧСК на арест и обыск Авербуха оформлен 20 февраля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты личные документы, в том числе удостоверение об освобождении из одесской тюрьмы 7 февраля 1920 года.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Протокол допроса Авербуха также отсутствует. На протоколе обыска следователь Львов 25 февраля написал: «Вызванный для допроса Авербух от дачи показаний отказался, ссылаясь на то, что он старый чекист и товарищ Северный знает его лично». В тот же день заведующий юридическим отделом Кириллов написал записку: «Вызвать для допроса Авербуха еще раз и предупредить его, что отказ от дачи показаний повлечет за собой плохие последствия, он будет сидеть под стражей, пока не даст обстоятельных ответов на предложенные ему следователем вопросы. Авербух обвиняется в провокации, он выдал явку, обозлившись на своих товарищей».

22–23 марта (через месяц после ареста) Авербух написал подробные показания, в которых изложил обстоятельства своей партийной работы и ареста в 1919 году (адрес-

сованы следователю по особо важным делам при президиуме ОГЧК М. Григорьеву). С 17 лет был анархистом, работал вначале в каменец-подольской группе, после ее разгрома бежал в Австрию. Несколько лет жил за границей — в Германии, Франции, Италии, входил в анархистские группы. В Италии за агитацию против войны был арестован и выслан в Швейцарию.

В 1917 году нелегально вернулся в Петроград, после корниловского мятежа уехал на Кавказ, входил в организацию анархистов Закавказья. Затем вернулся в Москву, работал при конторе газеты «Правда». Впоследствии работал в Саратовской области, участвовал в организации сельскохозяйственной коммуны, был секретарем коммунистической ячейки.

В апреле 1919 года приехал в Одессу, зарегистрировался в губпарткоме и был принят на службу адъютантом коменданта города. Затем поступил в ЧК на должность делопроизводителя юридического отдела, «открыто высказывался о далеко не моральном поведении сотрудников ЧК... поддержал товарища Северного (в 1920 году председателя Одесской чрезвычайной следственной комиссии. — *Ред.*), который на общем собрании сказал о чекистах, что они «не революционеры, а палачи революции». Завершается пятистраничное заявление словами: «Моя жизнь совершенно разбита, и для меня безразлично, буду ли я долго жить или нет... Я бы просил дело мое передать ревтрибуналу как довольно характерное и связанное глубокими корнями современной жизни. Я стал жертвой гнусного произвола и провокации...»

14, 17 и 28 марта были допрошены еще трое свидетелей-коммунистов, находившихся под арестом у белогвардейцев вместе с Авербухом. Двое заявили, что Авербух жаловался на свое материальное положение и требовал от них денег, третий сказал, что познакомился с обвиняемым только в тюрьме и ничего о нем не знает.

30 апреля помощник уполномоченного по общим делам Альбинский составил два заключения по делу: развернутое, содержащее подробное изложение событий, и краткое — по обвинению Авербуха в «предательстве коммунистов товарищей Медведя, Соколова и Софии Вальдман». В них утверждалось, что обвиняемый «часто встречался и вел дружбу с Драгичем, бывшим сотрудником оперчасти ОГЧК, который при белых служил агентом в портовой контрразведке... и 1 октября 1919 года устроил в квартире Софии Вальдман симуляцию своего ареста Драгичем... с целью предать находящихся там товарищей и получить... вознаграждение из суммы выкупа, который товарищи должны были внести в контрразведку за свое освобождение... Винодность Авербуха в предательстве с корыстной целью доказана. Само преступление, совершенное им, показывает, что он человек без всяких политических убеждений и моральных устоев, что он не коммунист в душе... Авербух просто авантюрист, любитель всяких приключений и сильных ощущений, человек без всяких моральных устоев. Продать коммуниста за деньги — для него это плевое дело... Авербух — темная личность, позор в коммунистической семье. Это современный Иуда, продающий коммунистов за карбованцы. Его необходимо уничтожить, тем более что к тому же и человек он крайне легкомысленный и бесполезный. Поэтому полагал бы гражданина Льва Авербуха расстрелять».

3 мая уполномоченный по общим делам Кириллов утвердил второе заключение.

4 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Л. О. Авербуха по обвинению в «выдаче коммунистов белогвардейской контрразведке с корыстной целью», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к не-

му высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество **конфисковать**». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 8 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Расследование как таковое по делу не проводилось. Кроме ордера на арест и обыск других документов нет. Собранные материалы изобилуют противоречиями, не устраненными в процессе их сбора. Авербух, посланный сотрудником портовой контрразведки на квартиру, где собирались просоветски настроенные лица и где часто бывал сам, сыграл роль подставной фигуры. Как выяснилось, целью посланного было задержание собравшихся для последующего шантажа их и для получения денег, что и было сделано. Никто из задержанных не пострадал».

Реабилитирован 8 августа 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств его контрреволюционной деятельности».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Авербуха пока невозможно.

2. К делу подшита выписка из протокола заседания коллегии ОГЧК предположительно от 10 декабря 1920 года (часть даты оборвана), свидетельствующая о репрессии еще одного человека — **Парфения Кузьмича ЛЫСОГО (51 год)**. Обвинялся в «сокрытии оружия, деникинских воззваний, канцелярских принадлежностей и пишущей машинки». Коллегия постановила: «Обвинение гражданина Лысого считать доказанным только в последнем, а потому заключить его в концентрационный лагерь на 1 год с лишением свободы. Деньги и пишущую машинку конфисковать». В фонде «П» дела по этому обвинению П. К. Лысого нет, есть дело 1927 года по обвинению его в «контрреволюционной агитации», в результате чего он был сослан на 3 года (дело № 8743-п).

(Дело № 26944-п)

20 февраля 1920 года Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестован

СМОЛЕЕВ Александр Тимофеевич (36 лет). Родился в 1883 (1884) году в Тирасполе Херсонской губернии; национальность, происхождение, образование не указаны; по профессии — судебный служащий; беспартийный; холост. На момент ареста служил секретарем мирового судьи 28-го участка; проживал в Одессе (ул. Троицкая, 30, кв. 14).

Основанием для ареста послужило заявление в ОЧСК П. Вайсберга (дата не указана) о том, что Смолеев «контрреволюционер... говорил мне, что скоро, до мая, здесь будет деникинская власть и он... будет мстить советской банде коммунистов. Я думаю, что у него дома можно найти очень много разных документов. Прошу немедленно его арестовать и сделать обыск». Адрес указан. 20 февраля на заявление наложена резолюция: «Произвести обыск и в зависимости от результатов арестовать».

Ордер № 117 ОЧСК на арест и обыск оформлен также 20 февраля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты документы, переписка и деньги (в том числе более 8 тысяч аннулированных).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Смолеева (более чем за месяц ведения следствия): 20 февраля его допросил следователь юридического отдела при ОЧСК Лин и через неделю, 28 февраля — следователь того же отдела Земский.

В протоколах записано, что допрашиваемый 12 лет прослужил в судебном ведомстве, из них 8 — у мирового судьи 28-го участка. С апреля 1917 года по август 1919-го состоял в партии социалистов-революционеров, партийные собрания посещал редко, из-за расхождения во взглядах вышел из партии и решил более ни в какую не вступать. Во все периоды советской власти состоял на службе на своем посту. «Жил исключительно как обыватель. К добровольцам я отношусь презрительно, так относился и в бытность их здесь. Отношение к советской власти... общее». Сказал, что у него в доме бывали знакомые и сослуживцы, засиживались поздно за бутылкой вина, но никаких политических разговоров не вели. «Найденные у меня стихотворения — не мои... отдельные листки — переписанные листовки добровольцев... в их пропаганде участия не принимал... я не контрреволюционер». Назвал фамилии свидетелей, которые могли бы подтвердить его показания.

Протоколов допроса этих свидетелей в деле нет. Но есть обращение в ОЧСК комитета Союза судебных служащих от 23 февраля, в котором коллеги подтверждают, что Смолеев совершенно аполитичен, арестован ошибочно, и просят освободить его на поруки.

25 февраля в качестве свидетеля допрошен хозяин квартиры, которую снимал арестованный. Он заявил, что знает жильца два года, к тому приходят кадеты и «долго засиживаются» и «по ночам он пишет»; что политических убеждений жильца не знает, но «отношение его к советской власти, по моему наблюдению и фактам его ругательства по отношению к партии большевиков, самое отрицательное».

Последний документ в деле — заявление Смолеева следователю, зарегистрированное в справочном бюро ОЧСК 1 марта. В нем он просит ускорить следствие: «...Мне неизвестно на чем основано обвинение... при обыске у меня отобрали 965 рублей казенных денег, прошу передать их мировому судье для сдачи в кассу». Единственная резолюция: «В юридический отдел»; 2 марта заявление зарегистрировано в юридическом отделе.

Других документов, в том числе заключения следователя и окончательного решения по делу нет.

На обороте описи документов по делу А. Т. Смолеева надпись: «*В лагерь на 1 год*», рядом другим карандашом написано: «*25 марта*» (или июля, месяц написан неразборчиво) 1920 года.

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях до сих пор остаются «секретными», поэтому определить, рассматривала ли коллегия дело Смолеева и какое было принято решение, пока невозможно.

(Дело № 5738-п)

20 февраля 1920 года Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестован **ЧЕРНЫЙ Михаил Семенович (19 лет)**. Родился в 1900 (1901) году в деревне Небылицы Брусиловской волости Радомысльского уезда Киевской губернии; националь-

ность не указана, из крестьян; образование начальное, по профессии — приказчик; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Одессе в помещении 1-й роты по охране порта.

Обстоятельства ареста. Задержан в порту бывшими сослуживцами по Добровольческой армии М. Костеничем, И. Бантовым и др., доставлен к коменданту порта и по его приказу препровожден в ОЧСК. Задержавшие написали два заявления с обвинениями Черного — краткое (без даты) и подробное от 23 февраля. В них говорится: «Во время службы Черного в Добровольческой армии в 3-м драгунском Новороссийском полку (в пулеметной команде) он занимался расстрелами видных членов большевистской организации... в присутствии нас расстрелял коменданта Очакова с супругой... Расстрелял Михаилом Черным и другим белогвардейцем Александром Поцелуевым производились неоднократно... забирали деньги... Черный всегда проповедовал идеи Добровольческой армии».

Ордер № 127 ОЧСК на арест и обыск оформлен 21 февраля, когда Черный уже находился в комендатуре ЧК. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъято удостоверение.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Черного (за три месяца ведения следствия): 20 февраля его допросил дежурный следователь ОЧСК Самойлов и через полтора месяца, 5 апреля — помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам Н. Вихров.

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил сельское училище, работал в Киеве приказчиком. В Добровольческую армию вступил в Екатеринославе, служил в 3-м драгунском Новороссийском полку, в его составе прибыл в Одессу. С 22 декабря 1919 года по 10 февраля 1920 года находился в госпитале № 22 Всероссийского союза городов — болел возвратным тифом (при обыске отобрано удостоверение госпиталя, в котором указано, что после излечения ему на месяц предоставлен отпуск).

О случае с бывшим комендантом Очакова он дал такие показания: расстрелять его поручили подпрапорщику Зибцову, но за взятку тот отпустил арестованного; впоследствии бывшего коменданта задержали на квартире вместе с невестой, его расстреляли, а ее удушили. Свою причастность к этому отрицал. Поведение задержавших его однополчан объяснил тем, что четыре месяца назад они вместе в пьяном виде совершили налет на Балковской улице, но появилась полиция и Костенича, Бантова и Зибцова арестовали, а он сумел скрыться: «ввиду того, что я бежал и не стрелял в стражу, а их задержали — они мне мстят и донесли, что я служил в контрразведке... Кроме того, Бантов украл у меня одежду и я на него донес. Так что он мне мстит и за это. Предъявленное обвинение отрицаю...»

2 и 3 марта допрошены пятеро свидетелей (в основном те, кто его задержал). Они заявили, что Черный расстреливал коммунистов и издевался над арестованными.

13 марта следователь ОЧСК Влайк принял постановление: «Собрав следственный материал и допросив свидетелей по данному делу, заключаю, что Михаил Черный действительно расстреливал коммунистов и советских работников, что подтверждается рядом свидетельских показаний. А посему прошу коллегии назначить Черному высшую меру наказания».

Однако следствие было продолжено. На допросе 16 марта знакомая Зибцова подтвердила, что до ареста тот был в дружеских отношениях с Черным.

Более чем через месяц, 21 апреля, допросили еще трех свидетелей. Мать Костенича сообщила, что 22 марта тот выехал на фронт, а сама она обвиняемого не знает. Другой свидетель рассказал, что при белогвардейцах у него на квартире скрывался бывший командант Очакова Михаил Крайзер, впоследствии арестованный вместе со своей невестой каким-то белогвардейским офицером. При обыске забрали все вещи и 25 тысяч рублей. Из газет он узнал, что Крайзера расстреляли. Видел в морге его труп, он был очень изуродован. «М. Костенич говорил, что знает, кто над ним издевался». Третьим допрошен девятнадцатилетний матрос, участвовавший в задержании Черного и повторивший прежние обвинения.

В итоге такого расследования помощник уполномоченного по общим делам Радионов составил заключение (дата не указана), состоящее из одной фразы: «Рассмотрев дело Михаила Черного, обвиняемого в расстреле коммунистов, считаю факт доказанным, предлагаю — расстрелять».

*21 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело М. С. Черного по обвинению в «расстреле коммунистов», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**. Все имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 25 мая, когда дело было сдано в архив.*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Ни из одного имеющегося в деле документа (объяснения, протоколы допросов) не вытекает участие Черного в расстрелах вообще. В его протоколе допроса этот вопрос ему не ставился, допрошен он по другим эпизодам. Постановление не пересматривалось».

Реабилитирован 3 ноября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Черного пока невозможно.

2. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для проверки составленной ранее аннотации сотрудником архива УСБУ изъят из дела л. 15 — заявление от 23 февраля четырех человек, задержавших и обвинявших Черного.

(Дело № 27053-п)

Между **22 и 26 февраля 1920 года** Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестован

КИВОВИЧ Иосиф (Осип) Хацкелевич (16 лет). Родился в 1903 (1904) году в Каменец-Подольске Подольской губернии; еврей, происхождение и образование не указаны; по профессии — печатник; беспартийный; холост. На момент ареста работал печатником, место работы не указано; проживал в Одессе (ул. Большая Арнаутская, 26, кв. 15).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Сам Кивович упоминает, что арестован 22 февраля. Ордер № 154 ОЧСК датирован 23 февраля, в протоколе обыска и задержания по этому ордеру даты нет. При обыске изъят паспорт, две винтовки, штык и патроны. 26 февраля отцу арестованного этот паспорт возвращен.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

26 февраля в чрезвычайную следственную комиссию поступило заявление комсомольца И. Абрамова — главного обвинителя. В заявлении говорится: «В период белогвардейской власти в Одессе, 28 октября 1919 года по доносу Льва Гойхмана (Канатная, 63) и Иосифа Кивовича (Б. Арнаутская, 26) были арестованы следующие лица: я, мой брат Хаселев и Островский, владельцы типографии, и некий Брутман. По их же доносу пытались арестовать Розенблюма, но он освободился на своей же квартире за взятку (адрес Брутмана и Розенблюма — Колодезный пер., 27). Я и брат обвинялись в распространении коммунистической литературы. При обыске у меня было найдено пять экземпляров подпольного «Коммуниста». Хаселев и Островский обвинялись в печатании нелегальной литературы. У них были найдены бланки советского учреждения. Из-за них же был арестован Брутман, румын, по обвинению в том, что его брат был на советской службе. Обо всех нас агентурные сведения давали Иосиф Кивович и Лев Гойхман. Гойхман же участвовал также и в обыске. Поэтому предлагаю ОЧСК произвести обыск у Гойхмана и арестовать его и Кивовича». Под заявлением запись, датированная 27 февраля: «Проверено, подтверждается».

28 февраля в юридический отдел на имя начальника чрезвычайной следственной комиссии поступило прошение матери обвиняемого Ривки Кивович. В нем говорится: «Третьего дня ко мне на квартиру явились представители ОЧСК с мандатом и арестовали моего сына Иосифа Кивовича... ему было предъявлено обвинение в том, что он служил сыщиком при добровольческой власти. Я подобное обвинение опровергаю, так как мой сын — член профессионального союза печатного дела и всегда был сочувствующим советской власти как член рабочего класса и никакого отношения и сношения с добровольцами не имел. На основании вышеизложенного прошу о скорейшем расследовании этого недоразумения и освобождении в спешном порядке моего сына, ибо, находясь на его средствах, я за его отсутствием обречена на голод. О его честном поведении и о трудолюбивом отношении к семье могут подтвердить комиссар дома и жильцы моего дома». Простение подписано еще тринадцатью жильцами, комиссаром дома и заверено печатью домового бюро.

5 марта в ОЧСК направлен запрос от правления профсоюза рабочих печатного дела с просьбой «в спешном порядке расследовать дело члена нашего союза И. Кивовича» (зарегистрирован 6 марта).

Единственный запрототолированный допрос Кивовича провел 5 марта следователь юридического отдела при ОЧСК Земский (более чем через неделю после ареста, один допрос предположительно за три месяца ведения следствия). В протоколе записано: «22 минувшего февраля ко мне на квартиру явился сотрудник ОЧСК с ордером, произвел обыск и после обыска меня арестовал, сказав, что я обвиняюсь в выдаче двух человек, распространявших подпольный «Коммунист». Я никого не выдавал по своей воле, а когда меня арестовали добровольцы и избили, во время избиения я должен был сказать, где они живут. Если бы я не сказал, то указал бы тот человек, который выдал меня». На протоколе стоит резолюция «Освободить» и подпись, предположительно — Заковского (подпись и резолюция сделаны разными карандашами, дата отсутствует, Заковский — заведующий особым отделом ОГЧК. — *Ред.*); рядом — еще одна неразборчивая подпись с датой 20 марта.

Вероятно, обвиняемый был освобожден, так как в деле есть его расписка от 2 апреля о получении документов из дела в справочном бюро ОГЧК (квитанция и несколько удостоверений).

Но на обложке дела есть надпись без даты: «Товарищу Кириллу. Для расследования... привлечения к ответствен[ности]... при освоб[ождении] по расп[оряжению] разгрузочн[ой] комиссии. Свидетели опрошены не были, у заявителя имеется обвинительный материал» (подпись неразборчива).

Когда Кивович был арестован повторно, сколько находился под следствием — неизвестно. Других протоколов его допросов в деле нет.

27 мая и 1 июня в качестве свидетелей допрошены три человека, упомянутые в заявлении обвинителя: портные Давид Брутман (он же Давидзон), Розенблюм и его жена.

Первый сообщил, что зимой он двое суток работал по Колодезному переулку, 27, у Розенблюма; туда «пришли два агента с начальником Херсонского участка, с ними еврей с двумя золотыми зубами и в кожаной куртке, арестовали меня вместе с Розенблюмом и сильно избили... Фамилию я не знаю, но я его хорошо запомнил и мог бы узнать». Протокола очной ставки в деле нет.

Второй свидетель заявил, что Кивовича не знает, зимой у него на квартире «арестовали одного Давида, и по словам жены при обыске присутствовали двое из контрразведки и сыщик по имени Лева». Жена его рассказала об этом эпизоде так: «Зашло два офицера с одним евреем, спросили, где мой муж, и арестовали Давида. Я была перепугана и узнать не могу».

Протоколов допроса других свидетелей, а также заключения по делу нет. Допросы свидетелей провел помощник уполномоченного по общим делам Радионов.

4 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело И. Х. Кивовича по обвинению в «выдаче коммунистов», постановила: **заклЮчить в концлагерь сроком на 1 год.**

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Обвинение (не предъявлялось) основано на общих неконкретных показаниях самого несовершеннолетнего Кивовича и заявлении Абрамова».

Реабилитирован 20 февраля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле нет совокупности доказательств совершения им преступления».

(Дело № 27183-п)

24 февраля 1920 года участковой транспортной ЧК Юго-Западной железной дороги без предъявления обвинения арестован и 29 февраля передан в Одесскую ЧСК

БАСОВ Вячеслав Евгеньевич (22 года). Родился в 1897 (1898) году в Одессе; русский (?), из мещан (?); образование не указано, по профессии — фельдшер; православный, беспартийный; женат. На момент ареста постоянного места работы не имел; проживал в Одессе (ул. Южная, 39, кв. 1).

Обстоятельства ареста. Пришел устраиваться на работу в УТЧК, но был арестован на основании заявления Вальдмана, что он якобы «агент контрразведки и вымогал у подпольных работников деньги». При аресте изъяты документы, часы, 22865 рублей разными деньгами. Через несколько дней арестованный передан в ОЧСК (документы о приеме ценностей отсутствуют).

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Басова (предположительно за месяц ведения следствия): 29 февраля, почти через неделю после ареста, его допросил помощник следова-

теля УТЧК Колосов и еще через неделю, 5 марта — следователь юридического отдела при ОЧСК Лин.

В протоколах записано, что в 1919 году при советской власти допрашиваемый служил инструктором отдела продовольствия уездного исполкома; после прихода в Одессу Добровольческой армии был мобилизован в летучий отряд по борьбе с бандитизмом, служил там всего три недели охранником, ходил на облавы в качестве караульного. Этот отряд политических арестов и обысков не производил, к контрразведке отношения не имел, а занимался уголовниками. Сказал, что с обвиняющим его человеком совершенно не знаком, видел его один раз в конце декабря прошлого года при облаве «для задержания преступного элемента». Вальдман был задержан, так как не имел при себе документов, и стал просить освободить его. Басов передал его просьбу начальнику отряда поручику Чихадзе, тот согласился и за взятку в 500–600 рублей освободил задержанного.

К делу подшита записка Басова (дата не указана), направленная Ю. Казимирову, вероятно, в первые дни установления советской власти: «Юра, ответь, можно ли мне показываться? Мне не сидится...» На этом же клочке бумаги ответ: «Я думаю, что можно. Вспомни, ты никого или никому из наших хлопцев не причинил зла и не арестовывал? Если нет, то выходи...»

8 марта в ОЧСК поступило прошение жены Басова: «Муж мой, Вячеслав Евгеньевич Басов, арестован ЧК по неведомому для меня поводу. В чем он обвиняется для меня неизвестно, однако, зная его доброе сердце и его отношение к советской власти, не допускаю и мысли, чтобы он в чем-либо против нее провинился. Никогда он не был контрреволюционером и врагом рабочих, ибо и сам происходит из простой и бедной семьи. Он всегда мечтал о рабоче-крестьянской власти, ждал ее, надеялся. Прошу об освобождении его безусловном или под мое поручительство». Ответа не последовало.

16 марта допрошены два свидетеля-коммуниста; оба заявили, что летучий отряд, в котором служил Басов, боролся с бандитами, а сам обвиняемый был связан с большевистским подпольем, предупреждал об облавах, доставал документы: «обвинение его в службе в контрразведке является недоразумением».

Заключения следователя и окончательного решения по делу нет. На обложке надпись: «Освобод[ить]», 25 марта (или апреля — месяц написан неразборчиво) 1920 года. Документов, подтверждающих освобождение В. Е. Басова, в деле нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях до сих пор остаются «секретными», поэтому точно определить, рассматривала ли коллегия дело Басова и какое было принято решение, пока невозможно.

2. В описи документов дела, составленной в 1920 году, перечислено много личных документов арестованного, в том числе выпись из метрической книги, которые в настоящее время в деле отсутствуют.

(Дело № 11999-п)

24 февраля 1920 года административно-юридическим отделом при коменданте Одессы и порта по обвинению в «службе в Добровольческой армии» арестованы братья **РАЗСКАЗОВ Василий Евгеньевич**, возраст неизвестен, анкетных данных нет; **РАЗСКАЗОВ Сергей Евгеньевич (46 лет)**, анкетных данных нет.

Основанием для ареста послужило заявление в городскую комендатуру хозяйки снятой ими накануне квартиры Екатерины Дворницкой о том, что они служили в белогвардейской контрразведке.

Ордер № 103 админюротдела при коменданте Одессы на арест и обыск оформлен 24 февраля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день на квартире Дворницкой (ул. Княжеская, 21, кв. 28), указано, что при аресте братьев Разказовых изъяты деньги, облигации, документы, серебряные часы, личные вещи, сапоги и пр. (оприходованы хозяйственной частью комендантского управления).

Постановлений о содержании под стражей, анкет арестованных, протоколов их допросов в деле нет.

2 и 4 апреля военный следователь административно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта Сигал допросил двух свидетельниц: квартирную хозяйку и знакомую одного из братьев.

Первая дала показания, что ранее они ей «абсолютно не были известны», а поселившись в середине февраля, в тот же вечер рассказали, что при белых служили в контрразведке: Сергей — начальником, а Василий — его помощником; при отступлении из Одессы были взяты в плен красными, но сбежали и теперь «хотят устроиться на советскую службу, чтобы работать в подполье и помогать белогвардейцам».

Вторая свидетельница сообщила, что Сергей Разказов ранее состоял на службе в петроградской жандармерии, в 1917 году был начальником конной жандармерии Одессы, при добровольцах вместе с братом служил в уголовном розыске, но в каких должностях — она не знает.

По постановлению заведующего судной частью при коменданте Одессы и порта от 23 апреля дело по обвинению братьев Разказовых в службе в Добрармии передано в ОЧСК. Внизу приписка: «Причем один из Разказовых умер в тюрьме» (без уточнения который). 29 апреля дополнительно направлено отношение, в котором указано, что умер Василий Разказов.

Данных о ходе следствия в деле нет. 18 мая помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам Радионов составил заключение, состоящее из одной фразы: «Рассмотрев дело гражданина Разказова Сергея, обвиняемого в службе в контрразведке, предлагаю расстрелять».

*21 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело С. Е. Разказова по обвинению в «службе в уголовном розыске», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 25 мая, когда дело было сдано в архив.*

Реабилитирован 23 сентября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

Документы о реабилитации умершего в заключении В. Е. Разказова отсутствуют.

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Сергея Разказова пока невозможно.

2. В 2005 году перед выдачей дела исследователям для проверки ранее составленной аннотации сотрудником архива УСБУ изъяты из дела л. 5–7 — заявление Е. И. Дворницкой, послужившее основанием для ареста.

(Дело № 26987-п на 2 человек)

25 февраля 1920 года архангельским отделением особого отдела при реввоенсовете VI армии без предъявления обвинения арестован

АЗАРОВ Павел Григорьевич (22 года). Родился 4 марта 1898 года в Одессе; русский, происхождение не указано; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, подполковник; православный, беспартийный; холост. На момент ареста — подполковник Добровольческой армии; ранее проживал в Одессе (ул. Базарная, 14, кв. 4).

Ордера на арест и обыск, протокола обыска и постановления о содержании под стражей в деле нет.

Дело состоит из трех листов: анкеты арестованного, заполненной 6 апреля, и опросного листа без даты. В нем Азаров записал, что происходит из семьи личного почетного гражданина, получил домашнее образование по курсу гимназии, окончил 1-ю Одесскую школу прапорщиков; в годы германской войны служил в 404-м пехотном Камышинском полку в чине младшего офицера, затем — штабс-капитана, воевал на Юго-Западном фронте, награжден Георгиевским оружием. После февральской революции был избран председателем полкового комитета, исполнял обязанности в течение двух месяцев. В 1918 году служил рядовым в сербской добровольной армии (куда поступил, чтобы попасть на Северный фронт и воевать с немцами) и затем легионером Славного Британского легиона, в составе которого в августе прибыл в Мурманск. С апреля 1919-го по январь 1920-го находился в составе Добровольческой армии, служил командиром батальона, затем — помощником командира 3-го Северного полка. Во время перехода власти командовал 8-м Северным стрелковым полком, «устроил переход к новому строю безболезненно», но так как при приближении советских войск опасался самосуда, то сдал командование и, получив положительный отзыв полкового комитета, направился в Пинегу, где и был арестован местным ревкомом как офицер.

Следствие по делу не проводилось.

13 апреля 1920 года на опросный лист П. Г. Азарова наложена резолюция «**1 год без права на амнистию**», под ней — две неразборчивые подписи.

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

(Дело № 12248-п)

25 февраля 1920 года Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестован

СКОТАРЕНКО (СКОТОРЕНКО, СКУТАРЕНКО) Семен Климентьевич (Клементьевич) (23 года). Родился в 1896 (1897) году в местечке Шполы Звенигородского уезда Киевской губернии; русский, из крестьян; образование начальное, по профессии — писарь; беспартийный; холост. На момент ареста служил письмоводителем в уголовном государственном розыске одесской рабоче-крестьянской милиции; проживал в Одессе (ул. Коблевская, 45, кв. 17).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Предположительно арестован в результате проверки, вызванной его прошением о продвижении по службе.

К делу приложено прошение Скотаренко, поданное 16 февраля в Одесскую рабоче-крестьянскую милицию о зачислении на службу в Дальницкий район на должность младшего помощника начальника района. На прошении — рекомендация коменданта Одессы Ивана Кочубея: «Товарища Скотаренко знаю точно как хорошего и честного работника по милиции, причем рекомендую его и прошу о принятии на просимую должность». Здесь же запись комиссара дома: «Сим свидетельствую, что товарищ Скотаренко действительно живет в доме № 45 по Коблевской улице, причем ведет себя порядочно и хорошо, в чем-либо предосудительном замечен не был».

Но помимо этих свидетельств поступил рапорт (дата не проставлена) младшего помощника начальника милиции Петропавловского района Неймана о том, что Скотаренко при белых служил в государственном розыске. Вероятно, именно этот документ послужил основанием для ареста. На рапорте резолюция начальника: «В следственную комиссию на распоряжение».

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Скотаренко (более чем за месяц ведения следствия): 25 февраля его допросил следователь юридического отдела при ОЧСК Львов и более чем через месяц, 1 апреля — следователь ОГЧК Гарри.

В протоколах записано, что допрашиваемый жил в местечке Шполы, окончил высшее начальное училище и служил писарем; весной 1917 года был призван в армию, где также был писарем и счетоводом в 135-й Вятской дружине, а с конца 1918 года служил в уголовном и государственном розыске в Мелитополе, Симферополе, Новороссийске и Новочеркасске. В Одессе с 1 по примерно 20 ноября 1919 года служил в уголовно-розыском отделе Малофонтанского района, не провел ни одного обыска и ареста; «так как были избиения при допросах и вообще безобразия, решил оставить службу, не получив даже жалованья. Поступил в штаб государственной стражи Подольской губернии и был назначен надзирателем 5-го участка Ямпольского уезда, но ввиду начавшейся эвакуации на место службы не явился и возвратился в Одессу». С приходом большевиков также поступил в уголовный розыск. Виновным себя ни в чем не признал.

Протоколов допроса свидетелей в деле нет.

1 апреля следователь Гарри составил заключение по делу Скотаренко, обвиняемого в «службе в госрозыске»: «Из произведенного дознания видно, что Скотаренко служил в разных местах России и при какой угодно власти на полицейской службе, большей частью в уголовных розысках, но впоследствии в государственном розыске при белых пробыл 18 или 20 суток. На основании вышеизложенного нахожу виновность Скотаренко в службе в госрозыске доказанной и передаю дело на рассмотрение коллегии».

3 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело С. К. Скотаренко по обвинению в «службе в государственном розыске», постановила: заключить в лагерь сроком на 2 года.

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

*Фотография в деле
С. К. Скотаренко,
не надписана*

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Постановление ОГЧК безосновательно, Скотаренко лишен свободы необоснованно... Допрошенный в качестве обвиняемого, хотя обвинение ему не предъявлялось, Скотаренко показал, что... 18 дней в междувластье служил в государственном розыске, однако ни одного ареста либо обыска не производил. У следствия, таким образом, не было необходимой совокупности признавать Скотаренко виновным, а у коллегии — лишать свободы».

Реабилитирован 14 декабря 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечание.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подсудимого: Скотаренко, Скоторенко, Скутаренко. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подсудимого и написание его фамилии в удостоверениях, изъятых при обыске — Скотаренко.

2. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для проверки ранее составленной аннотации сотрудником архива УСБУ изъятые из дела два документа, находившихся в подшитом к делу конверте.

(Дело № 11979-п)

Не позднее **27 февраля 1920 года** Одесской ЧСК без предъявления обвинения арестован

ВОРОКОВ Василий Иванович (18 лет). Родился в 1901 году в деревне Осмерицы Еловенской волости Малооговского уезда Ярославской губернии; русский (?), из крестьян; образование начальное, по профессии — приказчик по молочному делу; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места работы и постоянного места жительства не имел, приехал из села Плоское в Одессу в поисках работы.

Обстоятельства ареста. На улице задержан шофером Александром Александровым как «бывший повстанец против советской власти» и доставлен в ОЧСК. В поданном на него заявлении (якобы от имени военного комиссара 3-го стрелкового полка, но подписанном самим Александровым) говорится, что Вороков состоял в отряде Батурина и Попова, участвовал в задержании грузовика с матросами и их расстреле, а затем был назначен комендантом станции Тирасполя. «Более подробные сведения о нем может дать член союза шоферов и механиков Александров, у которого он отобрал маузер». На заявлении резолюция: «Арестовать и произвести обыск».

Ордер № 207 ОЧСК на арест и обыск Ворокова оформлен 27 февраля, когда арестованный уже находился в оперчасти. По указанному в заявлении адресу в тот же день произведен обыск, но выяснилось, что Вороков там никогда не проживал.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Ворокова (за три месяца ведения следствия): 29 февраля его допросила следователь юридического отдела при ОЧСК Е. Николова и через месяц, 30 марта — помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам Н. Вихров.

В протоколах записано, что допрашиваемый до 1913 года окончил двухклассное училище, потом «пошел по торговле»: служил приказчиком в Москве и Харькове, затем в Одессе у Бландова; с конца 1918 года — на сыроваренном заводе в селе Плоском, откуда в марте 1919 года был мобилизован в Красную армию, в отряд Попова, вместе с ним

прибыл в Тирасполь и временно был назначен комендантом железнодорожной станции. Прослужив около полутора месяцев, заболел сыпным тифом, после выздоровления был уволен, вернулся в село Плоское на сыроваренный завод и пробыл там до начала крестьянского восстания. В июле вместе с хозяином завода повез в Одессу телегу с сыром для продажи, но по дороге их задержали повстанцы из отряда Батурина и забрали товар, после чего хозяин вернулся в село, а он «напросился у начальника отряда на грузовик, чтобы доехать до Одессы». В городе купил нужные вещи и в начале августа вернулся в село, где пробыл до прихода советской власти. Сейчас завод закрыли, и он снова приехал в Одессу, чтобы найти работу.

Обстоятельства, изложенные в заявлении, объяснил так. Одному из солдат Батурина отдал свой наган и, доплатив, получил взамен маузер. Позже узнал, что маузер отнят повстанцами у шофера грузовика Александра — их военнопленного. «Он не знал, что я напросился на грузовик, и решил, что я повстанческий солдат Батурина, на этом основании сейчас при советской власти меня арестовал и требовал свой маузер, но у меня его забрали добровольцы».

В конце первого допроса обвиняемый заявил: «Что я служил в отряде повстанцев Батурина, определенно отрицаю... находился там всего несколько дней, встретил по дороге в Одессу. О том, что были расстреляны матросы, которые ехали на грузовике, ничего не знаю...»

В качестве единственного свидетеля допрошен задержавший обвиняемого шофер (явился лишь по третьей повестке). На допросе 21 апреля он рассказал, что во время эвакуации советской власти в 1919 году вез на грузовике десятерых матросов — сотрудников ЧК из Раздельной в Березовку. Возле немецкой колонии их взяли в плен шестеро повстанцев. Матросов расстреляли. Во главе повстанческого отряда якобы был Вороков. «Я случайно встретил его в Одессе и задержал». В отличие от заявления в протоколе допроса о маузере не упоминается.

18 мая помощник уполномоченного по общим делам Радионов составил заключение по делу, состоящее из единственной фразы: «Рассмотрев дело гражданина Ворокова Василия Ивановича, обвиняемого в расстреле коммунистов, предлагаю гражданина Ворокова расстрелять».

21 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело В. И. Ворокова по обвинению в «расстреле коммунистов», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, заключить в лагерь сроком на 3 года».

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Оснований для решения коллегии в деле нет».

Реабилитирован 19 октября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения им преступления».

(Дело № 27037-п)

27 февраля 1920 года начальником милиции Херсонского района по обвинению в «службе в контрразведке Добровольческой армии» арестован

ГОЛЬ (ГОЛЬ) Филипп Эдуардович (36 лет). Родился в 1884 году в селе Карадай Аккерманского уезда Бессарабской губернии; украинец, из крестьян; образование и

профессия не указаны; православный, беспартийный; женат. На момент ареста служил милиционером в Херсонском комиссариате; проживал в Одессе (ул. Коблевская, 11).

Основанием для ареста послужило заявление, поступившее 23 февраля по месту службы Голя от Бориса Кеслера и Александра Покрасова, которые называют его «бывшим агентом контрразведки и членом Союза русского народа» и просят о немедленном аресте. 24 февраля на заявление наложена резолюция «В разведку» и 27 числа он арестован. Через два дня после ареста препровожден в Одесскую ЧСК.

Ордер № 238 ОЧСК на арест и обыск Голя оформлен 29 февраля. Протокол обыска отсутствует, но есть опись изъятых вещей (фотографии, две пары погонов, личные документы).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Голя провела 4 марта следователь юридического отдела при ОЧСК Е. Николова (через неделю после ареста, один допрос за три месяца ведения следствия).

В протоколе записано, что в 1919 году при советской власти допрашиваемый служил милиционером в Херсонском участке и после прихода добровольцев в августе того же года был уволен. За неимением другой службы поступил в управление госстражи простым стражником, а после установления советской власти вернулся на прежнее место. Назвал свидетелей, которые могут подтвердить его показания.

В марте в качестве свидетелей вызывались только обвинители, второй по повестке не явился, первый допрошен дважды — 15 и 31 марта, повторил свои обвинения и заявил, что их могут подтвердить торговцы Нового базара. Однако в подшитом к делу заявлении резников говорится, что «милиционер Филипп Эдуардович Голь, состоявший старшим Нового базара, известен нам как человек беспристрастный к обывателям, служит своему делу при каждой власти, со всеми был обходителен, предупредителен, к рабочим относился хорошо и ни в чем предосудительном замечен не был» (26 подписей, дата не указана).

Аналогичные заявления, подтверждающие политическую лояльность, порядочность и профессиональную честность арестованного, поступили в Херсонский комиссариат и ОЧСК от его соседей, сослуживцев и знакомых. В одном из них сказано: «Считаю своим долгом гражданина заявить. В феврале — марте 1919 года при добровольцах я был арестован добровольческой контрразведкой по обвинению в большевизме. Голь был одним из тех немногих, которые, рискуя куском хлеба в лучшем случае, а в худшем тюремным заключением, облегчали наше заключение: носил записки родным, нелегально доставлял нам газеты и папиросы, ходил по нашим поручениям в политический Красный крест, проявлял к нам человеческое отношение».

Через месяц после ареста Голь заболел тифом и был отправлен в госпиталь, находившийся в помещении Духовной семинарии на 2-й станции Фонтана.

13 апреля в ОГЧК поступило заявление его жены с просьбой допросить свидетелей и освободить мужа для лечения и в связи с его невиновностью.

В 20-х числах апреля допрошены еще два свидетеля, знавшие Голя в течение последних лет. Они подтвердили, что он сочувствовал советской власти и никогда не преследовал большевиков. Проводил эти допросы помощник уполномоченного по общим делам Вихров.

Заключения следователя по делу нет.

21 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Ф. Э. Голля по обвинению в «службе в контрразведке Добрармии», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, заключить в концлагерь сроком на 1 год».

К делу подшита также записка уполномоченного по общим делам Кириллова от 28 мая 1920 года: «Гражданина Голля Филиппа Эдуардовича из-под стражи освободить, дело следствием прекратить». Но документов об освобождении или же отбытии наказания в деле нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Постановление ОГЧК безосновательно как не вытекающее из собранных по делу доказательств. Обвинение Голлю не предъявлялось, формула его вытекает из постановления коллегии. Допрошен один раз, из его показаний следует, что краткий промежуток времени в период смены властей в Одессе он служил охранником в управлении уездной госстражи. До этого и после — при советской власти — служил в милиции. Каких-либо материалов о преступной против соввласти деятельности во время службы в охране в деле нет. К делу приобщены протоколы допросов свидетелей и заявления граждан, положительно характеризующие Голля».

Реабилитирован 7 декабря 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечание.

В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Голль, Голь. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в большинстве документов — Голль.

(Дело № 11975-п)

Предположительно **28 февраля 1920 года** управлением коменданта Одессы и порта без предъявления обвинения арестован

АБРАМЕНКО Петр, возраст неизвестен, анкетных данных нет. На момент ареста — красноармеец 1-го советского кавалерийского полка; находился на излечении в Одессе, в санпоезде № 23.

Обстоятельства ареста. 28 февраля Абраменко получил от старшего врача санпоезда увольнительную в город до шести часов вечера. На Преображенской встретил адъютанта 361-го интернационального полка 41-й дивизии коммуниста Д. Дембо (он же Б. М. Дельман), который якобы опознал в нем белоказака. Дембо доставил задержанного в комендантское управление и написал показания, что видел, как тот избивал подпольщиков и двух убил.

На основании этих показаний Абраменко был арестован и направлен на гарнизонную гауптвахту.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного и протокола его допроса в деле нет.

К делу приобщен доклад сотрудника ЧК от 14 января, в котором сообщалось, что белоказачий карательный отряд размещался в гостинице «Лувр» по ул. Греческой, 52. Казаки стреляли в воздух, выбегали на улицу, спрашивали, кто стрелял, и тут же устраи-

вали облаву. «Задержанных по подозрению в коммунизме раздевали, били шомполами, грабили, а иногда и убивали. На награбленные деньги пьянствовали».

11 марта Абраменко с признаками сыпного тифа был отправлен с гауптвахты в одесский клинический госпиталь, но из-за отсутствия там свободных мест помещен во 2-й полевой запасной госпиталь; 24 марта оттуда направлен для осмотра на врачебную комиссию (Дерибасовская, 9), после чего в госпиталь не вернулся. Местонахождение его установить не удалось. (Сообщение заведующего одесской гарнизонной гауптвахтой Трофимова в особый отдел ОГЧК направлено в начале мая в ответ на соответствующий запрос. Особый отдел с середины апреля посылал телефонограммы в губернскую тюрьму и на гауптвахту, разыскивая Абраменко).

16 апреля был допрошен единственный свидетель — задержавший Абраменко адъютант (в протоколе отмечено, что он допрашивается в качестве обвинителя). Он повторил прежние показания и добавил, что знает обвиняемого с декабря 1919 года как подручника Добровольческой армии, приехавшего в Одессу с казачьим отрядом.

5 мая допрошен милиционер, содержавшийся вместе с Абраменко на гауптвахте; заявил, что такого вообще не знает.

18 мая помощник уполномоченного ОГЧК (подпись неразборчива) составил заключение по делу, в котором написал: «Ввиду того, что обвиняемый скрылся из лазарета, передать дело в стол розыска на предмет задержания обвиняемого».

18 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело П. Абраменко по обвинению в «убиении подпольных работников, выдаче контрразведке и службе у белых», постановила: «Передать в стол розыска, сбежал из комиссии по освидетельствованию». Результаты розыскной работы в деле не отражены.

Окончательного решения по делу нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях до сих пор остаются «секретными», поэтому определить, рассматривала ли коллегия еще раз дело Абраменко и какое было принято решение, пока невозможно.

2. В телефонограммах особого отдела ОГЧК, начальника губернской тюрьмы и заведующего гарнизонной гауптвахтой упоминаются еще несколько человек, подвергшихся репрессиям. **Порфирий Семенович ЯКОВЕНКО**, милиционер Пересыпского района (в апреле — мае 1920 года содержался на гарнизонной гауптвахте); **Петр Васильевич ШАХОВЦЕВ** (в феврале — марте 1920 года содержался на гарнизонной гауптвахте, освобожден по распоряжению административного отдела комендантского управления от 10 марта); **Никанор (Никифор, Николай) Николаевич ЗАГОРДАН (ЗАГАРДАН)** (в феврале — марте 1920 года содержался на гарнизонной гауптвахте, 18 марта отправлен в военный госпиталь), **Георгий КРАСТ** (с 17 февраля содержался в губернской тюрьме, на середину апреля числился за юридическим отделом при коменданте города). Дел на этих людей в фонде «П» нет.

3. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для проверки ранее составленной аннотации сотрудником архива УСБУ изъят из дела л. 3 — доклад сотрудника ЧК от 14 января 1920 года.

(Дело № 12005-н)

29 февраля 1920 года секретно-оперативным отделом Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован

ГАРНИЧ-ГАРНИЦКИЙ (ГАРИН-ГАРНИЦКИЙ) Владимир Федорович (51 год). Родился 10 января (по старому стилю) 1869 года в Киеве; национальность не указана, из потомственных дворян Полтавской губернии; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, полковник; православный, беспартийный; женат, имел сына 4 лет. На момент ареста постоянного места службы не имел; временно проживал в Одессе (ул. Скобелевская, 30, кв. 1), постоянное место жительства — Киев (ул. Благовещенская, 40, кв. 15).

Основанием для ареста, вероятно, послужили документы Одесского военно-окружного суда за 1919 год, обнаруженные сотрудниками ОЧСК. В ноябре — декабре 1919 года, при белых, Гарнич-Гарницкий был арестован за службу в советских частях и находился под судом. В судебных документах фигурировала характеристика, данная ему давним знакомым, подполковником царской армии А. Е. Петуховым, в которой сказано, что Гарнич-Гарницкий — «борец за единую Русь, упорно и неуклонно ведущий борьбу с большевиками». Там же указано, что при советской власти обвиняемый помогал заключенным освободиться (в том числе самому заявителю) и участвовал в организации восстания заключенных в тюрьме, «при большевиках их было более тысячи человек».

Дополнительным поводом для ареста послужила записка, поступившая в ОГЧСК 24 февраля: в ней перечисляются фамилии, адреса и приметы нескольких человек, якобы служивших при добровольцах в контрразведке, среди них — Гарнич-Гарницкий. 29 февраля дано указание выписать распоряжение на его арест.

Ордер № 245 ОГЧСК на арест и обыск оформлен также 29 февраля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты личные документы.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы три допроса Гарнич-Гарницкого (более чем за месяц нахождения под стражей): 29 февраля его допросил дежурный следователь ОЧСК Туманов, 3 марта — следователь юридического отдела при ОЧСК Земский и еще через три недели, 26 марта — следователь того же отдела Григорьев.

В протоколах и изъятых при обыске личных документах записано, что допрашиваемый происходит из семьи действительного статского советника, окончил реальное училище в Киеве и в 1894 году Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище; с 1898 по 1910 год служил в пограничной страже в Аму-Дарьинской и Закаспийской бригадах. По домашним обстоятельствам уволен со службы с зачислением в конное ополчение по Санкт-Петербургской губернии. В 1911–1914 годах служил в переселенческом управлении главного управления землеустройства и земледелия чиновником особых поручений VII класса, в 1912 году назначен в Иркутск заведующим переселенческим пунктом. В августе 1914-го мобилизован на действительную службу, воевал в составе 434-го Череповецкого полка XII армии. После демобилизации в январе 1918 года вернулся на службу в Петроград, в переселенческое управление, но в мае попал под сокращение штата; переехал с женой в Киев, осенью 1918 года служил начальником Гомельского пограничного пункта.

В январе 1919 года приехал в Одессу по личным делам. С приходом красных войск в начале апреля поступил на службу в 1-й полк Советской белорусской бригады имени Ленина, заведовал хозяйством.

В июне 1919 года был помещен в Лермонтовский санаторий с диагнозом порок сердца, находился на излечении до прихода добровольцев. При них нигде не служил, так

как не сочувствует добровольческому движению. Хлопотал об освобождении советских работников от ареста, помогал скрываться от мобилизации в Добровольческую армию (назвал свидетелей, которые могли бы это подтвердить). 17 ноября был арестован белыми, в начале декабря освобожден из-под стражи, но находился под следствием. После установления в начале 1920 года в Одессе советской власти сразу зарегистрировался в штабе XIV армии — «хотел опять служить советской власти. Никакого участия в контрреволюции никогда не принимал». Службу в контрразведке категорически отрицал.

Показания обвиняемого подтверждаются заявлениями, поступившими в ОЧСК в течение марта, и показаниями единственного свидетеля, допрошенного 7 марта. Бывший политработник 50-го Украинского коммунистического полка заявил: «Считаю своей обязанностью подтвердить, что усилиями означенного полковника я был вырван из рук белогвардейцев». Бывший его сослуживец, политкомиссар 1-го полка: «Гарнич спас мне жизнь, хотя знал, что я коммунист». Жильцы дома по улице Скобелева подписали прошение: «...Знаем Гарнич-Гарницкого с марта 1919 года... не замечали его контрреволюционных убеждений... наоборот, он всегда оказывал содействие» арестованным большевикам, помогал им освобождаться и скрываться от мобилизации добровольцев. «Во имя справедливости настоятельно просим об освобождении его от ареста».

Тем не менее 2 апреля следователь Григорьев составил заключение по делу Гарнич-Гарницкого, обвиняемого в «контрреволюции»: «...Выяснил из переписки, случайно найденной после ухода белых, что Гарницкий в 1919 году играл видную роль в подготовке восстаний в губернии и тюрьме, и свидетельских показаний, что в бытность его начхозом 1-го полка бригады имени Ленина был приговорен полковым судом к высшей мере наказания за несвоевременную доставку продуктов, но неизвестно каким образом избежал постановления суда, оставил полк будто бы по болезни, вернулся в Одессу, где проживал до момента ареста». «При добровольцах (в декабре 1919 года) подлежал суду за похищение автомобиля. При деле о нем оказались документы подполковника Петухова, реабилитирующие его как честного контрреволюционера... Нахожу обвинение... вполне доказанным, а посему предлагаю предать его высшей мере наказания».

*3 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело В. Ф. Гарнич-Гарницкого по обвинению в «контрреволюции», постановила: **расстрелять**. Дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив. На обложке дела надпись «Исполнено и в архив» (также без даты).*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «...Дело не возбуждалось, обвинение Гарнич-Гарницкому не предъявлялось... беспорядочно нагромождены различные бумаги, среди которых ходатайства жильцов и профсоюза об освобождении Гарнич-Гарницкого как человека, содействовавшего освобождению жителей Одессы из-под ареста белых. Обвинительным заключением служит заключение следователя, небрежно написанное на клочке бумаги от руки».

Реабилитирован 25 июля 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств приписываемого ему обвинения».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственно-го: Гарнич-Гарницкий, Гарин-Гарницкий. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная

подпись подследственного и написание его фамилии в документах, изъятых при обыске — Гарнич-Гарницкий.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Гарнич-Гарницкого пока невозможно.

3. Большую часть дела составляют следственные документы военно-окружного суда по делу 1919 года о похищении автомобиля.

(Дело № 26918-п)

Не позднее **29 февраля 1920 года** особым отделом ВЧК при V армии без предъявления обвинения арестован

СУРИН Евгений Ильич (43 года). Родился в 1876 (1877) году в Аккермане Бессарабской губернии; русский, из мещан; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, капитан; православный, беспартийный; женат. На момент ареста служил в должности секретаря при штабе Енисейской стрелковой дивизии V рабоче-крестьянской Красной армии; временно находился в Красноярске, постоянное место жительства — Владивосток.

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Вероятно, арестован как бывший белый офицер.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет. Имеется записка от 29 февраля, что у него изъяты 1 рубль 80 копеек серебряных денег. Содержался в красноярском доме лишения свободы.

Запротоколированы два допроса Сурина (за две недели ведения следствия): 5 марта его допросил следователь особого отдела ВЧК при V армии Гайдаров, протокол другого допроса обрезан (предположительно проведен 29 февраля, подпись следователя неразборчива).

В протоколах записано, что допрашиваемый в 1898 году окончил Киевский кадетский корпус и в 1900-м Павловское военное училище. Служил в 205-м Измайловском батальоне, в годы русско-японской войны — поручик в 53-м Волынском полку, затем в 11-м Владивостокском полку. В 1915–1917 годах в чине капитана служил в 31-м Сибирском стрелковом полку, находившемся в Ачинске, состоял выборщиком в президиуме Ачинского совета солдатских и рабочих депутатов и членом президиума полкового солдатского комитета. Летом 1917-го самовольно уехал на фронт из-за разногласий с новым командиром полка, ярким монархистом, воевал под Ригой, в октябре был эвакуирован по болезни; жил во Владивостоке, занимался частным трудом. В марте 1919 года был мобилизован правительством Колчака и назначен в управление военных сообщений Дальневосточного района на должность помощника начальника водно-транспортного отдела, затем служил батальонным адъютантом 1-го Владивостокского батальона, а с октября 1919-го — в Омске в должности штаб-офицера для поручений при помощнике военного министра по снабжению и технической части и главного начальника снабжения действующих армий. В декабре прибыл в Красноярск, где и находился до прихода советских войск в январе 1920 года; добровольно вступил в отряд Кравченко, с которым был знаком по Ачинску, служил секретарем при штабе, выполнял техническую работу; находился при штабе инкогнито, так как партизаны всех офицеров убивали.

16 марта военный следователь особого отдела ВЧК при V армии Позняков составил заключение по делу по обвинению Сурина в «контрреволюции». В заключении указано:

«был мобилизован в армию Колчака и за весь период ответственных постов, кроме командных, как и прочие невыдающиеся офицеры, не занимал... В отряд Кравченко поступил добровольно... Посему полагаю за отсутствием обвинительного материала предъявленное ему обвинение в контрреволюции, кроме службы у белых, считать недоказанным, представить на распоряжение начальника особого отдела ВЧК при V армии для назначения по усмотрению».

17 марта 1920 года следственная комиссия при особом отделе V армии, рассмотрев дело Е. И. Сурина по обвинению в «службе в рядах армии Колчака», постановила: дело прекратить, арестованного из-под стражи освободить.

Данных об освобождении нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о реабилитации в результате прекращения дела ВЧК отсутствуют.

Примечание.

Первоначально дело заведено на трех человек. На обложке дела, кроме Сурина, указаны в качестве обвиняемых также **Михаил Савич ЖДАНОВ** и **Михаил МРАЧКОВСКИЙ**, впоследствии их фамилии вычеркнуты. Есть также постановление о принятии дела к производству и привлечении в качестве обвиняемых Сурина и Жданова, содержащихся под стражей в Красноярске в доме лишения свободы.

(Дело № 12820-н)

МАРТ

45 дел на 54 человека, проходивших по делам фонда «П», и 5 человек, упоминавшихся в них как арестованные и подследственные. Косвенным подтверждением того, что реальное количество пострадавших было значительно больше, являются номера ордеров на арест и обыск, хотя не во всех делах есть ордер или ссылка на него при обыске. Наименьший номер ордера ОГЧСК и ОГЧК, фигурирующий в мартовских делах — 288, наибольший — 967. Номеров между 245-м (последний ордер из известных за февраль, оформлен 29 февраля) и 288-м (оформлен 2 марта) и абсолютного большинства промежуточных ордеров нет, имена и судьбы людей, обысканных и (или) арестованных по этим ордерам, неизвестны.

Дела, которые велись в этот период в уездах Одесской губернии, представлены в фонде «П» очень мало. Сведений о людях, задержанных при облавах и взятых в качестве заложников, в фонде «П» нет.

Не позднее **1 марта 1920 года** Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован

БОЙКО Иван Фотиевич (56 лет). Родился в 1863 (1864) году в деревне Песок Лохвицкого уезда Полтавской губернии; украинец (?); происхождение, образование, профессия не указаны; беспартийный (?); женат, имел сына-студента. На момент ареста постоянного места работы не имел; временно проживал в Одессе (ул. Садиковская, 10, кв. 1), постоянное место жительства — город Лохвицы Полтавской губернии.

Основанием для ареста послужило заявление, поступившее 10 февраля в ОЧСК от партработника С. Магрилова: «Прошу арестовать Бойко Ивана... При белогвардейцах был членом городской управы и проживал народное достояние. При эвакуации из Лохвиц белогвардейцы зажгли мост, этот же Бойко взял народное достояние — пожарных лошадей... Вообще Бойко элемент против рабоче-крестьянской власти».

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Бойко (за два месяца ведения следствия): 1 марта его допросил следователь юридического отдела при ОЧСК Эли; через три недели, 20 марта, — следователь того же отдела Туманов.

Допрашиваемый признал, что при добровольцах служил главой городской управы в Лохвицах; по предписанию начальника уезда и начальника гарнизона был вынужден эвакуироваться и вывезти лошадей, а деньги из городской казны (42 тысячи рублей) взял на их прокорм и транспортировку. По дороге сдал лошадей в Кременчуге в городскую управу, чтобы их вернули в Лохвицы, а сам приехал в Одессу. Кроме того сообщил, что с января по август 1919 года служил при советской власти завхозом отдела коммунального хозяйства. Категорически заявил: «В растратах никаких никогда не участвовал... В Одессе я человек чужой», — поэтому не знает, кто мог бы подтвердить его показания. На втором допросе сказал, что знаком с человеком, свидетельствующим против него, слышал, что тот тоже в Одессе, но не встречал.

В качестве единственного свидетеля 2 марта допрошен житель Лохвиц. Он заявил, что хорошо знал обвиняемого как городского голову и человека нечистого: вечно пьянствовал, был в хороших отношениях со всеми властями — и с Петлюрой, и с добровольцами, и с советской властью. «Денег городских, полагаю, он вывез много, но точную цифру сказать не могу. Бежал он, полагаю, потому что за ним числилась большая растрата городских денег».

В конце марта составлено заключение по делу Бойко, обвиняемого в «растрате городских денег и краже пожарных лошадей» (дата и подпись на документе отсутствуют). В заключении сказано: «Рассмотрев обвинительный материал по делу, опросив свидетеля Горошко, устанавливающего виновность Бойко... представляю дело на рассмотрение комиссии». На документе резолюция от 25 марта: «На заседание».

*23 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело И. Ф. Бойко, обвиняемого «как бывший городской голова в Лохвицах при белых и растрате казенных денег», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество, если таковое имеется, конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 8 мая, когда дело было сдано в архив.*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Доказательств, подтверждающих контрреволюционную деятельность Бойко, в материалах дела нет. Имеется копия допроса свидетеля Горошко о якобы проданных Бойко пожарных лошадях из городской управы города Лохвицы и о вывезенных Бойко деньгах... но за какую сумму — он не знает, не знает также, сколько вывезли городских денег».

Реабилитирован 30 сентября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «из-за отсутствия совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Бойко пока невозможно.

2. В документах дела упоминаются еще двое репрессированных: свидетель по данному делу **Яков Савич ГОРОШКО (51 год)**, крестьянин, житель Лохвиц, — вероятно, также был арестован, о чем 15 марта дал показания **Георгий ШАТРОВ (ШУЛЬЦ)** (возраст не указан, биографических данных нет). Шатров находился в заключении вместе с Горошко и слышал от него о Бойко. Дел на Горошко и Шатрова в фонде «П» нет.

(Дело № 26996-н)

2 марта 1920 года комендантом села Маяки Одесской губернии без предъявления обвинения арестован

СЫЧЕВ Григорий Дементьевич (50 лет). Родился в 1869 (1870) году в селе Маяки Одесского уезда Херсонской губернии; национальность не указана, из мещан; образование начальное, по профессии — торговец; старообрядец, беспартийный; женат, имел шестерых детей от 22 до 7 лет (четверых сыновей и двух дочерей). На момент ареста — владелец трактира и заезжего двора, бакалейщик; проживал в селе Маяки (ул. Одесская).

Основанием для ареста послужило заявление односельчанина — красноармейца отдельной кавалерийской бригады при 45-й дивизии Владимира Шестакова, поданное 1 марта политкомиссару 364-го Советского полка. В заявлении говорится, что Сычев при белогвардейцах якобы «выдавал большевиков, в том числе указал квартиру моего брата» — Зейлика Сидельника, который служил в 404-м Советском полку и жил в доме Сычева. Добровольцы квартиру разграбили, а за то, что брат скрылся, якобы избили родителей. «Сын Сычева служил в рядах добровольцев и... гонялся за большевиками в Одессе. Прошу сделать распоряжение о наказании Сычева». На заявлении резолюция: «Сделать распоряжение об обыске и аресте».

2 марта комендант Маяк выдал начальнику милиции мандат на обыск и арест Сычева. Протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

6 марта общее собрание жителей Маяк приняло заявление в поддержку Сычева, характеризующее его с положительной стороны: никого не выдавал, «никогда не проявлял активной деятельности для поддержания белогвардейской власти, не делал им никаких указаний на кого-либо из оставшихся большевиков... был всегда лоялен к советской власти и ее исполнителям. Всем нам известен как человек многосемейный, труженик, о котором отзываемся с лучшей стороны». Под заявлением более ста подписей; заверено подписью председателя ревкома и печатью.

6 марта Сычев подал коменданту Маяк заявление с просьбой вызвать на допрос свидетелей, которые могут опровергнуть все обвинения. Протоколов допроса названных им свидетелей в деле нет.

В тот же день, 6 марта, комендант Маяк опросил других свидетелей — двух братьев Зейлика Сидельника и его знакомого. Они повторили прежние обвинения в адрес Сычева.

Арестованного несколько раз передавали по армейским особым отделам: 6 марта он был направлен в особый отдел 122-й бригады, 10 марта — 41-й дивизии, затем — армии. 12 марта начальник особого отделения № 7 особого отдела XIV Советской Красной армии передал его с материалами дела в ОЧСК как гражданское лицо.

Запротоколированы два допроса Сычева (за месяц ведения следствия): 11 марта (более чем через неделю после ареста) его допросил следователь особого отделения №

7 особого отдела XIV армии Арнольдов, затем — помощник уполномоченного ОЧСК по борьбе с контрреволюцией Рацковский (дата не указана).

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил три отделения народного училища, имел 4 десятины земли, трактор и заезжий двор, занимался хлебопашеством и торговлей в бакалейной лавке. Объяснил, что имел личные счета с людьми, донесшими на него. Братья Мендель и Зейлик Сидельники в 1919 году при советской власти жили у него на квартире; прожив полгода, Мендель отказался платить и при белогвардейцах братья сбежали. Зейлик Сидельник числился в списке разыскиваемых красноармейцев; на вопрос белых, где он, Сычев указал квартиру, где тот ранее проживал. Дверь взломали, имущество сбежавшего вывез пристав, чтобы освободить квартиру, и Сычев сдал ее новым жильцам. «Когда Маяки заняли советские войска, явился четвертый брат — Михель Сидельник, красноармеец, и сказал коменданту, что по моей инициативе был произведен обыск в квартире и разграблено имущество. Но во время обыска ничего взято не было». Заявил, что никого белогвардейцам не выдавал и никого не грабил.

22 марта помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией секретно-оперативного отдела ОЧСК Рацковский составил заключение по делу Сычева, обвиняемого в том, что «выдавал белым коммунистов и указывал белогвардейцам место проживания советских служащих вообще». В заключении сказано: «Согласно показаниям граждан Сидельников и Зайчика, от рук предателя Сычева особенно пострадали красноармеец Сидельник и его родители старики, которые по его, Сычева, указанию в отместку за большевистскую деятельность сына были арестованы, избиты, имущество их разграблено... Исходя из вышеизложенного, нахожу факт вины установленным и предлагаю гражданину Сычева привлечь к ответственности за выдачу белым коммунистов и за участие в разграблении приставом Маяк жалкого имущества бедного красноармейца-большевика. К гражданину Сычеву как купцу-богатею (кулаку) применить самую высшую меру наказания — расстрелять».

25 марта в ОЧСК поступило заявление члена маякского ревкома Петра Полякова, специально приехавшего в Одессу, чтобы дать показания по делу Сычева. В заявлении указано: «Могу категорически подтвердить, что Григорий Сычев ни в чем не виновен... не только не был противником советской власти, а наоборот своими действиями доказал, что является сторонником советской власти, ее поддерживает... Все это я могу установить при моем личном допросе». Протокола допроса этого свидетеля в деле нет.

30 марта 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Г. Д. Сычева по обвинению в «выдаче советских работников белогвардейцам», постановила: **расстрелять**. Дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив, но судя по следующему документу — не позднее середины апреля.

16 апреля в секретный отдел ОЧСК поступило удостоверение маякского ревкома, что «Сычев Григорий Дементьевич во время белогвардейщины никаких имуществ и вещей не расхищал... никаких указаний на товарищей коммунистов белогвардейцам не давал и вообще он никого не выдавал из товарищей, стоящих на платформе советской власти... в предосудительном ни в чем не замечался, и если его в этом обвиняют некоторые лица, то это исключительно личные счета». На документе резолюция от 20 апреля «К делу» и внизу надпись: «Дело закрыто. Сычев †».

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «В материалах дела имеются документы, подтверждающие, что Сычев коммунистов не выдавал, в пре-

досудительном не замечался, обвинение его некоторыми лицами является сведением личных счетов».

Реабилитирован 12 сентября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Сычева пока невозможно.

(Дело № 26973-н)

2 марта 1920 года Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован **ФОКИН Пантелеймон Алексеевич (37 лет)**. Родился в 1882 (1883) году в Херсоне; национальность не указана, из мещан; образование среднее специальное, по специальности — штурман; беспартийный; женат. На момент ареста служил штурманом на пароходе; проживал в Одессе (Соборная площадь, 6, кв. 5/6).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. В конце февраля в оперативно-секретный отдел ОЧСК поступило отношение от судоходно-транспортного отдела ОЧСК: «Прошу немедленно произвести обыск и арест... Фокина. Он выдал палачей топителей катера «Жека» Топчиева, Бирилова, Бондаря и Удутова» (подпись неразборчива). 2 марта наложена резолюция: «Выписать распоряжение на арест и обыск».

Ордер № 288 ОГЧСК на арест и обыск оформлен также 2 марта. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты личные документы.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Фокина (за два месяца ведения следствия): 2 марта его допросил следователь юридического отдела при ОЧСК Туманов и более чем через месяц, 5 апреля, — помощник уполномоченного ОГЧК по борьбе с контрреволюцией Баленков.

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил мореходные курсы и служил капитаном в одесском военном порту, в 1919 году при советской власти был там же назначен заведующим плавсредствами, остался в этой должности и при добровольцах. «Мне предписано было указать, кто служил на катерах, которые топили трупы расстрелянных [большевиками] офицеров, я эти сведения дал. Затем ко мне прислали контрразведчиков, которые у меня служили в качестве сотрудников, чтобы следить за моей работой».

Позже был арестован белыми за то, что распространял среди своих подчиненных советские партийные анкеты и что первым записался в Красную армию. Два с половиной месяца находился в тюрьме. «Военно-полевой суд приговорил меня к смертной казни, и если бы не приход советских войск, я был бы расстрелян». Когда жена пришла проведать его в тюрьме, ее до полусмерти избили шомполами, «она до сих пор болеет». При белых скрывал коммуниста Войцеховского, «сейчас он служит политкомом». Причастность к контрразведке категорически отрицал, но признал, что приходил с сотрудниками контрразведки на квартиру Кулика, чтобы того арестовать. Объяснил это угрозами и тем, что его спаивали Озеров, Дульский, Николаев, Липовецкий — «все они были

в контрразведке в отделе пропаганды». Сказал, что канцелярия заведующего плавсредствами находилась в том же доме, что и контрразведка.

К делу приложен документ, подтверждающий, что при белых обвиняемый находился в одесской тюрьме.

Протоколов допроса свидетелей в деле нет.

20 апреля помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией секретно-оперативного отдела ОГЧК Баленков составил заключение по делу Фокина, обвиняемого в «службе в портовой контрразведке и выдаче коммунистов». В заключении сказано: «Из материалов и свидетельских показаний, в деле находящихся (на сегодняшний день свидетельских показаний в деле нет. — *Ред.*), видно, что Фокин служил в портовой контрразведке, являлся с другими разведчиками на квартиру товарища Кулика для его ареста и на улице арестовывал Шахунова и ряд других товарищей, чего Фокин сам не отрицает. Но мотивирует тем, что работал под указом и спаиванием вином капитаном 1-го ранга Озеровым, поручиком Дульским и следователем Николаевым, которые служили в контрразведке в отделе пропаганды. Ввиду установленного факта... постановил: расстрелять.

Озеров пока еще не арестован, так как болен возвратным тифом, ввиду болезни Озерова не установлено, где находится Дульский и Николаев (фамилия Николаева затем вычеркнута, капитан Липовецкий, также названный Фокиным, вообще не упоминается. — *Ред.*)».

23 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело П. А. Фокина по обвинению в «службе в белой контрразведке и в избиении коммунистов», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить высшую меру наказания — **расстрелять**, отобранные вещи и все имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 8 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «...Обвинение ничем не подтверждено... Фокин его категорически отрицал, приводя факты применения к нему репрессий со стороны контрразведки белых. Других каких-либо данных, опровергающих его заявление, в деле, состоящем из 17 листов, нет».

Реабилитирован 25 июля 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств приписанного ему обвинения».

Примечания.

1. В одном из документов дела № 27100-п указывается, что Фокин был расстрелян 23 апреля. Но протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому точно указать дату расстрела Фокина пока невозможно.

2. Дело перенумеровано. По старой нумерации отсутствует л. 13; возможно, это показания свидетеля Кулика, которые упоминаются в протоколе допроса Фокина и заключении по делу.

3. Описание дела № 27100-п на В. Э. Озерова и др. см. на стр. 433–437. Были ли арестованы в 1920 году поручик Дульский, следователь Николаев и капитан Липовецкий — неизвестно, их дел в фонде «П» нет.

(Дело № 26921-п)

2 марта 1920 года патрулем участковой транспортной ЧК на станции Одесса-Главная без предъявления обвинения арестован

ЯНКО Александр Лазаревич (31 год). Родился в 1888 (1889) году в Лубенском уезде Полтавской губернии; украинец (?), происхождение и профессия не указаны; образование незаконченное высшее; беспартийный; женат. На момент ареста — студент юридического факультета, постоянного места работы не имел; болел возвратным тифом; временно проживал в Одессе (Стурдзовский пер., 3, кв. 17).

Обстоятельства ареста. Жена выхлопотала для себя разрешение на поездку в Киев, где постоянно проживала. Провожая ее, он зашел в вагон, и при проверке документов военным патрулем они оба были задержаны «за намерение выехать из Одессы без соответствующего на то разрешения и пользование фальшивыми документами». 3 марта А. Л. Янко направлен из УТЧК в административно-юридический отдел при коменданте Одессы и порта. Содержался на гарнизонной гауптвахте.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколированный допрос Янко провел 8 марта военный следователь административно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта Лисовский (почти через неделю после ареста, один допрос за три месяца ведения следствия).

В протоколе записано, что в годы войны с Германией допрашиваемый находился в составе 32-го пехотного Крем[енчугского] полка, при Петляуре служил в охране домов в Киеве, при гетмане состоял писцом в луганской мануфактурной конторе, при Деникине был мобилизован и 3–4 дня прослужил во 2-м сводном полку, при советской власти в 1919 году был помощником командира 4-й роты 1-го Киевского запасного коммунистического полка, затем долго болел тифом, в ноябре 1919 года приехал из Киева в Одессу. Не зарегистрировался вовремя, потому что был болен возвратным тифом; утверждал, что из Одессы уезжать не собирался, провожал жену, получившую разрешение уехать к родным в Киев. Об изъятых у них документах на имя Леута сказал, что Леут — знакомый жены и она должна была передать эти документы его родственникам в Киеве.

В деле подшито удостоверение, подтверждающее болезнь Янко на протяжении всего февраля 1920 года.

9 марта, вероятно, по ходатайству жены арестованного, заместитель председателя УТЧК Винокур направил военному следователю юридического отдела при коменданте города Лисовскому письмо: «Прошу, если возможно, то окажите содействие жене арестованного Янко по делу ее мужа. Мне лично кажется, что он невиновен в предъявленном ему обвинении». (Документов о предъявлении обвинения в деле нет. — *Ред.*)

10 марта проведен групповой опрос его соседей — жильцов дома № 3 по Стурдзовскому переулку. Все они дали показания, что Янко проживал в их доме с начала января 1920 года, болел, против советской власти не выступал и от нее не скрывался (18 подписей, в том числе комиссара дома).

18 марта дело передано в ОЧСК, 24 марта туда же препровожден сам арестованный. Документов, свидетельствующих о дальнейшем ведении следствия, в деле нет.

Не позднее **2 июня 1920 года** (через три месяца после ареста мужа) Одесской губЧК без предъявления обвинения арестована

ЯНКО Екатерина Николаевна (24 года). Родилась в 1895 (1896) году в Луганске Екатеринославской губернии; национальность не указана, из мещан; образование среднее, по профессии — счетовод, беспартийная; замужем. На момент ареста постоянного места работы не имела; временно проживала в Одессе (ул. Пушкинская, 74, кв. 4), постоянное место жительства — Киев.

Обстоятельства ареста. 26 и 30 мая вызывалась на допрос по делу мужа, повестки направлены по прежнему адресу, на обороте одной из них смотритель дома № 3 по Стурдзовскому переулку написал, что она здесь не живет. Вероятно, узнав о вызове, она явилась на допрос и была арестована. 5 июня уполномоченный по общим делам Кириллов отдал распоряжение выписать ордер на ее арест и обыск по новому адресу. 6 июня оформлен ордер № 3265, но при проведении обыска выяснилось, что в дворовой книге она не значится, так как уже несколько дней находится в тюремном подотделе ОГЧК.

Протокола обыска, постановления о содержании под стражей и анкеты арестованной в деле нет.

Единственный запротоколированный допрос Екатерины Янко провел 2 июня помощник уполномоченного ОГЧК Чепков.

В протоколе записано, что допрашиваемая окончила Луганскую женскую гимназию, до 1917 года жила в Луганске, затем переехала с семьей в Киев, где служила в губернском совнархозе счетоводом. В ноябре 1919 года ехала с мужем в Одессу, в поезде встретила с Леутом, родителей которого хорошо знала по Киеву. Во время налета все разбежались, Леут затем не вернулся, и его документы остались в поезде. Взяла их с собой, надеясь встретить его в Одессе или передать документы родным в Киеве. Полностью подтвердила показания мужа.

Других следственных документов, в том числе заключения по делу, нет.

4 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело А. Л. Янко по обвинению в «службе у белых в офицерской роте», постановила: его **расстрелять, имущество конфисковать**. Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 7 июня, когда дело было сдано в архив.

Выписки из протокола заседания коллегии ОГЧК по делу Е. Н. Янко нет, кем и на каком основании принималось репрессивное решение — в деле не указано. Но согласно недатированной записке, подписанной помощником уполномоченного по общим делам Чепковым, она была **заключена в концлагерь на 1 год**.

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «В деле не только нет документа, свидетельствующего о контрреволюционной и антисоветской деятельности Янко во время службы у белых, но даже удостоверяющего сам факт службы. Между тем в материалах есть официальные документы, подтверждающие болезнь Янко, явившуюся причиной его нерегистрации. Кроме того, приобщен протокол, составленный 10 марта 1920 года комиссаром дома, с подписями жильцов, удостоверяющих лояльное отношение Янко к советской власти».

А. Л. Янко реабилитирован 28 июля 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств его контрреволюционной деятельности».

Документы о пересмотре дела и реабилитации Е. Н. Янко отсутствуют.

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Александра Янко, а также определить, рассматривала ли коллегия дело в отношении его жены и какое было принято решение, пока невозможно.

2. В фонде «П» это дело зарегистрировано и хранится как одиночное — на А. Л. Янко. Арест, содержание под стражей и заключение в концлагерь Е. Н. Янко репрессией «не считается».

3. В документах дела значится, что на гарнизонной гауптвахте вместе с А. Л. Янко содержались арестованные военнопленные, в том числе **Василий ФИЛАТОВ** и **Михаил ИВАНОВ**, числящиеся за ОГЧК. Дел на этих людей в фонде «П» нет.

4. Документы Николая Леонтьевича Леута приложены к делу № 27172-п на С. С. Лебеденко (см. описание дела, стр. 306–308).

(Дело № 26940-п на 2 человек)

Не позднее **3 марта 1920 года** Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестована

СЕЛЕВИН (СЕЛЕВИНА) Зинаида Ивановна, она же **ФАЛЕВСКАЯ Станислава Владиславовна** (сценический псевдоним) (**32 года**). Родилась в 1887 (1888) году в местечке Носовка Нежинского уезда Черниговской губернии; национальность, происхождение, образование не указаны; по специальности — артистка оперетты; беспартийная; состояла в гражданском браке, имела троих малолетних детей. На момент ареста не выступала; временно проживала в Одессе (Левашовский спуск, 17, кв. 20), постоянное место жительства — Киев (ул. Костельная, 6, кв. 15).

Основанием для ареста послужил анонимный донос без даты, написанный карандашом на листке из блокнота, с указанием ее адреса: «Селевин, она же Фалевская, служила в контрразведке тайным агентом. Во время своей службы очень много выдавала коммунистов (большевиков), так как вредный элемент советской власти, нужно ее поскорее...» (так в документе. — *Ред.*)

Ордер № 309 ОГЧСК на арест и обыск оформлен 3 марта, когда арестованная уже находилась в оперчасти. На ордере надпись, что нужно произвести тщательный обыск у нее на квартире в присутствии товарища Ерашуница. При обыске изъяты личные документы, фотографии, драгоценности (в том числе золотые кольца, жемчужное ожерелье, серебряные часы), драгоценные монеты, более 10 тысяч рублей разными деньгами, пишущая машинка и другие личные вещи. Квитанция о сдаче ценностей в отдел хранилищ ОГЧК отсутствует.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованной в деле нет.

Запротоколированы три допроса Селевин (за две недели ведения следствия): 3 февраля (вероятно, описка, февраль указан вместо марта) ее допросил инспектор секретно-оперативного отдела ОЧСК Ясный, 4 марта — дежурный следователь юридического отдела при ОЧСК Львов и более чем через неделю, 13 марта — следователь того же отдела Вихров.

В протоколах записано, что допрашиваемая последние два с половиной года жила в Киеве, выступала в театрах «Мулен Руж» и «Шато»; там застала ее денкинская власть. Была арестована контрразведкой белых по обвинению в службе в Киевской ЧК — поводом послужило ее обращение в ЧК по делам гражданского мужа (Коринского), аресто-

Станислава Фалевская
в 1910-е годы

ванного белыми; в контрразведке у нее потребовали отдать сбережения и драгоценности, но удалось отговориться тем, что они хранятся в банке. В конце ноября 1919 года выехала из Киева в Одессу в надежде на то, что «жизнь здесь дешевле и легче зарабатывать, но по приезде этого не оказалось». В Одессе заболела сыпным тифом и пролежала до конца января; начала выходить только недели за три до ареста. Не имея возможности найти работу, решила уехать в Варшаву, но визу не смогла получить из-за ее большой стоимости. По поводу обвинения заявила: «Я категорически утверждаю, что у меня никогда не было знакомых, имеющих связь с контрразведывательными организациями. И сама к таковым не принадлежала и не принадлежу». Службу тайным агентом категорически отрицала.

12 и 13 марта допрошены трое свидетелей — актриса, о которой Селевин предположила, что та написала донос из-за личных счетов, лечащий врач обвиняемой и актер, ранее выступавший вместе с нею. Актеры заявили, что знают обвиняемую около десяти лет, она вполне аполитична, против советской власти не выступала, и они не допускают мысли, чтобы она служила в контрразведке, так как «жила с богатым человеком и была вполне обеспечена». Ее арест — недоразумение или сведение личных счетов, потому что у нее могли быть недоброжелатели. Доктор подтвердил, что лечил Селевин от тифа в декабре и январе и что в начале февраля она еще была очень слаба.

13 марта на обороте последнего протокола допроса обвиняемой следователь юридического отдела ОГЧК Вихров составил заключение по делу Селевин, обвиняемой в «службе в контрразведке в Киеве на основании анонимного доноса». В заключении сказано: «Показаниями свидетелей установлено, что Селевин в политической жизни участия не принимала и даже была арестована контрразведкой, которая хотела воспользоваться ее средствами (жила с богатым прожигателем жизни как шансонетка). Ввиду того что на настоящее время никакого обвинительного материала в секретном отделе нет за исключением анонимного доноса и распоряжение об аресте было сделано товарищем Горбаш, которого тоже нет, то полагаю Зинаиду Селевин из-под стражи освободить, взяв подписку о невыезде».

17 марта 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело З. И. Селевин по обвинению в «участии в добровольческой контрразведке», постановила: **заклЮчить в концлагерь сроком на 1 год.**

Решение коллегии было объявлено арестованной через два дня. 20 марта она направила заявление на имя председателя ОГЧК Реденса: «Товарищ председатель, умоляю Вас пересмотреть мое дело. Я сижу уже три недели...» Далее она пишет, что обвинение ей не предъявляли, следователь Вихров сообщил, что она арестована по анонимно-ложному доносу и обещал, что ее освободят, а теперь она узнала, что осуждена. «Клянусь Вам, я ни в чем не виновата. Мой арест причинит неизгладимое горе моей больной старушке-матери и трем маленьким сиротам и оставит их без всяких средств к существованию. Они живут исключительно на мои трудовые гроши, которые я им добываю своей службой... Очень, очень прошу Вас разрешить мне дать Вам личное подробное объяснение... я только что после тяжелой болезни сыпного тифа и ужасно страдаю». Заявление зарегистрировано в секретном отделе, но резолюций на нем нет.

Дело не пересматривалось. Селевин заключили в Одесский губернский концлагерь. В начале мая она подала в губернскую рабоче-крестьянскую инспекцию заявление о несправедливом аресте и просила помочь.: «Прошу РКИ разобраться в этом деле, состав-

ляющем целую вереницу обещаний, путаницы, лжи и не подтвержденной к тому же ни одним свидетельским показанием. Даже по занимаемому мною положению я никакого участия в политике никогда не принимала... Я боюсь слишком далеко зайти в предположениях о причине моего ареста и осуждения, но прошу принять во внимание то обстоятельство, что у меня при аресте отобраны последние крохи моего долголетнего сбережения, служившие опорой и поддержкой существованию для моих трех маленьких детей и старушки-матери... Работа в концлагере мне не по силам... я надорвалась, началось сильное кровотечение... осталась без всяких средств к существованию, отобраны мои вещи... обречена на голод и прозябание в концентрационном лагере...»

11 мая губинспекция направила в президиум ОГЧК прошение заключенной с просьбой «пересмотреть дело на предмет смягчения приговора и в порядке применения первомайской амнистии». На прошении резолюция: «Селевин обвинялась в участии в добровольческой контрразведке. Дело сдано в архив».

Еще одна попытка спасти ее была предпринята в конце мая. 21 мая взводный командир 3-й роты 316-го отдельного стрелкового батальона ВОХР Андрей Груздев подал в ОГЧК заявление на имя заведующего секретным отделом Дейча: «Прошу Вашего распоряжения вступить в брак с гражданкой Зинаидой Селевин, осужденной концентрационному лагерю на один год, и освободить ее из-под стражи вовсе. В противном случае — на время вступления в брак за моим ручательством. Могу представить подписи ручателей, что со стороны Селевин никакого не будет вреда для советской Республики». На заявлении две резолюции: первая — «Выяснить, в чем обвинялась заключенная, и представить товарищу Дейчу» и вторая — «В архив» (даты не указаны).

Дальнейшая судьба З. И. Селевин неизвестна.

Реабилитирована 28 сентября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечание.

В документах встречаются разные варианты написания фамилии подсудимой: Селевин, Селевина. Это означает, что в ходе следствия ее личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подсудимой и написание ее фамилии в большинстве документов — Селевин.

(Дело № 27001-н)

3 марта 1920 года командиром 389-го Богунского полка по подозрению в «шпионаже» арестован

СКОВРОНСКИЙ (СКАВРОНСКИЙ) Ричард Владиславович (35 лет). Родился в 1884 (1885) году в местечке Бискупицы гмины (района) Ящов Люблинского уезда Люблинской губернии; поляк (?), из крестьян; образование начальное техническое, по профессии — столяр, моторист, авиамеханик; член КП(б)У; женат. На момент ареста постоянного места работы и места жительства не имел, ранее проживал в Одессе на Слободке-Романовке (ул. Спаритинская, 17).

Обстоятельства ареста. Находился в Проскурове, на территории, занятой польскими войсками. Перешел линию фронта и явился в штаб 389-го Богунского полка, где и был арестован. Из полка направлен в штаб бригады, оттуда — в особый отдел 44-й советской стрелковой дивизии, 7 марта — к коменданту Винницы, 9 марта вместе с материалами дела передан в особый отдел при реввоенсовете XII армии, где и производи-

лось дальнейшей следствие (предположительно в Киеве). В протоколах обысков от 7 и 14 марта указано, что изъяты личные документы и перочинный нож.

Ордера на обыск и арест, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Сковронского (длительность ведения следствия неизвестна): 8 марта его допросил следователь 5-го отделения особого отдела XII армии Доманский и через десять дней, 19 марта — старший следователь особого отдела XII армии Радецковский.

В протоколах и изъятых личных документах записано, что допрашиваемый окончил 4-классное ремесленное училище, работал в Люблинском уезде столяром, в 1906 году призван в армию. В 1907–1910 годах служил нестроевым младшего разряда 4-го Сибирского саперного батальона, по окончании службы получил рекомендательное свидетельство, в котором указано: «отличался честностью, исполнительностью по службе, хорошим поведением и трезвостью» (документ выдан в Омске). Вероятно, затем вернулся домой и работал столяром.

После начала войны с Германией по мобилизации попал на фронт, с 1915 по март 1918 года служил в действующей армии рядовым в 6-м авиационном парке 8-го армейского корпуса. В 1918 году из Полтавы был направлен в Одессу к уездному воинскому начальнику как подлежащий увольнению со службы. При временном установлении советской власти в 1919 году служил в Киеве в авиационных мастерских. В июне был командирован в управление авиации Одесского округа в качестве председателя ликвидационной, потом эвакуационной комиссии. В связи с внезапным отступлением большевиков в августе 1919 года не успел эвакуироваться и остался в Одессе, был арестован белыми, но освобожден под поручительство бывшего сослуживца. В конце ноября выехал из Одессы, поскольку этот же сослуживец предупредил, что его могут вновь арестовать. «Был две недели в Жмеринке, потом в Проскурове с 11 декабря до середины января, когда переехал в Войтовцы, в 18 верстах от австрийской границы, и затем вернулся в Проскуров, ибо район Войтовцы был занят поляками. В Проскурове... ничем не занимался... 22 февраля я ввиду того, что у меня деньги были уже на исходе и что были слухи, что Деражня может быть скоро занята советской властью, пробрался в Деражню, а оттуда пошел дальше через фронт по направлению к Бару... Благополучно миновав фронтную полосу, я, дойдя до расположения советских войск, явился в штаб полка, чтобы меня отпустили в Киев, в штаб авиации, но меня послали в Винницу».

В качестве свидетелей 15 и 16 марта допрошены четверо его сослуживцев по киевским авиационным мастерским, члены компартии, двое из них — комиссары. О совместной службе показаний не давали, но характеризовали обвиняемого как «предателя и провокатора». В доказательство приводили следующий эпизод: Сковронский в начале ноября 1919 года приехал из Одессы в Киев, пришел на квартиру, где ранее жили служащие авиамастерских, забрал чемодан с вещами одного из свидетелей, в котором был альбом с фотографиями летчиков-коммунистов, и якобы передал этот альбом в контрразведку.

Однако приложенная к делу записка Сковронского, адресованная одному из свидетелей, уточняет произошедшее: «Чемодан с вещами, оставленный Королюком у Ларионова, получил Р. Сковронский 8 ноября 1919 года. Адрес мой: Одесса, Слободка-Рома-

новка, ул. Спаритинская, 17. Королюк, я не думал, что вы мои вещи так разграбите, часть своих вещей я нашел в твоём чемодане, и я, что было в нем, все забрал. Я буду все время в Одессе. Приедешь, я тебе отдам, привези мой. Сковронский».

Допрошенный по этому эпизоду обвиняемый пояснил, что альбом с фотографиями в чемодане был, но он его никому не передавал и никого не выдавал.

17 марта один из свидетелей — комиссар отдела Увофлота Харьковского и Киевского округов Г. Москалюк прислал в ревтрибунал XII армии показания на двух печатных листах, где в отношении Сковронского сказано следующее: «...Беседовал с ним неоднократно на политическую тему, он мне в глаза проклинал, ругал партию коммунистов-большевиков, говоря, что порядочных людей в этой партии нет. Несмотря на то, что я — коммунист и находился в белогвардейском стане, я очень дерзко его критиковал и в свою очередь ругал всю золотопогонную свору, не знаю как только он меня сразу не арестовал; но как только он уехал обратно в Одессу, я через недолгое время был арестован киевской контрразведкой, и так как весь мой материал был известен контрразведке, то меня безо всякого суда вывели под расстрел, но во время расстрела мне одному из десяти удалось бежать... Из всего видно, что меня выдал контрразведке один из наших авиационных бывших сотрудников, работавших при Деникине в контрразведке, или же сам Сковронский...

Мои личные соображения. Принимая во внимание все вышеизложенные мною факты, нахожу, что Сковронский оказался дезертиром Красной армии, изменником и предателем, принимая активное участие с белогвардейцами в борьбе против тех товарищей, которые действительно стоят и борются с открытой душой за Третий коммунистический интернационал. Сковронский заделался тайным белогвардейским агентом, которые так жадно пили кровь товарищей-коммунистов. Я, как член партии коммунистов-большевиков, не могу примириться, чтобы подобные типы могли существовать, требую самой высшей меры наказания».

20 марта старший следователь особого отдела XII армии Радецкий в заключении по делу повторил все обвинительные показания свидетелей, в том числе что Сковронский якобы в пьяном виде проговорился, что служит в контрразведке Деникина, что он заявлял: «коммунисты — это бандиты, их фотографии у нас и мы их переловим в Москве» и т. п. Далее в заключении написано: «Если в данных дела нет определенных улик, подтверждающих службу в польской контрразведке Сковронского, то с большой вероятностью приходится в данном его подозревать как поляка, так и по странному его переездам без уважительных причин Одесса — Киев — Одесса — Проскуров — Накошек — Бар и др. На основании изложенного и имея в виду, что Сковронский зарегистрирован в партии коммунистов в Шулявском районе, полагал бы настоящее дело передать в коллегия особого отдела для вынесения приговора с высшей мерой наказания». (Ни национальность Сковронского, ни какое-либо отношение его к польской контрразведке в деле не зафиксированы. — *Ред.*).

На заключении резолюция от 24 марта: «Расстрелять, но приговор [привести] в исполнение после допроса его в губЧК» (подпись неразборчива).

*В тот же день, 24 марта 1920 года, коллегия особого отдела ВЧК при реввоенсовете XII армии, рассмотрев дело Р. В. Сковронского «по подозрению в шпионаже», постановила: «Подвергнуть высшей мере наказания — **расстрелять**, но приговор привести в исполнение после допроса его в губЧК».*

Был ли приговоренный доставлен в ЧК и допрошен — неизвестно, протокола допроса и каких-либо иных документов в деле нет — только отметка, что 15 апреля дело зарегистрировано в Киеве (организация не указана). Был ли расстрелян — неизвестно.

В 1998 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Материалы свидетельствуют о том, что расследование не проводилось, постановление об избрании меры пресечения и привлечении Сковронского в качестве обвиняемого не выносилось... Каких-либо фактов и доказательств его шпионской деятельности в материалах дела нет».

Реабилитирован 17 апреля 1998 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона Украины «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств преступления».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Сковронский и Скавронский. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в личных документах — Сковронский.

2. К делу приложены личные документы Сковронского: справки, удостоверения, ремесленная книжка, выданная 2 ноября 1903 года столярным цехом в Седлеце и др.

3. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъяты из дела л. 13 — судя по описи 1920 года, записка.

(Дело № 28588-п)

4 марта 1920 года военным комиссаром 44-го железнодорожного дивизиона по обвинению в «контрреволюционной пропаганде среди красноармейцев» арестован

ВЕЙНБЕРГ Владимир Григорьевич (27 лет). Родился 2 апреля 1893 года в Одессе; русский, происхождение не указано; образование незаконченное высшее, по специальности — технолог; беспартийный; женат, имел дочь. На момент ареста служил в Красной армии в должности начальника подвижного парка 44-го железнодорожного дивизиона 1-й отдельной железнодорожной бригады и исполняющего обязанности командира дивизиона; проживал под Петроградом на станции Волосово Балтийской железной дороги (ул. Подольская, 4, кв. 18).

Обстоятельства ареста. Вейнберг пытался установить дисциплину в дивизионе и навести порядок, чем вызвал недовольство части коллектива и военного комиссара Тюренкова, который спровоцировал его арест и препроводил в участковую транспортную ЧК станции Петроград. Однако из-за отсутствия обвинительного материала через несколько дней арестованный был освобожден под подписку о явке в суд. Он обратился в следственную часть Петроградской губЧК с требованием разобраться и наказать клеветников, но вместо этого 20 марта был вновь арестован — уже военным комиссаром бригады — и направлен в Петроградскую губЧК. На этот раз «обвинительные материалы» были подготовлены: выписка из заседания коллектива, заявления комиссара и нескольких коммунистов и др., все датированы 4–6 марта и отправлены в губЧК 17 марта.

В отзыве, написанном комиссаром, говорится: «По прибытии гражданина Вейнберга в дивизион его выходки и обращение показали мне сомнительными, я начал за ним смотреть, даже пришлось поселить в их общежитии коммуниста товарища Лебединского, которому мною было сказано: обо всем доносить. Тот неоднократно сообщал

о его агитации... Элемент ненадежный, но с хорошей уверткой... действует дезорганизующим образом на массу... вредный элемент, дискредитирующий советскую власть, РКП и, в частности, коммунистов в дивизионе... Прошу ЧК привлечь его как врага пролетарской революции».

В чем именно заключалась «антисоветская агитация» написали в своих заявлениях несколько коммунистов: обвиняемый якобы «уговаривал красноармейцев не вступать в партию коммунистов, так как там одни мазурики, а всех честных работников из партии исключили», говорил о власти «делают, что хотят... это не власть, а безвластие... долго она не просуществует».

В выписке из протокола заседания членов коллектива 44-го железнодорожного дивизиона указано, что поступило заявление от коммунистов о ведении Вейнбергом агитации среди масс красноармейцев против советской власти и что он «ведет себя как либерал». Поэтому постановили: «...Убрать как негодный элемент, дискредитирующий советскую власть, и предложить товарищу военкому его арестовать и препроводить в ЧК Петрограда для следствия»; комиссии поручалось собрать весь компромат и доставить в ЧК.

Через два дня комиссия по сбору материалов по делу Вейнберга составила заключение: «Не место в наших рядах таким бандитам, золотопогонникам, он должен понести должную революционную кару за контрреволюционную пропаганду против советской власти... с преданием военно-революционному трибуналу».

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет. Есть опись имущества, составленная 5 марта и состоящая из 94 пунктов, среди описанных вещей — военная форма, одежда, белье, обувь, постель, книги, продукты, 750 рублей и мн. др. В конце документа написано: «Вещи уложены в чемодан и мешок, запечатаны сургучной печатью военкома и сданы на хранение в вещевой цейхгауз».

Единственный запроотоколированный допрос Вейнберга провел 5 марта следователь Петроградской районной транспортной ЧК А. Поэглий. К делу приобщены также собственноручные показания обвиняемого от 5 марта, рапорт на имя начальника 1-й отдельной железнодорожной бригады от 9 марта, заявление заведующему следственной частью губЧК Озолину от 31 марта и собственноручные показания от 5 апреля, написанные обвиняемым в Петроградской губЧК. В этих документах подробно изложена биография Вейнберга и причины конфликта в дивизионе.

Происходит из семьи потомственного почетного гражданина, до 1917 года учился, затем был призван на военную службу в качестве вольноопределяющегося 4-го запасного артиллерийского дивизиона, через несколько месяцев демобилизован и уехал на Украину. Затем поступил в Петроградский технологический институт. В мае 1919 года был призван на военную службу, но признан негодным и освобожден от воинской повинности, после чего продолжил учебу. Работал на водном транспорте, состоял в профсоюзе работников водного транспорта. Осенью 1919 года добровольно записался в железнодорожные войска и был определен на должность начальника подвижного парка, в последнее время выполнял обязанности командира дивизиона.

«Прибыв в дивизион, я потребовал несения всеми гарнизонной службы, от которой ранее многие были освобождены, заставил коммунистов нести службу наравне со всеми прочими красноармейцами, указав, что коммунисты должны быть примером другим в работе, а не в разгильдяйстве... Я восстал против бесчисленных командировок, которые

давал некоторым коммунистам комиссар — то за папиросами, то за граммофоном. Рабочих в дивизионе не хватало, дивизион буквально разваливался. Служба начиналась в 11 часов, на работу красноармейцы не выходили, строевых занятий не производили и от всякой работы уклонялись... По моему настоянию введены строевые занятия, точный учет рабочей силы в дивизионе, начало занятий назначено на 9 утра, произведен экзамен-собеседование всему дивизиону, красноармейцы распределены на группы и начаты школьные занятия. Все эти мероприятия встречали страшный отпор и враждебно настраивали против меня красноармейцев».

Еще одной причиной конфликта Вейнберг считал свою ревизорскую деятельность. «Общим собранием дивизиона мне было поручено произвести ревизию деятельности контрольно-хозяйственной комиссии... 7 января приказом по бригаде я был назначен членом комиссии... 4 марта была закончена годовая ревизия дивизиона, в ходе которой я обнаружил отсутствие законной отчетности, документов по продовольствию, вещевому довольствию, о чем составил акт, а также обнаружил растрату... Всякое обвинение в пропаганде против советской власти и против РКП считаю клеветой, которая несомненно исходит от лиц, опороченных моими ревизиями, или отданных по моему рапорту под суд по делу о хищении, или от членов старой контрольно-хозяйственной комиссии, соучастие которой в злоупотреблениях я выяснил».

Третьей и, вероятно, основной причиной конфликта стали его столкновения с военкомом. «С комиссаром Тюренковым были у меня скверные отношения из-за того, что я обнаружил, что он забрал валенки караула и пользовался ими как собственными, а караул из-за этого не мог регулярно нести службу... С комиссаром, его помощником и их секретарем у меня был ряд столкновений из-за вмешательства их в распоряжения комсостава, о чем мною и подавались рапорта... Мною велась упорная борьба с комиссарами против узурпации власти комсостава».

Вейнберг упоминает, что в разговоре с комиссаром заявил, «что власти комиссара, не предусмотренной уставом, не признаю, что никаких технических приказаний комиссар отдавать не имеет права помимо командира, что комиссар является в войсках лишь органом политического контроля правящей партии и только как таковой мною и признается. Мой ответ вызвал крайнее раздражение и крик товарища комиссара. Вообще настойчивость, с которой мною велась борьба за самостоятельность комсостава и невмешательство комиссаров в технические распоряжения, вызывала все время враждебное отношение со стороны «хозяина дивизиона», каковым комиссар себя почитал».

...Я никаких проступков не совершал, законов РСФСР не нарушал и никакой вины за собой не знаю... никакой пропаганды ни в дивизионе, ни вне его никогда не вел... Все вздор и ложь, сделано из мести теми, кто был изобличен проведенной мною ревизией в служебных злоупотреблениях или на кого налагал взыскания за недисциплинированность».

В заявлении в губЧК просил ускорить следствие, так как дивизион расформируют и его состав отправляют на фронт, «все свидетели и виновники уезжают».

31 марта мать и жена обвиняемого также направили письма в губЧК с просьбой ускорить разбор дела и освободить Вейнберга за невиновностью и в связи с его болезненностью.

9 апреля уполномоченный Петроградской губЧК (подпись неразборчива) составил заключение по делу Вейнберга, обвиняемого уже в «контрреволюции». В заключении

сказано: «Ввиду того, что дело, возбужденное против Вейнберга коллективом 44-го железнодорожного парка, основанное на личных счетах отдельными личностями, которых обвиняемый привлекал за злоупотребления по службе, нахожу нужным его освободить, а дело передать военно-революционному трибуналу для дальнейшего ведения и привлечения всех лиц к законной ответственности».

10 апреля 1920 года Петроградская губЧК, рассмотрев дело В. Г. Вейнберга по обвинению в «политической неблагонадежности», постановила: из-под стражи **освободить**, зачтя предварительное заключение за наказание, дело прекратить.

Освобожден 15 апреля (сообщение комиссара ДОПРа в губЧК), документов о возврате описанного имущества в деле нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о реабилитации, в результате прекращения дела губЧК, отсутствуют.

Примечание.

В 2005 году перед выдачей дела исследователям для проверки ранее составленной аннотации сотрудником архива УСБУ изъяты из дела 11 листов: л.10–11 — рапорт Вейнберга от 9 марта, л. 16 — заявление Лебединского, л. 17–21 — пять заявлений военнослужащих дивизиона, л. 28 — заявление Вейнберга от 31 марта, л. 39 — указание об ускорении разбора дела, л. 40 — меморандум. После неоднократных обращений редколлегии с просьбой вернуть документы дело снова перешито и документы в основном возвращены. На сегодняшний день отсутствует л. 40.

(Дело № 15655-н)

5 марта 1920 года Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован

ЖУРАВЛЕВ Григорий (Георг, Георгий) Семенович (52 года). Родился в 1867 (1868) году в деревне Новоселка Духовщинского уезда Смоленской губернии, русский (?); происхождение и образование не указаны, по профессии — контролер; беспартийный; женат. На момент ареста служил контролером в одесском отделе рабоче-крестьянской инспекции Правобережных железных дорог; проживал в Одессе (пер. Елисаветградский, 8/10, кв. 30).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Подшита записка на обрывке листа бумаги: «Журавлев (имя и отчество не указаны. — Ред.) контрразведчик. Полит. «Малый», Елисаветградская 10, кв. 30». Записка зарегистрирована в ОЧСК 23 февраля 1920 года, на ней резолюция: «В разведку» (даты нет). 4 марта дано указание выписать распоряжение на арест Журавлева.

Ордер № 352 ОГЧСК на арест (графа об обыске зачеркнута) оформлен 5 марта. В приложенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Обвиняется в службе в контрразведке под кличкой Малый». В протоколе обыска, проведенного по ордеру № 352 (дата обыска не указана), изъятое имущество не значится.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколированный допрос Журавлева провел 6 марта дежурный следователь юридического отдела при ОГЧСК Эли (один допрос предположительно за месяц ведения следствия).

В протоколе, состоящем из 13 строк, записано, что допрашиваемый непрерывно, уже около двадцати пяти лет, состоит на службе в государственном контроле при Юго-Западных железных дорогах. При добровольцах не служил, в политику никогда не вме-

шивался. Обстоятельства ареста описал так: «Я сидел у себя дома, обедал, вдруг заходят два агента ЧСК, предъявили мне ордер... Дома у меня ничего не нашли. Почему меня арестовали я понятия не имею».

К делу приложено удостоверение, выданное 8 марта 1920 года политкомом и заведующим одесским отделом РКИ Правобережных железных дорог, которое полностью подтверждает его показания: «Журавлев служит непрерывно в госконтроле Юго-Западных железных дорог, ныне рабоче-крестьянской инспекции при одесском отделе Юго-Западных железных дорог, с 1897 года по настоящее время. С 1914 года... состоит фактическим контролером по доходным операциям на станции одесского узла... Никаких прозвищ, псевдонимов и добавочных наименований никогда не имел».

Сразу же после ареста, 6–8 марта, в ОГЧСК поступили заявления и ходатайства с просьбами освободить арестованного как незаменимого работника и предложениями взять его на поруки: от заведующего одесским отделом РКИ, от коллектива сотрудников, от жильцов дома № 8/10 по Елисаветградскому переулку (около 30 подписей). В заявлениях написано: «Журавлев ни в каких политических организациях не состоял и не состоит, равно не принимал участия в каких-либо активных выступлениях против советской власти»; «живя с многочисленной семьей исключительно на получаемое незначительное жалованье, чувствовал как пролетарий». На заявлении его соседей — резолюция председателя ОГЧСК Северного: «В юртордел. Доложите к 6 часам это дело» (дата не указана).

Еще через неделю, 16 марта, поступило новое заявление в поддержку арестованного. Командир Красной армии писал, что когда при белых он скрывался в том доме, комиссаром которого был Журавлев, тот не выдал его.

Заклучения по делу и документа с окончательным решением нет — только надпись на обложке дела от **25 марта 1920 года: «Освободить»**. Имеется расписка от 1 апреля, свидетельствующая, что Г. С. Журавлев получил в ОГЧК паспорт и удостоверение, изъятые у него при обыске.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

В описи документов дела, составленной в 1920 году, указан доклад (л. 17), который в настоящее время в деле отсутствует.

(Дело № 5685-п)

Не позднее **5 марта 1920 года** Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован

ПОЛЯНИН Валентин Иванович (23 года). Родился в 1896 (1897) году в местечке Вавиржаны Россиенского уезда Ковенской губернии; национальность, происхождение, образование, партийность не указаны, по профессии — военный; холост. На момент ареста служил в 1-м конном Запорожском полку; проживал в Одессе в казармах (Французский б-р, 37).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Задержан на улице — возможно, кем-то из знавших его при добровольцах, — и доставлен в ЧК.

Ордер № 353 ОГЧСК на арест и обыск оформлен 5 марта, когда Полянин уже находился в оперчасти. В приложенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Обвин[яется] в службе

в контрразведке, принимавший участие в избиен[иях]... агитировал, чтобы пленных расстреливали».

В недатированном протоколе обыска по месту службы арестованного указано, что изъяты документы и фотографии.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Полянина (длительность ведения следствия неизвестна, предположительно — двадцать дней): 5 марта его допросил следователь юридического отдела при ОЧСК Семенов и 8 марта — дежурный следователь того же отдела Горшкова.

В протоколах записано, что допрашиваемый после выздоровления от брюшного тифа приехал осенью 1919 года в отпуск в Одессу. В октябре пришел на Елисаветинскую улицу в контрразведку: «спросил адъютанта Сазонова, не знает ли какой-нибудь части, чтобы служить в Одессе, но не в контрразведке. Он посоветовал мне обратиться в комендантскую роту при управлении... Все время я лавировал, чтобы остаться в Одессе, но только не ехать на фронт. Затем мне удалось поступить к ротмистру Кремеру в маршевый эскадрон сводного драгунского полка. Этот эскадрон влили в Петроградский уланский полк и отправили на фронт, но я вновь остался в Одессе. Поступил в формируемый Днепровский конный полк, полк ушел на Кубанский фронт, а я остался здесь. Когда вышел приказ о расстреле дезертиров, пошли облавы и усиленная ловля их, меня поручик Загордан устроил при коменданте Фонтанского района на 5-й станции, где я находился с 11 января 1920 года до эвакуации белых».

На допросе пояснил, что собирался эвакуироваться, чтобы проехать в Германию и затем к себе домой в Ковенскую губернию, но сдался в плен командиру конной бригады Котовскому. Тот его отпустил, и Полянин вернулся в Одессу, здесь поступил в 1-й конный Запорожский полк. Затем пошел на регистрацию и мобилизацию бывших офицеров с целью получить новое назначение. По дороге на улице был задержан якобы за то, что служил в контрразведке; утверждал, что «ничего общего с ней не имел».

Протоколов допроса свидетелей и заключения по делу, а также выписки из протокола заседания коллегии ОГЧК с принятым решением в деле нет.

На втором протоколе допроса стоит резолюция (дата не указана): **«В лагерь до конца гражданской войны»**, — и под нею приписка другой рукой: «Постановление от 25 марта 1920 года».

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1994 году при пересмотре дела Одесское УСБУ направило запросы о решении по данному делу в информационные центры УВД Одесской области и МВД Украины. Одесский ИЦ ответил, что В. И. Полянин «осужден ОГЧСК 8 марта 1920 года до окончания гражданской войны», киевский РИЦ — что это решение было принято 25 марта Одесской губЧК.

В заключении прокурора сказано: «По постановлению ОГЧК от 8 марта 1920 года Полянин за службу в Белой армии был заключен в лагерь до окончания гражданской войны. В деле, кроме неконкретных показаний Полянина о его службе в армии белых, никаких доказательств преступной деятельности последнего не имеется».

Реабилитирован 21 февраля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле нет совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях до сих пор остаются «секретными», поэтому определить, рассматривала ли коллегия дело Полянина и когда было принято решение, пока невозможно.

2. В протоколе обыска по месту службы Полянина указано, что у него изъяты удостоверение штаба обороны Фонтанского района, увольнительная записка, добровольческая регистрационная карточка, одиннадцать фотографий, визитные карточки и записная книжка. Ни одного из этих документов в настоящее время в деле нет. В конце дела подшит пустой конверт без описи.

(Дело № 27237-п)

6 марта 1920 года милицией Петропавловского района Одессы без предъявления обвинения арестован

НИКОЛАЕВ Михаил Николаевич (26 лет). Родился в 1893 (1894) году в Санкт-Петербурге; национальность не указана, из мещан; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, прапорщик; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Одессе (ул. Штигилица, 8, кв. 1).

Обстоятельства ареста. Задержан на базаре и доставлен в милицейский участок торговцем Иосифом Фихером (24 года), утверждавшим, что Николаев при добровольцах служил в государственном розыске и арестовывал самого Фихера. В милиции обвинитель рассказал, что в начале ноября 1919 года к нему на квартиру явились с обыском несколько человек из госрозыска, — одного из них он опознал в Николаеве, — «забрали 45 тысяч рублей, документы и бумажник; найдя удостоверение о бывшей службе в 40-м Украинском Советском полку обвинили в большевизме, как коммуниста арестовали и на улице хотели расстрелять... Доставив в помещение госрозыска (ул. Новосельского, 64), подвергали избиениям, истязаниям, требуя показаний сознаться, что он коммунист». Затем он был переведен в Бульварный район и 25 декабря 1919 года освобожден, после того как дал взятку начальнику контрразведки Сморгжевскому в сумме 35 тысяч рублей. Николаев его не избивал; видимо, был на службе в качестве агента.

Опрос обеих сторон вел младший помощник начальника милиции Петропавловского района Даниленко.

7 марта материалы дознания вместе с арестованным Николаевым были направлены в ОГЧСК. Тогда же произведен обыск на снимаемой им квартире и опечатано его имущество (50 книг, 10 тетрадей, пальто, белье, старое одеяло, подушка и простыня и т. п.).

Ордера на арест, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Николаева (более чем за три месяца ведения следствия): 7 марта его допросил дежурный следователь юридического отдела при ОГЧСК Львов и почти через месяц, 1 апреля — следователь ОГЧК Дорин.

В материалах дознания и протоколах записано, что допрашиваемый окончил санкт-петербургскую гимназию, в 1914 году добровольно вступил вольноопределяющимся в 1-й запасной батальон и был отправлен на фронт в 4-й Кавказский стрелковый полк; 15 мая 1915 года под Шавлями был ранен. После выздоровления откомандирован в 171-й пехотный запасной батальон, а оттуда 1 мая 1916 года — в Гатчинскую школу прапорщиков; по окончании произведен в прапорщики и отправлен на фронт в 495-й Ко-

венский полк. 15 августа 1917 года после ранения на Румынском фронте эвакуирован в Одессу и помещен в лазарет. «В декабре 1917 года при советской власти состоял на службе в штабе округа (мобилизационный отдел), рекомендации имел от народного комиссара Одесской области и Румынского фронта товарища Серебрянникова... прослужил до прихода немцев в Одессу в 1918 году... при них не служил... В 1919 году при вторичном приходе в Одессу большевиков поступил в Бессарабский военный комиссариат, затем служил во Всеобуче в должности инструктора по Одесскому уезду». После прихода Добрармии был мобилизован и отправлен на петлюровский фронт с 56-м Житомирским полком, там заболел возвратным тифом и 17 октября 1919 года был эвакуирован из-под Кодымы в Одессу, в 3-й хирургический госпиталь; выписался 3 декабря 1919 года. «Нуждаясь в массаже руки, по отношению коменданта пользовался амбулаторным лечением при Цандеровском институте с 3 по 25 декабря того же года. Затем в первых числах января был на комиссии при эвакуационном пункте (Княжеская, 5), по освидетельствовании коего был назначен на амбулаторное лечение при Одесском военном госпитале... Заболел 23 января сыпным тифом, перешел на лечение в 3-й инфекционный госпиталь... откуда был переведен в кадетский корпус 6 марта. Отправился на толкучий рынок для продажи теплой рубахи, ибо не имел средств к усиленному питанию после болезни сыпного тифа. На толчке был задержан неизвестным, обвинившим меня как сотрудника уголовно-государственного розыска».

Арестованный объяснил, что в обыске и аресте Фихера, происходивших, как тот утверждает, в начале ноября, участвовать не мог, так как в то время находился в госпитале. После выписки из госпиталя, чтобы не попасть на фронт, пытался устроиться на службу; знакомые рекомендовали его в государственный розыск, он «подал заявление о зачислении на службу в качестве переводчика, так как я знаю французский, английский и польский языки», но принят не был, потому что не имел 3-й категории 2-го разряда (нестроевая служба в тылу). Несколько раз бывал в помещении госрозыска, где, вероятно, Фихер его и видел; «ни в какие разговоры или вообще пререкания с ним не вступал... обыск у него на квартире не производил». Упомянутого обвинителем Сморгжевского лично не знает, но слышал, что тот служил в должности начальника государственного розыска Бульварного района.

На втором допросе повторил: «Ни в каких обысках и арестах участия не принимал. Обвинителя своего видел всего один раз в дежурной комнате государственного розыска и с ним ни в какой разговор не вступал и взятки по этому делу ни от кого не брал».

В качестве свидетеля в ОГЧК допрошен лишь обвинитель. Показания, записанные в протоколе его допроса (дата не указана), отличаются от данных 6 марта в милиции. В ОГЧК он сказал: «В первых числах ноября прошлого года я шел по Преображенской улице и на углу Греческой был арестован сыщиками и отправлен в контрразведку, где меня избивали. Арестовали меня по доносу в подозрении, что я коммунист и служил в ЧК. Когда меня привели арестованным и этот Николаев был одет в офицерскую форму с погонами подпоручика, он подошел ко мне и начал меня избивать и кричал: «А, ты коммунист, ты служил в ЧК, служил Мишке Япончику и расстреливал людей». Я начал плакать, когда меня начали избивать, но они мне кричали: «Признайся, где ты служил и сколько убил людей». Николаев всунул мне в рот револьвер и кричал: «Скажи, где служил, жидовская морда, коммунист, а то убью», но я не признался. Когда меня перестали бить, я обещал Николаеву и начальнику контрразведки Сморгжевскому деньги, чтобы меня

выпустили. Они оба согласились и просили у меня 50 тысяч, а если я им не дам 50 тысяч, то буду расстрелян. Но так как у меня денег не было, то мне собрали заказчики — владельцы лавок на толчке, которым я работал платя, 45 тысяч и дали Николаеву и Сморгжевскому. После этих денег они меня держали еще две недели, сказали, что 6 тысяч из этих попали фальшивыми и их мне нужно было заменить. Когда жена продала последнее свое платье, ботинки и одеяло и отнесла им деньги, то они меня выпустили на первый день Рождества. После ухода белогвардейцев пошел я на толчок и встретил сыщика Николаева, я подошел к нему и сказал: «А, здравствуй, товарищ». Он побледнел, я начал кричать и плакать, что это сыщик из контрразведки, который меня избил, и вместе с милиционером мы отправили его в Петропавловский район.

В начале мая 1920 года (число не указано) помощник уполномоченного по общим делам (подпись неразборчива) составил заключение по делу Николаева, обвиняемого в «службе в контрразведке и в зверском обращении с арестованными с целью вымогательства взяток». В заключении сказано: «Служа в бытность добровольцев в контрразведке, офицер Николаев Михаил истязал арестованного Финкера Иосифа (фамилия свидетеля в документе указана в разных вариантах, и все ошибочные. — *Ред.*). Вложил ему в рот револьвер и грозил смертью в случае, если Финкер не внесет ему, Николаеву, 50 тысяч рублей взятки. Все вышеизложенное подтвердил дважды пострадавший Финкер. Сам Николаев Михаил сознался, что действительно служил добровольцам денкинской армии и что по прибытии в Одессу лишь только хлопотал по рекомендации какого-то капитана попасть на службу в государственный розыск в качестве переводчика иностранных языков, но ему отказали. Из показаний пострадавшего Финкеля видно, что Николаев Михаил действительно был переводчиком, но не иностранных языков, а переводил попадавшихся в его руки жертв с этого света на тот. Почему я нахожу нужным применить ему Михаилу Николаеву высшую меру наказания». На заключении резолюция от 12 мая: «Согласен. Кириллов».

12 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело М. Н. Николаева по обвинению в «службе в контрразведке», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 14 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Указанное решение ничем не обосновано. Николаев службу у белых отрицал, обстоятельно изложив связанные с обвинением события. Обвинение же его построено на нереальных придуманных показаниях единственного свидетеля Фихера И. И., торговца с Привоза, якобы подвергшегося аресту и издевательствам со стороны Николаева. Других каких-либо доказательств в деле нет».

Реабилитирован 14 июля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Дата обыска и описи имущества точно не установлена. В протоколе написано, что обыск произведен 7 сентября по ул. Новоинститутской, 8. Но далее в тексте сказано, что квартиру занимал Николаев, «ныне находящийся под арестом при Петропавловском районе». Возможно, допущена описка при указании даты: 7 сентября вместо 7 марта.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Николаева пока невозможно.

3. Два удостоверения Николаева, изъятые у него при обыске и переданные из Петропавловского района вместе с материалами дознания в ОГЧСК, в настоящее время в деле отсутствуют.

(Дело № 27449-н)

8 марта 1920 года военкомом Одесского сводного эвакуогоспиталя № 13 по обвинению в «агитации среди больных красноармейцев против советской власти» арестованы

ЗАХАРОВ Игнат Федорович (37 лет). Родился в 1882 (1883) году в деревне 2-я Богородицкая Козловского уезда Тамбовской губернии; русский (?), происхождение и образование не указаны, по профессии — столяр; беспартийный; женат. На момент ареста находился на излечении в одесском сводном эвакуогоспитале № 13; постоянное место жительства — город Черкассы;

ПРИКОТ (ПРИКОТА) Василий Васильевич (26 лет). Родился в 1893 (1894) году в деревне Липовка Жаринской волости Смоленской губернии; русский (?), происхождение и образование не указаны, по профессии — кадровый офицер, штабс-капитан; беспартийный; холост. На момент ареста находился на излечении в одесском сводном эвакуогоспитале № 13; постоянное место жительства — город Рославль Смоленской губернии.

Основанием для ареста послужил рапорт красноармейца Тимофея Лысова, лежавшего в одной палате с арестованными, поданный 8 марта военному комиссару эвакуогоспиталя. В рапорте сказано, что по словам Захарова в 4-й палате имеется деникинский офицер, который ведет агитацию среди белогвардейских солдат, «якобы Петлюра собрал большие силы и выгонит большевиков, а после Петлюры Добровольческая армия заберет Украину... Мы коммунисты не должны таких провокаторов из виду упускать и должны меры принимать с такими пророками самые строгие».

В тот же день военком госпиталя (фамилия не указана) арестовал Захарова и Прикота и препроводил их в особый отдел ОГЧСК как «занимавшихся среди больных красноармейцев агитацией против советской власти, распространением слухов о предстоящем якобы падении советской власти ввиду наступления петлюровцев и предстоящем занятии Украины белогвардейцами».

Ордер № 404 ОГЧСК на арест и обыск Захарова и Прикота оформлен 8 марта, когда они уже находились в оперчасти. Согласно протоколу личного обыска обоих, ничего не найдено (протокол не датирован, но указано, что обыск проводится на основании ордера № 404. — *Ред.*).

Постановления о заключении под стражу и анкет арестованных в деле нет.

Единственный запротokolированный допрос Захарова и Прикота провел 9 марта дежурный следователь ОГЧСК Львов (один допрос более чем за три недели ведения следствия).

Прикот, как записано в протоколе, ранее служил в полку 15-й пехотной дивизии в чине штабс-капитана, в 1919 году числился в резерве чинов в Рославском военкомате, в августе был послан приемщиком лошадей на Украину, в Киеве попал в плен, а в октябре

1919 года — в киевский военный гарнизонный госпиталь. По существу обвинения показал: «Дней десять назад в госпитале стали распространяться слухи, что ездить по дорогам невозможно ввиду оперирующих в этом районе разных банд, что Петлюра находится вблизи Одессы». В связи с этим он сказал лежащему на соседней койке Захарову: «Одна банда наступает, а другая сволочь может воспользоваться этим и будет обстреливать город». На допросе утверждал, что сволочами назвал деникинцев. «Распространением слухов о предстоящем падении советской власти и занятии города белогвардейцами не занимался. В Добровольческой армии не служил, а наоборот, скрывался».

В этот же протокол занесены показания второго обвиняемого.

Захаров показал, что Прикот дня четыре тому назад сказал: «Имеются слухи, что придут петлюровцы, а вслед за ними должны явиться добровольцы», — причем интонация показалась Захарову радостной. Он передал этот разговор знакомому — красноармейцу Лысову, а тот не замедлил подать рапорт военному эвакогоспиталя. Далее заявил: «Почему меня арестовали, не знаю, я не агитировал против советской власти. Три недели служил в Добровольческой армии рядовым, но бежал».

В конце протокола следователь Львов написал: «По обстоятельствам дела видно, что Захаров — не обвиняемый, а только свидетель по делу Прикота, посему постановил: Захарова из-под стражи освободить». Резолюция Реденса от **25 марта 1920 года: «Прикота в лагерь до конца войны, Захарова освободить».**

Рассматривалось ли дело на заседании коллегии ОГЧК — неизвестно, выписки из протокола в деле нет. Документы об освобождении Захарова и месте отбытия заключения Прикота также отсутствуют. Дальнейшая судьба обоих неизвестна.

Реабилитированы 4 августа 1993 года:

И. Ф. Захаров — справкой прокуратуры Одесской области с формулировкой «освобожден решением ЧК за отсутствием состава преступления — то есть реабилитирован»;

В. В. Прикот — заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона Украины «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии одного из следственных: Прикот, Прикота. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в личных документах, изъятых при обыске — Прикот.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях до сих пор остаются «секретными», поэтому определить, рассматривала ли коллегия дело Захарова и Прикота и какое было принято решение, пока невозможно.

(Дело № 7689-п на 2 человек)

8 марта 1920 года особым отделом XIV Советской Красной армии по обвинению в «добровольном служении у противника» арестован

ИОЗЕФЕР (ИОЗЕФЕР-ИОССЕЛИАНЕ, ИОСЕЛИАНЕ) Евгений Львович (Леонович) (32 года). Родился 4 июня (по старому стилю) 1887 года в Санкт-Петербурге; национальность не указана, из купцов; образование среднее специальное, по профессии — техник и военный, штабс-ротмистр; евангелист-лютеранин, беспартийный;

женат, имел дочь. В день ареста назначен завхозом эвакогоспиталя № 29 XIV армии; проживал в Одессе (ул. Спиридоновская, 7, кв. 8).

Обстоятельства ареста из дела не ясны.

Ордер № 36 особого отдела XIV армии на арест и обыск Иозефера оформлен 8 марта. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты фотографии и документы, реквизированы пара шпор, биннокль, патроны, тесак, карты, две палатки, ранец и матрац.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Иозефера (почти за месяц ведения следствия): 10 марта его допросил сотрудник особого отделения № 7 особого отдела XIV армии Бухарин и 2 апреля — военный следователь особого отдела XIV армии Фриман. После первого допроса отправлен в Кременчуг в разведотдел при штабе армии, где две недели содержался в тюремном подвале без допроса, 26 марта подал об этом рапорт начальнику особого отдела, еще через неделю был допрошен и отправлен в концлагерь.

В протоколах записано, что допрашиваемый происходит из семьи купца 2-й гильдии, окончил 5 классов коммерческого училища и 2 курса технического университета в Санкт-Петербурге; служил представителем фирмы Колабе. В начале войны был мобилизован и назначен в 48-й запасной батальон вольноопределяющимся; 7 ноября 1914 года произведен в прапорщики кавалерии и откомандирован в запасной 8-й кавалерийский полк, а затем в 12-й драгунский полк на Юго-Западный фронт. 9 января 1915 года ранен в голову и отправлен на излечение в Одессу; после выздоровления 20 мая прибыл в часть; 28 мая в боях под Галичем опять ранен и отправлен на излечение в Петроград, затем в Одессу; здесь назначен в вольнонаемный транспорт. В 1916 году признан здоровым и направлен в 3-й кавалерийский корпус, попал в конную саперную команду при штабе Терской дивизии; в июне снова ранен и отправлен в Одессу; по выздоровлении вернулся в часть. После румынского похода вместе с дивизией прибыл в Одессу, произведен в штабс-ротмистры; когда дивизию направили на Кавказ, демобилизовался и остался в Одессе. В 1918 году ничем не занимался, при гетмане не служил. После занятия города добровольцами 10 декабря вышел приказ о мобилизации, Иозефера призвали и назначили в сводный драгунский полк заведующим полковым оружием. В феврале 1919 года строевые части выступили на позиции, он с хозяйством оставался в Одессе; 22 марта всю хозяйку и мастерскую эвакуировали в Ру-

*Фотографии в деле
Е. Л. Иозефера,
не надписаны*

мьнию (город Тульчин); в июне всех на пароходе доставили в Новороссийск, затем в Екатеринодар и Ростов. Там он был назначен на бронепоезд имени генерала Дроздовского заведующим хозяйством, служил до 2 августа, затем подал рапорт о болезни и эвакуировался в Севастополь.

7 августа 1919 года на пароходе «Роза» с войсками полковника Туган-Барановского прибыл в Одессу. Чтобы не проходить комиссию, проводившую освидетельствование всех больных и раненых, поступил в запасной эскадрон 3-го дивизиона сводного драгунского полка; но так как в конце декабря эскадрон должен был уйти в Крым, он, чтобы не расставаться с семьей, поступил в Днепровский конный полк. Этот полк ушел из Одессы за пять дней до прихода красных войск.

«При первой встрече с конной бригадой Котовского я послал к нему трех делегатов с предложением принять нас вместе с имуществом. Котовский принял нас — 112 человек, часть людей остались в его 1-м и 2-м полку. Офицерам Котовский предложил остаться кто хочет; остался только я, находился при штабе кавалерийской бригады 45-й Советской стрелковой дивизии в качестве переписчика. Через пять дней получил приказ: совместно еще с несколькими людьми поехать в Одессу за обмундированием, а также получил от Котовского разрешение остаться в Одессе. Прибыли 27 февраля 1920 года, здесь встретил партработников, которым при добровольцах оказывал содействие вплоть до освобождения из гарнизонной гауптвахты. По их рекомендации я устроился в 29-й эвакуационный госпиталь заведующим хозяйством, но в день получения предписания был арестован». Назвал фамилии и адреса людей, которые могут за него поручиться.

К делу приложены удостоверения Иозефера, полностью подтверждающие его показания о службе в Белой армии, бригаде Котовского и назначении завхозом эвакуационного госпиталя.

11 марта допрошены трое свидетелей. Двое — названные Иозефером врач военного госпиталя и сотрудник губернского отдела труда — подтвердили, что знают его несколько лет, при белогвардейцах он содействовал их освобождению, никогда политикой не занимался, контрреволюционных заявлений не делал, о политике белогвардейцев говорил, что это авантюра, в контрразведке не служил и контрреволюционером не является, согласны взять его на поруки. Третий — старший врач одесской тюрьмы показал, что знает его с 1917 года, что он производил впечатление скандалиста, служил у белогвардейцев и дважды ими арестовывался за скандал и за присвоение чужих денег; но при этом подтвердил, что в контрразведке Иозефер не служил.

2 апреля 1920 года следователь особого отдела при реввоенсовете XIV армии Юго-Западного фронта О. Фриман составил заключение по делу Иозефера, обвиняемого в «службе у Деникина». В заключении сказано: «Иозефер действительно служил в Деникинской армии и участие принимал во всех отношениях, а посему полагаю... отправить **в распоряжение концентрационного лагеря до окончания гражданской войны**». На заключении — подтверждающая резолюция старшего следователя и согласие, вероятно, начальника отдела (подписи неразборчивы).

4 апреля заместитель начальника особого отдела XIV армии отдал этапному коменданту предписание: «При сем препровождается гражданин Иозефер Евгений для отправления в концлагерь до окончания гражданской войны».

Других решений в деле нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

К делу приложены личные документы Иозефера, изъятые при обыске, в том числе свидетельство о рождении и крещении на немецком языке.

Варианты написания фамилии: Иозефер-Иосселиане, Иоселиане встречаются в личных документах арестованного — справках и удостоверениях 1919 года. Собственная подпись и написание в следственных документах — Иозефер.

(Дело № 9192-н)

Не позднее **8 марта 1920 года** Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован

ШАЛЛЯ (ШАЛЯ, ШОЛЯ) Антон Михайлович (25–26 лет). Родился в 1893 (1895) году в местечке Закликов Яновского уезда Люблинской губернии; поляк, происхождение не указано; образование начальное, по профессии — слесарь и печник; беспартийный; холост. На момент ареста служил в одесском караульном полку в должности помощника командира 4-й роты; проживал в Одессе по месту службы (ул. Канатная, 104).

Обстоятельства ареста изложены в показаниях сотрудника оперативной части ЧСК Павла Григоровича (дата не указана): «При добровольцах я был на вечере в городской аудитории, где выделялась группа пьяных офицеров и солдат Добровольческой армии. По заявлению товарищей, бывших там, это была группа контрразведчиков. Во время танцев они начали стрельбу и был вызван отряд для обезоруживания их. Когда приехал отряд, то Шалля вышел в коридор и заявил начальнику отряда госстражи, что это свои, все контрразведчики и стреляли нечаянно. Тогда им ничего сделано не было. Он был одет в матросскую форму с царской кокардой, с револьвером системы «Наган» в кобуре. Встретив его на вечере при советской власти, я подал заявление военкому караульного полка, на основании чего он был задержан. Личность его я хорошо запомнил, потому что меня удивляло то, что он матрос и служит в контрразведке. При Добровольческой армии я его встречал много раз с этой группой военных, на которых указывали как на контрразведчиков».

Ордер № 395 ОГЧСК на арест и обыск Шалля оформлен 8 марта, когда арестованный уже находился в оперчасти. В недатированном протоколе обыска, проведенного по месту его службы, указано, что изъяты три удостоверения и переписка.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Шалля (за четыре с половиной месяца следствия): 8 марта его допросила следователь юридического отдела при ОГЧСК Горшкова, второй допрос провел помощник уполномоченного по общим делам Григорьев (дата не указана).

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил городское училище, выучился на слесаря и работал в конторе Требеке и Эрминс. После начала войны с Германией был мобилизован и отправлен на австрийский фронт. В 1919 году при советской власти служил в Николаеве в 49-м Украинском Советском полку, затем в 1-м кавалерийском полку при губвоенкоме в должности помощника командира эскадрона. В период отступления советских войск из Николаева заболел возвратным тифом и попал в госпиталь. Когда выздоровел, в городе были уже добровольцы. «Так как мой год мобилизовали, то мне приходилось скрываться... Приехал в Одессу, жил на Пересыпи и затем в пригороде у сестры в селе Чубаевке... Носил флотскую форму, но без кокарды, с оружием не ходил. Часто посещал вечера... но не с компанией, а со знакомой девушкой Зиной Дуки, кото-

рая работает на фабрике Попова... как хороший танцор я обратил на себя внимание солдат лейб-гвардии Петроградского полка и вместе с ними бражничал... раза два был на вечере пьян». Далее показал, что однажды на вечере какие-то армяне подняли стрельбу и была вызвана госстража, но сам он участия в этом не принимал. Категорически заявил: «в контрразведке никогда не служил... никаких знакомых там не имел... и даже не знаю, где она была... В подполье я был знаком с коммунистом Петром Алейником, он при советской власти командовал бронепоездом». Назвал еще несколько имен членов партии, которые могут подтвердить его лояльность. В протоколе допроса указано, что в караульном полку обвиняемый служил с 26 февраля 1920 года.

Никто из названных им свидетелей для допроса вызван не был. В качестве свидетеля допрошен только обвинитель (дата не указана), который изложил обстоятельства ареста. Протокола очной ставки между обвиняемым и обвинителем в деле нет.

В конце июня (точная дата не прочитывается) помощник уполномоченного по общим делам Григорьев составил заключение по делу Шалля, обвиняемого в «службе в контрразведке». В заключении сказано: «Рассмотрев дело... нахожу, что по показаниям коммуниста сотрудника оперативной части Григоровича гражданин Шалля во время добровольцев служил в контрразведке, носил флотскую форму с царской кокардой, оружие и постоянно находился в компаниях контрразведчиков. На одном вечере, придя с компанией в пьяном виде, буйствовали и подняли стрельбу. Была вызвана стража для усмирения, и тогда Шалля подошел к страже и сказал: это, мол, наши контрразведчики. Им ничего не сделали, и они продолжали буйствовать. Теперь при советской власти Шалля устроился в караульном батальоне в должности ротного командира, но был опознан Григоровичем и задержан. Свидетель Григорович говорит, что личность Шалля он хорошо запомнил, так как он сам матрос и его возмущало то, что матрос служит в контрразведке. Обвиняемый на допросе показал, что в контрразведке не служил, но носил флотскую форму без кокарды. При добровольцах в компаниях в пьяном виде бывал. Считаясь с показаниями свидетеля, признаю Шалля Антона виновным и как вредному элементу применить высшую меру наказания». Резолюция уполномоченного ОГЧК Кириллова от 17 июля: «Согласен».

*20 июля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело А. М. Шалля по обвинению в «службе в контрразведке», постановила: «**Расстрелять**, считая обвинение в службе в контрразведке вполне доказанным». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 25 июля, когда дело было сдано в архив.*

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Для вынесения упомянутого решения не было никаких оснований. Репрессирован Шалля без каких бы то ни было доказательств. Ничем не подтвержденные тенденциозные показания сотрудника оперчасти, указавшего на Шалля как на лицо, служившее в контрразведке белых, доказательством совершения Шаллем преступления быть не могут. Сам же Шалля заявил, что в контрразведке никогда не служил».

Реабилитирован 31 января 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Шалля, Шаля, Шоля. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустанов-

ленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в личных документах, изъятых при обыске — Шалля.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Шалля пока невозможно.

3. К делу приложены бумаги, изъятые при аресте и обыске:

— записка со сведениями о состоянии 4-й роты одесского караульного полка на 7 марта 1920 года (по списку 164 человека, в карауле — 54, в госпитале — 9... босых и раздетых — 6 и т. д.);

— копия рапорта командира 4-й роты командиру полка, поданного в марте, о том, что командный состав снят с довольствия и денег на пропитание нет, поэтому он просит распорядиться о выдаче аванса из полковых сумм в счет содержания;

— записка с перечнем объектов охраны караульного полка (тюремный замок, гауптвахта, станция Одесса-Малая, военный госпиталь, эпидемический госпиталь, телефонная станция, винный склад, базисный склад).

4. В описи документов дела, составленной в 1920 году, указаны три удостоверения, также изъятые при аресте и обыске, которые в настоящее время в деле отсутствуют.

(Дело № 27141-н)

В ночь с **8 на 9 марта 1920 года** адъютантом Пересыпского района без предъявления обвинения арестован

ШЕРШНЕВ Иван Павлович (45 лет). Родился в 1874 (1875) году в селе Победино Мценского уезда Орловской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование среднее, по профессии — кадровый офицер, капитан; беспартийный; женат, имел дочь 5 лет. На момент ареста постоянного места службы не имел; временно проживал в Одессе (ул. Московская, 13, кв. 10), постоянное место жительства — город Серпухов Московской губернии.

Обстоятельства ареста из дела не ясны.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

11 марта Шершневу доставлен в административно-юридический отдел при коменданте Одессы и порта. 25 марта военный следователь административно-юридического отдела Алладин предъявил Шершневу обвинение в «службе в полиции» и постановил передать дело в ОГЧСК (направлено в апреле). Арестованный содержался на гарнизонной гауптвахте, вероятно, болел (есть записка коменданта гауптвахты от 24 апреля, что Иван Шершневу направлен в военно-клинический госпиталь).

Единственный запроотоколенный допрос Шершнева провел 15 мая помощник уполномоченного по общим делам Ильин (более чем через два месяца после ареста, один допрос за три месяца ведения следствия).

В протоколе записано, что до 1914 года допрашиваемый служил офицером 21-го пехотного Муромского полка, затем 6-го гренадерского Таврического полка. После начала войны направлен на фронт в составе 628-го пехотного Брораздивиловского полка. В 1917 году помещен в 5-й эвакуогоспиталь в Москве. В апреле 1918 года уехал из Москвы в Полтаву, где пробыл до января 1919-го; затем переехал в Одессу, а в марте — в Батум; работал в кооперативе. В сентябре 1919 года вернулся в Одессу и по рекомендации полковника Добровольского занял должность пристава Пересыпского участка, на которой

пробыл до ухода добровольцев. Пытался уехать в Румынию, но его не пропустили; тогда добровольно сдался штабу Котовского, был отправлен в Одессу на этапный пункт и там освобожден по рекомендации следственной комиссии. Заявил, что в бытность приставом скрывал партийных работников и коммунистов, и назвал несколько фамилий.

17 мая заведующий секретно-оперативным отделом ОГЧК Дейч направил начальнику милиции Пересыпского района Струзовскому секретный запрос: «Срочно прошу сообщить сведения путем опроса обывателей вверенного Вам района о бывшем при белогвардейцах приставе Пересыпского района Иване Шершневе. Обратитесь особое внимание не преследовал ли открыто в ловле политических работников, издевательства к ним и как относился к обывателям района и не имел ли других враждебных наклонностей в бытность его приставом» (так в документе. — *Ред.*).

27 мая начальник районного отделения милиции сообщил: «Как оказалось, по собранным сведениям, бывший пристав Пересыпского района Иван Шершнев лично какой-либо активности в преследовании политических работников, а равно и издевательств не проявлял, к обывателям относился не враждебно. Выяснено, что о многих действиях своих помощников и надзирателей Шершнев вовсе не знал, и каких-либо неблагоприятных сведений лично о Шершневе не добыто».

Протоколов допроса свидетелей и других следственных материалов в деле нет.

2 июня помощник уполномоченного по общим делам Ильин составил заключение по делу Шершнева, обвиняемого в «службе в полиции, бывшего пристава при белогвардейцах». В заключении сказано: «Рассмотрев дело... нахожу: больших преступностей в бытность его приставом не установлено, но как пристав, назначенный за четыре месяца до эвакуации белых и хорошей рекомендации полковника Добровольского на должность пристава говорит за то, что белогвардейцы ставили в последние дни своего царства преданных им людей, таким является Шершнев. Обвиняемый показал, что при эвакуации белых из Одессы бежал в Румынию, последняя не приняла. Чтобы не было вызвано в дальнейшем эксцессов со стороны Шершнева против советской власти и как враждебный элемент власти этой — заключить на все время гражданской войны в концентрационный лагерь».

*4 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело И. П. Шершнева по обвинению в «службе в полиции, пристав», постановила: его **расстрелять**, имущество конфисковать. Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 7 июня, когда дело было сдано в архив.*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Постановление в отношении Шершнева безосновательно. Службу в полиции он не отрицает. Но, во-первых, непродолжительное время и, во-вторых, по его показаниям он не только не причинил вреда советской власти, а спасал партийных работников и коммунистов».

Реабилитирован 19 октября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Шершнева пока невозможно.

(Дело № 27029-п)

10 марта 1920 года участковой транспортной железнодорожной ЧК станции Одесса-Главная без предъявления обвинения арестованы

ГОНЧАРЕНКО Иван Максимович (35 лет). Родился в 1884 (1885) году в селе Минины Кечкуровской волости Радомысльского уезда Киевской губернии; украинец (?), из крестьян; образование домашнее, по профессии — военный, прапорщик; беспартийный; холост. На момент ареста служил в 4-м легком артиллерийском дивизионе 4-й Украинской галицийской бригады в должности каптенармуса; временно находился в Одессе, постоянное место жительства — Киевская губерния;

ОМЕЛЬЯНЕНКО Всеволод Илларионович, возраст неизвестен, анкетных данных нет; по профессии — военный, поручик. На момент ареста служил в 4-м легком артиллерийском дивизионе 4-й Украинской галицийской бригады в должности писаря; временно находился в Одессе, постоянное место жительства — Киевская губерния.

Обстоятельства ареста. Оба служили в дивизионе в конце февраля — начале марта 1920 года. После реформирования дивизиона во 2-ю отдельную тяжелую береговую советскую батарею по охране побережья Черного моря уволены со службы по сокращению штата и как нестроевые и не подлежащие военному призыву направлены командиром батареи на родину в Киев, к уездному военному комиссару, для получения дальнейших распоряжений. (Об этом свидетельствуют удостоверения, выданные им 8 марта, и проездные свидетельства на отъезд в Киев от 9 марта). Явившись на вокзал, были задержаны при проверке документов перед посадкой в поезд и направлены в ОГЧСК в связи с тем, что у них оказалось несколько чистых листов бумаги с печатью и штампом расформированного 4-го дивизиона (бумагу взяли в качестве оберточной).

При обыске у Гончаренко изъяты 5120 рублей, личные вещи (брюки, рубашка, нижнее белье и др.) и письма сослуживцев их родным, живущим в Киеве, которые он обещал передать.

Ордер № 460 ОГЧСК на арест Гончаренко оформлен 10 марта, когда арестованный уже находился в оперчасти. В приложенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано, что он обвиняется в «контрреволюции».

Ордера на арест и протокола обыска Омеляненко, а также постановления о содержании обоих арестованных под стражей и их анкет в деле нет.

Запротоколированы три допроса Гончаренко (за три недели ведения следствия); протоколов допроса Омеляненко нет. К делу подшиты его собственноручные показания, написанные 10 марта в секретно-оперативном отделе ЧК, в которых он описывает пропетлюровские настроения военнослужащих бывшего 4-го дивизиона (см. примечания, п. 2. — *Ред.*). Далее Омеляненко по делу не проходит.

Допросы Гончаренко проводились раз в неделю: 10 марта его допросил уполномоченный ОГЧК Лин, 18 марта — помощник уполномоченного секретного отдела ОГЧК (подпись неразборчива) и 25 марта — помощник уполномоченного Е. Баленков.

В протоколах записано, что до войны допрашиваемый служил у помещика князя Горчукова. После мобилизации в связи с началом войны с Германией направлен на фронт, служил в 650-й Подольской дружине взводным и ротным командиром (в чине прапорщика), награжден Георгиевским крестом 4-й и 3-й степеней, в 1918 году служил в 22-м Каневском полку. После демобилизации жил в Умани, в 1919 году при советской власти служил в милиции надзирателем, в октябре был мобилизован денкинцами и

два месяца служил в Уманском уезде младшим помощником пристава. В начале января 1920 года прибыл в Одессу и служил в 1-й роте по охране внутреннего порядка; после занятия города советскими войсками поступил в 4-й легкий артиллерийский дивизион, где служил каптенармусом. После переформирования дивизиона получил у военкома документы для отъезда в Киев. Договорился с поручиком Омеляненко и капитаном Белосукней ехать вместе.

Далее показал: «Когда складывали вещи, то Омеляненко дал мне сверток каких-то бумаг и сказал: «Положи к себе в мешок, пригодятся завернуть сало или еще что-нибудь», я не посмотрел, что были за бумаги, и положил в мешок. Когда мы прибыли на станцию, у нас проверили документы, у первого у меня, по проверке я отправился в вагон и сел, а Омеляненко задержали, после чего он и тот, кто его задержал, явились ко мне в вагон и Омеляненко тихонько сказал: «Изорви те бумаги, которые я тебе дал», и сказал, что я тоже буду арестован. Я испугался, сейчас же достал с мешка те бумаги, порвал и бросил около вагона. После чего меня и Омеляненко повели в железнодорожную комиссию. Когда мы пришли в комиссию, то не знали, кто нашел эти бумаги, когда спросили, кто эти бумаги рвал, сказал, что я. Омеляненко сказал мне тихонько, что когда будут спрашивать, чьи это бланки, то скажи, что ты нашел их в управлении за шкафом, а я сказал, что разве можно так говорить, за шкафом таких бумаг не находят, а я все равно признаюсь, что эти бланки дал ты. У меня в железнодорожной комиссии ничего больше не спрашивали, а посадили в арестантский вагон, и вскоре нас отправили в ЧК. Провожатому по дороге я говорил, что эти бланки дал мне Омеляненко, но он мне ответил, что дело не мое, я сдам пакет и там разберутся. Белосукня где девался, не знаю».

На всех допросах категорически заявлял: «Сам я документов никаких не делал, выданы командиром дивизиона. Канцелярия помещается на Обсерваторной, 10»; «Виню себя в подделке документов не признаю. Виновен лишь, что обнаружены у меня бланки с печатями, но принадлежат не мне».

К делу приложены личные документы Гончаренко и Омеляненко, свидетельствующие об их регистрации как офицеров, службе в артдивизионе, официальном направлении в Киев, а также удостоверения и аттестаты 1919 года.

25 марта помощник уполномоченного по контрреволюции секретно-оперативного отдела ОГЧК Е. Баленков составил заключение по делу Гончаренко и Омеляненко, «обвиняемых в контрреволюции бывших офицеров Добровольческой армии». В заключении изложена биография Гончаренко, в отношении же Омеляненко сказано, что в собственноручных показаниях он изъявил готовность опознать бывших денкинских офицеров, которые теперь служат в галицийском полку, «после чего Омеляненко был отправлен под надзор секретного сотрудника, где они работали несколько дней в галицийских полках, а потом Омеляненко куда-то скрылся. Найденные железнодорожной ЧК чистые бланки с печатями, изорванные Гончаренко по просьбе Омеляненко, факт действительности установить не пришлось кому они принадлежали (так в документе. — *Ред.*), Гончаренко или Омеляненко. Но основываясь на словах Гончаренко — эти бланки принадлежали Омеляненко, так как Омеляненко был писарем, на что имеется удостоверение. Ввиду скрывшегося Омеляненко факт обвинения в контрреволюции Гончаренко не установлен. А потому постановил: Гончаренко из-под стражи освободить, направив его в распоряжение губкомдезертир (Пироговская, 6). Дело производством прекратить. Отобранные у Гончаренко вещи и деньги возвратить ему обратно...»

3 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело И. М. Гончаренко и В. И. Омеляненко по обвинению в «участии в контрреволюции», постановила: **Гончаренко расстрелять**. Дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив. Омеляненко в постановочной части документа не упоминается, его судьба неизвестна.

Реабилитирован И. М. Гончаренко 29 ноября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. В постановочной части выписки из протокола заседания коллегии от 3 апреля первоначально напечатано: «Гончаренко, 35 лет. Курочкину поручить написать новое заключение». Затем поручение Курочкину вычеркнуто и рядом с фамилией Гончаренко от руки написано: «расстрелять».

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому уточнить дату и причину изменения, внесенного в постановочную часть документа, и указать дату расстрела Гончаренко пока невозможно.

2. К делу приложены личные письма бывших сослуживцев Гончаренко, которые он должен был передать их родственникам в Киеве.

3. 11 марта выписан ордер № 473 на арест капитана БЕЛОСУКНИ по Обсерваторному пер., 10. В протоколе обыска указано, что 10 марта он получил увольнительное свидетельство и уехал. Дальнейшая судьба неизвестна, в фонде «П» его дела нет.

4. Текст собственноручных показаний Омеляненко от 10 марта 1920 года:

«Поступил 26 февраля в 4-й Украинско-галицийский дивизион. Я за неимением вакансий, как заявил командир дивизиона, зачислен писарем. Сперва мне командир дивизиона поручил вести дневник дивизиона, а затем за неимением писарей мне приказано было быть приказистом, и я до переформирования дивизиона во 2-ю отдельную тяжелую береговую батарею по обороне побережья Черного моря, то есть до момента, когда я оказался за штатом и получил разрешение уехать в распоряжение киевского уездного воинского комиссариата, был приказистом.

За короткий промежуток времени, который я служил в дивизионе, я убедился, что состав дивизиона, как большинство командного, так и до 50 % казаков (так называют украинско-галичан) красноармейцев только и думают, только и мечтают о Петлюре или каких-нибудь, как они говорят, «повстанцах» и «повстаньях». Несколько раз я был свидетелем разговоров, в которых поносились и порицались советская власть. Другими словами, я убедился, что учреждение определено контрреволюционное.

Не имея средств к существованию, я дня два до поступления на службу в дивизион ходил отсюда в Украинский Черноморский полк, и здесь, питаясь остатками из кухни, я увидел, что в полку скрывается масса бывших офицеров и чиновников на должностях красноармейцев, многие из них, судя по разговору, безусловно, петлюровцы. Как ранее служившие у Петлюры, так и теперь ждущие прихода Петлюры. Многие из них, по-видимому, обладали большими суммами денег. Так, например, однажды я застал крупную игру в карты, причем не могу сказать, чтобы играло малое количество присутствующих. Многие из бывших офицеров не регистрировались. Судя по разговорам и по настроению, они готовы каждую минуту выступить по первому зову Петлюры против советской власти. Согласны на соеди-

нение петлюровской армии с поляками, лишь бы добиться «самостоятельности Украины». Когда в одной из местных газет промелькнуло сообщение, что Петлюра был в Варшаве и Берлине и получил разрешение союзной Польши (или согласие, хорошо не помню) на формирование украинской армии, они ликовали. Другими словами, под сводами бывшего военного училища, а также на Обсерваторном переулке свила гнездо себе контрреволюция.

Некоторые из бывших офицеров и бывших военных чиновников — петлюровцев и ему сочувствующих уже уехали. Так, например, уехали бывшие пристава госстражи, которые служили в 4-м Украинско-галицийском дивизионе: Пиской, Юрченко, бывший поручик Гезе и еще один, тоже бывший пристав, фамилии его не знаю. Юрченко, когда был временным начальником уездной госстражи в Умани, я слышал, содействовал контрразведке в поимке и розысках советских работников.

Наше русское бывшее офицерство, служащее в украинских полках, как будто бы разбилось на два лагеря: одни окончательно смирились и готовы служить и работать на советской службе, а другие определенно заявляют, что они готовы пойти на все и пускай будет кто угодно, лишь бы не советское правительство. Первые — это люди, вышедшие или из бедного класса, или крестьянства, а вторые — по преимуществу люди все богатые или награбившие во время правления белогвардейцев большие суммы денег.

В заключение скажу, что украинско-галицийские части, как-то: Запорожский полк, Черноморский полк и др. — это определенно гнездо контрреволюции, которое нужно прикрыть. Кажется, 9 марта в казармах украинского полка был начальник 41-й дивизии и сказал, что он перевоспитает полк и пошлет на охрану побережья Днестра. На это среди петлюровцев уже разнесся слух, что полк перейдет на сторону Петлюры определенно, а многие из них уже начинают поговаривать прибиться к Петлюре одиночным порядком. Таким образом, все это гнездо контрреволюции перекоцует туда, куда весь этот элемент так торопится, и таким образом усилит ряды Петлюры.

Судя по моим наблюдениям, в украинских полках средним числом до 40 % бывших офицеров и бывших чиновников, частью не зарегистрированных и представляющих безусловно элемент опасный и вредный.

Заканчивая свое краткое, может быть, не полное показание, прошу, если что еще нужно, задать мне вопросы, и я отвечу, может быть, что-нибудь упустил, забыл».

5. Донесение с компрометирующими характеристиками на служащих батареи (без даты). 16 марта уполномоченный по борьбе с контрреволюцией дал указание срочно оформить ордер на арест названных в донесении офицеров. В тот же день оформлен ордер № 568 на арест четырех человек, но на его обороте написано: «Арест не производился».

6. В деле есть еще несколько ордеров, по которым производились обыски без задержания: № 429 от 9 марта, № 499, 500, 501 от 13 марта; а также ордер № 567 от 16 марта, по которому был арестован **Игнатий Сергеевич ОМЕЛЬЧЕНКО** (Рождественский пер., 3, кв. 10), — на обороте протокола его обыска написано, что Омельченко задержан и после личной ставки с Забоко, который уличить его не может, освобожден 17 марта.

(Дело № 27084-п на 2 человек)

10 марта 1920 года Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован **ИВАНОВ Борис Семенович (42 года)**. Родился 4 августа 1877 года в Одессе; русский (?), из чиновников; два высших образования, по специальности — юрист и археолог; православный, беспартийный; женат, имел сына 11 лет. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Одессе (ул. Херсонская, 50, кв. 3).

Обстоятельства ареста. На квартире, которую снимала семья Иванова, раньше проживал Е. И. Свидацкий, якобы служивший в контрразведке белых (в фонде «П»

Б. С. Иванов
в 1918–1919 годах

его дела нет. — *Ред.*). Получив эту информацию, следователь ОГЧК Вихров написал: «Необходимо произвести обыск в этой квартире и проверить жильцов».

10 марта оформлен ордер № 448 ОГЧСК на обыск по адресу проживания Иванова без уточнения, у кого производить обыск, и без указаний о задержании или аресте кого-либо. В тот же день Вихров произвел обыск по указанному адресу. Хозяйка квартиры, 70-летняя Ю. И. Давыдова, сообщила, что Свицерский снимал у нее квартиру с осени 1918 года по 27 октября 1919 года, куда уехал — не знает. «При первой советской власти он служил юрисконсультom, а при вступлении добровольцев в Одессу оказался следователем контрразведки... поставил два телефона... ими никто не пользовался... Иванов приехал из Николаева около месяца назад».

При обыске изъяты два телефонных аппарата, оставшиеся от Свицерского, а также документы, личные вещи и вся одежда Иванова (оприходованные отделом хранилищ ОГЧК). Сам он арестован, но как больной сыпным тифом оставлен под домашним арестом.

7 апреля помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Рацковский направил командиру особого батальона запрос: «Имеется ли караул у больного арестованного гражданина Б. С. Иванова?». На обороте ответ: «Караул из одного красноармейца высылается ежедневно».

В начале апреля Иванов направил заведующему Одесским губернским отделом рабоче-крестьянской инспекции заявление: «Находясь по болезни под домашним арестом, но будучи вполне невиновным, считаю должным дать следующие разъяснения. При добровольческой власти служил следователем Севастопольского морского суда, моим участием были Одесский и Николаевский порты и функции мои заключались в исследовании преступлений должностных лиц морского ведомства, причем никаких дел за этот период расследовано не было. К контрразведке абсолютно никакого отношения никогда и нигде не имел и удивляюсь, что мое имя оказалось примешанным к этому учреждению. Ввиду изложенного прошу инспекцию расследовать это дело, находившееся в производстве у комиссара оперативного отдела ОЧСК Борисенко, освободить меня от ответственности и ареста, возвратить отобранные у меня лично мне принадлежащие документы и вещи и предоставить, если возможно, мне должность по месту моей прежней службы в Госконтроле по отделу автомобильному или требующему знания иностранных языков». На заявлении резолюция от 3 апреля: «Товарищу Вихрову» (зарегистрировано в ОЧСК 8 апреля).

3 апреля лечащий врач арестованного А. А. Шемаев выписал удостоверение, в котором указал: «Борис Семенович Иванов перенес сыпной тиф, оставивший после себя явления резко выраженной слабости... слабость сердечной деятельности... нарушение центральной нервной системы... бессонницу, нарушение памяти и сознания и подавленное душевное состояние. Требуется полный покой и соблюдение постельного режима».

Тем не менее Иванова забрали из дому и поместили в лазарет при ОГЧК. 13 апреля губинспекция РКИ направила в президиум ЧК письмо с просьбой разрешить жене Иванова свидание с ним в лазарете. На документе резолюция: «Отказать ввиду того, что следствие не окончено».

С 20 апреля Иванов находился в доме № 1 общественных принудительных работ и числился за ОГЧК.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы четыре допроса Иванова (за пять с половиной месяцев ведения следствия): 19 апреля перед отправкой в ДОПР допрошен сотрудником, не указавшим свою фамилию; затем предположительно в июле (дата не указана) его допросил помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам А. Пименов, 2 августа — снова анонимный сотрудник и через неделю, 9 августа — помощник уполномоченного Ильин. К делу также приложены собственноручные показания обвиняемого от 6 июня.

В протоколах, показаниях и изъятых личных документах записано, что Борис Иванов происходит из семьи статского советника, окончил юридический факультет Новороссийского университета и Петроградский археологический институт. С 1900 года служил по Министерству юстиции: судебным следователем в Перновском уезде, товарищем прокурора в гражданских окружных судах Минска и Ревеля, с 1916 года — чиновником Госконтроля в Петрограде, после расформирования управления в конце 1918 года вернулся в Одессу. В 1919 году при советской власти мобилизован III Украинской Советской армией, служил сотрудником полевого контроля Интернациональной дивизии и 47-й дивизии.

«Ввиду того, что контроль не эвакуировался, я остался в Одессе и не имея средств к жизни вынужден был искать службу... В конце ноября 1919 года поступил к добровольцам, нуждаясь в средствах на содержание семьи... получил должность по своей специальности юриста — следователя Севастопольского военно-морского суда при Одесском и Николаевском портах, числился в чине полковника... На военной службе никогда не состоял, был всю жизнь лицом гражданским, а именовался полковником лишь по занимаемой должности... Функции морского следователя исключительно уголовного характера, дела должностные, хозяйственные, кражи, растраты, побегии со службы, непослушание, воровство, убийства и т. п., совершавшиеся чинами флота. Дела политические в круг ведения морского суда не входили. Ни в каких политических союзах и организациях я не состоял и не состою».

На трех допросах подробно изложил функции военно-морского суда и перечислил нормативные акты, на основании которых осуществлялась его деятельность. «За два месяца, которые я пробыл в этой должности, я не имел дел и ни одного мною разобрано не было. Никаких связей с высшими представителями добровольческой власти я не имел и не имею... Никакой вины за собой по отношению к советской власти я не чувствую, готов снова посвятить свои силы и знания службе советской власти. После прихода советской власти я заболел сыпным тифом и был арестован в бреду, причем некоторое время находился под домашним арестом. Тогда же я зарегистрировал свою должность у одесского уездного военкома, а до того еще в управлении порта. Политикой я совершенно не занимаюсь, а интересуюсь лишь изучением древностей по своей специальности археолога, причем состою членом Одесского музея древностей, коим мне поручены некоторые ученые работы по составлению описаний и каталогов музея».

К делу приложены личные документы Иванова, изъятые при обыске, которые подтверждают его показания (см. примечания, п. 1. — *Ред.*).

В качестве свидетелей допрошены три человека. Курсант (17 лет), проживавший по Херсонской улице, заявил, что с арестованным не знаком; приятельница, знавшая Ива-

нова с детства и принявшая его семью у себя после их возвращения в Одессу в 1918 году (около года жили у нее на квартире), заявила: «уверена, никакой политикой он не занимался, знаю его как человека образованного, корректного, полного чести и неспособного на неблаговидный поступок». Оба протокола допроса не датированы. Третий свидетель — жена Иванова на допросе 10 июля полностью подтвердила его показания.

В деле подшиты прошения жены арестованного — Надежды Яковлевны Ивановой, которые всю весну и лето она подавала в различные инстанции: губернский ревком, губернскую рабоче-крестьянскую инспекцию, исполком городского Совета, бюро жалоб при ОГЧК, президиум ОГЧК, следователям ОГЧК. В них она называет свидетелей, которые могут подтвердить лояльность мужа, просит перевести его в лазарет из-за плохого состояния здоровья, разрешить свидание с ним. На большинстве прошений резолюций нет. Иванов также подавал заявления с просьбой о свидании с женой и столь же безрезультатно.

В одном из ее прошений, поданном в двадцатых числах июня, подробно изложены обстоятельства дела. «Ввиду тяжелого состояния здоровья моего мужа, Бориса Семеновича Иванова, находящегося в тюремной больнице, арестованного вот уже четвертый месяц, убедительно прошу оказать мне содействие в ускорении разбора дела. До сих пор я не могла узнать, в чем обвиняется мой муж. Он был арестован без ордера следователем ЧК Вихровым, который производил обыск во всех квартирах нашего дома. Поводом к аресту следователь выставил бумагу, взятую у нас в столе, которая удостоверяет, что мой муж — морской следователь. Но муж мой и не думал скрывать это, так как все время занимал эту должность и советская власть в 1919 году не только не поставила ему это в вину, но даже мобилизовала и приняла к себе на службу в военно-полевой контроль. Удостоверение о лояльности мужа от его начальства — старшего контролера подано мною следователю ЧК. Политических дел мой муж никогда не вел, политикой вообще никогда не занимался. В доказательство этого мною поданы два удостоверения домовых комитетов, где мы жили по Военному спуску, № 3 и по Херсонской ул., № 50, а также свидетельство профессора Фроловского, удостоверяющее, что мой муж как археолог все свое свободное время проводил в библиотеке музея. Ввиду всего вышеизложенного убедительно прошу содействовать скорейшему освобождению невинного, так как еще во время ареста он перенес сыпной тиф и при плохом состоянии сердца на почве анемии и сильной слабости у него всевозможные осложнения, грозящие его здоровью пагубными последствиями. Я же нахожусь в крайней материальной нужде, так как на моих руках старик-отец мужа и ребенок, а мы всегда жили исключительно службой мужа».

На документе резолюция: «Секретарю президиума ЧК на *срочное* распоряжение. А Червяков. 28 июня 1920 года». Вероятно, никаких действий не последовало, так как к делу приложена записка от 3 июля, в которой секретарь исполкома Одесского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов по просьбе жены арестованного снова обращается в ОГЧК: «Товарищ Червякова! Несколько дней тому назад товарищ Червяков написал на заявлении гражданки Ивановой о срочном расследовании сидящего свыше четырех месяцев без допроса гражданина Иванова Бориса Семеновича. По телефону говорить невозможно (у одесского телефона свои прелести). А потому направляю к Вам гражданку Иванову как живое напоминание о резолюции товарища Червякова». На записке надпись: «У Альбинского». Других результатов ходатайств нет.

К первым, поданным в апреле, прошениям Ивановой приложены документы:

1. Заявление жителей дома по улице Херсонской, 50: «Иванов нам известен как мирный, честный и спокойный человек, никогда не занимавшийся политикой и выступлениями против советской власти»; под ним — подписи 16 жильцов и приписка: «Домовой комитет удостоверяет, что нет никаких данных, которые бы свидетельствовали о деятельности Иванова против советской власти».

2. Удостоверение, выданное 19 апреля домовым комитетом по Военному спуску, 3: «...В течение полугода, до середины сентября 1919 года, Иванов проживал в нашем доме... во время советской власти состоял в домкоме. Человек порядочный и не участвовавший ни в каких выступлениях против советской власти».

3. Удостоверение, выданное бывшим старшим контролером 47-й дивизии и бывшей конторщицей этой дивизии: «Б. С. Иванов, будучи в 1919 году на службе в должности помощника контролера полевого контроля Интернациональной 47-й дивизии, в отношении советской власти был вполне лоялен».

Никто из подписавших эти заявления и удостоверения в качестве свидетеля вызван не был.

После многочисленных обращений Н. Я. Ивановой управление РКИ и бюро жалоб ОГЧК в июне направили в президиум ОГЧК ходатайства об «ускорении следствия и в случае недоказанности вины освобождении» арестованного. Ответов на эти ходатайства в деле нет.

14 августа помощник уполномоченного по общим делам Ильин составил заключение по делу Иванова, обвиняемого в «службе у добровольцев». В заключении сказано: «Следствием установлено, что обвиняемый в 1919 году служил в 47-й советской дивизии сотрудником полевого контроля. При эвакуации советской власти остался в Одессе при добровольцах. В 1919 году поступил на службу следователем в Севастопольский военно-морской суд при исполнении обязанностей Одесского, Николаевского порта (так в документе. — *Ред.*). Обвиняемый Иванов, бывший товарищ прокурора Минского, Ревельского окружного (гражданского) суда — в чине полковника. Нахожу, обвиняемый Иванов является преданным сторонником добровольцев, поступивший в Севастопольский военно-морской суд как бывший товарищ прокурора. Полагал бы обвиняемого Иванова заключить в концентрационный лагерь на пять лет».

16 августа уполномоченный ОГЧК Кириллов написал на этом заключении: «Согласен».

26 августа 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Б. С. Иванова по обвинению в «службе у добровольцев», постановила: **расстрелять**. Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 30 августа, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Иванов на допросе в ходе следствия показал, что до прихода советской власти он в течение двух месяцев был морским следователем при Одесском и Николаевском портах, являлся гражданским лицом, ни одного дела за этот период им разобрано не было. Пошел на эту должность только из-за нужды, имея на иждивении семью. Не считая себя виновным перед советской властью... он безо всякого сокрытия от власти зарегистрировался как бывший следователь морского суда, которому (суду) подведомственны только уголовные, а не политические дела. О том, что Иванов работал следователем в морском суде, показала и его жена Иванова Н. Я.»

Реабилитирован 16 ноября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона СССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

Примечания.

1. К делу приложены следующие личные документы Иванова, изъятые при обыске.

Выписка из формулярного списка о службе коллежского советника Бориса Семеновича Иванова. «Родился 4 августа 1877 года в Одессе, сын статского советника, вероисповедания православного, имеет три ордена: Святого Станислава 2-й и 3-й степеней и Святой Анны 3-й степени, светло-бронзовую медаль в память 300-летия царствования дома Романовых и такую же медаль за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года для ношения на груди на ленте Белого Орла. Женат на дочери генерал-майора Надежде Яковлевне Буниной... имеет сына Кирилла, род. 25 января 1909 года, жена и сын вероисповедания православного. Окончил полный курс юридических наук в Императорском Новороссийском университете с дипломом 1-й степени и полный курс наук в Петроградском археологическом институте с удостоверением звания действительного члена института. В службу по Министерству юстиции поступил 18 ноября 1900 года младшим кандидатом на должность по судебному ведомству при Одесском окружном суде, 28 февраля 1905 года назначен исполняющим должность судебного следователя 3-го участка Перновского уезда, 3 июня 1906 года назначен младшим делопроизводителем Главного военно-морского судного управления, 7 января 1908 года назначен товарищем прокурора Минского окружного суда, 30 апреля 1914 года перемещен товарищем прокурора Ревельского окружного суда. 6 апреля 1915 года произведен за выслугу лет в коллежские советники... 28 апреля 1916 года назначен на должность контролера управления Главного контролера полевого строительного управления, 20 июля 1916 года причислен к Министерству юстиции. Приказом командующего флотом Балтийского моря от 30 июля 1916 года награжден орденом Святого Станислава 2-й степени «за отличную усердную службу и особые труды по обстоятельствам военного времени».

Удостоверение, выданное Б. С. Иванову в марте 1918 года в Петрограде, что он является слушателем Петроградского археологического института и имеет право на охрану памятников искусств и старины.

Удостоверение, выданное Б. С. Иванову 30 апреля 1918 года в Петрограде, что он является контролером управления главного контролера полевого строительного управления.

Удостоверение, выданное Б. С. Иванову 1 июня 1918 года в Петрограде, что он является действительным членом Петроградского археологического института.

Удостоверение, выданное Б. С. Иванову 14 августа 1918 года в Киеве, что он является старшим деловодом канцелярии Госконтроля. (Надписано, что прибыл из Петрограда).

Удостоверение, выданное Б. С. Иванову 15 апреля 1919 года в Одессе, что он состоит членом Центрального профсоюза служащих государственных и общественных учреждений Одессы и Херсонской губернии. (Аналогичное удостоверение от 14 августа 1919 года).

Удостоверение, выданное Б. С. Иванову 16 июля 1919 года в Одессе, что он занимает штатную должность контролера в полевом контроле III Украинской армии, 45-й дивизии.

Несколько документов, датированных декабрем 1919 года, о дознании по делу о злоупотреблениях по денежной части служащего порта. На одном из них указано, что дело подлежит направлению военно-морскому следователю и передается Б. С. Иванову.

Удостоверение, выданное Б. С. Иванову 11 марта 1920 года доктором А. А. Шемаевым, что он восьмой день болен сыпным тифом и должен соблюдать «строгий коечный режим».

На обороте написано: «Явиться в одесский уездный военкомат в мобилизационный отдел 13 марта 1920 года. Помощник начальника моботдела (подпись)».

Другие личные документы.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Иванова пока невозможно.

(Дело № 27072-п)

11 марта 1920 года Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован **ИНОЗЕМЦЕВ Всеволод Васильевич (27 лет)**. Родился 14 декабря (по старому стилю) 1892 года в станице Новочеркасской области войска Донского; русский, из казаков; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, штабс-капитан и шофер-механик; беспартийный; женат. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Одессе (ул. Преображенская, 27, кв. 10).

Обстоятельства ареста. 11 марта сотрудник хозотдела ЧК Смирнов, увидев Иноземцева на Преображенской улице, задержал его, доставил в ОГЧСК как «служившего в контрразведке» и подал заявление об этом в секретно-оперативный отдел.

В тот же день оформлены ордер № 472 на арест задержанного и ордер № 476 на обыск у него на квартире. В приложенном ко второму ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами: «К сведению комиссара и следователя», написано: «Произвести обыск у контрразведчика Иноземцева, искать оружие... обратить внимание на корреспонденцию». При личном обыске арестованного изъята листовка «Два года крестного пути» (о Добровольческой армии в 1917–1919 годах). В результате квартирного обыска изъяты документы, два револьвера, винтовка, более 20 тысяч рублей аннулированных денег, медали, три фотоаппарата, два бинокля, барометр, несколько пар часов, мундиры, верхняя одежда, обувь, четыре сундука с вещами и многое другое. В протоколе обыска записано: «Вскрыт письменный стол, вынуты вещи, переложены в сундук и доставлены в комиссию». Тогда же описано все имущество в квартире (включая мебель, находящуюся в гостиной, кабинете и спальне). 12 марта оформлены квитанция хозотдела ОГЧСК о приеме денег и акт хранилищного подотдела о приеме вещей, изъятых на квартире арестованного.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Иноземцева (более чем за месяц ведения следствия): 11 марта его допросил уполномоченный ОГЧСК Гинтер и более чем через две недели, 29 марта — помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Г. Ткачук.

В протоколах и изъятых при обыске личных документах, в том числе послужном списке, записано, что допрашиваемый окончил 8 классов гимназии; в 1912 году поступил на военную службу в 8-й Донской казачий полк; в мае 1915-го по окончании Новочеркасского военного училища произведен в прапорщики и направлен на фронт. Воевал в составе 20-го Донского казачьего полка 3-й Донской казачьей дивизии в чине хорунжего, трижды ранен и контужен. В 1917 году окончил школу шоферов и направлен в Западный броневой автомобильный дивизион особого назначения, служил в должности командира отделения, в феврале 1918 года демобилизован. Имеет награды: офицерский и солдатский Георгиевские кресты 4-й степени, ордена святой Анны 4-й, 3-й и 2-й

степеней с мечами, святого Станислава 3-й и 2-й степеней с мечами, святого Владимира 4-й степени, золотое оружие.

В 1918–1919 годах служил в Красной армии в 1-м эскадроне отдельного конного дивизиона пограничной охраны 41-й дивизии, командовал эскадроном, а затем при белогвардейцах был караульным автобронетанковой базы. Признал, что недолгое время служил в добровольческой контрразведке при полковнике Тунцельмане, но поручений никаких не выполнял, жалованья не получал, ждал назначения по своей специальности шофера. С 18 декабря 1919 года по 10 января 1920-го болел сыпным тифом.

На вопрос, откуда у него различные печати, ответил, что нашел их в канцелярии земского союза, где летом 1919 года находилась канцелярия конного дивизиона.

На дополнительный вопрос о службе в контрразведке сказал, что несколько дней разбирал бумаги, оставшиеся от Одесской губЧК с прошлого периода советской власти, но ничего ценного среди них не было. (Контрразведка белых находилась в том же здании, что и Одесская губЧК в 1919 и после установления советской власти в начале 1920 года — Екатерининская площадь, 8).

По поводу найденных у него визитных карточек Гехта и Анисимова сказал, что знает этих людей мало.

31 марта и 3 апреля допрошены двое свидетелей, показавших, что Иноземцев в конце августа — начале сентября 1919 года недели две служил в белогвардейской контрразведке, чем занимался — не знают. После приказа начальника контрразведки Кирпичникова об увольнении всех, кто ранее служил в Красной армии, был направлен в распоряжение воинского начальника.

Третий свидетель, допрошенный 5 апреля, об Иноземцеве вообще ничего не сообщил, вопросы следователя касались только Анисимова.

В качестве обвинительного документа к делу приобщен тетрадный лист, изъятый при обыске на квартире арестованного, на который наклеена вырезка из газеты с обращением «Ко всем советским войскам»: «Лучшая оборона — это наступление, а потому всегда бейтесь наступая, товарищи-революционеры. Второе условие победы: дисциплина и повиновение своим вождям. Третье: все время надо учиться, учиться и учиться. Четвертое — защищать бедных и обездоленных и делиться с ними последним куском хлеба. Пятое: беспощадно истреблять капиталистов, генералов, офицеров, юнкеров и австро-германских авантюристов. Итак, товарищи, всегда вперед! Любящий вас главнокомандующий Муравьев».

На том же листе рядом с вырезкой несколько фраз, написанных Иноземцевым: «Всеобщая мобилизация 27 февраля 1918 года окончилась расстрелом на Куликовом поле мирной толпы. 28-го бегство флота. Немцы заставили возратить все награбленное в магазины. 1 марта вступили австро-германские войска без боя, в городе (Одессе. — *Ред.*) полный порядок. Террор большевиков продолжался с 9 января по 28 февраля 1918 года...»

7 апреля помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Ткачук составил заключение по делу Иноземцева, обвиняемого в «службе в контрразведке во время белогвардейской власти в Одессе». В заключении перечислены изъятые у арестованного документы, особое внимание уделено вырезке из газеты и дан комментарий: «1 марта действительно вступили австро-германцы без боя, причем Иноземцев вполне доволен новой белогвардейской австро-германской властью, ибо по его убеждениям она несет полный порядок, о котором так много в то время кричала белогвардейская свора...»

а большевистский террор... по его мнению это беспорядок...». Далее подробно изложены показания обвиняемого и свидетелей. Завершается документ так: «Все вышеизложенное говорит за то, что Иноземцев Всеволод Васильевич виновен в службе в контрразведке, в тесной связи с белогвардейцами, хранении огнестрельного оружия, в умышленном сокрытии печатей, бланков и фотографических аппаратов с целью провокации, в собирании сведений о деятельности советских работников и вырезок из газет для антисоветской агитации и дискредитирования власти Советов, в клевете на советскую власть. На основании всего вышеизложенного предлагаю применить высшую меру наказания, то есть расстрелять».

15 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело В. В. Иноземцева по «подозрению в службе в белогвардейской контрразведке», постановила: «Применить высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать». *Дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив.*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Большая часть заключения по делу посвящена характеризующим данным Иноземцева. Из протоколов опросов свидетелей каких-либо конкретных действий, направленных против революции, не усматривается. Никаких процессуальных документов, кроме ордера на арест, в деле нет».

Реабилитирован 25 июля 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств приписываемого ему обвинения».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Иноземцева пока невозможно.

2. В середине марта (12-го, 15-го, 19-го и 21-го) выписаны ордера № 479, 538, 636, 687 по разным адресам на арест жены Иноземцева — Марии Ефимовны ИНОЗЕМЦЕВОЙ, в девичестве ОНОПРИЕНКО.

На протоколе обыска от 12 марта надпись: «Иноземцевой не оказалось. Комиссар дома при первом ее появлении обещал ее арестовать и доставить в комиссию».

На протоколе обыска от 15 марта комиссар оперчасти написал, что из дома по улице Лесной, 26 она вышла в 1912 году и ныне якобы проживает по улице Кошелевой, 15; но дома ее не оказалось, квартира заперта и замок он не вскрывал.

В результате обыска 21 марта с ее отца взята подписка, что в его квартире она не живет и где скрывается ему совершенно не известно.

В заключении по делу Иноземцева сказано, что его жена «скрылась и осталась неразысканной». (В фонде «П» ее дела нет. — Ред.).

3. 26 апреля, после расстрела Иноземцева, жилотдел направил в ОГЧК ходатайство о снятии печати с его квартиры для предоставления ее вместе с имуществом в распоряжение жилотдела. 3 мая сотрудник ОГЧК запротоколировал конфискацию всего имущества, описанного при обыске квартиры Иноземцевых по улице Преображенской, 27 (на обороте запись от 7 мая: «Мебель получил в доме № 40», подпись неразборчива).

(Дело № 26920-п)

12 марта 1920 года секретно-оперативным отделом Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован

ДЕМЕНТЬЕВ Иван Андреевич (23 года). Родился в 1896 (1897) году в деревне Иватино Лезоповской волости Меленковского уезда Владимирской губернии; русский, из крестьян; образование среднее, по профессии — военный; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места службы не имел; временно проживал в Одессе, снимал комнату на Слободке-Романовке (ул. Минаева, 25), прописан не был.

Обстоятельства ареста. 12 марта председатель Одесского уездного революционного комитета Соколов опознал в нем офицера Добровольческой армии, задержал, доставил в ЧК и написал заявление: «В свое время, будучи арестован контрразведкой, я был препровожден в тюрьму одним офицером из контрразведки, которого теперь при советской власти я встретил на Дерибасовской улице и считал своим долгом арестовать и препроводить в губЧК». На документе резолюция от 14 марта: «Выписать распоряжение на арест и обыск».

Ордер № 532 ОГЧСК на арест и обыск Дементьева оформлен 14 марта, когда арестованный уже два дня находился при комендатуре ЧК. В приложенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Произвести тщательный обыск у него дома на Слободке-Романовке». В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что ничего обнаружено не было.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Дементьева (за два с половиной месяца ведения следствия): первый провел следователь ОЧСК Вихров (дата не указана); второй, через три недели после ареста, 5 апреля — следователь юридического отдела при ОЧСК Радионов.

В протоколах записано, что допрашиваемый до войны учился в гимназии, с 1915 года находился на Румынском фронте, после демобилизации в 1917-м служил в Земском союзе. В дальнейшем был мобилизован советской властью и служил в 9-м Бессарабском Советском полку, при отступлении Красной армии попал в плен к петлюровцам, но «как великоросс не желал сражаться против великороссов и, бежав от Петлюры, был призван в Добрармию. У гетмана не служил, но здесь, в Добрармии, я не мог устраниваться и пошел служить. Моя цель была попасть домой». Вначале был назначен в запасной батальон, затем переведен в караульную роту. С 9 сентября 1919 года рота несла караульную службу при контрразведке, раз в неделю он сопровождал арестованных в тюрьму. С 5 октября до 20 ноября рота в составе Симферопольского полка находилась на фронте, участвовала в боях с петлюровцами, там 2 ноября он заболел тифом и был эвакуирован в госпиталь в Жмеринку. После выздоровления получил двухмесячный отпуск. Больше нигде не служил.

Об аресте рассказал так: «12 марта на Дерибасовской меня остановил неизвестный человек, спросил, служил ли я в Добровольческой армии, и сказал, что считает своим нравственным долгом задержать меня для выяснения личности. Придя в ЧК, он передал меня адъютанту, и больше никто меня не опрашивал».

На втором допросе заявил: «Во время службы никакого вреда советской России я не причинил. Служил в Добровольческой армии по принуждению».

23 мая помощник уполномоченного по общим делам Радионов составил заключение по делу Дементьева, обвиняемого в «службе в контрразведке». В заключении сказано: «На вид он плутоват, умеет выворачиваться из беды... арестован согласно заявлению предудздисполкома Соколова, который показал, что Дементьев как офицер Добрармии

препровождать его в тюрьму из контрразведки. Дементьев же не отрицает, что он офицер Добрармии, но заявляет, что в контрразведке не служил, состоя на службе в караульном полку, раз в неделю нес службу в контрразведке, где и приходилось препровождать арестованных в тюрьму. Исходя из всего вышеизложенного, считаю обвинение, предъявленное гражданину Дементьеву в службе в контрразведке, не доказанным, но ввиду того, что он является офицером Добрармии, хотя бы и мобилизованным, служил ревностно гетману, Петлюре, а в особенности белым, защищая их девиз «единая неделимая Россия», как он говорит во втором своем показании, что против великоросских помещиков и капиталистов, состоя в петлюровской армии, не мог сражаться и бежал, поступил на службу в Добрармию, дабы сражаться против великоросских рабочих. Принимая во внимание положение на всемирно-империалистическом фронте, что подобные сыны деревенских кулаков чрезвычайно опасны в момент героической борьбы рабоче-крестьянской Красной армии, предлагаю Дементьева — расстрелять».

24 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело И. А. Дементьева по обвинению в «службе в контрразведке», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным — **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 27 мая, когда дело было сдано в архив.

Реабилитирован 18 августа 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона Украины «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года, «так как в деле нет совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Дементьева пока невозможно.

(Дело № 26958-п)

В ночь на **12 марта 1920 года** председателем Балтского уездного ревкома без предъявления обвинения арестована

ДЯТКОВА Ирина Георгиевна (18 лет). Родилась в 1901 (1902) году в Полтаве; русская, из дворян; образование среднее, профессии не имела; беспартийная; не замужем.

И. Г. Дяткова
в 1919–1920 годах

На момент ареста работала конторщицей в начальной команде галицийской армии; временно проживала в Балте (ул. Купеческая).

Обстоятельства ареста.

Арестована ночью у себя на квартире, вероятно, по доносу соседок, поскольку проводивший арест и дознание председатель Балтского уездного ревкома вначале допросил их. Их подозрения вызвало то, что «к ней приходили люди», она «часто меняла краску волос», а также «говорит по-французски и по-немецки».

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованной в деле нет.

Запротоколированы два допроса Дятковой (за полторы недели ведения следствия): 15 марта ее допросил председатель Балтского уездного ревкома (подпись неразборчива) и 19 марта — начальник отделения № 1 особого отдела XII армии М. Фриновский.

В протоколах записано, что допрашиваемая с 1912 года жила в Киеве, после окончания Киевского женского института в августе 1919 года поступила в галицийскую армию, заболела, перед Рождеством приехала в Одессу навестить мать и подлечиться, в январе вернулась на службу. В Балту приехала 18 февраля, остановилась на квартире. К ней заходил красноармеец украинского полка, но «никаких попок не было», «про политику ничего не говорили», «антисоветскую агитацию не вела».

14 и 15 марта в качестве свидетелей допрошены три соседки обвиняемой, считавшие, что она «вела себя подозрительно» (якобы бывала пьяна, «один раз вела агитацию, что советской власти не будет»), и хозяин снимаемой ею квартиры, сказавший только, что она несколько раз вечером уходила из дому.

17 марта председатель Балтского ревкома передал Дяткову в особый отдел XII армии, дислоцировавшейся в Балте, для дальнейшего следствия вместе с заключением, в котором написал: «на квартиру приходили галичане, пьянствовали, вели контрреволюционные разговоры. Дяткова является подозрительной».

20 марта 1920 года начальник отделения № 1 особого отдела XII Советской Красной армии Фриновский на обороте протокола второго допроса обвиняемой написал заключение по делу: «Принимая во внимание, что Дяткова Ирина — это человек... без определенных взглядов благодаря своей молодости с одной стороны, а с другой стороны обвинения, предъявленные ревкомом, не доказаны и опасности для революции она никакой не представляет, Дяткову **освободить**, сделав ей строгий выговор за поведение».

Других решений по делу нет.

Предположительно 21 марта И. Г. Дяткова из-под стражи освобождена (этим числом датирована ее расписка в получении денег и документов, отобранных при обыске). Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о реабилитации в результате прекращения дела особым отделом отсутствуют.

Примечание.

В деле осталось не возвращенное Дятковой удостоверение, согласно которому в 1919 году она служила сестрой милосердия в Жмеринской железнодорожной больнице.

(Дело № 10037-н)

В ночь с **13 на 14 марта 1920 года** Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован

БИЛИМА-ПОСТЕРНАКОВ (БИЛИМА-ПАСТЕРНАК, ПОСТЕРНАК, ПАСТЕРНАК, ПАСТЕРНАКОВ) Сергей Васильевич (45 лет). Родился в 1875 году в Киеве; из крестьян, национальность и образование не указаны; по профессии — офицер (подпоручик), торговец; беспартийный; женат, имел двоих детей 6 и 9 лет. На момент ареста занимался частной торговлей; проживал в Одессе (ул. Спиридоновская, 31, кв. 9).

Основанием для ареста послужило заявление, поданное 5 марта в секретно-оперативный отдел ОГЧСК сотрудником хозяйдела Савелием: «В бытность добровольцев

в Одессе в нашем доме на Спиридоновской, 31 за месяц до прихода большевиков в февралю 1920 года квартиру № 9 заняла группа из 25 всадников уманской стражи во главе с поручиком (так в документе. — *Ред.*). Ныне, дня три назад, указанный поручик вновь появился в указанном доме уже переодетым в штатское и проживает без прописки, несмотря на неоднократные заявления комиссара дома. Поручик... хвастался, что в Умани он перерезал много жидов-коммунистов и если добровольцы снова будут у власти... закончит свое дело. Ввиду изложенного и ввиду замеченного мною появления в его квартире посторонних неизвестных лиц предлагаю устроить до его ареста слежку».

6 марта дано соответствующее указание разведке.

Из доклада сотрудника разведки № 39 (дата не указана): «Мною установлено, что по Спиридоновской, 31 проживает под фамилией Пастернаков (так в документе. — *Ред.*) поручик уманской госстражи в квартире № 9. Прописался он по освободительной записке этапной комендатуры, где он был арестован как пойманный при эвакуации... Никто к нему не приходит. Денег по сведениям у него остался целый мешок, так как он грабил жидов в Умани». На документе резолюция от 12 марта: «Выписать распоряжение на арест и обыск».

Ордер № 509 ОГЧСК на арест и обыск оформлен 13 марта. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты только личные документы.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запрототолированный допрос Билима-Постернакова провел 14 марта следователь юридического отдела при ОЧСК Лин (один допрос за два месяца ведения следствия).

В протоколе записано, что в годы германской войны допрашиваемый служил в армии в чине прапорщика, затем подпоручика. После отставки в 1917 году занялся торговлей, сначала в Ростове, с конца ноября 1919-го в Киеве, затем в Одессе, куда переехал вместе с семьей. При эвакуации белых они выехали в колонию Кандель, где были арестованы советской властью как беженцы и отправлены в ЧК. «Потом нас водили из учреждения в учреждение и наконец этапный комендант освободил». Вернулись в Одессу, и он снова занялся торговлей. По поводу обвинения в участии в погромах в Умани не допрашивался.

22 и 23 марта в качестве свидетелей допрошены трое соседей обвиняемого. Они показали, что понаслышке знают о том, что Постернаков — поручик и в Умани якобы занимался грабежами и «вырезал коммунистов».

В конце марта обвиняемый заболел тифом и был помещен в госпиталь, размещавшийся в духовной семинарии.

5 апреля на имя председателя ОГЧК поданы два прошения: жены Билима-Постернакова и его самого. Любовь Николаевна писала, что ее муж — бывший царский подпоручик, «причины его ареста не знаю, до настоящего времени свидания с ним также не имею... Я с детьми осталась без документов, без гроша, без вещей... мы голодаем, по несколько дней не едим, пока кто-нибудь из жалости не даст хлеба, просить не хватает духу... Муж занимался торговлей, два месяца служил в милиции, в Добровольческой армии не служил как освобожденный по болезни... Постернаков не виновен, он будет искренне служить советской власти... Услышьте слезы жены и детей».

Сам обвиняемый написал: «Прошу ради голодающих детей и жены... освободить меня как совершенно невиновного. Дабы я мог поступить на службу, спасти семью от голодной смерти и получить своей верной службой доверие у советской власти. Прошу

еще ускорить дело из боязни опять слечь вследствие второго приступа тифа. Как совершенно невиновный прошу правосудия».

Еще через месяц, 3 мая, на запрос Одесской губЧК поступила телеграмма из Умани — от начальника милиции Колесниченко и военкома Пилата: «Постернак, служа денкинским помощником пристава, отличался притеснениями граждан, особенно преследовал советских служащих, делая незаконные обыски, забирал вещи. Отступая с денкинцами, по дороге грабил население».

5 мая вызванная на допрос в качестве свидетельницы жена обвиняемого заявила, что в Умани муж служил помощником пристава 3-го полицейского участка, в погромах участия не принимал. «И вообще не допускаю мысли, чтобы он кого-то убивал».

10 мая помощник уполномоченного по общим делам Радионов составил заключение по делу Билима-Постернакова, обвиняемого в «службе в госстраже Умани, участии в погромах, избииении коммунистов и советских служащих». В заключении сказано: «Допросив целый ряд свидетелей, характеризующих личность гражданина Постернак (так в документе. — *Ред.*) как человека хитрого, льстивого, умеющего пристраиваться ко всякой власти. Но, желая себя показать как старый офицер перед добровольцами, что он как происходящий из крестьян умеет ревностно служить Добрармии и расправляться с крамолой, как видно из телеграммы, присланной начальником милиции Умани, где Постернак служил помощником пристава 3-го участка, что он не только притесняет коммунистов, но и по дороге эвакуировавшись с добровольцами, при отступлении их из Умани в Одессу, принимал участие в погромах еврейского населения. Считаю факт обвинения, предъявленного Постернаку, вполне доказанным, и что подобный герой добровольщины чрезвычайно опасный для советской власти. Предлагаю Постернака расстрелять».

*12 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело С. В. Билима-Постернакова по обвинению в «службе в госстраже Умани, участии в погромах, избииении коммунистов и советских служащих», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, все его имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 14 мая, когда дело было сдано в архив.*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Фабула обвинения взята из заключения помощника уполномоченного по общим делам, в котором кроме приведенной общей фразы изложены личные качества арестованного без указания конкретных фактов его преступной деятельности. Билима-Постернаков обвинение в его адрес (постановление о предъявлении обвинения отсутствует) отрицает, а допрошенные свидетели ничего конкретного не показали, при этом ссылаются, что о преступлении Билима-Постернакова им известно со слов других лиц».

Реабилитирован 18 августа 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечание.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Билима-Постернаков, Билима-Пастернак, Постернак, Пастернак, Пастернаков. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и его жены, а также написание его фамилии в личных документах, изъятых при обыске — Билима-Постернаков.

2. К делу приложено удостоверение, выданное Билима-Постернакову 27 февраля 1920 года на пересыльном пункте Одесского губвоенкомата о том, что постановлением следственной комиссии он с женой и двумя детьми освобождены из-под ареста как беженцы.

3. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Билима-Постернакова пока невозможно.

(Дело № 26961-п)

15 марта 1920 года Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован **ГАВРИЛЮК Андрей Демьянович (36 лет)**. Родился в 1883 (1884) году в селе Петроверовка (Лозоватовка) Тираспольского уезда Херсонской губернии; национальность не указана, из крестьян; неграмотный, по профессии — хлебопашец; беспартийный; женат. На момент ареста служил извозчиком; проживал в Одессе (Пересыпь, 5-я улица, 14).

Основанием для ареста послужило заявление, поданное 15 марта в секретно-оперативный отдел ОГЧК Иосифом Голубем о том, что он встретил на улице Гаврилюка, в котором узнал участника погромов в селах Петроверовка, Бараново (Яновка) и Севериново. «Он служил в отряде Латина (бывший Попова), который впоследствии соединился с отрядом Шарова... убивал десятки людей... главным образом искал большевиков (коммунистов). Я лично его хорошо знаю, ибо он и меня избивал нагайками, кому не представите этого типа Гаврилюка, все его знают, он купался в крови трех семей... Прошу немедленно его арестовать и привлечь к ответственности по красному революционному суду». В тот же день на заявление наложена резолюция «Выписать распоряжение на арест» и Гаврилюк доставлен в ОЧСК.

Ордер № 562 ОГЧСК на арест и обыск оформлен 15 марта, когда арестованный уже находился в комендатуре. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъято 500 рублей (оприходованы хозяйственным отделом комендатуры ОЧСК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы три допроса Гаврилюка (почти за два месяца ведения следствия): 15 марта его допросил дежурный следователь юридического отдела при ОГЧСК Львов; другие два допроса не датированы, их провели следователь того же отдела Григорьев и помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам Зельцман.

В протоколах записано, что допрашиваемый до германской войны занимался сельским хозяйством, в 1914 году был мобилизован, служил в 59-м Люблинском полку, попал в плен и более четырех лет находился в Австрии и Германии. В конце февраля 1919 года вернулся из плена в родное село Петроверовку и в мае был мобилизован в красноармейский отряд под командованием Латина, несший службу по охране порядка в уезде; прослужил два месяца. В июне их разбил отряд восставших колонистов под командованием Шарова, после чего он вернулся домой и более ни в каких отрядах не состоял. Категорически утверждал, что в погромах и беспорядках участия не принимал, большевиков не преследовал, детей не убивал.

24 апреля в качестве единственного свидетеля допрошен заявитель, который в 1919 году как беженец жил в Петроверовке. Он утверждал, что Гаврилюк — погромщик, служил в отрядах Латина и Шарова. «Этот соединенный отряд грабил и убивал на моих глазах»; вместе с колонистами якобы выступал против советской власти, грабил и уби-

вал Гаврилюк. Он явился к зятю обвинителя, угрожая револьвером потребовал денег, и тот якобы дал ему 5200 рублей.

30 апреля помощник уполномоченного по общим делам Л. Зельцман составил заключение по делу Гаврилюка, обвиняемого в «измене советской власти, в грабежах и разбоях». В заключении сказано: «Служа в прошлом году красноармейцем в отряде Латина, часть которого занималась охраной Тираспольского уезда, он вместе со своим отрядом и начальником изменнически перешел на сторону Шарова, командовавшего повстанцами и колонистами, и сражался против советских войск... Перейдя на сторону Шарова, чинил погромы, грабежи и собственноручно убивал женщин и детей в Петроверовке и других селах. Все обвинения основываются на свидетельских показаниях лиц — очевидцев его поступков... показания Гаврилюка противоречивы... на меня лично он производит впечатление типичного громилы. Принимая во внимание все вышеизложенное, предлагаю применить к нему высшую меру наказания».

3 мая уполномоченный по общим делам Кириллов на заключении написал: «Согласен».

4 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело А. Д. Гаврилюка по обвинению в «измене советской власти, в грабежах и разбоях», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять, имущество конфисковать**». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 8 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Основанием к аресту послужило заявление Голубя об участии Гаврилюка в массовых расстрелах... Уголовное дело содержит 17 листов, кроме ордера на арест других процессуальных документов в деле нет. Гаврилюк участие в расстрелах отрицал. Заключительный документ — письмо помощника оперуполномоченного по общим делам с изложением построенных на предположениях чинимых Гаврилюком расстрелах с выводом о применении к нему высшей меры наказания... Никаких доказательств виновности Гаврилюка в деле нет».

Реабилитирован 25 июля 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле отсутствует совокупность доказательств приписываемого ему обвинения».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Гаврилюка пока невозможно.

(Дело № 26917-н)

15 марта 1920 года Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован **ИВАЩЕНКО Николай Михайлович (20 лет)**. Родился в 1899 (1900) году в Елисаветграде (?) Херсонской губернии; национальность не указана, из духовенства; образование среднее, специальности не имел; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места работы не имел; находился на излечении в Одессе (сводно-эвакуационный госпиталь № 13), постоянное место жительства — Елисаветград (угол ул. Гоголевской и ул. Ингульской, 7).

Обстоятельства ареста. Задержан в госпитале и направлен в чрезвычайную следственную комиссию. В отношении военного комиссара госпиталя, адресованном в чрезвычайную следственную комиссию Дейчу, указано: «При этом препровождается на-

ходившийся в госпитале на излечении белогвардеец Иващенко, который в присутствии двух больных Вольфа и Белаенко хвалился, что на станции Знаменке он арестовал и передал в руки белогвардейцев двух коммунистов, которые были белогвардейцами затем расстреляны». На документе резолюция: «Выписать распоряжение на арест».

Ордер № 561 ОГЧСК на арест и обыск оформлен 15 марта, когда арестованный находился уже при комендатуре. 16 марта произведен личный обыск, в результате которого ничего компрометирующего не найдено. На обложке дела указано, что на 17 марта он «не допрошен ввиду болезненного состояния, находится в околотке».

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Иващенко провел 26 марта в секретно-оперативном отделе ОГЧК следователь Лин (через полторы недели после ареста, один допрос более чем за два месяца ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый происходит из семьи священника, в мае 1919 года окончил Елисаветградскую гимназию, затем работал в деревне. «В сентябре 1919 года в Елисаветграде была объявлена добровольцами мобилизация офицеров, военных чиновников и окончивших средние учебные заведения. Я уклонился и уехал в деревню. Там присоединился к повстанцам, выступавшим против Добровольческой армии. Восстание не удалось, и мне пришлось скрыться в другую деревню. По прошествии месяца уехал в Знаменку к дяде, который устроил меня в инженерную роту рядовым. Коммунистов я там не выдавал и никому об этом никогда не говорил. Не понимаю, почему товарищ Вольф и товарищ Белаенко выдумали, что я выдавал коммунистов. У них никаких оснований к этому не было. Также на почве личных счетов они ничего ко мне иметь не могли, потому что я с ними никогда не ссорился. С инженерной ротой я эвакуировался в Одессу... здесь заболел сыпным тифом и пролежал до ареста в госпитале». Вероятно, собирался поступать в институт, так как назвал себя абитуриентом. На вопрос о политических убеждениях ответил, что сочувствует украинскому движению.

Протоколов допроса свидетелей и очных ставок в деле нет.

29 марта следователь ОГЧК Захаров составил заключение по делу Иващенко без формулировки обвинения. Повторив информацию военкома госпиталя со слов больных Вольфа и Белаенко и пересказав показания обвиняемого, следователь написал: «Ввиду вышеизложенного предлагаю вопрос о его виновности на рассмотрение комиссии».

3 апреля коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Н. М. Иващенко, постановила: «Дело доследовать. Запросить Елисаветград о его личности».

Запросов, ответов на них, каких-либо других материалов дополнительного следствия в деле нет. Через полтора месяца, во второй половине мая, помощник уполномоченного по общим делам (подпись неразборчива) вновь предложил дело доследовать.

20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Н. М. Иващенко по обвинению в «контрреволюции и службе в Добрармии», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, заключить в концлагерь сроком на 1 год».

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Решение коллегии лишено каких-либо оснований. Дело состоит из 5 листов, один из них — сопроводительное письмо комиссара... Будучи допрошенным Иващенко показал, что не по своей воле непродолжительное время служил в инженерной роте... коммунистов никогда не предавал и об этом никому не говорил».

Реабилитирован 22 февраля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

(Дело № 27205-н)

Не позднее **17 марта 1920 года** Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован

БУЛКОТ Авраам Давидович (34 года). Родился в 1885 (1886) году в местечке Монастырейке Липовецкого уезда Киевской губернии; национальность, происхождение, образование и профессия не указаны, вероятно — бывший военный, поскольку состоял членом «Союза увечных воинов»; беспартийный; женат. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Одессе на Малом Фонтане (ул. Сиротская, 3, кв. 3).

Обстоятельства ареста видны из заявления красноармейца особого батальона ЧСК Акивиса, доставившего Булкота в комендатуру (дата не указана): «Мною был задержан контрреволюционер, который ехал по Преображенской улице на подводе со своей женой. Он служил при белогвардейской власти, приходил в городскую народную аудиторию во время облавы и избивал наших товарищей...» На заявлении резолюция от 17 марта «Выписать ордер» и указание дежурному следователю: «Допросить и представить заключение в секретный отдел».

Ордер № 604 ОГЧСК на арест и обыск оформлен 17 марта, когда арестованный уже находился в комендатуре; в ордере он ошибочно назван Булкиным. В приложенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Служил при белогвардейцах и побивал политических. Задержанный находится в комендатуре. Обыск произвести у него дома по указанию товарища Акивиса». В протоколе квартирного обыска указано, что ничего не обнаружено. В результате личного обыска арестованного изъяты личные документы и письма.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запротоколированный допрос Булкота провела 18 марта следователь юридического отдела при ОЧСК Е. Николова, в графе обвинения указано: «как бывший городской при старом режиме».

В протоколе записано, что допрашиваемый до 1917 года служил в Одессе городovým Михайловского участка, при добровольцах до конца 1919 года — в управлении железной дороги, после увольнения уехал в деревню Ляхово; ни в каких облавах не участвовал и никого не избивал. Сказал, что его показания могут подтвердить соседи по дому и сотрудники управления железной дороги.

Протоколов допроса свидетелей, заключения по делу, решения коллегии ОГЧК нет.

Возможно, был освобожден, так как к делу приложена расписка А. Д. Булкота от 25 марта 1920 года в получении из архива четырех документов и писем, изъятых при аресте.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях до сих пор остаются «секретными», поэтому определить, рассматривала ли коллегия дело Булкота и какое было принято решение, пока невозможно.

(Дело № 12049-н)

Не позднее **17 марта 1920 года** особым отделением ВЧК при 8-й Червонной казачьей кавалерийской дивизии XIII Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

КЕЛТУЯЛО (КЕЛТУЯЛОВ, КЕЛТУЯЛЫ, КОЛТУЯЛЫ, КОЛТУЯЛО) Александр Афанасьевич (34 года). Родился в 1885 (1886) году в Кишиневе Бессарабской губернии; национальность не указана, из мещан; образование начальное, по профессии — матрос; беспартийный; женат. На момент ареста служил буфетчиком на заградительном крейсере «Цесаревич Георгий»; ранее проживал в Одессе.

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Вероятно, задержан в Хороле как перебежчик. При обыске изъяты 32 тысячи рублей и личные вещи: собачья овчинка, старые ботинки, рваные рубахи и нижнее белье, ножик, две мыльницы, три помазка, подушка, одеяло и т. п.

Ордера на арест и обыск, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Келтуяло провел 30 марта следователь особого отделения при 8-й кавалерийской дивизии Танаев (через две недели после ареста, один допрос почти за три недели ведения следствия).

В протоколе и личных документах допрашиваемого записано, что он окончил два класса народного училища, до февраля 1918 года служил матросом 2-го класса на пароходе «Императрица Екатерина II» РОПиТ, вследствие решения министра французского флота временно реквизирует этот пароход в Гавре был списан на берег с предписанием возвратиться на родину в Россию. С 14 апреля 1919 года по 3 марта 1920-го служил буфетчиком на крейсере «Цесаревич Георгий». Вместе с десантом из четырех человек высадился в порту Хорол (чтобы достать хлеб) и, судя по его показаниям, «не желая больше служить белым, явился к большевистской разведке».

В приложенной к делу аттестации Келтуяло, выданной капитаном 2-го ранга командиром крейсера «Цесаревич Георгий», отмечено: «зарекомендовал себя за время службы как добросовестный, честный и исполнительный работник».

1 апреля следователь особого отделения при 8-й кавалерийской дивизии Танаев составил заключение по делу Келтуяло, обвиняемого в «шпионстве». В заключении сказано: «означенный гражданин поступил добровольно служить белым... служил до настоящего времени, теперь же этот доблестный служитель, почуввав гибель деникинщины, нашел выход из положения для него создавшегося: он под видом перебежчика, якобы из нежелания служить белым, высадился с десантом белых в порту Хорол вместе с другими офицерами, надеясь присоединиться к советской власти, где была бы возможность начать свою разрушительную работу в нашей среде. А посему на основании данного материала я полагаю, что в предъявленном обвинении в шпионстве Келтуялы (так в документе. — *Ред.*) виновен, за что подлежит суду трибунала».

4 апреля 1920 года отдел ревтрибунала XIII армии при 8-й Червонной казачьей дивизии в составе председателя Порубаева, членов суда Эльпе и Горбоченко, в заседании в городе Павловке рассмотрел дело А. А. Келтуяло по обвинению в «шпионстве».

Из приговора ревтрибунала: «Принимая во внимание, что Келтуялов Александр (так в документе. — *Ред.*): 1) высадился с десантом в порту Хорлы и остался на суше после ухода десанта из порта Хорлы, [чтобы] якобы пробраться домой в Одессу; 2) показа-

ния его не заслуживают доверия, так как, будучи буфетчиком на корабле, его отпустил офицер по его просьбе домой, и принимая во внимание осторожную белогвардейскую контрразведку (так в документе. — *Ред.*). А посему отдел трибунала приговорил: отправить Келтуялова **в концентрационный лагерь до установления в Крыму советской власти и конфисковать у него имевшиеся вещи и деньги**».

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Келтуяло, Келтуялов, Келтуялы, Колтуялы, Колтуяло. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в личных документах, изъятых при обыске — Келтуяло.

(Дело № 8754-н)

Не позднее **19 марта 1920 года** Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован

ЗАГОРСКИЙ Александр Владимирович (24 года). Родился в 1895 (1896) году в местечке Белая Церковь Киевской губернии; национальность не указана, из мещан; образование неполное среднее, по профессии — кадровый офицер, подпоручик; беспартийный; женат. На момент ареста служил в должности младшего старшины 1-й сотни 2-го Запорожского полка армии УНР, временно находился в Одессе, постоянное место жительства — город Голта.

Основанием для ареста послужило заявление в губЧК коммуниста Абрама Пробра (дата не указана): «Проходил по Прохоровской улице и заметил бывшего офицера, подпоручика, который служил в комендантском правлении во время Деникина в Голте. Он искал наших товарищей коммунистов-большевиков. Затем служил у Петлюры и гетмана в сыскном», арестовывал советских сотрудников, производил обыски. (Фамилия подпоручика в заявлении не названа. — *Ред.*).

Ордер № 659 ОГЧСК на арест и обыск оформлен 20 марта, когда Загорский уже находился в предварительном заключении. В протоколе обыска, проведенного в тот же день в юнкерском училище (по месту службы арестованного), указано, что изъятые принадлежавшие ему документы и 4000 рублей (оприходованы хозяйственным отделом комендатуры ОЧСК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Загорского (за два с половиной месяца ведения следствия): 19 марта его допросил дежурный следователь юридического отдела при ОЧСК (подпись неразборчива), второй допрос провел следователь ОГЧК Зиповец (дата не указана).

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил четыре класса гимназии, до войны служил письмоводителем у податного инспектора, после призыва в армию служил в 26-м Сибирском полку, затем в инженерной дружине, имел чин подпоручика. В 1918 году приехал с фронта в Голту и был мобилизован Деникиным, служил в охранной роте при комендантском управлении Ольвиополя. У Петлюры и гетмана на службе не состоял. После установления советской власти поступил во 2-й Запорожский полк.

На допросе Загорский заявил: «...Большевиков-коммунистов не разыскивал и никого не арестовывал. Обязанности мои заключались в несении караульной службы... Обысков я не производил и вообще контрреволюционными деяниями себя не проявлял... Считаю, что арестован по недоразумению». Назвал коммуниста, которому помог освободиться из-под ареста, дав поручительство за него как не причастного к большевизму, и просил найти этого человека в Голте.

Судя по приложенным к делу повесткам на имя заявителя Пробеера, его трижды безрезультатно вызывали на допрос в качестве свидетеля (на 8, 21 и 27 апреля). На одной из повесток пометка: «Выбыл 1 апреля на родину в Голту».

В мае 1920 года (точная дата не указана) помощник уполномоченного по общим делам Чепков составил заключение по делу Загорского, обвиняемого в «преследовании коммунистов». В заключении сказано: «Ввиду того, что обвинители находятся в Голте и на неоднократные телеграфные запросы в Голту в партком и члену КПУ Гокману ответа до сих пор не поступило, а потому нахожу необходимым дело и арестованного Загорского направить в Голтскую ЧК для дальнейшего расследования».

Протоколов допроса свидетелей, документов о проведении следствия в Голте, заключения по делу нет.

4 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело А. В. Загорского по обвинению в «контрреволюции», постановила: его **расстрелять**, имущество **конфисковать**. Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 8 июня, когда дело было сдано в архив.

Реабилитирован 12 сентября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения к ответственности».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Загорского пока невозможно.

(Дело № 26975-п)

19 марта 1920 года комендантом Молдаванского района Одессы без предъявления обвинения арестован

КУПАРАДЗЕ Петр Федорович (29 лет). Родился в 1890 (1891) году в Кутаиси Кутаисской губернии; грузин (?), из крестьян; образование среднее специальное, бывший военнослужащий, по специальности — электротехник; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места работы не имел; проживал в Одессе в собственном доме (Староконный пер., 18, кв. 7).

Основанием для ареста послужили заявления его соседей по дому (дата не указана). Милиционер Петропавловского участка Кузьма Шавикин написал: «Доношу, что бывший офицер Купарадзе в данное время скрывается в своем доме по Староконному переулку, 18, купленном им при Добрармии за 40 тысяч рублей, помещается в квартире № 7, где проживаю и я. Всегда мной замечается, что к Купарадзе приходят неизвестные личности, ведут беседы на грузинском языке. Между тем я знаю, что Купарадзе при Добрармии ходил в погонах в чине поручика». На этом же листе записаны показания

Марии Загородней: «Я живу при квартире бывшего офицера Купарадзе, видела ходил в погонах при Добрармии, где служил не знаю. Когда из Одессы ушли добровольцы, то он ушел с ними, но через неделю вернулся домой... Навещают его неизвестные личности, а сам он скрывался до ареста».

Кроме того, 19 марта коменданту Молдаванского района было подано донесение с неразборчивой подписью: «Доношу, что в квартире Шавикина по Староконной площади, 18 проживает помощник начальника контрразведки и в том же месте находится организация подпольная».

Ордера на арест и обыск, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет. В протоколе обыска от 19 марта (без ссылки на ордер) указано, что изъяты шашка и винтовка, а Купарадзе арестован как «не имеющий при себе документов».

20 марта арестованный дал собственноручно написанные показания сотруднику комендатуры Воробьеву и затем был препровожден в ОГЧСК. В перечне прилагаемого, указанного в сопроводительном отношении комендатуры: протокол дознания, 30 фотографий, 27 документов, серебряные часы, 920 рублей и бумажник (в протокол обыска не внесены). Ценности оприходованы хозяйственным отделом комендатуры ОГЧСК.

Единственный запрототолированный допрос Купарадзе провел 25 марта сотрудник секретно-оперативного отдела ОГЧК (фамилия не указана, один допрос за две недели ведения следствия).

В показаниях и протоколе записано, что допрашиваемый окончил городское училище, по специальности — электротехник; с 1913 по 1917 год служил в царской армии рядовым, был на фронте; в 1917-м учился в одесской школе прапорщиков и служил в охране удельного ведомства; после прихода немцев уехал на Кавказ, в октябре 1918-го вернулся в Одессу. При добровольцах помогал бывшим сотрудникам чрезвычайной следственной комиссии: «...У меня скрывались Вера Шустова, коммунист Семенко, помогал Абрамовичу и другим... Поступил на службу в конный дивизион, чтобы освободить нескольких сотрудников ОЧСК». Прослужил всего неделю и уволился, так как их отправили в разные города. Больше нигде не служил, «погоны носил как георгиевский кавалер, а не офицер». Купил дом, занимался уборкой двора, получал от жильцов квартплату; из дому не отлучался, так как был болен.

Все обвинения, в том числе высказанные свидетелями на допросах после его ареста, категорически отверг: «В контрразведке не служил и теперь также, в подпольной организации участия не принимал... Никого не арестовывал и не обыскивал... На улице Спиридоновской с обыском и арестом не был... Автомобиль не угонял... он приведен командиром конного дивизиона ротмистром Хан-Софроновым, откуда достал не знаю... К портному Рахвальскому никогда не ходил, его не знаю... Никто из офицеров ко мне не приходил... При аресте нашли винтовку, но она не моя, а Шавикина (милиционера, жившего у него и заявившего на него. — *Ред.*), негодная шашка оставлена Чиковани... Вообще я никому плохого или что-нибудь преступного не сделал, я только имею, может быть, личные интересы. Не знаю».

Вероятно, в конце марта арестованный подал заявление на имя председателя ОГЧСК: «Ввиду того, что следователь, производивший дознание по моему делу, будучи любовником женщины, на которой я должен был жениться, является моим личным врагом, даже избившим меня жестоко на допросе 25 марта, прошу из чувства справедливости передать следствие по делу другому следователю». (Зарегистрировано это за-

явление 8 апреля, когда обвиняемый, вероятно, уже был расстрелян; 27 апреля наложена резолюция «В архив»).

С 25 марта по 1 апреля допрошены в качестве свидетелей пять человек, троих из них Купарадзе не знал. Вера Кузьминовна Шавикина-Шустова (судя по отчеству и фамилии, возможно, дочь милиционера, заявившего на Купарадзе) допрошена дважды: в комендатуре и в ОГЧК. Она рассказала, что при добровольцах как бывшая сотрудница Одесской ЧК должна была скрываться, в ноябре 1919 года через свою приятельницу познакомилась с Купарадзе, переехала к нему и стала с ним жить. «У него на квартире я застала коммуниста Семенко, который также скрывался... Из разговора с Купарадзе выяснила, что он имел отношение к контрразведке... Живший у него грузин Чиковани сказал, что Купарадзе в 1919 году работал в подполье на благо Добрармии». Далее она рассказала, что обвиняемый в январе 1920 года ушел вместе с добровольцами, но затем вернулся. Встретившись с нею, спросил, почему она его преследует. «Я разубеждала... он пару раз ночевал у меня, я протестовала против этого, указывая, что не желаю укрывать не зарегистрировавшегося офицера... но он поселился у меня... я втихомолку сделала заявление в ОГЧК (этого заявления в деле нет. — *Ред.*). Утверждаю, что из разговоров с Купарадзе я все-таки устанавливаю, что он стоит на страже интересов Добрармии».

Второй сосед арестованного заявил: познакомился с ним недавно, только после установления советской власти, «но определенно знаю, что он служил в контрразведке... арестовал товарища Яблонского, бывшего ком[андира] 2-го советского Бессарабского полка, который при встрече с Купарадзе у него на квартире хотел его расстрелять, но тому удалось удрать».

Остальные трое свидетелей — молодые коммунисты — также дали обвинительные показания. Один заявил, что 29 августа 1919 года в их дом по Спиридоновской, 33 в 10 утра якобы явился Купарадзе с солдатом и человеком в штатском, чтобы арестовать коммуниста Ройта. По приказу Купарадзе вышли все мужчины. «Первым он проверял мои документы, кричал: «Коммунисты, довольно вы купались в нашей крови!»... Арестовал меня и Ройта и отправил в контрразведку... Бил по дороге... Больше я его не встречал, но определенно заявляю, что он контрразведчик первой марки». Второй рассказал, что обвиняемый приходил к его отцу, портному, а затем он увидел «в помещении казарменного дивизиона автомобиль с красным советским знаком, под сеном находился пулемет и трупы двух расстрелянных. На мой вопрос шоферу, откуда, он ответил, что это Купарадзе и Калабин привезли, отбили у большевиков недалеко от Одессы. Через два дня я был арестован офицерами этого дивизиона, сидел в тюрьме около трех месяцев. Предполагаю, что арестован по приказу Купарадзе».

Последняя свидетельница сообщила, что в начале октября 1919 года был арестован сотрудник Одесской ЧК Финберг, вместе с ним должна была быть арестована и она, но успела скрыться. «Через несколько дней ко мне пришел какой-то грузин и сказал, что может выручить Финберга и изъять мое дело из следствия посредством сотрудника контрразведки грузина Купарадзе». Она встретила с Купарадзе, и он якобы потребовал 10 тысяч рублей, заявив, что является агентом контрразведки; «денег не давала, ибо у меня таких не было». 2 апреля, на следующий день после ее допроса, запротоколирована очная ставка с ней. Она подтвердила свои показания, но арестованный заявил, что ее не знает и денег не просил, с Финбергом также совершенно не знаком; «никаких связей с контрразведкой не имел и никогда там не служил».

2 апреля помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией секретно-оперативного отдела ОГЧК Рацковский составил заключение по делу Купарадзе, обвиняемого в «службе в контрразведке, аресте и избииении коммунистов». В заключении изложены все обвинительные показания свидетелей и затем написано: «Обвиняемый гражданин Купарадзе в показании своем себя виновным ни в чем не признает, думая этим улучшить свое положение. Исходя из всего вышеуказанного, нахожу факт службы гражданина Купарадзе в контрразведке и избииении коммунистов установленным, а посему предлагаю применить к нему самую высшую меру наказания — расстрел».

3 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело П. Ф. Купарадзе по обвинению в «службе в контрразведке и избииении арестованных коммунистов», постановила: **расстрелять**. Дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Допрошенный в качестве обвиняемого (не предъявлялось) Купарадзе совершение каких-либо преступлений не признал. Доказательств его вины в материалах дела нет».

Реабилитирован 19 октября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Купарадзе пока невозможно.

2. В деле подшиты многочисленные личные документы Купарадзе, в том числе имущественные, но ни одной из фотографий, переданных из комендатуры в ОГЧК, нет.

3. К делу приложены два документа, принадлежавшие свидетельнице Вере Шавикиной-Шустовой: удостоверение от 27 февраля 1920 года в том, что она состояла в штате служащих ОГЧК в качестве регистраторши в хозяйственном отделе в течение месяца, и ее заявление от 11 марта в жилищный комитет: «Со времен белогвардейцев я живу в Староконном переулке, 18, кв. 7. Каковая квартира является временной и неудобной за дальностью расстояния от места службы...» (просит о выделении ей квартиры в центре города как сотруднице подотдела РКИ).

(Дело № 27026-н)

Не позднее **20 марта 1920 года** районной транспортной ЧК Приморских железных дорог и портов Черного моря без предъявления обвинения арестован

БЕЛОУСОВ Семен Дмитриевич, он же **РЕПИН** (псевдоним для работы в ЧК) (**22 года**). Родился в 1897 (1898) году, место рождения и происхождение не указаны; русский; образование начальное, по профессии — машинист-переписчик; беспартийный; женат, имел ребенка. На момент ареста служил агентом в УТЧК станции Бирзула; находился в командировке в Одессе (пер. Школьный, 10, кв. 12), проживал на станции Бирзула Юго-Западной железной дороги.

Обстоятельства ареста. В начале марта Белоусов был командирован в Одессу для получения денег (более 355 тысяч рублей) и обмундирования. В городе встретил знакомого, при белых — работника подпольного городского райкома партии Михаила Вишневого, который опознал в нем бывшего сотрудника деникинской контрразведки и 16 марта подал об этом заявление в транспортную следственную комиссию. На про-

веденном в тот же день допросе заявил, что в январе был арестован деникинской контрразведкой, видел как Белоусов «бегал по комнатам контрразведки с бумагами в руках раздетый и без шапки, из чего я заключил, что он служит в контрразведке. Знаю его уже года четыре... встречался с ним почти ежедневно в Одесской уездной канцелярии воинского начальника в 1916 и 1917 годах, бывал у него дома по Косвенной улице. 8 марта, проходя по Екатерининской угол Греческой, я заметил извозчика, на котором сидел товарищ Божьев, подпольный работник, с которым я работал и который сейчас служит в РТЧК, и с ним увидел Белоусова (Репина). Я с недоумением крикнул: «О, контрразведчик, что ты здесь делаешь?». В это время товарищ Божьев сошел с дрожки, подошел ко мне и сказал: «Ты его не трогай, он нам рассказывает, кто нас в подпольное время выдавал». Остальные сведения даст товарищ Божьев, который сейчас болен тифом».

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет. Есть только список отобранных у него вещей: документы, фотографии, револьвер с патронами, бумажник.

Запротоколированы два допроса Белоусова (за два с половиной месяца ведения следствия): 20 марта его допросил следователь РТЧК Стальной и более чем через месяц, 23 апреля — сотрудник особого отдела активной части Одесской губЧК (фамилия не указана).

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил 4 класса, работал в хозяйстве отца кузнецом. До 1917 года находился на военной службе, после демобилизации занимался сельским хозяйством. Признал, что действительно с ноября 1919 по январь 1920 года служил в деникинской контрразведке — перепечатывал на машинке документы. Поступил туда, чтобы избежать мобилизации в армию белых и из-за тяжелого материального положения. Использовал служебную информацию, чтобы предупреждать знакомых большевиков о грозящих им обысках и арестах; доставал документы, освобождающие граждан от насильственной мобилизации, скрывал коммунистов у себя на квартире. С приходом советской власти сразу вступил в 1-ю коммунистическую рабочую дружину; в конце февраля по рекомендации нескольких коммунистов принят на службу в УТЧК.

25 марта в качестве свидетеля допрошен агент УТЧК станции Бирзула, а 29 марта дал собственноручные показания секретарь управления Одесской рабоче-крестьянской милиции. Оба утверждали, что хорошо знают арестованного, полностью подтвердили его показания и сообщили, что он спас от ареста многих коммунистов и многим гражданам помог освободиться от мобилизации; уволился из контрразведки за три недели до взятия города красными; «честный, добросовестный гражданин и к советской власти отношения его всегда были самые доброжелательные». Просили освободить его под поручительство.

26 марта помощник заведующего судебным розыском Петропавловского района Одессы Г. Векслер подал председателю РТЧК заявление, в котором подтвердил, что Белоусов сообщал коммунистическому подполью важные сведения о предполагаемых арестах и обысках, и просил его освободить: «я ручаюсь, что он честный человек, предан советской власти и не контрреволюционер».

30 марта коллегия РТЧК Приморских железных дорог и портов Черного моря постановила: «Дело вместе с арестованным передать в губЧК для доследования» (вследствие расформирования РТЧК). В губернской ЧК почти через месяц был проведен второй и последний допрос обвиняемого.

3 мая помощник уполномоченного активной части особого отдела ОГЧК Палюшкин составил заключение по делу Белоусова, обвиняемого в «службе в контрразведке у белых». В заключении сказано: «Допросив свидетелей, оказалось, что Репин действительно служил в контрразведке, но вреда коммунистам не делал, а наоборот имел определенную связь с подпольными работниками и предупреждал об арестах товарищей, которые заблаговременно принимали меры, затем у него дома скрывались коммунисты. Считаю достаточным показания товарищей коммунистов и принимая во внимание, что Репин, служа в контрразведке, сделал много пользы советской власти, постановил: Репина освободить из-под стражи, дело прекратить».

Однако постановочная часть вычеркнута и далее от руки дописано: «Производя дознание по делу Белоусова (Репина) выяснилось, что некоторые свидетельские показания в пользу Белоусова не соответствуют действительности, видно из переписки Белоусова со своей женой, что он заранее, то есть сидя арестованным, писал, как нужно кому из свидетелей показывать при допросе, чтобы они дали показания, якобы он служил только машинистом... Но из переписки видно, что Белоусов не машинистом был, а агентом. На основании данного расстрелять». (В деле писем Белоусова жене нет. — *Ред.*).

*4 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело С. Д. Белоусова (Репина) по обвинению в «службе агентом в контрразведке», постановила: его **расстрелять**, имущество конфисковать. Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 7 июня, когда дело было сдано в архив.*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Решение коллегии является явно противозаконным, поскольку противоречит всем собранным по делу (27 листов) материалам. Как усматривается из объяснений Белоусова, он в силу тяжелых материальных условий поступил на работу в контрразведку белых в качестве машиниста (на печатной машинке). Работая там, оказывал содействие коммунистам и просоветски настроенным лицам в их нелегальном проживании, предотвращал призыв граждан в армию белых, выдавал им фальшивые документы, предупреждал об арестах. Все дело состоит из оправдывающих Белоусова документов: протоколы допросов, объяснения, справки, подтверждающие изложенное. Исполненное на машинке заключение помощника уполномоченного содержало вывод о прекращении дела и освобождении Белоусова из-под стражи. Под текстом заключения неизвестным должностным лицом от руки следует запись, что в результате дознания по делу (никаких материалов на этот счет нет) установлено, что собранные материалы по делу не соответствуют действительности, Белоусов преданно служил белым, вывод: расстрелять».

Реабилитирован 29 июля 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств его контрреволюционной деятельности».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Белоусова пока невозможно.

2. В деле подшиты личные документы Белоусова и других людей. Фотографий, отобранных при аресте, в настоящее время в деле нет.

(Дело № 26941-н)

20 марта 1920 года Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован **ПЕТРОВ Антоний (Антон) Логвинович (41 год)**. Родился в 1879 году в Кишиневе Бессарабской губернии; национальность не указана, из мещан; образование начальное, по профессии — писмоводитель; беспартийный; женат, от первого брака имел семерых детей, три дочери — 14, 16 и 18 лет проживали вместе с ним. На момент ареста служил в цирке Стрепетова; проживал в Одессе в гостинице «Астория» (ул. Ольги-евская, 13, комн. 48).

Основанием для ареста послужило заявление в ОГЧК сотрудников ЧК — коменданта здания Яши и курьера Александра Жевахина (даты нет) о том, что Петров служил при добровольцах околоточным надзирателем Михайловского района и если торговки не давали ему взятку — избивал и всячески издевался над ними, «неоднократно оскорблял советскую власть». В конце заявления красноармеец эскадрона ЧК Михаил Шварцман дописал: «Петров лично меня арестовал, обвиняя в убийстве офицера; из-за него я просидел пять месяцев».

Ордер № 676 ОГЧСК на арест и обыск оформлен 20 марта. В протоколе обыска, проведенного в тот же день в гостиничных номерах, указано, что при аресте изъяты личные документы Петрова и кавалерийское седло (оприходовано хозяйственным отделом комендатуры ОГЧСК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы три допроса Петрова (за два с половиной месяца ведения следствия): 20 марта его допросила следователь юридического отдела при ОЧСК Е. Николова, через месяц, 23 апреля — помощник уполномоченного по общим делам Зиновьев и еще через две с половиной недели, 10 мая — помощник уполномоченного по общим делам Чепков.

В протоколах записано, что допрашиваемый постоянно жил в Кишиневе, окончил 4-классное городское училище, до войны служил помощником делопроизводителя 1-го стола губернского правления, затем секретарем 2-го участка города. В 1917 году служил в 3-й стрелковой кавалерийской дивизии, после демобилизации вернулся в Кишинев, служил управляющим в городском театре. В середине 1918 года переехал в Одессу, так как отказался принять румынское подданство, с сентября служил надзирателем Михайловского района. В 1919 году служил в 41-м Советском Черноморском полку, по возвращении добровольцев вновь служил надзирателем, но после смерти брата уволился и с тех пор исполняет его должность в цирке Стрепетова. Во время службы в страже однажды по приказу начальника участка был послан арестовать за налеты и убийства уголовного преступника Мениса по кличке Буська (ныне живущего под фамилией Шварцман), на квартире у которого было найдено много драгоценностей; просил очной ставки с ним как с главным обвинителем. На всех допросах утверждал, что преследованием коммунистов не занимался, взятки не брал, торговки не избивал, но был с ними строг «из-за их безалаберности и негигиеничности». Просил также вызвать в качестве свидетелей людей, хорошо его знавших, в том числе уполномоченного ЧК, «которому я спас жизнь во время гонений при царском режиме».

С 22 апреля по 26 мая допрошены девять свидетелей. Трое сотрудников ЧК, написавших заявление на Петрова, повторили прежние обвинения и заявили, что он — явный контрреволюционер и антисемит. Несколько человек (знакомые его и жены) не подтвердили эти обвинения и сообщили, что будучи надзирателем он помогал укрыться от

добровольческой мобилизации, от ареста, освобождал арестованных из-под стражи — правда, делал это за деньги. Один из свидетелей сказал, что знает Петрова как честного человека: «во время власти добровольцев он отличался хорошим поведением по отношению к населению... помогал освободиться из тюрьмы... и неспособен на какую-нибудь подлость».

К делу приложена положительная характеристика, данная Петрову членом ВКП(б) еще до ареста, 7 марта, и, вероятно, изъятая при обыске: «Знаю его как честного и энергичного человека, вполне способного занять советскую должность».

В первых числах июня помощник уполномоченного по общим делам Чепков составил заключение по делу Петрова, обвиняемого в «службе надзирателем Михайловского района при добровольцах и преследовании коммунистов». В заключении сказано: «Из обвинения свидетелей товарищей Хайтера Павла Мойсеевича, Жевахина Александра и Яши, как не представивших доказательств, считаю их обвинение не доказанным. Но, принимая во внимание, что Петров служил при монархическом строе в участках, а также во время добровольцев служил в Михайловском районе надзирателем, затем выдавал подложные документы лицам, желающим избежать добровольческой мобилизации, с которых брал деньги от ста до трехсот рублей. А потому нахожу его виновным во взяточничестве и служении в страже при добровольцах и считаю необходимым заключить в концентрационный лагерь на 5 лет».

*4 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело А. Л. Петрова по обвинению в «службе в государственной страже при добровольцах и преследовании коммунистов», постановила: его **расстрелять**, имущество конфисковать. Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 7 июня, когда дело было сдано в архив.*

Реабилитирован 8 августа 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле нет совокупности доказательств его контрреволюционной деятельности».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Петрова пока невозможно.

2. Половину дела составляют документы конца 1920 — начала 1921 года, связанные с заявлением младшей дочери расстрелянного 15-летней Лидии Петровой о том, что она была также арестована, изнасилована в ЧК и через два дня отпущена. В ходе дознания выяснилось, что она придумала эту историю, чтобы отомстить следователю, ведшему дело ее отца. В действительности после его ареста три девушки остались без средств к существованию; сначала продавали вещи, затем, когда уже нечем было платить за гостиницу, Лидия начала воровать, заниматься проституцией, была поймана и как несовершеннолетняя направлена в дом для девочек-правонарушительниц; осенью 1920 года находилась на лечении в психиатрической больнице. Судьбы старших сестер неизвестны.

(Дело № 26950-н)

22 марта 1920 года Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестованы **ДИТЯТИН Виталий Федорович (42 года)**. Родился в 1877 (1878) году в Киеве Киевской губернии; национальность не указана, из мещан; образование высшее, по про-

фессии — юрист; беспартийный; женат, имел троих детей. На момент ареста постоянно-го места службы не имел; временно находился в Одессе (ул. Канатная, 37, кв. 2), постоянное место жительства — Киев;

КЛИМОВ Николай Николаевич (31 год). Родился в 1888 (1889) году в Астрахани Астраханской губернии; национальность не указана, из мещан; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, подпоручик; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места службы не имел; временно находился в Одессе (ул. Канатная, 37, кв. 2), постоянного места жительства не имел;

КОССОВСКИЙ Борис Владимирович (23 года). Родился в 1896 (1897) году в Гродно Гродненской губернии; национальность не указана, из дворян; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, штабс-капитан; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места службы не имел; временно находился в Одессе (ул. Екатерининская, 47), постоянное место жительства — Москва (ул. Погодинская, 4, кв. 8);

ФИЛЕНКО Павел Григорьевич (28 лет). Родился в 1891 (1892) году в селе Алешки Лебединского уезда Харьковской губернии; национальность не указана, из мещан; образование начальное, по профессии — конторщик, кадровый офицер, поручик; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места службы не имел; временно находился в Одессе в команде выздоравливающих (ул. Канатная, 37), постоянное место жительства — село Алешки Лебединского уезда Харьковской губернии.

Основания для ареста в деле не представлены. 22 марта оформлен открытый ордер № 718 на обыск и арест по Канатной, 37 (без указания фамилий), в доме, где проживала команда выздоравливающих галичан. Указание об аресте дал сотрудник ЧК Баленко. Судя по показаниям подсудимых, арестованы между 22 и 23 часами: Дитятин и Климов в занимаемой ими квартире, Филенко в команде выздоравливающих, проживавших во флигеле, Коссовский во дворе по Канатной, 37, когда выходил от знакомых, квартировавших в этом доме.

Протокол обыска оформлен сразу на четверых, но без указания фамилий и без описи изъятого имущества. В протоколе записано: «Взято четыре арестованных и передано уполномоченному по борьбе с контрреволюцией товарищу Гинтеру».

Постановлений о содержании под стражей и анкет арестованных в деле нет.

Запротоколированы по три допроса каждого из арестованных (более чем за месяц ведения следствия): 23 марта их допросил дежурный следователь юридического отдела при ОЧСК Львов, в тот же день — помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией секретно-оперативного отдела ОГЧК (подпись неразборчива) и через три недели, 15 апреля — уполномоченный ОГЧК по борьбе с контрреволюцией (фамилия не указана).

В протоколах записано следующее.

Дитятин окончил юридический факультет Киевского университета, служил секретарем Киевского окружного суда. После начала войны был мобилизован и отправлен на фронт, служил в чине прапорщика в аэрофотометрической части III армии. После демобилизации в январе 1918-го вернулся в Киев и вновь поступил на должность секретаря окружного суда. В сентябре 1919 года мобилизован добровольцами в качестве рядового: «при отступлении эвакуирован в Одессу, затем мы отступили на Румынию и когда нас выгнали из Румынии, мы добровольно сдались в плен Котовскому, который от-

правил нас в штаб дивизии в Раздельную и оттуда в Одессу, где вместе с другими я был помещен в тюрьму, где пробыл 16 дней. Когда был выпущен, сейчас же зарегистрировался». В Одессе находится с 26 февраля, живет у знакомого во 2-й квартире по Канатной, 37, не прописан. Никого из галичан не знает, никаких связей с офицерами не имел и никуда не ходил. «Я вообще человек пассивный, политикой не занимаюсь. Добровольческое командование меня так измучило, что я с ним порвал всякое общее и теперь являюсь сторонником советской власти».

Климов окончил Астраханскую гимназию. С 1913 года проживал в Петрограде, работал в сельскохозяйственном музее мастером по сборке машин, затем чертежником в конторе. В 1915 году был мобилизован как ратник ополчения 2-го разряда, в декабре 1916-го командирован в Павловское военное училище, по окончании которого в апреле 1917-го как подпоручик Керенского выпуска откомандирован в 3-й запасной инженерный полк. Через месяц — в 11-ю отдельную саперную роту в качестве младшего офицера, с октября 1917 до 6 февраля 1918 года командовал ротой, находился на фронте под Барановичами. После демобилизации уехал в Киев, затем к брату в Волынскую губернию, находился там до июля 1919 года и затем снова вернулся в Киев. После установления власти добровольцев в сентябре 1919 года был мобилизован в качестве рядового, служил четыре месяца, более двух из которых болел. На фронте находился один день, был ранен и помещен в госпиталь, в конце декабря эвакуирован в Одессу. Болел до середины февраля, по выходе из госпиталя поселился на Канатной и 29 февраля зарегистрировался как офицер, а 10 марта был мобилизован в Красную армию. Заявил, что причин ареста не знает. Во дворе их дома находится галицийская команда выздоравливающих, но он ни с кем из них не знаком. «При мне никаких подозрительных собраний не было. Я лично ни с какими военными связи никакой не имею и никуда из дому не уходил... По клинике знаю Дитятина, познакомился с ним в Одессе при советской власти... Я за собою ничего не чувствую, жду 25 марта, чтобы идти служить в Красную армию».

Коссовский около девяти лет учился в кадетском корпусе в Нижнем Новгороде, затем в декабре 1916 года окончил Виленское военное училище и был зачислен в запасной батальон Литовского полка, до начала марта 1917-го находился в Петрограде, а затем на фронте под Луцком, служил младшим офицером в чине поручика. «После переворота в октябре 1917 года я был демобилизован и совсем освобожден от военной службы по болезни... Вначале уехал в Москву, а в июне 1918 года на Кубань в станицу Урюпинская... потому что в Москве и вообще в центральной России было массовое гонение на офицеров, на Кубани же, как я слышал, отношение к офицерам было благожелательное. Родных и знакомых на Кубани не имел... работал в качестве рабочего у казаков... По занятии Деникиным Армавира я в октябре 1918 года был мобилизован и зачислен в лейб-гвардейский Литовский батальон, где и прослужил до последнего времени. В батальоне я был отдельным командиром в чине поручика, затем штабс-капитана, участвовал в боях против Красной армии... В боях к нам иногда попадали пленные красноармейцы, часть которых мы оставляли в своих рядах, а остальных отправляли в тыл. По отношению к красным офицерам у нас был приказ их расстреливать. В Одессу прибыл 20 декабря 1919 года с эшелоном (канцелярией Литовского батальона), следовавшим из Фастова после отступления наших из Киева. Здесь я был батальонным адъютантом до начала февраля 1920 года, в феврале заболел сыпным тифом, что мне и помешало эвакуироваться, лежал в госпитале и по уходе Добрармии остался ввиду серьезной болезни. Болел до 5 марта, после

чего... зарегистрирован в уездвоенкоме как военнопленный офицер, был на комиссии и получил месячный отпуск, то есть до 6 апреля, должен был явиться для назначения на фронт». Причин ареста не знает: «В команде выздоравливающих галичан никогда не был. Утверждаю, что никаких офицерских организаций в Одессе я не знаю и ни в какой антитоварской работе участия не принимаю. Утверждаю, что в случае отправки меня на фронт против добровольцев я бы честно исполнял приказание начальства. Что касается идеи Добрармии, я лично такого мнения, что их карта бита и они вряд ли воскреснут. Достаточным показателем этого является злобное отношение крестьян к Добрармии».

Филенко окончил церковно-приходскую школу и служил в городе Ахтырке Харьковской губернии конторщиком в магазине Курилова. В январе 1915 года был мобилизован, служил в запасной батарее 219-го Елисаветинского полка, в сентябре 1916-го отправлен в Тифлис в школу прапорщиков, по окончании ее служил в 259-м запасном полку. С июня 1917 года по март 1918 был на фронте, произведен в поручики. После демобилизации уехал к брату в Ахтырку, где пробыл до ноября. В ноябре 1918 года мобилизован Петлюрой и до февраля 1919 был помощником коменданта станции Бердичев, при наступлении советских войск эвакуирован в Станиславов. Болел. В сентябре 1919 года назначен помощником командира по передвижению войск, в декабре попал в плен к денкинцам. При отступлении Добрармии был болен тифом, эвакуирован из Проскурова в Одессу; «но когда меня хотели эвакуировать в Севастополь, я удрал с намерением поступить в Красную армию. Из Одессы уехал в Крыжополь, по дороге снова заболел, пролежал в Крыжополе три дня, затем с галицийским санитарным поездом прибыл в Одессу и как больной был сдан в галицийский госпиталь на излечение, где я пробыл до 18 марта 1920 года. Из госпиталя отправлен в команду выздоравливающих галицийской армии, находился в ней три дня».

Об аресте рассказал следующее: «22 марта я явился на регистрацию в военный комиссариат, почему-то показался подозрительным доктору, и тот передал сведения обо мне в ЧК, откуда прибыли в команду выздоравливающих и меня арестовали...» На последнем допросе заявил, что не понимает, за что арестован: «Об организации какой-либо среди галичан я ничего не знаю, так как я лежал больной. Посторонних в команде я никого не видел, были только свои, среди выздоравливающих были офицеры, которые говорили большей частью по-немецки. Дитятин и Климов были арестованы в своей квартире, и до ареста я их не знал».

22 апреля (через месяц после ареста обвиняемых) в качестве единственного свидетеля допрошен дворник дома по Канатной, 37. Он заявил, что служит при доме шесть лет, знает, что Дитятин некоторое время проживал во 2-й квартире без прописки. Коссовского совсем не знает. О других обвиняемых в протоколе допроса ничего не сказано.

Две знакомые Коссовского подали в губернский отдел юстиции заявление, копия которого 12 мая была передана в коллегия ОГЧК. В заявлении они подтвердили его показания, так как одна из них была в гостях у знакомых вечером 22 марта и присутствовала при его аресте. Заявительницы писали, что Коссовский «весьма порядочный и честный человек... незадолго до ареста был болен сыпным тифом, после чего пользовался временной отсрочкой и ни на какой службе не состоял. Все последнее время приискивал себе жилье, в чем мы ему помогали. На основании изложенного мы очень просим расследовать это дело и по возможности выяснить недоразумение». На заявлении стоит резолюция от 17 мая: «К делу Коссовского». Другой реакции не последовало.

28 мая, через два месяца после ареста, помощник уполномоченного по общим делам (подпись неразборчива) составил заключение по делу без формулировки обвинения. Вначале указал анкетные и биографические данные каждого из четверых арестованных, выясненные в ходе их допросов (правда, сведения о Климове исказил: якобы более четырех месяцев тот был добровольцем, сражался под Киевом с большевиками, живет по Канатной, 37 без прописки, хотя внизу протокола допроса Климова за подписью секретаря домкома указано, что тот прописан). Завершается текст заключения по делу так: «Все вышеупомянутые офицеры заподозрены как соучастники галицийской организации, никаких данных для обвинения их в этом не имеется. Предлагаю всех четырех содержать в концентрационном лагере вплоть до окончания гражданской войны». В тот же день уполномоченный Кириллов наложил резолюцию: «Согласен».

28 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело *В. Ф. Дитятина, Н. Н. Климова, Б. В. Коссовского и П. Г. Филенко по обвинению в «контрреволюции», постановила: заключить их в концлагерь сроком на 5 лет каждого, «все отобранное конфисковать».*

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

Реабилитированы 21 сентября 1994 года прокуратурой Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечание.

Основные аресты и расстрелы галичан и людей прямо или косвенно с ними связанных производились в Одессе в конце мая — начале июня 1920 года.

(Дело № 26986-п на 4 человек)

Не позднее **23 марта 1920 года** Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован

ГАВРИШЕВ Логгин Логгинович (Логин Логинович) (61 год). Родился в 1858 (1859) году в Санкт-Петербурге; национальность не указана, из дворян; образование не указано, по специальности — кадровый офицер, адмирал в отставке; беспартийный; женат, имел двоих сыновей — офицеров Добрармии. На момент ареста служил начальником Одесского училища торгового мореплавания; проживал в Одессе (ул. Канатная, 8, кв. 3).

Основанием для ареста послужило заявление, направленное 16 марта в секретно-оперативный отдел губЧК политруком 1-го кавалерийского дивизиона Львом Урицким (бывшим учащимся училища). Заявитель утверждал, что после прихода в Одессу добровольцев осенью 1919 года Гавришев сообщил в комиссию по расследованию деятельности большевиков, кто из служащих училища и учеников активно участвовал в большевистском движении, в том числе и о нем самом. «Полагаю, что господа Гавришевы, погубившие немало наших товарищей, должны бы понести суровую кару. Советская власть должна подобных господ изолировать и даже более, а посему прошу Вас об аресте действительного статского советника Гавришева». 22 марта сотрудник ОГЧК Петров наложил на заявление резолюцию: «Произвести обыск и арест».

Ордер № 726 ОГЧСК на арест и обыск оформлен 23 марта. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты личные документы арестованного. 2 апреля (более чем через неделю после ареста Гавришева) оформлен ордер № 1016 на обыск по месту его службы — в мореходном училище. В результате обыска изъято 8653 рубля, кобура от браунинга, 2 свечи для мотора (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запротоколированный допрос Гавришева провела 23 марта следователь юридического отдела при ОГЧСК Горшкова (один допрос за месяц ведения следствия).

В протоколе и изъятых при обыске личных документах записано, что допрашиваемый в 90-х годах был учителем Мариинской женской гимназии в Николаеве, в 1900-х годах служил начальником Одесского училища торгового мореплавания, в 1910-х годах — инспектором мореходных учебных заведений министерства торговли и промышленности; был действительным статским советником.

По существу обвинения сказал: «О своих учениках я не давал никаких показаний ни в контрразведке, ни в следственной комиссии. Мне приходилось лишь давать показания как начальнику учреждения в комиссии генерала Твердого... давал ответы на вопросы, как отразилось пребывание большевиков на училище, его имуществе, служащих и учениках. Причем допрос не носил характера обвинения кого-либо, а лишь выяснения общего характера деятельности большевиков». Свои ответы изложил письменно и отослал пакет в комиссию. О своем дневнике, изъятом при аресте сотрудниками ЧК, сказал, что вел его для себя, объективно излагал современные события, которые сам наблюдал и о которых слышал, и считает его интересным для будущего.

4 апреля в качестве свидетеля допрошен заявитель, повторивший свои обвинения. Протоколов допроса других свидетелей в деле нет.

21 апреля уполномоченный по общим делам Радионов составил заключение по делу Гавришева, обвиняемого в «причастности к контрразведке», а также в «розыске члена КП(б)У Урицкого». В заключении сказано: «Считаю весьма интересным ознакомить коллегия губЧК перед тем, что приду к официальной части обвинения гражданина Л. А. Гавришева как преступника, представляющего для нас немалый интерес.

Л. А. Гавришев в дни романовщины как адмирал и действительный статский советник, воспитанный в монархическом духе, верный служака Николаю и убежденный монархист — воспитывал в том же духе сыновей своих офицеров Добрармии. Не может мириться с падением монархизма и продолжает свою контрреволюционную работу и в 1917 году, как видно из его переписки, когда рабочие и крестьяне впервые вступили в первый фазис разгорающейся гражданской войны, он дает добрые советы Добрармии, тогда уже сформированной под командой генерала Каледина, что кучка насильников фракция большевиков Петроградского совета, не опирающаяся на народные массы, захватила законную государственную власть за месяц до созыва учредилки и предлагает всем гражданским учреждениям, всем военным и гражданам не подчиняться приказам большевиков, а объединиться вокруг единственной власти — Добрармии. Л. Гавришев, учитывая бессознательность рабочих и крестьян Украины в момент разгара борьбы за власть советов как монархист и человек интеллигентный, вполне сознательный монархист и контрреволюционер помогает Добрармии не только злостной агитацией против коммунистической партии, но и людьми, даже не щадя своих родных сыновей, которых отсылает на фронт, когда белые катятся к Орлу, и один из них погиб. В дни добровольцев он устанавливает тесную связь со штабом Шиллинга и дает показания следственной комиссии генерала Твердого по расследованию злодеяний большевиков...

Господин Гавришев подтверждает почти целиком обвинение, выдвинутое против него товарищем Урицким. Он не отрицает факта, что он писал следователю контрразведки и посылал ему через служителя пакет. Второе, что он, Гавришев, действительно

давал показания комиссии генерала Твердого о злодеянии большевиков в Одессе, но он, Гавришев, учитывая все последствия его контрреволюционной работы в продолжение долгих лет, стараясь защитить себя, спрятать концы обвинения, заявляет, что он об учениках и о товарище Урицком сведений не давал, но это ясно, дававши сведения генералу Твердому и посылая запечатанные конверты следователю контрразведки, не упустил случая отомстить своим ученикам, членам КП(б)У.

А потому, просмотрев все дело, учитывая, что Гавришев Логин Логинович состоял заведующим мореходным училищем как сознательный и старый монархист, не раз наносивши удары ножом в спину революции, служа верно Николаю, а впоследствии Добрармии и сотрудничая в одесской контрразведке, что подтверждается свидетельскими показаниями, нахожу факт обвинения, предъявленного Гавришеву товарищем Урицким, вполне доказанным и предлагаю, дабы избавиться от язв, подобных Гавришеву, для советской власти — Гавришева Логина Логиновича расстрелять, но ввиду ценного материала, который, я думаю, представляет особый интерес, нахожу возможным передать дело в ревтрибунал».

23 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Л. А. Гавришева по обвинению в «контрреволюции», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, но за старостью лет гражданина Гавришева **освободить. Вещи, отобранные при аресте, вернуть. Остальные документы (за исключением необходимых) оставить при деле**».

Данных об освобождении и возврате имущества в деле нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о реабилитации, в результате прекращения дела ОГЧК, отсутствуют.

Примечание.

К делу подшиты следующие документы, изъятые у арестованного при обыске.

1) Императорские указы:

указ императора Александра II о присвоении Л. Гавришеву ордена святого Станислава 2-й степени 17 января 1869 года (вероятно, отцу. — Ред.);

указы императора Николая II о присвоении Л. Гавришеву орденов

святого Станислава 3-й степени — 1 января 1895 года,

святого Анны 3-й степени — 30 декабря 1897 года,

святого Станислава 2-й степени — 6 апреля 1903 года,

святого Равноапостольного князя Владимира 4-й степени — 16 марта 1909 года,

святого Равноапостольного князя Владимира 3-й степени — 14 апреля 1913 года,

святого Станислава 1-й степени — 1 мая 1915 года.

2) Личный дневник Л. Л. Гавришева на 70 листах, записи с 23 января по 8 февраля 1920 года (сведения об общественно-политических событиях, жизни Одессы, настроениях населения; изложена биография Махно).

3) Воззвание атамана крестьянского отряда полковника Струка («...геть червоних комисарів, геть чрезвычайки, геть комуна... або земля та воля, або комуна»).

(Дело № 12012-н)

23 марта 1920 года административно-юридическим отделом при коменданте Одессы и порта без предъявления обвинения арестован

ФРОЛОВ Георгий Корнилиевич (Корнилович, Кириллович) (43 года). Родился в апреле (мае) 1876 года в Херсоне (?); национальность и происхождение не указаны; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, капитан; бес-

партийный; женат, имел сына 11 лет. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Одессе (ул. Уютная, 6, кв. 4).

Обстоятельства ареста.

Исходя из документов дела, с февраля по май 1920 года попадал под арест трижды. Дела по первому аресту в фонде «П» нет, второй и третий представлены в двух томах дела № 27168-п. Первый арест упоминается в протоколе одного из допросов: «9 марта я был освобожден из одесской городской тюрьмы чрезвычайной следственной комиссией к семье на квартиру».

Обстоятельства второго ареста описаны в том же протоколе: «...23 марта, идя по Преображенской, я встретил бывшего сослуживца по полку... с которым не встречался с начала войны... поговорив с ним, пошел дальше. В это время ко мне подошел какой-то товарищ с револьвером в руке и заявив мне, что я арестован... доставил в комендантское управление... На вопрос о причине ареста товарищ, меня арестовавший, сказал, что ему кто-то сказал, что я якобы служил в контрразведке...» К делу приложены рапорт от 23 марта и заявление без даты этого человека — Колтунова, адъютанта строевой части при коменданте города и порта; он сообщает, что арестовал Фролова «по указанию товарища Блюгермана». Данных о Блюгермане и его показаний в деле нет.

Ордера на этот арест и обыск, протокола обыска при этом аресте, анкеты арестованного в деле нет.

В тот же день, 23 марта, военный следователь административно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта Карелин принял постановление о задержании Фролова по обвинению в «службе в контрразведке» и содержании его под стражей.

27 марта арестованный допрошен и освобожден под подписку о невыезде из Одессы.

29 марта он подал заявление на имя начальника юридического отдела при коменданте города и порта: «Будучи арестован по недоразумению, а затем освобожден 27 марта из городской гауптвахты распоряжением следователя Анадина, прошу о выдаче мне моих служебных документов, отобранных в комендантском управлении». Перечня изъятых документов в деле нет; были ли возвращены — неизвестно.

20 апреля военный следователь судной части И. Сигал и заведующий судной частью при коменданте Одессы и порта Тудоровский приняли постановления по обвинению Фролова уже в «контрреволюции» и передаче его дела в ОГЧК. Основания для обвинения в деле отсутствуют.

22 мая из секретного отдела Херсонской уездной ЧК в ОГЧК поступила телеграмма с указанием арестовать и препроводить в Херсон «бывшего начальника госстражи Фролова, живущего по Уютной ул., 6». 25 мая на нее наложена резолюция: «Уполномоченному по борьбе с контрреволюцией товарищу Глебову: арестовать и допросить».

Ордер № 2966 ОГЧК на арест и обыск оформлен 28 мая. В приложенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Обыск произвести и арестовать ночью. Числить за уполномоченным товарищем Глебовым». В ночь с 28 на 29 мая Фролов был арестован, на этот раз — у себя на квартире, и по постановлению дежурного следователя ОГЧК Иванова обвинен в «контрреволюции» с содержанием под стражей. При обыске изъяты его личные документы.

Анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Фролова (за два с половиной месяца ведения следствия): при первом аресте — 27 марта его допросил военный следователь администра-

тивно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта Анадин, при втором — между 29 мая и 6 июня (дата не указана) допрошен в ОГЧК (фамилия следователя не указана).

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил 6 классов гимназии в Херсоне и Одесское пехотное юнкерское училище, участвовал в русско-японской войне, после ее окончания в 1907 году в чине капитана переведен из 22-го Восточно-сибирского стрелкового полка в 60-й пехотный Замосцкий полк. В годы германской войны был ранен, попал в плен, находился в Австрии, в 1917 году как инвалид интернирован в Данию, затем в конце 1917 — начале 1918 года попал в Петроград. Союз инвалидов при центральном комитете по делам военнопленных назначил его в Екатеринославскую губернию агентом для отправки провианта в Москву, но большую часть 1918 года он не служил.

О событиях 1919 года рассказал так: «В марте я поступил на лечение в одесский военный госпиталь. В начале апреля палатным врачом госпиталя был представлен на комиссию как подлежащий увольнению со службы по болезни... В это время в госпитале распространился слух, чтобы офицеры разбегались из госпиталя, так как большевики уже близко от Одессы и кадровым офицерам грозит смерть. Будучи напуганным за все это время и по газетам, и по всевозможным слухам, я в числе других офицеров, оставив госпиталь, отправился на пристань и случайно попал на пароход, который отходил в Константинополь. Нас привезли и высадили на Принцевых островах, где мы и жили как частные лица. 20 июня явился от Деникина какой-то генерал и отдал приказ всем офицерам, находящимся на островах, явиться к нему в Константинополь за получением предписания под страхом ответственности по военному суду. Вслед за тем нас всех отправили в Новороссийск, а оттуда в Екатеринодар, прибыли в августе и там в штабе главнокомандующего меня, как уже имевшего 43 года и больного, назначили в государственную стражу на должность помощника пристава в Херсон... там зачислили в портовую часть, где я и находился со 2 сентября 1919 до января 1920 года. Деятельность моя заключалась лишь в том, что я всегда присутствовал на пристанях во время прихода и ухода пароходов для наблюдения за порядком. Последний месяц был назначен в центральное управление стражи в Одессе на временное исполнение обязанностей младшего помощника командира стражи. Больше со дня возвращения из плена я нигде в Добровольческой армии не служил».

Далее сказал, что после установления в Одессе советской власти был арестован и 9 марта освобожден; зарегистрировался в уездном комиссариате, после чего его мобилизовали и по причине болезни назначили на нестроевую должность в тылу. Постоянного места службы не имел, жил на заработки жены-портнихи.

Обвинение в службе в контрразведке категорически отрицал.

Протоколов допроса свидетелей в деле нет. Но есть два заключения по делу Фролова, обвиняемого в «контрреволюции», составленные двумя разными сотрудниками ОГЧК: помощником уполномоченного по общим делам С. Ильиным в первых числах июня (находится среди документов по мартовскому аресту) и помощником уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Глебовым (дата не указана, заключение находится среди документов по второму аресту).

В первом говорится: «Как видно из показаний самого Фролова, что он занимал при добровольцах пост ответственного лица при государственной страже. Это высшее учреждение, ему приходилось сталкиваться с политическими работниками и, по-видимому, не одного работника загнал в могилу. Кроме того, в 1918 году он жил на Прин-

цевых островах как бежавший, по его словам, от большевицких ужасов. Полагал бы его расстрелять».

Второе заключение еще лаконичнее: «Фролов — капитан белогвардейской службы, а затем начальник госстражи в Херсоне. Нахожу нужным применить к нему высшую меру наказания — расстрелять».

7 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Г. К. Фролова по обвинению в «контрреволюции», постановила: его **расстрелять**, имущество конфисковать. Дата расстрела не указана, — вероятно, в тот же день, так как 7 июня дело было сдано в архив.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Каких-либо доказательств его практической деятельности у белых в деле нет. Обвинение основано только на показаниях самого Фролова».

Реабилитирован 20 февраля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле нет совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Фролова пока невозможно.

2. В связи с угрозой конфискации имущества вдова Фролова Вера Николаевна обратилась в июне 1920 года с ходатайством в президиум Одесской губЧК.

Из ее прошения (дата не указана): «После расстрела мужа моего Г. К. Фролова 7 сего месяца у меня опечатано для конфискации мое имущество. Шесть лет уже как муж мой не находился при мне и только с февраля сего года я приютила его, выпущенного из тюрьмы как тяжело больного. Шесть лет, оставшись без всяких средств с ребенком, я тяжело работаю, занимаюсь шитьем. Это подтверждают все жильцы дома. Во имя принципов борьбы за трудящихся и обездоленных, во имя справедливости, я прошу милосердия Вашего для моего ребенка, не повинного за поступки отца — не отнимать у нас нашего последнего достояния. Назначить инспекцию для беспристрастного расследования дела и освободить от конфискации наше имущество».

Прошение Фроловой не зарегистрировано, резолюции на нем нет, подшито к чужому делу — № 27211-п на П. М. Мамонтова (см. стр. 356–360). Возможно, потому, что семья Фроловых и семья Мамонтовых проживали по одному адресу: ул. Уютная, 6, — и мать Мамонтова также подавала заявления в связи с арестом сына.

3. Личные документы Г. К. Фролова, изъятые при обыске — три удостоверения, история болезни, свидетельства, справки в настоящее время в деле отсутствуют.

В описи документов дела, составленной в 1920 году, указаны фотографии, которые в настоящее время в деле также отсутствуют.

(Дело № 27168-п)

24 марта 1920 года Одесской губЧСК без предъявления обвинения арестован **КУЕШОВ (КУЛИШОВ, КУЛИШЕВ) Кузьма Феофилактович (Феофиоктович) (35 лет)**. Родился в 1884 (1885) году в Аккермане Бессарабской губернии; русский (?), из мещан; образование начальное, по профессии — писмоводитель, химик; беспартийный; женат, имел двоих детей. На момент ареста заведовал материальной частью отряда портовой охраны (Николаевский б-р, 10); проживал в Одессе (ул. Косвенная, 14, кв. 5).

Фотография в деле
К. Ф. Кулешова, не надписана.
Одесса, середина 1910-х годов

Основанием для ареста послужило заявление сотрудника оперативной части ОГЧК Станислава Рубана, поданное 9 марта в секретно-оперативный отдел ОГЧСК: «Частный поверенный некий Кулишев (так в документе. — *Ред.*) в 1919 году при уходе советской власти из Одессы и взятии города добровольцами состоял в партизанском добровольческом отряде... был подпольным работником. А когда уже была взята Одесса, тогда Кулишев поступил в одесскую уездную стражу надзирателем. В данный момент как пришла к нам советская власть, Кулишев уже сумел устроиться на службу в портовый караульный полк капитенармусом. Он именует себя правым эсером и ведет агитацию против советской власти среди солдат...» На документе две резолюции: от 20 марта — «Уполномоченному по общим делам» и от 22 марта — «Произвести обыск и арест» (подписал помощник уполномоченного по общим делам Петров).

Ордер № 732 ОГЧСК на арест Кулешова и обыск по месту его службы оформлен 23 марта. На обороте запись сотрудника: «Настоящий ордер получил в 5,5 вечера 23 марта, а потому отложил до завтра». На следующий день произведены арест и обыск Кулешова и после выяснения его домашнего адреса выписан ордер № 756 от 24 марта на обыск по месту жительства. В результате обысков изъяты его личные документы, фотография и 1000 аннулированных рублей (оприходованы хозяйственным отделом комендатуры ОГЧСК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Кулешова (за полтора месяца следствия): 24 марта следователь юридического отдела при ОЧСК Е. Николова внесла в протокол только анкетные данные; через неделю, 30 марта, арестованного допросил следователь Григорьев.

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил начальное училище, до войны занимался письмоводством и адвокатской деятельностью, с 1914 года служил писарем при штабе XI армии, затем в саперной команде 52-го Виленского полка в чине старшего унтер-офицера. После демобилизации в 1918 году был секретарем профсоюза извозчиков, письмоводителем, занимался свечным делом. В 1919 году в период советской власти служил милиционером в уездной милиции и в отряде охраны порта, при смене власти был старшим стражником уездной государственной стражи в местечке Курисоло-Покровском.

По существу обвинения показал: «Я никогда не служил добровольно в Добровольческой армии. При эвакуации в 1919 году советской власти служил в портовом отряде и участия во взятии Одессы не принимал. Против советской власти никогда не агитировал. О том, что был стражником государственной стражи, я всем говорил и не скрываю. В 1919 году был избран председателем портового суда командой по охране порта. Меня знает товарищ Лидин, бывший политком, в настоящее время помощник командира продполка».

В качестве свидетелей допрошены заявитель С. А. Рубан и упомянутый Кулешовым член ВКП(б) Л. Н. Лидин (даты допросов не указаны, повестки на 7 апреля). Первый повторил обвинения, перечисленные в его заявлении от 9 марта, и добавил, что яко-

бы видел у Кулешова бумагу, удостоверяющую, что тот состоял в партизанском отряде, занявшем Одессу. Вторым свидетелем заявил, что знает Кулешова «как человека безобидного. Служил у меня в отряде в 1919 году до последних дней пребывания в Одессе советской власти. Службу нес аккуратно и ни в чем за время пребывания в отряде замечен не был».

В начале мая (дата не указана) помощник уполномоченного по общим делам Альбинский составил заключение по делу Кулешова, обвиняемого в «службе у добровольцев, участии в партизанском добровольческом отряде при взятии Одессы и в антисоветской агитации». Изложив показания обвиняемого и свидетелей, отметив, что «при обыске в квартире обвиняемого найдена фотографическая карточка его, на которой он снят в форме жандарма», следователь заключает:

«Принимая во внимание,

1) что служба обвиняемого в государственной страже белогвардейцев доказана;

2) что показания свидетеля Лидина о службе обвиняемого в отряде до последних дней пребывания советской власти в Одессе не опровергают показания свидетеля Рубана о том, что он видел и читал официальный документ об участии обвиняемого в партизанском белогвардейском отряде, занявшем Одессу. Причем эти обстоятельства не находятся в противоречии друг другу, так как Кулишов (так в документе. — *Ред.*) мог служить в отряде до последнего времени, а затем мог принять участие в военных действиях против советских войск при взятии Одессы и таким образом это обвинение следует признавать доказанным;

3) что как видно из найденной фотографии Кулишов некогда служил в жандармерии и что его преступления есть результат привитых ему на службе в жандармерии определенных политических взглядов, противных социализму и духу пролетарской революции, почему конечно он и получает на службе у добровольцев сразу же должность старшего стражника государственной стражи и

4) что при таких условиях вполне возможно, что Кулишов вел антисоветскую агитацию среди солдат одесской портовой охраны, где он последнее время служил перед арестом, на что определенно указывает товарищ Рубан в своем заявлении.

Поэтому полагал бы: применить к обвиняемому ввиду переживаемого острого политического положения высшую меру наказания».

9 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело К. Ф. Кулешова по обвинению в «службе у белогвардейцев в государственной страже и участии в партизанском белогвардейском отряде, взявшем Одессу, в прислужничестве царской власти и антисоветской агитации», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Постановление коллегии не вытекает из материалов дела. Допрошенный в качестве обвиняемого (протокол допроса на 9 строках) Кулешов предъявленное ему обвинение категорически отрицал. Свидетель Лидин (протокол допроса на 5 строках) положительно охарактеризовал Кулешова. Рубан (протокол допроса на 11 строках) в показаниях, вызывающих сомнение в их достоверности, заявил об участии Кулешова в добровольческом партизанском отряде. Других процессуальных документов в деле нет».

Реабилитирован 14 июля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Кулешов, Кулишов, Кулишев — и разные варианты его отчества. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. В большинстве документов — Кулешов.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Кулешова пока невозможно.

3. Изъятые при обысках и перечисленные в протоколах обысков личные документы в настоящее время в деле отсутствуют.

(Дело № 27443-н)

25 марта 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

БЕЛЬЧЕНКО Михаил Романович (23 года). Родился в 1896 (1897) году в Киеве; национальность не указана, из мещан; образование незаконченное высшее, студент, специальность не указана; беспартийный; женат, имел годовалую дочь. На момент ареста постоянного места работы не имел; временно проживал в Одессе на квартире у знакомой (ул. Ольгиевская, 25, кв. 32), постоянное место жительства — Киев (ул. Воздвиженская, 3, кв. 34).

Обстоятельства ареста. Придя с группой студентов в ОГЧК, чтобы получить пропуск на проезд в Киев, где находилась его семья, был задержан для выяснения личности. Причины задержания из дела не ясны. 27 марта заведующий бюро пропусков передал записку в особый отдел ОГЧК: «Выясните двух студентов, прилагаю документы» (о ком говорится, кроме Бельченко, неизвестно. — *Ред.*). В тот же день сотрудник для поручений особого отдела Гавронский подал заведующему активной частью особого отдела ОГЧК Нефедову доклад: «Подозреваю арестованного Бельченко как бывшего в городе Балте в форме галицийского офицера, вел агитацию против советской власти».

Ордер № 862 ОГЧК на арест и обыск оформлен 27 марта, когда арестованный уже два дня находился в особом отделе. В протоколе его личного обыска сотрудник Гавронский написал: «...Нашел в шинели зашитую солдатскую кокарду (красными чернилами дописано «Добрармии». — *Ред.*), обернутую белой непромокаемой бумагой, а также нашел часики». На обороте арестованный написал: «Кокарда не была зашита». В результате обыска на квартире, где он остановился, ничего не обнаружено.

В приложенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Обвиняется в подозрении (так в документе. — *Ред.*) в службе у белых и антисоветской деятельности».

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запротоколированный допрос Бельченко провел 27 марта сотрудник особого отдела (фамилия не указана, один допрос более чем за два месяца ведения следствия).

В протоколе записано, что в 1917 году допрашиваемый окончил гимназию и поступил в Киевский университет, через год женился, нигде не служил, жил на средства отца-сапожника. В 1919 году при большевиках служил в казатинском интендантстве, в ноябре

был мобилизован белыми, но не явился, поэтому был арестован и отправлен в комендантское управление. 26 ноября заболел сыпным тифом и при наступлении Красной армии был с госпиталем эвакуирован в Одессу. Жил в гостинице около двух недель, с приходом большевиков переехал к знакомой по Киеву. В Одессе никого не знает, вещей и денег не имеет. О службе у белых показал: «В конной сотне Киева я служил только три дня простым вольноопределяющимся солдатом». И в конце протокола: «Виновным себя ни в чем не считаю».

30 марта допрошены четверо свидетелей — знакомые обвиняемого по Киеву. Все свидетели подтвердили его показания: учился в университете, помогал отцу в торговле, данных о его службе в Добровольческой армии нет, сейчас он очень нуждается, голодает и хочет уехать домой к семье. Ни с кем посторонним не общался, никто к нему не приходил.

Документов, свидетельствующих о дальнейшем ведении следствия, в деле нет.

11 апреля близкая знакомая обвиняемого А. М. Павлова подала в президиум ОГЧК прошение с просьбой о свидании. На прошении — резолюция от 15 апреля: «Выяснить у кого дело и направить по принадлежности».

В 20-х числах апреля арестованный подал на имя председателя Реденса два заявления, в которых указал, что 25 марта «задержан товарищем, который выдает пропуска. Я недавно оправился от тифа, а сейчас серьезно болен. Женат и имею ребенка. Чувствую, что сидя здесь, мой ребенок голодает... Вины за собой совершенно не чувствую. Совесть моя чиста. Сижу до настоящего времени без допроса. За что? Умоляю во имя моей семьи, если только во власти существует правда, — не приносите на алтарь невинную жертву. Освободите меня!». Единственная резолюция: «К делу».

В мае Павлова направила заведующему бюро жалоб губинспекции по ОГЧК заявление с просьбой содействовать в разборе дела: «...Бельченко 25 марта с группой студентов пошел брать пропуск на выезд в Киев, его задержали для выяснения личности. И вот уже два месяца, как он сидит при одесской тюрьме, его ни разу не допрашивали и не предъявляют ему обвинение и не дают мне разрешения на свидание с ним».

24 мая старший помощник заведующего бюро написал записку: «Срочно. Справку. В каком положении дело? В чем обвиняется и почему не допрошен?». Здесь же ответ: «Дело о гражданине Бельченко по книгам регистратуры не значится и неизвестно, у кого оно находится».

28 мая заведующий бюро жалоб РКИ направил председателю губЧК Реденсу письмо Павловой с просьбой об ускорении следствия. Резолюция от 2 июня: «Выяснить у кого дело и направить немедленно». На обороте тем же числом надпись делопроизводителя: «Дело Бельченко Михаила... было передано товарищу Палюшкину, помощнику уполномоченного по борьбе с контрреволюцией 10 апреля 1920 года».

Заключения следователя по делу нет.

4 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело М. Р. Бельченко по обвинению в «службе у белых», постановила: его **расстрелять**, все конфисковать. Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 8 июня, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Материалами дела не доказана не только контрреволюционная деятельность Бельченко во время службы у белых, но не доказана сама служба».

Реабилитирован 19 октября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Бельченко пока невозможно.

2. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъяты из дела шесть листов (л. 15, 17–19, 24, 25), в том числе телефонограмма и доклад сотрудника для поручений особого отдела ОГЧК Гавронского о его подозрениях относительно Бельченко.

(Дело № 27033-н)

27 марта 1920 года милицией Александровского района Одессы без предъявления обвинения арестован

ЛЕБЕДЕНКО (ЛИБЕДЕНКО) Семен Семенович (32 года). Родился в 1887 (1888) году в местечке Новопавловка Ананьевского уезда Херсонской губернии; национальность не указана, из мещан; образование начальное, по профессии — торговец; беспартийный; женат. На момент ареста заведовал кооперативной лавкой; проживал в Новопавловке.

Обстоятельства ареста. Задержан в Одессе и доставлен в районное отделение милиции членом КП(б)У Д. З. Уманом.

В протоколе дознания от 27 марта написано: «Я, младший помощник начальника Александровского района советской рабоче-крестьянской милиции Березан, дежурный по району, принял от инструктора Умана Давида Зеликовича, командированного Ананьевским райвоенкомом в одесскую инспекцию, следующее заявление: «Я приехал в Одессу по делам службы дней пять назад. Зайдя сегодня, 27 марта, в постоялый двор «Царское село», находящийся по Большой Арнаутской улице угол Александровской, я встретил там Семена Лебеденко... При власти Добрармии он предавал и провоцировал товарищей коммунистов и кроме того натравливал на еврейское население Новопавловки бандитов и вообще активно боролся со сторонниками советской власти... Когда я формировал с разрешения Ананьевского парткома партизанские отряды в Новопавловке в ноябре, то Лебеденко несколько раз натравливал местечко, чтобы нас обезоружить. Кроме того, при уходе добровольцев из местечка по его инициативе были подожжены еврейские магазины, которые выгорели дотла. Лебеденко также принимал участие в грабежах населения, ввиду чего я решил доставить его в район, для чего прибег к помощи милицейского патруля. При препровождении Лебеденко в район он, Лебеденко, предлагал старшему милиционеру взятку в 500 рублей, но милиционер отказался и доставил его в район...»

Далее записано, что опрошенный Лебеденко заявил: «В предъявленном мне обвинении не признаю себя виновным. Никогда подобного не делал. Я служу в кооперативе «Польза» в местечке Новопавловка. Деньги милиционеру давал потому, что боялся быть арестованным».

Здесь же приводятся показания двух свидетелей, жителей Новопавловки. Оба заявили, что Лебеденко — коренной житель местечка, имеет там три магазина и является

выборным в кооперативе. Один из свидетелей сказал, что знает его с лучшей стороны; оба утверждали, что по поводу обвинения его в контрреволюционных поступках ничего сказать не могут.

Завершается протокол дознания показаниями старшего по патрулю милиционера Александровского района Снитковского. «Я ходил с патрулем по Большой Арнаутской, когда ко мне подошел инструктор товарищ Уман и попросил оказать ему содействие к аресту Лебеденко. Проверив мандат товарища Умана, я с патрулем пошел в постоянный двор, где и взяли Лебеденко. Дав Лебеденко двух милиционеров для сопровождения, я его отправил в район...»

На следующий день арестованный вместе с протоколом дознания был препровожден в ОГЧК.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный в ОГЧК допрос Лебеденко провел 28 марта дежурный следователь (подпись неразборчива, один допрос более чем за два месяца ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый постоянно живет в Новопавловке и занимается торговлей. По поводу обвинения заявил: «Коммунистов я никогда не выдавал и добровольцам говорил, что таковых не знаю. При погроме, который был у нас в местечке, я не участвовал, погром действительно был колоссальный, я такого ужаса не видел. Я при погроме беспокоился относительно кооператива и мне советовали нарисовать крестики, я это сделал и магазин остался в целости. Лично мои магазины также остались в целости. Виновным себя в предательстве и участии в погроме не признаю. Больше ничего сказать не могу».

4 апреля жители Новопавловки приняли два постановления в защиту арестованного и направили их в ОЧСК.

В первом говорится: «Мы, нижеподписавшиеся жители местечка Новопавловки, узнав об аресте Семена Семеновича Лебеденко, заведующего общественной лавкой, по наговору некоторых личностей обвиняемого якобы в поджоге еврейских магазинов во время денкинского отступления, удостоверяем, что это есть клевета из-за личных счетов, и просим о немедленном его освобождении, так как он, Лебеденко, — человек честный и благонадежный и ни в каких политических партиях не участвовал, в чем и подписываемся». Под документом более шестидесяти подписей, в том числе евреев; заверено подписями и печатями председателей местечкового исполкома и уездного исполкома, которые указали, что удостоверяют не только подписи, но и «все вышеизложенное». На документе резолюция сотрудника ОГЧК Альбинского от 8 апреля: «К делу Лебеденко. Если же такового нет, то в наряд разного рода бумаг».

Второе постановление принято на собрании представителей — по одному человеку от каждых десяти дворов Новопавловки и каждого сельсовета Новопавловской волости: «Волостное собрание единогласно постановило: удостоверить настоящим постановлением, что Семен Семенович Лебеденко хорошо известен всему населению Новопавловской волости как человек честный, добросовестный и не участвовавший ни в каких политических партиях и контрреволюционных выступлениях или агитациях. Просим законную власть о немедленном освобождении Лебеденко, в чем и подписываемся» (тридцать пять подписей, заверены председателем волостного исполкома и волостной

печатью). Резолюций на документе нет, только штамп справочного бюро ОГЧСК с входящим номером и датой регистрации — 8 апреля.

Никто из свидетелей не вызван и не допрошен. Заключение по делу нет.

4 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело С. С. Лебеденко по обвинению в «участии еврейских погромов — как инициатора», постановила: его **расстрелять**, имущество конфисковать. Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 7 июня, когда дело было сдано в архив.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Обвинение основано на неконкретных и противоречивых доказательствах. Сам Лебеденко С. С. виновным себя не признал, участие в еврейских погромах и какой-либо контрреволюционной деятельности отрицал».

Реабилитирован 20 февраля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле нет совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подсудимого: Лебеденко и Либеденко. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись и большинство документов — Лебеденко.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Лебеденко пока невозможно.

3. К делу приложены документы другого человека — Николая Леонтьевича Леута, изъятые при аресте и обыске А. Л. Янко (дело № 26940-п, см. стр. 237–240): членский билет от 3 июля 1919 года, свидетельствующий, что Леут состоял членом киевского отделения Всероссийского профсоюза работников банковско-кредитного дела, а также удостоверение, аттестат и подорожная за ноябрь 1919 года, свидетельствующие, что он служил уланом дивизиона 16-го уланского Новоархангельского полка. Дела Н. Л. Леута в фонде «П» нет.

4. К делу подшиты также письмо и записка двух других людей.

5. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъят из дела л. 10 — заявление (возможно, Умана).

(Дело № 27172-п)

28 марта 1920 года начальником Пересыпского района Одессы без предъявления обвинения арестован

КОМИССАРЕНКО-КОМИССАРОВ (КОМИССАРОВ-КОМИССАРЕНКО) Николай Лукич (32 года). Родился в 1887 (1888) году, место рождения и национальность не указаны; из крестьян; образование среднее, по профессии — конторщик; беспартийный; женат. На момент ареста постоянного места работы не имел; проживал в Одессе (ул. Щелаковой, 13, кв. 24).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Вероятно, был опознан на улице Степаном Магденко как «бывший пристав» и доставлен в дежурную часть начальника Пересыпского района. Там дежурный младший помощник начальника составил протокол дознания от 28 марта, в который записал показания обвинителя и задержанного. Магденко заявил, что перед Рождеством 1919 года на станции Бирзула был арестован Феников — его сын от первого брака. Комиссаренко обещал освободить его за взятку, но,

получив 15 тысяч рублей, ничего не сделал, и арестованный был отправлен в Одессу в контрразведку белых. Кроме того, Комиссаренко якобы в его отсутствие взломал замок и ограбил его квартиру. Задержанный категорически отверг эти обвинения. В тот же день проведен обыск у него на квартире, в результате которого изъяты четыре куска кожи для седла, баклажка, полевой бинокль, четыре карты.

29 марта арестованный, изъятое у него имущество и материалы дознания препровождены в ОГЧК (вещи оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Ордер № 937 ОГЧК на арест и обыск Комиссаренко-Комиссарова оформлен 30 марта, когда арестованный уже два дня находился под стражей, а обыск был проведен милицией 28 марта. В приложенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Находится в предварительном заключении при ОГЧК. Коменданту при получении ордера зарегистрировать его и немедленно отправить в секретно-оперативный отдел, а арестованного в камеру». При личном обыске 30 марта изъяты несколько личных документов.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запотоколированный допрос Комиссаренко-Комиссарова в ОГЧК провела дежурный следователь Горшкова (дата не указана, предположительно 30 марта, один допрос за две с половиной недели ведения следствия).

В протоколе и изъятых при обыске личных документах записано, что допрашиваемый до германской войны проживал в Одессе, служил конторщиком в товариществе Невской мануфактуры, после мобилизации направлен на фронт батальонным командиром 52-го пехотного Виленского полка, имел чин поручика, дважды был ранен, контужен; за боевые заслуги награжден орденами с мечами и бантами Анны 4-й и 3-й степеней, Станислава 3-й степени и Владимира 4-й степени, состоял в Союзе увечных воинов Одесского гарнизона. В 1918 году служил приказчиком в лавке Союза взаимопомощи офицеров. При добровольцах был снова мобилизован и назначен на должность надзирателя 1-го участка Ананьевского уезда, исполнял обязанности помощника пристава. Находился под судом за службу в Красной армии в карательном Тираспольском отряде полковника Пукалова.

По поводу показаний обвинителя дал следующие разъяснения. Фиников и Магденко — известные воры, числились в розыске, и по указанию пристава он был послан к ним на квартиру с обыском. Замок не взламывал, так как на квартире находилась женщина; пригласил понятых и в их присутствии произвел обыск, найденные краденые вещи сдал приставу; впоследствии их возвратили владельцам. Категорически заявил, что взятки не брал и не мог взять, поскольку Магденко скрывался и они не встречались.

8 апреля следователь ОГЧК (подпись неразборчива, предположительно Вихров. — *Ред.*) составил заключение по делу Комиссаренко-Комиссарова, обвиняемого во «взятничестве во время службы его помощником пристава на станции Бирзула». В заключении сказано, что обвинитель и все свидетели проживают в Бирзуле и окрестностях, поэтому предлагается обвиняемого вместе с делом направить в Ананьевскую ЧК. Данных о проведении следствия в Ананьеве нет.

16 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Н. А. Комиссаренко-Комиссарова по обвинению во «взятничестве во времена белогвардейщины, будучи помощником пристава на станции Бирзула», постановила: «Применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, все имущество, как движимое, так и

недвижимое, конфисковать». Дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Обвинение во взяточничестве помощника пристава Комиссаренко-Комиссарова Н. А. основано было только на показаниях свидетеля Магденко С. Г. Данных о контрреволюционной деятельности Комиссаренко-Комиссарова в деле не имеется».

Реабилитирован 30 сентября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Комиссаренко-Комиссарова пока невозможно.

2. К делу приложены документы за 1921 год на Александра Васильевича ЛУЗИНОВА, взводного командира 52-го кавалерийского полка VI армии, вероятно, изъятые при аресте и обыске. Дела А. В. Лузинова в фонде «П» нет.

(Дело № 26997-н)

28 марта 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

ХОНИЛО (ХАНИЛО) Антон Васильевич (54 года). Родился в апреле (?) 1865 года в деревне Великое село Пружанского уезда Гродненской губернии; белорус (?), из крестьян; образование начальное, по профессии — дворник; беспартийный; женат. На момент ареста работал дворником по месту жительства; проживал в Одессе (ул. Кондратенко, 22, кв. 1).

Основанием для ареста послужило заявление от 22 марта в следственную комиссию заведующего агитационно-организационным отделом политпросвета губернского военкомата члена КП(б)У Льва Рудина (А. Г. Блюмкина), зарегистрированное в ОГЧСК 27 марта. Заявитель сообщил: в доме № 9 по Ст. Институтской улице, где он жил в период подполья, «скрывается много добровольцев-офицеров, не успевших эвакуироваться... К характеристике всего населения дома могу сообщить, что когда советская власть объявила бельевую повинность, состоялось собрание жильцов, которые постановили: белья не давать, ждать четыре дня, пока придут поляки и петлюровцы... Полагаю, что там нужно произвести повальный обыск». Во второй части заявления он утверждал, что при добровольцах дворник дома № 22 по улице Кондратенко Антон Хонило арестовал его жену и еще двоих жильцов. «Арестованные просидели в тюрьме полтора месяца по обвинению в коммунизме. После прихода советской власти Антон Хонило скрывался. Теперь он появился вновь... Считаю необходимым его арестовать. Этот провокатор бьет дома только ночью...»

Ордер № 879 ОГЧК на арест и обыск оформлен 28 марта. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что ничего не обнаружено.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Хонило (за полтора месяца ведения следствия): в день ареста, 28 марта, и через две с половиной недели, 14 апреля; допрашивал следователь юридического отдела при ОГЧСК Радионов.

В протоколах записано, что допрашиваемый последние 35 лет безвыездно жил в Одессе и все время служил дворником. У жильцов дома Блюмкиных и Шихманов с ним личные счеты, поэтому они написали на него донос, но в их аресте при добровольцах он участия не принимал, только как дворник указал их квартиры. По существу дела арестованный показал: «Я не против коммунистов, а кто их арестовал не знаю... Я не скрывался, это сплошная ложь... В Николаев я ездил за провизией... Виновным себя не признаю».

16 и 19 апреля допрошены пятеро свидетелей, в том числе жильцы дома, в котором работал дворником обвиняемый.

Супруги Блюмкины повторили обвинения в адрес Хонило и дополнительно заявили: «чрезвычайно опасный субъект, хитрый, как лисица, льстивый, увертливый, неглупый и невероятно мстительный. Основная черта его характера — жадность... В политическом отношении — убежденный монархист, антисемит и хулиган». Летом 1919 года они видели дворника под Николаевом во время восстания матросов и на этом основании утверждали, что он вез восставшим винтовки «по поручению местной агентуры белых» (правда, Блюмкин показал, что винтовок было две тысячи, а его жена — что пятьсот).

Остальные свидетели также заявили, что добровольцы производили аресты по доносам Хонило, но никаких доказательств не привели, кроме слов: «в том, что он работает в подполье, не может быть и сомнения»; «дворник как вообще при всех случаях [присутствует] при обыске и аресте». Очные ставки между обвиняемым и свидетелями не проводились.

10 мая помощник уполномоченного по общим делам Радионов составил заключение по делу Хонило, обвиняемого в «выдаче членов КП(б)У товарищей Блюмкиной, Мойсея и Якова Шихманов». Повторив показания обвиняемого и свидетелей, следователь написал: «В прошлом году, когда авантюрист Григорьев поднял восстание, подержанное николаевскими матросами, товарищ Блюмкин, эвакуировавшийся как коммунист из Николаева, застает в районе восстания Ханило (так в документе. — *Ред.*), который везет оружие по поручению организации добровольцев со своим товарищем матросом, служившим при советской власти в особом отделе, а при добровольцах в контрразведке. Этот факт говорит за то, что Ханило не случайно обманутая жертва белогвардейцев, а вполне сознательный контрреволюционер, и нет никаких основательных причин, чтобы его оправдать».

Исходя из всех вышеизложенных фактов, предъявлено Ханило Антону Васильевичу обвинение в службе в контрразведке, выдаче членов КП(б)У и способствовании в 1919 году, работая в подполье в пользу белых, снизвергнуть советскую власть.

Принимая во внимание, что гражданская война еще не закончена и освободив Ханило мы наносим удар революции, предлагаю расстрелять».

12 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело А. В. Хонило по обвинению в «службе в контрразведке, в выдаче коммунистов и подпольной работе», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, все его имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 14 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Решение не соответствует материалам дела. Виновным себя Хонило ни в чем не признал, какое-либо отношение к контрразведке отрицал. Как дворник он указал квартиру одного из жиль-

цов по требованию спрашивавших его белогвардейцев. Показания свидетелей неконкретны, тенденциозны. Хонило заявил о неприязненных отношениях с ними. Никаких попыток установления истины по делу следователем предпринято не было».

Реабилитирован 14 июля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Хонило, Ханило. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в заявлении обвинителя — Хонило.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Хонило пока невозможно.

(Дело № 27450-н)

28 марта 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

ЧЕРНИХОВСКИЙ Стефан (Степан) Титович (34 года). Родился в 1885 (1886) году в селе Майдан Винницкого уезда Подольской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование начальное, по профессии — военный; беспартийный; вдовец, имел одного ребенка. На момент ареста служил в милиции Бульварного района; проживал в Одессе (ул. Троицкая, 56, дворницкая).

Обстоятельства ареста. На улице встретил трех красноармейцев — Марка Таксера, Арона Кобрин и Джумса Бродера, ранее живших в Виннице, и они опознали в нем бывшего жандарма, задержали и доставили в ЧК. В деле подшиты их показания от 28 марта: «Проходя по улице, узнали в Черниховском жандарма при старом режиме, сотрудника политической контрразведки при Петлюре... издевался над пленными красноармейцами... участвовал в еврейских погромах... Вообще он зловредный контрреволюционер, что все жители нашего города могут подтвердить». Один из задержавших — англичанин Джумс Бродер заявил, что Черниховский якобы убил его брата, также красноармейца.

В тот же день дежурный следователь Николова написала в секретно-оперативный отдел: «Прошу выписать ордер на право обыска и ареста гражданина Черниховского Стефана, проживающего по ул. Троицкой, 56 у дворника. Гражданин Черниховский находится арестованным в комендатуре согласно поступивших показаний о нем же».

Ордер № 884 ОГЧК на арест и обыск оформлен 28 марта. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты винтовка, 15 патронов и шашка (оприходованы оперативной частью ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Черниховского (за месяц ведения следствия): 28 марта и через две недели, 11 апреля; допрашивал следователь ОГЧК Радионов.

В протоколах записано, что допрашиваемый получил домашнее образование, служил городовым в Виннице, в августе 1916 года был направлен на фронт, в конце 1917-го демобилизовался и вернулся в Винницу, служил в милиции. При Петлюре служил на станции в железнодорожной охране. В 1920 году приехал в Одессу и поступил в мили-

цию. На допросе заявил, что к разведке никакого отношения не имел, в расстрелах красноармейцев участия не принимал и вообще их не видел; знает только одного из свидетелей — при старом режиме задержал его брата, поэтому тот сейчас сводит личные счета.

Предположительно 16 апреля (точно прочесть дату не удалось) помощник уполномоченного по общим делам Радионов составил заключение по делу Черниковского, обвиняемого в «расстреле коммуниста Джумса Бродера и в службе в петлюровском розыске». В заключении сказано: «Установив на основании показаний товарищей Таксера и Кобринна факт его виновности в службе в романовские дни в Виннице городовым, а у петлюровцев в дорожной охране, принимая во внимание плутовство и притворство, умея себя выгораживать из беды как старый опытный городовой и верный служака Романова, затем Петлюры, учитывая его политическую темноту, предлагаю Черниковского заключить в концентрационный лагерь до конца гражданской войны».

26 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело С. Т. Черниковского по обвинению в «службе в петлюровской контрразведке и расстреле красноармейца», постановила: «Обвинение считать доказанным и заключить его в концлагерь сроком на три года».

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Допрошенный Черниковский заявил, что в контрразведке белых никогда не служил и участия в расстреле красноармейца не принимал. Показания... свидетелей общи и противоречивы между собой, доказательством совершения преступления быть не могут».

Реабилитирован 18 августа 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле нет совокупности доказательств совершения им преступления».

(Дело № 26960-п)

29 марта 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **ГЛАДКОВ (ГЛАТКОВ, ГЛАДКО) Константин Иванович (24 года)**. Родился в 1895 (1896) году в городе Бердянске Таврической губернии; национальность и происхождение не указаны; образование начальное, по профессии — матрос; беспартийный; холост. На момент ареста торговал мелким товаром на толчке; проживал в Одессе (Ланжероновский спуск, 1, кв. 23).

Обстоятельства ареста. Задержан на улице и доставлен в ОГЧК красноармейцем 1-го Интернационального полка Михаилом Соловцевым. В тот же день, 29 марта, Соловцев написал заявление и был допрошен в качестве единственного свидетеля по делу. Он сообщил, что летом 1919 года был контужен в боях под Черкассами и направлен на лечение в Одессу. 1 августа на Преображенской улице увидел Гладкова, который был одет в штатский костюм и «подозрительно осматривал проходивших красноармейцев, а также лиц, причастных к военной власти... я долго следил за ним... хотел арестовать для выяснения личности... но, приблизившись, увидел у него в кармане наган и не ре-

Фотография в деле К. И. Гладкова, не надписана

шился... Спустя некоторое время после отхода из Одессы Красной армии и вступления добровольческих бандитов увидел на Ришельевской улице Гладкова в военной форме вольноопределяющегося, с погонами с тремя нашивками... он наносил побои какому-то молодому человеку и кричал: «Большевик!» ...Когда Гладков ушел, я спросил у публики, кто он такой, на что мне ответили — служащий контрразведки... Я его обвиняю, то есть уличаю, что таковой служил в контрразведке в 1919 году». 29 марта заявитель, встретив Гладкова на Преображенской, при содействии помощника командира броневоего отряда 44-й дивизии Горбатского задержал и доставил его в ОГЧК.

Ордер № 911 ОГЧК на арест и обыск Гладкова оформлен 29 марта, когда арестованный уже находился в оперчасти ЧК. В протоколе личного обыска, проведенного в тот же день, указано, что изъяты четыре удостоверения, фотографии и 3300 советских рублей (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК). В приложенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», дано указание произвести обыск на квартире арестованного: «искать оружие, переписку...». В протоколе обыска от 29 марта написано, что на квартире «ничего не обнаружено».

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Кроме того, 29 марта выписан ордер № 910 на обыск и арест брата арестованного — Ивана Ивановича Гладкова, проживавшего по Польскому спуску, 6, кв. 2. (Вероятно, этот ордер оформлен ранее, так как имеет меньший порядковый номер). В рапорте комиссара оперчасти Гариса от 30 марта говорится, что произвести обыск и арест Ивана Гладкова не удалось, так как он не проживает по указанному адресу уже около недели, а в занимаемой им ранее комнате поселился другой человек. (Был ли И. И. ГЛАДКОВ арестован — неизвестно; его дела в фонде П» нет).

К делу приложены четыре незаполненных типографских бланка следующего содержания:

Начальнику контрразведывательного отделения
штаба войск Новороссийской области
РАПОРТ

Представляю при сем на Ваше распоряжение дознание № _____ о _____ и доношу, что обвиняем ___ по настоящему дознанию находится на свободе.

Помощник начальника контрразведывательного пункта
Делопроизводитель по судной части

Начальнику контрразведывательного отделения
штаба войск Новороссийской области
РАПОРТ

Представляю при сем на Ваше распоряжение дознание № _____ о _____ и доношу, что обвиняем ___ по настоящему дознанию содержится под стражей _____ и перечислен содержанием за Вами.

Помощник начальника контрразведывательного пункта
Делопроизводитель по судной части

К делу приложен также чистый лист со штампом начальника одесского контрразведывательного пункта Добровольческой армии. Но ни в протоколе личного обыска К. И. Гладкова, ни в протоколе обыска по Ланжероновскому спуску, 1, кв. 23 эти документы не фигурируют.

Единственный запротоколированный допрос Гладкова проведен в ОГЧК 30 марта (один допрос за более чем месяц ведения следствия, фамилия следователя не указана).

В протоколе записано, что допрашиваемый окончил 4 отделения школы, до 1918 года служил матросом на транспорте «Грегор». При деникинской власти определенных занятий не имел, торговал на толчке разными товарами; был арестован, содержался в Бульварном участке, бежал. После установления советской власти продолжал заниматься мелкой торговлей. Где находится брат Иван, не знает. Категорически отрицал принадлежность ему бумаг контрразведки, заявил, что таковых у него не было. Назвал имя и адрес одного коммуниста, который может подтвердить его благонадежность.

К делу приложены удостоверения, изъятые у арестованного при обыске:

— выданное 11 февраля 1920 года начальником одесского госпиталя Российского общества Красного креста в том, что К. И. Гладков с 29 июля по 28 августа 1919 года находился на излечении в госпитале и по приемной книге числился как командир эскадрона 3-го Кубанского кавалерийского советского полка;

— выданное 11 февраля 1920 года членом губисполкома и членом коллегии чрезвычайной межведомственной комиссии (подпись неразборчива) — «Сим удостоверяю товарища Константина Гладкова и рекомендую как политического работника партии левых эсеров, служащего советской власти, исполняя возложенные обязанности... Прошу не отказать и зачислить в штат доверенного Вам управления. Надеюсь, что товарищ Северный не откажет моей просьбе». На обороте карандашом написано «Принять. Северный»;

— выданное 10 марта 1920 года начальником одесской городской милиции в том, что гражданин Гладков, 24 лет, имеет право на свободное проживание по Украине (действительно до 10 сентября 1920 года);

— документ без даты о том, что он проживает по Ланжероновскому спуску, 1.

3 апреля двоюродная сестра арестованного Мария Пруженкова (Пуженко) подала заявление на имя председателя ОГЧК. В заявлении она пишет: Гладков — бывший командир красного эскадрона «был ранен летом 1919 года под Екатеринославом в бою против добровольцев и привезен в Одессу на излечение и помещен в хирургический госпиталь по Троицкой улице. Отсюда был удален при добровольцах. В подтверждение того, что брат мой честный труженик, что на службе в контрразведке не состоит, представляю удостоверения товарищей коммунистов и моряков транспорта «Граф Платов», каковых прошу допросить, а также жильцов дома, комиссара и смотрителя двора, где брат мой проживал при добровольцах».

В деле есть еще два заявления в защиту арестованного (даты не указаны). Четверо продармейцев 1-й роты рабочего полка написали: «Удостоверяем, что лично знаем Константина Ивановича Гладкова как честного труженика, и категорически утверждаем, что на службе он в контрразведке не состоял и никакого отношения к ней не имел. В подтверждение всего вышесказанного просим подвергнуть нас допросу в качестве свидетелей» (рядом с фамилиями указаны домашние адреса). Жильцы дома по Ланжероновскому спуску, 1 удостоверили, что «проживающий в доме Константин Иванович Гладков в контрразведке ни в какой должности не состоял и никакого отношения к ней не имел» (подписи жильцов заверены печатью домкома). Никто из этих людей, как и свидетель, названный обвиняемым на допросе, допрошен не был.

20 апреля обвиняемый подал заявление на имя председателя ОГЧК Реденса: «Я арестован 29 марта на улице одним красноармейцем, которого я совершенно не знаю. Вины против советской власти я за собой совершенно не имею. Сижу до настоящего дня со-

вершено без предварительного допроса, а потому прошу Вас, товарищ председатель, дать соответствующее распоряжение ускорить ход моего дела». Резолюция от 24 апреля: «К делу Гладкова».

Предположительно в начале мая (дата не указана) помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией (подпись неразборчива) составил заключение по делу Гладкова, обвиняемого в «службе в контрразведке». В заключении сказано: «Из имеющегося в деле следственного характера материала (на стр. 2) (заявление Соловцева. — *Ред.*) Гладков Константин Иванович в период добровольческой власти служил в контрразведке, избивал политических, где указан случай на Ришельевской улице. Гражданин Гладков был доставлен в губЧК гражданином Семенцовым (так в документе, но имеется в виду Соловцев. — *Ред.*) с помощником коменданта (так в документе. — *Ред.*) броневом отряда товарищем Горбатским. Обыском и следствием по делу установлено: у гражданина Гладкова К. И. найдены бумаги (на стр. 17–22), принадлежащие контрразведке. Обвиняемый Гладков категорически отрицает, что в контрразведке он не служил и что бумаги ему не принадлежат, но говорит, что при денкинской власти нигде не служил, занимался торговлей и при советской власти арестованным не был, что заставляет сомневаться: с одной стороны Гладков говорит, что он матрос, служил в 1919 году советской власти и при добровольцах свободно продолжал, как он показал, торговлю на рынке. А потому предлагаю к Гладкову Константину Ивановичу применить меру наказания по усмотрению президиума. По делу значится денег 3300 рублей».

9 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело К. И. Гладкова по обвинению в «службе в контрразведке и избиении политических заключенных», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Обвинение основано только на неконкретных показаниях свидетеля Соловцева М. Г. Допрошенный в качестве обвиняемого Гладков показаний о своей причастности к службе в контрразведке белых и избиении заключенных не дал...»

Реабилитирован 20 февраля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Гладков, Глатков, Гладко. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в личных документах, изъятых при обыске — Гладков.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Гладкова пока невозможно.

(Дело № 27166-н)

Не позднее **29 марта 1920 года** Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

ДЕ-МОРЖЕ (ДЕ-МАРЖЕ, ДЕ МОРЖЕ ЧЕРНЕЦ) Чеслав, возраст не указан, анкетных данных в деле нет.

Обстоятельства ареста. 29 марта оформлен ордер № 895 на арест и обыск де-Морже, уже находящегося в ОГЧК. В приложенном к ордеру бланке без даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Взять гражданина де Морже из кабинета Заковского и заключить под стражу. Предварительный допрос не нужен. Зачислить его за мной. Л. Заковский (начальник особого отдела ОГЧК. — Ред.)».

В тот же день проведен личный обыск арестованного, изъяты 1500 рублей (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Основные документы дела — пять донесений (докладов) Чеслава де-Морже в ОГЧК, четыре сообщения агентов ЧК, ведших за ним слежку, и два его признания после ареста. Приводим тексты полностью, стиль соответствует оригиналам.

Чеслав де-Морже
в 1910-е годы

Доклад 1. 25 марта я, прогуливаясь по Ришельевской улице, зашел в кафе, где просидел часа два. Часа за полтора пришел Алехнович, которого я знаю по Киеву. Он сюда приехал месяца за два. Он, увидев меня, обрадовался, сказав, что будут у нас работники, так как здесь таковых очень мало, работают даже еврейчики. Сказал, что Иордан уехал в сторону Вапнярки на разведку и говорил, что с Киевом сейчас связи нет. В понедельник условились встретиться опять в кафе и он после этого в среду введет меня в организацию. В кафе условились встретиться с одиннадцати до часу. Говорил, что на меня будет возложена серьезная задача. Количество состава одесской организации он мне сказать не мог, но сказал, что состав больше, чем в Киеве. *де-Морже.*

Сообщение. 25 марта. Указанный тип гулял, выходя из комиссии, по Пушкинской туда и назад к большому театру и свернул на Ришельевскую, где зашел в кафе и сидел у окна, читал газету, в его обществе никого не видели. Оттуда он через час направился на вокзал. *Алкт.*

Донесение 2. 26 марта, проходя по Ришельевской у костела (старого), я увидел даму Домброву (кличка) Марию, которая вышла из домика, где живет какой-то церковный служитель, и направилась на Екатерининскую улицу, где я ее потерял. Потом пошел в новый костел, где у меня на базаре вытащили пропуск и деньги. Больше ни с кем на улице не говорил, кроме как с сотрудником ЧК (Броневым). *де-Морже.*

Сообщение. 26 марта. Указанный тип, выходя из комиссии, зашел в парикмахерскую, оттуда на Ланжероновскую улицу в кафе, оттуда он пошел на Дерibasовскую, где спрашивал что-то у какой-то женщины. Оттуда он направился на Екатерининскую и, свернув на Ришельевскую, зашел в ворота польского костела, минут через пять он оттуда вышел и направился по Ришельевской, где зашел в галантерейный магазин и там купил черные обмотки. Оттуда выходя, он встретил двух лиц, с которыми завязал разговор и провожал их до угла. Один из них высокий, немного хромой, обшитые сапоги (светлые), кожаная тужурка, круглая кавказская шапка с черным верхом. Второй — маленький, в шубе, оттуда он ушел на Ришельевскую № 1, зашел во двор, был там минут десять и вышел с каким-то стариком, с которым рас-

кланялся и пришел в комиссию. Через базар за все время он не ходил и чтобы потел, что-нибудь не было видно. Заметно, что он делает очень много попусту.

Сообщение. 26 марта (продолжение). Указанный тип, распростившись на углу Троицкой улицы и Ришельевской с двумя неизвестными типами, ушел обратно в город. Первый неизвестный тип был высокого роста, брюнет, бритый, в каракулевой шапке, похожей на черкеску, кожаной тужурке, синих брюках полугалифе, в серых теплых валенках, шел, прихрамывая слегка, с папкой в руке. Второй неизвестный тип среднего роста, брюнет, бритый, в меховой шапке, в черном обыкновенном пальто с каракулевым воротником, брюки черные навывпуск, с портфелем под мышкой. Оба неизвестные были похожи на евреев. Когда неизвестные разошлись с указанным типом, то направились по Троицкой улице в город, с Троицкой они завернули на базар арнаутский, прошли базар и на Александровской улице вошли в дом № 10, где зашли в квартиру левого флигеля, номер квартиры не обозначен. После продолжительного времени, больше не дождавшись их выхода, оставил. *Зиверт.*

Дополнение: У первого неизвестного типа на шапке был красноармейский значок. (Доклада де-Морже за 27 марта в деле нет. — *Ред.*)

Сообщение. 27 марта. Указанный тип по выходе из ЧК зашел в парикмахерскую, находящуюся напротив ЧК, то есть по Екатерининской № 5. Пробыв около $\frac{3}{4}$ часа, вышел и направился в город, по дороге у дома № 7 по Екатерининской улице купил папиросы. Следуя дальше по Екатерининской улице, он зашел в кафе «Фанкони» и пробыл с полчаса. Оттуда пошел по Дерибасовской, по Ришельевской улице, где в доме № 23 зашел к фотографу, где пробыл около часа. По выходе из дома № 23 он направился обратно по Ришельевской улице, завернул на Ланжероновскую улицу, в дом № 18 зашел, откуда через минут десять вышел. После чего зашел на Ланжероновской в кафе «Пале Рояль», где пробыл с $\frac{3}{4}$ часа и обедал. Отсюда он пошел по Дерибасовской улице, прошел через греческий базар, завернул на улицу Кондратенко, дошел до Ришельевской улицы и зашел с черного хода во двор костела. Прошел через двор костела и вышел на Екатерининскую улицу. Оттуда он направился опять на Ришельевскую улицу и пошел по направлению к вокзалу. По дороге он остановился на углу Ришельевской и Троицкой у ларька с фруктами и заказал якобы сладости, потом вошел в лоток и с владельцем ларька имел продолжительный разговор и торговлю с виду. Распростившись, он направился к вокзалу. У здания вокзала оставлен. *Зиверт, Алкст.*

Доклад 3. 28 марта я в костеле увидел Домброву, которая имела в руках тетрадку с полотном (рапортом), по моему мнению она должна куда-нибудь выехать. По выходе из костела она зашла в дом № 25, кв. 3 на втором этаже по Кондратьевской улице. Оттуда она вышла минут через пять и пошла на вокзал Малая Одесса, где я ее потерял из виду. *Чеслав де-Морже.*

Доклад 4. 29 марта я пошел в кафе на Ришельевской (Фанкони), где я условился встретиться с Алехновичем. Пришел без десяти минут одиннадцать. Просидев около часа, я увидел, что Алехнович проходит мимо кафе, но не заходит. Я вышел и направился за ним. Нагнал я его через два квартала, остановил и спросил, почему он не зашел в кафе и как обстоит дело. На это он ответил, что теперь опасное время и ввести в организацию не может и что он сегодня уезжает. Больше он мне ничего не говорил и вообще говорил со мной как-то недоверчиво. После чего мы расстались. Руки он мне не подал. *де-Морже.*

Донесение 5. 29 марта. Когда я был в Киеве при Деникине, я в политическом отделе нашей организации видел у коменданта фотографические карточки одесской группы нашей организации. Группа была из восьми человек, среди них был ксендз высокого роста, брюнет в котелке, я его видел 27-го на улице. Второй тип, как зовут, не знаю, низкого роста, широкий, ходит в черном пальто и черной шапке, шатен, видел я его 28-го в костеле. Не говорил я Вам про них потому, что не знал, работают ли они или нет. На карточке было шесть мужчин и две женщины. *de-Морже*.

Признание 1. 29 марта. На все мною раньше сказанное могу сказать, что я не все говорил правду. Алехновича я не видел при таких обстоятельствах, как я указал в первом докладе. Домброву не видал, а врал потому, что я трачу Ваши деньги и ничего ценного не даю. На сказанное в моем втором докладе, что у меня украли деньги, тоже неправда, так как я купил шапку и обмотки, деньги истратил, а признаться было стыдно, поэтому я придумал такую ложь. Про сегодняшнее посещение кафе «Фанкони» я тоже соврал, потому что Алехнович не приходил и я его не видел. Донесение про ксендза и второго, и виденной мною в Киеве фотографической карточке, говорил правду. *de-Морже*.

Признание 2. 29 марта. Все, мною раньше сказанное, ложь. Алехновича не видел, Домброву тоже не видел, про Иордана не знаю. Правду я говорю только в донесении 5 от 29 марта, где говорится про ксендза и еще одного, которых я видел на фотографической карточке в Киеве. *de-Морже*.

Протоколов допроса арестованного и свидетелей в деле нет.

4 апреля получена телеграмма из Киева от заместителя начальника Всеукраинской чрезвычайной комиссии Жукова — особому отделу ОГЧК: «Де Морже применить высшую меру наказания. Весь материал по слежке за ним вышлите в Киевскую губЧК».

2 мая начальник особого отдела Л. Заковский составил заключение по делу: «Чеслав де Морже Чернец (так в документе. — *Ред.*) состоял членом польской военной организации в Киеве. Привезен сюда в Одессу для работы, но за время своего пребывания здесь на свободе давал ложные сведения и без стеснения тратил предоставленные ему для дела средства. На запрос Киевской губЧК, что с ним делать, получен ответ: применить к Чеславу де Морже Чернец высшую меру наказания (при сем телеграмма прилагается). Предлагаю поступить согласно распоряжению Киевской губЧК, то есть Чеслава де Морже расстрелять».

18 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Чеслава де-Морже по обвинению в «шпионаже», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять, имущество конфисковать**». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 21 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1996 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Дело состоит из двадцати листов, процессуальных документов в нем нет. Из заключения сотрудника ЧК можно судить о том, что де-Морже как негласный сотрудник был командирован из Киева в Одессу для выполнения оперативного задания, о чем свидетельствуют его донесения. Однако задание не выполнил, полученные для этой цели деньги израсходовал... О занятии де-Морже шпионажем материалов в деле нет».

Реабилитирован 30 августа 1996 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: де-Морже, де-Марже, де Морже Чернец. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в ряде документов — де-Морже.

2. Возможно, заседание коллегии состоялось 17 мая — так напечатано на бланке, но затем от руки исправлено на 18 мая. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому точно указать дату заседания, а также дату расстрела де Морже пока невозможно.

(Дело № 27798-н)

Не позднее **29 марта 1920 года** Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

ЗАГАЙКЕВИЧ Богдан Петрович (34 года). Родился в 1885 (1886) году, место рождения и национальность не указаны; из служащих; образование высшее, по специальности — искусствовед, историк искусства; беспартийный; холост. На момент ареста служил сотником в Украинской галицийской армии (УГА); временно проживал в Одессе (ул. Екатерининская, 24, кв. 12).

Обстоятельства ареста из дела не ясны.

Ордера, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет. 29 марта в отдел хранилищ ОГЧК сдан театральный бинокль с футляром, изъятый при обыске.

Запротоколирован единственный допрос Загайкевича (один за два с половиной месяца ведения следствия, дата и фамилия следователя не указаны).

В протоколе записано, что допрашиваемый происходит из семьи профессора, окончил гимназию и университет, до войны состоял ассистентом в университете, затем был на фронте, с 1918 года служил в УГА, в последнее время болел тифом. По поводу изъятых у него бумаг объяснил: «...Я собираю всякие документы по истории нынешнего момента для галицийских и венских библиотек и музеев... У меня имеются книги и брошюры по искусству, советские газеты и прокламации. Вообще я очень интересуюсь искусством и наукой». Когда добровольцы уходили из города, взял возле отдела пропаганды несколько плакатов, прокламаций и брошюр, которые там валялись. Накануне ареста «должен был получить от военкома наших войск разрешение на собирание прокламаций, плакатов и брошюр через советского комиссара при наших войсках, но не успел еще получить».

В дело подшиты два обращения: «Братам Галичанам» и «Галичане» (текст см. на стр. 532–534), а также именная грамота поручика Загайкевича от диктатора западной области Украинской Народной Республики Петрушевского от 29 июня 1919 года за его личной подписью: «Отсим іменую Вас за хоробре поведення перед ворогом сотником українських військ західної області УНР». Приложено также удостоверение, выданное Загайкевичу 17 февраля 1920 года в управлении коменданта Одессы и порта о том, что он действительно является сотником УГА, может беспрепятственно ходить по городу, носить огнестрельное и холодное оружие; удостоверение действительно по 1 апреля 1920 года.

31 марта в ОГЧК обратились однополчане арестованного со следующим заявлением: «Ми, червоноармійці галиційської армії, стверджуємо своїми підписами і під словом

честі червоноармійця, що товариш Богдан Загайкевич від перших днів революції боровся на фронті проти польської буржуазної армії і в боротьбі цій став інвалідом. По переході галиційської армії ріки Збруч він заявляв часто, що наша дорога в Галичину лише з Красною армією. Товариш Загайкевич є по званню професором історії Сходу і будучи нездібним більше до строевої служби посвятився своєму званню — збирав всякі матеріали історичні. Дуже часто взивав нас, червоноармійців, до збирання і віддавання йому всяких відозв і брошюр... Знаємо Загайкевича як найліпшого борця за права робочого народу... як чоловіка, віддававшогося виключно науці, а ніякого агітатора. Ми ручаємося за нього і просимо негайного звільнення з-під арешту як чоловіка хворого по тифу... Загайкевич був тою особою, яка вела переговори з совітськими військами по ділу переходу галиційських частин, розміщених в Одесі, на сторону Красною армії». Под заявленням 48 подписей, заверенных подписью и печатью командира 13-й этапной сотни УГА.

Протоколов допроса свідетелей, заключенія по делу, каких-либо других следственных документов в деле нет.

*14 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Б. П. Загайкевича по обвинению в том, что «при обыске найдена контрреволюционная литература, список пожертвованной Доброармии, личный адъютант Гофмана», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, его **расстрелять**, имущество конфисковать».*

Дальнейшая судьба неизвестна. Возможно, расстрелян не был, так как на выписке из протокола заседания ОГЧК секретарь президиума Червякова сделала запись: «Приговор не мог быть исполнен, так как Загайкевич отправлен в Харьков с галичанами». Но здесь же пометка, что дело сдано в архив 22 июня, и подшита записка, что он расстрелян по постановлению от 14 июня (реестр № 428).

Реабилитирован 12 сентября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения к ответственности».

Примечания.

1. В ходе следствия дело было присоединено к большому групповому делу членов «Просвиты», «Споживсоюза» и служащих галицийской армии (следственное дело 1920 года № 2575; в дальнейшем разделено на многочисленные одиночные и групповые архивно-следственные дела). Аресты по этим делам в основном производились с 30 мая по 10 июня, а решения приняты на заседаниях коллегии 14 и 16 июня. Вероятно, поэтому на карточке-формуляре Загайкевича указано, что он арестован 2 июня и обвиняется в «контрреволюционном заговоре». В показаниях некоторых арестованных по этим делам фигурирует фамилия Гофмана (атамана УГА), но Загайкевич не упоминается. Описание следственного дела № 2575 будет представлено в одном из следующих томов «Мартиролога».

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому проверить факт расстрела Загайкевича и указать дату пока невозможно.

3. В данном архивно-следственном деле хранятся материалы о Вольфе БЛЮМБЕРГЕ. По постановлению от 7 апреля 1920 года он подлежал аресту и допросу о связях с Загайкевичем и другими галицийскими офицерами. 8 апреля у него на квартире (ул. Троицкая, 149, кв. 1) был произведен обыск по ордеру № 1193 от 8 апреля. Оказалось, что Блюмбергу 73 года и он не встает с постели по болезни, поэтому арестован не был, но с комиссара до-

ма взяли подписку о доставке его в комиссию по первому требованию. При обыске ничего компрометирующего обнаружено не было.

Дальнейшая судьба неизвестна, в фонде «П» дела на В. Блюмберга нет, но на протоколе допроса Загайкевича написано, что ордер № 915 на его арест содержится в деле Блюмберга.

(Дело № 26980-н)

29 марта 1920 года милицией Михайловского района Одессы без предъявления обвинения арестован

КУЗЬМИН (КУЗМИН) Иван Иванович (20 лет). Родился в 1899 (1900) году в Одессе; национальность не указана, из мещан; образование неполное среднее, профессии не имел; беспартийный, холост. На момент ареста постоянного места работы не имел; проживал в Одессе (ул. Малороссийская, 79, кв. 26).

Основанием для ареста послужило заявление в ОГЧК Льва Дрикера: «Кузьмин при добровольческой власти был офицером, а теперь работает в подпольной организации добровольцев» (дата не указана). 2 марта на заявление наложена резолюция: «В разведку. Установить тщательную слежку». Через неделю, 9 марта, появился рапорт сотрудника № 46, что подозреваемый при белых занимался шантажом бывших советских работников, за что дважды арестовывался добровольцами. «При приходе советской власти успел присосаться адъютантом к какому-то коменданту, но спустя несколько дней оставил службу. Сейчас не работает. К нему приходят какие-то темные личности...»

Ордер № 649 ОГЧК на арест и обыск Кузьмина оформлен 20 марта. В приложенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «По обвинению в контрреволюции и также в шантаже. Искать оружие, переписку и задержать его знакомых, если таковые будут находиться у него. Операцию произвести часов в 10 вечера. Дело числить за помощником уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Ткачуком». В протоколе обыска записано, что, увидев явившихся за ним сотрудников ЧК, Кузьмин бежал через крышу и скрылся; при обыске изъята шашка.

29 марта его встретил на Болгарской улице сосед по дому, служащий бронепоезда Филипп Червяков, задержал и отвел в дежурную комнату милиции Михайловского района, где Кузьмина арестовали. Опрошенные в тот же день в милиции четыре свидетеля (участники задержания и сосед арестованного) заявили, что он служил в портовой контрразведке и следил за подпольными работниками. Червяков добавил, что при задержании Кузьмин «пытался скрыться бегством и остановился лишь после сделанных мною выстрелов». Сам арестованный заявил, что никогда в контрразведке не служил, в Добармию был мобилизован как вольноопределяющийся.

Согласно протоколу обыска на квартире арестованного 29 марта, «оружие или литература не найдены».

2 апреля начальник Михайловского района передал арестованного вместе с материалами дознания в ОГЧСК.

6 апреля оформлен повторный ордер № 1142 на арест и обыск Кузьмина (уже более недели содержавшегося под стражей) и столь же безрезультатно проведен третий обыск.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет. Помещен в тюремный подотдел при ОГЧК.

Запротоколированы два допроса Кузьмина (более чем за месяц ведения следствия): 2 апреля его допросил, вероятно, дежурный следователь ОГЧК (фамилия не указана) и 6 апреля — помощник уполномоченного Ткачук.

В протоколах и изъятых при обыске личных документах записано, что допрашиваемый окончил 4 класса гимназии, жил при родных; в 1918 году был мобилизован в армию, служил в 8-м Украинском Советском полку; в 1919-м — сначала в 1-м Советском полку, а затем при белогвардейцах был мобилизован в качестве вольноопределяющегося в лейб-гвардии конный полк сводной кирасирской дивизии; ходил в форме, но службы не нес, в октябре содержался на гарнизонной гауптвахте, освобожден 4 ноября. После установления в 1920 году советской власти записался в Интернациональный полк, но полк вскоре расформировали и он остался без места. На допросах заявил, что никогда в морской контрразведке не служил, никого не выдавал и взятку не вымогал. Причину ареста объяснил оговором человека, у которого были личные счёты с ним: «обещал меня застрелить и впоследствии, благодаря сообщникам, арестовал». Назвал свидетелей, которые могли бы подтвердить его показания.

12 апреля в ОГЧСК поступило заявление матери арестованного, которая просила освободить сына, поскольку он «никогда не служил в контрразведке, никогда не вел активной агитации против советской власти и не имеет понятия о политике». К нему приложено удостоверение, подписанное жильцами дома № 79 по Малороссийской улице (более десятка подписей) и комиссаром дома, в том, что Кузьмин «был мобилизован в Добровольческую армию, но в контрразведке не служил».

В качестве свидетелей 21 и 22 апреля допрошены заявитель и сосед обвиняемого, доставивший его в милицию (оба — сверстники Кузьмина). Повторив первоначальные обвинения, заявитель уточнил, что сведения получил от Доры Кушнаревой, у которой были знакомые в том доме, где проживал обвиняемый. Второй свидетель объяснил свои предположения о том, что Кузьмин служил в контрразведке, следующим образом: «во время белогвардейской власти в Одессе он ходил с офицерами контрразведки и был в форме вольноопределяющегося», а при задержании «Кузьмин предлагал мне взятку в 20 тысяч рублей, чтобы я его отпустил, но когда я отказался взять деньги, он стал просить, чтобы его только не били...»

Другие свидетели, в том числе названные обвиняемым, не допрашивались.

Предположительно в 20-х числах апреля (дата не указана) помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Ткачук составил заключение по делу Кузьмина, обвиняемого в «выдаче коммунистов и советских работников, выслеживании их, дезертиров, в арестах и вымогательстве денег, службе в портовой контрразведке при власти белогвардейцев». В заключении повторены показания свидетелей и далее сказано: «Обвиняемый Кузьмин себя виновным ни в чем не признает и говорит, что никого из свидетелей не знает и в контрразведке не служил. Все вышеизложенное говорит за то, что Кузьмин виновен в выслеживании коммунистов и подпольных советских работников, в предании их контрразведке. Найдя его, Кузьмина Ивана Ивановича, виновным, я предлагаю применить к нему высшую меру наказания — расстрелять».

26 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело И. И. Кузьмина по обвинению в «вымогательстве и выдаче коммунистов белогвардейцам», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, все его имущество конфисковать».

30 апреля заключенный направил на имя председателя ОГЧК Реденса заявление: «Я, по-видимому, приговорен к расстрелу по ложному доносу, по злобе. Прошу рассмотреть мое дело». На заявлении резолюция от 5 мая: «К делу Кузьмина».

Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 8 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Кроме заключения и ордера на арест других процессуальных документов в деле нет. Кузьмин, которому в приписываемый период службы у белогвардейцев было 18 лет, категорически отрицает это. Обвинение его основывается на неконкретных показаниях допрошенных лиц, которые не должны были быть положены в основание столь серьезного обвинения, повлекшего за собой расстрел».

Реабилитирован 25 июля 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств приписанного ему обвинения».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Кузьмин, Кузмин. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в большинстве документов — Кузьмин.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Кузьмина пока невозможно.

(Дело № 26919-н)

Предположительно **30 марта 1920 года** командиром Одесского советского караульного полка без предъявления обвинения арестован

ДЬЯЧКОВСКИЙ Алексей Данилович (21 год). Родился в 1898 (1899) году в городе Бобринске Елисаветградского уезда Херсонской губернии; национальность не указана, из мещан; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, подпоручик; беспартийный; холост. На момент ареста служил командиром 4-й роты Одесского советского караульного полка; проживал в Одессе (ул. Земская, 11, кв. 25).

Основанием для ареста послужило заявление, поданное военкому Одесского советского караульного полка военкомом команды выздоравливающих Александром Серебрянским.

31 марта военно-следственная коллегия при Одесском губернском комиссариате по военным делам, рассмотрев это заявление и рапорт командира Одесского советского караульного полка Гурашвили от 30 марта, постановила направить дело в губЧК, так как Дьячковский обвиняется в «контрреволюционных деяниях, совершенных во время деникинщины». На документе резолюция от 2 апреля: «Отправить под конвоем в губЧК». Согласно отношению командира полка от 3 апреля препровожден в ОГЧК.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

10 апреля заведующий активной частью ОГЧК направил в военно-следственную коллегия запрос с просьбой прислать заявление Серебрянского и копию рапорта Гу-

рашвили. Ни ответа на запрос, ни упомянутых документов в деле нет. Однако 20 апреля оба заявителя допрошены в ОГЧК в качестве свидетелей.

Серебрянский показал: «В 1919 году я был политкомом Одесского советского караульного полка. У меня в полку Дьячковский был батальонным политкомом и по дошедшим до меня сведениям занимался ведением антисоветской агитации. Я учредил за ним наблюдение. Кроме того, он мне заявил: «Я — ротный командир, а потому прошу перевести меня из политкомов в ротные командиры», в чем я ему отказал... и продолжал за ним следить. Определенного ничего выяснить не удалось, так как мы очень скоро должны были эвакуироваться из Одессы». Вернувшись в 1920 году в Одессу, Серебрянский узнал от бывшего сослуживца по полку, что «Дьячковский на другой день по уходе советских войск уже ходил в офицерских погонах и чине поручика. Встретившись с тем, он завел разговор: «Ты что думаешь, что я был коммунист-политработник? Ничего подобного. Никто не знал в полку, кто я, но один Серебрянский успел раскусить меня, так что попадись он теперь...» Далее Серебрянский сказал, что, увидев случайно Дьячковского на собрании в советском караульном полку, обо всем доложил военкому и тот распорядился об аресте.

Командир полка Гурашвили показал, что ему донесли о службе Дьячковского в добровольческой контрразведке и выдаче советских работников, поэтому он его арестовал и препроводил в губвоенком.

Запротоколированы три допроса Дьячковского (более чем за два месяца ведения следствия): 3 апреля его допросил дежурный следователь ОГЧК Цопоров, через три недели, 25 апреля — помощник уполномоченного активной части А. Матенков и еще через полтора месяца, 6 июня — предположительно помощник уполномоченного по общим делам С. Ильин (фамилия следователя в протоколе допроса не указана).

В протоколах записано, что допрашиваемый с детства жил в Одессе, до войны воспитывался в Михайло-Семеновском сиротском доме, окончил высшее начальное училище. После призыва в армию поступил в школу прапорщиков, по окончании которой в 1916 году был направлен на фронт на должность младшего офицера 317-го Дрисского полка; в 1918 году был командиром роты, а после демобилизации вернулся в Одессу. В 1919 году служил политкомом 4-го батальона Одесского советского караульного полка, но просил о переводе на командную должность «так как не обладаю даром слова» и был назначен командиром 8-й роты. При эвакуации красных вместе с сослуживцами остался в Одессе, так как не было приказа об отступлении, а командир и политком полка, никого не предупредив об отступлении, скрылись с кассой полка, в которой было примерно 300 тысяч рублей. Чтобы избежать репрессий за службу у красных, поступил в Добровольческую армию в чине подпоручика, но при проверке документов бежал, записался в маршевый батальон и был отправлен на петлюровский фронт, где служил обозным пулеметной команды, вскоре получил ранение и вернулся в Одессу на амбулаторное лечение.

Виновным в контрреволюции себя не признал. По поводу обвинения заявил, что, встретив при белых бывшего сослуживца по караульному полку и «не зная его настроения, был вынужден говорить в свое оправдание в добровольческом духе. Говорил, что Серебрянский — негодяй, забрал все деньги, скрылся и оставил нас на произвол судьбы». Назвал свидетелей, которые могут подтвердить, что «он не был в контрразведке, а наоборот, она же его и разыскивала... Относительно того, что я не выдавал коммунистов, может подтвердить весь двор, где я проживал... В этом дворе скрывался известный

политработник Болтянский, которого я вместе с Анной Гордзеико отправил в больницу... он был без всяких документов... я ему носил кушать».

В конце второго допроса сказал: «Еще раз повторяю, что я говорил эти слова, которые передал Серебрянский, боясь быть выданным в руки контрразведки».

8 апреля в ОГЧК поступило заявление соседей арестованного: «Дьячковский у нас в доме никому ничего плохого не делал и коммунистов не выдавал» (16 подписей).

К делу также приобщено недатированное удостоверение, выданное комиссаром дома № 11 по Земской улице и направленное в ЧК: «Дьячковский знал, что сын мой — коммунист и служил на советских артиллерийских курсах, но когда были белогвардейцы, он его не выдал».

В качестве свидетелей допрошены четыре человека: 20 апреля — обвинители (Серебрянский и Гурашвилли), а после 25 апреля (даты не указаны) — двое свидетелей, названных арестованным и хорошо его знавших. Они дали показания, что при добровольцах он ходил в форме подпоручика, но никого не выдавал, а наоборот помогал скрываться коммунистам, что сам преследовался добровольцами за службу в Красной армии и хотел уйти на фронт, чтобы скрыться от добровольческой контрразведки, что знают его как сочувствующего советской власти. Свидетельница сказала, что «спрашивала у Серебрянского, за что он арестовал Дьячковского, и тот ответил, что у него есть личные счета». Второй свидетель заявил, что донес на Дьячковского «вероятно из личных счетов, какой-то не товарищ, а черт знает кто».

Не позднее 9 июня (дата не указана) помощник уполномоченного по общим делам С. Ильин составил заключение по делу Дьячковского, обвиняемого в «провокации». В заключении сказано: «Во время советской власти Дьячковский был политкомом полка (так в документе. — *Ред.*), но с уходом советской власти, когда вступили белые, он в тот же день одел погоны и, обращаясь к товарищам, говорил: «Что вы думали, что я коммунист, большевик, ничего подобного». За такую явную провокацию я полагал бы поручика (так в документе. — *Ред.*) Дьячковского расстрелять».

9 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело А. Д. Дьячковского по обвинению в «контрреволюции», постановила: его **расстрелять**, имущество конфисковать. Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 11 июня, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «...Подвергнут расстрелу за то, что находясь на службе в Красной армии, после отступления ее из Одессы надел форму поручика и заявил, что он не коммунист».

Реабилитирован 8 августа 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств его контрреволюционной деятельности».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датах расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Дьячковского пока невозможно.

(Дело № 26946-н)

30 марта 1920 года администрацией военно-политических курсов политуправления при реввоенсовете XII армии по подозрению в «службе у Деникина» арестован

ПРИХОДЬКО Михаил Иванович (43 года). Родился в 1876 (1877) году в селе Калиновицы Озерянской волости Лохвицкого уезда Полтавской губернии; русский, из крестьян; образование начальное, по профессии — садовник; беспартийный; женат, имел четверых детей. До 25 марта служил милиционером Херсонского района Одессы, уволился и выехал к семье; проездом находился в Киеве (временно проживал по ул. Безаковской, 38, кв. 23).

Обстоятельства ареста. Задержан в кинотеатре «Пикколо» курсантом военно-политических курсов по требованию матроса Степана Склярова, якобы опознавшего в нем «лютого жандарма», служившего при Деникине и бравшего «непосильные поборы с рабочих на своем посту (на базаре)»; «при первом вступлении советской власти в Киев отбивал ее с винтовкой и всячески всегда поносил ее... бежал с Деникиным».

30 марта отправлен в особый отдел ВЧК при реввоенсовете XII армии. В сопроводительном сообщении заместитель начальника курсов изложил обстоятельства ареста Приходько и показания Склярова, добавил: «Тип явно деникинский. Возможно, что шпион».

Ордер на арест и обыск (номер и дата не проставлены) оформлен в комендатуре, когда арестованный уже находился в особом отделе ВЧК. Согласно протоколу личного обыска от 30 марта, изъяты более 8 тысяч рублей разными деньгами (оприходованы комендатурой особого отдела ВЧК). Заключение о содержании в тюрьме написано дежурным следователем в конце протокола первого допроса.

Анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы три допроса Приходько (за две с половиной недели ведения следствия): 1 апреля его допросил дежурный следователь особого отдела XII армии (подпись неразборчива), через две недели, 14 и 16 апреля — следователь особого отдела ВЧК при реввоенсовете XII армии Ватолин.

В протоколах и личных документах Приходько записано, что в 1901 году он был призван в армию, служил рядовым в 8-м запасном кавалерийском полку, участвовал в японской войне. После демобилизации в 1906 году на Полтавщину не вернулся, так как «не имел ни земли, ни хаты, с малых лет жил на чужой стороне». С 1907 года жил в Одессе, занимался садоводством. В 1914 году был мобилизован, служил рядовым 17-го Черниговского гусарского полка, воевал на Румынском фронте, был ранен в голову, контужен, награжден Георгиевским крестом 4-й степени. 27 сентября 1916 года в Галиции попал в плен, около трех лет находился в Австро-Венгрии, освобожден из города Линца. В августе 1919 года вместе с другими бывшими военнопленными прибыл в Курск, откуда пытался пробраться в Воронеж, где проживала его семья, но вынужден был остановиться в Киеве — из-за военных действий ехать дальше было нельзя. Не имея средств к существованию, поступил на службу в государственную стражу Бульварного района. «Никого не преследовал, кроме хулиганов и картежников».

При отступлении Деникина был насильно эвакуирован, но бежал из эшелона, пробрался в Одессу и там скрывался. После установления советской власти служил милиционером Херсонского района, но из-за тяжелой болезни и семейных обстоятельств уволился со службы и, получив разрешение, выехал к семье; по прибытии в Киев узнал, что поезд на Воронеж будет через два дня, поэтому пошел в город и в кинотеатре был задержан неизвестным матросом.

Обвинения категорически отверг и утверждал, что жандармом в Одессе не служил, рабочих не избивал, взятки не брал — «все это ложь».

К делу приложены следующие документы, подтверждающие показания арестованного: регистрационная карточка военнопленного, заполненная в Курске 30 августа 1918 года; удостоверение от 25 марта 1920 года, выданное начальником милиции Херсонского района о том, что Приходько — бывший милиционер Херсонского района, «нес службу аккуратно, добросовестно и ни в чем предосудительным замечен не был; уволился по прошению ввиду семейных обстоятельств»; пропуск ОГЧК от 24 марта на право выезда из Одессы в Воронеж «по семейным обстоятельствам». О состоянии здоровья свидетельствует медицинская справка городского врача Херсонского района Одессы, проведенного освидетельствование в феврале 1920 года: «страдает травматологической невралгией, хроническим бронхитом, гипертрофией сердца и хроническим ревматизмом суставов, вследствие чего нуждается в продолжительном систематическом специальном лечении».

В качестве единственного свидетеля 16 апреля допрошен обвинитель, потребовавший ареста Приходько. Заявил, что знает его по Одессе и что с 1906 года тот был жандармским вахмистром; в Киеве при Деникине также служил жандармом, угрожал и требовал взятки.

16 апреля следователь особого отдела ВЧК при реввоенсовете XII армии Ватолин составил заключение по делу Приходько, обвиняемого в «службе в госстраже при Деникине» (написано на обороте протокола последнего допроса). В заключении повторяются показания обвиняемого и говорится: «Полагаю за службу в государственной страже и за эвакуацию с ней отправить в рабочий батальон сроком на 1 год, вернув ему деньги, предварительно керенки и николаевские обменяв на советские».

16 апреля 1920 года начальник особого отдела при реввоенсовете XII армии (подпись неразборчива), рассмотрев дело М. И. Приходько по обвинению в «службе в Добрармии», постановил: **«Отправить в концентрационный лагерь сроком на 1 год, вернув ему деньги, предварительно обменяв керенки и николаевские на советские. Дело следствием прекратить».** Документов, подтверждающих возврат конфискованного, в деле нет.

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. К делу приложены личные документы Приходько, изъятые при обыске.

2. Протокол допроса Приходько от 14 апреля и протокол допроса свидетеля от 16 апреля записаны на обороте деникинского воззвания к крестьянам (текст воззвания см. на стр. 531).

(Дело № 13570-н)

30 марта 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

СЕМЕНОВ Петр Данилович (33 года). Родился 26 июня 1886 года в селе Сукарма (Сукарембль) Людиновской волости Жиздринского уезда Калужской губернии; русский (?), из крестьян; образование начальное, по профессии — бухгалтер; православный, беспартийный; разведен, имел сына 7 лет. На момент ареста служил контролером одесской народной сберкассы; проживал в Одессе (ул. Петра Великого, 24, кв. 4).

Основанием для ареста послужило заявление, поданное 22 марта заведующему разведкой ОЧСК сотрудником 2-й группы Кушпи: «В Одессу прибыл и поселился на Не-

жинской, 47, кв. 4 бывший офицер киевской контрразведки Петр Семенов...» 28 марта на заявление наложена резолюция: «Арест и тщательный обыск».

Ордер № 917 ОГЧК на арест и обыск оформлен 30 марта. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты документы, переписка, кожаный бумажник и 800 рублей (ценности оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

3 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестованы

КЛЕХНИОВСКИЙ Станислав Иванович (25 лет). Родился в 1894 (1895) году в Чигиринском уезде Киевской губернии; поляк, происхождение не указано; образование среднее специальное, по профессии — бухгалтер, конторщик; беспартийный; холост. На момент ареста служил конторщиком губернского продовольственного комитета; проживал в Одессе (ул. Белинского, 20, кв. 7);

ТУРЧЕНКО Андрей Васильевич (19 лет). Родился в 1900 (1901) году в Киеве; национальность не указана, из мещан; образование неполное среднее, по профессии — конторщик; беспартийный; холост. На момент ареста служил конторщиком одесской народной сберкассы; проживал в Одессе (ул. Петра Великого, 18, кв. 9).

4 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

ТИМОФЕЕВ Михаил Германович (45 лет). Родился в 1874 (1875) году в Курской губернии; национальность и происхождение не указаны; образование среднее специальное, по профессии — военный и бухгалтер; беспартийный; вдовец, имел дочь 4 лет. На момент ареста служил конторщиком одесской народной сберкассы; проживал в Одессе (ул. Александровская, 23).

Основанием для ареста послужило то, что они являлись знакомыми Семенова и его бывшими сослуживцами по Киеву.

Ордер № 1044 на арест и обыск Турченко и Тимофеева по месту службы (сберкассы, ул. Тираспольская, 9) и № 1045 на арест и обыск Клехниовского по месту жительства оформлены 3 апреля. В тот же день проведены обыски, в ходе которых изъяты документы арестованных.

Постановлений о содержании под стражей всех троих и анкет арестованных в деле нет.

6 апреля сотрудник ОГЧК Вагнер на обороте заявления Кушпи написал: «Товарищ Мамендос! Что за безобразие? Это заявление поступило от сотрудника Кушпи, что и свидетельствует его подпись. На этом основании арестованы трое, против которых особых обвинений нет. Три дня, как я все добиваюсь узнать от Кушпи, чем он доказывает, что Семенов служил в контрразведке, но увы, никак не могу получить сведения от него. Сегодня я случайно увидел Кушпи и взял его в комиссию, где ему помощник уполномоченного Гинтер показал это заявление, и Кушпи отказывается, говорит, что это не он писал. Прошу немедленно выяснить, кто писал это заявление и с какой целью. Немедленно сообщить и заявление представить обратно».

8 апреля уполномоченный 2-й группы Миль подал заведующему разведкой объяснительную: «Настоящее заявление я писал под диктовку бывшего сотрудника моего района товарища Кушпи, который сам никогда не писал докладов, а я их писал под его диктовку».

13 апреля Кушпи сам написал заявление: «Относительно Семенова я получил сведения от бывших офицеров-добровольцев — поручика Орлова и штабс-ротмистра Чуба.

Орлов находится в Одессе... а Чуб уехал в Киев». (Когда пришли арестовывать Орлова по адресу, указанному в этом заявлении, выяснилось, что он там уже не проживает. — *Ред.*).

Запротоколированы три допроса Семенова (почти за два месяца ведения следствия): 30 марта, вероятно, дежурный следователь занес в протокол только анкетные данные; и дважды — предположительно 2 апреля и через две недели, 17 апреля, его допросил помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Баленков.

В протоколах и изъятых при обыске личных документах содержатся следующие сведения.

Семенов после окончания двухклассного училища и бухгалтерских курсов с 1909 по 1914 год служил контролером госбанка в Херсоне, в 1915-м — в Харькове, с 1916 до конца 1919 года — бухгалтером в киевской государственной сберкассе, проживал по адресу: Крещатик, 52. В октябре 1919 года был мобилизован деникинцами и с 3 октября по 15 ноября служил вольноопределяющимся в 4-й роте Киевского офицерского сводного батальона по охране Подола. В Одессу прибыл 31 декабря и дальше с добровольцами не эвакуировался. После установления советской власти поступил в одесскую народную сберкассу.

Имеет шестерых братьев: двое служат в Красной армии, трое — служащие различных предприятий, один брат — в армии Деникина.

Из сослуживцев по киевской сберкассе, сводному батальону и одесской сберкассе Семенов назвал Турченко и Тимофеева; о Клехниовском сказал, что они знакомы по Киеву и тот также служил в батальоне. На последнем допросе заявил: «У коменданта города не зарегистрировался, так как я вышел на первой неделе поста из старой городской больницы. Орлова, который дал сведения, что я как будто служил в контрразведке, совершенно не знаю, в контрразведке я не служил».

Запротоколированы также по одному допросу Клехниовского, Тимофеева и Турченко (за полтора месяца ведения следствия): 10 апреля, через неделю после ареста, их допросил помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Баленков.

Клехниовский проживал в Киеве, после окончания гимназии и специальных бухгалтерских курсов с 1 февраля 1913 года по 31 января 1915-го служил в мелиорационном бюро, выполнял конторскую и техническую работу. В годы войны служил по мобилизации в Сумском полку, затем в Кавказской дивизии. В 1917 году демобилизовался, вернулся в Киев, служил в Губпродкоме уполномоченным по заготовкам, позже — конторщиком и счетоводом. При добровольцах эвакуировался из Киева в Одессу, после установления советской власти в конце февраля 1920 года поступил в Губпродком. Объяснил, что не зарегистрировался у коменданта города, так как приказа о том, чтобы регистрировались рядовые служащие, не было. Подтвердил, что знаком с Семеновым и при белых тот служил в офицерском батальоне по охране Подола.

Тимофеев окончил Орловский корпус и до 1910 года был офицером русской армии; выйдя в отставку, получил специальное бухгалтерское образование и с сентября 1911 года служил в киевской сберегательной кассе. В апреле 1919 года был мобилизован советскими войсками и после двухмесячной отсрочки по болезни служил бухгалтером при штабе особого корпуса. После отступления красных в сентябре мобилизован добровольцами и назначен в офицерский полк по охране города, но через два дня заболел. В январе 1920 года приехал в Одессу и после занятия города советскими войсками поступил на службу в сберкассу. По существу обвинения заявил: «В контрразведке я не

служил. Семенов, насколько я знаю, служил в офицерском батальоне по охране города. Служил ли Семенов в контрразведке, я не знаю».

К делу приложены пропуск, выданный Тимофееву в особом отделе ОГЧК 1 апреля на выезд в Киев по семейным обстоятельствам, и справка с места работы от 3 апреля, что ему разрешен отпуск на двадцать дней для поездки в Киев.

Турченко проживал в Киеве, окончил четыре класса гимназии; в 1918 году устроился в киевскую сберкасса. В начале октября 1919 года мобилизован добровольцами как вольноопределяющийся, несколько дней прослужил писарем в Нежинском караульном батальоне, потом заболел; 29 октября по решению врачебной комиссии получил отпуск на три месяца. В Одессу приехал в декабре 1919 года и оставался без работы до ухода добровольцев. После установления советской власти снова устроился на службу в сберкасса. По существу обвинения заявил: «В контрразведке я не служил. Семенов, кажется, служил в офицерском полку. Виновным себя в контрреволюции не признаю».

16 апреля помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией секретно-оперативного отдела ОГЧК *Баленков* составил заключение по делу *Семенова*, *Тимофеева Турченко* и *Клехниовского*, обвиняемых в «контрреволюции как бывших офицеров Добровольческой армии». В заключении, кроме изложения их показаний, сказано, в частности, что после опроса сотрудника *Кушпи* (протокола опроса в деле нет. — *Ред.*) 14 апреля должен был быть арестован офицер-доброволец *Орлов*. «Комиссар дома ответил, что 13 апреля тот выехал из Одессы в Киев, а потому службу в контрразведке *Семенова* установить не удалось... Ввиду неустановления факта обвинения в контрреволюции означенных лиц постановил: *Семенова* и *Клехниовского* как не бывших на регистрации отправить в Губкомдезертир (*Пироговская*, 6), а *Тимофеева* и *Турченко* направить в Уездвоенком с их регистрационными удостоверениями, которые находятся в деле. Дело производством прекратить».

В 10-х числах мая 1920 года (точную дату прочесть невозможно, документ оборван) коллегия ОГЧК, рассмотрев дело по обвинению всех четверых «как незарегистрированных офицеров, служивших у белых», постановила:

П. Д. Семенова расстрелять, имущество конфисковать (дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив);

С. И. Клехниовского направить в Комдезертир;

М. Г. Тимофеева и А. В. Турченко направить в уездный военкомат с их регистрационными карточками, отображенные вещи вернуть.

Однако, судя по следующим документам, нерасстрельные решения выполнены не были.

В деле имеются два заявления, поданные в рабоче-крестьянскую инспекцию: *Клехниовского* от 16 июня (содержался в губернской тюрьме) и *Е. Кауфельдт* (тетки *Турченко*) от 2 августа.

Клехниовский писал: «3 апреля 1920 года я арестован. 15 апреля был допрошен, но обвинение не предъявлялось и нахожусь без опроса уже более двух месяцев. Прошу скорейшего разрешения дела». Через два месяца на заявлении появилась резолюция *Заковского*: «Освободить *Клехниовского*». Возможно, был освобожден после 10 августа, но документов, подтверждающих это, в деле нет.

Кауфельдт писала: «Четыре месяца назад, 3 апреля, был арестован ЧК мой племянник *Андрей Васильевич Турченко*... как свидетель по делу *Петра Даниловича Семенова*.

Дело последнего разбиралось в мае, тогда же он был расстрелян. Моему же племяннику ЧК никакого обвинения не предъявляла, но заявила, что он должен был быть арестованным (изолированным) до разбора дела Семенова. Но несмотря на то, что дело Семенова было окончено еще в мае, мой племянник продолжает сидеть в тюрьме уже четыре месяца. Дело находилось у следователя товарища Бельского и, по-видимому, сдано в архив. Таким образом, моему племяннику А. Турченко грозит пожизненное заключение в тюрьме, так как о нем, вероятно, забыли. Мною было подано много заявлений и в ЧК, и в рабоче-крестьянскую инспекцию (в деле отсутствуют. — *Ред.*), но о деле не вспоминают. И вот пойдет уже пятый месяц как А. Турченко продолжает томиться в тюрьме. Прошу рабоче-крестьянскую инспекцию, если она бессильна сделать что-нибудь в смысле ускорения дела, указать мне пути, куда надо обратиться, чтобы вспомнили наконец о Турченко. Могу добавить, что в течение всего этого времени, то есть четырех месяцев, я не имею ни одного свидания с ним, что еще более подтверждает предположение, что о нем забыли.

9 августа на заявление наложена резолюция «Срочно освободить» за подписью Дейча, но данных об освобождении Турченко и Тимофеева в деле нет.

В 1994 году дело пересмотрено. П. Д. Семенов реабилитирован 10 октября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Документы о реабилитации С. И. Клевниовского, М. Г. Тимофеева и А. В. Турченко, в результате прекращения дела ОГЧК, отсутствуют.

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому точную дату, когда рассматривалось это дело, а также дату расстрела Семенова указать пока невозможно.

2. К делу приложены личные документы и письма арестованных, а также бланки одесской государственной сберкассы.

3. К делу приложены личные документы Алексея Даниловича ТКАЧУКА, каптенармуса батальона при Николаевской ЧК, за апрель 1920 года. Возможно, изъяты при аресте, но дела Ткачука в фонде «П» нет.

(Дело № 27014-п на 4 человек)

31 марта 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **КОЗЛОВСКИЙ Алексей Николаевич (27 лет)**. Родился в 1892 (1893) году в Киеве; национальность не указана, из мещан; образование высшее, по специальности — юрист; беспартийный; холост. На момент ареста — военнотрудовой 8-й отдельной телеграфной роты, находился на лечении в одесском госпитале в команде выздоравливающих (Николаевский б-р, 9).

Обстоятельства ареста. Задержан во время прогулки на Николаевском бульваре бывшим военкомом 315-го стрелкового полка 122-й бригады 41-й дивизии А. Еканидзе, который доставил его в ОГЧК и дал письменные показания, что он познакомился с Козловским в 1919 году в Херсоне, и тот назвался адъютантом контрразведки. Сам Еканидзе под видом артиста скрывался от контрразведки белых, а Козловский якобы следил за ним. Об аресте высказался кратко: «Сегодня я сидел с артистами городского театра на бульваре... где и задержал Козловского, проходившего мимо».

При личном обыске у арестованного изъяты 783 рубля (оприходованы отделом хранения ОГЧК).

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы три допроса Козловского (более чем за два с половиной месяца ведения следствия): 31 марта его допросил дежурный следователь ОГЧК Курицын, через неделю, 7 апреля — уполномоченный активной части особого отдела Григорьев и еще через неделю, 13 апреля — помощник уполномоченного того же отдела Палюшкин.

В протоколах записано, что допрашиваемый в мае 1914 года окончил университет и поступил на службу в Киевскую судебную палату кандидатом на судебную должность. С июля 1915 года находился на военной службе: до мая 1916-го в Киеве во 2-м запасном телеграфном батальоне, затем на фронте в 10-й отдельной телеграфной роте в качестве младшего офицера; с августа 1917-го — в автомобильном резерве Юго-Западного фронта. С декабря 1917 года по август 1919-го жил в Киеве, более года состоял кандидатом на судебную должность; при советской власти служил в главном киевском автомобильном управлении. После смены власти по приглашению знакомого уехал в Херсон и 28 августа 1919 года поступил на службу в контрразведку (в чине подпоручика), где тот был помощником начальника.

«Служил офицером, производившим дознание, поступил на юридическую должность, прельщенный возможностью не ехать на фронт и обещанным большим содержанием в 4000 рублей. Я никогда не производил никаких арестов, никого не выслеживал». Немногим более месяца работал следователем, за это время «способствовал освобождению многих коммунистов, которые могут это подтвердить. В октябре 1919 года за попытку освободить из тюрьмы одного из них — товарища Истомина был арестован. После ареста откомандирован в распоряжение коменданта Херсона, который оставил меня на свободе. Но 8 ноября арестован вторично и посажен на гауптвахту, затем по болезни переведен в херсонский лазарет под надзором... В конце декабря вместе с госпиталем эвакуирован в Одессу. 20 января 1920 года поступил в Одессе в 8-ю отдельную телеграфную роту, через десять дней заболел сыпным тифом и последнее время лежу в лазарете».

О задержавшем его Еканидзе сказал, что в Херсоне часто с ним встречался, даже иногда обедал, но за ним не следил. Заявил, что у них «были личные столкновения».

12 апреля в качестве единственного свидетеля допрошен обвинитель. Он повторил прежние показания и подробнее описал обстоятельства задержания Козловского: «31 марта я случайно встретил его на бульваре гуляющим. Подойдя к господину Козловскому, я сказал: «Какое право вы имеете гулять по бульвару, когда вы были адъютантом херсонской контрразведки?». Господин Козловский начал меня слезно просить: «Не делайте это и не ведите меня в ЧК», на что я ему ответил: «Молчи, а то тут же застрелю». Доставив его в ЧК, я сдал его дежурному следователю».

16 апреля начальник особого отдела ОГЧК направил в Николаевскую губЧК телеграмму с грифом «Секретно»: «Козловский служил в херсонской контрразведке у белых. Прошу в срочном порядке ответить о его деятельности в контрразведке». Ответа на телеграмму в деле нет.

Через месяц, 18 мая, помощник уполномоченного активной части особого отдела ОГЧК Палюшкин составил заключение по делу Козловского, обвиняемого в «службе в

контрразведке у белых», где изложил показания Еканидзе и отметил, что обвиняемый сознался в службе в контрразведке и поэтому: «...Принимая во внимание, что Козловский явный враг советской республики, за которую мы проливаем кровь, постановил: применить к нему высшую меру наказания — расстрелять и дело о нем прекратить».

21 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело А. Н. Козловского по обвинению в «контрреволюции», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять, имущество конфисковать**». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 25 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Допрошенный в качестве обвиняемого (без предъявления обвинения) Козловский показал, что как юрист с 28 августа по 21 октября 1919 года работал в Херсоне в контрразведке дознавателем. Он назвал фамилии коммунистов и партработников, которые благодаря ему избежали репрессий со стороны белых. Эти лица допрошены не были. Показания Козловского ничем не опровергнуты, документов о его преступлении в деле нет».

Реабилитирован 19 октября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Козловского пока невозможно.

(Дело № 27031-н)

АПРЕЛЬ

57 дел на 70 человек, проходивших по делам фонда «Г», и 11 человек, упоминавшихся в них как арестованные и подследственные. Косвенным подтверждением того, что реальное количество пострадавших было значительно больше, являются номера ордеров на арест и обыск, хотя не во всех делах ордер или ссылка на него при обыске есть. Наименьший номер ордера ОГЧК, фигурирующий в апрельских делах — 1017, наибольший — 1731. (Ордер № 1731 оформлен 27 апреля, за 28 и 29 апреля ордеров нет, на арестованных 30 апреля ордера оформлены 1 мая: № 1782, 1783 и 1784). Номеров между 967-м (последний ордер из известных за март, оформлен 31 марта) и 1017-м (оформлен 1 апреля), а также абсолютного большинства промежуточных ордеров нет, имена и судьбы людей, обысканных и (или) арестованных по этим ордерам, неизвестны.

Дела, которые велись в этот период в уездах Одесской губернии, представлены в фонде «Г» очень мало. Документов о людях, задержанных при облавах и взятых в качестве заложников, в фонде «Г» нет.

1 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

АЛЕКСАНДРОВ Владимир Александрович (24 года). Родился в 1895 (1896) году, место рождения и национальность не указаны; из служащих, образование среднее специальное, по профессии — военный, юнкер; беспартийный; холост. На момент ареста — курсант военно-хозяйственных курсов Красной армии; проживал в Одессе (ул. Мастерская, 25, кв. 5).

Обстоятельства ареста. Задержан на улице и доставлен в ОГЧК членом губернского комитета по борьбе с дезертирами, членом КП(б)У Леонидом Кривским, который подал при этом заявление: «Задержанный мною гражданин Александров по документу, имеющемуся у него, — брат милосердия, на самом деле — корнет, которого я видел в контрразведке, а также и моя жена, когда приводили на допрос». На заявлении резолюция: «Выписать распоряжение на арест. Арестованный находится в оперативной части», подпись — Тарас.

Ордер № 1017 ОГЧК на арест и обыск оформлен 2 апреля, на следующий день после того как задержанный был доставлен в оперчасть ЧК. В протоколе личного обыска, проведенного также 2 апреля, указано, что при аресте изъяты удостоверение и другие личные документы.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Александрова провел 20 апреля помощник уполномоченного по общим делам Вихров (через три недели после ареста, один допрос почти за полтора месяца ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый происходит из семьи статского советника, окончил реальное училище, служил счетоводом в интендантстве, в марте 1916 года поступил юнкером в Сергеевское военное училище, затем переведен в Елисаветградское, которое окончил в конце 1917 года. В 1918 году при гетмане служил в интендантстве, 1919-м при советской власти — в Красной армии адъютантом, при добровольцах недолгое время служил в интендантской починочной мастерской караульным. В офицерский чин произведен не был, «нес службу рядового юнкера». Службу в контрразведке категорически отрицал, заявил, что, никакого отношения к ней не имел.

5 апреля в ОГЧК поступило удостоверение, выданное секретарем и казначеем домового бюро по ул. Мастерской, 25 в поддержку арестованного: «...Известен нам как человек вполне порядочный и политически благонадежный, что подписями и печатью удостоверяем».

24 апреля в качестве свидетелей допрошены четыре человека: комиссар дома, в котором проживал Александров, его бывший сослуживец и два члена ВКП(б) — обвинитель и человек, участвовавший в аресте.

Первые двое, лично знающие арестованного, дали ему положительную характеристику и, в частности, сказали: «в погонах при добровольцах он не ходил», то есть офицером не был, с 14 по 26 сентября 1919 года служил караульным в мастерской, службу нес хорошо, «был в форме юнкера», затем болел; о службе его в контрразведке ничего не знают.

Кривский же заявил: «При добровольцах, когда я был арестован, а через несколько дней допрошен в контрразведке, то, прибыв туда, я видел гражданина Александрова в форме офицера Добровольческой армии. Служил ли он или приходил по каким-либо делам — не знаю. Из разговоров с арестованными товарищами один из них, указывая на гражданина Александрова, сказал, что тот приходил опознавать их, видит его уже три раза». На этом основании обвинитель утверждает, что Александров — «человек, безусловно, противный советской власти».

Четвертый свидетель показал, что участвовал в аресте «по предложению товарища Д. Дунина, который был у меня в боевой десятке еще с подполья... По дороге, когда я осведомился у товарища Дунина, в чем обвиняют Александрова, мне Дунин ответил, что у него есть сведения о том, что Александров — контрреволюционер. Ему, Дунину, кто-то

об этом говорил, но кто — он мне не сказал. Лично же я Александрова не знаю и поэтому самому обвинять его ни в чем не могу, ибо по моему глубокому убеждению обвинять кого-либо в чем-либо можно только имея какие-нибудь определенные доказательства. У меня же никаких доказательств нет. Принимал участие в аресте Александрова только потому, что был уверен, что на допросе товарищ Дунин даст кой-какие сведения».

Протокола допроса Дунина в деле нет.

12 мая помощник уполномоченного по общим делам Радионов составил заключение по делу: «Александров — сын статского советника, по своему воспитанию и классовой принадлежности не может признавать советской власти. Надеясь всецело на свою увертливость, при отступлении добровольцев, достав документ брата милосердия, думая скрыть свое политическое убеждение, остается на время не у дел, по-видимому, работает в подполье, но товарищ Кривский, член губпарткома КП(б)У (так в документе указаны фамилия и должность обвинителя. — *Ред.*), разоблачил сего храброго юнца, узнав в нем офицера, который приходил в контрразведку опознавать коммунистов. Принимая во внимание контрреволюционную деятельность Александрова, являющегося офицером Добрармии и противником советской власти, предлагаю его расстрелять».

12 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело В. А. Александрова по обвинению в «службе в контрразведке», постановила: «Обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — расстрелять, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 14 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Обвинение основано на неконкретных и противоречивых показаниях свидетелей. Допрошенный в качестве обвиняемого Александров показал, что „в контрразведке не служил и никакого отношения к ней не имеет”».

Реабилитирован 20 февраля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле нет совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Александрова пока невозможно.

2. В описи документов дела, составленной в 1920 году, указан пакет с документами арестованного, который в настоящее время в деле отсутствует. Вероятно, в нем было и его удостоверение личности, изъятое при обыске и указанное в протоколе.

(Дело № 27173-н)

1 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

КАННЕР (КАНЕР) Лев Феликсович (23 года). Родился в 1896 (1897) году в Одессе; еврей, происхождение не указано; образование незаконченное высшее, по профессии — журналист; беспартийный; женат. На момент ареста — студент 3-го курса (учебное заведение не указано) и служащий «Югсоюза» (Южный союз городских кооперативов); проживал в Одессе (ул. Гоголя, 9, кв. 12).

Основания для ареста в деле не представлены.

Аресту предшествовали несколько документов:

— доклад по делу Каннера начальника II района Черных от 9 марта (кем возбуждено дело и на каком основании — не указано), который начинается словами «Пока не поздно» и содержит утверждение, что в 1919 году при советской власти Каннер был связан с радиостанцией, находившейся в Воронцовском дворце, и передавал белогвардейцам секретные телеграммы, а при смене власти сотрудничал в газетах «Южное слово» и «Одесский листок»; в докладе есть приметы и адрес Каннера и рекомендация «взять его ночью»;

— задание в разведку от 10 марта относительно Каннера — «в прошлый период советской власти передавал содержание радиотелеграмм белым шпионам»;

— записка от 20 марта помощника уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Г. Ткачука — некоему Вагнеру поручается «выследить все шаги Каннера и не выпускать его из виду»;

— доклад от 23 марта уполномоченного 2-й группы Милера по делу № 35 — уточняется домашний адрес Каннера и описан его распорядок дня;

— доклад Милера от 24 марта, где отмечено, что Каннер не ночует дома, но на службу по утрам является, и что за ним «установлено непрерывное наблюдение из смен»;

— записка от 30 марта Ткачука Вагнеру с просьбой дать справку — в каком положении находится дело Каннера, «которое я дал Вам 20 марта, чтобы выяснить, с кем общается Каннер, обвиняющийся в шпионаже».

Ордер № 967 ОГЧК на арест и обыск оформлен 31 марта. Утром следующего дня Каннер был арестован у входа в «Югсоюз» (Соборная площадь, угол Садовой). 2 апреля по ордеру № 1023 произведен обыск у него на квартире. В протоколе обыска указано, что изъяты переписка, офицерский крест, личные вещи и 3500 рублей (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запротоколенный допрос Каннера провел 2 апреля помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Ткачук (один допрос более чем за полтора месяца ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый по окончании одесской гимназии был мобилизован, служил в 44-м пехотном запасном полку в Херсоне. С 1 июня по 1 октября 1917 года учился в Чугуевском военном училище, после окончания в чине прапорщика был откомандирован в Екатеринбург, в 126-й пехотный полк. Несколько месяцев служил помощником начальника хозяйственной части, затем по болезни был освобожден от военной службы, 1 марта 1918 года прибыл в Одессу. Уволен в запас, больше в армии не служил. В 1919 году при советской власти служил в информационном подотделе губфинотдела помощником заведующего подотдела. По распоряжению комиссара губфинотдела Духовного и с письменного разрешения начальника службы связи северо-западной части Черного моря получал на радиостанции «Воронцовский дворец» радиотелеграммы финансового содержания; списывал из дежурного журнала только те телеграммы, которые касались губфинотдела.

Арестованный категорически заявил, что никому кроме заведующего информационным подотделом телеграммы не передавал и ни с какой подпольной белогвардейской организацией связан не был. Назвал фамилии сотрудников радиостанции; упомянул, что все они были возмущены, когда при белогвардейцах в газете «Южное слово» появилась анонимная статейка о том, что «Воронцовская» радиостанция была связана с добровольцами и передавала им секретные советские радиотелеграммы. По мнению со-

трудников, эта публикация инспирирована бывшим начальником радиостанции Клейновским, которого белогвардейцы назначили начальником всех одесских радиостанций и который в начале 1920 года эмигрировал. Сам Каннер в период белогвардейской власти сотрудничал в газетах «Одесский листок» и «Современное слово», подписывался своей фамилией или псевдонимом «Чугувец». «С редакцией газеты «Южное слово» я никогда ничего не имел, там не служил и своих статей туда не посылал».

2 и 6 апреля губфинотдел выдал для представления в ОГЧК два удостоверения, подтверждающие, что Каннер в 1919 году работал в информационном подотделе: «всякая чисто советская работа им исполнялась честно». Он редактировал «Вестник Губфинотдела» и заведовал всеобучем, «исполнял все очень добросовестно и проявлял самое благожелательное отношение к советской власти».

12 апреля Ткачук дал новые задания в разведку: установить, работают ли на радиостанции названные Каннером на допросе Г. С. Никифоров и К. С. Чижевский, и узнать их адреса. 14 апреля разведчик наружного наблюдения доложил, что первый в настоящее время работает начальником радиостанции, а второй — радиотелефонистом; с Каннером ничего общего не имеют.

22 и 24 апреля они были допрошены в качестве свидетелей и полностью подтвердили показания Каннера: он списывал телеграммы по мандату губфинотдела, всегда лишь бегло просматривал журнал, не более 5–10 минут; радиостанция «Воронцовский дворец» военных радиотелеграмм вообще не принимала — только информационные; статью о радиостанции в газете «Южное слово» мог поместить только Клейновский, чтобы заслужить доверие добровольцев.

25 апреля еще один свидетель — заведующий губфинотделом коммунист Б. Дузовский подтвердил, что Каннер служил в 1919 году в информационном подотделе и по выданному им, свидетелем, удостоверению получал информационные сообщения на радиостанции. «Никаких подозрений за все время своей работы он у меня не вызывал, тем более что его работа как специалиста выполнялась им безукоризненно».

Не позднее 4 мая (дата не указана) помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Ткачук составил заключение по делу Каннера, обвиняемого в «шпионаже по передаче секретных советских радиотелеграмм из радиостанции «Воронцовский дворец» белогвардейцам в прошлый период советской власти в Одессе и при белогвардейской власти в Одессе агитации против советской власти через печать в газетах „Одесский листок” и „Современное слово”». В заключении повторяются показания свидетелей и обвиняемого, перечисляются его публикации и говорится: «...Из следственного материала видно, что Каннер к шпионажу на радиостанции «Воронцовский дворец» не причастен...» Но — Каннер был военным обозревателем и «статьи его наполнены антисоветским духом и восторгом по отношению к белогвардейцам. Все вышеизложенное говорит за то, что Каннер Лев Феликсович виновен в антисоветской агитации через печать во время белогвардейской власти в Одессе. Я предлагаю отправить его в концентрационный лагерь, а следствие о радиостанции «Воронцовский дворец» продолжать».

4 мая коллегия ОГЧК, рассмотрев дело по обвинению Каннера в «антисоветской пропаганде через печать в газетах «Одесский листок» и «Современное слово» во время белогвардейской власти в Одессе», постановила: дело доследовать.

По распоряжению Ткачука была установлена слежка за сотрудниками радиостанции Никифоровым и Чижевским уже по «подозрению в связи с подпольной белогвар-

дейской организацией и выдаче секретных радиотелеграмм». 6 мая выписаны соответствующие задания с грифом «Весьма экстренно» (описание бланка задания см.: примечания, п. 3. — *Ред.*). Их выполнение отражено в докладах:

«За Никифоровым абсолютно ничего подозрительного, он бесспорно коммунистический человек. На станцию посторонние люди не ходят. И в данное время станция почти не работает. По моему мнению, за Никифоровым наблюдать абсурд».

«Чижевский является безусловно сочувствующим коммунистом. На станции работает уже семь лет. Наблюдая за ним, ничего подозрительного не заметил... Живет бедно...»

Других материалов доследования в деле нет, как и нового заключения по делу.

17 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Л. Ф. Каннера по обвинению в «контрреволюционных статьях в газетах «Современное слово» и «Южное слово» в Одессе во время белогвардейцев», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, заключить в концлагерь сроком на 5 (б) лет» (см. примечания, п. 2).

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

Реабилитирован 14 июля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подсудимого: Каннер, Канер. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подсудимого и написание его фамилии в документах, изъятых при обыске — Каннер.

2. В выписке из протокола заседания коллегии, приклеенной на обложку архивно-следственного дела, срок заключения указан нечетко: первоначально напечатанное 4 исправлено на 5 или 6. В ксерокопии учетной карточки Каннера, хранящейся в ИЦ УМВД, стоит срок 5 лет. Прокурор, составивший заключение о реабилитации, указал срок 6 лет. Но так как протоколы ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях до сих пор остаются «секретными», выяснить реальный срок заключения пока невозможно.

3. Показателен перечень пунктов в типографском бланке задания разведчику наружного наблюдения на установку указанного гражданина, проживающего по указанному адресу:

- 1) Приметы его.
- 2) Где служит и чем занимается.
- 3) Куда ходит и к кому, и кто к нему.
- 4) С кем встречается.
- 5) Что приносит или уносит из квартиры.
- 6) Какой круг его знакомых и какой среды и сословия.
- 7) Семейное положение.
- 8) Взаимоотношения с семьей.
- 9) Имущественное состояние.
- 10) Сословие его гражданское и военное.
- 11) Общие замечания.

4. К делу приобщены личные документы Каннера и копии его статей.

Среди изъятых у него документов 1919 года: резолюция общего собрания коллегии «Одесского листка» (членом которой был и Каннер) от 28 августа, в которой, в частности, записано, что газета не является партийной и направление ее радикально-демократиче-

ское; удостоверение от 6 сентября, подписанное радиотелеграфистами радиостанции «Воронцовский дворец», что никаких денежных отношений между ними и Каннером не было; копия протокола заседания третейского суда от 18 сентября в редакции «Одесского листка», признавшего, что Каннер ничем себя не запятнал и издательство, заменив его подпись под статьей на инициалы, нарушило установившиеся традиции.

К делу подшиты также машинописные копии нескольких статей Каннера, признанных в ОГЧК контрреволюционными. Приводим текст одной из них (опубликована в «Одесском листке» № 93 и № 94).

ОТ РОСТОВА И НОВОЧЕРКАССКА К КИЕВУ И ТАМБОВУ

Как это случилось... Еще не прошло пять месяцев с тех памятных для русского общества полных тревоги дней, когда под советскую власть подпали те небольшие островки на территории Российской республики, откуда должно было начаться возрождение единого русского государства — Одесса и Крым, когда советские части, казалось в неудержимом натиске от Воронежа к берегам Кубани, накануне занятия Ростова и Новочеркасска. Тогда русское общество не могло не быть проникнутым пессимизмом и тревогой, тогда зарождалось сомнение не падет ли небольшая самоотверженная кучка героев под ударами превосходящих ее численностью красноармейцев, не постигнет ли Новочеркасск и Ростов-на-Дону — эти отныне навеки исторические города, где зародилась Добровольческая армия генерала Корнилова — участь подавляющего большинства российских городов. И не нужно было проникнуться особым пессимизмом, чтобы быть охваченным тревогой за возможность сравнительно скорого возрождения России. Ведь стояли в последние дни апреля советские части в 30 верстах от Новочеркасска и Ростова-на-Дону и не в это ли время — 1 мая — пал последний оплот на Крымском полуострове — Севастополь. Казалось самое ужасное, что погибнут не только Ростов-на-Дону и Новочеркасск, но и Екатеринодар и Новороссийск — центры второго периода существования Добровольческой армии.

Но как это часто бывает, теоретические расчеты не оправдываются и не суждено им было к счастью оправдаться и в данном случае. Если мы вернемся к последнему периоду мировой войны, мы вспомним, что 18 июля армия Фоша вела арьергардные бои к югу от Марвы, а 9 ноября, т. е. немногим меньше четырех месяцев спустя, Германия капитулировала и подписала невероятно тяжелые для себя условия перемирия. И в отношении Добровольческой армии можно заметить тоже самое.

Еще 1 мая Добровольческая армия вела арьергардные бои на берегу Дона и Маныча, а немногим меньше четырех месяцев спустя 26 августа трехцветное знамя взвилось над стенами матери городов русских Киева, возвестив окончательное освобождение Украины, а двумя днями раньше не менее доблестными частями был водружен национальный флаг в одном из губернских городов Центральной России — Тамбове.

Если маршалу Фошу способствовали созданию резкого перелома на всем фронте танки, тяжелая и дальнобойная артиллерия и другие технические изобретения, то в том переломе, который свершился на фронте генерала Деникина, они сыграли не меньшую роль: с их помощью генерал Деникин мог не только остановить в своем неудержимом наступлении несомненно превосходящую его силами Советскую армию, но и отбросить ее за 4 месяца за сотни верст к северу и западу.

Однако не только техническая помощь, которой мы главным образом обязаны нашим союзникам, сыграла столь значительную роль в падении советской Украины.

Не надо упустить из виду, что как раз в то время, когда советские войска на Южном фронте подходили уже к Новочеркасску и Ростову, адмирал Колчак на Восточном фронте развил сильнейшее наступление к Волге, занял Бугульму, Белебей, Бугуруслан и Бузулук и подошел вплотную к Самаре, угрожая, как и в 1918 году, перерезать Волгу.

Это обстоятельство заставило советское командование объявить Колчака «главным врагом» и перенести центр тяжести своего внимания с Дона к Волге и тем самым прекратить свое дальнейшее наступление на юге к берегам Кубани. Советская власть должна была оставить свою мечту об уничтожении Добровольческой армии и советские войска устремились на помощь своим разбитым на Волге братьям. По-видимому, советское командование переучло силы адмирала Колчака и направило против него значительно больше войск, чем это было необходимо, чтобы остановить их натиск или даже отбросить его.

Как бы то ни было, обе причины не замедлили сказаться на общем ходе военных операций на фронте Добровольческой армии. Уже 6 мая советская сводка (других мы в то время не получали, только в конце июля удалось наладить получение добровольческих официальных сообщений, но, к сожалению, они остались достоянием самого незначительного круга лиц) сообщала об оставлении «под давлением превосходных сил противника» Манычской и Каменской; то был первый симптом нарождающегося на Южном фронте переелома. Опубликованный 9 мая приказ наркомвоена Подвойского о переходе к наступлению на Дону и о крайней необходимости этого — служил доказательством того, что на Дону у советской власти что-то неладно. Одновременно с этим приказом советская сводка сообщала об отступлении от Приютной и правого берега Маныча.

За время с 10 по 20 мая бои переносятся уже в Луганский и Дебальцевский район, и советская сводка от 21 мая гласит уже, что упорные бои происходят в 15 верстах юго-западнее Луганска и 25 верст юго-восточнее Дебальцева. 23 мая советские войска оставляют Мариуполь, 26 мая советская сводка сообщает об оставлении Калагвенской и Екатерининской и о боях в 20 верстах западнее Ремонтной, а уже 27 мая получается знаменитая, нигде не опубликованная, но тем не менее ставшая достоянием широких масс телеграмма Махно Троцкому, что «кадеты прорвали Гришинский фронт» и слезно умолял о помощи. 29 мая советская сводка возвещала уже о занятии Гришина добровольческими частями.

На этом можно считать первый фазис операции Добровольческой армии законченным. Новочеркасск и Ростов были ограждены от опасности, угрожающей им, и операция Добровольческой армии превратилась из оборонительной в наступающую.

Мы особенно подробно остановились на первом фазисе великого наступления Добровольческой армии ввиду его исключительного значения. Крупную роль сыграли и другие фазисы этого наступления, но на них мы не будем столь подробно останавливаться.

Второй фазис этого великого похода начинается занятием Славянска (советская сводка от 7 июня) и Гуляй Поля (советская сводка от 9 июня). Таким образом, бои уже происходят не за прорыв на Кубань, не в центре Донецкого бассейна, а в Харьковской и Екатеринославской губерниях. Одновременно восточная группа Добровольческой армии начинает свое наступление к Царицыну. В конце месяца второй фазис наступления заканчивается: 25 июня падает Харьков, 27 — Екатеринослав, 30 — Царицын, а немногим раньше — Белгород. Начинается борьба за Полтаву, Курск и Воронеж.

Почти в те же дни на совсем другом фронте — Крымском — после упорных боев на Акманайских позициях, что к западу от Керчи, где Добровольческая армия все время удерживалась, после небольшого десанта падает Феодосия и обеспокоенный советский властелин Дыбенко бросает на произвол судьбы свою Крымскую республику, спасаясь на север. 23, 24, 25 июня один за другим падают Ялта, Севастополь, Симферополь и Евпатория — советский Крым перестает существовать. Итак, второй фазис наступления ознаменовывается освобождением восточной Украины и Крыма.

Третий фазис наступления можно считать с 1 июля по 26–27 июля. В этом фазисе Добровольческой армии пришлось сдерживать не один удар Советской армии. Лозунг «все на борьбу с Колчаком» сменил другой лозунг: «все на борьбу с Деникиным, на спа-

сение Донбасса». За это время Добровольческая армия выдержала прекрасный экзамен своей несравненной доблести, крепости и организованности. Несмотря на то, что советское командование сосредоточило против нее крупнейшие силы, она не только упорно сдерживала натиск этих сил (наступление советских войск на Харьков, временное занятие советскими войсками Екатеринослава), но и переходила в наступление на Курском, Воронежском, Борисоглебском и Камышинском фронтах, отчасти на Екатеринославском и Харьковском.

Третий фазис наступления был, несомненно, самым решающим и важным, ибо он окончательно выяснил, кто из борющихся сил имеет перевес.

Четвертый фазис сменяет упорную, почти позиционную войну на стремительное наступление: 29 июля падает Полтава, непосредственно вслед за нею на Восточном фронте падает Камышин, добровольческие части переправляются через Волгу и соединяются с казаками генерала Дутова, совместными действиями создавая угрозу для Саратова; одновременно происходят успешные операции Добровольческой армии в районе Астрахани. В те же дни на Южном фронте операции не останавливаются на Полтаве, Добрармия быстро распространяется на запад и север, захватывая Кременчуг, Лубны и перерезывая Киево-Курскую железную дорогу. Успехи Добровольческой армии развязывают руки крайней южной группе, и 14 августа падает Херсон, 16-го — Николаев и 23-го — Одесса.

Стремительность событий действует на нервы Советской армии, а сплошная полоса крестьянских восстаний подтачивает и без того слабые по качеству и дезорганизованные силы ее. Одновременно успешное наступление Петлюры, а севернее поляков еще более осложняет дело советской обороны Украины, создавая для советского командования неминуемый «мешок». Все эти обстоятельства, вместе взятые, прекрасно сказываются на общем ходе операций Добровольческой армии, а 28 августа на стенах Киева водружается трехцветное русское знамя, знаменующее собой падение советской Украины. Мы не знаем еще подробностей взятия Киева, но несомненно, Киев был взят неожиданно для советских властей и они там были застигнуты врасплох.

Двумя днями раньше лихим натиском генерал Шкуро овладел Тамбовом и Козловом, немного спустя и Моршанском. Успех этот, выведший генерала Шкуро на 100–150 верст на север, совершенно исключительный, который расстраивает советские планы в этом районе, однако ему нельзя придавать значения какой-нибудь комбинированной операции, скорее его нужно рассматривать как лихой набег.

Четвертый фазис «великого наступления» Добровольческой армии можно считать законченным. Вся северная Украина и части юго-восточной Украины от советской России освобождены. За полных четыре месяца освобождена территория в 650000 кв. км. За это время Добровольческая армия прошла от позиции у Новочеркаска до Моршанска — 640 км, от позиции у Ростова-на-Дону до Одессы — 650 км, от тех же позиций до Киева — 700 км, а до Бахмача — 640 км.

Борьба за освобождение Украины завершена. Начинается борьба за освобождение последнего оплота советской власти в мире — этой самой нелепой конструкции власти — Великобритании. Пятый фазис «великого наступления» — фазис, открывающий борьбу за Великобританию, начинается с натиска советских войск на Купянском и Царицынском направлениях. Здесь благодаря сосредоточению советским командованием крупных сил ему удалось достигнуть некоторых успехов — захватить Купянск и Камышин, но также, как и в период третьего фазиса борьбы, когда советские войска безуспешно делали отчаянные попытки контр наступления, им и на этот раз придется оставить в конце концов этот план, заключающийся теперь в прорыве к Донецкому бассейну и к разъединению украинской группы Добровольческой армии от юго-восточной группы и базы Добровольческой ар-

мии. Этот маневр уже как будто выдыхается, в то же время Тамбовская операция генерала Шкуро сильно осложняет его.

Участь Украины была решена в итоге третьего фазиса борьбы — после падения Полтавы. Тогда стало совершенно ясно, что советская Украина обречена на гибель и, действительно, с каждым днем выход из создавшегося мешка становился все уже и уже. Четыре месяца назад расстояние, отделяющее Добровольческую армию от ее главной и основной цели — древней русской столицы (Ростов-на-Дону — Москва), выражалось в 1140 верст. Сейчас от Козлова до Москвы 374 версты.

В 374 верстах от Москвы находится русская армия, которая несет ей освобождение. И тем не менее не следует увлекаться, но надлежит делать сухие теоретические расчеты, памятуя, что на пути к Москве предстоит еще тяжелая и упорная борьба, что на путях к белокаменной Добровольческой армии встретятся еще тяжелые трения. Но цели эти настолько высоки, настолько велики, что будем надеяться, что возродившая национальное знамя Добровольческая армия, в неустанных боях вынесшая его от берегов Тихого Дона до берегов Днепра, пронесет его дальше до Москвы-реки и водрузит на кремлевских стенах белокаменной.

Непосредственная борьба за Москву начинается.

Чугувец.

(Дело № 27444-п)

2 апреля 1920 года административно-юридическим отделом при коменданте Одессы и порта без предъявления обвинения арестован

КУНИЦКИЙ Федор Григорьевич (24 года). Родился в 1895 (1896) году в Хотинском уезде Бессарабской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование незаконченное высшее, по специальности — медик; беспартийный. На момент ареста — студент медицинского факультета Новороссийского университета; проживал в Одессе на квартире (Театральный пер., 3, кв. 2).

Основанием для ареста послужило заявление следователя административно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта М. Орлова, поданное 2 апреля на имя заведующего отделом. В нем говорится: «По выходе из тюрьмы в последних числах декабря прошлого года я встретил гражданку Грановскую Дору, проживающую по Театральному переулку, 3, которая заявила мне следующее. Что в ее квартире проживает какой-то студент Федор Григорьевич Куницкий, служивший в добровольческой агитации и пропаганде. Часто бывал в разведке. Всегда перед отъездом Куницкий приносил в квартиру погромную и антибольшевистскую литературу. Уезжал с этой литературой совместно со зрителем двора того же дома Бененко Сергеем в разные местечки и деревни, и по приезде Куницкий и Бененко привозили много домашних и столовых приборов и, смеясь, рассказывали, что в тех местностях, где они бывали, происходили погромы евреев. Встретив тогда гражданку Грановскую, я узнал, что Куницкий и Бененко остались в том же доме и преспокойно разъезжают снова по деревням, с какой целью ей неизвестно. Из дальнейшего разговора с Грановской я узнал, что в первые дни прихода советской власти Куницкий и Бененко уносили из квартиры Грановской массу литературы, куда ей неизвестно. Узнав, что Куницкий и Бененко вчера приехали из поездки, я прошу Вашего распоряжения о немедленном обыске и аресте Куницкого и Бененко, в противном случае они снова могут уехать и не будет возможности их задержать».

В тот же день на заявление наложена резолюция: «Выдать ордер немедленно».

Ордер № 536 административно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта оформлен 2 апреля, согласно ему обыск и арест Куницкого поручалось провести самому заявителю. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте помимо личных документов Куницкого (ныне в деле отсутствующих) и денег (около 15 тысяч рублей) изъяты несколько флаконов духов и одеколона, чай, кофе, изюм, перец, корица, лавровый лист, пакетики с краской для пасхальных яиц и др. (приняты дежурным сотрудником административно-юридического отдела, в дальнейшем вместе с делом арестованного переданы в ОГЧК, кем оприходованы — не указано).

3 апреля принято постановление о содержании под стражей по обвинению в «контрреволюции». Анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Куницкого (более чем за полтора месяца ведения следствия): 17 апреля, через две недели после ареста, его допросил военный следователь административно-юридического отдела Сигал, второй допрос проведен в ОГЧК (дата и фамилия сотрудника не указаны).

В протоколах записано, что допрашиваемый учился в гимназии в Юрьеве, а с 1913 года — в Аккермане, окончил гимназию в 1916 году; давал уроки. В 1917 году служил агентом в санитарном бюро, затем санитаром во 2-м хирургическом госпитале и кассиром курортного отдела Хаджибеевского лимана. С января 1918 года служил в караульной команде по охране артиллерийских складов на 2-й Заставе и с апреля — в 1-м советском караульном полку. В 1919–1920 годах был студентом медицинского факультета. В сентябре 1919 года перенес операцию, сильно ослабел и нуждался: «нужда и голод заставили меня искать службу». Получив рекомендацию от Общества взаимопомощи студентов, явился в отдел пропаганды, но когда познакомился с добровольческой литературой, то понял, что «эта служба тесно связана с политикой, а от политики я был в стороне, следуя совету отца: «Не вмешивайся в политику, ты у меня один». Я от службы в отделе пропаганды тут же отказался и туда больше не показывался, доказательством чего и служит рекомендация, которая осталась у меня... В отделе пропаганды мне дали литературу, которая была у меня на квартире, но я ее никуда не возил. Антисоветской агитацией я не занимался». Когда белые объявили мобилизацию студентов, скрывался до установления советской власти.

Частые поездки объяснил тем, что по предложению приятеля поехал в деревню Чубовку отдохнуть и подкрепиться, там познакомился с семьей другого студента — Николая Мармарино и посватался к его сестре Марии. Всего ездил раз пять-шесть, привозил оттуда продукты для себя и знакомых. Несколько раз ездил с дворником Сергеем Беденко (так в документе. — *Ред.*), в том числе и в марте 1920 года, один раз — в Могилев за сахаром и другими продуктами. «Выезжали мы со станции Одесса-Товарная, где собравшаяся группа в сорок человек пассажиров получила разрешение на вагон-теплушку от дежурного сотрудника железнодорожной ЧК». Назвал имена и адреса свидетелей, которые могут подтвердить его показания.

19 апреля заведующий судной частью при коменданте Одессы и порта передал арестованного, дело по обвинению его в «контрреволюции», изъятые вещи и документы в ОГЧК.

Большинство названных Куницким людей допрошены не были. Запротоколированы допросы в качестве свидетелей лишь двух женщин: главной обвинительницы и одной его давней знакомой.

25-летняя обвинительница допрошена 5 апреля (значительно раньше самого обвинения) в административно-юридическом отделе и 12 мая в ОГЧК. На допросах показала следующее: «студент Куницкий живет в квартире моих родителей по Театральному переулку, 3 уже около двух лет. До последнего пребывания добровольцев в Одессе он активно себя как контрреволюционер не проявлял, но в неоднократных беседах со мной он высказывался определенно против советской власти, и мне было ясно, что он убежденный монархист. Во время последнего пребывания добровольцев в Одессе я у него в комнате находила очень много брошюр, листовки определенно погромного, антисоветского характера... он уезжал очень часто, преимущественно в те места, где устраивались еврейские погромы... когда он приезжал, то привозил с собой кое-какие продукты, но полагаю, что это для замаскирования истинных причин своей поездки. Приезжая из деревни, он говорил, что там советских денег не берут и из разговоров стало ясно, что он мутит крестьян и сбивает их на то, чтоб они не принимали советских денег. Он также говорил, что у него есть какой-то знакомый коммунист-комиссар, который сказал, что не позднее мая большевики из Одессы уйдут... Я сообщила об этом знакомому М. Орлову... В заключение моих показаний добавляю, что я вынесла о Куницком определенное убеждение как о провокаторе, мутящем население. Добавляю, что при большевиках у него иногда оставался кое-кто ночевать. Вообще он вел знакомство и поддерживал отношения только с некультурной обывательской массой, на которую мог легко повлиять своими провокационными разговорами».

Вторая свидетельница — сотрудница отдела здравоохранения допрошена 17 мая (через полтора месяца после ареста Куницкого). Она показала, что знает его с 1912 года, когда служила фельдшером в Бессарабском земстве вместе с его отцом, земским врачом. «В 1918 году я бежала из Бесарабии и встретила Ф. Куницкого в Одессе, где будучи студентом Новороссийского университета он очень нуждался, временами прибегал к моей материальной поддержке. В прошлом году во время советской власти служил в Красной армии, во время добровольцев он дезертировал, уезжая из Одессы, чтобы скрыться. Часто привозил во время добровольцев продукты из деревни Чубовки, зарабатывал себе на жизнь. По моему мнению, Ф. Куницкий не мог выступать против советской власти, будучи слишком ограниченным, и находился вдали от всякой партийной жизни».

18 мая помощник уполномоченного по общим делам Григорьев составил заключение по делу Куницкого, обвиняемого в «службе в отделе пропаганды при добровольцах». В заключении сказано, что при обыске у арестованного найдена рекомендательная бумага от малого совета русской студенческой общины в отдел пропаганды (в деле этого документа нет. — *Ред.*), поэтому: «...Нахожу, что если бы даже он не служил, то тоже является элементом подозрительным и вредным. А потому предлагаю вынести меры наказания на усмотрение коллегии».

20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Ф. Г. Куницкого по обвинению в «службе в отделе агитации и пропаганды при добровольцах», постановила: **«Предъявленное обвинение считать доказанным, заключить в концлагерь сроком на 5 лет».**

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

Реабилитирован 14 июля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечания.

1. В описи документов дела, составленной в 1920 году в административно-юридическом отделе, указаны личные документы, изъятые при аресте: различные удостоверения, справки, мандаты, пропуск, квитанции и т. п., которые в настоящее время в деле отсутствуют. Судя по документам, в ОГЧК они переданы были, но кем и когда изъяты из дела, так же как и рекомендация студенческого общества, неизвестно.

2. Был ли арестован Бедненко (Бененко), упомянутый в заявлении Орлова, — неизвестно, его дела в фонде «П» нет.

(Дело № 27445-н)

Не позднее **2 апреля 1920 года** Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

СЕРПИЛИН (СЕРПЕЛИН) Владимир Константинович (36 лет). Родился в 1883 (1884) году в селе Александровка Ананьевского уезда Херсонской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование начальное, профессия не указана; беспартийный; женат. На момент ареста работал посыльным и сторожем в цветочном магазине; проживал в Одессе, без определенного места, ночевал в магазине (ул. Ришельевская, 9).

Основанием для ареста послужила записка на клочке бумаги без даты от гражданина, якобы опознавшего Серпилина и, вероятно, его задержавшего: «...Иду по Базарной улице, встречаю человека, который сразу бросился мне в память: ведь это тот, который был во французской контрразведке... Этот человек вместе с другими контрразведчиками делали свое дело с револьвером в руках, допытывал, опрашивал, угрожал...»

Ордер № 1064 ОГЧК на арест и обыск оформлен 3 апреля, после того как арестованный был доставлен в комендатуру ОГЧК. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что ничего не обнаружено.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Серпилина (более чем за месяц ведения следствия): 2 апреля его допросила дежурный следователь Николова, 5 апреля — уполномоченный по борьбе с контрреволюцией Лин.

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил народное училище и до конца 1917 года работал в Николаеве мастерским на заводах. В 1918 году при советской власти был кладовщиком в штабе морской службы связи Черного моря. 13 марта 1919 года по обвинению в большевизме был арестован греками, сильно избит и отпущен. После этого уехал в деревню, лечился, а затем вернулся в Одессу, служил в государственной страже Лиманной части. Но за сочувствие советской власти и агитацию против добровольцев уволен и 18 января 1920 года арестован комендатурой белогвардейцев.

После установления советской власти снова поступил в морскую службу связи Черного моря на должность подшкипера 1-го отд[еления], но 10 марта уволен военкомом, так как не имел рекомендаций трех коммунистов. Сейчас служит в цветочном магазине Маркина на Ришельевской, 9.

К делу приложены удостоверения, подтверждающие показания арестованного, а также поручительство бывшего сослуживца по штабу в том, что Серпилин «сочувствует советской власти и не причастен к добровольцам».

На первом допросе обвиняемый категорически заявил: «во французской контрразведке никогда не служил, никого не избивал и не выдал»; назвал имена и адреса людей,

которые могут засвидетельствовать его благонадежность. На втором допросе он изменил свои показания (причины видны из заключения по делу): признал, что в 1919 году с середины января по 13 марта якобы служил во французской контрразведке в качестве агента 3-го разряда и в пьяном виде избивал арестованных. После того как опубликовал в газете заметку о том, как был арестован и избит греками, его арестовала уже французская контрразведка.

После прихода советской власти был освобожден и уехал в деревню. Перечислил лиц, служивших в контрразведке: «Коле — это главный заведующий французской контрразведкой, и он, наверное, уехал во Францию... Жофе — это главный его помощник... не видел его с 13 марта 1919 года, и где он находится я не знаю...» Затем назвал имена нескольких агентов, которые, как он предполагает, ушли с добровольцами, и упомянул француза, проживающего по улице Коблевской, 36 (или 38), фамилии которого он не знает, но перечислил внешние приметы.

В тот же день, 5 апреля, уполномоченный по борьбе с контрреволюцией В. Лин дал указание в разведку секретно-оперативного отдела ОГЧК установить слежку за Коблевской, 36–38 и арестовать француза «так, чтобы не было заметно посторонним». 5 апреля разведке выписано это задание и указаны приметы человека, которого нужно выследить: «бритая борода и усы стриженные, светлый шатен, поношенное пальто... пожилой, с корзиной. Француз. Выставить наблюдение из двух человек».

9 апреля разведка доложила: «Указанный в задании француз проживает в квартире 4 по улице Коблевской, 36. Фамилия его Корнели Михаил. Брат его и мать эвакуировались с добровольцами. Наблюдением установлено его посещение. Его приметы: высокий, бритая борода и усы, лет 28, сильно заикается». (Описание не совпадает с тем, которое дал Серпилин).

19 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения по делу дополнительно арестован

КАРНЕРИ (КАНЕРИ, КОРНЕЛИ) Микеле Фраческович (22 года). Родился в 1897 (1898) году, место рождения и происхождение не указаны; итальянец, подданный Италии; образование среднее специальное, по специальности — художник; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места работы не имел, занимался сапожным ремеслом; проживал в Одессе (ул. Коблевская, 36, кв. 4).

Ордер № 1537 ОГЧК на арест и обыск оформлен 19 апреля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты переписка и итальянский паспорт.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Карнери провел 22 апреля сотрудник ОГЧК Курочкин (один допрос за три недели ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый учился в Константинополе, перед войной приехал на летние каникулы в Одессу и остался здесь, занимался на вечерних художественных курсах, писал картины и служил в банке, в последнее время сапожничал и продавал свои вещи. По поводу обвинения категорически заявил: «К французской контрразведке никакого отношения не имел и не служил. Серпилин мне совершенно незнаком». На вопрос, не проживал ли в их доме пожилой француз, ответил: «Француз Поршерон в нашем доме проживал до прихода советской власти в 1920 году и теперь проживает у своей сестры по улице Новосельской, 81».

В тот же день, 22 апреля, дано указание срочно выписать распоряжение на обыск и арест «француза Поршерона, обратить главное внимание на переписку, операцию проинформировать ночью». Ордер № 1617 ОГЧК на арест и обыск оформлен также 22 апреля, но оказалось, что он уже задержан накануне.

21 апреля 1920 года Херсонским комиссариатом без предъявления обвинения арестован

ПОРШЕРОН (ПАРШЕРОН, ПАШЕРОН, ПОШИРОН) Габриель-Иосиф Иосифович (53 года). Родился в 1866 (1867) году в городе Тульчине Подольской губернии; француз, подданный Франции, происхождение не указано; образование среднее, по специальности — учитель; беспартийный; женат, имел дочь. На момент ареста давал частные уроки французского языка; проживал в Одессе (ул. Новосельского, 81, кв. 10).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. В протоколе обыска, проведенного 22 апреля по ордеру ОГЧК, записано: «гражданин Поршерон был задержан 21 апреля по ордеру № 50 товарищем Леповым». 25 апреля в Херсонский комиссариат направлена телефонограмма: «Срочно доставить задержанного... француза Поршерон в ЧК», на которую в тот же день поступил ответ: «Парчерод (так в документе. — *Ред.*) в числе других арестованных переведен в одесскую тюрьму».

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запрототолированный допрос Поршерона проведен 3 мая (почти через две недели после ареста, один допрос более чем за три недели ведения следствия, фамилия сотрудника ОГЧК не указана).

В протоколе записано, что допрашиваемый до конца 1917 года проживал в Москве, затем переехал в Одессу, не работал, давал частные уроки. В декабре 1918 года выезжал во Францию к больной дочери, которая живет в Париже, возвратился в Одессу в сентябре 1919 года. По поводу обвинения сказал так: «Никогда не служил ни в какой контрразведке и вообще далек от всяких таких учреждений. Я считаю себя более русским, чем французом, так как родился в России, в городе Тульчине, и прожил около 50 лет. Наоборот, я как труженик вполне сочувствую советской власти, так как являюсь сам честным тружеником и никогда наемным трудом не пользовался. Обвинение в службе в контрразведке отрицаю, так как в этот период времени я находился во Франции, в Париже».

3 мая проведена также очная ставка Карнери с Серпилиным, на которой первый заявил: «Серпилин меня совершенно не знает и вообще никогда меня не видел, за исключением в тюрьме». Подписано обоими.

Проводилась ли очная ставка Поршерона с Серпилиным — неизвестно, такого протокола в деле нет.

5 мая помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией М. Нагорный составил заключение по делу Серпилина, обвиняемого в «службе во французской контрразведке и избииении арестованных». В заключении сказано: «При допросе выяснилось, что Серпелин (так в документе. — *Ред.*) служил агентом во французской контрразведке в бытность белогвардейцев в 1919 году в Одессе. На вопрос, заданный ему, знает ли он кого-нибудь из агентов, служивших с ним и оставшихся здесь в Одессе, он ответил — не знаю. Тогда ему была предложена служба в ЧК и освобождение из-под ареста, если он укажет таких лиц, которые служили в контрразведке и остались при эвакуации белогвардейцев, на что он согласился и указал несколько лиц, якобы служивших в контрразведке».

Фамилий их он точно не знает, а также местожительство указывает приблизительное (улицу и номера домов), по которым пришлось наблюдать. И по описанию наружности Серпилиным были арестованы двое: французский подданный Габриель Пашерон (так в документе. — *Ред.*) и второй — итальянец Микеля Карнери (так в документе. — *Ред.*). Произведенным дознанием и следствием, а также очной ставкой с Серпилиным выяснилась непричастность вышеупомянутых лиц, и Серпилин заявил, что он их не знает, «вы арестовали не тех». Считая таковых невиновными, нахожу возможным освободить таковых из-под ареста — Поширона и Карнери. А Владимира Серпилина как провокатора и агента, служившего в контрразведке — применить высшую меру наказания». На заключении — резолюция уполномоченного М. Григорьева: «С заключением товарища Нагорного солидарен».

*9 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело В. К. Серпилина по обвинению в «службе во французской контрразведке и избиении коммунистов», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив.*

*В постановочной части выписки из протокола заседания коллегии от руки дописано: «Поширона и Канери (так в документе. — *Ред.*) — **освободить**». Документов об их освобождении, как и других решений в отношении их, в деле нет.*

Дальнейшая судьба Г.-И. И. Поршерона и М. Ф. Карнери неизвестна.

К делу приложен конверт с надписью: «Документы Карнери получил 4 июня 1920 года», но подпись отличается от подписей под протоколом его допроса и очной ставки.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «В ходе следствия Серпилин на первом допросе не признавал себя виновным в службе во французской контрразведке, на втором допросе признал... Других доказательств, подтверждающих его обвинение, в деле не имеется».

Реабилитирован 10 октября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

Документы о реабилитации Г.-И. И. Поршерона и М. Ф. Карнери, в результате прекращения дела ОГЧК, отсутствуют.

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты фамилий подследственных: Серпилин, Серпелин; Карнери, Корнели, Канери; Поршерон, Паршерон, Пашерон, Поширон. Это означает, что в ходе следствия их личности остались неустановленными, что исключает производство по делу в принципе. Собственные подписи подследственных и написание их фамилий в нескольких документах: Серпилин, Карнери и Поршерон.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Серпилина пока невозможно.

3. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для проверки ранее составленной аннотации сотрудником архива УСБУ изъяты из дела л. 1 и л. 15 — записка, послужившая причиной ареста Серпилина, а также задание разведке и ответный доклад о слежке за Карнери.

(Дело № 27020-п на 3 человек)

4 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **ПИВОВАР (ПИВОВАРОВ) Павел Феофанович (24 года)**. Родился в 1895 (1896) году в Луцком уезде Волынской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование начальное, по профессии — хлебопашец; беспартийный, женат. На момент ареста места постоянной работы не имел; проживал в Одессе (ул. Болгарская, 39, кв. 38).

Основанием для ареста послужил протокол его допроса, проведенного 4 ноября 1919 года в Михайловском участке Одессы, в котором он якобы просил задержать бывшего чекиста Сляскина. Как документ попал в ОГЧК, в деле не указано; на протоколе резолюция от 3 марта 1920 года: «В разведку. Разыскать Пивовара».

Ордер № 1093 ОГЧК на арест и обыск оформлен 4 апреля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте ничего не обнаружено.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроколированный допрос Пивовара провел 14 мая помощник уполномоченного по общим делам Альбинский (через сорок дней после ареста, один допрос более чем за полтора месяца ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый до 1919 года проживал в Луцком уезде, учился в церковно-приходской школе, но окончить ее не смог, занимался хлебопашеством, имел 0,5 десятины земли. Затем приехал в Одессу и с 20 октября 1919 по 28 февраля 1920 года служил в государственной страже Михайловского участка младшим стражником. Виновным в выдаче коммунистов себя не признал. Заявил, что в доме № 40 по Михайловской улице, где он тогда проживал, скрывались несколько коммунистов (в том числе и Сляскин), но он их не выдавал. Свою подпись под протоколом от 4 ноября 1919 года признал, но как она там оказалась, не знает.

Протоколы допроса свидетелей отсутствуют.

17 мая помощник уполномоченного по общим делам Альбинский составил заключение по делу Пивовара, обвиняемого в «службе у добровольцев в государственной страже и выдаче чекиста». В заключении сказано: «Обвинение доказывается имеющимся в деле подлинным протоколом, составленным участковым надзирателем Михайловской части Григуцом 4 ноября 1919 года такого содержания: «Сего числа в дежурную комнату части явился стражник Павел Феофанович Пивовар, служащий в той же части, и заявил, что по Михайловской улице в доме № 40, кв. 17 проживает некто Сляскин, имени и отчества которого не знает, служивший при советской власти в чрезвычайной комиссии и выдававший офицеров Добровольческой армии. Просит о его задержании». Протокол подписан собственноручно Павлом Пивоваром. Обвиняемый признал подпись на протоколе свою, но заявил, что Сляскина он не выдавал и почему под протоколом его подпись не знает. Полагал бы к обвиняемому применить высшую меру наказания».

20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело П. Ф. Пивовара по обвинению в «службе в государственной страже и в выдаче коммуниста», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество, принадлежащее ему, конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 23 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «В протоколе допроса Пивовар упоминает о службе младшим стражником в Михайловской части Одессы. По этому вопросу никаких комментариев больше нет. Выдачу коммунистов отрицает. Дело состоит из пяти листов».

Реабилитирован 18 августа 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле нет совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Пивовар, Пивоваров. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в большинстве следственных документов — Пивовар.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Пивовара пока невозможно.

(Дело № 26957-п)

Предположительно **5 апреля 1920** года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

КУЗНЕЦОВ Иван Федорович (25 лет). Родился в 1894 (1895) году в Николаеве (?); национальность не указана, из мещан; образование среднее специальное, по профессии — техник; беспартийный; холост. На момент ареста служил в хозяйственной команде 2-го кавалерийского полка 41-й советской стрелковой дивизии в должности переписчика; проживал в Одессе при канцелярии хозкоманды (Французский б-р, 11).

Обстоятельства ареста. Предположительно 5 апреля случайно встретил на улице бывшего сослуживца по Вознесенску Филиппа Филатова, который задержал его, доставил в коммандатуру ОГЧК и обвинил в предательстве.

Ордер № 1461 ОГЧК на арест и обыск оформлен 17 апреля, после того как арестованный более двух недель находился по стражей. В протоколе личного обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты старые ремень и подтяжки. Но уже накануне, 16 апреля, в отдел хранилищ ОГЧК сданы изъятые у арестованного часы, серебряный рубль и пояс с ремешком.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Кузнецова провела 16 апреля сотрудник ОГЧК Горшкова (через полторы недели после ареста, один допрос более чем за полтора месяца ведения следствия).

В протоколе и личных документах, отобранных при обыске, записано, что допрашиваемый жил в Николаеве, после окончания ремесленной школы служил в техническом бюро судостроительного завода, затем в Вознесенске в отделе по квартирному довольствию. В 1919 году при советской власти со 2 апреля по 4 августа служил в военном комиссариате в должности чертежника квартирной части, там познакомился с Филатовым, служившим в том же отделе делопроизводителем. После смены власти осенью 1919 года был мобилизован добровольцами и состоял офицером 10-го инженерного отряда, в декабре получил предписание явиться в Одессу и с декабря 1919 года по январь 1920 года служил чертежником и техником во 2-м инженерном отделе управления ко-

*И. Ф. Кузнецов.
25 января 1916 года,
Вознесенск*

менданта Одессы. После установления советской власти прошел регистрацию как чиновник военного времени и в марте 1920 года уже служил в 41-й стрелковой дивизии.

Об инциденте, послужившем основанием для обвинения, дал на допросе следующие показания: «При добровольцах я встретил на улице товарища Филатова, подошел к нему и спросил, живет ли он в Одессе и служит ли где-нибудь? В это время подошел Хонин и арестовал Филатова, передал его стражнику, дал свою визитную карточку, где написал, за что он арестовал Филатова, а затем сам направился в участок. Я был свидетелем ареста. Где Хонин я не знаю». На вопрос о том, почему при его задержании пытался бежать, ответил так: «Бежал я по дороге в ЧК нечаянно, сам не знаю каким образом». На протоколе допроса резолюция от 17 апреля: «Выписать ордер на арест и обыск. Дело числится за уполномоченным по борьбе с контрреволюцией Григорьевым».

Обвинитель — военный следователь, 20-летний коммунист Филатов, допрошен дважды: одновременно с обвиняемым 16 апреля и предположительно в мае (второй протокол допроса не датирован). Дал показания, что осенью 1919 года при добровольцах скрывался от преследований контрразведки в Одессе, случайно на Екатерининской улице встретил Кузнецова и Хонина: «остановили меня и препроводили вначале в Бульварный комиссариат, а оттуда в контрразведку... Кузнецов первый подскочил ко мне, схватил за руку и стал кричать по всей улице: «А, коммунист, наконец поймался, теперь мы с вами расправимся...» Хонин сбежал, разыскивался Николаевской ЧК». На втором допросе добавил: «Ночью в 10 часов явились в контрразведку Хонин и Кузнецов, которые заявили, что я — видный коммунист, брат председателя Николаевского исполкома Соколова, что я изгонял противников советской власти из николаевской квартирной части. Следователь контрразведки Прокопов говорил моей невесте, что по их заявлению меня расстреляют. Хонин называл себя членом обороны Одессы, так как он инженер... Кузнецов при моем аресте был в форме прапорщика, а Хонин в форме капитана».

Кроме Филатова допрошены трое свидетелей; ни один из них обвиняемого не знал.

Предположительно 16 апреля (протокол не датирован) первый свидетель — 18-летний коммунист видел, как некий молодой человек (И. Кузнецов. — *Ред.*) соскочил с дрожек, попытался бежать и через один квартал был задержан. Сам он был очевидцем этого и помог доставить задержанного в ЧК.

3 мая допрошены еще двое свидетелей. Они дали показания, что после ареста Филатова белыми к ним обращалась за помощью его жена. Один из них помочь не мог, так как находился в подполье и сам скрывался от контрразведки белых; второй внес за Филатова 25 тысяч рублей, благодаря чему того освободили. Как его арестовали — не знают.

18 мая помощник уполномоченного по общим делам Цыгаров составил заключение по делу Кузнецова, обвиняемого в «аресте коммуниста и побеге при задержании». В заключении сказано: «Рассмотрев дело, нахожу, что обвиняемый гражданин Кузнецов Иван Федорович действительно участвовал в аресте коммуниста Филатова и сопровождал в контрразведку, а также при задержании 5 апреля сего года пытался убежать, но был пойман патрулем. Являлся бывшим офицером Добрармии. А посему предлагаю обвиняемому Кузнецову как явному контрреволюционеру применить высшую меру наказания — расстрелять».

20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело И. Ф. Кузнецова по обвинению в «аресте коммуниста и побеге при задержании 5 апреля сего года», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую

меру наказания — **расстрелять, имущество конфисковать**». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 23 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Очная ставка между Кузнецовым и Филатовым не проводилась. Об обстоятельствах задержания свидетели, в том числе и Хонин, не допрашивались».

Реабилитирован 16 ноября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Кузнецова пока невозможно.

(Дело № 27068-п)

5 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **ПРОСКУРНИН (ПРОСКУРИН) Михаил Алексеевич (38 лет)**. Родился в 1881 году в городе Севск Орловской губернии; национальность не указана, из мещан; образование высшее, по специальности — агроном и инженер-технолог; беспартийный; холост. На момент ареста работал грузчиком на соляных промыслах; проживал в Одессе (Куяльник, Андреевский лиман, соляные промыслы).

Основанием для ареста послужили два заявления в губЧК.

3 апреля поступило заявление комиссара Скрябина: «Назначенный комиссаром Куяльницкого соляного промысла, я устроил общее собрание рабочих, на котором все рабочие решили всеми силами помогать советской власти. Среди них выделялся лишь один «рабочий», некий Проскурнин, который словами «зачем нам комиссар, мы без него обойдемся» и прочими выкриками старался посеять рознь между рабочими и дискредитировать советскую власть. Подобной агитацией он занимается и по сие время. По наведенным мною справкам я узнал, что Проскурнин не член профсоюза, а добровольческий офицер, не явившийся на регистрацию и скрывающийся на промыслах. Прошу принять срочные меры к ограждению рабочих от подобного элемента».

5 апреля — заявление бывшего командира караульного полка С. Украинского: «Мною получены сведения о том, что на соляных приисках Андреевского лимана скрывается прапорщик Проскурнин, который во время пребывания в Одессе белогвардейцев служил в контрразведке и избивал... товарищей коммунистов, чему я сам был свидетелем, его пытки и действия были похожи на испанскую инквизицию. Прошу Вашего распоряжения о немедленном его аресте, на что и предлагаю свои услуги, знаю его хорошо в лицо и приметы».

Фотография в деле М. А. Проскурнина, не подписана

Ордер № 1113 ОГЧК на арест и обыск оформлен 5 апреля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты фрагмент паспорта от 1911 года на имя крестьянина Орловской губернии Е. И. Игнашкина, записи на блокнотных листах, перочинный ножик, ремешок и 10 рублей.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколированный допрос Проскурнина провел 5 апреля уполномоченный активной части особого отдела Барминский (один допрос за две с половиной недели ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый до войны служил на соляных промыслах заведующим мастерскими; в 1915 году был мобилизован на военную службу и направлен в Тифлисское военное училище, затем работал на постройке железной дороги в качестве заведующего участком, имел чин подпоручика, после демобилизации приехал в Одессу. Летом 1919 года выехал в Днепровский уезд, поместье Фальцвейна, где работал машинистом и у крестьян на полевых работах; осенью вернулся в Одессу. В октябре 1919 года, при белых, попал в облаву и был взят на особый учет у воинского начальника, в январе 1920 года послан в саперный батальон полковника Елисеева. «В день переворота я на улице попал в руки повстанцев, которые сняли с меня всю одежду и отобрали все документы. В тот же день я ушел... на соляные промыслы... меня приняли без документов, потому что там меня и так все знают». Признал, что при белых часто бывал в контрразведке, так как хлопотал об арестованных Е. А. Лосе, Я. К. Кольмане и супругах Мазадгаровых и добился их освобождения. «При белых я ходил в офицерской форме с погонами без всякого оружия. Оружия не имел. Товарища, которого мне представили, я не знаю и не знал... Виновным себя ни в чем не считаю».

В качестве свидетелей допрошены два человека. Предположительно 5 апреля (дата допроса не указана) первый из них заявил: «В прошлый период советской власти я состоял членом президиума уездного исполкома, Проскурнин же секретарем земельного отдела (в показаниях обвиняемого этого нет. — *Ред.*). По приходе белых я остался в Одессе и состоял в пятерке исполкома для подпольной работы. 17 или 18 октября я на Конной улице встретил Проскурнина с каким-то офицером. Я слышал как Проскурнин сказал другому офицеру, что я видный большевик, член исполкома и что меня нужно арестовать. Офицер меня арестовал и препроводил в контрразведку, где Проскурнин написал заявление, обвиняя меня в партийной работе... затем второе заявление, основанное на лжи — что я ездил на усмирение восстания в село Мариинское и сам будто бы расстреливал... Я просидел в тюрьме до прихода своих». На обороте протокола записано, что на очной ставке свидетель подтвердил свои обвинения; арестованный же утверждал, что этого человека не знает и обвинения отрицает.

14 апреля второй свидетель — сосед по дому, где Проскурнин жил долгое время (Матросский спуск, 11), показал, что видел его в офицерской форме, но не знает, служил ли тот у добровольцев: «Никому в нашем доме он не делал плохого, наоборот, хлопотал об освобождении Кольмана и Киселюка... Служил ли Проскурнин в контрразведке, не знаю, но не подозреваю».

К делу приложено заявление жильцов дома № 11 по Матросскому спуску (дата не указана): «По дошедшим до нас сведениям бывший наш домовый комиссар Михаил Алексеевич Проскурнин арестован и содержится в настоящее время в ЧК. Стоя на страже советской власти, мы, не выходя из рамок социального закона и во имя революции,

считаем своим нравственным долгом пойти в защиту Проскурнина, так как он долгое время жил с нами в одном доме. Еще до 1917 года был народником, возможно, что это ему было внушено его заграничным воспитанием, которое он благодаря своей бедности в России не мог получить. Что же касается переходного положения с 1917 года и поныне, то он всегда высказывал свое негодование против царского гнета, оправдывал программу советской власти и способствовал освобождению из тюрьмы арестованных добровольцами за политические убеждения. В выступлениях против советской власти, насколько нам известно, он не участвовал, а перед приходом в Одессу советской власти уехал в провинцию на работы. Ввиду вышеизложенного и предполагая, что Проскурнин мог быть арестован только лишь по чьему-либо доносу, покорнейше просим Одесскую ЧК освободить его из-под ареста». Под заявлением 24 подписи; внизу приписка: «Выше-сказанное удостоверяю. Комиссар дома № 11 по Матросскому спуску. Я. Кольман».

Никто из этих свидетелей допрошен не был.

21 апреля уполномоченный активной части особого отдела Барминский составил заключение по делу Проскурнина, обвиняемого в «службе в одесской контрразведке». В заключении сказано:

«С 1915 года Проскурнин служил в инженерных войсках, офицер в чине поручика, со слов самого Проскурнина (в показаниях обвиняемого записано, что служил он в чине подпоручика. — *Ред.*). Документов никаких не найдено, кроме чужого паспорта на имя Игнашкина. Как офицер Проскурнин не зарегистрирован. В период белогвардейщины Проскурнин поступил в одесскую контрразведку в качестве агента. Арестован Проскурнин на соляных промыслах в качестве рабочего, где он по приходе советской власти скрывался и творил свое контрреволюционное дело, агитируя рабочих против советской власти, о чем свидетельствует заявление комиссара промысла. Арест произведен по указанию товарища Украинского, бывшего командира караульного полка при уездвоенкоме, над которым Проскурнин сам издевался в контрразведке, что гражданин Украинский подтвердил и при очной ставке и на глазах же Проскурнина показывал жесты и приемы допроса Проскурниным арестованных (протокола этой очной ставки в деле нет. — *Ред.*). Кроме того, по указанию Проскурнина при белых при встрече на улице был арестован товарищ Иржевский, член одесского уездисполкома, оставшийся при белых для подпольной работы. Проскурнин указал на товарища Иржевского как на видного большевистского работника, но когда это обвинение оказалось недостаточным и дело Иржевского уже окончилось, Проскурнин написал второе заявление, с начала до конца основанное на лжи. В нем он указывает, что товарищ Иржевский сам ездил на умирение крестьянских восстаний, сам будто бы расстреливал и пр. Все это было подтверждено товарищем Иржевским при очной ставке с Проскурниным. Обвиняемый категорически все отрицает, несмотря на ряд строжайших допросов.

На основании вышеизложенного предлагаю: за службу в белогвардейской контрразведке; за выдачу и аресты наших партийных работников и умышленные ложные показания на них с преступной целью; за преступную контрреволюционную агитацию среди рабочих; за неявку на перерегистрацию как офицера — подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять. Дело прекратить».

23 апреля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело М. А. Проскурнина по обвинению в «службе у белых в контрразведке и избиении коммунистов при белых», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и приме-

нить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «...Будучи допрошен Проскурнин виновным себя ни в чем не признал. Показания свидетелей общи и противоречивы».

Реабилитирован 21 февраля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона Украины «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года, «так как в деле нет совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии: Проскурнин, Проскурин. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подсудимого и написание его фамилии в большинстве следственных документов — Проскурнин.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧ с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Проскурнина пока невозможно.

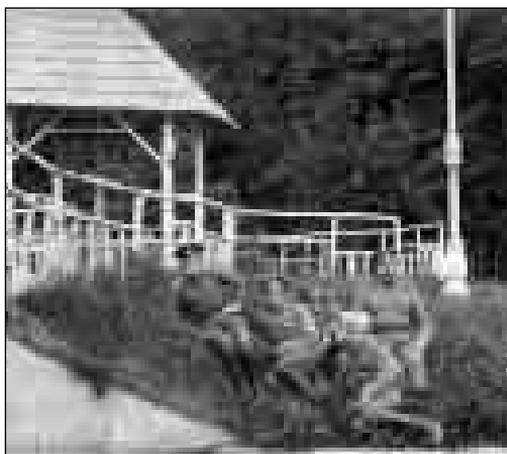
3. К делу приложен конверт с девятью фотографиями, часть из которых — женские, надписаны на память, но без указания кому, на одной дата — 10 июня 1920 года (то есть после расстрела Проскурнина). Однако в протоколе его обыска фотографии не указаны. Поэтому можно предположить, что все или часть этих фотографий — из другого дела.

4. В описи документов дела, составленной в 1920 году, указаны пакет с заметками и протокол допроса от 9 апреля, которые в настоящее время в деле отсутствуют.

(Дело № 27236-н)

7 апреля 1920 года административно-юридическим отделом при коменданте Одессы и порта по обвинению в «контрреволюции» арестован

МАМОНТОВ Петр Михайлович (25 лет). Родился 26 февраля 1895 года в Одессе; русский, из семьи военного; образование неполное среднее, по профессии — кадровый офицер, поручик; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Одессе (ул. Уютная, 6, кв. 5).

Обстоятельства ареста. Встретил на Дерибасовской крестьянина Ивана Гаврилова, прибывшего в Одессу в качестве делегата на крестьянский съезд, задержан им как белый офицер и доставлен в комендатуру.

В заявлении на имя коменданта города от 7 апреля и на допросе, проведенном в тот же день, Гаврилов сообщил: «1 декабря 1919 года я был арестован карательным отрядом особого назначения одесского контрразведывательного отделения в Фестерово, где я проживаю. Меня проводили в караульное помещение этого

Надпись на фотографии: «На добрую память дорогой мамочке от любящего ее сына Пети. 8 июня 1917 года»

отряда, где принимал участие и поручик Мамонтов, ныне мной и инструктором по организации волостного исполкома товарищем Начерным арестованный и препровожденный в комендантское управление. Хотя Мамонтов и не принимал участия в моем аресте и ограблении добровольцами моего дома, но он принимал участие в работе отряда особого назначения. Главными участниками действий являлись полковник Баровский, поручик Шевцов и поручик Мельников. Мамонтов должен без сомнения знать, где находятся вышепоименованные».

На основании этих показаний в административно-юридическом отделе при коменданте города в тот же день было заведено дело № 1600 на арестованного П. М. Мамонтова. В протоколе личного обыска, проведенного 7 апреля, указано, что изъяты три удостоверения. Постановление о содержании под стражей по обвинению в «контрреволюции» принято следователем административно-юридического отдела также 7 апреля.

Ордера на арест и обыск и анкеты арестованного в деле нет.

17 апреля военный следователь И. Сигал постановил направить арестованного в Одесскую губЧК; 23 апреля заведующий судной частью Тудоров принял аналогичное постановление. В отношении от 24 апреля указано, что дело передается в ОГЧК, но 30 апреля судная часть при коменданте города посылает в ОГЧК новое отношение, в котором указывает, что дело препровождается только сейчас. Было ли оно направлено в действительности, неизвестно. Сам арестованный, вероятно, был отправлен в ОГЧК раньше, без материалов дела, так как уже 21 апреля там на него заведено дело № 1144. 29 апреля он был доставлен в одесскую тюрьму.

Запротоколированы три допроса Мамонтова (почти за два месяца ведения следствия): 7 апреля его допросил дежурный следователь городской комендатуры Карелин, через десять дней, 17 апреля — военный следователь административно-юридического отдела Сигал и 29 мая, более чем через месяц его пребывания в ОГЧК — сотрудник секретного отдела (фамилия не указана).

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил пять классов гимназии, добровольцем пошел в русскую армию, в годы войны с Германией находился на фронте, был ранен, в 1918 году демобилизовался в чине поручика и вернулся в Одессу. В 1919 году при белогвардейцах был мобилизован как бывший офицер, служил в пулеметном взводе маршевого батальона 14-й пехотной дивизии.

По поводу обвинения объяснил: «В местечко Фестерово я был назначен с отрядом в качестве конвоя арестовать фальшивомонетчиков... Действительно, были арестованы несколько человек фальшивомонетчиков и соучастников и забрали несколько молодых людей как мобилизованных. В том числе был арестован гражданин Гаврилов, который теперь меня встретил и арестовал... Активного действия я в арестах не принимал, что может подтвердить сам Гаврилов... вины за собой не чувствую... в отряде особого назначения был десять дней. С приходом советской власти по объявлению регистрации явился и зарегистрировался».

Протокол от 7 апреля завершается словами: «Отряд производил аресты коммунистов». 17 апреля арестованный поясняет: «Протокол от 7 апреля следователя Карелина я подписывать не хотел, но товарищ Карелин настаивал и я подчинился».

Подробнее обстоятельства ареста и ход следствия изложены в заявлении заключенного одесской тюрьмы Мамонтова, направленном 26 мая в комиссию ОГЧК по проведению первомайской амнистии:

«Будучи арестован 7 апреля на Дерибасовской улице крестьянином местечка Фестерово И. Гавриловым, который арестовал меня с целью узнать, где находятся те офицеры, которые были со мной в отряде, посланном в Фестерово для поимки фальшивомонетчиков, и которые ограбили его, товарища Гаврилова, я был препровожден в комендатуру. Ночью того же дня меня вызвал на допрос следователь товарищ Карелин, который, не поняв сути дела, обвинил меня в арестах коммунистов и заставил... подписать протокол дознания, в котором писалось, что я якобы участвовал в арестах коммунистов.

Оставшись в Одессе после ухода белых для того, чтобы честно служить советской власти, я являлся на все регистрации бывших офицеров и не скрывался, так как ничего за собой не чувствовал, ибо служил в Добровольческой армии как рядовой солдат (номер при пулемете) по мобилизации и вовсе не сочувствовал ей. Тот же крестьянин товарищ Гаврилов, узнав, что я сижу в ОГЧК и что мне предъявили серьезное обвинение, прислал свое заявление недели две тому назад, заверенное волостным исполкомом, где пишет, что считает меня ни в чем не виновным и со своей стороны, как арестовавший меня, просит ОГЧК освободить меня из-под стражи.

Надеясь на светлую правду и на правосудие советской России, я думаю, что путем опроса нижеперечисленных свидетелей ОГЧК установит мою непричастность к активной работе в Добровольческой армии и мое сочувствие советской власти. Свидетелями могут быть: крестьянин местечка Фестерово товарищ Гаврилов, секретарь Народного банка товарищ Черский, Ильинский военный комиссар товарищ Наздарский, красный командир товарищ Ковалев, инструктор пехотных курсов товарищ Барский, сотрудник комендатуры товарищ Хозе.

Желая работать и служить советской власти, я прошу комиссию по проведению первомайской амнистии дать возможность приступить к этой работе и освободить от тяготящегося надо мной обвинения, которое совершенно необоснованно и беспочвенно».

Под текстом заявления приписано: «Справка. П. Мамонтов прибыл в одесскую тюрьму 29 апреля и числится за губЧК». 29 мая заявление со справкой переданы в ОГЧК и арестованный допрошен.

Упомянутого Мамонтовым заявления Гаврилова с просьбой об освобождении в деле нет, но приложены другие документы, поступившие в ОГЧК в поддержку арестованного:

— два удостоверения, выданные в апреле после ареста Мамонтова, в которых советские служащие, в том числе военный комиссар Наздарский, подтверждают, что он «честный и хороший товарищ... в Добровольческой армии служил лишь как рядовой по мобилизации... остался в Одессе для службы в Советской армии... безусловно сочувствует советской власти»;

— два заявления его приемной матери Марии Федоровны — коменданту города (без даты) и совместно с его невестой Н. Г. Столковской — в городской исполком (29 апреля).

В них, изложив обстоятельства ареста и отсутствие у Гаврилова претензий к арестованному, М. Ф. Мамонтова пишет: «Сын мой больной, он только что перенес тиф, а в настоящее время у него открылась рана на ноге после ранения в Карпатах. Это обстоятельство заставляет меня просить содействия Вашего об ускорении разбора дела моего сына и освобождения его из-под ареста как больного...»

Во втором прошении говорится: «Вот уже свыше трех недель арестован мой сын и жених просительницы, дело которого передано в ЧК. Он болен, страдает открытой ра-

ной, недавно перенес тиф и вообще очень слабого здоровья. Вины за ним никакой нет и арест его является лишь недоразумением. В этот радостный день всемирного праздника труда, когда даже вся природа воскресает к жизни, там, в стенах заточения, неповинно угасает медленно молодая жизнь. Во имя правды и светлых начал грядущей новой эры труда я как мать, а я как невеста просим о срочном разборе дела и о помиловании Петра Мамонтова». Резолюции нет, переслано из исполкома в ОГЧК.

30 мая помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией М. Нагорный в записке указал: «Заявление Гаврилова, материал свидетельских показаний и протокол опроса обвиняемого Мамонтова отсутствуют. Комендантское управление не представило. По наведенным справкам материал где-то в комендантском управлении затерялся». На обороте 4 июня приписано: «На вторичное требование о присылке материала комендатура до настоящего времени не представила».

Тем не менее дело было принято к рассмотрению.

4 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело № 1144 по обвинению П. М. Мамонтова в «службе в контрразведке», постановила: **«Заключить в концлагерь сроком на 2 года».**

На следующий день, 5 июня, помощник уполномоченного М. Нагорный составил заключение по делу Мамонтова, обвиняемого в «службе в контрразведке, в караульном полку» с иным предложением. В заключении сказано: «Следствием выяснилось, что Мамонтов Петр был мобилизован и служил в караульном полку и был послан в Фестерово для поимки фальшивомонетчиков, где был ограблен крестьянин товарищ Гаврилов, который случайно встретил в Одессе Мамонтова и арестовал его. Из заявления Гаврилова видно, что Мамонтов никакого участия в ограблении не принимал, но просит, чтобы Мамонтов указал тех, кто его ограбил. На что Мамонтов ему не мог ответить, ибо тот, кто его ограбил, бежал при эвакуации из Одессы, а Мамонтов, так как нигде не принимал никакого участия, остался здесь в Одессе и был на военной регистрации и мог уже поступить на советскую службу, но был арестован. Некоторый материал свидетельских показаний комиссии не представлен. На основании вышеизложенного предлагаю: Мамонтова освободить».

12 июня уполномоченный ОГЧК Кириллов направил начальнику одесской губернской тюрьмы телефонограмму: «Прошу Мамонтова Петра Михайловича, находящегося во вверенной Вам тюрьме и подлежащего отправке в концентрационный лагерь, задерживать впредь до особого распоряжения».

28 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело № 1600 (поступившее из комендантского управления) по обвинению П. М. Мамонтова в «службе в контрразведке», постановила: **«Приобщить к делу № 1144. Оставить постановление коллегии от 4 июня в силе, арестованного перевести в концлагерь».**

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Решение коллегии не вытекает из материалов дела. Кроме Мамонтова допрошен всего лишь один свидетель, заявивший, что, участвуя в группе офицеров, арестовавших его, свидетеля, Мамонтов никаких активных действий не проявлял... Других материалов в деле нет».

Реабилитирован 22 февраля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечание.

К делу № 1144 подшиты многочисленные семейные документы, вероятно, изъятые при обыске на квартире Мамонтова, когда сам он уже находился под стражей: метрическая выпись о смерти матери в 1901 году, аттестат зрелости брата Сергея, перечень дат рождения, крещения, венчания, смерти в семье Мамонтовых, прошения приемной матери арестованного вдовы М. П. Мамонтова о назначении пенсии и другие. Протокола обыска и ордера, на основании которого он был проведен, в деле нет.

Кроме того, ошибочно подшито прошение вдовы расстрелянного Г. Н. Фролова Веры Николаевны в связи с угрозой конфискации ее имущества (см. описание дела Г. Н. Фролова — № 27168-п, стр. 298–301, текст прошения приведен в примечании, стр. 301).

(Дело № 27211-п)

8 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **ДАЦЮК (ДОЦЮК, ВАЦЮК) Петр Осипович (30 лет)**. Родился в 1889 (1890) году в городе Беле Бельского уезда Холмской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование среднее специальное, по профессии — народный учитель; православный, беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Одессе (ул. Приморская, 93, кв. 2).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Возможно, арест произведен по донесению секретного сотрудника Черника о том, что в Одессе якобы существует контрразведка белых, сотрудников которой он ранее видел в Киеве. В деле есть записка от 3 июля 1920 года, подписанная проводившим следствие помощником уполномоченного Нагорным, о том, что он изъял из дела заявление Черника и протокол опроса Дацюка; причина не указана, вероятно, в связи с возбуждением дела в отношении его знакомых — Боровских (дело № 26948-п).

Ордер № 1185 ОГЧК (без точного указания даты) выписан на обыск и задержание не Дацюка, а Вацюка; в приложенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающимся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Означенного можно взять только на рассвете... если дома не окажется, то будет наверху над этой квартирой в том же доме, у тех и других живет без прописки». В протоколе обыска, проведенного на основании того же ордера 8 апреля по улице Приморской, 93, кв. 2, указано, что Дацюк задержан и у него изъяты разные документы. (Среди них — удостоверение, свидетельствующее, что по этому адресу он прописан с декабря 1919 года, «в Добровольческой армии и учреждениях не служил и был всегда противником таковой, защищая советскую власть», 23 февраля выдано комиссаром дома).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Дацюка (почти за полтора месяца ведения следствия): 23 апреля, через две недели после ареста его допросил помощник уполномоченного секретного отдела Е. Баленков и спустя еще две недели, 8 мая — помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Нагорный.

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил учительскую семинарию, до 1914 года учительствовал, после начала войны служил в 280-м пехотном полку в качестве вольноопределяющегося, в 1916 году произведен в прапорщики, затем в поручики. В 1917 году после ранения находился в московском госпитале, затем в команде выздоравливающих; состоял в союзе инвалидов; в августе переехал в Киев и поступил в воен-

ный госпиталь палатным надзирателем. В 1918 году до прихода Петлюры служил в учительском кооперативе; был арестован, освобожден после временного установления советской власти в 1919 году; служил протоколистом в железнодорожной охране Юго-Западной дороги. После прихода добровольцев арестован за службу при советской власти и за уклонение от мобилизации, 1 октября освобожден, уехал из Киева к брату в Кременчуг, но не найдя его там, в ноябре выехал в Одессу, где до прихода советской власти скрывался, жил на средства брата Владимира и его жены, лечился, из-за болезни нигде не служил; знакомых имел мало, знает только семью Боровских, изредка видел у них Лойко. В первые дни установления советской власти явился к коменданту города на регистрацию.

Далее заявил: «В контрразведке я не служил. Подосовского совершенно не знаю, поручика Лойко знаю, он живет в Одессе, но где именно, не знаю, в контрразведке он не служил. Боровские Александр — военный и Николай — вольноопределяющийся в контрразведке не служили. В настоящее время Александр служит в Красной армии, Николай был в Одессе, проживают с сестрой на Гулевой улице, 13, кв. 2, в контрразведке не служили... В спекуляции деньгами я себя отрицаю, в чем и подписываюсь».

(П. В. Лойко, Н. И. Боровский и его сестра Е. И. Матвеевко арестованы 3 июля 1920 года, помимо «контрреволюции» обвинены в «спекуляции», дело № 26948-п. — *Ред.*)

Протоколы допроса свидетелей отсутствуют.

18 мая помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Нагорный на клочке бумаги написал: «Дело № 932 Дацюка Петра Осиповича, 30 лет, по обвинению в службе в киевской контрразведке, б. офицер, бежал из Киева и в Одессе скрывался. Предлагаю Дацюка Петра расстрелять».

18 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело П. О. Дацюка по обвинению в «контрреволюционной деятельности, контрразведчик, бывший офицер», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать».

Дело сдано в архив 21 мая, но Дацюк находился в тюрьме еще несколько месяцев. Предположительно в сентябре расстрелян (дата не указана). Предположение основано на заявлении Нагорного, поданном заведующему секретно-оперативным отделом Соколову и зарегистрированном в президиуме ОГЧК 5 сентября 1920 года:

«Довожу до Вашего сведения, что мною случайно было обнаружено одно обстоятельство. Согласно устному распоряжению коллегии о сдаче дел, находящихся на руках у следователей, с кратким заключением сдать в коллегии, что мною было выполнено. В числе сданных дел от 18-го сего года было сдано дело за № 932 Доцюка (так в документе. — *Ред.*) Петра Осиповича, бывшего офицера, обвиняющегося в службе в киевской контрразведке. Заключение было применить высшую меру наказания и коллегия постановила: «Расстрелять, дело прекратить и сдать в архив». Так как в деле был материал, в котором фигурировало еще несколько офицеров-контрразведчиков, которые не были арестованы, а в данное время некоторые из них арестованы и ведется следствие, потребовался обвинительный материал и было затребовано дело для суда за № 932, на котором есть постановление коллегии о приговоре «расстрелять».

Из допроса арестованных случайно узнал, что Доцюк еще сидит в тюрьме, и мною было проверено у помощника начальника тюрьмы, который подтвердил, что Доцюк П. О. еще сидит с 13 апреля по настоящее время. Подобные случаи бывают очень часто. Например, постановление коллегии бывает то или другое, дело поступает в архив, а постанов-

ление не проводится в жизнь, и когда приходится наводить справки, то нельзя выяснить, по какой причине так получается и кто виноват в халатном отношении к своему делу».

На документе три надписи: Заковский — Вихману «Обратить внимание»; «В архив»; «Приговор приведен в исполнение». Нижняя часть документа с какой-то записью оторвана.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «...Дацюк на допросе в качестве обвиняемого (обвинение не предъявлялось) признал, что являлся офицером царской армии. Свидетели по делу не допрашивались».

Реабилитирован 20 февраля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле нет совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Дацюк, Доцюк, Вацюк. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в личных документах, изъятых при обыске, — Дацюк.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Дацюка пока невозможно.

3. **Н. И. БОРОВСКИЙ** и **П. В. ЛОЙКО** расстреляны, **Е. И. МАТВЕЕНКО (БОРОВСКАЯ)** заключена в концлагерь на 5 лет по постановлению коллегии ОГЧК от 17 августа 1920 года (дело № 26948-п).

4. В описи документов, составленной в 1920 году, указаны материалы и переписка по делу на восьми листах, которые в настоящее время в деле отсутствуют.

(Дело № 27163-п)

9 апреля 1920 года секретно-оперативным подотделом Одесской губЧК при Тираспольским уездном исполкоме без предъявления обвинения арестован

ДЫМЧЕНКО Спиридон Тимофеевич (29 лет). Родился в 1890 (1891) году в Бендерском уезде Бессарабской губернии; национальность не указана, из мещан; образование начальное, по профессии — кадровый офицер, штабс-капитан; беспартийный; женат. На момент ареста постоянного места работы не имел; проживал в Тирасполе (ул. Покровская, 92).

Обстоятельства ареста из дела не ясны.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Дымченко (почти за два месяца ведения следствия): 9 апреля и через месяц, 7 мая его допросили два разных следователя Тираспольского секретно-оперативного подотдела (фамилии не указаны).

С. Т. Дымченко
в конце 1910-х годов

В протоколах записано, что допрашиваемый получил домашнее образование, в годы войны с Германией был призван в армию, воевал в составе 38-го Сибирского стрелкового полка, в 1917 году заведовал полевой телефонной учебной командой при 49-й пехотной запасной бригаде, имел чин поручика, после демобилизации вернулся домой.

В 1919 году при советской власти служил в 1-й роте 2-го стрелкового Бессарабского Советского полка красноармейцем, уволен в июле в связи с контузией, затем работал почтальоном Суклейского сельского исполкома (Слободзейская волость Тираспольского уезда Херсонской губернии). Осенью 1919 года мобилизован добровольцами и назначен помощником по хозяйственной части начальника Тираспольского контрразведывательного пункта штаба командующего войсками Новороссийского округа, служил в чине штабс-капитана. Заявил, что репрессий по отношению к большевикам не проводил — наоборот, помогал им освободиться из заключения, за что в декабре сам был арестован добровольцами, содержался в Одессе под стражей и подлежал суду, но суд не состоялся из-за бегства белых. По политическим убеждениям левый эсер.

7 мая допрошен единственный свидетель — начальник милиции Тирасполя, который подтвердил, что, будучи арестован добровольцами, благодаря Дымченко спасся сам и спас свое имущество.

На протяжении апреля — мая арестованный и его жена неоднократно писали председателю и в особый отдел ОГЧК, а также в рабоче-крестьянскую инспекцию Одессы, прося разобрать дело и вызвать свидетелей защиты.

К делу приложены также следующие документы, собранные женой арестованного и переданные в Тираспольскую ЧК, а затем пересланные в ОГЧК.

Протокол общего собрания граждан деревни Ново-Суклеи от 18 апреля, которые ходатайствуют об освобождении Дымченко: «занимался хлебопашеством и садоводством, никогда и никакой антисоветской агитации не вел, ни в каких партиях не участвовал, а наоборот старался помогать беднейшему населению нашей деревни. В Добровольческую армию попал по мобилизации, недобровольно. Служа в контрразведке он никого не преследовал... Активно работал при советской власти в 1919 году» (более 20 подписей).

Три удостоверения от 14 апреля — Суклейского исполкома, сельского комитета и Ново-Суклейского общества потребителей, положительно характеризующие арестованного: «Он мобилизован добровольцами 13 сентября 1919 года на основании телеграммы тираспольского воинского начальника... посещал земельные институты добровольцев, ходатайствовал о немедленном удовлетворении безземельных и малоземельных граждан сел Суклеи и Ново-Суклеи...» Повторное ходатайство Суклейского исполкома об освобождении арестованного направлено 30 апреля.

Заявление арестованных белогвардейцами и освобожденных благодаря участию Дымченко коменданта Тирасполя, члена коллегии уездного земельного отдела, помощника военрука, начальника милиции: «Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что во время заключения нас в тираспольскую тюрьму при денкинском режиме гражданин Дымченко, будучи помощником начальника тираспольской контрразведки, не являлся к политическим заключенным репрессатором и сторонником денкинского режима, а обращался очень сочувственно, и благодаря его нам, политическим заключенным, до некоторой степени удалось быть освобожденными, что и дало нам возможность работать подпольно».

Заявления и обращения других граждан Тирасполя. Все подтверждали, что он не был сторонником белогвардейцев, и просили о его освобождении.

Через полтора месяца дело и арестованный были отправлены из Тирасполя в Одессу. В постановлении заведующего Тираспольского подотдела ОГЧК от 16 мая указано: «...Дымченко служил в денкинской контрразведке по назначению, но деятельность его

не была резкой против советской власти, что удостоверяют партийные работники, за сим не считаю себя вправе вполне реабилитировать его ввиду упомянутой его службы... Дело препроводить в ОГЧК на распоряжение».

Данных о доследовании дела в ОГЧК нет.

4 июня помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Чумаченко составил заключение по делу Дымченко: «...Служил в деникинской контрразведке в Тирасполе помощником начальника... всегда содействовал освобождению коммунистов, что указывают видные советские работники Тирасполя. На основании вышеизложенного предлагаю заключить в концлагерь».

4 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело С. Т. Дымченко по обвинению в «службе в контрразведке», постановила: его **расстрелять**, имущество конфисковать. Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 7 июня, когда дело было сдано в архив.

Реабилитирован 13 сентября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Дымченко пока невозможно.

(Дело № 26968-п)

9 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **СИБОГЛО (СИБОГЛУ) Дмитрий (Димитрий) Степанович (30 лет)**. Родился в 1889 (1890) году в Аккерманском уезде Бессарабской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование начальное, по профессии — военный; беспартийный; холост. На момент ареста находился на излечении в одесской новой городской больнице, ранее служил красноармейцем 2-го легкого артиллерийского дивизиона 45-й стрелковой Советской дивизии.

Основанием для ареста послужили заявления в ОГЧК членов бессарабского парткома, которые в 1919 году видели его среди румынских контрразведчиков в кафе-шантане: «вел себя очень свободно... ходил в военной одежде ночью без пропуска». Кроме того, один из заявителей указал, что когда он сидел в кишиневской тюрьме как бессарабский подпольный работник, то видел, как приходили агенты для доклада, и среди них якобы и Сибогло.

Ордер № 1223 ОГЧК на арест и обыск оформлен 9 апреля, после того как арестованный был доставлен в комендатуру ОГЧК. В протоколе личного обыска, проведенного в тот же день, указано, что у арестованного помимо документов отобраны зеркальце, чашка, помазок и бритва (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Сибогло (более чем за месяц ведения следствия): 9 апреля и через три с половиной недели, 3 мая, его допросил помощник уполномоченного по общим делам Радионов. В протоколах допросов и личных документах, изъятых при обыске, содержатся некоторые факты его биографии.

Окончил деревенскую школу, занимался хлебопашеством, в годы войны с Германией был на фронте, затем служил солдатом пограничной Крымской сотни Добровольческой армии. В начале февраля 1920 года служил в Тирасполе красноармейцем 45-й стрелковой Советской дивизии. В марте заболел и попал в военный госпиталь в Жмеринке, а затем в двадцатых числах через Киев — в Одессу. Виновным себя ни в чем не признал, обвинение в службе в румынской контрразведке категорически отверг. По поводу обвинения объяснил: «...В праздничные дни заходил в кафе-шантан выпить рюмку и там встретил студента Алексеева, мы с ним покутили, но в контрразведке я не служил, с румынскими сыщиками не встречался».

В протоколах допросов упомянуто румынское дело, по которому проходили 108 человек, приговоренных к каторге; по словам Сибогло, директор аккерманской мужской гимназии Полихронин давал по этому делу показания, но в связи с чем это сказано — из дела не ясно.

Протоколов допроса свидетелей и очных ставок в деле нет.

12 мая помощник уполномоченного по общим делам Радионов составил заключение по делу Сибогло, обвиняемого в «службе в румынской контрразведке и шпионаже в советских войсках». В заключении сказано: «...Тип с весьма богатым прошлым, хитрый с чистой замашкой старого сыщика, служивший, как он сам показывает, многим властям даже и советской, где он играл, поступивши на службу в 45-ю дивизию, когда она доходила до границ Румынии, выполнял роль шпиона, что играло на руку контрразведке. В Румынии он работает в контрразведке и выдает подпольных коммунистов. Сыграл немалую роль в процессе ста восьми, из коих двое были приговорены заочно к смертной казни, но бежали. Эту работу Сибогло выполняет совместно с директором кишиневской (так в документе. — *Ред.*) гимназии гражданином Полихрониным, выступают свидетелями по этому процессу. На втором протоколе допроса благоразумие Сибогло заставило сознаться, что кутил в кафе-шантане с румынскими контрразведчиками (на самом деле он это отрицал. — *Ред.*), что дает полное право считать обвинение, предъявленное Сибогло в службе в контрразведке и шпионаже — доказанным. Предлагаю его расстрелять, а за его знакомой, проживающей на Малом Фонтане, 35 под кличкой «Маня» — установить слежку и арестовать».

12 мая 1920 года (в выписке из протокола указан апрель — вероятно, опечатка) коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Д. С. Сибогло по обвинению в «службе в румынской контрразведке», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, все его имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 14 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора отмечено, что обвинение арестованному не предъявлялось.

Реабилитирован 19 октября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Сибогло, Сибоглу. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в личных документах, изъятых при обыске, — Сибогло.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Сибогло пока невозможно.

3. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для проверки ранее составленной аннотации сотрудником архива УСБУ изъяты из дела три листа: л. 1 — заключение по делу, л. 2 — заявление членов бессарабского парткома, л. 10 — конверт с личными документами репрессированного, отобранными при аресте.

(Дело № 27032-н)

11 апреля 1920 года особо-следственным подотделом Одесской губЧК при Тираспольском уездном исполкоме без предъявления обвинения арестован

СТАРСОЛЬСКИЙ (СТАРОСЕЛЬСКИЙ) Михаил Константинович (27 лет).

Родился в 1892 (1893) году, место рождения, национальность, происхождение не указаны; образование высшее, по специальности — юрист; партийность не указана; холост. На момент ареста — военнослужащий, член команды этапа Украинской красной галицийской армии; временно проживал в селе Страсбург Тираспольского уезда Одесской губернии, до службы в армии — во Львове.

Обстоятельства ареста из дела не ясны.

Ордер на арест и обыск отсутствует. В протоколе личного обыска, проведенного 12 апреля, указано, что у арестованного отобраны географическая карта (в деле отсутствует), личные документы и 813 рублей (кем оприходованы — не указано).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Старосольского провел 13 апреля следователь особой комиссии при особом отделе по разгрузке тираспольской тюрьмы (фамилия не указана, один допрос почти за два месяца ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый проживал в Галиции, во Львове, окончил юридический факультет и был мобилизован в Галицийскую армию в качестве журналиста военной редакции. После присоединения галичан к Красной армии подал заявление в политотдел о вступлении в компартию. Назвал фамилии знакомых коммунистов, которые могут подтвердить его лояльность. В село Страсбург приехал из Балты 3 апреля для поправки здоровья, проживал у священника, где и был арестован. Обвинение при допросе предъявлено не было.

Из личных документов, изъятых при обыске, следует, что в марте Старосольский находился в Балтской больнице в связи с хроническим катаром бронхов, 24 марта получил шестинедельный отпуск для улучшения здоровья; вернуться в свое подразделение должен был 5 мая.

Через три недели после ареста, 2 мая, заведующий секретно-оперативным подотделом ОГЧК при Тираспольском уездном исполкоме (подпись неразборчива) принял постановление: «Из данных предварительного следствия по настоящему делу есть основание предполагать, что Старосельский (так в документе. — *Ред.*) принимал активное участие в восстании галичан в Тирасполе. На основании секретной телеграммы Одесского губвоенкома от 28 апреля 1920 года за № 96 постановил: гражданина Михаила Константиновича Старосельского вместе с делом препроводить в ОГЧК». Какие-либо документы о восстании галичан в Тирасполе, так же как и упомянутая секретная телеграмма, в деле отсутствуют. В конце мая арестованный доставлен в Одессу.

Данных о доследовании дела в ОГЧК нет.

5 июня помощник уполномоченного М. Нагорный составил заключение по делу Старосольского, обвиняемого в «участии в восстании галичан в Тирасполе». В заключении (написанном на обрывке листа бумаги) сказано: «Из показаний Старосельского (так в документе. — *Ред.*) видно, что бежал из Тирасполя в Балту и затем — в село Страсбург, где был арестован у одного священника на квартире, у которого как видно скрывался. Из всего можно заключить, что Красносельский (так в документе. — *Ред.*) определенно принимал активное участие в восстании в Тирасполе и поэтому бежал после их поражения на фронте. На основе вышеизложенного нахожу нужным применить высшую меру наказания, расстрелять Михаила Старосельского».

4 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело М. К. Старосольского по обвинению в «участии галичан в городе Тирасполе», постановила: его **расстрелять**, имущество конфисковать. Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 7 июня, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Постановление коллегии ОГЧК лишено правового основания. Старосольский — юрист по образованию, прибыл в село Страсбург Одесской области из Тирасполя на лечение, о чем свидетельствует отпускное свидетельство, где и был арестован. По заключению помощника уполномоченного можно полагать, что он принимал активное участие в восстании в Тирасполе и поэтому подлежит расстрелу. Старосольский подобное обвинение отрицал, его заявление ничем не опровергнуто».

Реабилитирован 19 октября 1994 года прокуратурой Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Старосольский, Старосельский. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в личных документах, изъятых при обыске, — Старосольский.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Старосольского пока невозможно.

(Дело № 27025-п)

11 апреля 1920 года помощником военного комиссара Ямпольского уезда без предъявления обвинения арестован

УРОДЕ (УРОДЭ) Иосиф Войцехович (62 года). Родился в 1857 (1858) году в городе Ямполе Ямпольского уезда Подольской губернии; украинец, происхождение не указано; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, штабс-капитан; римско-католического вероисповедания, беспартийный; женат, имел двоих дочерей. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Ямполе.

Обстоятельства ареста. Помощник уездного военкома, бывший председатель Ямпольской уездной ЧК, член ВКП(б) Наймушен по собственной инициативе арестовал Уроде и доставил его в секретно-оперативный подотдел при Ямпольской уездной милиции.

Допрошенный через десять дней, 21 апреля, в качестве свидетеля-обвинителя двадцатидвухлетний Ефрем Наймушен пояснил: «Знаю Уроде хорошо как определенного петлюровца, который всегда агитирует против советской власти, он — бывший помещик. Когда в 1919 году с Ямполья отступали войска Красной армии, организовался отряд, который в большинстве своем состоял из интеллигенции, для борьбы с большевиками. Одним из главарей и организаторов этого отряда был Уроде. Когда мы отрядом снова предприняли наступление на Ямполь, то он и все остальные стреляли в нас, причем было убито несколько товарищей. Сейчас он тоже провоцирует советскую власть. Ведет агитацию в пользу поляков, распространяя слухи, что поляки уже близко. Для советской власти он очень вреден».

Ордер на арест и обыск, протокол обыска, постановление о содержании под стражей, анкета арестованного в Ямполье не оформлялись; 26 апреля заполнена регистрационная карточка.

Запротоколированы три допроса Уроде (более чем за месяц ведения следствия): 11 апреля его допросил политкомиссар при караульном батальоне (фамилия не указана), через полторы недели, 22 апреля — заведующий секретно-оперативным отделом при Ямпольской уездной милиции Стефанов, и 23 апреля в тот же протокол он дописал дополнительные показания Уроде.

В протоколах и регистрационной карточке записано, что допрашиваемый относился к сословию граждан, окончил Киевское пехотное юнкерское училище, был кадровым офицером, в отставку вышел в чине штабс-капитана, прежде владел деревней Пирог и 143 десятинами земли в Ямпольском уезде. По поводу обвинения пояснил: «После отступления в 1919 году советских войск наступило безвластие, поэтому организовалась охрана города, я получил винтовку, но вечером того же дня отнес ее в милицию... ни в какой организации участия не принимал, слухов не распространял... по вступлении денкинских войск в Ямполь был назначен членом земской управы... Против советской власти не выступал и виновным себя не признаю». Назвал свидетелей, которые могут подтвердить его показания.

14 апреля цеховые рабочие и жители Ямполья подали ходатайство в его защиту: «Мы удостоверяем, что Уроде — человек честный, всегда помогал бедным чем только мог и ни в какую политику не вмешивался, что можем подтвердить под присягою и ручаемся за него в случае надобности доставить в трибунал» (33 подписи). На этом ходатайстве 23 апреля завотделом Стефанов написал, что один из подателей — спекулянт, другой — бывший помещик, двое — владельцы аптеки и книжного магазина и «все остальные лица (во всяком случае, не рабочие), не заслуживающие особого доверия у рабоче-крестьянской власти».

24 апреля он же под протоколом последнего допроса арестованного написал заключение: «Как видно из показания, Уроде принимал участие в охране города по личной воле, желая выступить против советской власти... как бывший помещик он, безусловно, враг советской власти и вреден для нее».

26 апреля дала показания жена арестованного, подтвердившая, что он всегда подчинялся советской власти и провокационных слухов не распространял.

Более никто из свидетелей допрошен не был.

29 апреля секретно-оперативный отдел при Ямпольской уездной милиции принял постановление: «Следствие по делу Уроде считать законченным, его передать в губЧК

для распоряжения и ввиду старости его лет наказать пожизненным заключением с принудительными работами» (подписано заведомом Стефановым). На постановлении резолюция, наложенная 5 мая уже в Одессе: «Выписать распоряжение на арест».

Ордер № 1879 ОГЧК на арест и обыск оформлен 5 мая, к тому времени арестованный уже более трех недель находился под стражей. В протоколе личного обыска, проведенного в тот же день, указано, что у него изъяты 500 рублей (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Данных о доследовании дела в ОГЧК нет.

Через две недели, 19 мая, помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией активной части особого отдела ОГЧК В. Бранднер составил заключение по делу Уроде. В документе сказано, что обвиняемый виновен в «активном выступлении против советской власти в Ямполье в прошлом году и в агитации за поляков, распространении ложных слухов явно контрреволюционного характера. Нахожу нужным гражданином Уродэ (так в документе. — Ред.) Иосифа Войцеховича расстрелять».

20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело И. В. Уроде по обвинению в «активном выступлении против советской власти в городе Ямполье Подольской губернии; бывший помещик, при Добрармии был назначен членом земской Ямпольской управы», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, его **расстрелять**, имущество **конфисковать**». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 23 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «В материалах дела нет совокупности доказательств виновности Уроде. О его участии в выступлениях против советской власти показал на допросе свидетель. Обвиняемый на допросе отрицал свое участие в этом выступлении против Красной армии, пояснив, что он в то время не имел винтовки и, следовательно, не мог стрелять в красных бойцов».

Реабилитирован 23 сентября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Уроде, Уродэ. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в части следственных документов — Уроде.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Уроде пока невозможно.

(Дело № 26991-п)

13 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестованы **ЕГОРОВ Михаил Федотов (Федотович) (26 лет)**. Родился в 1893 (1894) году в деревне Ракитино Жиздринского уезда Калужской губернии; русский (?), из рабочих; образование начальное, по профессии — письмоводитель; беспартийный; холост. На момент ареста работал санитаром 4-го инфекционного госпиталя; временно проживал в Одессе (4-я станция Малого Фонтана, кадетский корпус, 1-й флигель, кв. 12); постоянное место жительства — город Каменское Екатеринославской губернии;

КИРИЧЕНКО Тимофей Артемович (25 лет). Родился в 1894 (1895) году в местечке Смела Смелянской волости Черкасского уезда Киевской губернии; украинец (?), из рабочих; образование начальное, по профессии — токарь; беспартийный, женат. На момент ареста — секретарь 11-й группы 13-го участка домовой организации по улице Бассейной; временно проживал в Одессе (Сахалинчик, ул. Бассейная, 11, кв. 6); постоянное место жительства — город Каменское Екатеринославской губернии.

Также подлежали аресту по этому делу, но не были задержаны:

ВОЛОДЬКО (ВОЛОДКО) Василий Евдокимович, проживал в Одессе (Сахалинчик, ул. Бассейная, 13);

ЯСЬКОВ (ЯСЬКО, ЯСКО) Николай, проживал в Одессе (Сахалинчик, ул. Бассейная, 10).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. В ордерах № 1299 и 1300 от 14 апреля на арест всех четверых указано, что Егоров и Кириченко уже находятся в ОГЧК (доставлены туда накануне, 13 апреля), распоряжения на аресты и обыски выписаны после их задержания, дело числится за уполномоченным по борьбе с контрреволюцией Григорьевым. 14 апреля проведены личные обыски; у Егорова изъяты несколько русских и иностранных монет, у Кириченко — документы, переписка, фотографии, полушубок и кожаные гетры (деньги и вещи оприходованы отделом хранилищ ОГЧК). В протоколе обыска на квартире у Марфы Яськовой указано, что Николай Яськов отсутствует; у комиссара дома по ул. Бассейной, 13 взята подписка: «...Обязуюсь по выздоровлению Василия Володько доставить его в губЧК немедленно». (Более никаких сведений об этих двух людях в деле нет).

Постановления о содержании под стражей и анкет арестованных Егорова и Кириченко в деле нет.

Запротоколированы по одному допросу каждого: 14 мая их провел помощник уполномоченного по общим делам С. Ильин (через месяц после ареста, единственные допросы более чем за месяц ведения следствия). В протоколах и двух заявлениях арестованных, собственноручно написанных ими 14 апреля, содержатся некоторые факты их биографий.

Оба — сыновья рабочих Днепровского завода в Каменском; в годы германской войны были на фронте; до и после войны работали на Днепровском заводе: Егоров — конторщиком, Кириченко — токарем-сверловщиком. Осенью 1919 года мобилизованы белогвардейцами, служили в комендантском управлении (в том же помещении находилась контрразведка). В декабре заболели тифом, и при отступлении белых были отправлены санитарным поездом в Одессу.

Подтвердили, что Володько и Ясько также служили при комендантском управлении. Кроме того, показали следующее.

Егоров в апреле 1918 года добровольно вступил в Красную армию и по июль 1919-го служил во 2-м Екатеринославском крепостном полку, был избран председателем контрольной комиссии; 10 июля попал в плен к белым, но бежал и вернулся в Каменское. При добровольцах был мобилизован и чтобы не идти на фронт поступил в комендантское управление писарем; тогда же подал заявление коменданту города о приеме его сотрудником контрразведки (объяснил, что сделал это ради того, чтобы помогать арестованным коммунистам), но ему было отказано. (Это заявление 21 апреля приобщено к делу в качестве доказательства его антибольшевистских настроений. Каким образом оно

попало из архива комендантского управления Каменского в ОГЧК, из дела не ясно. — *Ред.*) Вслед за тем он был арестован за службу у красных, но освобожден под подписку о невыезде благодаря защите со стороны служащих завода; после назначения нового начальника контрразведки две недели в декабре 1919 года служил у него секретарем; «мне удалось скрывать коммунистов благодаря уничтожению списков», — назвал фамилии коммунистов, которым сумел помочь. «В гребжах не участвовал и вымогательств не делал, что могут подтвердить граждане Каменского, а занимался канцелярским делом по своей профессии... Если я буду отпущен, то немедленно запишусь в партию коммунистов-большевиков и отправлюсь на фронт, дабы доказать, что я действительно пролетарий, идущий с честью на защиту всего завоеванного кровью народа революцией».

Кириченко с 10-летнего возраста работал на Днепровском заводе; в 1915 году был призван на действительную службу и направлен на фронт; после демобилизации в 1917 году снова служил на Днепровском заводе, в мае 1918 года уволен, был безработным. В 1919 году мобилизован белогвардейцами, два месяца служил начальником караула комендантского управления, в ноябре уволен «за халатное отношение к службе... восемь суток находился под арестом», — затем переведен на должность писаря. «За меня смогут сказать все граждане Каменского, что я не расстреливал, не грабил... я служил только лишь дабы спасти своих товарищей-коммунистов...» (назвал фамилии нескольких свидетелей). Далее сказал, что в декабре он и жена заболели сыпным тифом и при отступлении белых с санитарным поездом прибыли в Одессу; после выздоровления поселились на улице Бассейной, 11. Когда пришли красные, рабочие избрали его секретарем домкома. Работал добросовестно, что могут подтвердить жильцы. «...Как только освободят меня, записываюсь в союз коммунистов и еду на фронт, где докажу, что я есть пролетарий и защитник свободной России и ее революции».

Протоколов допроса свидетелей и очных ставок в деле нет.

Не позднее 20 мая (дата не указана) помощник уполномоченного по общим делам Ильин вместо заключения по делу написал на обрывке листа бумаги: «Дело № 279, обвиняемые в службе в контрразведке Кириченко Тимофей Артемович, Егоров Михаил Федотович, Яськов и Володько. Кириченко и Егорова подвергнуть высшей мере наказания. Яськова и Володько принять меры розыска».

20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело по обвинению всех четверых в «службе в контрразведке», постановила:

«Предъявленное обвинение **М. Ф. Егорову** и **Т. А. Кириченко** считать доказанным и применить к ним высшую меру наказания — **расстрелять**, вещи и деньги конфисковать» (дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив);

«дело передать в стол розыска на предмет розыска **В. Е. Володько** и **Н. Ясько**» (судя по последующим документам, на июль 1920 года разысканы не были, их дел в фонде «П» нет).

В 1998 году дело пересмотрено. В заключениях прокурора сказано:

«...Постановление коллегии ОГЧК вынесено с грубым нарушением закона. Обвинение Кириченко не предъявлялось. Допрошен он один раз, показал, что... призван на службу в каменскую комендатуру, которая размещалась в одном здании с контрразведкой. Прослужил там два месяца, в контрразведке белых не служил. Каких-либо доказательств, подтверждающих обвинение Кириченко, в деле нет»;

«...Егоров репрессирован необоснованно. Обвинение ему не предъявлялось, на единственном допросе он показал, что служил у белых писарем в комендантском управлении, в котором были три сотрудника контрразведки, поручения которых как писарь он выполнял... Никаких доказательств, опровергающих эти показания, в деле нет».

Реабилитированы 24 марта 1998 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения преступления».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Егорова и Кириченко пока невозможно.

(Дело № 28493-п на 2 человек)

14 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **СМИРНОВ Сергей Петрович**, он же **А. МУРСКИЙ** (литературный псевдоним) (**38 лет**). Родился 26 августа 1881 года, русский; место рождения и происхождение не указаны; образование среднее, по специальности — журналист; беспартийный; женат. На момент ареста постоянного места работы не имел; находился на излечении в Одессе в эпидемическом госпитале № 2 губздравотдела (ул. Канатная, здание духовной семинарии).

Основанием для ареста послужили сведения, поступившие от двух молодых коммунистов: врача Арона Бурдмана, задержавшего Смирнова в госпитале и доставившего его в ОГЧК 14 апреля, и секретаря Одесского губревтрибунала Соломона Винокурова, который 15 апреля подал начальнику особого отдела ОГЧК заявление, обвиняющее арестованного.

В протоколе допроса свидетеля Бурдмана записано, что прапорщик Смирнов на ялтинской гауптвахте, куда попал за пьянство, а потом и в тюрьме, в присутствии политических заключенных якобы говорил, что он «считает честью состоять агентом контрразведки», «избивал коммунистов и большевиков, состоял сотрудником контрреволюционной печати, в которой писал статьи погромного и контрреволюционного характера». Политзаключенные «утверждали, что он агент контрразведки».

В заявлении Винокурова написано, что Смирнов — «идейный враг советской власти», при добровольцах в Одессе «принимал горячее участие в контрреволюционной газете «Единая Русь» и призывал в ней к борьбе с большевизмом... Его статьи под псевдонимом А. Мурский можно найти во многих контрреволюционных органах... Если он поступил на службу в особый отдел ОГЧК, то я уверен, что только в целях шпионажа. Во время добровольцев также состоял младшим комендантом Одессы».

Ордер № 1353 ОГЧК на арест и обыск (без точной даты) оформлен после того как арестованный был доставлен в особый отдел. В протоколе обыска, проведенного 14 апреля на основании этого ордера по адресу улица Пантелеймоновская, 84, кв. 4, указано, что он проживал там до 24 января 1920 года, а затем выбыл.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Смирнова (более чем за месяц ведения следствия), проведенные помощниками уполномоченного активной части: 14 апреля его допросил Палюшкин и 18 апреля — Матенков. В протоколах, личных документах арестованного,

а также собственноручных показаниях, написанных в день второго допроса, содержатся некоторые факты его биографии.

Окончил московское казенное реальное училище, а после начала германской войны — школу прапорщиков. До 1916 года работал в московских газетах «Раннее утро», «Копейка», «Трудовая копейка» и в Туркестане — в ашхабадской газете «Утро Ферганы». На военной службе был в Баку, в 1917 году находился в лазарете во Владикавказе, числится прапорщиком запаса пехоты 30-го Сибирского стрелкового полка. По политическим убеждениям — кадет.

В 1918 году прибыл в Москву и в августе с женой уехал в Ялту; там вступил в Добровольческую армию. Сначала работал журналистом в газете «Ялтинский курьер», затем был назначен в 1-й Симферопольский полк офицером службы связи; эвакуировался в Новороссийск, где две недели работал в газете «Черноморский маяк». Затем уехал в Екатеринодар и поступил в «Осваг» журналистом информационного отдела, через месяц был переведен в Ростов, также в «Осваг», офицером для поручений, одновременно работал в народной газете. В статьях писал, что надо освободить Дон, взять Москву, созвать Учредительное собрание. Затем был переведен в керченское отделение «Освага», но через две недели получил отставку за пьянство, был направлен в Ялту в комендантскую роту, а в сентябре 1919 года за пьяную драку с комендантским адъютантом арестован и посажен на гауптвахту, где уже находился арестованный Бурдман. Через две недели освобожден военно-полевым судом, в октябре уехал в Севастополь, там в основном находился на амбулаторном лечении из-за повреждения ноги.

14 декабря получил распоряжение явиться в Одессу к дежурному генералу за назначением. В Одессе с 18 декабря 1919 года по 19 января 1920-го работал в газете «Единая Русь», опубликовал три статьи и фельетон. 19 января назначен младшим офицером нестроевой роты 48-го пехотного Одесского полка в чине подпоручика. 25 января, отступая с войсками в обозе на Овидиополь, заболел тифом, пролежал в лазарете двенадцать дней и затем, уже по распоряжению советских властей, отправлен в Одессу в госпиталь, где находился до момента ареста. Там же находилась и его жена Анастасия, болела возвратным тифом. 6 апреля явился на регистрацию и был принят на учет как военнослужащий, 9 апреля призван по мобилизации, но получил отпуск на месяц в связи с болезнью. 14 апреля задержан по заявлению доктора Бурдмана.

По поводу обвинений сказал: «Статьи в белых газетах я действительно писал, но отнюдь не погромного характера... Писал против большевиков, так как не знал положения на месте... просто зарабатывал на кусок хлеба... В контрразведке никогда не служил и вообще не имею к этому учреждению никакого отношения... Помощником коменданта Одессы я никогда не был... После занятия советской властью Одессы все время находился в госпитале, лежал в жару... Признавая себя виновным в прежних деяниях... искренне раскаиваюсь... и думаю, что могу быть полезен в будущем... Искренне признал советскую власть, что и еще раз подтверждаю».

В качестве свидетелей 20 и 21 апреля допрошены оба заявителя — А. А. Бурдман и С. И. Винокуров, а также знакомый Винокурова — С. А. Марьяновский.

Винокуров на допросе заявил: «Лично со Смирновым я не знаком. Обо всем изложенном в моем заявлении я слышал от моего товарища Марьяновского... Мне же лично пришлось столкнуться со Смирновым таким образом. В бытность в Одессе белых я был старостой того дома, где сейчас проживаю (ул. Ново-Рыбная, 84), и за несколько дней до

ухода Добрармии он зашел ко мне на квартиру и стал кричать о том, где староста, я его повешу, если не явится сейчас же. Я тогда спрятался под кроватью, и ни он меня, ни я его не видели. Говорила с ним моя невеста, которую он толкал. Но всему этому я не придаю значения, так как он был тогда в нетрезвом виде и вреда никакого мне не принес. Мое личное мнение таково, что заявление его моему товарищу о том, что он состоял младшим комендантом Одессы, является плодом его болтливости, так как он не стал бы тогда требовать охраны от дома, а у него была бы своя охрана».

На следующий день он написал допросившему его сотруднику ОГЧК: «Тов. Матенков, Вы обещали вчера, что очной ставки товарищу Марьяновскому по делу № 151 Вы не устроите, и я надеюсь, что обещание Ваше будет исполнено. С товарищеским приветом (подпись Винокурова)».

Вызванный на 21 апреля Марьяновский показал следующее. «Будучи старостой дома № 86 по Ново-Рыбной в январе 1920 года, я познакомился со Смирновым у себя в доме в квартире дворника». Смирнов пришел, чтобы подать прошение о выдаче пособия проживавшей в доме девочке в связи со смертью ее матери. «Отрекомендовался младшим помощником коменданта и сотрудником газеты «Русь»... Мне казалось, что Смирнов был в нетрезвом виде, со всеми по несколько раз здоровался и каждому вручал свои визитные карточки... Хвастался, что хорошо пишет, пишет против погромов, а лишь советует евреям не мешаться в политику... и не вмешиваться в чисто русские дела... На мой взгляд Смирнов личность не внушающая доверия, так как во время проживания его при добровольцах в том доме были обыски, какие только я не знаю...»

22 апреля помощник уполномоченного активной части особого отдела ОГЧК Палюшкин составил заключение по делу Смирнова, обвиняемого в «участии в контрреволюционной печати и службе в белогвардейской контрразведке». В заключении сказано:

«Смирнов действительно состоял сотрудником буржуазной печати, что как свидетели, так и сам он доказывают. Относительно же того, что именно он печатал в этих газетах, установить фактически не представилось возможным ввиду невозможности достать эти газеты.

Что касается имеющихся в деле заявлений относительно участия Смирнова в контрразведке, то мне при допросе свидетелей удалось выяснить, что они утверждают это на основании слов самого Смирнова и которые фактически они не утверждают. Наконец, из тех же свидетельских показаний я заключил, что Смирнов ни больше ни меньше как журнальный болтун, ибо кто же будет при первом знакомстве раздавать направо и налево свои визитные карточки и сообщать о том, где служит. Так обвинение его в службе в белогвардейской контрразведке и младшим помощником коменданта Одессы отпадает как фактически недоказанное. Это можно заключить из слов свидетелей, которые показывают, что он говорил в нетрезвом виде. Все это я отношу к плоду журнальной болтливости и желания хвастнуть. Значит, остается одно обвинение: участие его в контрреволюционной печати. Это доказывает и сам обвиняемый.

Принимая во внимание, что Смирнов целых два года был в Добровольческой армии в качестве офицера, где офицером фактически не был, а был лишь сотрудником газет и большею частью служил в «Осваге». Какого содержания были статьи Смирнова, я повторяю, установить не представилось возможным. Свидетельские показания говорят, что сами они этих статей не читали, и все их обвинения сводятся лишь к названию газет, как, например, «Единая Русь», что одно уже показывает его настроение, и службе в «Осваге».

На основании всего изложенного я заключил: Смирнова, как деятельного сотрудника контрреволюционной печати и политически убежденного кадета, признаю вредным человеком для советской республики, которого необходимо *временно изолировать, то есть заключить его в концентрационный лагерь до окончания гражданской войны*». (Слова, выделенные курсивом, вписаны карандашом вместо ранее напечатанного, но зачеркнутого текста: «Считаю нужным предать высшей мере наказания»). На коллегию дело представлено через месяц.

21 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело С. П. Смирнова по обвинению в «контрреволюции», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, его **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 25 мая, когда дело было сдано в архив.

Реабилитирован 19 октября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечания.

1. К делу приложены копии фрагментов двух статей за подписью «А. Мурский» — «Кровью торгующие» и «Акулы тыла». В них говорится, что главная причина неудач добровольческих войск — в «бездушном, эгоистичном тыле, справляющем пир во время чумы, утопавшем в роскоши и излишествах в то время, когда фронт не имел самого необходимого...»

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Смирнова пока невозможно.

3. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для проверки ранее составленной аннотации сотрудником архива УСБУ изъят из дела л. 21 — обвинительное заявление С. Винокурова.

(Дело № 27027-н)

15 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **АНТОЩУК Терентий Карпович (28 лет)**. Родился в 1891 (1892) году в Житомирском уезде Волянской губернии; украинец (?), из крестьян; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, штабс-капитан; член РКП (боротьбист); женат. На момент ареста служил военным руководителем Андрушевского волостного военного комиссариата; временно находился в Одессе, постоянное место жительства — местечко Андрушевка Житомирского уезда Волянской губернии.

Обстоятельства ареста. 14 апреля Антошук приехал в командировку в Одессу для поимки бывшего управляющего андрушевского имения белогвардейца Пономарева. В кофейной «Фанкони» случайно встретил бывшего сослуживца Анатолия Крыжановского, который обвинил его в контрреволюции и доставил в Одесскую губЧК.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запротоколированный допрос Антощука провел 15 апреля помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией С. Герц (один допрос более чем за месяц ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый окончил 6 классов реального училища, до начала войны с Германией служил помощником эконома в Андрушевке, на фронте ко-

мандовал 1-м батальоном 312-го пехотного Васильковского полка, получил чин штабс-капитана, затем находился при штабе 7-й армии чином для поручений, демобилизовался в феврале 1918 года. В 1919 году служил командиром эскадрона в Бердичеве. Когда военком Крыжановский отдал приказ о выступлении на фронт против галичан, эскадрон разбежался, не желая воевать. После этого он явился в Житомир и доложил обо всем в военном комиссариате, где и получил новое назначение — военкомом Андрушевки (назначен на должность 17 февраля 1920 года). Утверждал, что «все время был с красными».

В качестве единственного свидетеля 15 апреля допрошен задержавший Антощука обвинитель, ныне служащий одесским городским и уездным военруком. Он дал противоположные показания: якобы обвиняемый увел отряд красноармейцев, подготовленный к отправке на фронт, в соседнее село, где собрал митинг и призывал крестьян к восстанию против советской власти. После неудачного нападения на Бердичев возглавляемый им отряд отправился в другой район, «где и оперировал вместе с другими повстанцами». Кроме того, свидетель заявил: «есть сведения, что после эвакуации советских войск 20 августа 1919 года Антощук вступил в Галицийскую армию». 10 мая на дополнительном допросе свидетель рассказал об обстоятельствах задержания обвиняемого в кофейной «Фанкони».

В деле имеются документы, свидетельствующие о конфликте Антощука с органами советской власти в бытность его волостным военруком. Так, в резолюции съезда сельских комитетов бедноты Андрушевской волости от 13 августа 1919 года утверждается, что Антощук «не считается с распоряжениями рабоче-крестьянского правительства, захватил господский дом, лошадей... всем угрожал». Съезд просит устранить его от должности комиссара, арестовать и предать военно-революционному суду. Об этом же 12 августа телеграфирует и Андрушевский волостной исполком. Вероятно, между военкоматом и исполкомом возник конфликт из-за «экспроприруемого» барского имущества.

Протоколов допроса других свидетелей и очных ставок в деле нет.

18 мая, через месяц после ареста, помощник уполномоченного активной части особого отдела ОГЧК Палюшкин составил заключение по делу Антощука (без формулировки обвинения). В заключении изложены показания обвинителя и сказано: «Принимая во внимание, что Антощук является контрреволюционером и ярым противником советской власти, который не может пользоваться доверием, постановил: за активное выступление против советской власти вооруженной силой применить к Антощуку высшую меру наказания — расстрелять, а дело о нем прекратить».

*21 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Т. К. Антощука по обвинению в «контрреволюции», постановила: «Обвинение считать доказанным, его **расстрелять**, принадлежащее ему имущество — конфисковать». Возможно, был расстрелян, но на выписке из протокола заседания ОГЧК от руки написано: «Бежал. В розыске. 31/V-1920 г.». Дата сдачи дела в архив не указана. Других данных нет.*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора отмечаются противоречия в показаниях обвиняемого и единственного свидетеля, констатируется, что показания Антощука «не перепроверялись и во внимание приняты не были» и что «доказательств, подтверждающих либо опровергающих и те и другие показания, в деле нет».

Реабилитирован 8 августа 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле нет совокупности доказательств его контрреволюционной деятельности».

Примечания.

1. В деле подшиты личные удостоверения и справки за 1917–1920 годы, изъяты у Антошука при аресте.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому проверить, был ли Антошук расстрелян, и указать дату расстрела пока невозможно.

(Дело № 26949-п)

Не позднее **15 апреля 1920 года** особым отделом Юго-Западного фронта без предъявления обвинения арестован

КАРП Иван Антонович (26 лет). Родился в 1893 (1894) году в селе Великая Слобода Еремичской волости Новогрудского уезда Минской губернии; русский, из крестьян; образование неполное среднее, по профессии — народный учитель; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места работы и постоянного места жительства не имел; последнее место проживания — Одесса (ул. Торговая, 2, кв. 1).

Обстоятельства ареста. Отстав от отряда белогвардейцев в районе местечка Рыбницы, перешел на сторону Красной армии и отношением начальника разведывательного отделения оперативного управления штаба Юго-Западного фронта от 15 апреля был препровожден в особый отдел фронта как «офицер-перебежчик Деникинской армии».

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет; заполнен лишь регистрационный листок.

Единственный запрототолированный допрос Карпа провел 16 апреля следователь особого отдела Юго-Западного фронта Марс. В протоколе и регистрационном листке особого отдела содержатся некоторые факты биографии арестованного.

*Фотография в деле И. А. Карпа,
не надписана*

Окончил 4 класса городского училища в местечке Мир Минской губернии и работал народным учителем в деревне Чешевке Грудского уезда. В январе 1915 года призван в армию и определен в 5-ю московскую школу прапорщиков, по окончании которой в том же году направлен на фронт. С февраля по декабрь 1917 года служил в 23-м стрелковом полку артиллерийской бригады в чине поручика, находился на Румынском фронте, в декабре 1917 года демобилизован.

Далее рассказал: «После демобилизации я остался жить в Одессе для продолжения образования. Весь 1918 год я учительствовал в подготовительном классе гимназии Кононовича в Одессе, а также учился у него же на курсах за 6-й класс гимназии, а впоследствии за 8-й класс... В январе 1918 года в Одессе образовалась Белорусская Рада,

задача которой была национальное возрождение родины. Я состоял в ней членом культурно-просветительной секции. В декабре 1918 года Рада добилась у местных властей права формировать свою национальную армию и назначили меня, как единственного представителя (члена), знакомого с военным делом, командиром 1-й белорусской роты,

куда я охотно согласился, надеясь при переправе этой роты на родину переехать туда и сам. Рота эта просуществовала... с декабря 1918 года по начало марта 1919-го и была расформирована по настоянию полковника Непенина в первых числах марта, а люди роты назначены (разбиты) по ротам сводного полка 4-й стрелковой дивизии... Расформирование белорусской роты заставило меня прекратить занятия на курсах за 8-й класс...

У белых служил по мобилизации с марта 1919 года по 2 февраля 1920 года... Я, таким образом, попал вовсе не в ту часть, где хотел нести службу, а назначен был телефонистом в команду связи отряда генерала Бредова 16-го стрелкового полка 4-й стрелковой дивизии... все время был на должности телефониста, но так как полк был офицерский, то служил в чине штабс-капитана... На фронтах у белых был под Царицыным... в июне под Полтавой, в сентябре и декабре под Киевом... принимал и передавал телефонограммы боевого значения... 2 января 1920 года, находясь в Вознесенске, заболел и после отступления белых был эвакуирован в Одессу. Начальник команды связи поручик Альбрехт зашел ко мне на квартиру 25 или 26 января и под угрозой заставил меня идти в эшелон генерала Бредова, с которым я и уехал в Тирасполь... по дороге я простудился и меня как больного тифом положили на подводу. Мы отступали вверх по Днестру, в местечке Рыбнице я почувствовал, что могу идти, зашел к крестьянину в дом, подводу отпустил, а сам остался у крестьянина, где и ожидал красных дня четыре...

Назвал фамилии офицеров, служивших в 16-м стрелковом полку.

Протоколов допроса свидетелей и очных ставок в деле нет.

17 апреля следователь особого отдела Юго-Западного фронта Марс составил заключение по делу, в котором после подробного изложения показаний обвиняемого написал: «...Предлагаю Карпа заключить в концлагерь до конца гражданской войны».

17 апреля 1920 года особый отдел Юго-Западного фронта, рассмотрев дело по обвинению И. А. Карпа «как офицера армии белых», постановил: «Заключить в концлагерь до конца гражданской войны с посылкой на принудительные работы».

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Свидетели по делу не допрашивались. Никаких данных о службе у белых, кроме показаний Карпа и регистрационного листа, составленного с его слов, в материалах дела не имеется».

Реабилитирован 17 марта 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

Примечания.

1. К делу приложено письмо, вероятно, знакомой арестованного по Одессе, изъятое у него при обыске.

«Одесса, 28 сентября 1919 года. Дорогое мое Дитя! Я только что получила Ваше письмо от 15 сентября из Киева. Ваши упреки в моем молчании совершенно несправедливы. Получив Ваше первое письмо из Полтавы, я немедленно Вам ответила и с тех пор пишу Вам чуть не десятое письмо и все напрасно. Первое мое письмо было написано мною числа 13 или 14 августа, это письмо состояло из четырех листов, где я Вам отписывала, как я была арестована, как меня мучили в чрезвычайке 22 дня и приговорили к расстрелу, как я бежала под пулями в день, то есть вечер прихода добровольцев 10 августа. Писать второй раз эти муки и снова их переживать я не в силах, все расскажу при свидании.

Несколько дней со мной вместе был арестован и Вячеслав Авксентьевич и Маруся, но через 9–10 дней их выпустили, а меня приговорили к расстрелу. Вообразите мой ужас, когда мне сказали, что донос сделан семьей Ивана Сергеевича, и какие ужасные подробности этого доноса! Мое сердце всегда чувствовало их вражду. Я также все подробно написала и Ивану Сергеевичу, но он молчит. Писала и с оказиями, и почтой. И все напрасно. Попросите от меня Ивана Сергеевича устроить Вам в Одессу командировку или отпуск, хоть на несколько дней.

Все шлют привет. Да хранит Вас Бог. Мы все по прежнему Вас любим и помним. Сообщите сейчас же, получили ли хоть одно письмо. Ваша (подпись неразборчива)».

2. К делу приложена также ненадписанная групповая фотография (возможно, мужчина на ней — И. А. Карп) и документ другого человека — Сергея Ивановича ГЛУШКОВА (в фонде «П» его дела нет). Это свидетельство (с фотографией) об окончании им курсов автомобильных механиков и шоферов Харьковского общества «Техпомощь», выданное 3 июля 1918 года.

3. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъяты из дела л. 7 (поскольку опись документов отсутствует, определить характер документа затруднительно).

(Дело № 27348-п)

15 апреля 1920 года военкомом эвакуопункта одесского эвакуационного госпиталя без предъявления обвинения арестован

НЕДЗЕЛЬСКИЙ (НЕДЗИЛЬСКИЙ) Николай Антонович (24 года). Родился в 1895 (1896) году в Одессе; национальность и происхождение не указаны; образование начальное, по профессии — счетовод; беспартийный; холост, на иждивении — мать и трое детей. На момент ареста работал санитаром 2-го отряда 9-го сводного эвакуационного госпиталя; проживал в Одессе (ул. Торговая, 9-й госпиталь).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Возможно, арестован по доносу сослуживцев.

Препровождая Недзельского под конвоем из госпиталя в ОГЧК, военком эвакуопункта Михаил Вуль написал: «...Участвовал в прошлом году в восстании в Брацлаве против советской власти, результатом которого было много жертв. Служил в петлюровской армии и при добровольцах был в госстраже. Вместе с денкидцами удрал из Брацлава в Одессу. Считаю его более чем вредным». Доставивший его в ЧК конвоир написал заявление, что арестованный предлагал за освобождение взятку.

Ордер № 1414 ОГЧК на арест и обыск оформлен 16 апреля, на следующий день после того как арестованный был доставлен в ОГЧК. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что ничего не обнаружено.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Недзельского (за три недели ведения следствия): 15 и 24 апреля его допросил помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией С. Герц.

В протоколах записано, что допрашиваемый был сыном личного гражданина, по окончании трех классов городского училища и курсов счетоводов служил счетоводом на колокольнолитейном заводе, затем — в уездной продуправе Брацлава; в 1918-м возглавлял милицию в местечке Шпикив Брацлавского уезда Подольской губернии. При советской власти с мая по июль 1919 года заведовал культурно-просветительским клубом и библиотекой в Виленском уезде; при добровольцах служил машинистом в канце-

лярии надзирателя стражи местечка Тульчин Подольской губернии, затем уехал в Одессу. О своих политических взглядах сказал, что в прошлом был правым эсером, сейчас является сторонником демократической республики.

Категорически отрицал участие в восстании, тем более что в 1919 году в Брацлаве уже не проживал. Совместную эвакуацию с добровольцами объяснил тем, что боялся наступления банд Волынца. По поводу обвинения в том, что якобы предлагал конвоиру взятку за освобождение, ответил, что этого не было.

В качестве свидетелей 30 апреля допрошены военком эвакуопункта и коммунист, служивший ранее в Брацлаве.

Первый заявил, что знает обвиняемого очень мало, но от многих партийных товарищей слышал, что тот участвовал в восстаниях против советской власти, а также в погромных выступлениях; считает его «не идейным врагом, а просто бандитом, воспользовавшимся случаем пограбить».

Второй сказал, что лично с обвиняемым не знаком, так как в Брацлаве был недолго, но знает, что в 1919 году во время контрреволюционного выступления там был арестован один из агентов штаба повстанцев; при нем нашли документы, свидетельствующие, что он командирится для поднятия восстания в ближайших деревнях, и под всеми стояли подписи организатора восстания Резниченко и Недзельского (имя не названо. — *Ред.*).

После ареста Недзельского коллектив служащих 9-го госпиталя направил в ОГЧК заявление с просьбой ускорить расследование по его делу. В заявлении сказано: «Все служащие рекомендуют его как честного, хорошего человека, который за все время пребывания на службе не проявил себя с дурной стороны» (171 подпись). Документ к делу не приобщен, не зарегистрирован, а просто вложен в конверт с личными документами, изъятыми у арестованного при обыске.

Ни один из людей, подписавших заявление, в качестве свидетеля допрошен не был.

Не позднее 4 мая (дата не указана) помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией С. Герц составил заключение по делу Недзельского, обвиняемого в «контрреволюционной деятельности». В заключении изложены показания обвиняемого и свидетелей обвинения и в завершение сказано: «констатирую: 1. Недзельский поддерживал связь с бандитами и белогвардейцами. 2. Эвакуировался вместе с последними в Одессу. 3. Сознавая свою виновность и зная, что ему грозит кара, пытался подкупить конвоира и бежать. *Нахожу нужным применить к нему высшую меру наказания*». (Слова, выделенные курсивом, вписаны от руки вместо ранее напечатанного, но зачеркнутого текста: «...а потому нахожу его безусловно вредным элементом. Но имея в виду, что улик, указывающих на его непосредственное активное участие в контрреволюционных выступлениях, нет в показаниях товарища Вуля, который его считает заурядным бандитом, а не идейным врагом советской власти, каковое впечатление он производит и на меня, я нахожу нужным его водворить только в концентрационный лагерь вплоть до окончания гражданской войны»).

4 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Н. А. Недзельского по обвинению в «контрреволюционной деятельности, выразившейся в погромных восстаниях и выступлениях, в службе в белогвардейских войсках и повстанческих отрядах против советской власти», постановила: *«Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — расстрелять,*

имущество конфисковать, дело прекратить». Дата расстрела не указана, дату сдачи дела в архив прочесть невозможно (прошита при переплете документов).

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Обвинение Недзельскому не предъявлялось, документов его контрреволюционной деятельности в деле нет, расследование как таковое не велось».

Реабилитирован 29 июля 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона Украины «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Недзельский и Недзильский. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в части следственных документов — Недзельский.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Недзельского пока невозможно.

(Дело № 26934-п)

16 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **ЛИПИЛИН Иван Иванович (50 лет)**. Родился в 1869 (1870) году в Одессе (?); русский (?), из крестьян; образование начальное, профессии не имел, чернорабочий; беспартийный; женат. На момент ареста постоянного места работы не имел, скупал вещи и торговал; проживал в Одессе (ул. Тираспольская, 24, кв. 8).

Основанием для ареста послужили агентурные данные, поступившие в информационную часть ОГЧК (записаны на блокнотном листке без указания даты): «Липилин Иван Иванович при добровольцах служил в контрразведке, выдавал и преследовал коммунистов. Адрес его: Тираспольская ул., 24. Сведения о нем могут дать члены Молдавского райпарткома КП(б)У Соня Котляр, Федоров и Колоупский».

Ордер № 1405 ОГЧК на арест и обыск оформлен 16 апреля, с указанием уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Григорьева: «операцию произвести только ночью». В протоколе обыска, проведенного той же ночью, указано, что при аресте изъяты золотые и серебряные часы (4 шт.), 10 пар серег, 8 золотых колец, золотые браслет, брошка и брелоки, более 12 тысяч аннулированных рублей, 9750 рублей разными деньгами и другое имущество (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Липилина: 24 апреля, через неделю после ареста, и 8 мая, еще через две недели, его допросил помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией С. Герц.

В протоколах записано, что допрашиваемый с довоенных времен служил дворником, а с 1918 года занялся скупкой. «Соню Котляр, Федорова и Колоупского не знаю... Против советской власти никакой вины за собой не чувствую». Утверждал, что показания о его лояльности может дать начальник милиции Бульварного района Корбачинский.

Накануне первого допроса обвиняемого, 23 апреля, опрошена свидетельница, определенная в протоколе как обвинитель — партработница Мария Федорова (23 года). Она

заявила, что в 1919 году при белогвардейцах к ней на квартиру неоднократно являлся с обыском Липилин, желая арестовать ее и мужа, но обыски были безрезультатны. «Предполагаю, что он был сыщиком и выдавал коммунистов».

30 апреля и 3 мая допрошены еще двое свидетелей — упомянутая в обвинительной записке коммунистка Котляр и старьевщик Копыленко.

Котляр заявила: «В июле месяце с квартиры удравшего в 1918 году надзирателя Петропавловского района была изъята мебель для Молдаванского исполкома, а также была разделена между некоторыми членами исполнительного комитета. Доверенное лицо этого надзирателя остался Липилин. По уходе советской власти он начал разыскивать мебель, говоря, что если найдет их, то они будут расстреляны... Мое мнение, что он мог быть в контрразведке, так как чересчур активно разыскивал всех».

Копыленко показал, что в ноябре 1919 года при распродаже экипажей Липилин помешал ему сделать покупку, указав на него как на коммуниста, в результате его избили, но за взятку отпустили. Относительно Липилина заявлял: «Многие утверждают, что он служил в контрразведке. Я же этого подтвердить не могу».

Протоколов очных ставок в деле нет.

Не позднее 18 мая (дата не указана) помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Герц составил заключение по делу Липилина, обвиняемого в «контрреволюционной деятельности, которая выразилась разыскиванием коммунистов, агитации и т. д.». Повторив обвинительные части показаний свидетелей и отметив, что «неоднократно опрашиваемый Липилин (так в документе, хотя в деле только два кратких протокола. — *Ред.*) все время прикидывался дурачком, на все вопросы отвечал незнанием» и что при обыске у него найдено много драгоценностей, «безусловно приобретенных нечестным путем», Герц написал: обвиняемый «безусловно вредный и опасный элемент при белогвардейцах поддерживавший активную связь с розыском и полицией... *Нахожу нужным применить высшую меру наказания*». (Слова, выделенные курсивом, вписаны от руки вместо ранее написанного, но зачеркнутого текста: «Определение меры наказания оставляю на усмотрение коллегии»).

18 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело И. И. Липилина по обвинению в «выдаче коммунистов», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, все имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 21 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Постановление коллегии лишено оснований к принятому ею решению за отсутствием надлежащих доказательств. На двух допросах Липилин заявил, что против советской власти ничего никогда не делал, свидетелей по делу не знает. Допрошенные Федорова, Копыленко, Котляр конкретно по делу ничего не показали, для установления истины следствием ничего не сделано».

Реабилитирован 18 июля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Возраст Липилина 50 лет указан по протоколам его допроса, в выписке из протокола заседания коллегии ОГЧК — 55 лет.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Липилина пока невозможно.

(Дело № 27461-п)

16 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

ЯКУБОВСКИЙ Михаил Романович (33 года). Родился в 1886 (1887) году в Варшаве; поляк, подданный Польши, из мещан; образование среднее, по профессии — конторщик, счетовод; римско-католического вероисповедания, беспартийный; женат, имел сына. На момент ареста постоянного места службы не имел, проживал в Одессе (ул. Пироговская, 5, кв. 71).

Обстоятельства ареста. 18-летний житель Черкасс Давид Ладыженский, встретив Якубовского на Преображенской улице, «опознал» в нем контрреволюционера, задержал и доставил в ЧК, где дал следующие показания: «Арестованный мною гражданин Якубовский участвовал в григорьевских погромах... будучи арестован ЧК и ввиду невозможности вывезти его из Черкасс, должен был быть расстрелян вместе с другими арестованными контрреволюционерами. При добровольцах он был также адъютантом коменданта Черкасс». На следующий день на протокол опроса Ладыженского наложена резолюция: «Выписать ордер на арест, выяснить его личность, нужно опросить свидетелей».

Ордер № 1462 ОГЧК на арест и обыск оформлен 17 апреля, после того как арестованный уже день пробыл в комендатуре. В протоколе личного обыска, проведенного также 17 апреля, указано, что отобраны 2500 рублей (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК). Обыск в его квартире произведен 26 апреля на основании ордера № 1691; согласно записи в протоколе, «ничего не обнаружено».

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы четыре допроса Якубовского (более чем за месяц ведения следствия): 17 апреля его допросила дежурный следователь Горшкова, 18-го — заведующий активной частью особого отдела (подпись неразборчива), через неделю, 25 апреля — помощник уполномоченного активной части Палюшкин и еще неделю спустя, 4 мая — сотрудник секретно-оперативного отдела (фамилия не указана). В протоколах и личных документах, изъятых при обыске, содержатся некоторые факты биографии арестованного.

В 1910-е годы служил конторщиком Привислинских железных дорог; после начала войны был мобилизован, служил вольноопределяющимся, в 1915 году уволен по ранению в чине подпоручика; около двух лет жил в Смоленске на пенсии, занимался торговлей, позднее служил счетоводом в земской управе. В 1917 году переехал в Черкассы; при советской власти служил секретарем в рабоче-крестьянской милиции, делопроизводителем эвакуационного пункта, затем — секретарем в газете «Известия Совета рабочих депутатов».

Обвинение категорически отверг: «В апреле 1919 года в Черкассах был григорьевский погром, я состоял на службе секретарем 1-го района милиции и у меня на квартире скрывалось несколько еврейских семей... из города никуда не уходил и в погромах не

М. Р. Якубовский.
Фотография в удостоверении от 25 февраля 1920 года

участвовал... против погромов писал даже статью в газету, говорил, что погромы, борьба партий и национальная рознь могут привести к гибели революции... В Черкассах находился до последних дней советской власти, служил в рабочей газете «Известия»... вся редколлегия не успела отступить, в том числе и я... При добровольцах призван по мобилизации и назначен адъютантом коменданта города (как нестроевой)... в течение двух недель скрывал у себя на квартире редактора «Известий» коммуниста товарища Пашкевича... затем достал ему и другим бывшим коллегам пропуск на выезд из города, благодаря чему они спаслись от ареста». Назвал имена бывших советских работников, которым помог освободиться из-под ареста.

В должности адъютанта состоял с 20 августа по 3 ноября 1919 года, уволен в отставку как польский подданный. В декабре 1919-го приехал с семьей в Одессу; хотел уехать на родину в Варшаву, но не хватило средств. Нигде не служил, состоял в одесском отделе Всероссийского союза увечных воинов и на учете в подотделе социального обеспечения и признания. С 26 февраля по 15 марта 1920 года болел возвратным тифом. В марте зарегистрировался на городской бирже труда (инвалидное отделение) как счетовод.

На допросах заявил: «Коммунистов я не выдавал, аресты и обыски не производил». Назвал имена и адреса людей, которые могут это подтвердить.

В качестве свидетелей допрошены два человека.

25 апреля задержавший его обвинитель повторил свои показания от 16 апреля и подтвердил, что «Якубовский — ярый контрреволюционер».

7 мая сослуживица, бывшая сотрудница редколлегии газеты «Известия», заявила, что знает обвиняемого «как человека высшей степени честного и порядочного... он освободил от ареста и спас жизнь двум коммунистам... По приходе казаков в Черкассы квартира Якубовского стала приютом для многих евреев, спасшихся у него от насилия».

Свидетели, названные самим обвиняемым, допрошены не были.

18 мая помощник уполномоченного активной части особого отдела ОГЧК Палюшкин составил заключение по делу Якубовского, обвиняемого в «службе у белых и контрреволюции». В заключении сказано: «В 1919 году Якубовский служил в Черкассах. По приходе григорьевщины по показаниям товарища Ладыженского, который в то время был в Черкассах, доказывает, что Якубовский был организатором еврейского погрома и принимал активное участие. После ликвидации григорьевщины и занятия Черкасс советскими войсками Якубовский был арестован и неизвестно каким образом был освобожден. По приходу денкинских банд он очутился адъютантом коменданта города и арестовывал коммунистов. При эвакуации белых из Черкасс очутился в Одессе, где был опознан Ладыженским, арестован и препровожден в ОГЧК. Постановил: применить к Якубовскому высшую меру наказания, расстрелять и дело о нем прекратить».

*21 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело М. Р. Якубовского по обвинению в «контрреволюции и расстреле коммунистов», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 25 мая, когда дело было сдано в архив.*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Основания решения коллегии ОГЧК не вытекают из материалов дела. Якубовский был сотрудником газеты «Известия» в Черкассах, не успевшей эвакуироваться и оставшейся в городе при вступлении белых. Будучи назначен адъютантом контрразведки (так в документе. —

Ред.), скрывал редактора газеты и других просоветски настроенных лиц. К делу приобщены положительные отзывы о Якубовском. Причастность к погромам и расстрелам он отрицал».

Реабилитирован 3 ноября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Личные документы М. Р. Якубовского (удостоверения, в том числе одно с фотографией, справки, билет, др.) и заключение по делу от 18 мая подшиты к делу Н. Т. Королевича, арестованного 25 апреля (дело № 27010-п, описание см. на стр. 448–450).

2. В деле подшиты две выписки из протокола заседания ОГЧК от 21 мая, обе — с расстрельным решением. Но в одной стоит обвинение в «контрреволюции», во второй — в «расстреле коммунистов», и на ней же надпись, датированная 18 июня: «Срочно выяснить, ведется ли дело Королевича и где оно. Срочно доложить товарищу Дейчу».

3. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Якубовского пока невозможно.

3. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъяты из дела л. 1 — сводка сотрудника ОГЧК начальнику активной части.

(Дело № 27047-п)

17 апреля 1920 года особым отделением № 7 особого отдела XIV Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

КАВУРА Иван Павлович (29 лет). Родился в 1890 (1891) году в Одессе; грек, подданный Греции, происхождение не указано; образование среднее, по профессии — технический служащий; беспартийный; холост. На момент ареста служил в штабе технической обороны побережья Черного моря в должности письмоводителя; проживал в Одессе (ул. Нежинская, 56, кв. 5).

Обстоятельства ареста отражены в донесении сотрудника ОГЧК Габая, поданном 18 апреля начальнику агентуры: «17 апреля, проходя по улице Дерибасовской, я встретил В. Кавуру, бывшего вольноопределяющегося, который в первый период пребывания добровольцев принимал активное участие в боях по улицам Одессы против повстанцев, свергнувших Петлюру. С восстановлением диктатуры генерала де Ансельма и Гришина-Алмазова была в Одессе организована французская добровольческая

*И. П. Кавура
в конце 1910-х годов*

контрразведка, в которой задержанный мною В. Кавура принимал активное участие в качестве сотрудника и лучшим доказательством этому служит, что в период владычества французов и добровольцев в Одессе здесь была устроена зона, которая распространялась на территорию бульвара и Дерибасовской. В этих районах были устроены рогатки, где означенный Кавура как представитель контрразведки руководил облавами и проверкой документов. В прошлом пребывании советской власти в Одессе Кавура разыскивался ЧК, но эвакуировался за границу. Теперь же жил в подполье, изредка появлялся на улице. Но вчера случайно встретил его и задержал. Прошу провести расследование».

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Кавуры (более чем за полтора месяца ведения следствия): 19 апреля его допросил сотрудник особого отделения № 7 Бухарин, второй опрос провел помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам Григорьев (дата не указана).

В протоколах записано, что допрашиваемый до войны проживал в Константинополе, где окончил французское училище, затем до 1918 года служил во Франции и в Одессе на заводе Анатра. При вступлении в декабре 1918 года в Одессу французов в уличных боях не участвовал; как вольноопределяющийся был мобилизован во 2-й сводный добровольческий полк 15-й пехотной дивизии, располагавшийся в казармах между 2-й и 3-й станциями Фонтана.

По существу обвинения показал следующее: «...Документы проверял, но не в кафе Рубина, а на улице по приказу своего начальства, служа не в контрразведке, а во 2-м сводном полку в качестве рядового патруля... В марте 1919 года при вступлении советских войск в Одессу я не был, отступающие части шли через Дальник на Бугаз, где я заболел тифом и был отправлен через Тульчу в Новороссийск, после выздоровления направили обратно в Тульчу и затем на фронт... В деникинской армии был на Дону рядовым пулеметчиком, попал в Черкассы, в ноябре опять заболел, взял отпуск и санитарным поездом вернулся на излечение в Одессу... болел тифом, плевритом и воспалением легких, в лазарете не было места и мать взяла меня домой, потом сама заразилась и заболела... Больше в Добровольческой армии я не служил, при ее отступлении в Румынию остался здесь в штабе обороны писарем...»

Причину своего ареста объяснил так: «Тот, кто меня задержал, имел на меня злобу. В 1919 году в бильярдной мы с ним поссорились из-за шара и я ему дал в морду. За что он теперь отомстил. Фамилия — Габай, он одессит». Назвал имена тех, кто может поручиться, что он не служил в контрразведке.

Через три дня после задержания Кавуры у него на квартире произвели обыск, но по ордеру, выписанному не на него, а на его родственника Л. Юковского. При обыске в комнате, которую в этой же квартире снимал Н. Волков (ранее арестованный ЧК), были найдены три револьвера и патроны. (Рапорт о результатах обыска — в приложении). Кавура на вопрос об этом оружии ответил, что не знает, откуда оно, но предполагает, что принадлежало Юковскому.

К делу приложены несколько документов, подтверждающих показания арестованного:

— удостоверение от 3 марта 1920 года о том, что Кавура является сотрудником штаба технической обороны побережья Черного моря;

— удостоверение, выданное 21 апреля доктором медицины Зильбербергом в том, что с конца декабря 1919 года до середины января 1920 года Кавура болел крупозным воспалением легких и воспалением сердечной мышцы, возникшим в результате перенесенных в 1919 году сыпного и возвратного тифа;

— заявление соседей по дому, поданное 23 апреля на имя начальника особого отделения № 7 о том, что «Иван Кавура с февраля 1919 года по 20 декабря 1919 года отсутствовал в Одессе. Прибыл домой, как указано, в декабре, тяжело больным и не покидал постели до конца января 1920 года» (более 20 подписей, удостоверенные председателем домового комитета).

23 апреля арестованный переведен из особого отделения № 7 в особый отдел ОГЧК. Кроме протокола повторного допроса обвиняемого документов, свидетельствующих об оформлении ареста, проведении следствия в ОГЧК и предъявлении обвинения, в деле нет. Но есть квитанция отдела хранилищ ОГЧК от 23 апреля, свидетельствующая, что приняты 16 тысяч рублей и бумажник, отобранные у Кавуры.

Не позднее 9 июня помощник уполномоченного по общим делам Григорьев составил заключение по делу: «Рассмотрев дело по обвинению Кавура Ивана в службе во французской контрразведке в 1918 году и вооруженной защите города от повстанцев, нахожу обвинение недостаточно доказанным, при обыске найдено оружие, по словам обвиняемого, принадлежащее его шурину поручику Юковскому, который скрылся. Полагаю Кавуру Ивана как человека неблагонадежного заключить в концлагерь на 2 года. По отношению к поручику Юковскому передать в стол розыска».

9 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело И. П. Кавуры по обвинению в «службе во французской контрразведке», постановила: **«Заключить в концлагерь сроком на 2 года».**

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Решение коллегии лишено правовых оснований. Кроме протокола допроса Кавуры других процессуальных документов в деле нет. Он же на допросе заявил, что никогда и ни в каких контрразведывательных органах не служил. Его показания ничем не опровергнуты».

Реабилитирован 22 февраля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона Украины «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Возраст репрессированного указан предположительно. В первом протоколе допроса записано, что ему 22 года; во втором — исправлено неразборчиво на 28 или 29 лет; в греческом паспорте, приложенном к делу, также неразборчиво — 23 или 29 лет; в постановлении коллегии ОГЧК напечатано 29 лет.

2. 20 апреля был оформлен ордер № 189 особого отдела XIV армии на обыск квартиры Кавуры и задержание проживающего там Л. Юковского; приложен к делу вместе с копией сводки от 20 апреля сотрудников Донского и Науменко начальнику особого отделения № 7 XIV Советской Красной армии:

«Согласно ордеру № 189 был произведен обыск в доме № 56, кв. 5 по Нежинской улице у гражданина Юковского Леонида, где занимает одну комнату Волков Николай. Так как Юковский сбежал, то у него взяты: одна бритва безопасная, одна жилетка, более из его вещей ничего не оказалось. В комнате Волкова были найдены на печке: три револьвера, русские патроны, кроме того взят один костюм, один плащ казенного образца, три фунта чая, сахар, фотографический аппарат. Сам Волков арестован ЧК. Все это доставлено во вверенное Вам отделение. По словам тестя Юковского Каур (так в документе. — Ред.) якобы Юковский скрывался от белых, а на самом деле он имел связь с белыми, видно из рапорта, подписанного им на имя начальника штаба. Сей рапорт найден на печке в изорванном виде. Комнату Волкова запер и ключ взял с собой».

23 апреля, передавая дело в ОГЧК, дежурный дописал на этом документе: «Три револьвера, револьверные патроны и винтовочные при сем препровождаются. Остальное перечисленное в протоколе оставлено для нужд особого отделения».

3. Дел Л. ЮКОВСКОГО и Н. ВОЛКОВА в фонде «П» нет.

(Дело № 27210-н)

17 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **КРЕПОВИЧ Константин Константинович (34 года)**. Родился в 1885 (1886) году в местечке Жванцы Подольской губернии; национальность не указана, из потомственных дворян; образование начальное, профессии не имел; беспартийный; вдовец. На момент ареста работал санитаром 25-го венерического военного госпиталя (ул. Марзалиевская); проживал в Одессе (ул. Тираспольская, 13, кв. 19).

Обстоятельства ареста. 18-летний курсант школы советского строительства Иосиф Железняк, увидев Креповича в городском саду, проследил до госпиталя, там арестовал и препроводил в ЧК. В протоколе допроса обвинителя от 17 апреля записаны следующие показания: «...Крепович во время войны всегда разъезжал в гербе сыщика с надзирателями, приставами и т. п... Во время власти белогвардейцев в Одессе его несколько раз видал в круглом гербе на шапке около Александровского участка... Я его видел разъезжать на дрожках в пьяном виде с офицерами (так в документе. — *Ред.*)».

Ордер № 1519 ОГЧК на арест и обыск оформлен 19 апреля, после того как арестованный уже два дня находился в комендатуре. В протоколе обыска, проведенного также 19 апреля, указано, что ничего не обнаружено.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Креповича (более чем за месяц ведения следствия): 17 апреля его допросил дежурный следователь Иванов и более чем через месяц, 22 мая — помощник уполномоченного по общим делам Радионов. В протоколах и заявлении арестованного, поданном 26 мая, уже после принятия ОГЧК репрессивного решения, содержатся некоторые факты его биографии.

Окончил 4-классное городское училище, с 1913 по 1915 годы служил по вольному найму писцом в канцелярии одесского полицмейстера, но так как с юности болел неврастений и психическое расстройство усиливалось, был уволен. Не имея средств к существованию, поступил писцом к надзирателю Михайловского участка, но также был уволен. Затем служил рядовым в 233-м пехотном полку и в ноябре 1917 года снова был уволен. В феврале 1918-го поступил санитаром в конно-грузовой транспорт одесского отделения Российского общества Красного креста, но в марте случилось несчастье: от случайного выстрела погибла его жена Елена... «Я совсем потерял голову, стал ненормальным». При прошлом периоде советской власти в Одессе, в июне 1919 года, мобилизован санитаром в 7-й эвакуационный пункт одесского эвакуационного пункта 45-й Советской дивизии. При белых, не имея средств к существованию, устроился писцом к надзирателю Александровского участка. Тот «в шутку надел мне кокарду чиновника и благодаря этому я иногда бесплатно ездил на трамвае». Но служил только с сентября по 15 ноября, так как на него донесли, что ранее он служил у красных, и в ноябре уволили. Болел, нигде не работал, выпивал. 25 марта 1920 года поступил санитаром в 25-й госпиталь. В Добровольческой армии не служил. При советской власти имел хорошие отзывы от персонала госпиталя. Назвал имена свидетелей, которые могут подтвердить его показания.

Протоколов допроса свидетелей (кроме показаний Железняка от 17 апреля, данных им после того как доставил Креповича в ЧК) и протоколов очных ставок в деле нет.

23 мая помощник уполномоченного по общим делам Радионов составил заключение по делу Креповича, обвиняемого в «службе в полиции, состоя сыщиком». В заключении сказано: «Крепович Константин, как видно из короткого предисловия к его богатому прошлому, сын дворянина, по своей психологии и воспитанию не может мыс-

лечь, что советская власть это крепкая власть, управляющая опытной мозолистой рукой рабочего, и пользуясь отдельными периодами гражданской войны, обращается к своей старой службе полицейского чиновника, одевая кокарду, и ведет в дни своей власти пир, то есть пьянство с офицерами, приставами и прочей швалью империалистических прислужников. Не зная, что сей пир во время чумы есть последний у сего подлого подношенного чиновника. Товарищ Железняков (так в документе. — *Ред.*) его опознал как сыщика, крутившегося у отрядов колонистов около Александровского участка, где ежедневно подобными героями добровольщины расстреливались десятки лучших товарищей из рядов рабочих и крестьян, и Железняков передал Креповича в руки властей, дабы Крепович понес достойную кару. Да и сам Крепович в своем показании не отрицает фактов, что он служил в полиции и носил кокарду, но как все добровольцы, не чувствуя под своими ногами почвы правоты, старается ловким маневром старого сыщика скрыть, что он действительно виновен, и заявляет «я сыщиком не был». Принимая во внимание, что гражданская война не закончена и подобные чиновники мешают строительству советской власти, а в удобные минуты наносят удар революции — пусть, мол, и мое ослиное чиновничье копыто знает, предлагаю гражданина Креповича расстрелять». Документ подписан также заместителем уполномоченного М. Мисошниковым.

24 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело К. К. Креповича по обвинению в «службе в полиции сыщиком», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, заключить в концлагерь сроком на 5 лет».

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Признавая свою службу на должности писца в полиции, Крепович на допросе отрицал, что был сыщиком. Допрошенный в ходе следствия свидетель Железняков показал, что, по его мнению, Крепович был сыщиком, его он видел пьяным, разъезжающим по городу с офицерами. Доказательств о том, что Крепович был сыщиком и кого он выдал контрреволюционерам, в деле не имеется».

Реабилитирован 23 сентября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

(Дело № 26989-п)

17 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

ЛУЦЕНКО Семен Никитович (32 года). Родился в 1887 (1888) году в Пирятинском уезде Полтавской губернии; украинец (?), из крестьян; образование среднее, по профессии — кадровый офицер, полковник; беспартийный; женат. На момент ареста служил командиром 3-й роты учетно-пересыльного отдела одесского уездного военкома; проживал в Одессе (ул. Софиевская, 9, кв. 1).

Обстоятельства ареста из дела не ясны.

Ордер № 1459 ОГЧК на арест и обыск оформлен 17 апреля, в нем указана только фамилия (без имени и отчества) и два варианта адреса. Сверху заведующий оперативной частью написал: «Операцию произвести в 12 часов ночи». В приклеенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Комиссару явиться за точными указаниями к товарищу Гинтеру. Де-

ло числить за уполномоченным по борьбе с контрреволюцией Григорьевым». В протоколе обыска, проведенного в ту же ночь, указано, что изъяты личные документы и 25 патронов.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Допрошен после ареста не был, содержался в губернской тюрьме. 21 апреля подал заявление председателю Одесской губЧК, в котором писал: «С первых дней революции я состоял членом политштаба и ревштаба VI армии... после изгнания немцев был вначале сотрудником артиллерийской части Одесского горугруэздвоенкома, из коего был назначен на службу в 7-й Одесский Советский полк на должность командира батальона. В дни восстания немцев-колонистов был начальником одного из боевых участков на левом фланге ударной группы... При эвакуации Красной армии из Одессы, исполняя свой революционный долг, несмотря на то, что жена моя оставалась здесь после тяжелой операции и с самым скромным обеспечением, я выступил с полком... провел все бои с деникинцами и петлюровцами. В конце ноября я был уволен в отпуск по болезни и прибыл в Одессу больной, пролежав в сыпняке и оправившись, поступил на занимаемую мною должность... (В деле есть справка, выданная 5-м эпидемическим госпиталем Одессы о том, что в ноябре и декабре 1919 года он находился там на излечении в связи с заболеванием сыпным тифом. — *Ред.*)

...Отдавая лучшие мысли и чувства на укрепление представительницы социальной революции — советской власти, неоднократно подвергая в боях себя пулям контрреволюционного стана, не чувствую никакой вины перед лицом советской власти, каковой защитником и ныне являюсь. Будучи арестован, чувствую, что являюсь жертвой простого недоразумения, а посему испытываю страшные душевные муки. В полной сознательности в том, что я не преступник, убедительно прошу... разобрать мое дело в возможно ближайший срок и тем избавить меня от незаслуженного клейма, а большую жену от несчастий...»

В заявлении арестованный перечислил своих сослуживцев, в том числе служащих при ОГЧК, которые могут подтвердить его показания. На заявлении три резолюции: 23 апреля — «К делу Семена Луценко», 24 апреля — «Тов. Григорьеву. Дело находится у Вас» и 27 апреля — «Уполномоченному по контрреволюции». Других последствий заявление не имело.

Единственный запроотоколированный допрос Луценко провел 14 мая помощник уполномоченного по общим делам Ильин (почти через месяц после ареста, один допрос за месяц ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый окончил гимназию, с довоенного времени служил в 50-м пехотном Белостокском полку, в 1914–1917 годах в его составе в чине полковника находился на фронте. В конце 1917 года командирован в Симферополь, затем — в Одессу, где поступил в ревштаб VI армии; в 1918 году при гетмане был мобилизован и служил в должности командира роты, при Петлюре состоял при штабе генерала Грекова офицером для особых поручений. После установления в Одессе советской власти в 1919 году поступил в горвоенком кладовщиком, впоследствии назначен командиром батальона 1-го Советского полка, в августе эвакуирован с полком в Вязьму, оттуда в ноябре уволен по болезни в отпуск и вернулся в Одессу.

*Фотография в деле
С. Н. Луценко,
не надписана*

18 мая помощник уполномоченного по общим делам Ильин составил заключение по делу Луценко, обвиняемого в «контрреволюции». В заключении повторены показания арестованного и сказано: «В деле имеется письмо, писанное 28 декабря своей жене, служил не офицером особых поручений, а начальником оперативно-разведочного отряда (так в документе. — *Ред.*) ...Нахожу: полковник Луценко — злейший враг советской власти, как занимающий ряд ответственных постов у гетмана и Петлюры, и за дезертирство из 1-го Советского полка в стан белогвардейцев в 1919 году в Одессу, и за выступления, состоя на службе у гетмана и Петлюры, открытой борьбы против советской власти (так в документе. — *Ред.*) — применить к нему высшую меру наказания».

18 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело С. Н. Луценко по обвинению в «контрреволюционной деятельности, выразившейся в дезертирстве из Красной армии, в службе начальником в разведочно-оперативном отряде Пятигорских войск в период конца 1917 года», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, заключить в концлагерь сроком на 1 год». (В письме, написанном Луценко жене, есть слова: «попал на должность начальника оперативно-разведывательного отдела», но ни Пятигорские войска, ни 1917 год не упоминаются. Письмо написано на станции Раздельная, судя по контексту — в конце 1918 года. — *Ред.*).

Место отбытия наказания и дальнейшая судьба неизвестны.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. Изъятые при обыске личные документы Луценко, в том числе паспорт и несколько удостоверений, в настоящее время в деле отсутствуют, хотя в описи документов, составленной в 1920 году, они числятся.

2. К делу подшиты письма Луценко жене, а также армейские документы 1910 года (диспозиция армейского корпуса, приказа, полевая карта, таблица разведки и др.), изъятые при обыске. На допросе он ответил, что приобрел документы в горвоенкоме.

3. В конверте, приложенном к делу, находятся личные документы и письма двух других людей, вероятно, также репрессированных: **Леонида Гершевича СЛУЦКОГО**, он же **Людвик ДЕНДИ**, за 1920–1922 годы, а также **Владимира Георгиевича ВОРОНЦОВА** за 1921–1922 годы. Дел на этих людей в фонде «П» нет. В этом же конверте находятся несколько личных фотографий без надписей. Определить, кто именно на них изображен, не представляется возможным.

(Дело № 11998-п)

17 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **МАРКОВ Георгий Авксентьевич (35 лет)**. Родился в 1884 (1885) году в Ольгопольском уезде Подольской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование среднее, по профессии — контролер; беспартийный; холост. На момент ареста работал государственным контролером-инструктором Одесского губернского отдела рабоче-крестьянской инспекции; проживал в Одессе (ул. Южная, 19, кв. 4).

Обстоятельства ареста. Бывший сослуживец по 6-й Советской дивизии, девятнадцатилетний красноармеец Осип Трайник, встретив Маркова на Дерибасовской, задержал его и доставил в ЧК. В протоколе допроса обвинителя от 17 апреля записано, что в 1919 году при власти белых он был арестован в Киеве и, будучи доставлен в помещение

Фотография в деле
Г. А. Маркова,
не надписана

контрразведки, якобы видел там Маркова в компании офицеров, из чего заключил: «Полагаю, что он служил поручиком контрразведки и мой арест произошел из-за него».

Ордер № 1516 ОГЧК на арест и обыск оформлен 19 апреля, после того как арестованный уже два дня находился в ЧК. В протоколе личного обыска, проведенного также 19 апреля, указано, что изъятые документы находятся у дежурного следователя. Согласно квитанции отдела хранилищ ОГЧК, накануне, 18 апреля, туда сданы отобранные у арестованного 56 рублей, позолоченные часы, ключи, ремень и подтяжки. 25 апреля произведен квартирный обыск на основании ордера № 1685. В приложенном к ордеру бланке, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «[Искать] подозрительные документы и переписку, доставить помощнику уполномоченного по контрреволюции товарищу Герцу. Дело числить за ним же».

Вероятно, такие документы найдены не были, поскольку в протоколе обыска они не упомянуты, но зато изъяты более 10 тысяч рублей разными деньгами, два удостоверения и три фотографии (деньги, как и ранее личные вещи арестованного, оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Маркова (за месяц ведения следствия): 17 апреля его допросил дежурный следователь Иванов и почти через месяц, 14 мая — помощник уполномоченного по общим делам Ильин.

В протоколах записано, что допрашиваемый в период войны с Германией служил контролером в различных военных и гражданских учреждениях. В сентябре 1919 года, в период службы в 6-й Советской стрелковой дивизии, в Броварах (Черниговская губерния) попал в плен к белым и был отправлен в контрразведку в Киев; там его арестовали и две недели продержали в тюрьме, затем освободили, а в ноябре снова арестовали. После второго освобождения уехал в Одессу. Никаких отношений с офицерами контрразведки не имел. С обвиняющим его человеком служил в одной дивизии, но лично не знаком; однажды между ними произошла случайная размолвка, в результате чего тот пообещал наказать Маркова.

Протоколов допроса свидетелей и очных ставок в деле нет.

17 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Г. А. Маркова по обвинению в «контрреволюции и службе в контрразведке», постановила: «Предъявленное обвинение считать не доказанным, но как подозрительную личность **заключить в концлагерь сроком на 1 год**. Деньги, отобранные у него, вернуть, кроме аннулированных». Документа о возврате денег в деле нет.

18 мая, пост-фактум, помощник уполномоченного по общим делам Ильин подписал заключение по делу Маркова, обвиняемого в «контрреволюции», где сказано (сохраняем стиль оригинала. — *Ред.*): «Предъявленным обвинением Маркову следствиями не установлено, что он был причастный к киевской контрразведке, но, принимая во внимание свидетеля, он же заявитель, Трайника Осипа, будучи арестованного киевской контрразведкой в Киеве, где видел Маркова в здании киевской контрразведки, разговаривавшего с офицерами контрразведки. Марков указал, что он был в здании киевской

контрразведки, будучи арестован последней, но не сотрудник таковой. Ввиду невозможности выяснить пребывание Маркова в Киеве и службы его в контрразведке, ссылаясь на показания заявителя Трайника Осипа, и службу Маркова при белых в качестве ревизора киевской группы, не считаясь классового положения Маркова как подозрительного заключить в концентрационный лагерь сроком на один год. Отобранную у него сумму денег конфисковать в доход республики».

Место заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

Реабилитирован 22 марта 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечание.

В печатный текст заключения по делу дата вписана от руки; судя по чернилам и по черку — Ильиным. Возможно, заключение составлено ранее, но подписано после принятия решения коллегией ОГЧК.

(Дело № 12002-п)

17 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **ОЗЕРОВ Василий Захарович (32 года)**. Родился 28 января (по старому стилю) 1888 года в деревне Пешей Моршанского уезда Земетчинской волости Тамбовской губернии; русский (?), из крестьян; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, прапорщик и электромонтер телефонного узла; православный, беспартийный; женат, имел сына 12 лет. На момент ареста служил в 1-м Одесском Советском караульном полку в должности помощника по связи командира 4-й роты; проживал в Одессе (Вагнеровский пер., 4, кв. 6).

*В. З. Озеров
в 1910-е годы*

Основанием для ареста послужило заявление, которое направил 13 марта в ОГЧК бывший сослуживец Озерова по караульному полку, член КП(б)У Михаил Рожинский: «Прошу произвести дознание по поводу офицера Озерова, арестовавшего меня при белогвардейцах и ныне носящего красный бант. Дело в том, что жены офицеров (в том числе и Озерова) открыли столовую на Греческой площади в доме 3/4 (Горчакова) и кормят скрывающихся офицеров. В столовой еще висят портреты «Алисы и наследника». Кроме того, Озеров угрожал «вырезать всех жидов» данного дома и избил с другими пьяными офицерами дворника дома». На заявлении резолюция без даты, за подписью заведующего особым отделом ОГЧК Заковского: «В особый отдел. В активную часть».

За подозреваемым была установлена слежка; разрабатывались три направления: бывшая офицерская столовая на Греческой площади, квартира, где ранее проживал Озеров, и караульный полк, в котором он служил. В докладах за 31 марта — 17 апреля отмечено:

— хозяйка столовой Оржеховская (в прошлом сожительница Озерова) ведет антисоветскую агитацию, «крайне сожалеет, почему добровольцы не уничтожили коммунистов... восхваляет царскую власть... в последнее время столовая не работает, но собираются подозрительные люди»;

— квартира Озерова — «явно контрреволюционная, по вечерам собираются подозрительные личности»;

— 1-й Советский караульный полк — «явно контрреволюционный... почти все инструкторы — бывшие денкинские офицеры... все они связаны и, возможно, существует организация контрреволюционеров... Почти весь командный состав полка контрреволюционный и никто из красноармейцев ими не доволен».

Здесь же перечислены фамилии и адреса. (Активная часть ОГЧК получила указание собрать материал, чтобы впоследствии всех арестовать, но дел на этих людей в фонде «П» нет).

В заключительном докладе от 17 апреля говорится: «Озеров — офицер денкинской армии, выдавал коммунистов и сам их арестовывал, пытался скрыться с караульного полка. Чтобы не скрылся, его арестовали».

Ордер № 1476 ОГЧК на арест и обыск оформлен 18 апреля, после того как арестованный уже сутки находился в комендатуре ЧК. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что помимо документов изъяты английские кожаные шинель, френч и брюки (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколирован единственный допрос Озерова (дата и фамилия следователя не указаны). В протоколе записано, что допрашиваемый с 1911 года служил в армии, с ноября 1914 года находился на фронте в составе 34-го Сибирского стрелкового полка, участвовал в кампаниях против Австро-Венгрии, Германии, Турции и Болгарии, служил телеграфистом, позже — помощником начальника связи, за боевое отличие на фронте произведен в младшие офицеры. После февральской революции избран членом полкового комитета и председателем ротного комитета; в 1917 году окончил школу прапорщиков. По ликвидации фронтов в конце мая 1918 года прибыл из Румынии в Одессу, работал в столовой-кафе, при петлюровцах и добровольцах — в трудовой артели офицеров по охране пироксилиновых складов, потом в охране порта. В 1919 году и при советской власти, и при добровольцах служил в караульном полку начальником службы связи. 13 января 1920 года направлен на фронт, но в боях участия не принимал, сбежал из-под Овидиополя и вернулся в Одессу. Зарегистрировался как бывший поручик Добровольческой армии, стал на учет в управлении коменданта города (приложена регистрационная карточка от 8 марта 1920 года) и вновь поступил в 1-й Советский караульный полк, вначале на должность инструктора команды связи, а затем был переведен на должность помощника командира 4-й роты.

Обвинения категорически отрицал: «коммунистов не выдавал и арестов никаких не производил».

В собственноручных показаниях (дата не указана) арестованный написал, что знает Рожинского по службе в 1919 году в караульном полку, где тот заведовал отделом агитации и пропаганды; при белых они однажды встретились на улице и громко разговаривали, к ним подошли офицеры выяснить в чем дело. Утверждал, что никого не выдавал и не избивал.

В качестве единственного свидетеля 28 апреля и 17 мая допрошен заявитель. Он утверждал, что Озеров указал на него добровольческим офицерам контрразведки и сказал, что он бывший агитпросветработник караульного полка; «те по заявлению штабс-капитана Озерова меня арестовали», но за взятку смог освободиться.

18 мая помощник уполномоченного активной части ОГЧК Палюшкин составил заключение по делу Озерова, обвиняемого в «службе у белых». В заключении повторяют-

ся показания Рожинского (с добавлением, что того «сильно избивали» в уголовном розыске и в тюрьме он просидел «долгое время») и далее говорится: «...Принимая во внимание, что Озеров является опасным контрреволюционером и противником советской власти, постановил: применить к нему высшую меру наказания — расстрелять».

21 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело В. З. Озерова по обвинению в «контрреволюции», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, его **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 25 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Обвинение Озерову не предъявлялось. В обоснование ареста к делу приобщены агентурные сообщения, протокол допроса свидетеля о его якобы контрреволюционной деятельности в Одессе. Других материалов в деле нет, а имеющиеся объективно ничем не подтверждены. Озеров контрреволюционную деятельность на единственном допросе отрицал».

Реабилитирован 29 июля 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств его контрреволюционной деятельности».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Озерова пока невозможно.

(Дело № 26936-п)

17 апреля 1920 года участковой транспортной ЧК станции Знаменка Юго-Западной железной дороги без предъявления обвинения арестован

ОРЛОВСКИЙ Анатолий Семенович (26 лет). Родился в 1893 (1894) году в Одессе; русский, из дворян; образование незаконченное высшее, по специальности — авиатехник; беспартийный, холост. На момент ареста постоянного места службы и жительства не имел; ранее проживал в Одессе (ул. Петропавловская, 8).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Задержан, когда возвращался к родным в Одессу, — вероятно, как бывший офицер. Конфискованы около 30 тысяч рублей разными деньгами (куда впоследствии сданы — не указано).

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Орловского (более чем за месяц ведения следствия): 17 апреля его допросил следователь УТЧК станции Знаменка (подпись неразборчива) и более чем через месяц, 25 мая — военный следователь особого отдела XIV армии Цертович.

В протоколах записано, что допрашиваемый происходит из семьи дворянина, служившего земским врачом; в 1911 году после окончания гимназии поступил в Новороссийский университет, в 1913-м перевелся в Киевский политехнический институт, где учился до мобилизации в мае 1917 года; в октябре окончил школу прапорщиков в Одессе, но в армии не служил из-за большевистского переворота. После демобилизации уехал в Киев, продолжил учебу в институте и одновременно работал младшим механиком в авиационном парке. В сентябре 1918 года командирован в Одессу, заболел, после занятия города добровольцами вступил в студенческую дружину по охране города. Как

член дружины был мобилизован в армию Деникина и назначен в распоряжение инспектора авиации. Хотел эвакуироваться в Константинополь, но его зачислили в новороссийский офицерский батальон и направили в Адлер, где перевели в кавказский офицерский полк на должность унтер-офицера. В конце июня 1919 года прикомандирован к заводу воздушных винтов вооруженных сил юга России, находившемуся в Майкопе, служил в чине подпоручика, в должности конструктора-чертежника. При расформировании завода в марте 1920 года получил разрешение коменданта на выезд, проездные документы и деньги и поехал домой, в Одессу. Намеревался вступить в Красную армию по авиационной специальности. В дороге был задержан.

17 апреля следователь УТЧК составил заключение, в котором, повторив показания арестованного, написал: «Считаю Орловского виновным в добровольном поступлении сперва в студенческую дружину, затем в добровольческую офицерскую роту. Дело передать в особый отдел XIV армии для привлечения обвиняемого к ответственности сроком до окончания гражданской войны в концентрационный лагерь. Деньги и все изъятые документы переслать туда же».

В тот же день комиссия УТЧК станции Знаменка, рассмотрев дело Орловского, обвиняемого в службе у Деникина, постановила: направить дело вместе с арестованным в особый отдел XIV армии в Кременчуг. Протокол заседания подписан председателем УТЧК Сафроновым.

22 апреля арестованный вместе с материалами дела, изъянными документами и деньгами передан в Знаменское районное управление милиции Юго-Западной железной дороги, а 26 апреля — в особый отдел XIV армии.

Через месяц, 25 мая, военный следователь особого отдела XIV армии Цетрович принял постановление по делу, в котором сказано, что Орловский «активного участия в борьбе против Красной армии не принимал, но желание эвакуироваться с белыми за границу подозрительно и объяснение по этому поводу не дает исчерпывающего материала. А потому, и принимая во внимание приказ особого отдела ВЧК, постановил: дело о гражданине Орловском вместе с личностью направить в особый отдел ВЧК на распоряжение». В тот же день начальник особого отдела XIV армии подтвердил это постановление.

Последний документ дела — отношение начальника особой группы особого отдела XIV армии, направленное 25 мая в особый отдел ЧК: «При сем препровождается бывший офицер Добрармии гражданин Орловский Анатолий вместе с делом о нем на распоряжение».

Материалов доследования в ЧК и окончательного решения по делу нет.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

(Дело № 12241-н)

17 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

СУСЛОВ Анатолий Николаевич, он же **СИГАЕВ** (псевдоним в ЧК) **(25 лет)**.

Родился в 1894 (1895) году в городе Калязин Тверской губернии; русский (?), из мещан; образование среднее, профессия не указана; беспартийный; женат. На момент ареста работал санитаром-дезинфектором в 30-м сводно-эвакуационном госпитале; проживал в Одессе (ул. Коблевская, 27, кв. 18).

Основания для ареста из дела не ясны. Возможно, заподозрен в двурушничестве.

За неделю до ареста он сообщил военному госпиталя и в ЧК, что в госпитале якобы находятся члены подпольной белогвардейской и петлюровской организации. После опроса у заведующего секретным отделом ОГЧК Дейча завербован в качестве сексота ЧК для сбора данных о членах этой организации, представил несколько устных и один письменный доклад за подписью «Сигаев», в которых передал то, что слышал от сослуживцев и больных в госпитале, и получил за работу 5 тысяч рублей.

16 апреля уполномоченный ОГЧК Жемчужников подал рапорт, в котором приводил данные, полученные от нескольких агентов, в том числе и Суслова: «главное ядро петлюровской организации Одесского района сосредоточено на Живаховой горе», члены организации находятся также на Слободке, Молдаванке, Пересыпи и в одесских катакомбах, «у Суслова просили денег, чтобы раздать агентам на поднятие восстания среди немцев-колонистов. Из этого я заключаю, что Суслов играет не последнюю роль в этой организации... В госпиталь я послал внутреннего наблюдателя (в должности швейцара)».

Ордер № 1468 ОГЧК на арест и обыск Суслова оформлен 17 апреля. В приложенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Обыск и арест необходимо произвести вечером, так как он находится на службе в лазарете по Пушкинской, 7». В протоколе обыска, проведенного в тот же вечер, указано, что при аресте изъята переписка.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

18 апреля он написал записку сотруднику ЧК, которому подавал доклады: «Товарищ Гинтер! Ничего не понимаю. Вчера был у Вас, а сегодня ночью арестован. У меня есть дела в Одессе, моя свобода в Ваших интересах. Объясните, в чем дело». И подписал: «Сотрудник ЧК в госпитале по Пушкинской, 9 Сигаев-Суслов. Сижу в 7-й камере». На записке резолюция: «Завести дело».

Единственный запротokolированный допрос Суслова провел 25 апреля помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Баленков (через неделю после ареста, один допрос за полтора месяца ведения следствия).

В протоколе допроса и собственноручных показаниях арестованного (дата не указана) записано, что в конце 1919 года при добровольцах он служил в государственной страже Канева исполняющим обязанности волостного надзирателя, нес караульную службу по городу. При отступлении белых в начале января 1920 года приехал вместе с женой в Одессу, где она заболела тифом. Через некоторое время его взяли санитаром в госпиталь, где находилась на излечении жена, и по выздоровлении он устроил ее туда же на работу. Рассказал о своем сотрудничестве с ЧК по выявлению «офицерской денкинской-петлюровской организации» и заявил, что к контрразведке не имеет никакого отношения.

27 апреля написал записку на имя уполномоченного ОГЧК Жемчужникова, в которой просил, чтобы его еще раз вызвали и выслушали: «Вы хотите предрешить мою судьбу, а не вменили мне никакой абсолютно вины...». На ней — четыре регистрационных штампа и резолюция: «К делу».

22–27 апреля составлена сводка информационных сведений по ОГЧК, в которой значится: «Госпиталь является гнездом контрреволюции. Имеется подпольная организация, в которой состоят следующие лица: Суслов, бывший штабс-капитан (никаких данных об этом в деле нет. — *Ред.*), сейчас санитар-дезинфектор, его жена Алешкина — се-

стра милосердия, сестра Харитонова, которая сейчас командирована по контрреволюционному поручению этой же организации на станции Бирзула и Раздельная, некий Пастушенко, который должен отправиться на фронт по распоряжению губвоенкома. В общем, эта организация имеет свои отделения на станциях Бирзула и Раздельная». Никаких подтверждающих эти сведения документов, а также каких-либо следственных материалов за май в деле нет.

5 июня помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Турин составил заключение по делу: «...Суслов Анатолий, находясь на службе в лазарете, состоял осведомителем у товарища Гинтера и, со слов товарища Гинтера, добросовестно выполнял возлагаемые на него задания. В то же время Суслов был арестован особым отделом за то, что он работал в госстраже при Добрармии. Предлагаю Суслова из-под стражи освободить, дело о нем прекратить».

*7 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело А. Н. Суслова по обвинению в «контрреволюции», постановила: его **расстрелять**, имущество конфисковать. Дата расстрела не указана, но можно предположить, что расстрелян в тот же день, так как 7 июня дело сдано в архив.*

Реабилитирован 8 августа 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств его контрреволюционной деятельности».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Суслова пока невозможно.

2. В 2003 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъят из дела л. 28 — возможно, одна из сводок.

(Дело № 26947-н)

17 апреля 1920 года секретно-оперативным подотделом Одесской губЧК при Тираспольском уездном исполкоме без предъявления обвинения арестован

ФОНДА (ФОНДО) Карло (Карл) Лаврентьевич (28 лет). Родился 4 ноября 1891 года в Триесте (Австро-Венгрия); словенец, подданный Италии, из мещан; образование высшее, по специальности — коммерсант; римско-католического вероисповедания, член итальянской социалистической партии; холост. На момент ареста постоянного места работы не имел; прибыл в Россию из Италии, постоянное место жительства — Триест (ул. Сервола, 372).

Обстоятельства ареста. 15 апреля легально прибыл в Тирасполь, через день был арестован на улице, — вероятно, как иностранный поданный. 19 апреля отправлен в Одессу в губЧК и заключен в тюрьму, документы и личные вещи изъяты.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Через несколько недель переведен в Харьков, 24 мая освобожден и отправлен в Москву. Устроился переводчиком при итальянской делегации социалистов, но 9 августа на основании агентурной разработки арестован Всероссийской ЧК по обвинению в «шпионаже в пользу Антанты» и помещен в Бутырскую тюрьму; при обыске изъяты деньги, личные вещи и рукописи.

Запротоколированы четыре допроса Фонды (за десять месяцев пребывания в России), два — в Одессе (первый датирован 20 апреля, дата второго не указана) и два — в Москве, 9 и 14 августа. Первый протокол подписал дежурный следователь ОГЧК Иванов, в остальных фамилии и должности сотрудников ЧК, проводивших допросы, не указаны. В этих протоколах, нескольких заявлениях арестованного и личных документах, отобранных при арестах, содержатся основные факты его биографии.

С марта 1902 по 1910 год учился в гимназии в городе Пазини, 2 июля 1910 года получил аттестат об окончании гимназии. В 1910–1913 годах учился в коммерческом институте имени учредителя Револтелла в Триесте. С 1913 по 1919 год служил в австрийской армии вольноопределяющимся в 5-м полку в городе Поло, в годы войны с Россией был на фронте в Карпатах, где получил чин прапорщика. 25 марта 1915 года попал в плен к русским и до января 1916-го находился в Иваново-Вознесенске. Затем вступил в добровольческую дивизию юго-славян, служил в чине подпоручика в запасном сербском батальоне, который дислоцировался в Одессе, а в мае 1917 года в числе 120 офицеров и примерно 10 тысяч солдат был зачислен в русскую армию и отправлен в 296-й запасной полк в крепость Карс.

После демобилизации в январе 1918 года вернулся в Одессу, так как здесь жила его невеста — Вера Георгиевна Зогова, дочь начальницы училища для слепых; но уже в феврале, после прихода немцев, бежал в Бессарабию. Жил в деревне Момча Аккерманского уезда, занимался сельским хозяйством, давал уроки немецкого и итальянского языка, после ухода немцев в октябре возвратился в Одессу. В начале февраля 1919 года вновь вступил в сербскую армию и получил назначение в Екатеринодар в югославскую военную миссию, вначале офицером для особых поручений, затем секретарем. Задачей миссии было собрать всех югославов (сербов, хорватов, словенцев), многие из которых, попав в русский плен как военнопленные австрийской армии, были рассеяны по всему Северному Кавказу, и организовано отправить их на родину. 24 апреля вся миссия была арестована деникинской контрразведкой по обвинению в большевизме. Через шесть часов всех освободили, он выехал из Екатеринодара, по дороге был снова арестован, но в мае сумел бежать из тюрьмы. В Баку в итальянской военной миссии получил паспорт на выезд и через Тифлис и Батум в начале июля вернулся на родину, в Триест.

Среди конфискованных у Фонда документов — его записки о событиях в России (подшиты к делу). «После октябрьского переворота 1917 года на юге России образовались три казачьи республики: Дон, Кубань и Терек. При их образовании главную роль сыграл инстинкт самосохранения казачьей военной иерархии и буржуазных элементов этих же республик... Опишу все, что я знаю о внутренней и иностранной политике государственных образований на юге России, участвующих в борьбе против большевизма». Как очевидец описывает события 1918–1919 годов, политику генерала Деникина, бои с большевиками. «...Борьбу большевизма считаю великою борьбою, цель которой уничтожение существующего социального строя и установление нового на началах более справедливых на всей поверхности земного шара». Описана деятельность югославской миссии: «...Наше отношение к Деникину было официально корректным... но нам не доверяли, так как много сербских солдат, дезертировавших из сербских войск, служили у большевиков, занимая ответственные посты. После поражения большевиков многие из них были расстреляны, томились в тюрьмах, в больницах как тифозные и не успевшие удрать... Лагерь наших солдат находился в Новороссийске... желающих отправляли на

родину... но также велась агитация против отъезда, в связи с тем, что там предстоит война с Италией».

Вернувшись на родину, Фонда вступил в итальянскую социалистическую партию, посещал социалистические собрания, вел пропаганду; но вскоре собрался в Россию для «изучения советского строя и применения его опыта в Италии на случай ожидаемой там революции... чтобы я мог изучать и участвовать в рабочем строительстве советской России», а также «по мотивам заработка и так как в Одессе осталась невеста». Получил несколько рекомендательных писем к советским товарищам по партии, в том числе от коминтерновцев Карла Годины и Ивана Регента: «Уважаемые товарищи! Рекомендую товарища Карла Фонда как верного, воодушевленного и интеллигентного работника на поприще нашего дела. Рекомендую его во всех отношениях и прошу товарищей оказывать ему всяческое содействие. Иван Регент, редактор социалистической газеты «Труд» и член главного комитета социалистической партии Италии. Город Триест, редакция газеты «Труд». 18 марта 1920 года».

В Триесте он оформил заграничный паспорт и 26 марта выехал в Белград; там получил румынскую визу. В Кишиневе получил визу на въезд в Россию; о причинах поездки ответил, что едет забрать невесту. 15 апреля пересек границу у бендерского моста; прибыв в Тирасполь, сразу явился в партком и представил рекомендательные письма. 17 апреля его арестовали, отправили в Одессу в губЧК, а через две недели перевели в Харьков, во Всеукраинскую ЧК.

Из харьковской тюрьмы 14 и 21 мая он писал заявления в бюро жалоб рабоче-крестьянской инспекции при ВУЧК: «Я приехал в Россию (город Тирасполь) из Италии через Бендеры (Бессарабия) 15 апреля 1920 года. Цель моего приезда следующая: изучить на практике советское строительство и участвовать по возможности в нем, чтобы подготовиться на тот момент, когда и у нас власть перейдет в руки рабочих и крестьян. Кроме этой цели есть у меня задача, вытекающая из мандата, полученного мною от коммуниста Карла Година, выехавшего год назад из Москвы в Италию с целью образования там коммунистической партии — поехать к товарищу Балабановой...» и передать сообщение от Годины, а также передать письмо его супруге, проживающей в Москве. «Но меня арестовали в Тирасполе, препроводили в Одессу в распоряжение ОГЧК, там содержали 14 суток, в течение которых мне пришлось голодать за неимением средств и терпеть на себе грязь и насекомых. При аресте отобраны были мои вещи... Я два раза писал заявления и просил о выдаче мне белья и мыла, причем приложил квитанцию на отобранные вещи. Но ответа никакого не последовало. После 14-дневных моральных и телесных пыток меня отправили через Николаев в Харьков, но без моих вещей, в распоряжение товарища Раковского. Я прибыл в Харьков 11 мая. На следующий же день я ожидал, что меня, наконец, все же отправят к товарищу Раковскому. Но ошибся, так как меня опять передали в распоряжение ВУЧК и я томлюсь здесь в заключении уже третий день, не видя почти возможности высказать свое горе и ликвидировать таким образом дело, рождение которого даже при существовании революционной борьбы трудно понять. Прошу помочь этому положению, имея в виду пользу государства и престиж власти».

19 мая член исполкома южного бюро III коммунистического Интернационала И. Милькевич обратился к Ф. Э. Дзержинскому: «Третьего дня я узнал, что товарищ словенец Карл Фонда командирован одним из наших товарищей из Италии в Россию с важными документами для партии и к товарищу Балабановой. Прибыл и арестован

в Тирасполе, откуда отправлен в Одессу, затем в Харьковскую губЧК, где теперь находится. Обращаюсь к Вам с просьбой посодействовать ускорить следствие... на мои поручки отправить в распоряжение южного бюро III Интернационала. Я уже справлялся, дело не ведется».

Благодаря этому ходатайству, а также хлопотам дочери Годины, Фонда по распоряжению Дзержинского был освобожден из тюрьмы и в конце мая отправлен в Москву (под негласным надзором). Поселился в гостинице «Мадрид-Лувр» (ул. Тверская, 33); по приезде делегации итальянской социалистической партии стал работать при ней переводчиком.

30 июня следственное дело Фонды «по подозрению в шпионаже» было направлено из Харькова в Москву. 23 июля уполномоченный особого отдела ВЧК в докладе указал: «По заданию особого отдела ВЧК от 29 мая 1920 года было установлено наблюдение за гражданином Фонда, прибывшим в Москву... Задание это было дано по телеграмме товарища Дзержинского. Почему Карл Фонда был освобожден, а дело прислано в особый отдел ВЧК, и по каким мотивам установлено за ним наблюдение — неизвестно, так как в деле нет никакого заключения следователя».

3 августа датирована записка с неразборчивой подписью: «По моему мнению, о Фонда надо спросить членов Конгресса. Если они ничего о нем не знают, арестовать, допросить и если ничего следствие не даст выслать к чертовой матери».

9 августа Карл Фонда арестован по обвинению в «причастности к шпионажу в пользу Антанты» и доставлен в тюрьму. После этого дано задание выписать ордер на арест и обыск его комнаты в гостинице.

Ордер № 850 секретного отдела управления особого отдела ВЧК на арест и обыск Фонды оформлен 10 августа. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты 15223 рубля, бумажник, часы, личные вещи и рукописи (оприходованы комендатурой управления особого отдела ВЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

10 августа сотрудник активного отделения особого отдела ВЧК Перепел доложил начальнику оперативного отдела, что согласно ордерам № 849 и 850 особого отдела ВЧК произведен обыск и арестован Фонда, «обнаружена переписка и заметки на иностранном языке. Гражданин Фонда был арестован без ордера и в момент получения на него ордера на предмет его личного обыска и ареста он уже находился во внутренней тюрьме».

12 августа обвиняемый написал заявление в особый отдел ВЧК на имя Фельдмана. Он указал, что из Тифлиса в Триест привез большевистскую литературу и что Година хорошо знает его семью. Найденные у него записки о денкинской армии взяты с собою, «чтобы при составлении систематического материала опубликовать их». При отъезде из Италии в Россию не думал, что может из-за них пострадать, так как ехал по официальным документам. В Москве работал с итальянской социалистической делегацией, с должности переводчика уволен не был, но с отъездом делегации работа прекратилась. В Италию уезжать не собирался, так как приехал в Россию для работы. «Секретарь югославского Совета рабочих и крестьянских депутатов просит меня перевести «Азбуку коммунизма» на словенский язык, я соглашаюсь... а вы меня опять арестовываете... Надо мной совершается чудовищное насилие! Товарищ следователь! Прекратите мои мучения и освободите меня поскорее, пока еще во мне есть немного жизни. Громко заявляю,

что я страдал и потерял большую часть моего здоровья в течение моего заключения в Одессе и Харькове, будучи невиновным ни в чем, кроме того, что помогал по мере своих слабых сил коммунизму. Но я готов простить эти горькие обиды во имя веры и любви в правоту великой русской революции, если только меня освободите вовремя».

16 августа следователь особого отдела ВЧК (подпись неразборчива) составил заключение по делу Фонды: «...Арестован 9 августа на основании агентурной записки... по обвинению в шпионаже... Вещественные доказательства — рекомендательные письма итальянской социалистической партии, агентурные записки... Хотя обвинение в шпионаже не доказано, но как подозрительную личность полагал бы выслать его из пределов РСФСР». На обороте документа — постановление (также от 16 августа): «На основании данных следствия и заключения следователя дело гражданина Фонды Карла по обвинению его в политической неблагонадежности считать законченным и передать на рассмотрение начальника особого отдела ВЧК с предложением выслать его из пределов РСФСР» (подписано Фельдманом). 17 августа на заключение наложена резолюция: «Выслать через два месяца от сего числа» (подпись неразборчива, предположительно — начальника особого отдела). Однако судя по документам арестованного продержали в лагере еще пять месяцев.

21 января 1921 года Центральное управление по эвакуации населения направило в особый отдел ВЧК ходатайство: «Зарегистрированный к отправке на родину в административном отделе Центрэвака итальянский гражданин Фонда, освобожденный из Андроньевского лагеря 13 сего января на основании отношения ВЧК № 1515, обратился в отдел с просьбой оказать содействие в получении обратно отобранных у него при аресте документов и вещей. При аресте гражданина Фонда в Тирасполе 17 апреля 1920 года у него отобраны и препровождены вместе с ним в Одессу: два паспорта, выданные Генеральным комиссариатом Венеция-Джулия (один для Австрии и Югославии, другой для Италии и России); аттестат зрелости, выданный в городе Пазини; свидетельство об окончании коммерческого института в Триесте; два чемодана и мешок с платьем и бельем, книгами и ценным письменным прибором. На все эти вещи Одесской губЧК была выдана квитанция за № 469, которая при подаче заявления гражданином Фонда о выдаче ему белья представлена им в ОГЧК и обратно не возвращена. Указанные выше документы при переводе Фонда в Харьков были препровождены туда же, а вещи оставались в Одессе. По освобождении своем 24 мая 1920 года и переезде в Москву гражданин Фонда в начале августа лично вручил президиуму ВЧК скрепленное подписью представителя итальянской миссии гражданина Серето прошение на предмет получения обратно отобранных документов и вещей, но через неделю был вторично арестован, при том у него отобраны 15233 рублей и часы фирмы «Омега», в чем выдана квитанция за № 2343. Сообщая о вышеизложенном ходатайстве гражданина Фонда, Центральное управление по эвакуации населения просит по возможности в кратчайший срок, ввиду бедственного положения гражданина Фонда и его отправки на родину, вернуть ему отобранные при аресте перечисленные вещи и документы». На документе две резолюции: «Препятствий к выдаче нет» и «Дело надо взять из архива и вынуть квитанции».

24 января в иностранном отделе ВЧК составили акт о том, что из дела изымаются семь листов личных документов на иностранном языке и отправляются «в НКВД по их требованию для передачи Фонда, высылаемому из пределов РСФСР согласно постановлению особого отдела ВЧК от 16 августа 1920 года».

5 февраля на квитанцию об изъятии денег и личных вещей Фонды при аресте в Москве наложена резолюция: «Прошу выдать все по квитанции и переписку». Однако документов, подтверждающих получение Фондой всего, что было у него отобрано при первом и втором арестах, или свидетельствующих о его отъезде из России, в деле нет. На подшитом к делу пустом конверте в перечне документов указаны две фотографии; на обороте надпись: «Взято для выдачи освобожденному «Фонда» (так в документе. — *Ред.*)». Расписки Карло Фонды о получении документов нет.

Дальнейшая судьба неизвестна. Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Фонда, Фондо. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в личных документах, изъятых при обыске — Фонда.

2. В 2003 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъяты из дела лл. 60, 62, 63, 73–76 — возможно, агентурные материалы, по которым Фонда был арестован в Москве.

(Дело № 5244-п)

18 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **ВОРОБЬЕВ Афанасий Осипович (33 года)**. Родился в 1886 (1887) году в Смоленской губернии (?); русский, из крестьян; образование среднее, по профессии — электротехник; беспартийный; холост. На момент ареста числился служащим в кавалерийском отряде при коменданте Одессы, находился на излечении в 20-м эпидемическом госпитале как больной тифом; постоянное место жительства не указано, арестован в госпитале (Авчиниковский пер., 4).

Основанием для ареста послужили заявления, поданные 11 апреля военкому 20-го эпидемического госпиталя Иде Гринберг двумя соседями Воробьева по палате — Михаилом Закатовым и Трахтенбергом. В заявлениях сообщалось, что он якобы рассказывал о том, как в 1919 году командовал отрядом немецких колонистов из Бадена, Зельца, Канделя и других немецких колоний, захватил железнодорожную станцию Еремеевка, расстрелял евреев-коммунистов, ограбил пассажирский поезд, дважды служил у Деникина и т. п. В одном из заявлений о Воробьеве сказано: «...В боях с коммунистами убил, наверное, немало революционеров, немало партийных работников и я считаю, что единственное для этого негодяя — это Чрезвычайная комиссия, которая по выяснению этого материала отомстила бы этой сволочи за смерть наших товарищей — красноармейцев и коммунистов».

На основании этих заявлений военком Гринберг подала донесение в секретный отдел губЧК, указав дополнительно, что больной Воробьев все это «рассказывал ночью под влиянием высокой температуры».

13 апреля сотрудник ЧК Гинтер дал указание завести дело и следить за Воробьевым, а 18 апреля уполномоченный по борьбе с контрреволюцией Григорьев распорядился выписать ордер на арест и обыск — «так как больной в настоящее время выздоровел».

Ордер № 1488 ОГЧК на арест и обыск оформлен 18 апреля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты личные документы, удостоверения и 12450 рублей (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запотоколированный допрос Воробьева провел помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Погорий (дата не указана, один допрос за месяц ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый до войны крестьянствовал в Смоленской губернии, затем был на фронте, до января 1917 года служил в 79-й инженерной роте. После демобилизации приехал в Одессу и работал на сахарном заводе. С 1918 года служит в Красной армии, начальник связи кавалерийского дивизиона, последнее время — в кавалерийском отряде при коменданте Одессы. При добровольцах лежал три месяца в госпитале, а после выписки из госпиталя скрывался. Что говорил в бреду — не помнит. Службу у Деникина и участие в антисоветских выступлениях категорически отрицал.

В качестве свидетелей 21 и 22 апреля допрошены военком госпиталя и один из доносителей — член ВКП(б). Оба подтвердили сведения, приведенные в их заявлениях, и сказали, что обвиняемый говорил это со сна и что у него была тогда высокая температура.

9 мая начальник губтюрьмы на запрос губЧК ответил, что Воробьев болен возвратным тифом и находится в больнице.

Не позднее 17 мая (дата не указана) помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Погорий на клочке бумаги написал: «Воробьев Афанасий Осипович служил у Деникина, принимал [участие] в восстании в селе Баден (немецкие колонии), в выдаче и избиении коммунистов. Расстрелять».

*17 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело А. О. Воробьева по обвинению в «службе у Деникина, участии в восстании и избиении коммунистов», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 21 мая, когда дело было сдано в архив.*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Основанием к обвинению послужили показания свидетеля, находившегося в одной больничной палате с Воробьевым, больным тифом и в бреду, вызванном высокой температурой, говорил все то, что и явилось основанием его обвинения. Допрошенный Воробьев категорически отрицал обвинение в его адрес, заявив, что кроме Красной армии нигде больше не служил. Никакой проверки на этот счет проведено не было».

Реабилитирован 28 июля 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона СССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств его контрреволюционной деятельности».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Воробьева пока невозможно.

(Дело № 26943-н)

Предположительно **18** (но не позднее **25**) *апреля 1920 года* Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

ЗРУДСКИЙ Петр Николаевич (30 лет). Родился в 1891 году, место рождения и происхождение не указаны; русский, образование начальное, по профессии — пи-

сарь и торговец; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места работы не имел; временно проживал в Одессе (адрес не указан), ранее — в селе Возсятском (Васпатском) Елисаветградского уезда Херсонской губернии.

Основания для ареста в деле не представлены. Следственное дело, начатое, как указано на обложке, 18 апреля, состоит из трех документов: протокола допроса обвиняемого, заключения помощника уполномоченного и выписки из протокола заседания коллегии ОГЧК.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Зарудского провел 25 апреля помощник уполномоченного активной части Палюшкин (один допрос за месяц ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый получил домашнее образование; с 15 октября 1912 года по 20 августа 1918 года служил в должности старшего писаря 60-го Замостского полка. После демобилизации проживал в селе Возсятском (Васпатском), в 1919 году после прихода добровольцев был мобилизован как чиновник военного времени и направлен в Николаев, а затем — в город Летичев Подольской губернии, где служил в управлении коменданта города. 8 декабря 1919 года приехал в командировку в Одессу, заболел тифом, а после выздоровления получил телеграмму от коменданта Летичева полковника Коваленко оставаться на месте, так как управление эвакуируется в Одессу. После прибытия коменданта по его приказу занялся ликвидацией дел управления. По окончании работы получил предписание от дежурного генерала при штабе войск прибить в распоряжение начальника формирования отряда «Священный долг».

Далее показал: «Прибыв к полковнику Силаеву, я получил приказание отправиться в гостиницу «Пассаж», где помещался штаб, и вступить в исполнение обязанностей делопроизводителя по хозяйству. Прибыв в штаб и узнав, что начальником хозяйства состоит полковник Востросаблин, мой хороший знакомый, я стал просить его числить меня делопроизводителем без фактического исполнения своих обязанностей, ибо в то время я заболел... тот изъявил согласие на мою просьбу при условии найти ему другого чиновника, который мог бы заменить меня. Хоть работать в канцелярии я при желании мог бы, но с моей стороны это была охрана своего здоровья, и к тому же, бывая у знакомых, я слышал от них, что лица, состоящие в отряде, занимаются налетами на магазины и вымогательством денег, что позорило меня. Я стал просить перевод в другую часть и получил предписание отправиться в распоряжение коменданта Одесского порта, куда и прибыл, где я прослужил до ухода Добрармии. В отряде «Священный долг» служили лица, которые в данное время служат в советских войсках и в Галицийской армии: подполковник Ашахманов, ротмистр Бодров, подполковник Коновский, ротмистр Вольский и много других младших офицеров, фамилии которых я не помню. Начальник формирования отряда «Священный долг» полковник Силаев удрал».

На протоколе допроса внизу приписка: «Св[идетель] начальник канцелярии военного транспортного отдела Одесского губсовнархоза товарищ Чернышенко». Возможно, сведения о том, что Зарудский причастен к деятельности отряда «Священный долг», называемого в документах ОГЧК «Священным отрядом», поступили от него. Но ни заявления Чернышенко, ни его свидетельских показаний в деле нет.

18 мая помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией активной части особого отдела Василий Бранднер составил заключение по делу: «Рассмотрев дело

по обвинению гражданина Зарудского Петра Николаевича в контрреволюционной деятельности и в участии в организации в Одессе при белогвардейцах «Священного отряда», в котором он при формировании занял должность делопроизводителя хозяйственной части, нашел, что служба в «Священном отряде», в который принимали исключительно по рекомендации видных деятелей Добрармии, гражданин Зарудский этим самым доказал, что он противник советской власти, а потому предлагаю применить к нему высшую меру наказания — расстрелять».

20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело П. Н. Зарудского по обвинению в «контрреволюционной деятельности и в организации «Священного отряда» при белогвардейцах», постановила: **«Заключить в концлагерь сроком на 5 лет».**

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «На допросе Зарудский показал, что при белогвардейцах он служил делопроизводителем «Священного отряда», но никакой практической деятельностью в нем не занимался. Других доказательств в деле нет».

Реабилитирован 20 февраля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле не имеется совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечание.

Вероятно, несколько листов из дела изъяты, так как на обложке 1920 года указано, что дело — в 9 листах, а в настоящее время в наличии 4 листа документов 1920 года, конверт с архивной карточкой и 4 листа документов 1995 года.

(Дело № 27164-н)

19 апреля 1920 года военно-контрольным пунктом № 1 особого отдела XII Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

ВОРОНОВИЧ Франц Иванович (57 лет). Родился 5 октября 1862 года в селе Росица Дриссенского уезда Витебской губернии; русский, из крестьян; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, генерал-майор; римско-католического вероисповедания, беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места службы не имел, по мобилизации направлялся в распоряжение киевского губвоенкома; проживал в Одессе (ул. Кондратенко, 33).

Основания для ареста в деле не представлены. Задержан на железнодорожной станции Киев-Пассажирская, возможно, как бывший военный. На следующий день отправлен с контрольного пункта в особый отдел XII армии.

Ордер № 505 комендатуры особого отдела при ВЧК на арест и обыск оформлен 21 апреля, после того как арестованный уже двое суток находился под стражей (в ордере написано, что арестован по распоряжению следователя Феоктистова). В протоколе личного обыска, проведенного также 21 апреля, указано, что при аресте изъяты личные вещи, фотографии и более 17 тысяч рублей разными деньгами (кем оприходованы — не указано).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запрототолированный допрос Вороновича провел 20 апреля врид следователя военно-контрольного пункта № 1 Богов. (Протоколов допроса в особом отделе в деле нет).

В протоколе и личных документах, изъятых при обыске, записано, что допрашиваемый окончил уездное училище, в апреле 1880 года поступил на военную службу, в 1883 году окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Участвовал в военном походе против китайцев в 1900–1901 годах, войне с Японией 1904–1905 годов, в годы войны с Германией командовал 35-м Сибирским стрелковым полком 9-й Сибирской стрелковой дивизии, с 1916 года находился на Румынском фронте, в 1917 году — комбриг 10-й Сибирской стрелковой дивизии, генерал-майор. Три раза ранен, два раза контужен. Награжден восемью орденами и четырьмя медалями, в 1918 году — солдатским Георгиевским крестом за мужество.

После демобилизации в 1918 году остался в Галаце, но по распоряжению румынских властей, предписавших всем русским подданным покинуть Румынию, выехал в Одессу. В мае — июне 1919 года болел сыпным тифом, находился в еврейской больнице (приложена соответствующая справка). В августе поступил на должность писца бумажного подотдела реквизиционной комиссии, служил около двух месяцев и по расформировании комиссии был уволен. Более при белых не служил. После установления советской власти мобилизован в Красную армию и 15 апреля 1920 года направлен в распоряжение киевского губвоенкома. По приезде в Киев задержан на станции.

20 апреля врид следователя военно-контрольного пункта Богов составил заключение по делу Вороновича, обвиняемого в «служении в реквизиционной комиссии об оставшемся имуществе от большевиков». В заключении сказано: «...Является генерал-майором, пошел на данную службу из сочувствия деникинской власти... Полагал бы: дело передать в особый отдел для дальнейшего следствия».

Документов о дальнейшем ведении следствия в деле нет. Под показаниями арестованного, снятыми на контрольном пункте, следователь особого отдела Феоктистов написал заключение: «Полагал бы дело в следственную часть и числить за особым отделом XII армии».

27 апреля 1920 года начальник особого отдела ВЧК при реввоенсовете XII Советской Красной армии, рассмотрев дело Ф. И. Вороновича по обвинению в «службе в Добармии», постановил: «Дело вместе с арестованным направить в особый отдел Юго-Западного фронта» (подпись неразборчива).

Окончательного решения по делу нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. К делу подшиты личные документы арестованного, изъятые при обыске, в том числе аттестация и послужной список. Характеристика из аттестации от 11 мая 1917 года: «Полк держит в руках, строг, требователен, справедлив и заботлив. В боях всегда был на самых опасных местах, где, пренебрегая явной опасностью, следил за ходом боя и своевременно принимал должные меры к поражению врага... Обстановку боя оценивает быстро и правильно. В критические минуты боя сам, за недостатком офицеров, восстанавливал порядок в цепи. В полной мере обладает высокими качествами боевого начальника, подавая собой пример самоотверженности, решительности, отваги и несокрушимого упорства в достижении поставленной цели боя». В послужном списке указаны полученные им за годы службы награды, в том числе ордена: святого Станислава 3-й и 2-й степени, святой Анны 4-й, 3-й и 2-й степени за храбрость, святого Владимира 4-й и 3-й степени, святого Георгия 4-й степени.

Фотографий, изъятых при обыске и указанных в протоколе, сейчас в деле нет.

2. К делу подшито также заключение о другом репрессированном — **Николае Константиновиче ТЕМИНСКОМ** (его дела в фонде «П» нет). «20 апреля 1920 года. Я, сотрудник военно-контрольного пункта № 1 особого отдела XII Красной армии Хованский, рассмотрев дело гражданина Теминского Николая Константиновича, по профессии учитель, сын титулярного советника и помощника начальника ковенской тюрьмы, обвиняемого мною в незаконном получении документов и компрометирующем прошлом, нашел следующее. Из следственного материала и из показаний гражданина Теминского видно, что он действительно получил документы, но не указано, по какому делу направлен в Чернигов. Далее, исходя из того, что гражданин Теминский сын титулярного советника и помощника начальника ковенской тюрьмы, что явно компрометирует его прошлое, а посему полагал бы дело гражданина Теминского направить в особый отдел для дальнейшего расследования и выяснения его прошлого».

(Дело № 12238-н)

19 апреля 1920 года военно-контрольным пунктом № 1 особого отдела XII Советской Красной армии без предъявления обвинения арестован

ГОТОВИЦКИЙ Иван Петрович (55 лет). Родился в 1864 (1865) году в Ставрополе Ставропольской губернии; русский, из дворян; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, полковник; беспартийный; женат. На момент ареста постоянного места службы не имел, следовал в Кременчуг в штаб XIV Советской Красной армии для поступления на службу; ранее проживал в Одессе.

Основания для ареста в деле не представлены. Задержан на железнодорожной станции Киев-Пассажи́рская, возможно, как бывший военный. На следующий день отправлен с контрольного пункта в особый отдел XII армии.

Ордер № 506 комендатуры особого отдела при ВЧК на арест и обыск оформлен 21 апреля, после того как арестованный уже двое суток находился под стражей (в ордере написано, что арестован по распоряжению следователя Феоктистова). В протоколе личного обыска, проведенного также 21 апреля, в графе об изъятом имуществе — прочерк.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запротоколированный допрос Готовицкого провел 20 апреля врид следователя военно-контрольного пункта № 1 Богов. (Протоколов допроса в особом отделе в деле нет).

В протоколе записано, что допрашиваемый окончил кадетский корпус и служил в русской армии; в 1915 году, будучи на германском фронте, заболел, был причислен к 3-й категории и направлен в Тифлис. По распоряжению окружного штаба назначен в Эриван воинским начальником, пробыл там один год, затем в этой же должности служил в городе Елисаветполе. «По демобилизации армии двадцать месяцев находился в Ставрополе за штатом российских войск без всякого содержания. В июне 1919 года как не достигший 55 лет был мобилизован и служил в запасном батальоне в Армавире и Одессе, откуда в феврале 1920-го эвакуирован в Румынию, но на границе добровольно сдался товарищу Котовскому. 19 марта 1920 года поступил на службу в Красную армию, хотя имел 55 лет и 3-ю категорию по состоянию здоровья... Я сочувствовал власти Деникина,

*И. П. Готовицкий
в 1910-е годы*

но понимал, что это власть чисто местного характера, ненадолго и такая власть существовать не может, так как народ против народа не пойдет. Относительно власти большевиков понимаю, что она для рабочих, хотя бы с материальной точки зрения».

К делу подшиты изъятые при обыске личные документы, подтверждающие показания арестованного: в марте 1920 года Готовицкий был призван на военную службу одесским военным уездным комиссариатом и в начале апреля получил предписание «отбыть в Кременчуг в распоряжение штаба XIV Красной армии».

20 апреля врид следователя военно-контрольного пункта Богов составил заключение по делу Готовицкого, обвиняемого «как бывший полковник и служивший воинским начальником». В заключении сказано: «Из показаний гражданина Готовицкого видно, что таковой сочувствовал Добровольческой армии, а посему полагал бы: дело передать в особый отдел для дальнейшего его расследования».

Документов о дальнейшем ведении следствия в деле нет. Под показаниями арестованного, снятыми на контрольном пункте, следователь особого отдела Феоктистов написал заключение: «Полагал бы: дело передать в следственную часть, обвиняемого считать за особым отделом XII армии».

24 апреля на обложку дела наложена резолюция-указание следователю Летштейну: «Очень внимательно допросите. Обратите внимание, что Готовицкий сочувственно относится к власти Деникина. Выясните конкретный взгляд на рабоче-крестьянскую власть. При малейшем подозрении поставьте ему †».

Протокола допроса по этому указанию в деле нет. Через три дня следователь особого отдела ВЧК при реввоенсовете XII армии в заключении написал, что дело следует направить дальше по инстанции.

27 апреля 1920 года начальник особого отдела ВЧК при реввоенсовете XII Советской Красной армии, рассмотрев дело И. П. Готовицкого по обвинению в «службе в Добрармии», постановил: «Готовицкого вместе с делом направить в особый отдел Юго-Западного фронта» (подпись неразборчива).

Окончательного решения по делу нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

В деле есть документ, свидетельствующий о репрессии еще одного человека — **ЦЫГАНКОВА** (имя и отчество не указаны, его дела в фонде «П» нет). Отношение начальника военно-контрольного пункта № 1, направленное 20 апреля 1920 года в особый отдел XII армии: «Агентурные сведения. При сем препровождаются в Ваше распоряжение полковники Готовицкий и Цыганков, служившие в Добрармии. 19 апреля при обыске ничего обнаружено не было» (подпись неразборчива).

(Дело № 8027-п)

Предположительно **19 апреля 1920 года** военкомом эвакуопункта Одесского района она без предъявления обвинения арестован

ДАНИЛЕВСКИЙ Григорий Максимович (25 лет). Родился в 1894 (1895) году в Черниговской губернии; национальность не указана, из дворян; образование неполное среднее, по профессии — военный; беспартийный; холост. На момент ареста работал санитаром 37-го полевого сводного эвакуационного госпиталя; проживал в Одессе, при госпитале.

Основанием для ареста послужил доклад, поданный 19 апреля военкому эвакуационного пункта Одесского района политруком госпиталя: «Согласно Вашему распоряжению проводил расследование в 37-м сводном эвакуационном госпитале о вредном элементе санитаре Данилевском. Допросив ряд сослуживцев, я установил, что он безусловно имеет вредное влияние и контрреволюционер, должен быть немедленно отправлен в ЧК для привлечения к ответственности по закону военного времени. В подтверждение привожу показания о нем. Санитар товарищ Волков, член комячейки госпиталя, показал: Данилевский порицает советскую власть, он ярый антисемит, умаляет достоинство советской власти, как петлюровец агитирует за самостийну Украину, говорит, что у власти стоят все инородцы — жида, китаицы, латыши, которые посягают на православную веру, ведет агитацию, чтобы не брали советских денежных знаков, грозит убийством сестры товарищ Никитиной за то, что она указала на сестру Бернацкую как на контрреволюционерку, за что последняя арестована (ее дела в фонде «П» нет. — *Ред.*). Палатный надзиратель товарищ Добруш показал: Данилевский ярый петлюровец, возмущен против тех, кто указал на сестру Бернацкую как на контрреволюционерку, обещает уничтожить их, в частности сестру товарищ Никитину... Товарищ Волков добавил, что Данилевский рассказывал о своих связях с командой пленных и с портовыми рабочими, определенно настроен против советской власти, говорит, что власть не опирается на массы, на днях она должна пасть, также пускает ложные слухи для падения престижа советской власти» (подпись неразборчива).

19 апреля на доклад наложена резолюция военкома: «Препроводить в губЧК». В поданном им же отношении сказано: «Секретно. Препровождаю при сем арестованного санитаря 37-го сводного эпидемического (так в документе. — *Ред.*) госпиталя Данилевского как контрреволюционера вместе с материалом о его аресте» (подпись неразборчива).

Ордер № 1583 ОГЧК на арест и обыск оформлен не позднее 21 апреля (дата не указана), после того как арестованный был доставлен в комендатуру ЧК. В протоколе личного обыска, проведенного 21 апреля в одесской тюрьме, указано, что у арестованного изъято одно удостоверение.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос Данилевского провел 22 мая помощник уполномоченного по общим делам Радионов (через месяц после ареста, один допрос более чем за месяц ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый до войны учился, окончил 4 класса гимназии, затем, вероятно, был на фронте, так как в 1917 году находился в команде выздоравливающих. По поводу обвинения заявил: «Я говорил, что советской власти служат иноверцы... меня интересовали причины ареста сестры Марии Бернацкой... говорил, что у Петлюры хорошо дают кушать и вообще живется недурно. С товарищем Волковым беседовал о вере христианской. Я заявил ему о том, что нехорошо со стороны сестры Никитиной, что она выдала сестру Бернацкую. Говорил, что по программе «вільна самостийна Україна» я был в селе Собычева... меня мобилизовал гетман, а потом я перешел к Петлюре. Насчет портовых рабочих говорил со слов одного рабочего об их возмущении и что советская власть шаткая и падет».

Протоколов допроса свидетелей и очных ставок в деле нет.

23 мая помощник уполномоченного по общим делам Радионов составил заключение по делу Данилевского, обвиняемого в «антисоветской агитации и работе в под-

польной петлюровской организации». В заключении сказано: «Данилевский — первая ласточка грядущей весны, почуяв возгласы и крики спекулянтов о продвижении ясно-вельможного пана Петлюры, затаивши свое дыхание, словно гад, в первую минуту торжества советской власти, начинает развивать свою подлую агитацию среди больных и санитаров 37-го полевого сводного госпиталя, где он устроился после ухода белых санитаром, думая прикрыть этой маской свою контрреволюционную деятельность. Желая воздействовать на бессознательную темную массу, рассказывая об успехах и качествах Петлюры и его войск, Данилевский быть может слишком рано стал вести агитацию в пользу Петлюры и как будто взявши в руки палку, думает, что он уже капрал, грозит убийством сестре Никитиной, выдавшей губЧК контрреволюционерку Бернацкую. Этот последний факт говорит за то, что он, как сознательный контрреволюционер, не научился благодаря своему монархическому воспитанию считать себя гражданином, а именует себя дворянином и является врагом советской власти и истинным защитником вильной самостийной Украины. Принимая во внимание, что Одесса находится в прифронтовой полосе, на которой распространяется военно-революционный суд, и что подобные смельчаки своими ложными провокационными слухами агитируют против советской власти, что разрушает тыл, безусловно играя на руку контрреволюции, предлагаю Данилевского расстрелять».

На документе резолюция «Согласен», подписанная заместителем уполномоченно Мисошниковым.

24 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Г. М. Данилевского по обвинению в «антисоветской агитации и работе в подпольной петлюровской организации», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 27 мая, когда дело было сдано в архив.

Реабилитирован 18 августа 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Данилевского пока невозможно.

2. В деле упоминается о репрессии еще одного человека — **Марии БЕРНАЦКОЙ**.

(Дело № 26962-п)

В ночь с **19 на 20 апреля 1920 года** Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

КОРОБКО Петр Михайлович (19 лет). Родился в 1900 (1901) году в городе Бендеры Бессарабской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование начальное, профессии не имел; беспартийный; холост. На момент ареста работал санитаром 3-го одесского хирургического госпиталя; жил при госпитале (ул. Троицкая, 37).

Основанием для ареста послужило письмо родным в Кишинев (датировано 1 апреля), которое Коробко собирался передать с санитаркой госпиталя, ехавшей туда. Письмо приложено к делу в качестве вещественного доказательства. В нем, в частности, говорится: «Я сейчас нахожусь в Одессе, жизнь кошмарная, трудно и тяжело переносить разлуку с вами, со своими друзьями и со всем Кишиневом... но нет возврата, нет воз-

можности бежать к вам. Здесь мне не жизнь, а настоящий ад, повсюду лишь видишь и чувствуешь запах крови... здесь власть жидов и коммунистов, которые проводят мобилизацию и мне поневоле приходится скрываться в военном госпитале... Спасение Бессарабии заключается лишь в том, чтобы не пришла к вам ни одна из русских партий, иначе будет твориться то же самое и у вас, что творится у нас здесь... Дороговизна страшная, да и нет ничего из-за проклятых жидов. Может быть, улыбнется судьба и я смогу попасть опять в свой родной город, но до этого еще много придется пострадать... Шлю вам и всему Кишиневу тысячу поцелуев...»

Как письмо попало в ОГЧК — в деле не указано. На конверте резолюции: от 16 апреля — в активную часть, от 17 апреля — дать адрес госпиталя.

Ордер № 1547 ОГЧК на арест и обыск оформлен 20 апреля. В приложенном к ордеру бланке без подписи и даты, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Обыск и арест под руководством товарища Новикова. Операцию произвести немедленно, так как с минуты на минуту может выехать. Дело за особым отделом». В протоколе обыска, проведенного той же ночью, указано, что при аресте изъяты личные документы, бумажник и 1422 рубля разными деньгами (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК). Кроме того, к делу подшита расписка уполномоченного (подпись неразборчива): «Отобранные при обыске товарища Коробко часы (металлические, с ремешком на руку) с разрешения товарища Нефедова для временного пользования получил». В протокол обыска и квитанцию отдела хранилищ ОГЧК о приеме ценностей эти часы, отобранные у арестованного, внесены не были.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Коробко (за месяц ведения следствия): 19 апреля (в ночь ареста) его допросил уполномоченный В. Григорьев и через десять дней, 30 апреля — помощник уполномоченного ОГЧК (подпись неразборчива).

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил высшее начальное училище, с 1915 по 1917 год служил табельщиком в бессарабском военном отряде, после его расформирования жил дома, в Кишиневе, торговал овощами. В августе 1919 года добровольно поступил рядовым в сводный батальон в Добрудже, через месяц бежал, находился в госпитале в Тирасполе, затем приехал с товарищем в Одессу и в ноябре устроился на работу в 3-й госпиталь. На первом допросе заявил, что причин ареста не знает и вины за собой перед советской властью не чувствует, против коммунистов ничего не имел и не агитировал. Признал, что написал письмо родным, так как давно их не видел. «Если я написал дурацкие строки, то лишь из нелюбви к евреям». На втором допросе признал свою «вину» перед советской властью.

22 апреля Центральное правление объединенного профсоюза медработников Одессы направило в ЧК отношение: «В ночь с 19 на 20 апреля сего года арестованы и препровождены в ЧК санитары 24-го хирургического госпиталя товарищи Александров (см. примечания, п. 2) и Коробков без предъявления к ним каких-либо обвинений. На основании декрета товарища Раковского от 2 марта сего года правление союза «Всемирный труд», членами которого состоят названные товарища, просит о немедленном рассмотрении дела их, и о причинах ареста просим сообщить правлению союза». Через пять дней, 27 апреля, на документ наложена резолюция: «К делу Александрова и Коробко». Ответ правлению профсоюза дан не был.

Протоколов допроса свидетелей и очных ставок в деле нет.

Через месяц, 18 мая, помощник уполномоченного активной части особого отдела ОГЧК Палушкин составил заключение по делу Коробко, обвиняемого в «агитации и злостной клевете против советской власти». В заключении приведены цитаты из письма, но сказано, что при допросе обвиняемый «изъявил сердечное раскаяние, говорит, что это по своей глупости сделал, и просит, чтобы его отправили на фронт, дабы искупить свою вину. Принимая во внимание, что Коробко по своей глупости написал это письмо и что кается, постановил: заключить Коробко в концентрационный лагерь до окончания гражданской войны и полной победы над белогвардейщиной с применением общественных принудительных работ, а дело о нем прекратить».

21 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело П. М. Коробко по обвинению в «контрреволюции», постановила: «Предъявленное обвинение в контрреволюции считать доказанным, его **расстрелять**». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 25 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Дело состоит из 11 листов. Кроме объяснения Коробко никаких других документов, подтверждающих либо опровергающих сказанное им, нет...»

Реабилитирован 29 июля 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств его контрреволюционной деятельности».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Коробко пока невозможно.

2. Возможно, упомянутый в документе от 22 апреля санитар Александров — это Владимир Александрович Александров (дело № 27173-п, см. описание на стр. 334–336). Но скорее всего — это еще один репрессированный, однофамилец **АЛЕКСАНДРОВ** (имя и отчество неизвестны, дела в фонде «П» нет), так как В. А. Александров арестован 1 апреля, а не 19–20 апреля, был не санитаром, а курсантом, в его деле служба в госпитале и фамилия Коробко не упоминаются, решение коллегии принято раньше, чем по делу П. М. Коробко, и предположительно расстрелян он тоже раньше.

(Дело № 26942-п)

20 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **БУТЕНКО Ефрем Зинович (Зилович) (38 лет)**. Родился в 1881 (1882) году в Киевской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование начальное, по профессии — торговец; беспартийный; женат, имел дочь 13 лет. На момент ареста торговал мороженым на Прохоровской площади; проживал в Одессе (ул. Колонтаевская, 60, кв. 5).

Обстоятельства ареста. Задержан и доставлен в комендатуру красноармейцами пулеметной команды при ЧК Юрашем и Воловенским. Там Юраш дал следующие показания: «Я был на базаре и зашел в будку поесть мороженое, дал 500 рублей, владелец будки отказался принимать советские деньги, начал скандалить и говорить, куда я их дену, когда уже белые и Тютюнник в 60 верстах и вас всех закопают... Говорил, что в Николаеве выступили против советской власти». Воловенский подтвердил эти показания.

В тот же день дежурный следователь обратился в секретный отдел ОГЧК: «Прошу выписать распоряжение на арест и обыск по Колонтаевской улице, 60, кв. 5 у граждани-

на Бутенко. Искать валюту и разную переписку контрреволюционного характера, сам Бутенко задержан и находится при комендатуре».

Ордер № 1571 ОГЧК на арест и обыск оформлен 20 апреля, после того как арестованный был доставлен в комендатуру ЧК. В протоколе обыска, проведенного в тот же день на квартире арестованного, указано: «ничего подозрительного не оказалось». При личном обыске отобраны перочинный ножик и 5500 рублей (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Единственный запроотоколированный допрос Бутенко провел 20 апреля дежурный следователь Иванов (один допрос за месяц ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый торгует мороженым с довоенных времен, что арестовавшие его покупатели хотели рассчитаться советскими деньгами, но он отказался их принять, так как не имел сдачи с 500 рублей и «получил 250 рублей под угрозой расстрела». Обвинения категорически отверг: «...Не говорил, что белые в 60 верстах... сотрудником контрразведки и осведомителем у белых не был... агитации против советской власти не вел... не говорил, что в Николаеве при мобилизации весь народ восстал против коммунистов и евреев».

К делу приобщены два заявления в ОГЧК торговцев Прохоровской площади, под которыми стоит около тридцати подписей (некоторые подписи повторяются). Оба не датированы, но одно из них зарегистрировано 25 апреля. В них говорится: «На Прохоровской площади угол Большой Арнаутской торгует в будке мороженым некий Бутенко, явный контрреволюционер, который ведет всячески погромную и контрреволюционную агитацию, торгует аннулированной и другими видами валюты... Узнав о его аресте... мы можем заявить следующее... часто собирал у себя в будке неизвестных и все говорил о том, что всем русским людям должна наконец надоесть вся преступная работа «жидов-коммунистов»... Для того, чтобы легче вести свою преступную противосоветскую пропаганду, он открыл себе будку, в которой и вел свою гнусную агитацию против рабоче-крестьянской власти... 20 апреля собрал толпу и говорил, что конец коммунистам и придет наша власть... Бутенко был секретным сотрудником белогвардейской контрразведки и выдавал коммунистов. Мы просим губЧК об изъятии гражданина Бутенко из общества как человека, безусловно, вредного для рабоче-крестьянской власти. Просим произвести у него на квартире тщательный обыск».

В качестве свидетелей 13 мая допрошены двое торговцев из подписавших заявление. Они показали, что знают обвиняемого уже несколько лет: «ругался по адресу коммунистов и советской власти... выдавал добровольцам евреев-коммунистов... также при добровольцах часто вертелся в кругу контрразведчиков... При советской власти он сказал в будке, что недолго большевики гулять будут, Тютюник уже в 60 верстах от Одессы, говорил со злобой, что недалеко то время, когда будут резать жидов и коммунистов... говорил: „Дураки крестьяне. Зачем они везут хлеб жидовской власти? А что им за это дадут? Бумажки. Вот придет наша власть, тогда с ними рассчитаются по-своему, с этими жидами-коммунистами“».

Один из свидетелей заявил: «Мое глубокое убеждение — Бутенко большой антисемит, погромщик, провокатор и агент контрразведки».

Другие свидетели не допрашивались. Очные ставки не проводились.

К делу подшиты два заключения, составленные помощником уполномоченного по общим делам Кугелем: развернутый черновик (дата составления не указана) и лаконич-

ный «чистовик» (от 18 мая). В первом говорится: «Как видно из опроса свидетелей и многочисленных заявлений в пользу обвинения Бутенко, последний занимался систематической контрреволюционной агитацией против советской власти, собирал в своей будке, где торговал мороженым, каких-то темных личностей, вел среди темной толпы гнусную агитацию за свержение рабоче-крестьянской власти. Как видно из опроса тех же свидетелей и поступивших заявлений, он только для вида открыл будку мороженого, где было удобнее спекулировать как товарами, так и валютой. А посему предлагаю применить к нему высшую меру наказания, как к злейшему врагу рабоче-крестьянской власти».

18 мая он же написал: «Рассмотрев дело № 1261 по обвинению гражданина Бутенко Ефрема Зиновича в контрреволюционной агитации и спекуляции, нахожу, что обвинение это доказано. А посему предлагаю гражданина Бутенко расстрелять».

20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело *Е. З. Бутенко по обвинению в «контрреволюции, агитации и спекуляции»*, постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 23 мая, когда дело было сдано в архив.

Реабилитирован 3 ноября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Бутенко пока невозможно.

(Дело № 27052-п)

20 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **КАРПОВ Трофим Анисимович (Онисимов, Анисович)**, он же **Троська** (кличка) (**19 лет**). Родился в 1900 (1901) году в Одессе; национальность не указана, из мещан; образование начальное, по профессии — приказчик; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места работы не имел; проживал в Одессе (ул. Успенская, 101).

Обстоятельства ареста. 6 марта в секретно-оперативную часть ОГЧСК поступило заявление сотрудника оперативной части Болотина: «В доме № 101 по Успенской улице в квартире смотрителя дома скрывается старший сын смотрителя, служивший в одесской контрразведке и при эвакуации добровольцев отправившийся в Румынию, но вынужден был вернуться домой». В тот же день дано распоряжение на арест и оформлен ордер № 371. Из-за болезни Карпов не арестован, но у его отца и брата взята подписка о том, что по его выздоровлении они немедленно сообщат в ОГЧСК. В результате обыска на квартире изъят патронташ (оставлен для использования в оперативной части ОГЧСК).

Арест произведен через полтора месяца. В удостоверении, выписанном в связи с этим домовым комитетом, указано, что Трофим Карпов арестован 20 апреля «двумя молодыми людьми у ворот дома без предъявления соответствующего ордера комиссару дома на право ареста его» и доставлен в комендатуру ОГЧК. Объяснение содержится в заявлении (без даты), которое подал уполномоченному по борьбе с контрреволюцией один из задержавших — помощник уполномоченного по борьбе с преступлениями по должности член РКП(б) Я. Миронов. Он утверждал, что задержанный по кличке «Троська» при Деникине якобы занимался шантажом: угрожая арестом, вымогал деньги у тех,

кто ранее служил у большевиков. «Такой же участи постиг и мой отец, который по указанию Троськи был арестован и препровожден в Александровский район, но за взятку был освобожден. Эвакуировавшись совместно с ЧК в прошлом году, то есть 23 августа, я оставил мою семью здесь без всяких средств, эти же Троськи и другие, которые через пару дней будут арестованы, занимались систематическими обысками и арестами и совместно с контрразведкой забрали все мои вещи...»

25 апреля на заявление Миронова уполномоченный М. Григорьев наложил резолюцию: «Завести дело. Арестованный находится в предварительном [заключении]».

Ордер № 1709 ОГЧК на арест и обыск оформлен 26 апреля, после того как арестованный уже неделю находился в заключении. В протоколе личного обыска, проведенного в тот же день, указано, что изъяты личные удостоверения.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколирован единственный допрос Карпова (дата проведения и фамилия следователя не указаны, один допрос за две недели ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый окончил народное училище, до 1918 года служил приказчиком на мануфактурном складе, затем был безработным, в 1919 году при советской власти поступил красноармейцем в 1-й интернациональный полк и служил в охране комендантского дивизиона. «За две недели до ухода советских войск я заболел брюшным тифом и попал в 1-й инфекционный госпиталь, где пролежал до прихода добровольцев... через два месяца по мобилизации попал в Добровольческую армию и служил в 48-м Одесском пехотном полку. Меня уговорил мой товарищ Жорж (фамилии я не помню), каптенармус, обещав мне выдать в первую голову английскую обмундировку, и я поступил. В этом полку я прослужил полтора месяца до эвакуации Добровольческой армии. Дойдя до Аккермана, нас повернули обратно. Я продал свою обмундировку какому-то крестьянину и пришел обратно в Одессу. В контрразведке я не служил».

К делу подшито удостоверение от 15 января 1920 года, отобранное у арестованного и подтверждающее, что он служил в 48-м Одесском пехотном полку вольноопределяющимся пулеметной команды 3-го батальона немцев-колонистов.

В качестве свидетелей допрошены пять человек, в основном проживавшие по Успенской улице (протоколы не датированы). Все они заявили, что Троська «занимался налетами и терроризировал все еврейское население улицы вместе с компанией, которая всегда собиралась в буфете по Успенской, 64».

Один из свидетелей сказал: «Когда мы отступали в августе 1919 года, он собрал группу своих товарищей и, обходя еврейские дома, искал коммунистов, брал деньги, чтобы не арестовывать. При денкинцах служил в государственном розыске, ловил и арестовывал многих, обвиняя в принадлежности к коммунистам».

Другой свидетель заявил: «Меня лично арестовал по указанию того же Карпова его соучастник надзиратель Фортушняк, а потом Карпов явился к моей жене и взял у нее пять тысяч рублей через мою золовку, и в тот же день меня выпустили».

Документов, свидетельствующих о розыске Фортушняка, в деле нет.

Очные ставки между обвиняемым и свидетелями не проводились. По существу обвинения он не допрашивался.

3 мая помощник уполномоченного по общим делам Зельцман составил заключение по делу Карпова, обвиняемого «1) в службе в уголовном розыске при добровольцах; 2) в том, что, служа там, он занимался вымогательством денег; 3) в грабежах и налетах». По-

вторив все обвинения, высказанные свидетелями, Зельцман написал: «Я лично убежден в том, что Карпов находился до последней минуты в какой-то шайке, потому что когда мы задержали в качестве заложника его, Карпова, отца, то последний, желая уведомить свою семью об этом, попросил разрешения поговорить по телефону. Ему позволили, и он говорил в моем присутствии; во время разговора старик употребил следующую фразу: «Маша, не ведите его сами, его могут отбить». На мой вопрос, кто его может отбить, я получил ответ: «Его товарищи». Я нахожу, что все вышеизложенное достаточно ярко говорит, кто таков Карпов «Троська», а посему предлагаю: применить к нему высшую меру наказания».

В тот же день уполномоченный по общим делам Кириллов наложил резолюцию: «С заключением Зельцмана согласен». (Документов, свидетельствующих о задержании в качестве заложника Анисима Карпова, в деле нет. — *Ред.*)

4 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело *Т. А. Карпова по обвинению в «контрреволюционной деятельности, выразившейся в грабежах и налетах, в службе в уголовно-розыскном отделении при белых и вымогательстве денег», постановила: «Обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — расстрелять, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 8 мая, когда дело было сдано в архив.*

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Постановление коллегии нельзя признать правомерным. На единственном допросе по делу Карпов заявил, что в контрразведке никогда не служил, коротко изложил свою биографию, ни о чем другом допрошен не был...»

Реабилитирован 14 июля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Карпова пока невозможно.

2. В деле упоминается о репрессии еще одного человека — **Анисима КАРПОВА**.

(Дело № 27442-п)

20 апреля 1920 года одесской уездной милицией без предъявления обвинения арестованы

МАЛОГА Александр (отчество не указано) (**20 лет**). Анкетных данных нет; православный. На момент ареста проживал в селе Усатово Одесского уезда Херсонской губернии;

ЧУМАЧЕНКО Анатолий Емельянович (**26 лет**). Анкетных данных нет; православный. На момент ареста проживал в селе Усатово Одесского уезда Херсонской губернии.

Обстоятельства ареста отражены в протоколе, который составил старший милиционер 12-го района Михаил Ловякин: «В ночь с 19 на 20 апреля по предписанию начальника 12-го района Галушки пошел арестовывать одного известного агента добровольческой контрразведки Анатолия Чумаченко, который во время пребывания добровольцев в селе Усатово выдавал и содействовал аресту коммунистов-большевиков и сам снимал допрос с задержанных и после расстрелянных товарищей». Документов, подтверждающих

дающих это обвинение, в деле нет. С Ловякиным было пять милиционеров и несколько понятых, но Чумаченко их не пустил ни ночью, ни утром; «пришлось призвать председателя районного ревкома Трофима Андрущенко — близкого родственника Чумаченко, которому он открыл дверь». Вместе с хозяином арестован находившийся в доме Малога.

В этом протоколе утверждается также, что арестованные сознались в содействии отряду контрразведки, участия в засаде над катакомбами, где скрывались члены районного ревкома, и что Чумаченко выдал Ивана Склера, впоследствии расстрелянного.

При обыске (протокол от 20 апреля) найдена записка, датированная 8 октября 1919 года: «Полагаю, что Анатолию Емельяновичу Чумаченко можно выдать удостоверение на право ношения оружия ввиду хорошей репутации и услуг, оказанных им моему отряду» (подпись начальника отряда неразборчива, печати нет). В протоколе обыска указано, что у Чумаченко найдено удостоверение Добрармии на право ношения оружия; такого удостоверения в деле нет.

В тот же день опрошен односельчанин Александр Помазов, который сообщил следующее: «Когда я скрывался в катакомбах и со мною многие другие, то Чумаченко сидел все время над катакомбой с лампой, желая нас поймать и отправить в контрразведку». При этом допрашиваемый уточнил: «Показание мое основано на пересказах жителей Усатого». Больше никто из односельчан допрошен не был, очные ставки не проводились.

20 апреля арестованные доставлены в уездную милицию, а 21 апреля — в комендатуру ОГЧК. На сопроводительном отношении — резолюция комендатуры: «Выписать ордер на арест, арестованные находятся в тюрьме при ЧК».

Ордер № 1679 ОГЧК на арест и обыск обоих оформлен без указания даты, после того как арестованные уже несколько дней находились под стражей. На основании этого ордера 25 апреля произведен их личный обыск, при котором ничего не обнаружено.

Постановления о содержании под стражей, анкет арестованных, протоколов их допросов, протоколов очных ставок, заключения по делу нет.

Через месяц после ареста, 18 мая, помощник уполномоченного по общим делам Альбинский на протоколе личного обыска арестованных написал: «Полагал бы обвиняемых Чумаченко и Малога расстрелять».

*20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело А. Малоги и А. Е. Чумаченко по обвинению в «контрреволюционной деятельности», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к ним высшую меру наказания — **расстрелять**, вещи, забранные при обыске, конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 23 мая, когда дело было сдано в архив.*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Дело состоит из 9 листов, какие-либо доказательства совершения преступления отсутствуют».

Реабилитированы 3 ноября 1994 года заключениями прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения ими преступления».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Малоги и Чумаченко пока невозможно.

(Дело № 27051-п на 2 человек)

20 апреля 1920 года Одесским губернским ревтрибуналом без предъявления обвинения арестован

ПОДОЛЬЦЕВ Василий Михайлович (56 лет). Родился в 1863 (1864) году в городе Керенске Пензенской губернии; русский (?), из мещан; образование начальное, по профессии — чиновник-канцелярист; беспартийный; женат, имел двоих сыновей 22 и 3,5 лет. На момент ареста служил делопроизводителем административного стола тюремно-карательного подотдела при юридическом отделе городского Совета рабочих депутатов; проживал в Одессе (ул. Греческая, 9, кв. 10).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, причиной послужили сведения о прежней службе Подольцева, упомянутые в показаниях письмоводителя одесской городской богадельни А. Селина в 1909 году и в представлении заведующего тюремно-карательным подотделом, поданном в апреле 1920 года в атком губернского юротдела (вероятно, аттестационная комиссия). Во втором документе говорится: «Делопроизводителем административного стола тюркара в настоящее время состоит Подольцев, назначенный на эту должность по постановлению коллегии юротдела от 8 апреля как зарегистрировавшийся специалист тюремного дела, согласно приказу, опубликованному в № 47 «Известий Одесского губернского революционного комитета». Товарищ Подольцев действительно является незаменимым специалистом тюремного дела как служивший несколько лет директором-секретарем бывшего тюремного комитета и прекрасное знание тюремного дела доказал своей службой в тюремно-карательном подотделе в 1919 году, продолжавшейся до занятия Одессы добровольцами. Ввиду этого просим о признании его незаменимым специалистом тюремного дела».

20 апреля государственный обвинитель при ревтрибунале Петр Иванов принял постановление: «Рассмотрев представление заведующего тюркара о признании... гражданина Подольцева незаменимым работником и копию показаний письмоводителя конторы одесской городской богадельни от 4 января 1909 года Арсения Селина, усматривая из этих документов, что гражданин Подольцев... в дореволюционный период по роду своей службы имел соприкосновение с политическим розыском, постановил: 1) Снести с коллегией губюротдела на предмет отчисления гражданина Подольцева от занимаемой должности; 2) Обследование его деятельности при добровольцах поручить ОГЧК...»

Этим же числом председатель ревтрибунала Н. Тимофеев принял в отношении Подольцева иное постановление: «подлежит немедленному аресту и препровождению в губЧК для расследования его деятельности».

Ордер № 1585 ОГЧК на арест и обыск оформлен без указания даты, после того как Подольцев был доставлен в комендатуру ОГЧК. В протоколе обыска, проведенного 21 апреля на основании этого ордера, указано, что изъято одно удостоверение.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Подольцева (за месяц ведения следствия): 20 апреля его допросил дежурный следователь Иванов и через три недели, 14 мая, (после решения коллегии о доследовании) — помощник уполномоченного по общим делам Альбинский. В протоколах и собственноручных показаниях арестованного, написанных 24 апреля, содержатся некоторые факты его биографии.

Происходит из бедной семьи, образование смог получить только начальное (окончил начальное училище), постоянно занимался самообразованием и только упорным трудом добился положения. На родине, в Керенске, дослужился до должности секрета-

ря земской управы, уже в те годы печатал в столичных газетах «Санитарное дело» и «Судебная газета» критические статьи. Изучив стенографию, уехал в Петербург, но не смог найти работу и отправился в Польшу, поскольку там мещанам разрешалось поступать на государственную службу. В городе Плоцке выдержал экзамен на чин и через двенадцать лет службы стал правителем канцелярии губернатора. В начале 1900-х переехал в Одессу, шесть лет служил в одесском градоначальстве чиновником для особых поручений, следующие десять — правителем канцелярии градоначальника.

«Когда я состоял чиновником особых поручений, то производил дознание по административным расследованиям о преступлениях по должности подчиненных градоначальнику должностных лиц, обыкновенно о действиях чинов полиции, изредка о низших служащих городского общественного управления. В политическом розыске никогда не участвовал, производил только административные расследования». По поводу взятия показаний у Селина в 1909 году при одном из таких расследований пояснил, что эти действия были вызваны «жалобой престарелых мужчин и женщин на плохое питание в городских богадельнях, где служил А. Селин» и что «дело было прекращено без всяких для обвиняемых последствий».

С основной службой совмещал еще несколько должностей: директора-секретаря тюремного комитета, директора двух детских приютов, председателя мастерских увечных воинов, председателя русского комитета беженцев, управляющего делами комитета беженцев. Этот комитет ведал более чем двадцатью тысячами беженцев, во время войны смог организовать для них 22 общежития и курортное лечение, открыл столярную мастерскую для увечных воинов, при детском приюте построил больницу, прачечную, цейхгауз, организовал приют-корабль на воде для ста мальчиков («ныне занятый авиационным отрядом»); в тюрьме открыл библиотеку, устраивал чтения для заключенных, организовал бурение артезианского колодца на тюремном огороде и многое другое.

«В 1919 году при приходе советской власти в кассе градоначальства оставалось 1,5 миллиона рублей. Мои чиновники настаивали, чтобы сумма эта была поделена между ними, я не согласился». В мае поступил на должность делопроизводителя тюремно-карательного подотдела, служил до августа, когда в Одессе установилась власть белогвардейцев. При них «в соответствии с приказом о механическом вступлении всех прежних чиновников в должность я занял должность правителя канцелярии одесского градоначальника. Через месяц пришел новый штат, я был переведен начальником отдела общих дел. Но пошли на меня доносы, что я служил при советской власти и ей передал 1,5 миллиона казенных денег из кассы градоначальника, что произносил приветственную речь при приходе советской власти. В наказание переведен в Николаев начальником отдела общих дел, где прослужил около месяца. По приходе советской власти вернулся в Одессу и поступил делопроизводителем тюремно-карательного подотдела... У меня семья из пяти человек, они голодают...»

В завершение показаний написал: «Спросите любого одессита, тот скажет, что Подольцев честнейший человек и большой труженик. Я всегда был чужд политики и не был реакционером».

Протоколов допроса свидетелей и очных ставок в деле нет.

28 апреля помощник уполномоченного по общим делам Альбинский составил заключение по делу Подольцева, обвиняемого в «контрреволюции». В заключении повторяются показания обвиняемого и далее говорится: «Не составляет секрета, что прави-

тели канцелярий губернаторов и градоначальников при царском режиме являлись фактически хозяевами и вершителями судеб. Несомненно, что таковым был и Подольцев при целом ряде градоначальников в большей или меньшей степени. Также составлял для градоначальников черносотенные верноподданнические отчеты. Также непосредственно руководил политическим розыском в пределах предоставленной градоначальнику власти. Несмотря на то, что в деле имеется представление заведующего тюркаром о признании обвиняемого незаменимым специалистом тюремного дела, тем не менее было бы опасно для социалистического строительства не только оставлять его на советской службе, но и вообще на свободе. Я не думаю, чтобы человек 56 лет скоро изменил свои черносотенные убеждения и стал действительно сочувствовать советской власти. Он только перекарасился. Как человек умный и способный он понял, что будущность принадлежит не Николаям, не Деникиным и пр., а коммунистическому Интернационалу. В связи с этим он и пытается примазаться к административному учреждению советской власти. Обследовать деятельность Подольцева при добровольцах нет возможности. Кто поручится, что он не шпик деникинской контрразведки? Он 16 лет был покорным слугой царских палачей в деле политического сыска. На основании вышеизложенного полагал бы: гражданина Василия Михайловича Подольцева заключить в концентрационный лагерь до окончания гражданской войны, где он великолепно может применить свои знания тюремного дела».

3 мая это заключение утвердил уполномоченный по общим делам Кириллов, а 4 мая коллегия ОГЧК постановила доследовать дело относительно служебной деятельности Подольцева «как вредного для советской власти элемента, прислужника царизма, выжившей в службе при градоначальниках и губернаторах в ответственных должностях».

17 мая (после второго допроса арестованного) помощник уполномоченного Альбинский в новом заключении написал: «Вторично рассмотрев дело, в связи с данными, добытыми доследованием, нахожу: сам обвиняемый Подольцев признается в том, что с приходом в Одессу добровольцев в 1919 году он служил у них на должности правителя канцелярии одесского градоначальника и затем был переведен на ту же должность в Николаев. Таким образом, и при добровольцах он имел прикосновение к политическому розыску. Принимая это во внимание, нахожу нужным применить к обвиняемому высшую меру наказания по мотивам, изложенным в моем первоначальном заключении по этому делу».

*20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело В. М. Подольцева по обвинению в «службе у добровольцев и в прислужничестве царской власти», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 23 мая, когда дело было сдано в архив.*

Реабилитирован 27 августа 1991 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения к ответственности».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Подольцева пока невозможно.

(Дело № 24605-п)

20 апреля 1920 года административно-юридическим отделом при коменданте Одессы и порта «по подозрению в контрреволюции» арестован

ШЛЕЗИНГЕР (ШЛЕЙЗИНГЕР) Григорий Семенович (29 лет). Родился в 1890 (1891) году в Одессе; еврей, из служащих; образование не указано, по профессии — торщик; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места службы не имел, проживал в Одессе (Книжный пер., 13, кв. 10).

Обстоятельства ареста из дела не ясны. В одном из документов упоминается, что Шлезингер доставлен в комендатуру неким Жанро.

Ордер № 648 админюротдела на арест и обыск оформлен 20 апреля, адрес указан приблизительно: «Книжный пер., 9-3-5-7».

В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты переписка и фотографии.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Шлезингера (за месяц ведения следствия): 20 апреля его допросил военный следователь административно-юридического отдела Заторский, 21 апреля — следователь того же отдела Лисовский.

В протоколах записано, что допрашиваемый в середине 1919 года вместе с группой политэмигрантов вернулся из Франции в Россию, приехал в Одессу, жил у родных, работу найти не мог. Из-за материальных обстоятельств один месяц служил в контрразведке белых, но «никакого вреда коммунистам не сделал... чтобы не впасть в подозрение, арестовывал спекулянтов». Назвал фамилии четверых человек, в арестах которых участвовал; в дальнейшем они были освобождены за выкуп. На втором допросе упомянул, что в Париже работал в газете вместе с Троцким. «По своим убеждениям я далеко не контрреволюционер... выслан из Франции за признание мною советской власти».

В качестве свидетелей 20 апреля допрошены двое из названных Шлезингером людей. Оба подтвердили, что их арестовала контрразведка добровольцев при непосредственном участии Шлезингера, но затем они выкупились.

24 апреля комендант города подписал справку, копия которой находится в деле: «Дана сия в том, что арестованный Шлейзингер (так в документе. — *Ред.*), приведенный товарищем Жанро, есть действительно контрразведчик, выдавший много коммунистов белогвардейщине, как он сам Шлейзингер сознался. В числе жертв такового входит и товарищ Батханов, начальник пересыпской комендатуры. Дело контрразведчика Шлейзингера за № 721 в числе других контрразведчиков, открытых товарищем Жанро, сего числа препровождается в ОГЧК».

29 апреля заведующий административно-юридическим отделом при коменданте Одессы и порта Тудоровский постановил направить дело Шлезингера в ОГЧК.

Данных о доследовании в ОГЧК в деле нет.

Не позднее 20 мая (дата не указана) помощник уполномоченного по общим делам Ильин вместо заключения по делу написал записку (сохраняем написание оригинала. — *Ред.*): «Рассмотрев дело № 364 обвиняемого в службе в контрразведке гражданина Шлезингера Григория Семеновича, обвиняемый сознался, применить высшую меру наказания».

20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Г. С. Шлезингера по обвинению в «службе в контрразведке», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**».

Деньги, вещи и имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 23 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Допрошенный в качестве обвиняемого (обвинение не предъявлялось) Шлезингер показал, что работал в контрразведке один месяц. За это время он оказал помощь в получении удостоверения просоветски настроенным лицам и коммунистам. Будучи в этом заподозренным, он видимость работы демонстрировал на спекулянтах. Свидетели Гутман и Пекелис конкретно о деятельности Шлезингера во время его службы у белых ничего не показали».

Реабилитирован 8 августа 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле нет совокупности доказательств его контрреволюционной деятельности».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Шлезингер, Шлейзингер. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в части следственных документов — Шлезингер.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Шлезингера пока невозможно.

3. Вероятно, часть документов в прошлые годы из дела изъята, так как в описи, составленной в 1920 году, кроме имеющихся документов указаны: паспорт, удостоверение, загранпаспорт, записки и бумаги на иностранных языках, 46 фотографий. В настоящее время эти документы в деле отсутствуют.

(Дело № 26939-п)

21 апреля 1920 года военкомом одесского эвакуопункта без предъявления обвинения арестован

ЧИРСКИЙ Владимир Антонович (31 год). Родился в 1888 (1889) году в Каменец-Подольске Могилевского уезда Подольской губернии; русский, происхождение и образование не указаны, по профессии — учитель; беспартийный; женат. На момент ареста служил народным учителем; проживал в деревне Мащовино (поселок «Самопомощь»).

Обстоятельства ареста отражены в отношении военкома эвакуопункта Михаила Вуля, направленном в ОГЧК 21 апреля: «Препровождается задержанный виднейший организатор контрреволюционного восстания в Брацлавском уезде, лично принимавший участие в погромном движении и лично в тюрьме надо мною глумился. При добровольцах в Брацлаве преследовал коммунистов. Смею надеяться, что он будет причислен к числу самых ярых врагов советской власти и понесет должное наказание».

Ордер № 1625 ОГЧК на арест и обыск оформлен 23 апреля, после того как арестованный уже два дня находился при комендатуре ОГЧК. В протоколе личного обыска, проведенного также 23 апреля, в графе об изъятом имуществе — прочерк.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Чирского (за месяц ведения следствия): предположительно в день ареста (дата не указана) его допросила дежурный следователь Николава и почти через месяц, 18 мая — помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Чумаченко.

В протоколах записано, что допрашиваемый до 1914 года сдал экзамен на народного учителя и преподавал в Могилевском уезде Подольской губернии. В годы войны был на фронте, служил вольноопределяющимся в 205-м Шимахинском полку и был произведен в прапорщики. В 1917 году как нестроевой офицер командовал 751-м военным транспортом, затем в Брацлаве служил адъютантом уездного коменданта. Тогда и произошел инцидент с Вулем, породивший личные счеты между ними. «При гетмане товарищ Вуль был арестован за растрату и передан в распоряжение уездного коменданта. Я как адъютант коменданта прочел ему постановление на арест. На вопрос Вуля, что ему за это будет, я ответил: «Повесят или расстреляют, что Вам больше нравится»... Признаю, что ответил довольно резко... Дело было передано судебному следователю, и через некоторое время Вуль был освобожден из тюрьмы». Далее рассказал, что при установлении советской власти весной 1919 года по заявлению Вуля был арестован, но 1 мая освобожден. «За свой необдуманный ответ я понес наказание вполне достаточное, так как сидел в тюрьме и был уверен, что буду расстрелян».

После освобождения собирался вступить в Красную армию, уже готовился приказом его назначении казначеем в Брацлавский советский караульный батальон, но помешало восстание крестьян. «В день восстания меня и прочих бывших офицеров повстанческий комитет мобилизовал для водворения порядка в городе, что мы и старались сделать... Тогда было много евреев... При наступлении советских войск я ушел в Гайсинский уезд, там был насильно мобилизован в 1-й петлюровский полк, но при первой возможности дезертировал и вернулся в Брацлав». Участие в погромах категорически отрицал и назвал людей, которые могут подтвердить, что он противник погромов. Когда пришли добровольцы, устроился младшим писарем в комендантское управление. Утверждал, что при добровольцах в Брацлаве никто не был ни расстрелян, ни арестован. О своей службе сказал: «Я не арестовал ни одного политического работника, в погромах не участвовал. Служил, чтобы семье не умереть с голоду». Вскоре после установления советской власти был задержан красноармейцами на улице, так как не имел при себе документов, и около двух месяцев находился в одесской тюрьме; освобожден несколько дней назад. «Сегодня собирался уехать с братом, чтобы поступить на советскую службу и принести пользу», но встретил Вуля и был им задержан.

На первом допросе заявил: «Обвинение Вуля неправильное». На втором сказал: «К тому, что показал в первый раз, ничего добавить не могу. Я действительно не контрразведчик, мое искреннее желание — служить в Красной армии». Назвал свидетелей из брацлавской парторганизации и сотрудников ЧК, которые могут подтвердить его лояльность.

5 мая подольский губвоенком подал председателю Одесского губревкома прошение: «При ОГЧК находится в заключении брат помощника подольского губвоенкома товарища Чирского — Владимир Чирский. По следственному материалу никаких явных улик преступления не имеется. Между тем Владимир Чирский до сих пор находится в заключении. Исходя из того, что многие офицеры, не зная истинных принципов и правоты советской власти, слепо служили деникинской и петлюровской армии, я как член Подольского губревкома и подольский губвоенком, а также мой помощник товарищ Чирский просим под нашу личную ответственность освободить из заключения... Владимира Чирского, ибо, работая под личным наблюдением, он безусловно искупит свое заблуждение и вину... ставши честным работником советской власти. С коммунистическим приветом».

В качестве свидетелей допрошены два человека: 10 мая — задержавший Чирского военком и 14 мая — секретарь Одесского губпарткома.

Первый показал, что при смене власти был арестован как бывший председатель Брацлавского ревкома и что Чирский его неоднократно допрашивал в тюрьме и издевался над ним. «В 1919 году я арестовал Чирского, но через два месяца его выпустили... По словам многих, он принимал участие в бандитских выступлениях в Брацлаве... Считаю его дегенератом, так как он сам сын евреев и сам же бил евреев... Он немного ненормален, потому что одновременно принимал участие в погромах и укрывал евреев».

Второй свидетель заявил, что лично Чирского не знает, но слышал, что тот в 1919 году якобы был «руководителем и организатором антисоветского восстания и главарем бандитских шаек в Брацлавском и Гайсинском уездах».

20 мая помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Чумаченко составил заключение по делу: «Ввиду определенных преступлений против советской власти, числящихся за Чирским Владимиром Антоновичем, как например, показывает свидетель военком эвакупункта товарищ Вуль — коммунист московской организации о том, что он издевался над ним в тюрьме в Брацлаве и устраивал погромы. Другой же свидетель Кантолинский — секретарь отдела пропаганды и агитации при губпарткоме, коммунист одесской организации Городского района, который показывает, что в бытность им заведующим агитпросветным уездвоенкома в Гайсине получал сведения, где Чирский фигурировал как главарь бандитских и погромных шаек и организатор противосоветских восстаний. На основании вышеизложенного предлагаю вышеуказанного Чирского — расстрелять».

20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело В. А. Чирского по обвинению в «контрреволюции и погромах в Каменец-Подольском», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, все отобранное конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 23 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Обвинение Чирскому построено на показаниях свидетеля, у которого предвзятое отношение к нему не вызывает сомнения. Его показания Чирский категорически отрицал и заявил, что, временно находясь на службе у белых, спас от расстрелов многих мирных граждан».

Реабилитирован 19 октября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Чирского пока невозможно.

2. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для проверки ранее составленной аннотации сотрудником архива УСБУ изъят из дела л. 5 — отношение военкома эвакупункта М. Д. Вуля.

(Дело № 27034-п)

22 апреля 1920 года административно-юридическим отделом при коменданте Одессы и порта по обвинению в «контрреволюции» арестован

АНДРУСЕНКО Диомид (Деомид) Калистратович (43 года). Родился в 1876 (1877) году в селе Капустино Капустинской волости Пириятинского уезда Полтавской гу-

бернии; национальность, происхождение, образование и профессия не указаны; беспартийный; женат, имел троих детей. На момент ареста постоянного места работы не имел; проживал в Одессе (ул. Нежинская, 30, кв. 6).

Основанием для ареста послужила записка заведующего культпросветом: «При сем препровождается бывший полицейский в местечке Смеле Андрусенко» (написана карандашом на клочке бумаги, подпись неразборчива, даты нет).

22 апреля военный следователь административно-юридического отдела Филатов на основании этой записки принял постановление о содержании арестованного под стражей по обвинению в «контрреволюции». Содержался на гарнизонной гауптвахте.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, анкеты арестованного в деле нет.

Через пять дней, 27 апреля, арестованный написал заявление на имя коменданта Одессы и порта: «При заключении меня под стражу 22 сего апреля в комендантском управлении мною было прочитано постановление о содержании под арестом по обвинению меня в контрреволюции. В чем именно заключалась с моей стороны контрреволюция, то есть в службе или каких-либо действиях против советской власти или лиц, мне ничего не было известно, так как до сих пор меня еще никто не допрашивал. Заявляя о вышеизложенном, покорно прошу Вас сделать распоряжение о скорейшем меня допросе, на котором я могу выяснить возведенное на меня обвинение и со своей стороны указать свидетелей, уроженцев из Смелы Киевской губернии, ныне живущих в Одессе и очень хорошо знающих меня, показаниями которых я мог бы опровергнуть возведенные на меня обвинения. Поясню при этом, что лицо, меня задержавшее, говорило мне, что задерживает меня, во-первых, за то, что я, состоя на службе при добровольцах, присутствовал при аресте его помощником пристава в Смеле, и кроме того будто бы участвовал с кем-то в погромах. Все эти обвинения несправедливы и что наверное это я могу доказать целым рядом свидетелей».

Единственный запроотоколенный допрос Андрусенко провел 28 апреля военный следователь административно-юридического отдела Заторский (почти через неделю после ареста, один допрос за месяц ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый в годы войны с Германией служил в 127-м пехотном Путиловском полку; в 1918 году, при Петлюре и гетмане, служил милиционером на станции Бобринская, а в 1919-м — участковым надзирателем в селе Константиновка и других селах Смелянской волости. При советской власти неделю прослужил в Одесском губернском статистическом бюро в должности статистика, в остальное время жил за счет продажи личных вещей.

О службе надзирателем показал: «Заявляю, что в должности надзирателя состоял полтора месяца, после того как произошел развал Добрармии и начался разгул темного элемента... Борьбу вел исключительно с темным элементом и исполнял функции расследований по поводу открытого хищения лошадей казаками... Боясь мести, я должен был уехать, дабы не пасть жертвой их... С партийными работниками я борьбы не вел и их не преследовал». Сказал также, что в 1919 году в Смеле во время погромов при Григорьеве и добровольцах у него на квартире скрывались две еврейские семьи.

Заявил, что не знает ни арестовавшего его человека, ни причины ареста. Назвал имена и одесские адреса людей, которые могут подтвердить его лояльность к советской власти.

Протоколов допроса свидетелей и очных ставок в деле нет.

1 мая заведующий судной частью при коменданте Одессы и порта принял постановление о передаче дела в ОГЧК (подпись неразборчива). 6 мая он же направил в ОГЧК отношение: «При сем препровождается арестованный Андрусенко для проведения дополнительного расследования». 10 мая в ОГЧК на это отношение наложена резолюция: «Уполномоченному по борьбе с контрреволюцией».

18 мая помощник уполномоченного по общим делам М. Кутель написал заключение: «Рассмотрев дело № 1654 по обвинению гражданина Андрусенко Деомиды Калистратовича в контрреволюционной деятельности, нахожу, что данное дело нуждается в дальнейшем расследовании».

Данных о расследовании дела в ОГЧК нет.

20 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Д. К. Андрусенко по обвинению в «контрреволюции и службе надзирателем в государственной страже при белых», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, имущество, принадлежащее ему, конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 23 мая, когда дело было сдано в архив.

К делу подшито еще одно постановление коллегии — от 4 сентября 1920 года. Рассмотрев вопрос о «приостановленных приговорах», коллегия постановила: «Приговор над гражданином Андрусенко Д. К. привести в исполнение». Дата сдачи дела в архив на нем не проставлена; на первом же постановлении не отмечено, что приговор приостановлен и указана дата сдачи дела в архив; поэтому можно предположить, что Андрусенко был расстрелян еще в мае.

В 1994 году дело пересмотрено. В процессе пересмотра УСБУ направило в ГИЦ МВД России и ИЦ УВД Одесской области запросы о дате «приведения приговора в исполнение». Из Москвы ответили, что сведениями не располагают, из Одессы — что решение ОГЧК о расстреле принято 20 мая. Других данных нет.

В заключении прокурора сказано: «Допрошенный в качестве обвиняемого Андрусенко признал, что он действительно служил надзирателем при белых, при этом вел борьбу с «темным элементом». Но эти показания неконкретные и другими доказательствами не подтверждены».

Реабилитирован 20 февраля 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле нет совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. К делу приложено изъятое при обыске письмо Андрусенко жене, которое он не успел отправить из-за ареста. В нем он, в частности, пишет: «Я участвовал в переписи населения Одессы и работал шесть дней, сдал работу 21 апреля, но денег за это еще не получил. Назначено до 2000 руб. В настоящее время опять без работы. В том комитете, куда я ходил регистрироваться, мне отказали, пояснив, что отказано ввиду того, что будто бы я продал в Одессе бриллиантов на 80 тысяч рублей и в пособия не нуждаюсь...»

Я виделся с дочерью Крупникова Олей, ездившей в Смелу и бывшей в нашем доме. Она сообщила, что все наше движимое имущество забрано... посторонними...

В Одессе в настоящее время тоже дороговизна: хлеб ржаной 35 и 40 руб. за фунт, белый — 70 руб., сахар песок — 350 руб., рафинад — 500 руб., сало — до 400 руб., картофель — 25 руб., масло коровье — до 500 руб., масло подсолнечное — выше 200 руб., соль мелкая — 75 руб., крупная — 65 руб., мясо свиное — выше 200 руб. Пайкового хлеба да-

ют полфунта на человека в день. В комитете, где отказали в поддержке, сказали, что если у меня во время погрома находились евреи, необходимо представить какие-нибудь доказательства и потом они сделают, что нужно. А так как без содействия комитета службу или занятие найти трудно, то мне такая бумага необходима, а Яновские и Теверовские живут в Смеле, то если будет тебе возможно, сходи к ним и проси их, чтобы они от имени исполкома, или управы, или комиссара, или от какой-нибудь другой советской власти выдали тебе удостоверение о том, что в августе 1919 года во время прихода в Смелу добровольцев, когда казаки производили погромы еврейских домов и насилие над девушками, у Д. К. Андрусенко укрывались такие-то или просто евреи в течение недели. Удостоверение это передай мне через Крупникова...

Крепко целую тебя, Маню, Колю и Володю. Насчет поездки твоей в Одессу я и сам не знаю как писать. Смотри ты и сама. Там нехорошо, и здесь неважно.

Остаюсь твой, Д. К. Андрусенко.

22 апреля 1920 года».

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Андрусенко пока невозможно.

3. Вероятно, часть документов в прошлые годы из дела изъята, так как в описи, составленной в 1920 году, кроме имеющихся документов указаны: билет биржи труда за № 4525, паспорт за № 314, пакет, удостоверение статистического бюро, два бланка и удостоверение заводского комитета, свидетельство о выполнении воинской повинности за № 5402. В настоящее время их в деле нет.

(Дело № 27169-н)

22 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **ГАРСТИНГ Георг-Генрих (31 год)**. Родился в 1888 (1889) году, место рождения не указано; англичанин, подданный Великобритании, происхождение не указано; образование начальное, по профессии — торговый посредник; беспартийный; женат. На момент ареста — служащий мануфактуры; проживал в Одессе (ул. Садовая, 16, кв. 4).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, арестован по доносу соседей или как иностранный подданный.

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

13 июня губЧК без предъявления обвинения арестован

ПИТЛЕНКО (ПЫТЛЕНКО, ПЕТАЛЕНКО) Виталий Витальевич (48 лет). Родился 26 февраля 1872 года в селе Пирогои Кременчугского уезда Полтавской губернии; украинец, из личных дворян; образование начальное, профессии не имел; православный, беспартийный; вдовец. На момент ареста не работал, инвалид (страдал эпилепсией); проживал в Одессе (ул. Садовая, 16, кв. 4).

Обстоятельства ареста. Питленко квартировал у арестованного ранее Гарстинга. 13 июня явился в комендатуру ЧК с прошением от домового комитета о выдаче на поруки своего арестованного хозяина (как заместителя председателя домкома, притом человека аполитичного и слабого здоровьем) и сам был арестован «для выяснения личности». Основанием для ареста послужил донос на него члена КП(б)У Тительмана: «Проходя мимо комендатуры ГЧК, я заметил одного субъекта с корзиной и мальчиком, который направлялся в справочное бюро. Я его знаю как бывшего генерала... так что меня удивило, когда он направлялся в ГЧК. Обо всем вышеизложенном доложил в коменда-

туру». В тот же день дежурный следователь принял постановление о содержании Питленко под стражей.

Судя по материалам дела, ранее на арестованного также доносил сосед по квартире — военнослужащий А. Немов.

Запротоколированы два допроса Питленко (за пять месяцев ведения следствия): 13 июня его допросил дежурный следователь С. Дновский, в протоколе второго допроса не указаны ни дата, ни фамилия следователя.

В протоколах записано, что допрашиваемый объяснил свой приход в комендатуру желанием помочь арестованному ранее Гарстингу, а по существу обвинения показал, что болеет с 18 лет, до 1908 года проживал в Кременчуге и в деревне, занимался сельским хозяйством, затем переехал с женой в Одессу; в армии не служил: «не был ни генералом, ни полковником, ни нижним чином». (Протоколы состоят из нескольких фраз).

17 июня Питленко заключен в ДОПР. Через две недели, 1 июля, его перевели в тюремную больницу «вследствие общего нервного расстройства, сопровождающегося эпилептическими припадками».

Гарстинг оставался в тюрьме без допросов и предъявления обвинения около трех месяцев. Спустя почти два месяца после ареста, 16 июня, он и другой подданный Великобритании — Джон-Иосиф Мак-Гинес подали заявление в рабоче-крестьянскую инспекцию при ОГЧК из пересыльного отделения одесской тюрьмы, где их содержали под стражей. «Мы арестованы на своих квартирах в ночь на 22 апреля по ордерам ОГЧК и вместе с другими иностранно-подданными заключены в тюрьму. Никаких обвинений нам до сего дня предъявлено не было, и никакой вины за собой не чувствуем. Мы люди труда... С английской буржуазией ничего общего не имеем и живем в России десять лет. Нашим заключением наши семьи поставлены в крайне тяжелое положение, не имея средств к жизни... Ввиду изложенного и ссылаясь на постановление 4-го Всеукраинского съезда Советов просим освободить нас из заключения». Зарегистрировано заявление в секретном отделе ОГЧК через месяц — 20 июля. Резолюция: «Приобщить к делу». (Дела на Джона-Иосифа Мак-Гинеса в фонде «П» нет. — *Ред.*)

В конце июня в ОГЧК подано донесение: «В первых числах апреля сего года в особый отдел 41-й дивизии поступили сведения, что... некий Гарстинг есть добровольческий шпион... а его эконо́м, живущий под вымышленной фамилией Питленко, — бывший жандармский полковник». Эти сведения сообщила своему приятелю бывшая прислуга Гарстинга, уволенная им якобы за то, что «вела себя подозрительно». В донесении подчеркивается, что после ареста обоих подозреваемых «необходим обыск квартиры». Резолюция: «Срочно. К сведению».

Ордер № 3792 ОГЧК на арест и обыск Питленко оформлен 25 июня, после того как арестованный уже двенадцать дней находился под стражей. В ордере также дано указание на обыск и задержание «по усмотрению в кв. 2 и 3 по Садовой, 16». В результате квартира № 4, где жили Гарстинг и Питленко, со всем их имуществом и квартира № 2 с вещами прежних хозяев (состоятельной семьи генерала), оставленными им на хранение, были опечатаны. В соседней квартире № 3 также изъято имущество, и в протоколе обыска сделана приписка, что производивший обыск комиссар оперативной части Вольский взял «на временное пользование» кожаный портфель одного из жильцов. А 29 июня уполномоченный ОГЧК по борьбе с контрреволюцией Калиновский получил мандат на конфискацию «всего имущества в опечатанной квартире Питленко и Гарстинга».

1 июля в президиум ОГЧК подал заявление Немов, который занимал одну из комнат упомянутой квартиры и, как следует из косвенных упоминаний в документах, ранее сообщил в секретно-оперативный отдел «об одном контрреволюционном деле, касающемся Питленко». Заявитель просил о содействии в связи с конфискацией имущества из квартиры № 2: «Сейчас товарищем Калиновским забираются вещи, не хотят оставить мебель в моей комнате». На документе резолюция: «Ввиду того, что благодаря товарищу Немову удалось достать много сведений и также были взяты большие ценности, ходатайствую о том, чтобы необходимая часть конфискуемой мебели была оставлена под ответственность Немова во временное пользование». На обороте перечень вещей, оставленных заявителю (18 наименований, в том числе картины).

Изъятые у арестованных и их соседей имущество сдано в отдел хранилищ ОГЧК 25 июня и 2 июля. В нескольких квитанциях перечислены 299 наименований, в том числе: 54 рубахи, 65 полотенец, 18 простыней, белье, носильные вещи, обувь, посуда, мебель и многое другое, а также ящик столового серебра (весом более 30 фунтов), 32 тысячи рублей, 2 тысячи австрийских крон, несколько тысяч германских марок.

Единственный допрос Гарстинга датирован 14 июля (фамилия следователя не указана). В собственноручных показаниях, записанных им в протоколе этого допроса, говорится: «Лишь на 84-е сутки моего заключения в тюрьме я первый раз вызван к следователю, объявившему, что в первых числах апреля поступил донос, будто я служил в добровольческом шпионаже... С презрением и отвращением отвергаю предъявленное мне обвинение, ибо по моим понятиям и характеру нет более гнусного и низкого преступления, как шпионаж». В России он прожил более десяти лет, был торговым посредником в Москве, Киеве, Харькове и Одессе, работал от мануфактуры и суконной фабрики; «политикой никогда не занимался и считал своим долгом всегда в чужой стране подчиняться законам существующей власти». Приехав в Одессу, купил квартиру у генеральши, вдовы Моисеевой-Лашкевич, одну из комнат сдал Питленко, одинокому болезненному человеку, за некоторую помощь по хозяйству. Поначалу держал прислугу, но поскольку средств не хватало, рассчитался с нею и уволил. «С приходом советской власти ко мне чуть ли не ежедневно стали появляться разные инспектора с целью произвести опись мебели и реквизировать квартиру... Я получил от жилотдела мандат о неприкосновенности моей квартиры и мебели... Донос на меня является голословным и бездоказательным. Прошу дать очную ставку с доносчиком». (Очная ставка не проводилась).

Гарстинг высказал также предположение, что его и других иностранцев держат в качестве заложников.

Согласно справке от 23 августа 1920 года, по распоряжению губЧК Гарстинг из тюрьмы отправлен в концлагерь. Следственных документов за август в деле нет.

12 сентября Питленко подал заявление в рабоче-крестьянскую инспекцию при ОГЧК с просьбой ускорить разбор дела, так как уже несколько месяцев его содержат в больнице при ДОПРе, где у него участились припадки эпилепсии, граничащие с сумасшествием; свиданий с родными не разрешают, допросов не проводят. Из врачебного заключения от 15 сентября следует, что, несмотря на лечение, его состояние за месяцы, проведенные в тюремной больнице, ухудшилось, он нуждается в санаторном лечении и особом уходе.

В июле и сентябре были допрошены несколько свидетелей: смотрители домов, соседи и знакомые Питленко, которые утверждали, что он необразован, болен падучей бо-

лезню и правосторонней паховой грыжей и ни в армии, ни в жандармерии служить не мог, подобное обвинение «не имеет под собой почвы». В прошлом — помещик, жил на средства жены, а после ее смерти — за счет того, что оказывал различные услуги знакомым. Вопросов о Гарстинге ни одному из свидетелей не задавали.

К делу подшита выписка из протокола заседания малой коллегии Одесской губЧК от 5 ноября 1920 года, на котором рассматривалось дело Гарстинга и Питленко по обвинению в «контрреволюционной деятельности». Как следует из выписки, было принято постановление дело прекратить и арестованных освободить. Документы, подтверждающие освобождение, отсутствуют; более того, эта выписка противоречит другим документам.

Так, на обложке дела есть запись, что в октябре 1920 года дважды отправлялись запросы в Киев «о присылке обвинительного материала по делу жены Гарстинга»; ни запросов, ни ответов на них в деле нет. В 1925 году Одесский отдел ГПУ на запросы центральных и республиканских органов ответил, что сведения об освобождении Гарстинга «являются результатом канцелярской ошибки в регистрации 1920 года», в подтверждение чего прилагаются личное дело Гарстинга и копия протокола заседания большой коллегии ОГЧК от 28 октября 1920 года (в деле № 5691-п этих документов нет). В другом запросе упомянут некий акт, имеющийся в личном деле Гарстинга. Но поскольку акты составлялись, как правило, или на расстрел, или в связи со смертью заключенного, то можно предположить, что осенью 1920 года Г.-Г. Гарстинг скончался.

Вероятность освобождения Питленко более высока, так как через пять дней после заседания малой коллегии, 10 ноября, помощник уполномоченного по общим делам и бандитизму Нудель (он проводил в сентябре допросы свидетелей) составил заключение по делу, в котором Гарстинг уже не упоминается. В заключении сказано: «Питленко Виталий Витальевич — инвалид-эпилептик, содержится в губтюрьме для выяснения личности... донесение о том, что он есть полковник, не соответствует действительности, а установлено, что он бывший помещик. Считаю, что он является совершенно безвредным в политическом отношении к советской власти и по удостоверениям врачей душевно больной. А потому предлагаю Питленко Виталия Витальевича из-под стражи освободить, дело прекратить и сдать в архив, вещи конфисковать». Здесь же указаны номера квитанций, по которым 2 июля в отдел хранилищ ОГЧК было сдано имущество не только Питленко, Гарстинга и бывшей хозяйки квартиры, но и изъятые в соседних квартирах.

Окончательного решения по делу нет.

К делу приложены документы, согласно которым в 1925 году В. В. Питленко вновь подвергся репрессиям — за то, что, легально выезжая за границу, якобы пытался по просьбе знакомых вывезти их ценные бумаги и имущество. Тогда же одесский отдел ГПУ завел на него новое дело — по обвинению в «шпионаже» (статьи 66 и 70 УК УССР), по которому срок наказания исчислялся с 18 июня 1925 года.

Постановлением особого совещания при коллегии ОГПУ от 19 февраля 1926 года Питленко заключен в концлагерь сроком на 3 года и направлен в Соловецкие лагеря особого назначения. Однако вскоре постановление было изменено, и 29 апреля 1926 года тот же орган принял постановление о замене заключения лишением права проживания в 6 п. п., означенных губерниях и пограничных губерниях на весь оставшийся срок.

В июне 1926 года Питленко в качестве административно высланного прибыл из Кемского пересыльного пункта на поднадзорное поселение в Полтаву. На работу устроиться не смог, нуждался, страдал припадками эпилепсии. На протяжении двух лет многократно обращался в ВУЦИК, республиканские и центральные органы ГПУ с ходатайством о помиловании и разрешении выехать на лечение за границу «по причине прогрессирующей болезни и старческой немощи». В конце 1926 года на запрос из приемной председателя ВУЦИКа Петровского начальник ОУУ ГПУ УССР Иванов ответил, что Питленко «является антисоветским элементом и поэтому считаем, что разрешить ему выезд за рубеж ни в коем случае невозможно».

В июне 1927 Полтавский отдел ГПУ УССР дал иной ответ: «противоречия с нашей стороны о его досрочном освобождении нет» — поднадзорный политически не опасен, это больной пожилой человек. Тем не менее на все последующие просьбы Питленко не последовало ни одного ответа. 25 июля 1928 года в заявлении на имя начальника ГПУ УССР Балицкого он пишет, что срок его наказания истек 18 июня, но он до сих пор не освобожден, и в очередной раз просит разрешения на выезд за границу, «где родные изъявили согласие взять меня на попечение», поскольку он очень болен, инвалид, нуждается «в хирургической операции, возможной лишь в Берлине».

Хронологически последний документ дела — запрос в Москву в ОГПУ от 10 августа 1928 года, направленный из ГПУ УССР, о возможности применить к Питленко амнистию (несмотря на то, что срок наказания уже истек). Ответа на запрос нет. Дальнейшая судьба В. В. Питленко неизвестна.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты фамилии подсудимого: Питленко, Пытленко, Петленко. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подсудимого и написание его фамилии в личных документах, изъятых при обыске — Питленко.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях до сих пор остаются «секретными», поэтому указать действительное решение по делу Гарстинга и Питленко 1920 года нет возможности.

3. В документах упоминается еще один репрессированный — **Джон-Иосиф МАК-ГИ-НЕС**. Его дела в фонде «П» нет.

(Дело № 5691-п на 2 человек)

22 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

КИРИЛЮК Александр Федорович (31 год). Родился в 1888 (1889) году в Балтском уезде Подольской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование начальное, по профессии — военный, прапорщик; беспартийный; женат, отец годовалого ребенка. На момент ареста постоянного места службы не имел; проживал в Одессе (ул. Южная, 20, кв. 2).

Основания для ареста в деле не представлены. Возможно, они были изложены на первых трех (ныне отсутствующих) листах дела, которые упоминаются в постановлении о прекращении дела как материалы разведки ОГЧК.

Ордер № 1603 ОГЧК на арест и обыск оформлен 22 апреля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте помимо личных документов изъяты:

40 рублей серебром, цейссовский бинокль, кортик, четыре креста всех степеней (один из них — золотой), серебряная и бронзовая медали, серебряный нагрудный знак, а также верхняя одежда, нижнее белье и другие вещи (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколирован единственный допрос Кирилюка (дата и фамилия следователя не указаны, один допрос за месяц ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый получил домашнее образование, был призван рядовым на действительную службу, в годы войны с Германией воевал на Юго-Западном и Румынском фронтах, в 1917 году демобилизовался в чине прапорщика, принимал активное участие в выступлениях железнодорожных рабочих и матросов против Петлюры и гайдамаков. В 1918-м служил в Тирасполе в Слободском полку, «выступал против румын по охране порта Красного побережья Черного моря». В 1919 году при советской власти служил в Одессе в отряде по охране порта. При белых поступил в резерв госстражи, но должности не имел: «нас посылали в караул по охране различных учреждений, складов и в ночной дозор... никакого участия в политической работе не принимал, к контрразведке и госрозыску отношения не имел... С приходом советской власти нахожусь дома, на службе не состою, живу на то, что продаю вещи жены... я нигде не регистрировался по причине боязни во время всеобщей регистрации».

В качестве единственного свидетеля допрошен бывший сослуживец по армии (дата допроса в протоколе не указана). Сказал, что знаком с Кирилюком с 1914 года, служили в 14-м стрелковом полку, где тот был взводным командиром 8-й роты. «После переворота 1917 года я встречался с ним в Одессе... вновь встретились при добровольцах в 1919 году, он сказал, что служит в Добрармии».

19 мая помощник уполномоченного ОГЧК (подпись неразборчива) принял постановление по делу, в котором указал: «...На основании материала разведки ОГЧК, опросов и свидетельских показаний нашел: Кирилюк Александр в контрразведке не служил, а потому постановил его из-под стражи освободить и направить на фронт, дело о нем прекратить».

21 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело А. Ф. Кирилюка по обвинению в «службе в контрразведке», постановила: «Предъявленное обвинение считать недоказанным, его из-под стражи **освободить**, дело прекратить и сдать в архив. Вещи **возвратить**». *Данных об освобождении и возврате имущества в деле нет.*

Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о реабилитации, в результате прекращения дела ОГЧК, отсутствуют.

Примечание.

В 2004 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъяты из дела лл. 1–3 — вероятно, агентурные данные; в описи документов обозначены как «сведения о Кирилюке».

(Дело № 5655-п)

23 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **ОЗЕРОВ Василий Эммануилович (Мануилович) (40 лет)**. Родился в 1879 (1880) году в имении Мановском Осташковского уезда Тверской губернии; русский, из дворян; образование среднее специальное, по специальности — военный моряк, капи-

тан дальнего плавания 1-го ранга; православный, беспартийный; женат, имел сына. На момент ареста служил начальником морской обороны побережья Черного моря (район Овидиополь — Очаков); проживал в Одессе (ул. Нежинская, 30, кв. 21).

Первоначально в феврале 1920 года заведено дело на полтора десятка человек, «подозреваемых в контрреволюции», в том числе на Озерова, Острецова (арестован 7 июня, проходит по этому же делу), Сафронова (в фонде «П» его дела нет, следственное дело № 207) и Фокина (арестован 2 марта, расстрелян по постановлению ОГЧК от 23 апреля, дело № 26921-п, описание см. на стр. 236–237. — *Ред.*). Однако большинство людей из этого списка разысканы не были.

Основанием для ареста Озерова послужил рапорт заместителя заведующего секретным оперативным отделом РТЧК (со ссылкой на рапорты комиссара-оператора И. Гейкве от 13 и 16 марта), поступивший в ОГЧК 26 марта, а также две выписки из показаний арестованного ранее Фокина. В рапорте Озеров и еще несколько сотрудников штаба обороны Черного моря названы провокаторами. На документе резолюция: «Товарищу Гинтеру для разработки». Согласно показаниям Фокина, Озеров служил в контрразведке в отделе пропаганды.

По распоряжению помощника уполномоченного по борьбе с контрреволюцией секретно-оперативного отдела губЧК Е. Баленкова 5 апреля выписан ордер № 1132 на обыск и арест Озерова. При проведении обыска выяснилось, что он болен возвратным тифом, и с комиссара дома было взято письменное обязательство не выпускать Озерова из квартиры и немедленно сообщить о его выздоровлении в ЧК. 17 апреля врач выдал свидетельство, что «приступы сопровождаются у больного высокой температурой, опуханием селезенки и упадком сердечной деятельности. Необходим полный покой и лежание в кровати впредь до выздоровления». Однако уже 23 апреля заведующий общим отделом ОГЧК дал указание «сегодня же арестовать Озерова обязательно». На ордере № 1667, оформленном в тот же день, приписка: «Взять площадку и с кроватью перевезти в лазарет».

Повторный обыск произведен 23 апреля, и хотя ничего компрометирующего обнаружено не было, больной арестован и доставлен в губЧК. (7 июня выписан еще один ордер на его же арест, № 3322, когда он уже полтора месяца находился под стражей).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы три допроса Озерова (почти за три месяца ведения следствия): 16 мая, через три недели после ареста, его допросил помощник уполномоченного Палюшкин и месяц спустя, 17 июня — помощник уполномоченного Ильин; в третьем протоколе дата и фамилия следователя не указаны.

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил 4 класса реального училища и морское училище, до войны служил на Балтийском военном флоте в Гельсиндорфе, командовал заградителем «Ильмень», с 1918 года — командир Одесского военного порта, в марте 1920 года назначен начальником морской обороны. Подтвердил знакомство по службе с Фокиным как заведующим плавучими средствами порта; заявил, что отношения у них были хорошими. Сообщил, что при добровольцах был смещен с должности по подозрению в большевизме, находился под следствием за командование Одесским военным портом при большевиках в 1918 и 1919 годах; его неоднократно вызывали на допросы в контрразведку также в связи с его ходатайствами об освобождении матросов-коммунистов, в том числе и Фокина. Чтобы иметь средства для существования, служил

по вольному найму в акционерном обществе «Русская культура» заведующим внешней экспедицией. С установлением советской власти в 1920 году назначен на должность начальника отряда судов обороны побережья Черного моря, затем — начальника морской обороны побережья Черного моря. Службу в контрразведке категорически отрицал. Назвал имена многих коммунистов, которые могут подтвердить его показания, в том числе и тех, о ком ходатайствовал при белогвардейцах. Судя по имеющимся документам, никто из них вызван на допрос не был.

В качестве единственной свидетельницы допрошена жена Фокина (дата допроса в протоколе не указана). Она заявила, что Озеров спаивал ее мужа, а при добровольцах, когда муж был арестован, Озеров выступал свидетелем.

7 июня 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

ОСТРЕЦОВ Александр Иосифович (Иосипович) (52 года). Родился в 1867 (1868) году в Черниговской губернии; национальность не указана, из дворян; образование высшее, по специальности — железнодорожник, кадровый офицер, капитан; беспартийный; женат, имел дочь. На момент ареста служил помощником заведующего по передвижению войск Одесского района; временно проживал в Одессе (гостиница «Биржа», ул. Пушкинская, угол ул. Полицейской, к. 8), постоянное место жительства — Киев.

Обстоятельства ареста. Арестован по ордеру № 3321 от 7 июня, в котором назван не Острецовым, а Островским. С Озеровым знаком не был, но в числе других упоминался в рапорте сотрудника РТЧК от 26 марта — как служивший в охранке Винницы в период добровольцев. В протоколе обыска, проведенного также 7 июня, указано, что при аресте изъяты служебные документы и личная переписка, «комната с вещами и продуктами опечатана до распоряжения губЧК».

Через три дня, 10 июня, дежурный следователь принял постановление о содержании арестованного под стражей по обвинению в «контрреволюции». Анкета арестованного отсутствует.

Единственный запроотоколенный допрос Острецова провел 17 июня помощник уполномоченного Ильин (через десять дней после ареста, один допрос более чем за месяц ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый окончил кадетский корпус, военное училище и высшее железнодорожное училище. До войны служил на Московской Курской железной дороге, затем на Южных железных дорогах (станция Славянск) в должностях заведующего кондукторскими бригадами и помощника ревизора движения. В годы войны был на фронте, командовал ротой 27-го пехотного запасного полка: «...Я сам — капитан в отставке, производство чинов получил на фронте. После демобилизации в 1918 году приехал в Киев к семье, поступил на службу в караульный полк. В январе 1919 года вместе с министерством финансов украинской Директории выехал из Киева в Винницу, поступил в караульный полк по охране города в качестве часового». В декабре караульный полк отправили в Одессу, где через несколько дней его арестовали белогвардейцы «за приверженность советской власти». В 1920 году, после восстановления в Одессе советской власти, освобожден и назначен на военную службу. Связь с добровольцами категорически отрицал.

Протоколов допроса свидетелей и очных ставок в деле нет.

22 июня помощник уполномоченного по общим делам Ильин составил заключение по делу Озерова, обвиняемого в «службе в контрразведке», Острецова, обвиняемого в

«службе в охранке», и других неразысканных лиц, «подозреваемых в контрреволюции». В заключении сказано, что Озеров — дворянин, капитан 1-го ранга, «обвиняется в службе в морской контрразведке в отделе пропаганды, обвинение отрицает. Нахожу его виновность доказанной показаниями гражданина Фокина Пантелеймона, расстрелянного за контрреволюционную деятельность 23 апреля сего года... Полагал бы применить к обвиняемому Озерову высшую меру наказания — расстрелять. Обвиняемого Острецова усматриваю за мало совершенную враждебность к советской власти и сознавшемуся в службе у добровольцев не в охранке, а по охране Винницы, в караульной команде и как арестованного добровольцами за приверженство и тяготение к советской власти, полагаю обвиняемого из-под стражи освободить, выдать принадлежащие документы». В заключении предписывается принять меры к розыску еще 12 человек, подозреваемых в контрреволюции, точно установить их биографии, службу и работу при добровольцах.

12 июля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев следственное дело № 624, постановила:

В. Э. Озерова, обвиняемого в «службе в контрразведке», **расстрелять** и вещи конфисковать (дата расстрела не указана, так же как и дата сдачи дела в архив);

А. И. Острецова, обвиняемого в «службе в охранке в Виннице», из-под стражи **освободить**;

дело передать в стол розыска (для розыска остальных).

Вероятно, Острецов был освобожден, так как на пустом конверте есть надпись от 16 июля: «Все документы и личную переписку получил», подпись — Острецов. Дальнейшая судьба неизвестна.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «...Решение о расстреле не вытекает из материалов дела. Допрошенный по этому поводу Озеров службу в контрразведке белых категорически отрицал, каких-либо доказательств этого в деле нет».

Реабилитированы 6 декабря 1994 года:

Озеров — заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона СССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

Острецов — справкой прокуратуры, что дело в отношении его прекращено постановлением ОГЧК от 12 июля 1920 года, в результате чего он реабилитирован.

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Озерова пока невозможно.

2. В деле хранится несколько документов на арест других лиц, также упомянутых в рапорте заместителя заведующего секретным оперативным отделом РТЧК. По указанию уполномоченного по общим делам Кириллова следовало «операции производить вечером часов в 12. Искать переписку и документы. Приобщить к делу № 624» (следственное дело на Озерова, Острецова и др.). В деле подшиты:

— ордер № 3319 от 7 июня на арест Анатолия СУСЛОВА, проживавшего по ул. Новосельского, 99, кв. 9. Домовой комитет сообщил, что он и его жена выписались и выехали 18 марта 1920 года, но в фонде «П» есть дело № 26947-п на Анатолия Николаевича Сусло-

ва, арестованного в ночь с 17 на 18 апреля и расстрелянного по постановлению коллегии ОГЧК от 7 июня 1920 года, см. описание на стр. 396–398);

— ордер № 3320 от 7 июня на арест Бориса Владимировича СОЛОВКИНА, проживавшего по ул. Успенской, 13, кв. 6. Домовой комитет сообщил, что тот выписался и выбыл 13 февраля 1920 года;

— список имен и адресов людей, большая часть которых указана на обложке следственного дела № 624 как проходящих по этому делу: Константин Степанович ШУЛОВИЧ (ШУМОВИЧ), проживавший по ул. Нежинской, 46; Григорий Федорович ГРОС (ГРЕСС), проживавший по Обсерваторному пер., 17; Николай Александрович НАСОНОВ, проживавший по ул. Гоголя, 13; Георгий Стефанович КОРНИЕНКО, проживавший по Театральному пер., 4; Борис Федорович ХАРИТОНОВ, проживавший по ул. Екатерининской, 25; Константин Петрович АРХАНГЕЛЬСКИЙ, проживавший по ул. Московской, 6; СИДОРОВЫ (без указания имен и адреса).

Кроме Озерова, Острецова, Шуловича, Гроса, Сулова, Соловкина на обложке следственного дела № 624 записаны Иван ШИНКЕВИЧ, ПОДАГОВСКИЙ, ШЕСТАКОВ, ДВИШИН, сестры СТЕПАНОВЫ; дело начато 2 февраля и окончено 22 июня 1920 года.

Ни на кого из них дел в фонде «П» нет, их судьбы неизвестны.

3. В 2001 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъяты из дела лл. 18–27 — предположительно рапорты сексотов, по которым был составлен сводный рапорт, послуживший основанием для ареста.

(Дело № 27100-п на 2 человек)

25 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестованы **БЕЛЯЕВ Игнатий Поликарпович (30 лет)**. Родился в 1889 (1890) году в Николаеве Херсонской губернии; русский, из мещан; образование среднее специальное, по специальности — моряк торгового флота; член ВКП(б); женат, имел четверых детей от 5 лет до 1 года. На момент ареста — председатель коллегии областного управления Черноморского водного транспорта; проживал в Одессе (ул. Дерibasовская, 4, кв. 5);

КАМИНСКИЙ (КАМЕНСКИЙ) Даниил Тимофеевич (34 года). Родился в 1885 (1886) году в Николаеве Херсонской губернии; национальность и происхождение не указаны; образование среднее специальное; по профессии — кадровый офицер, капитан, специальность — артиллерист; беспартийный; женат, имел двоих детей. На момент ареста постоянного места работы не имел; проживал в Одессе (ул. Пироговская, 3, кв. 11);

СЕМИСЕНКО Александр Александрович (28 лет). Родился в 1891 (1892) году в Николаеве Херсонской губернии; национальность и происхождение не указаны; образование незаконченное высшее; специальность не указана; беспартийный; холост. На момент ареста — студент 3-го курса Харьковского технологического института; проживал в Одессе (ул. Пироговская, 3, кв. 11).

Основанием для ареста Беляева послужили заявления члена КП(б)У Николая Кремлянского, вызванные служебным конфликтом. При обыске у Беляева найдены письма Каминского и Семисенко родственникам в Николаев, куда он должен был ехать в командировку, и поэтому взялся отправить эти письма на месте из-за плохой работы междугородней почты. В тот же день Каминский и Семисенко арестованы из-за содержания их писем.

В середине апреля председатель коллегии Черноводтрана Н. А. Кремлянский обратился в ОГЧК и в райком партии по поводу «неблагонадежности» члена коллегии Беляева.

18 апреля член коллегии ОГЧК Уральцев, ссылаясь на эти сведения, написал заведующему секретно-оперативным отделом ОГЧК Дейчу записку с пометкой «секретно»: «По Дерibasовской, 4 живет Игнатий Поликарпович Беляев, бывший член коллегии водного транспорта в 1919 году. В настоящее время у него собираются на квартире какие-то подозрительные личности и ведут какие-то заседания. У него, между прочим, находится пишущая машинка. Необходимо сделать обыск ночью у него на квартире, выемку бумаг. Послать сотрудника опытного и в связи с обыском арестовать».

Ордер № 1663 ОГЧК на арест и обыск оформлен 23 апреля. В приложенном к ордеру бланке, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Операцию производить под руководством помощника уполномоченного по общим делам Вихрова. Дело числить за ним же».

24 апреля в коллегию Черноводтрана из Москвы пришла телеграмма: «По распоряжению наркома пути Троцкого Кремлянский отстраняется от должности с немедленной сдачей председательства коллегии Беляеву... Главвод Якушев».

В связи с этим в тот же день партком Морского района постановил создать следственную комиссию по делу Беляева, которая «к двум часам должна собрать все материалы». На заседании комиссии, состоявшемся также 24 апреля, Кремлянский сообщил, что 23 августа 1919 года в момент ухода советской власти из Одессы Беляеву были выданы из кассы 80 тысяч рублей, принадлежащие областному управлению Черноводтрана и якобы он до сих пор не отчитался об их расходовании. Кроме того, при денкинцах он служил помощником капитана на пароходе «Александр». Председатель райкомвода заявил, что за время работы Беляева членом коллегии «был замечен наплыв среди штата служащих нежелательных элементов, производились дружеские назначения». Два других свидетеля сказали о том же.

25 апреля Беляев был арестован. В протоколе обыска указано, что изъяты личные и служебные документы, более 88 тысяч рублей разными деньгами, в том числе аннулированными, и другие ценности. На обороте протокола приписка: «Деньги, золото и бумаги получил полностью. М. Григорьев» (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Каминский и Семисенко арестованы в тот же день, 25 апреля, на основании ордера № 1702 ОГЧК, согласно которому «товарищу Тимошенко поручается произвести обыск... и задержать всех подозрительных граждан Одессы». В приложенном к ордеру бланке без даты и подписи, начинающемся словами «К сведению комиссара и следователя», написано: «Операцию производить под руководством Григорьева и Вихрова. Дело числить за уполномоченным по борьбе с контрреволюцией товарищем Григорьевым».

В протоколе обыска Каминского указано, что при аресте изъяты 141 тысяча рублей аннулированных денег, три печати, нагрудный знак петроградской художественной школы, орден святого Владимира с мечами, серебряная медаль 4-й степени за храбрость (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

В протоколе обыска Семисенко в графе об изъятом имуществе стоит прочерк.

Постановлений о содержании под стражей и анкет арестованных в деле нет.

Запротоколированы два допроса Беляева (25 апреля и 6 июня), два допроса Каминского (6 мая и 6 июня) и единственный допрос Семисенко (6 мая). Протоколы допросов

И. П. Беляев. Фотография в удостоверении от 22 ноября 1919 года

последних двоих кроме кратких анкетных данных содержат лишь по несколько строк показаний. Ни в одном из документов не указана фамилия допрашивавшего арестованных сотрудника ОГЧК (судя по почеркам, 6 мая допросы проводил уполномоченный Янов, а через месяц, 6 июня — помощник уполномоченного Зайцев). Следствие велось около трех месяцев.

В протоколах, а также изъятых при обыске личных документах Беляева, содержатся следующие сведения.

Беляев получил специальное морское образование, служил на торговых судах, с июня 1917 года был председателем николаевского союза моряков, в 1918-м — капитаном Николаевского порта и членом исполкома, с 1919 года работает в Главном управлении водного транспорта, состоит членом московской партийной организации. В марте 1919-го был делегирован на Украину верховной коллегией Главвода в качестве уполномоченного по Украине «для содействия Украинскому Совету народного хозяйства в деле проведения национализации торгового флота и создания органов управления» (мандат подписал председатель верховной коллегии Я. Рудзутак); в апреле был утвержден президиумом совнархоза Украины в должности члена коллегии отдела водного транспорта; в мае командирован «в качестве ревизора-инспектора в Одессу, Херсон и Николаев для организации на местах отдела водного транспорта». В мае — июле 1919 года состоял заместителем председателя коллегии водного транспорта Укрсовнархоза. С этого времени вступил в конфликт с Кремлянским, прибывшим в Одессу из Грузии (подробности изложены в заявлении Беляева, написанном после ареста; см. приложения, п. 3).

По поводу обвинений заявил: «Я не признаю себя виновным в том, что в прошлом 1919 году во время эвакуации советской власти из Одессы я забрал из кассы Черноводтрана 80 тысяч рублей, принадлежащие Черноводтрану, а также и в контрреволюционных деяниях. Когда я был послан из Москвы как уполномоченный в Одессу, то мне дано было право получить для нужд моей работы из кассы 3 миллиона рублей, на кои я обязан был дать оправдательные документы в Москве. По уходе советской власти из Одессы я взял из кассы Черноводтрана находившиеся там на хранении 80 тысяч рублей, из коих дал эвакуирующимся сотрудникам Суркову и Баранникову и еще некоторым около 60 тысяч рублей. На все 3 миллиона рублей я имею оправдательные документы. Копии их я передал товарищу Сергееву для того, чтобы он отвез их в Москву, а подлинники я думал отвезти сам, так как предполагал туда ехать».

О службе в Добрармии показал следующее: «В октябре 1919 года я был мобилизован в Севастополе добровольцами и через несколько дней получил отставку по чистой, в чем и выданы мне удостоверения за № 1774 и 36071». (Эти удостоверения приложены к делу; в них комиссия врачей при Севастопольском морском госпитале констатировала, что Беляев болен неврастенией и хроническим заболеванием клапанов аорты, «к несению военной службы не годен». Есть также медицинское свидетельство, выданное 5 августа в Одессе в Черноводтране о том, что Беляев болен неврастенией, малокровием и неврозом сердца, которые «усилились с момента заболевания гриппом»). В ноябре 1919 года был командирован Одесским портовым управлением в Константинополь в качестве помощника капитана на пароходе «Кавказ».

Относительно писем, найденных у него во время обыска, пояснил, что когда он собирался ехать в командировку в Николаев (о чем знали сотрудники Черноводтрана), инженер Стефан Каминский дал ему пакет с просьбой бросить в почтовый ящик в Нико-

лаеве. «Что было в пакете и содержание его я совершенно не знал». (Самих писем в настоящее время в деле нет, но в следственных документах упоминается, что два из них написал брат Стефана — Даниил Каминский родителям и жене, а третье — его приятель Александр Семисенко — Александру Петровичу Семисенко, возможно, отцу. — *Ред.*)

Обвинение в том, что у него собираются «какие-то подозрительные личности и ведут какие-то заседания», категорически отверг: «Ко мне на квартиру, за исключением товарища Сергеева и Братковского, никто не приходил».

Дал подробные объяснения по поводу всех документов, отображенных у него при обыске.

В завершение показаний заявил: «Все это обвинение выдумал гражданин Кремлянский для того, чтобы от меня избавиться и дискредитировать в глазах масс. Зная, что я знаю много, что могло бы его скомпрометировать...»

Каминский окончил реальное училище, Киевское военное училище и офицерскую школу воздухоплавания. С 1911 года служил офицером в Очаковской крепостной артиллерии, в годы войны с Германией воевал на Северном фронте. В 1917 году работал в Николаеве в демобилизационной комиссии заведующим инженерным отделом, в марте 1918-го — в морском арсенале заведующим отделом артиллерии. При добровольцах был мобилизован и отправлен на фронт против Махно и Петлюры. Затем был под следствием в Николаеве, после чего рядовым отослан в часть. После этого был эвакуирован в Одессу и назначен временным командиром батареи (в связи с болезнью прежнего командира), командовал батареей восемь дней. Там же служил Семисенко.

Объяснил, что изъятые у него при обыске аннулированные деньги были выданы ему в период временного командования батареей (на продовольствие, фураж, дрова и т. д.). Назвал свидетелей, которые могут подтвердить его показания.

По поводу передачи писем в Николаев пояснил, что почтовой связи не было, поэтому искали оказию.

«Беляева никогда не знал. Письмо же я передал Беляеву через моего брата — служащего РОПИТа, который подведомствен водному транспорту... В письме я указал, что на службу в контроль не поступаю, так как не хочу быть отправлен в Балту или Вознесенск...»

На допросе 6 июня сказал: «Меня уже дважды допрашивали следователи (есть только протокол от 6 мая. — *Ред.*) и объявили мне и Семисенко оправдательный приговор об освобождении. Я подтверждаю все, сказанное мною на предыдущих допросах. Больше показать ничего не имею».

Семисенко по окончании гимназии поступил в институт, в годы войны мобилизован, в 1916 году учился в Сергиевском артиллерийском училище, затем отправлен на фронт, до января 1918 года воевал в составе 41-й отдельной полевой тяжелой дивизии. После демобилизации полгода работал на артиллерийском складе, затем устроился в Николаеве электромонтером на электростанцию; при гетмане один месяц служил в артиллерийской бригаде.

В 1919 году при советской власти состоял в запасном дивизионе и с июля — в каральном батальоне; с сентября 1919 по январь 1920 года был делопроизводителем в Добровольческой армии.

«Кроме написанного в письме добавить ничего не могу. Выражался резко против советской власти ввиду нервного расстройства после тюремного расследования. Беляева никогда не видел и не знал... Каминских знаю, так как наши родители — сослуживцы...»

К делу приложена справка медицинского освидетельствования Семисенко при Одесском военном госпитале от 20 апреля 1920 года о том, что он перенес сыпной тиф и страдает малокровием и слабосилием.

В качестве свидетелей допрошены семь человек (24 и 25 апреля, 5 и 6 июня, 10 июля), шестеро — о Беляеве, один о братьях Каминских. Ни один человек из знавших Семисенко вызван на допрос не был.

Хозяйка квартиры, в которой жил Беляев в 1919 году при советской власти и в 1920-м, показала: «ничего плохого за ним не замечала. Он как в прошлом году, так и в настоящем никогда пьяным не был. Во время эвакуации советской власти в прошлом году Беляев и Румянцев оставили у меня много документов, чтобы я их спрятала. Его знакомых я совершенно не знаю».

Инженер, познакомившийся с Беляевым в декабре 1919 года, объяснил, что часто звонил ему потому, что просил «посодействовать в приеме на службу в качестве конторщицы жены моего товарища... а также спрашивал, могу ли я читать лекции на курсах электротехники и радиотелеграфии в союзе моряков... Больше никаких дел с Беляевым не имел».

Николай Александрович Кремлянский, допрошенный 6 июня и отрекомендовавшийся как «ответственный партработник», показал: «Гражданина Беляева я узнал только в 1919 году, когда прибыл из Грузии, а он был уполномоченным из Киева. Я еще в прошлом году имел о нем непроверенные слухи о том, что он имел знакомство и связь с каким-то добровольческим адмиралом в Киеве и кроме этого он имел какие-то делишки с судовладельцами по освобождению судов от мобилизации. Он на меня всегда производил впечатление подозрительного типа, имел всегда деньги, в то время, когда мы не получали жалования...» После чего повторил историю с 80 тысячами рублей.

Далее показал: «Все время пребывания в Одессе добровольцев, несмотря на то, что всех коммунистов они преследовали, Беляев же ходил свободно и даже служил на добровольческом пароходе... В этом же году Беляев в деньгах не нуждался и вел расточительную жизнь. Возможно, что он имел связь с белыми, так как по слухам к нему на квартиру приходили подозрительные личности, которые пьянствовали с ним, и Беляев ежедневно приходил на службу пьяным. Я просил о назначении Беляева членом коллегии для того, чтобы следить за его действием. За деньги, которые он взял в 1919 году из кассы, я у него спрашивал и он отвечал, что это не мое дело и он будет отчитываться перед Москвой. Сведения же относительно его я дал Уральцеву... недели за две до получения телеграммы из Главвода относительно назначения его председателем коллегии...»

Четвертый свидетель — сотрудник Черноводтрана, коммунист, член следственной комиссии райпарткома по делу Беляева заявил, что до следствия его совершенно не знал, а на следствии, кроме истории с 80 тысячами рублей, «ничего выяснено не было». Добавил: «На собраниях, как партийных, так и райкомвода, многие высказывались против гражданина Беляева, говоря, что он в прошлом году состоял в партии, а после ухода советской власти он служил у добровольцев и в настоящем он не зарегистрировался в партии большевиков».

Двое свидетелей — сотрудники водного транспорта, которые были допрошены о Беляеве в июле, подтвердили его показания и заявили, что знают его как умного и честного человека. Инструктор ЦК союза водников объяснил, что Беляев не зарегистрировался в этом году в парторганизации, так как собирался выехать из Одессы в Москву.

6 июня допрошен единственный свидетель, давший показания о Каминских. Он сказал, что Степана (Стефана) Каминского знает очень хорошо, при белогвардейцах тот скрывал его и еще некоторых коммунистов на барже. «Он безусловно честный человек и ни в коем случае не мог быть вредным для советской власти. Брата его и всю его семью я также знаю с хорошей стороны и не допускаю мысли, чтобы Даниил участвовал в какой-либо организации для вреда коммунистов. Если мои показания недостаточны, то я прошу допросить еще некоторых старых коммунистов...»

К делу приложены несколько следственных и агентурных документов, свидетельствующих о направлении ведения следствия:

— две схемы под названием «Дело Беляева», составленные уполномоченным Яновым, в которых помимо троих арестованных фигурирует инженер, приходивший к Беляеву, чтобы устроиться на службу, Стефан Каминский, а также адресаты найденных писем — родители и жена Даниила Каминского и родственник Семисенко. Стрелками указаны связи между ними, подписаны города проживания — Одесса и Николаев, каждому дана характеристика;

— меморандум со ссылкой на члена коллегии Черноводтрана о том, что в «киевском Обводе служат товарищи Беликов и Иоффе, знающие, где находится товарищ Кондуненко, который имеет на руках документы, компрометирующие прошлую киевскую деятельность Беляева»;

— телеграммы в Киев с требованием прислать «письмо арестованного Беляева, написанное им к адмиралу Черноморского флота и очень его компрометирующее»;

— донесение осведомителя Питкова уполномоченному ЧК по преступлениям по должности. «Черноводстранспорт. Среди рабочих и служащих Черноводтрана слышны общие недовольствия на почве продовольствия и невыдачи в свое время жалованья. Разговоры среди служащих о несоответствии коллегии Черноводтрана, как например председатель ее товарищ Кремлянский, отчего страдает водный транспорт Черного моря и его хозяйство. По приказу товарища Троцкого председателем Черноводтрана был назначен Беляев. В связи с его арестом идут слухи среди сотрудников и даже партийных работников о несогласиях между Кремлянским и Беляевым. Председателем еще Кремлянским было поручено одному из сотрудников секретно и срочно найти парусно-моторное судно, но маленькое, из тех, которые национализации не подлежат. Одно такое частновладельческое уже найдено. Не мешало бы разгадать, для каких целей ему это понадобилось». На документе резолюция «Расследовать» от 1 июня;

— доклад сотрудницы Головиной к заданию № 11. «Согласно Вашему заданию об инженере Каминском я узнала следующее. Ввиду того, что среди рабочих я о нем ничего не могла узнать, мне пришлось обратиться в коллектив завода РОПИТа к председателю, который состоит членом партии Морского района, товарищу Смагину. Узнала, что инженер Каминский во время власти добровольцев укрывал большевиков в баржах, там же и скрывался председатель коллектива товарищ Смагин, когда же он был арестован, то Степан Тимофеевич Каминский все время хлопотал о нем и совместно с рабочими завода РОПИТа взял его на поруки... Потом он мне сообщил, что арестован Беляев и у него нашли письмо брата инженера Каминского, зовут Даниилом Тимофеевичем. И вот он говорит в связи с этим, наверное, и подозревают инженера Каминского тоже, но они оба, он говорит, безусловно безвредные для советской власти».

Одновременно со следственными действиями, направленными на поиск компромата на арестованных, их знакомые и сотрудники выступали в их поддержку.

26 апреля областная коллегия Управления водного транспорта запросила ЧК: «какими причинами был вызван арест председателя коллегии товарища Беляева, будет ли он освобожден и в утвердительном случае — когда, что вызвано необходимостью для срочного донесения в Главвод».

3 мая райком Союза рабочих водного транспорта обратился в ЧК с просьбой ускорить следствие по делу Беляева и освободить его.

10 мая и 12 мая сотрудники водного транспорта направили в ЧК три заявления (все-го более 230 подписей): «...Мы, служащие и рабочие водного транспорта Одесского района, зная Игнатия Поликарповича как честного и благородного человека, всегда преисполненного сознанием служебного долга, относившегося весьма добросовестно к своим служебным обязанностям... и своим сердечным товарищеским отношением к нам, труженикам моря, снискавшим общее уважение и расположение в широких рабочих массах водного транспорта. Просим о его освобождении под наше поручительство».

В конце мая жена Беляева Дарья Павловна подала два прошения — в рабоче-крестьянскую инспекцию и судебно-следственный отдел Одесского губотдела юстиции (оба пересланы в ОГЧК): «Мой муж, Игнатий Поликарпович Беляев, назначенный 24 апреля председателем коллегии Черномортрана, был арестован 25 апреля. В настоящее время находится в тюрьме и болен. Я с четырьмя маленькими детьми нахожусь в крайне тяжелом положении. Дети оставлены на попечение соседки. Я без всяких средств проживаю здесь в Одессе в долг. Мой муж крайне потрясен неожиданным арестом. С самого начала революции (он сам из крестьянской семьи) был в рядах революционной демократии и при добровольцах ему приходилось скрываться в подполье. Ввиду крайне тяжелого положения его семьи прошу о скорейшем расследовании его дела... В чем он обвиняется, мне не удалось узнать. Предыдущие следователи уверяли, что завтра его выпустят, но с тех пор прошло много завтра, а дело не движется... Больше нет сил терпеть. Прошу следственный отдел навести справки о положении дел и дать мне сведения, в чем обвиняется мой муж, ускорить следствие и, если возможно, применить к нему амнистию».

Под одним из заявлений помощник уполномоченного Михаил Зайцев написал справку: «Беляев обвиняется в преступлении по должности, дело находится в стадии следственного производства у уполномоченного товарища Петрова, куда следует направить заявление с просьбой об ускорении следствия». Других ответов на заявления нет.

28 июня помощник уполномоченного по борьбе со спекуляцией и преступлениями по должности Зайцев составил заключение по делу Беляева, Каминского и Семисенко. В заключении сказано:

«Рассмотрев дело по обвинению гражданина Беляева Игната, бывшего председателя Черномортрана, в преступлении по должности, выразившемся в присвоении казенных денег в 80 тысяч рублей, принадлежащих Центральному Главводу в Москве, и в контрреволюции, выразившейся в передаче писем от офицеров-контрреволюционеров Семисенко Александра и Каминского Даниила, обвиняющихся в контрреволюции, и принимая во внимание, что гражданин Беляев по поводу взятых им 80 тысяч рублей в 1919 году во время ухода советской власти из Одессы заявил, что им посланы оправдательные документы на эти деньги в Москву, что он ничем не доказывает; что во время денкинцев в Одессе он ходил в погонах и служил во флоте; что из письма, находящегося при настоящем деле и писанного гражданином Семисенко, видно, что он, Семисенко, не желая остаться в Одессе для службы в рядах Красной армии, ушел с добровольцами по направлению к Румынии и там не будучи пропущенными румынами с одной сторо-

ны и окруженными советскими войсками он с оружием в руках и песней «Смело мы в бой пойдем за Русь святую» сражался против рабоче-крестьянской Красной армии, не желая сдаваться в плен, и что в конце своего письма он клеветает на красноармейцев, грудью своей защищавших пролетарскую власть, говоря, что будто они идут с девизом: «бей жидов, спасай Россию»; что будучи мобилизованным советской властью он не только скрыл свой чин, подписавшись чиновником, но и желал скрыться после регистрации; что гражданин Каминский в своем собственном письме ничего контрреволюционного не пишет, но надо полагать, что если он был все время с Семисенко и также был взят в плен подле Румынии, что участвовал в вооруженной борьбе против Красной армии, а поэтому согласно материалу, имеющемуся в деле, предлагаю:

Гражданина Беляева Игната, как передавшего письма белогвардейцам, заключить в концентрационный лагерь на один год, а граждан Семисенко Александра и Каминского Даниила как выступавших с оружием в руках против Красной армии и как паразитов рабоче-крестьянской власти подвергнуть самой высшей мере наказания — расстрелять».

Под документом резолюция помощника уполномоченного по общим делам С. Ильина: «Согласен» (дата не указана).

15 июля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело № 2083, постановила: в отношении И. П. Беляева, обвиняемого в «присвоении денег и передаче писем контрреволюционеров», дело следствием продолжать;

Д. Т. Каминского, обвиняемого в «контрреволюции», заключить в концлагерь сроком на 5 лет, имущество конфисковать;

А. А. Семисенко, обвиняемого в «контрреволюции», расстрелять».

Материалов доследования в деле нет. 22 июля на выписку из протокола заседания коллегии ОГЧК наложена резолюция: «**Освободить Беляева**» (подпись неразборчива). Данных об освобождении в деле нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Место отбытия заключения Каминским и его дальнейшая судьба неизвестны.

Дата расстрела Семисенко не указана, — предположительно не позднее 22 июля, когда дело было сдано в архив.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключениях прокурора сказано:

«...Из некоторых документов видно, что проходя службу в белогвардейской армии, Каминский воевал против банд Петлюры и Махно. Однако никаких конкретных доказательств вины репрессированного в деле не имеется»;

«...Из отдельных записок, донесений и других документов можно сделать вывод, что в 1919 году Семисенко служил некоторое время делопроизводителем в Белой армии. Больше никаких материалов о нем в деле нет».

Реабилитированы Каминский и Семисенко 25 декабря 1995 года заключениями прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона Украины «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения их к уголовной ответственности».

Документы о реабилитации Беляева, в результате прекращения дела ОГЧК, отсутствуют.

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты фамилии подсудимого: Каминский и Каменский. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подсудимого и написание его фамилии в части следственных документов — Каминский.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Семисенко пока невозможно.

3. Писем Каминского и Семисенко, признанных «контрреволюционными» и послуживших поводом к репрессиям, в деле нет. Не указаны они и в описи документов, составленной в 1920 году.

К делу приложены личные документы Беляева (справки, удостоверения, отношения) и его заявление, объясняющее истоки конфликта с донесшим на него Кремлянским. Приводим текст заявления полностью.

«Находясь в течение месяца в заключении по несоответствующему действительности доносу гражданина Кремлянского, сообщаю, что таковой сделан исключительно для сведения личных счетов. Для наглядности сообщу подробно о почве, послужившей к возникновению недоразумений между нами.

В прошлом году в бытность председателем Коллегии Черномортрана товарища Трюх я был командирован председателем Укрсовнархоза товарищем Квирченгом в Одессу для организации органов управления. Через некоторое время появился из Грузии гражданин Кремлянский, очень недружелюбно относящийся ко мне как представителю центрального учреждения. Вообще-то он имел склонность к диктаторству. К этому следует добавить, что гражданин Кремлянский участвовал на первых двух всероссийских съездах, вел сепаратную политику по отношению к центру, что можно видеть из его речей, стенографированных на чрезвычайном съезде рабочих водного транспорта в начале 1918 года, где ему даже соглашатели кричали: «вот так большевик». В дни октябрьского переворота гражданин Кремлянский записался в партию коммунистов в Петрограде (с какой целью именно в это время, не знаю).

Сделав доклад коллегии о своей деятельности в Грузии, которая выражалась одновременно и в работе его грузчиком в Сухуми, и в заведовании сберегательными кассами всей Грузии. Кроме того, он требовал посылки радио в Грузию о его прибытии. Был какой-то доклад о находившихся в его распоряжении миллионах, но только на словах, а документы отсутствовали. В смысле сохранения расходных документов я оказался счастливее гражданина Кремлянского, так как сохранил все документы прошлых годов, не только денежные, но и все положения об управлении. Что же касается его, то ему почему-то не удалось сохранить никаких документов, относящихся к трагедии Черноморского флота в 1918 году и покрытому мраком неизвестности убийству небезызвестного товарища Старостина, что должно представлять в крайнем случае историческую важность.

Через некоторое время гражданин Кремлянский отправился в Москву для доклада, по его словам, о делах в Грузии будто бы Совнаркому, но ему не удалось увидеть Совнаркома и он ограничился оклеветанием товарища Трюх в Цекводе и Главводе, благодаря чему добился назначения председателем коллегии Черномортрана. Возвратившись в Одессу уже председателем, гражданин Кремлянский заместил товарища Трюх, а в состав той же коллегии был назначен и я. На одном из заседаний коллегии я задал официально вопрос: «Каков был доклад гражданина Кремлянского в Москве, послуживший фактом для реорганизации коллегии и смещения товарища Трюх?». На это я не получил ответа, а приобрел в лице гражданина Кремлянского врага, способного мстить, как теперь оказалось, и сводить личные счеты невзирая на продолжительный промежуток времени. (Если бы я знал, что среди коммунистов найдется такой, который ставит личные интересы выше интересов партии и дела и способный на сведение личных счетов, я бы не задавал такого вопроса).

Проезжая из Грузии, гражданин Кремлянский прибыл в Севастополь, где оставил моторное судно, зафрахтованное им для проезда, и получил там 100 тысяч рублей для упла-

ты фрахтовых денег владельцу судна от местного исполкома. Более того, им была взята в агентстве бывшего О. П. Т. какая-то сумма денег, неизвестно какая.

Для каких надобностей израсходовали копий отчетов никаких не представлено никуда, не сообщалось никому. В Москве Главводом оплачено гражданину Кремлянскому израсходованных им 100 тысяч рублей на проезд и уплачено содержание на время пребывания в Грузии. Семья же его получала пособие от подпольного Красного Креста, что подтвердит товарищ Трюх, но получаемого далеко недостаточно для проживания, следовательно, были средства помимо.

До сих пор неизвестно, где находятся полученные им от Главвод 100 тысяч рублей. Кроме всего этого проносился слух, что у гражданина Кремлянского в Сухуми имеется собственная дача, на заданный о чем вопрос гражданину Кремлянскому представителем Главвода товарищем Румянцевым тот смущенно отвечал, что это шутя.

В дни переворота в том году я был назначен ревкомом вновь в коллегия, кажется, по представлению товарищей Гумперта и Брытковского, о чем знал и гражданин Кремлянский, но почему-то тогда не протестовал против.

В бытность его в составе коллегии продолжительное время кому-то тоже гражданин Кремлянский не находил необходимым ложно донести. Не знаю, чем можно было руководствоваться при таких действиях. Здесь уже очевидно, что есть личная месть, так как сделана гадость тогда, когда я его заместил. Небезынтересно и то обстоятельство, что гражданин Кремлянский смещен распоряжением наркомпути товарищем Троцким, надо полагать, что просто: «вздумано, сделано», а можно думать, что выехавшие в Москву члены верховной коллегии товарищ Сергеев и товарищ Брытковский, знающие о всей деятельности гражданина Кремлянского, доложили об этом.

Кроме того, в прошлом году при отступлении из Одессы был такой случай, когда собрались члены Морского райпарткома для местного отступления. Гражданин Кремлянский пошел куда-то за какими-то распоряжениями и больше не вернулся, благодаря чему все без мала не были захвачены вместе белогвардейцами. Это мне известно со слов товарищей Сергеева и Брытковского. Выйдя из состава коллегии в этом году, я имел в виду выехать через некоторое время в Москву для доклада о прошлой своей деятельности и представления соответствующих отчетов, по своему несчастью получил назначение председателем коллегии вместо гражданина Кремлянского. Не считал себя [способным] для занятия этой должности, я только ввиду приказа принял ее с целью в дальнейшем телеграфно просить об отмене назначения. Что касается возводимых на меня обвинений, часть их совершенно не соответствует действительности, а большая часть может быть инкриминирована больше ему, чем мне.

Касаемо какой бы то ни было отчетности я ответственен перед учреждением, уполномочившим меня. Что же касается самостоятельного якобы назначения на должность, то таковое производилось по постановлению коллегии, и всякий кандидат мог быть отведен, [если] бы отвод не имел силы, благодаря большинству, то можно было вносить особое мнение в протокол, апеллировать к райкомводу или райпарткому. Но очевидно и гражданин Кремлянский был согласен с комиссией, так как не протестовал».

(Дело № 27593-п на 3 человек)

25 апреля 1920 года секретно-оперативным подотделом Одесской губЧК при Тираспольском уездном исполкоме по обвинению в «шпионаже» арестован

ЖЕЛИНСКИЙ (ЖИЛИНСКИЙ) Михаил (Михеле) Леонидович (20 лет). Родился в 1899 (1900) году в городе Бендеры Бессарабской губернии; национальность

не указана, из мещан; образование начальное, по профессии — слесарь; беспартийный; холост. На момент ареста работал слесарем железнодорожных мастерских в Бендерах; проживал там же.

Основанием для ареста послужило заявление, поданное 24 апреля в особый отдел при Тираспольском ревкоме членом ВКП(б) Львом Маковым. В документе утверждается, что в конце 1919 — начале 1920 года сотрудники контрразведки бендерской подпольной коммунистической организации следили за Желинским и сделали вывод, что тот является агентом сыскного отделения румынской сигуранцы: он якобы «систематически посещал сигуранцу, всегда вращался в обществе шпииков, посещая танцевальные вечера, часто в пьяном виде скандалил...» В завершение заявитель пишет: «Прошу об аресте Жилинского (так в документе. — *Ред.*) как элемента, могущего принести вред республике, и предании его суду ревтрибунала... прибыл из Бендер 22 апреля». На заявлении — две резолюции: «Задержать Жилинского» (без даты) и «Допросить по содержанию обвинения и направить дело в оперотдел ОГЧК» (28 апреля).

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, анкеты арестованного в деле нет.

25 апреля заведующий секретно-оперативным подотделом, «рассмотрев агентурный материал, указывающий на преступную деятельность Желинского как румынского шпиона», принял постановление о заключении его под стражу.

В Тирасполе обвиняемого не допрашивали, но запроотоколированы допросы двух свидетелей обвинения. 25 апреля Маков подтвердил сказанное в заявлении, а 26 апреля сослуживец обвиняемого по мастерским повторил показания Макова о том, что обвиняемый пьянствовал и дебоширил. Кроме того, он сообщил, что рабочие сторонились Желинского; самого же свидетеля якобы по доносу Желинского хозяин уволил за участие в рабочей организации «Синдикат».

28 апреля заведующий секретно-оперативным подотделом (подпись неразборчива) принял постановление передать арестованного в ОГЧК. В постановлении говорится: «Допрошенными по делу свидетелями установлено, что означенный Жилинский (так в документе. — *Ред.*) действительно состоял шпииком в Румынии, следя за деятельностью товарищей-коммунистов, благодаря чему многие из них были арестованы, и что он переправился на русский берег Днестра несомненно с целью шпионажа».

Единственный запроотоколированный допрос Желинского провел 14 мая помощник уполномоченного особого отдела ОГЧК Бутилов (через три недели после ареста, один допрос за три с половиной недели ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый все время жил в Бендерах со своими родными, получил домашнее образование, работал слесарем в железнодорожных мастерских. Не желая быть мобилизованным в румынскую армию, решил пробраться в Одессу к своему дяде, Григорию Везмитину. По дороге в Тирасполь был задержан и препровожден в оперотдел, просидел около 10 дней, затем его отправили в ОГЧК. Заявил, что в сыске и обществах, настроенных против советской власти, никогда не состоял; свидетелей, давших на него показания, не знает.

В тот же день, 14 мая, помощник уполномоченного по борьбе со шпионажем Бутилов составил заключение по делу Желинского, обвиняемого в «шпионаже и службе в румынском бендерском сыском отделе». В заключении сказано: «Принимая во внимание показания товарищей-коммунистов Чуркина Василия Павловича и Макова Льва Исааковича, которые свидетельствуют преступную деятельность Михаила Жилинского (так

в документе. — *Ред.*), заключающуюся в службе в бандерском уголовно-сыском отделе и преследовании товарищей-коммунистов, а также то, что оставление его на свободе даст возможность заняться ему той же контрреволюционной работой. Ввиду чего (хотя сам обвиняемый в своем показании не сознается), считая факт преступления установленным показаниями свидетелей-коммунистов и исходя из вышеприведенных соображений, предлагаю ОГЧК его расстрелять».

18 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело М. А. Желинского по обвинению в «службе в румынском сыском отделе и преследовании коммунистов», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным и применить к нему высшую меру наказания — **расстрел**». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 21 мая, когда дело было сдано в архив.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «...Свидетели не могли указать кого конкретно преследовал Желинский... о том, что он был «информатором», показал свидетель Чуркин, которому об этом якобы сообщил румынский шеф».

Реабилитирован 13 сентября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты написания фамилии подсудимого: Желинский, Жилинский. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подсудимого и написание его фамилии в части документов дела — Желинский.

2. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датах расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Желинского пока невозможно.

(Дело № 26974-н)

Не позднее **25 апреля 1920 года** Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

КОРОЛЕВИЧ Николай Тихонович (22 года). Родился 12 ноября 1897 года в Черкассах Киевской губернии; русский, из мещан; образование среднее, по профессии — писмоводитель; православный, беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места работы не имел; проживал с матерью и теткой в Одессе (Вагнеровский пер., 5, кв. 4).

Основанием для ареста послужила сводка, поданная 18 апреля начальнику активной части сексотом С. П. Александровым: «Сегодня я узнал, где живут остальные участники по делу коменданта Черкасс, городской голова, служивший при белых в Черкассах, и его помощник, которые открыто пропагандировали против советской власти... Прошу произвести обыск и арестовать Королевича и его помощника».

Ордер № 1692 ОГЧК на арест и обыск оформлен 25 апреля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что помимо документов при аресте изъяты две автомобильные камеры, полевой бинокль и более трех пудов сахарного песка (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Вероятно, в течение четырех дней содержался при комендатуре ОГЧК, так как согласно документам в тюрьму прибыл только 29 апреля. Никаких документов, свидетельствующих о проведении следствия в апреле, мае и двух первых декадах июня в деле нет.

10 июня мать Королевича Мария Петровна подала в рабоче-крестьянскую инспекцию при ОГЧК заявление: «25 апреля сего года на основании ордера № 1692 был арестован мой сын Николай Тихонович Королевич. Не зная до сих пор, на основании каких мотивов арестован он и в чем именно обвиняется, убедительно прошу дать сведения об арестованном и разрешить свидание, так как последнего до сих пор не имела». На заявлении — резолюция заведующего бюро жалоб: «Навести справку. В отношении свидания предложить обратиться непосредственно в ЧК с прошением разрешить ей такового». Было ли предоставлено свидание или в нем отказано — в деле не отражено.

18 июня секретарь ОГЧК направил уполномоченному Кириллову записку с пометкой «срочно»: «Препровождается дело Королевича, по ошибке не рассмотренное совместно с делом Якубовского (см. описание дела № 27047-п на стр. 383–385), для расследования. Арестованный находится в губернской тюрьме». На документе надпись: «Справку навести у товарищей Зиверта и Барминского».

Единственный запотоколированный допрос Королевича провел 22 июня заместитель уполномоченного по общим делам Мисошников (через два месяца после ареста и через месяц после расстрела Якубовского; один допрос за три месяца ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый до войны учился, в 1916–1917 годах участвовал в военной кампании, служил в телеграфном батальоне в чине унтер-офицера. После увольнения по болезни в конце 1917 года вернулся в Черкассы и все время служил экспедитором городской управы. Его дядя — Петр Тихонович Королевич — действительно был городским головой, сам же он никогда не занимал руководящих постов. «В погроме я никакого участия не принимал... наоборот, у нас в погребе скрывалось около двадцати евреев... против советской власти я никогда не был». Осенью 1919 года приехал в Одессу вслед за матерью, которая ранее уехала из Черкасс к сестре, надеясь открыть здесь столовую. На вопрос, есть ли у него братья, ответил, что нет и не было.

К делу подшиты личные документы арестованного, подтверждающие его показания о службе в Черкассах и удостоверяющие, что в конце октября 1919 года он как уполномоченный Черкасского городского общественного управления был командирован в Одессу для приобретения и доставки цистерны нефти и цистерны керосина для нужд города, переживающего топливный кризис.

24 и 25 июня Королевич подал уполномоченному по борьбе с контрреволюцией Бельскому два заявления сходного содержания: «Ввиду того, что обвинение, которое предъявили мне, относится не мне, а однофамильцам, а также тяжести этих обвинений, которых я за собой не чувствую, прошу не отказать и вызвать моих свидетелей, жителей Черкасс, ныне проживающих в Одессе».

В качестве свидетелей 25 и 28 июня допрошены заместитель заведующего губернским судебным угрозыском и еврей-красноармеец (жители Черкасс, названные арестованным). Оба заявили, что знают Королевича лично, подтверждают, что в должности городского головы он не состоял, а был лишь его родственником; в погроме участия не принимал.

28 июня заместитель уполномоченного по общим делам Мисошников составил заключение по делу Королевича, обвиняемого в «организации погрома в Черкассах». В за-

ключении сказано: «Из свидетельских показаний граждан Черкас и очной ставки (протокола в деле нет. — *Ред.*) установлено, что Королевичи, три брата, жители Черкас, принимали активное участие в организации погромов, но отнюдь не этот. Королевич является родственником тех хулиганов, а сам лично всегда служил письмоводителем. А по сему постановил: считать преступление не доказанным, его освободить, документы вернуть, дело прекратить и сдать в архив».

28 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Н. Т. Королевича по обвинению в «организации погромов в Черкассах», постановила: **«ЗаклЮчить в концлагерь сроком на 3 года».**

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

Реабилитирован 10 октября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечания.

1. На обложке написано, что дело возбуждено в отношении двух человек — Королевича и Якубовского. В дальнейшем разделены (вероятно, ошибочно), но постановления о выделении дела в отдельное производство нет. Здесь же, в деле Королевича, подшиты личные документы Якубовского — различные удостоверения, справки, свидетельства и заключение следователя от 18 мая 1920 года (дело Якубовского — № 27047-п, см. описание на стр. 383–385).

2. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъяты лл. 1, 8, 24 — возможно, агентурные материалы.

(Дело № 27010-п)

Не позднее **27 апреля 1920 года** особым отделом Юго-Западного фронта без предъявления обвинения арестован

ДЕМЬЯНОВ Александр Арсеньевич (25 лет). Родился в 1894 (1895) году в селе Тимашевка Мелитопольского уезда Таврической губернии; русский, из духовенства; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, подпоручик; православный, беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места службы и места жительства не имел; ранее проживал с родителями в селе Андреевка Бердянского уезда Таврической губернии.

Обстоятельства ареста из дела не ясны. Судя по протоколу допроса обвиняемого и его личным документам, в марте 1920 года мобилизован в Красную армию Одесским уездным военным комиссариатом и 17 апреля командирован в Харьков в штаб XIII армии Юго-западного фронта. Прибыв туда, был арестован, как указано в его регистрационном листке, «следственной частью по записке дежурного следователя».

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет; заполнен регистрационный листок особого отдела.

Единственный запрототолированный допрос Демьянова провел 27 апреля следователь особого отдела ВЧК при реввоенсовете Южного фронта Марс.

В протоколе и регистрационном листке записано, что допрашиваемый происходит из семьи сельского священника, окончил Таврическую духовную семинарию, к началу войны с Германией был студентом 2-го курса Киевского коммерческого института. В 1916 году призван в армию, служил в 130-м запасном пехотном полку в чине прапор-

щика, в 1917 году направлен на Северный фронт в 478-й полк, где в октябре того же года был произведен в чин подпоручика. В январе 1918 года получил отпуск и уехал домой, к родителям, в мае демобилизован. 1 июня поступил на службу в Екатеринославский союз потребительских обществ инструктором-ревизором. При гетмане Скоропадском в ноябре 1918 года был мобилизован и зачислен в 43-й артиллерийский полк рядовым офицером, пробыл там около недели и когда войска уходили из Екатеринослава отказался следовать за ними. Конец 1918 года и первую половину 1919 года оставался на должности инструктора-ревизора. После прихода белых в августе 1919 года уехал к родителям в Андреевку, не желая быть мобилизованным, но так как в Добровольческой армии было много знавших его офицеров и один из них даже пообещал его арестовать в случае неявки по мобилизации, то был вынужден явиться в Бердянск и вступить в армию; его зачислили в 136-й Таганрогский полк, в котором состоял по январь 1920 года рядовым офицером, командных должностей не занимал. В феврале и марте болел возвратным тифом, находился на излечении в эвакуационном пункте одесского районного эвакуационного пункта. На фронтах гражданской войны участвовал в боях против Махно и Петлюры; на сторону советской власти перешел добровольно.

На вопросы следователя ответил, что недовольство Добровольческой армией появилось у него со времени вступления в нее — из-за грабежей мирного населения, бюрократизма, засилья старых генералов и богатых, сохранения старорежимных порядков. Признал, что хорошие стороны в Добровольческой армии есть, но припомнить их не может. Служил по принуждению и служба его не удовлетворяла, политических убеждений не имел и не имеет. В январе 1920 года заболел тифом, был доставлен в Одессу, в эвакуационный пункт одесского районного эвакуационного пункта. Имел возможность эвакуироваться с войсками белых, но остался в Одессе. Заявил, что причина его перехода на сторону красных — стремление служить советской России, и сложилось оно в ноябре 1919 года.

К делу приложены личные документы арестованного, подтверждающие его показания, в том числе аттестат от 27 марта 1920 года, удостоверяющий, что одесским уездным военкомом Демьянов призван на службу в Красную армию.

27 апреля 1920 года датировано и окончательное решение особого отдела Юго-Западного фронта, который якобы рассмотрев в этот день дело А. А. Демьянова по обвинению в «службе у белых», постановил: «Направить в концлагерь до конца гражданской войны с применением принудительных работ».

Однако на трех заключениях по делу стоят более поздние даты.

28 апреля дежурный следователь в заключении по делу «перебежчика Демьянова», обвиняемого в «службе у белых», написал, что полагал бы передать дело в следственную часть.

Следователь особого отдела Юго-Западного фронта Марс 28 и 30 апреля составил еще два заключения по делу Демьянова.

В заключении от 28 апреля, перечислив места службы обвиняемого в 1918 и 1919 годах и указав, что в боях против Красной армии он не участвовал, следователь написал: «Принимая во внимание, что Демьянов — студент Киевского коммерческого института, сын священника, в Красной армии не служил, в политическом отношении совершенно не разбирается, человек без убеждений и таковых не было, предлагаю, согласно телеграмме особого отдела ВЧК, препроводить в концентрационный лагерь до конца граж-

данской войны». Резолюция заведующего следственной частью «Согласен» датирована 27 апреля. (Текста телеграммы либо изложения ее содержания в деле нет).

В заключении от 30 апреля, подробно изложив факты биографии обвиняемого, которые тот сообщил на допросе, следователь написал: «Принимая во внимание, что Демьянов по политубеднениям человек не наш, как офицера из студентов отношу его к четвертой категории и предлагаю препроводить в концентрационный лагерь до конца гражданской войны». Утверждающая подпись заместителя начальника особого отдела датирована также 27 апреля.

Сопоставление чернил и почерков в этих документах позволяет предположить, что заключения действительно составлены 28 и 30 апреля, а для итогового постановления следователь Марс использовал бланк, в котором постановочная часть о заключении в концлагерь уже была заполнена и проставлена дата — 27 апреля. Подписано постановление теми же, кто утверждал заключения по делу: заместителем начальника особого отдела Юго-Западного фронта и заведующим следственной частью (подписи неразборчивы). Возможно, они ставили резолюции на этих заключениях, не глядя на дату их составления, а указывая дату, проставленную на постановлении.

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба А. А. Демьянова неизвестны.

Реабилитирован 10 марта 1995 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

(Дело № 27312-н)

27 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **ЯБЛОНСКИЙ Николай Иванович (46 лет)**. Родился в 1873 (1874) году в деревне Лопушино Вольнской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование высшее, по специальности — бухгалтер; беспартийный; женат. На момент ареста работал заведующим одесской Народной центральной сберкассой; проживал в Одессе (ул. Новосельского, 98, кв. 5).

Основанием для ареста послужили два документа: заявление, поступившее в ОГЧК 18 февраля от Моисея Вейцеля и показания служащего сберкассы Ивана Глембоцкого от 22 апреля.

Вейцель писал: «...В столовой встретил двух молодых людей, в которых я опознал контрразведчиков, которые меня при добровольцах задержали». Проследив за ними, увидел, что они вошли в дом по Новосельского, 98, в котором находится сберегательная касса, и после того, как они вошли, в дом никого не пускали. «Думаю, что там обитает какая-либо контрреволюционная организация. Прошу принять меры». На заявлении три резолюции: от 18 февраля — «В разведку», от 8 марта — «В разведку, продолжать работу» и от 13 марта — «Товарищу Гинтеру».

Глембоцкий дал следующие показания: «Я служу в одесской сберкассе с 1899 года. В мае 1918 года при гетмане назначили к нам директора Николая Ивановича Яблонского, который совершенно не смотрел за делом, а более всего любил кататься на казенном автомобиле. В апреле 1919 года в Одессу пришла советская власть и назначила меня комиссаром-управляющим кассой... 11 августа 1919 года в Одессу явились денкинец и директор Яблонский сначала выгнал меня со службы, а 10 ноября с казенной кварти-

ры. В январе 1920 года по его доносу меня арестовала контрразведка... но был освобожден товарищами. Директору помогал Василий Карпович Лобутин (ныне управляющий киевской сберкассой)... был правой рукой уполномоченного министерства финансов в Одессе Протасьева и др.». Также сообщил, что после ухода советской власти в августе 1919 года Яблонский организовал благодарственный молебен об избавлении от варваров-большевиков и что Яблонский и Лобутин говорили антисоветские речи.

Ордер № 1731 ОГЧК на арест и обыск Яблонского оформлен 27 апреля. В протоколе обыска, проведенного в тот же день, указано, что при аресте изъяты личные документы.

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Единственный запроотоколированный допрос Яблонского провел 4 мая помощник уполномоченного по общим делам Цыгаров (через неделю после ареста, один допрос за две недели ведения следствия).

В протоколе записано, что допрашиваемый до войны 1914 года служил ревизором управления Государственной сберкассы, затем — помощником директора киевской Народной сберкассы. В мае 1918 года по распоряжению министра финансов Украины приехал из Киева в Одессу на должность директора сберкассы. По существу обвинения показал, что в 1919 году при советской власти Глембоцкий был назначен комиссаром, но затем уволен добровольцами по приказу финансового уполномоченного Протасьева. Молебен же был произведен по приказу управляющего конторой Госбанка: «Я говорил после молебна речь, не касался большевистской власти и вообще политических вопросов, а говорил о совместной плодотворной работе... На комиссара Глембоцкого никаких сообщений лично куда не давал, на сообщении в Красный крест моя подпись была второй после Протасьева...»

В качестве свидетелей допрошены главный обвинитель (2 мая, на два дня раньше обвиняемого) и семеро сотрудников сберкассы (5–8 мая).

Глембоцкий, служащий помощником заведующего губернскими народными сберкассами, повторил прежние показания и уточнил, что, будучи арестован, находился в контрразведке с 14 по 24 января 1920 года и был освобожден в связи с приходом советских войск.

Остальные свидетели дали нейтральную либо положительную характеристику обвиняемого: на работе был отзывчивым, внимательным и требовательным, человек честный, справедливый, занимался только службой и возмущался сплетнями. Никто не слышал, чтобы он донес на Глембоцкого, — тот был уволен по приказу добровольцев. Кроме того, один из свидетелей сообщил, что в 1919 году при советской власти сам Яблонский был арестован ЧК по доносу Глембоцкого. Большинство утверждали, что речь директора на молебне не носила политического характера и была тепло принята служащими.

В первые дни после ареста в ОГЧК поступили два ходатайства.

28 апреля комитет служащих одесской Народной сберегательной кассы провел специальное заседание, в протоколе которого записано: «Комитет знает Яблонского как сотрудника честного и аккуратного, как начальника справедливого, всегда внимательно относящегося к нуждам своих подчиненных, человека аполитичного». Комитет ходатайствовал о взятии обвиняемого на поруки. Кроме председателя и членов комитета под заявлением подписались еще 95 человек. 3 и 6 мая правление профсоюза «Финкоптруд» поддержало ходатайство сослуживцев обвиняемого, направило протокол в ОГЧК и ходатайствовало об ускорении следствия.

На обороте одного из отношений профсоюза надпись: «Обвиняется в контрреволюции. Находится в тюрьме с 29 апреля».

29 апреля свое ходатайство написали соседи по дому: «Считаем по совести себя обязанными удостоверить, что в течение двух лет знаем Николая Ивановича Яблонского как человека не занимающегося политикой, всегда справедливого, доброжелательно и отзывчивого по отношению ко всем безотносительно к их положению... при всех переменах властей за указанный период. Об особенно благожелательном отношении его к трудящимся неоднократно нам свидетельствовали сторожа и караульные сберкассы, проживающие в нашем доме» (подписано членами домового комитета и жильцами, всего 22 подписи).

11 мая помощник уполномоченного по общим делам Цыгаров составил заключение по делу Яблонского, обвиняемого в «выдаче советского служащего контрразведке и агитации против советской власти». В заключении сказано: «1) Яблонский с приходом белогвардейцев в 1919 году под видом приказа высших белогвардейских властей пустил по служащим кассы подписной лист об увольнении со службы, как назначенного при советской власти комиссаром кассы, Глембоцкого, что и было сделано. 2) С приходом же белогвардейцев в кассе был отслужен молебен, по окончании которого Яблонский как директор кассы говорил речь, что мы теперь избавились от тех варваров большевиков, будем свободно себя чувствовать и плодотворно работать. 3) Не успокаиваясь Яблонский тем, что уволил со службы Глембоцкого, делал донос в Красный крест, куда поступил Глембоцкий на службу, о том, что Глембоцкий является заразой большевизма и вредным среди служащих учреждения, а также доносил контрразведке, что Глембоцкий, будучи комиссаром кассы, способствовал большевикам увозить из кассы ценности, за что Глембоцкий был ею арестован». Как пояснил обвиняемый, донос на Глембоцкого он написал по принуждению уполномоченного одесского Главного банка Протасьева и в доносах его подпись была второй. «Из всего вышеизложенного заключаю, что факт виновности Яблонского как в выдаче, так и в агитации доказывается не только заявителем, но и подтверждается свидетельскими показаниями, а также сам Яблонский, мотивируя тем, что якобы делал все по принуждению Протасьева... Принимая во внимание то, что Яблонский имел тесную связь с явными белогвардейцами Протасьевым, Лобутиным, Стамбурским и Лобачевым, которые все бежали с белогвардейцами, предлагаю обвиняемому Яблонскому Николаю Ивановичу применить высшую меру наказания — расстрелять».

*12 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Н. И. Яблонского по обвинению в «выдаче советского служащего контрразведке Добровольческой армии и антисоветской агитации», постановила: «Предъявленное обвинение считать доказанным, применить к нему высшую меру наказания — **расстрелять**, все его имущество конфисковать». Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 14 мая, когда дело было сдано в архив.*

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «По приходе в город Белой армии Яблонский якобы учинил донос на Глембоцкого без всяких для последнего последствий. Организовал молебен, на котором как будто произносил контрреволюционные речи. Обвинение Яблонский отрицал, материалами дела оно не доказано».

Реабилитирован 3 ноября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «ввиду отсутствия совокупности доказательств совершения им преступления».

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Яблонского пока невозможно.

2. В 2004 году перед выдачей дела исследователям для описания сотрудником архива УСБУ изъяты из дела лл. 4–5 — отношение в разведку и задание.

(Дело № 27054-п)

Не ранее **28 апреля 1920 года** секретно-оперативным подразделом Одесской губЧК при Тираспольском уездном исполкоме без предъявления обвинения арестован **КИСЕЛЬ-ЗАГОРЯНСКИЙ Евгений Иосифович (Осипович)**, он же **НЕЗНАМОВ** (театральный псевдоним) (**40 лет**). Родился в 1879 (1880) году, потомственный дворянин; место рождения, национальность, образование, профессия, партийность, семейное положение не указаны. На момент ареста работал заведующим театральным отделом Тираспольского политпросвета; проживал в Тирасполе.

Судя по описи изъятых при обыске личных документов (самих документов в деле нет), состоял на военной службе в чине подпоручика, с февраля 1916 года уволен в запас по состоянию здоровья; работал в театре. В 1919 году служил в Киеве в отдельном эскадроне офицерского ударного полка, после демобилизации работал на кинофабрике. В 1920 году в Киеве, а затем в Тирасполе был инструктором по кинотеатрам, заведовал киносекцией, был режиссером труппы при политпросвете уездвоенкома и парткома.

Основания для ареста из дела не ясны. Задержан в Тирасполе согласно указанию заведующего информационно-инструкторским отделом Одесского губисполкома Ипполитова и 29 апреля отправлен в его распоряжение.

1 мая начальник отряда особого назначения при Тираспольском особом отделе ЧК Давыдов доставил Кисель-Загорянского в Одессу и сдал в милицию Портового района. Тем же числом начальник портового участка принял постановление о содержании его под арестом.

7 мая заведующий секретно-оперативным отделом ОГЧК Дейч дал указание доставить арестованного и обвинительные материалы из милиции в губЧК.

9 мая дежурный следователь ОГЧК Исаевский принял постановление о содержании арестованного Кисель-Загорянского под стражей «до выяснения дела» (графа обвинения не заполнена).

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, анкеты арестованного, а также протокола его допроса и других следственных документов в деле нет.

Не позднее 17 мая (дата не указана) помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Погорий на блокнотном листке написал: «Дело № 1631. Незнамов-Загорянский Евгений Иосифович. Ввиду отсутствия обвинительных материалов освободить».

17 мая 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело *Е. И. Кисель-Загорянского по обвинению в «контрреволюции»*, постановила: дело прекратить, арестованного **освободить**.

Данных об освобождении нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Документы о реабилитации, в результате прекращения дела ОГЧК, отсутствуют.

Примечание.

К делу подшит протокол заседания комиссии по устройству Первомайского праздника в Тирасполе и уезде под председательством Незнамова от 23 апреля:

«1. В городе днем на вокзале в 2, на Кирпичной слободке в 3, а на Соборной площади в 4 будут устроены концерты-митинги, для чего нужно построить в означенных пунктах площадки и необходим грузовик для перевозки пианино, которые нужно достать через посредство Наробраза.

2. О детском празднике решено следующее: устроить шествие детей, по возможности с плакатами, флагами и пением, спектакль, в котором участвуют дети, игры (бег в мешках) и т. п., фанты и бочка счастья, кино, а затем чай; вечером после субботника в «Победе» и на площади кино, а в клубе спектакль, во время антракта лектор и также бесплатный или, если не удастся достать средства, по минимальным ценам буфет.

3. В уезд на воскресенье посылаются три кино и устраиваются четыре концерта, для чего необходимы два автомобиля. Собственными силами смогут организовать спектакли-митинги: Затишье, Раздельная, Гроссулово, Демидово, Кардамычевка, Цебриково, Григориополь, Дубоссары, в остальных же селах организовать митинги по мере возможности поручается инструкторам.

4. В уезде устраиваются автономные праздники детей. Войти в сношение с исполкомом и прочими учреждениями поручается товарищу Ятакову».

(Дело № 11977-н)

28 апреля 1920 года Одесской уездной милицией без предъявления обвинения арестованы

МАЛЫЙ Федор Сергеевич (32 года). Родился 8 февраля 1888 года в селении Петровское Петровской волости Одесского уезда Херсонской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование среднее специальное, по специальности — учитель; православный, беспартийный; женат, имел троих сыновей 8, 7 и 3 лет и дочь 5,5 лет. На момент ареста работал учителем сельской школы; проживал в селе Белка Бельчанской волости Одесского уезда Одесской губернии;

*Фотография в деле
Ф. С. Малого,
не надписана*

ОДАРИЙ Лукьян Данилович (46 лет). Родился в 1873 (1874) году; место рождения и национальность не указаны, из крестьян; образование начальное, по профессии — кузнец; беспартийный, женат. На момент ареста работал кузнецом; проживал в селе Белка Бельчанской волости Одесского уезда Одесской губернии.

Обстоятельства ареста. В конце апреля начальник уездной милиции Акулов проводил дознание о восстании крестьян против советской власти летом 1919 года. Учитель бельчанской школы Д. А. Губенко на допросе 28 апреля заявил: «Федор Малый был командиром повстанческого отряда, а помощниками его Лука Одарий и Евсей Куцихонь... Личность Малого для меня очень загадочная. Когда первое восстание не удалось, повстанцы были разбиты, Малый вернулся в Белку; я в то время сидел арестованным, он меня освободил... Почти все ныне находящиеся у нас в исполкомах волостном и сельском участвовали прошлый год в восстании...». Допрошенный вторым неграмотный крестьянин Д. С. Хотник подтвердил эти показания и сказал, что ничего

*Братья Федор и Андрей
Малые в 1906 году*

добавить не может. В тот же день Малый и Одарий были арестованы и доставлены в Одессу. Сначала содержались под стражей в Бульварном участке, затем в тюрьме ОГЧК.

Ордера на арест и обыск обоих, протокола обыска Одария, постановлений о содержании их под стражей и анкет арестованных в деле нет. В протоколе обыска Малого от 28 апреля указано, что изъяты личные документы.

Арест учителя Малого и Одария вызвал активный протест большинства их односельчан и жителей окрестных сел. С 28 апреля по 4 мая прошли сходы и волостные собрания в селах Белка, Фестерово, Бараново, Рацуловка, Блонское и других, протоколы были направлены в различные советские органы власти и губЧК. В них утверждалось, что обвиняемые не по своей воле участвовали в восстании, а были избраны народом: «Малый объяснил нам, что наступать против своих же товарищей незаконно, и мы вернулись по домам», человек он в высшей степени честный и порядочный и арест его как врага советской власти не имеет оснований; оба арестованных — «защитники советской власти как в прошлом, так и в настоящем».

В протоколе общего собрания Бельчанского просветительского общества, направленном в Одесский военно-революционный трибунал, сказано: Малый «занимает должность учителя в селе Белка девять лет, показал себя истинно народным учителем, был им не только в школе, но и в общественной жизни крестьян, защищал всегда их интересы. Арест товарища Малого как врага советской власти не имеет оснований, ибо враг советской власти не может быть другом крестьян, а товарищ Малый всегда был нашим другом... Будучи уверены в справедливости народного суда и невиновности Малого, питаем надежду, что он будет отпущен на свободу, ибо рабоче-крестьянская власть не может безневинно наказывать друзей крестьян».

Волостные собрания уполномочили Бельчанский исполком «командировать в Одессу двух человек для освобождения товарищей Малого и Одария, так как они всецело поддерживают интересы крестьян и рабочих и в контрреволюционных выступлениях не участвовали». Под этими протоколами, приговорами сходов, заявлениями стоят подписи нескольких сотен человек. К делу подшито также удостоверение, выданное в мае двум жителям села Белка, — они уполномачиваются сходом «просить власти Одессы об отпуске на поруки Малого и Одария» (вероятно, отобрано сотрудником ЧК, когда они явились ходатайствовать об освобождении арестованных).

В результате этих обращений 4 мая на имя председателя губЧК Реденса из президиума губисполкома поступил запрос «Срочно дать справку, за что арестован учитель Бельчанского просветительного общества Малый» и затем оттуда же — телефонограмма с пометкой «Весьма срочно»: «Предписываем Вам сегодня же разобрать материал по делу Одария и Федора Малого и вынести определенное решение, ввиду того, что этот арест волнует крестьян всего села».

Запротоколированы по одному допросу арестованных: 6 мая их допросил уполномоченный по общим делам при секретно-оперативном отделе ОГЧК Кириллов (более чем через неделю после ареста, единственный раз за три месяца ведения следствия).

В протоколах записаны следующие показания допрашиваемых.

Малый после окончания сельскохозяйственного училища 1-го разряда и до начала войны с Германией работал учителем в бельчанской школе. С 1914 по 1917 год был на фронте, служил в должности командира роты в 32-м стрелковом полку. После демобилизации вернулся домой, с февраля 1918 до момента ареста учительствовал.

По существу обвинения в руководстве повстанческим отрядом заявил: «26 июля прошлого 1919 года в село Белку под предводительством помещика Ставро явился отряд немцев из сел Еремеевка и Бриновка... стали принуждать к восстанию против советской власти — бороться за единую неделимую Россию. Я поднятый вопрос считал весьма серьезным, а поэтому, так как в Белке собралось много граждан волости, осмелился объяснить, что представляет из себя власть единой неделимой России и советская власть. Крестьяне поняли, что лучше советской власти нет. После этого отряд немцев, подкрепленный крестьянами, направился в местечко Яновку, и там, благодаря мне, не было причинено никаких насилий и грабежей... Затем отряд направился на станцию Раздельную... там я поехал к товарищу Гореву, начальнику карательного отряда, засвидетельствовал, что крестьянство против советской власти не борется и сдал два броневика с двумя трехдюймовыми орудиями и двумя пулеметами. Затем собрал крестьян и сказал, чтобы все расходились. Восстание продолжалось четыре дня. В этот период были арестованы повстанцами члены волисполкома, их хотели убить, но я их спас. В числе их были члены партии коммунистов Шабинский, Назаров, Губенко, Панченко, Бондарев... В период добровольцев я выручил из контрразведки товарищей Пасисниченко, Замашкина, Маркиновича. (Трое из них подтвердили это, направив в губЧК положительные отзывы о Малом. — *Ред.*). 17 декабря я сам был арестован контрразведкой и просидел четыре дня. Меня освободили, отобрав подписку явиться 27 декабря, но я скрылся».

Одарий занимался хлебопашеством и кузнечным делом, в годы германской войны был на фронте в 15-й пехотной дивизии, в нестроевой команде, после демобилизации в ноябре 1918 года вернулся домой.

О событиях лета 1919 года рассказал то же, что и Малый, добавив: «Нас собралось из сел Белка, Лозоватка около полтораста человек. Руководителем нашим на сходе был назначен учитель села Белка Малый Федор. Он долго не соглашался, говорил, что он не может быть руководителем, но в конце концов его заставили... Помощником у него я не был и шел в отряде простым повстанцем, как и другие крестьяне. Учитель Малый, доведя нас до станции Раздельная, объяснил, что нас, крестьян, обманул помещик Ставро и немцы и что самое лучшее — это разойтись по домам, а броневики и пулеметы сдать товарищу Гореву... Мы послушались его и разошлись... О товарище Малом еще могу добавить, что он всегда жил в большой дружбе с крестьянами, преимущественно бедными. Его уважали крестьяне всей волости как честного труженика, евреи к нему тоже хорошо относились. Вообще в волости он пользовался большим влиянием. Больше по делу показать ничего не имею. Свой арест и арест Малого считаю недоразумением».

7 мая уполномоченный Кириллов принял постановление по обвинению их в «участии летом 1919 года в восстании крестьян и немецких колонистов против советской власти, Малого как руководителя, Одария как его помощника». Повторив показания арестованных, Кириллов написал: «вся Бельчанская волость ручается за Малого и Одария как за лояльных по отношению к советской власти, они немедленно могут быть освобождены из-под стражи с отобранием у них подписки о невыезде из села Белка до конца следствия».

Однако вечером того же дня постановление дополнено следующей фразой: «Ввиду того, что полученное мною 7 мая заявление члена КП(б)У Морского района Беляева Василия от 30 апреля изменяет дело, давая новый материал для обвинения, и роль Малого и Одария нуждается в более точном выяснении, полагаю, что до проверки фактов, опи-

санных в упомянутом выше заявлении, граждане села Белка Малый и Одарий освобождению из-под стражи не подлежат».

Моряк-партработник Беляев, в противоположность сказанному в приговорах сельских сходов, в своем заявлении написал: «...Малый в прошлом году организовывал повстанческие отряды и активно участвовал против красных войск и коммунистов, командуя этими отрядами в расположении станции Раздельная. Агитировал темное крестьянство против советской власти при поддержке социал-демократов, представителей партии меньшевиков одесской организации. Господин Малый в прошлом году жестоко расправлялся с нашими представителями... Подготовленное агитацией против коммунистов освирепевшее темное крестьянство точно исполняло все приказания господина Малога. Это все было в прошлом году. В этом же году повел опять агитацию против коммунизма...» Указаны также фамилии девяти его «сообщников» — «активных участников восстания» (дел на этих людей в фонде «П» нет. — *Ред.*)

8 мая в ОГЧК поступило заявление противоположного содержания от члена КП(б)У А. Евдокименко (Бессарабченко); он утверждал, что на сельских сходах Малый «определенно выступал в защиту советской власти, ничего контрреволюционного от него не слышал».

С 8 по 12 мая допрошены четверо свидетелей, преимущественно членов КП(б)У, хорошо знавших обвиняемых. Они заявили: «Малый и Одарий всегда стояли на страже интересов пролетария, за что пользовались среди бедного крестьянства большим доверием». Восстание было стихийным, в нем участвовало все население, даже бедняки и середняки. Малый, как и другие интеллигенты деревни, вынужден был принять участие под угрозой расстрела.

Врач из местечка Яновка, очевидец событий июля 1919 года, передал следователю протокол схода и сказал, что выступает от всего еврейского населения Яновки, которое его делегировало для дачи показаний. «В июле прошлого года пошли слухи о готовящемся восстании. Еврейское население Яновки страшно заволновалось, так как считало, что крестьянское восстание и еврейские погромы одно и то же... Когда повстанцы арестовали коммунистов — членов исполкома, разъяренная толпа требовала их смерти... Малый своим влиянием и железной волей понизил гребень разбушевавшихся страстей. Он требовал, умолял, заклинал повстанцев не убивать, не насиловать, не грабить, не громить... Еврейское население просило подчеркнуть в ОГЧК, что только благодаря присутствию Малога партработники были спасены от неминуемой гибели, жители местечка спасены от резни и погромов и во всей волости не было пролито ни капли крови...» Кроме того, свидетель сообщил, что в декабре 1919 года он сам, Малый и многие другие были арестованы белогвардейцами. На допросе Малога обвиняли в пропаганде советских идей в деревне, сопротивлении мобилизации в Добровольческую армию и что он сам уклонился от мобилизации. Малый держал себя независимо и белогвардейцам ответил: «Я не офицер, а учитель. Мое призвание — работать на ниве народного просвещения... На моей совести никогда не было и не будет ни капли крови». Во время ареста семья его болела сыпным тифом и ребенок умирал, поэтому его отпустили под подписку.

Все свидетели заявили, что он человек, несомненно, честный и прямой. Антисоветских и контрреволюционных высказываний никогда от него не слышали.

Эти факты подтверждены заявлениями и собственноручными показаниями еще нескольких человек, также членов партии. В них говорится: «Считаю своим долгом со-

общить, что только влияние Малого на толпу спасло в 1919 году от верной гибели всех яновских парработников, в том числе и меня»; «в Яновке и Белке во время восстания политических убийств не было совершенно»; «на общих собраниях крестьян не раз слышал выступления Малого в защиту советской власти»; «Малый был арестован добровольцами как подпольный большевик за то, что скрывался от мобилизации, имея офицерский чин, не хотел служить в Добровольческой армии».

Беляев остался единственным свидетелем обвинения. Вызванный на допрос 13 мая, он сообщил, что с 1917 года находится на парработе в Одессе. Очевидцем событий 1919 года в селе Белка не был. С обвиняемыми незнаком. «То, что мною написано в заявлении, я слышал от крестьян... и из их слов я вывел заключение, что не только учитель Малый и гражданин Одарий были зачинщиками восстания, но и другие граждане села Белка, список которых приведен у меня в заявлении». В отношении Малого также слышал от крестьян, что он освободил из-под ареста коммунистов, но уверен, что тот сделал это, предвидя подавление восстания. «Со слов наших товарищей, работавших в селе Белка, заключаю, что Малый — правый эсер... об Одарии могу только сказать, что он человек темный и во всем, как видно, слушался Малого».

20 июня, почти через два месяца после ареста, уполномоченный по общим делам при секретно-оперативном отделе ОГЧК Кириллов составил заключение по делу: «В конце июля 1919 года в Бельчанской волости под влиянием немцев-колонистов села Еремеевка произошло восстание крестьян против советской власти... Дойдя до станции Раздельная и узнав, что вблизи находится карательный отряд товарища Горева, крестьяне... подчинившись убеждениям своего руководителя учителя Малого, разошлись по домам... Роль учителя Малого и его помощника Одария в восстании сводилась к приданию ему организованного характера, причем, как видно из показаний свидетелей, учителем Малым не был допущен погром в Яновке, а также им было предотвращено насилие над арестованными коммунистами... Малый объяснил, что был вынужден сходом принять участие в восстании, но свою роль как руководителя отрицает. Свое влияние объясняет тем, что крестьяне его хорошо знают и уважают как учителя. Далее он говорит, что на станцию Раздельная ездил в качестве делегата повстанцев к товарищу Гореву, начальнику карательного отряда, и сдал ему два броневика... Одарий объяснил, что был рядовым повстанцем, помощником Малого не состоял... Ввиду того, что обвинение в руководстве восстанием крестьян доказано и виновность обоих установлена, Малый и Одарий подлежат высшей мере наказания. Но принимая во внимание, что Малый не допустил насилия над арестованными коммунистами, что благодаря его вмешательству еврейское население местечка Яновки спаслось от ужасов погрома, что Одарий, как человек темный, шел за своим руководителем, исполняя обязанности помощника, полагаю, что мерой наказания достаточно было бы избрать заключение обоих в концлагерь: Малого на 5 лет, Одария на 3 года».

Окончательное решение принято через месяц.

20 июля 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Ф. С. Малого и Л. Д. Одария по обвинению в «приеме участия в восстании летом 1919 года», постановила: **заклЮчить в концлагерь на 5 лет каждого.**

Место отбытия заключения и дальнейшие судьбы неизвестны.

В 1995 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Доказательств о контрреволюционной деятельности в деле не имеется... Наоборот, материалы свидетельствуют о лояльности Малого к советской власти».

Реабилитированы 20 февраля 1995 года заключениями прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года, «так как в деле нет совокупности доказательств совершения преступления».

(Дело № 27181-п на 2 человек)

29 апреля 1920 года особой группой ЧК без предъявления обвинения арестована **ФИАЛКОВСКАЯ Людмила Феодоровна (Федоровна) (21 год)**. Родилась в 1898 (1899) году в Одессе (?); русская, из мещан; образование среднее, по профессии — машинистка-переписчица; беспартийная, не замужем. На момент ареста постоянного места работы не имела; проживала в Одессе (Воронцовский пер., 2, кв. 28).

Обстоятельства ареста изложены в заявлении Софьи Яровой, поданном 29 апреля на имя начальника особой группы Управления начальника чрезвычайных комиссий и особых отделов при ревкоме Украины Ф. Я. Мартынова. В нем говорится: «Сегодня, проходя по Екатерининской улице, я встретила знакомую женщину, которая служила в контрразведке при белых и выдавала коммунистов, а также всех ответственных работников. Встретя одного человека, я сказала ему, чтобы он задержал и отправил ее в ЧК».

Ордер № 1340 особой группы ОГЧК на арест и обыск оформлен 29 апреля, после того как арестованная была доставлена в комендатуру ЧК. В протоколе обыска, проведенного в тот же день на квартире, где она жила вместе с родителями, указано, что изъяты пять винтовочных патронов, личные документы и фотографии.

29 апреля 1920 года особой группой ЧК без предъявления обвинения арестованы **ЛИВИНСКАЯ (ЛЕВИНСКАЯ) Александра Михайловна (28 лет)**. Родилась в 1891 (1892) году; место рождения, национальность, происхождение, образование, профессия не указаны; беспартийная; замужем. На момент ареста работала на коммунальном складе; проживала в Одессе (ул. Жуковского, 47, кв. 30);

ЛИВИНСКИЙ (ЛЕВИНСКИЙ) Николай Данилович (Дмитриевич) (25 лет). Родился в 1894 (1895) году, русский; место рождения и происхождение не указаны; образование среднее, по профессии — конторщик и телефонист; беспартийный; женат. На момент ареста служил в сводно-полевом тяжелом артиллерийском дивизионе 41-й стрелковой дивизии в должности старшего телефониста; проживал в Одессе (ул. Жуковского, 47, кв. 30);

ЛИВИНСКИЙ (ЛЕВИНСКИЙ) Стефан (Степан) Данилович (Дмитриевич) (22 года). Родился в 1897 (1898) году, русский; место рождения и происхождение не указаны; образование среднее, по профессии — писмоводитель; беспартийный; холост. На момент ареста служил в сводно-полевом тяжелом артиллерийском дивизионе 41-й стрелковой дивизии в должности писмоводителя; проживал в Одессе (ул. Колонтаевская, 39, кв. 23).

Обстоятельства ареста. Жених Людмилы Фиалковской Стефан Ливинский с братом и невесткой находились в гостях у Фиалковских, когда к тем пришли с обыском. Все трое Ливинских были задержаны.

Ордер № 1341 особой группы ОГЧК на арест и обыск оформлен 29 апреля, после того как арестованные были доставлены в комендатуру ЧК. В протоколе обыска, проведенного в тот же день на квартире Николая и Александры Ливинских, указано, что изъяты переписка и фотографии. Проводился ли обыск у Стефана Ливинского — неизвестно, ордера и протокола обыска нет.

Постановлений о содержании под стражей и анкет арестованных в деле нет.

Запротоколированы три допроса Фиалковской (29 апреля дважды и 18 мая), по два допроса братьев Ливинских (30 апреля и 14 мая) и один допрос А. Ливинской (30 апреля). Допросы провели в апреле начальник особой группы Мартынов и сексот Николай, в мае — помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Чумаченко.

В протоколах, а также изъятых при обыске личных документах арестованных содержатся следующие сведения.

Фиалковская до 1917 года училась, затем до начала февраля 1918 года служила конторщицей-машинисткой 51-го тылового эвакуационного пункта в Одессе, вела делопроизводство по хозяйственной части. С мая 1918 по март 1919 года — машинистка и писарь в управлении Одесского уездного воинского начальника. После установления советской власти в 1919 году управление было упразднено, и хотя в штат сменившего его городского военного комиссариата она зачислена не была, но полтора месяца продолжала служить без оклада в учетно-мобилизационном отделе при военкомате; в июле зачислена машинисткой. При белогвардейцах в 1919 году вначале нигде не работала, в ноябре поступила вольнонаемной переписчицей и машинисткой в резерв Подольской губернской бригады государственной стражи при Главкомандующем вооруженными силами на юге России, где прослужила до января 1920 года. С большинства мест службы имела положительные отзывы и рекомендации «как хорошего и полезного сотрудника».

По поводу обвинения категорически заявила, что никогда в контрразведке не служила, никакой связи с нею не имела и в контрреволюционном движении не участвовала, коммунистов не выдавала. Однажды ее вызывали в контрразведку для опознания арестованного Мирского — мужа ее школьной подруги; на допросе сказала, что знает его мало и что у большевиков он не служил. «Даму, которая показала на меня, что служила в контрразведке, я видела в тот же день, когда меня вызывали по делу Мирского. Она за кого-то хлопотала, и мы с ней стояли в очереди, с ней я совсем не знакома...» На вопрос о знакомствах с белогвардейскими офицерами ответила, что знала нескольких по службе в Подольской бригаде, «товарищеских отношений с ними не имела». Об арестованных у нее на квартире Ливинских показала, что Стефан — ее жених, с его родственниками познакомилась недавно. Назвала нескольких человек, служащих в губернском военкомате и милиции, которые могут подтвердить: «я не контрреволюционерка и не была».

Особое внимание на втором и третьем допросе было уделено одной из бумаг, изъятых при обыске на квартире, где проживала ее семья. На маленьком листке написано: «№ 1708. Декабря 18 дня, 1919 года. Получено от Александры Фиалковской в пользу Добровольческой армии пять тысяч (5000) рублей. Заведующий комитетом Красного Креста Алексеев» (печати нет, Александра — младшая сестра Людмилы. — *Ред.*). Людмила Фиалковская заявила, что ничего об этом не знает — ни она, ни ее родители никогда не делали таких пожертвований.

Допросивший ее сотрудник особой группы ЧК написал под протоколом такое заключение: «Бумаги, изъятые у Людмилы Фиалковской, сходятся с ее показаниями о ее... службе. Из бумаг же взятых на квартире ее видно следующее: родители ее да и она сама относились к Добрармии довольно сочувственно. Доказательством тому служит расписка о получении от госпожи Фиалковской на нужды Добрармии 5000 рублей. Кроме этого найдены листовка против левого крыла революции (в деле отсутствует. — *Ред.*), письмо, где очень сожалеется об отступлении деникинской армии (в деле отсутствует.

— *Ред.*), множество фотокарточек со снимками офицеров (в деле отсутствуют. — *Ред.*). Между тем на заданные мною вопросы отвечала отрицательно о поддержке Добрармии, о своем и родительском враждебном отношении к ней и полным незнанием кого бы то ни было из офицеров Добрармии».

Стефан Ливинский сообщил, что окончил 6 классов гимназии, в 1917–1918 годах служил в городской управе конторщиком в продовольственном отделении, затем приказчиком в продовольственном магазине. В 1919 году при советской власти — приказчиком в комиссариате продовольствия, позже — телефонистом 14-го артиллерийского дивизиона; когда пришли добровольцы, места службы не имел, болел брюшным тифом, в октябре был мобилизован в качестве санитаря 1-го Одесского эпидемического отряда Российского общества Красного Креста, служил на станции Бирзула, а с декабря работал санитаром в Одесском хирургическом госпитале Красного Креста. После установления в 1920 году советской власти служит в 41-й стрелковой дивизии. (Изъятые у него при обыске документы полностью соответствуют этим показаниям).

В связи с тем, что среди его бумаг обнаружен чистый бланк 2-го Крымского стрелкового полка Белой армии, объяснил, что это не его бланк, взял у товарища, когда приходилось скрываться от добровольческой мобилизации. По поводу обвинения заявил: «С контрразведкой связан не был, с офицерами Добрармии никакого знакомства не вел... Фиалковскую знаю месяца полтора. О связи ее с контрразведкой сведений не имею. Семью ее мало знаю, так как редко бывал у них. Своего брата и его жену сегодня познакомил в первый раз с семьей Фиалковских».

Николай Ливинский окончил реальное училище, служил в Минске конторщиком в частной конторе Рабиновича, в годы войны — писарем в управлении начальника военных сообщений армий Западного фронта. В 1918 году при добровольцах жил в деревне Александровка Подольской губернии у брата-землевладельца. В 1919 году в период советской власти служил телефонистом в 14-м легком артиллерийском дивизионе, после смены власти 24 августа арестован добровольцами за агитацию против Добрармии, находился в тюрьме около двух месяцев, благодаря ходатайствам сослуживцев-телефонистов освобожден за недоказанностью обвинения, но взят под надзор. По мобилизации поступил в «Священный отряд», организованный митрополитом Платоном, где пробыл около двух недель, перед отправкой отряда на фронт бежал и вынужден был скрываться. С февраля 1920 года служит старшим телефонистом в 41-й стрелковой дивизии.

На вопрос о найденном у него при обыске чистом бланке 41-й дивизии ответил: «Бланк находился у меня на всякий случай при служебных делах, так как в случае срочного дела иногда трудно бывает находить писаря». По поводу обвинения заявил: «В Добрармии нигде не служил, против советской власти нигде не работал, с контрразведкой связи не имел. Фиалковскую знаю недели три и о службе ее в контрразведке ничего не знаю... Познакомились с Фиалковскими ввиду того, что предполагалась скоро свадьба».

Александра Ливинская сообщила, что в прошлом году вышла замуж, служила конторщицей в фирме Леме, в сентябре 1919 года была уволена из-за ареста мужа добровольцами. «...Из тюрьмы выручила я сама, благодаря своим слезам... после освобождения мужа нас преследовали и мы скрывались на Большом Фонтане на даче Критиковой... Всю семью Фиалковских совершенно не знаю...»

30 апреля у всех троих Ливинских взяты подписки о невыезде из Одессы и они освобождены.

2 мая дело передано из особой группы в секретно-оперативный отдел ОГЧК с уведомлением, что Ливинские освобождены под подписку, а Фиалковская содержится в тюрьме губЧК.

14 мая братья Ливинские, допрошенные в качестве свидетелей, повторили прежние показания.

Допросы остальных свидетелей проведены 30 апреля и 27 мая.

Женщина, донесшая на Фиалковскую, заявила, что якобы встречала ее в контрразведке в течение четырех месяцев и та «приходила к следователю без всяких пропусков и просиживала там по полтора-два часа». Однажды Фиалковская якобы заявила в ее присутствии: «Мало коммунистов расстреливать, их нужно вешать на столбах, они расстреляли в чрезвычайке моего брата». (Был ли у нее брат, и если был, то какова его судьба — ни она, ни ее родственники не допрашивались. — *Ред.*)

Отец Фиалковской утверждал, что в контрразведке она не служила, а также что «при добровольцах к нам из офицеров никто не приходил... в пользу Добровольческой армии денег не жертвовали, так как мы люди не состоятельные... Ливинских совершенно не знаю, жених моей дочери приходил недели две-три...»

Ее 16-летняя сестра Александра также сказала, что Людмила никогда в контрразведке не служила. На вопрос о себе ответила, что живет на средства родителей и в пользу Добровольческой армии ничего не жертвовала. Далее в протоколе написано в скобках: «Присутствие расписки на 5000 рублей в пользу Добрармии объясняет шуткой».

Дворник дома, в котором проживала семья Фиалковских, показал: «...Людмила служила у командующего войсками, отец же ее — поваром у градоначальника... Во время деникинщины к Фиалковской ходило много офицеров и кадетов...»

Школьная подруга Фиалковской Мария Мирская подтвердила ее показания: добровольцы арестовали ее мужа, но впоследствии освободили; где он сейчас — не знает, так как они разошлись. О службе Фиалковской в контрразведке ничего не знает.

4 мая Ф. В. Фиалковский подал в комиссию по разгрузке тюрьмы прошение об освобождении дочери и приложил рекомендательные письма. В одном из них два члена КП(б)У характеризовали Людмилу «как честную и аккуратную работницу». Во втором фабричный комитет при фабрике А. Жако и К^о свидетельствовал: «...Во время пребывания Добрармии она совершенно нигде не служила. Вообще семья Фиалковских хорошо нам известна как трудовая и в политическом смысле вполне благонадежная».

Подписавший это обращение председатель фабкома 27 мая был вызван на допрос. Сказал, что знает Фиалковскую как хористку, «ни в чем контрреволюционному ее не замечал», и когда его давний знакомый, также церковный хорист, попросил содействовать ее освобождению, он написал это обращение.

В тот же день допрошены еще двое свидетелей — сотрудники губернского военкомата, названные Фиалковской: начальник отдела снабжения и начальник административно-мобилизационного отдела. Первый заявил, что знает ее «как честную работницу, ни в чем контрреволюционному не замеченную... но за политическую благонадежность принципиально ни за кого ручаться не могу». Второй также сказал, что ничего контрреволюционного за ней не замечал и добавил: «Во время добровольцев она встречалась с моей женой, и я лично слышал приблизительно за месяц до прихода советской власти, как она отзывалась хорошо о советской власти и ждала ее. Знаю, что она была знакома хорошо с добровольческими офицерами, которые имели на нее влияние в смысле сочув-

ствия Добрармии. Но вредной личностью и опасной для советской власти таких мелких и ничтожных личностей я не считаю. По приходе советской власти она просилась на службу в губвоенком, но я ее не принял, ибо принципиально против сотрудничества женщин в таком серьезном отделе, как мобилизационный отдел».

4 июня помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Чумаченко составил заключение по делу всех четверых подсудимых, обвиняемых в «службе в контрразведке». В заключении сказано: «Людмила Федоровна Фиалковская в бытность добровольцев часто бывала в контрразведке... имела тесную связь с офицерами контрразведки. Из переписки видно, что она имела много знакомых офицеров Добрармии и о сочувствии ее к Добрармии. Найдена... расписка о получении в пользу Добрармии 5000 рублей. Ливинские Стефан, Николай и Александра задержаны с нею на квартире и уже отпущены под расписку, знакомы с нею до ее ареста два месяца и никакого отношения к делу не имеют. На основании вышеизложенного Фиалковскую Людмилу Федоровну как вредный элемент для советской власти заключить на все время гражданской войны в концентрационный лагерь. Ливинских же Николая, Стефана и Александру считать оправданными, выдав на руки отобранные документы».

4 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело по обвинению всех четверых в «связи с контрразведкой», постановила:

Л. Ф. Фиалковскую заключить в концлагерь сроком на 3 года;

в отношении А. М. Ливинской, Н. Д. Ливинского и С. Д. Ливинского дело прекратить и документы вернуть.

Поверх печатного текста — надпись от руки: «Сокр[атить до] 2 лет». Место отбытия заключения и дальнейшая судьба Фиалковской неизвестны. Документы, изъятые при аресте у Ливинских, остались в деле.

В 1994 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «На допросе Фиалковская показала, что в контрразведке никогда не служила; доказательств, опровергающих эти показания, в деле нет. Имеющиеся в деле материалы, наоборот, подтверждают показания Фиалковской и ее невиновность по данному делу».

Реабилитированы 18 августа 1994 года:

Фиалковская — заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «так как в деле отсутствует совокупность доказательств совершенного ею преступления»;

Ливинские — справками прокуратуры, что дело в отношении каждого прекращено постановлением ОГЧК от 4 июня 1920 года, «в результате чего они реабилитированы».

Примечания.

1. В документах встречаются разные варианты фамилии подсудимых: Ливинские и Левинские, разные отчества братьев: Даниловичи и Дмитриевичи, Александра Ливинская в постановлении ОГЧК названа Александром. Это означает, что в ходе следствия их личности остались неустановленными, что исключает производство по делу в принципе. Собственные подписи подсудимых и написание их фамилий и отчеств в личных документах, изъятых при обыске, — Ливинский Стефан Данилович и Ливинский Николай Данилович.

2. В протоколах обысков указано, что изъято много фотографий. Ни одной из них в деле нет.

3. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать точно срок заключения Фиалковской пока невозможно.

4. Приложена копия выписки из дела с подробным описанием хода следствия, составленная 25 июня 1984 года «для приобщения к материалам на Мартынова и к экспозиции в ЧК-кабинете УКГБ». (Почетный чекист Федор Яковлевич Мартынов в 1920 году вел дело о подпольной белогвардейской организации под названием «Азбука»).

Приводим несколько фрагментов из выписки.

О начале дела:

«В процессе поиска Фиалковского Юрия (Евгеньевича), упоминаемого в записях С. В. Назимова-Некрасова как одного из старейших членов «Азбуки», «очень, по-детски преданного В. В. Шульгину», руководившего в «Азбуке» всей разведывательной работой (прибыл в Одессу с Шульгиным в декабре 1919 года, жил у отца по Пироговской, 3 (по соседству с В. П. Катаевым), — была выявлена Фиалковская Людмила Федоровна... проживавшая напротив «Азбуки» по Воронцовскому пер., 2, кв. 28. В поле зрения поиска она появилась следующим неожиданным образом.

29 апреля 1920 года начальник особой группы Управления начальника чрезвычайных комиссий и особых отделов при ревкоме Украины Федор Яковлевич Мартынов получил на свое имя заявление Софьи Леоновны Яровой... По всей видимости, задержанная Людмила Фиалковская была допрошена лично Ф. Я. Мартыновым тут же, так как протокол допроса, заполненный его рукой и за его подписью, был датирован также 29 апреля 1920 года...»

Оригинал этого протокола допроса и листок бумаги, который сотрудники ЧК — КГБ сочли квитанцией на 5000 рублей, пожертвованные Александрой Фиалковской в пользу Добровольческой армии, помещены в ЧК-кабинет. В деле хранятся ксерокопии этих документов.

О других документах, изъятых в квартире Фиалковской:

«С приходом советской власти в апреле 1919 года начальник Одесского учетно-мобилизационного отдела при военном комиссариате товарищ Фукс счел возможным выдать ей справку, что она состоит на службе во вверенном ему отделе... Не остался в стороне и начальник административно-мобилизационного отдела В. Григорьев, который 4 июля 1919 года также оставил свой автограф: «Рекомендую как хорошую исполнительную работницу, работающую не за страх, а за совесть. Несмотря на то, что всем сотрудникам бывшего воинского начальника, не вошедшим в число сотрудников горвоенкома, было объявлено, что платить не будут, она все-таки работала полтора месяца, тогда как другие ушли, и работу всегда исполняла аккуратно, и если в настоящее время не зачислена в штат, то только потому, что в мобилизационной части нет вакансий. По освобождении таковой всегда может быть переведена».

...Характерно, что все бумаги за советский период находились у нее на руках, стало быть, Фиалковская своевременно извлекала их из своего личного дела или кто-то передавал их ей». *Так называемые бумаги за советский период — это справки, удостоверения с места работы и выданная ей рекомендация.*

После упоминания, что в июле 1919 года она поступила на должность машинистки в городской военкомат, в скобках дан следующий комментарий: «Как раз в это время пошли в ставку Деникина наиболее сочные донесения «Азбуки» («Око») со сведениями, полученными в горвоенкомате.»

О допросах в особой группе:

«30 апреля 1920 года сотрудником особой группы Николаем (ср. почерк работавшего непосредственно по «Азбуке» и организации Ярошенко сексота «Николая») были допрошены: Яровая, Мирская, дворник дома 2 по Воронцовскому переулку, Ливинские Н., С., А. и Фиалковские Ф. В., А. Ф. и Л. Ф.».

О показаниях С. Ливинского:

«При обыске обнаружен чистый бланк 2-го Крымского стрелкового полка с круглой печатью командира 2-й роты. Полк этот, как известно, входил в состав крымских соединений деникинской Добровольческой армии. Так что биография им рассказана не совсем искренне».

О ходе следствия:

«2 мая 1920 года Мартынов направил материалы дела в ОГЧК при следующей записке: «В Одесскую губЧК, заведующему секретно-оперативным отделом Дейчу.

При сем препровождаю дело Людмилы Фиалковской, Николая, Стефана и Александры Ливинских на распоряжение, присовокупляя, что Николай, Стефан и Александра освобождены под подписку, а Людмила Фиалковская содержится в тюрьме при губЧК и сего числа содержанием перечислена за вами» (оригинал — в экспозиции ЧК-кабинета УКГБ).

В ОГЧК дело это поступило к помощнику уполномоченного по борьбе с контрреволюцией товарищу Чумаченко, который 14 мая 1920 года допросил обоих братьев (в комнате 144, 5-й этаж, Маразлиевская, 40а)».

О допросах свидетелей:

«Чумаченко, по всей видимости, был чрезвычайно удивлен появлению рекомендации от фабрики Жако, так как 27 мая допросил... председателя фабкома фабрики Жако и К°, который показал нечто удивительное: «К нам в комитет пришел Керженецкий Алексей Михайлович, которого я знаю с 1916 года как церковного хориста, и стал просить нас действовать освобождению Людмилы Фиалковской, которую знаю тоже как хористку. Ни в чем контрреволюционным ее не замечал. И под влиянием его просьбы мы написали бумагу о том, что в контрреволюционной работе ее не замечали. Больше ничего по этому делу показать не могу». (Обращение фабкома подано 3 мая, допрос проведен 27-го. — Ред.)

О допросах 27 мая двух других свидетелей сказано: «отвечали весьма уклончиво», — а то, что они являлись сотрудниками губвоенкома, знавшими Фиалковскую по прежней службе в горвоенкомате, вообще не указывается.

После упоминания постановления ОГЧК о заключении Фиалковской в концлагерь на три года (то, что срок исправлен на два года — не отмечено) следует заключительная фраза: «Так «Азбука» лишилась еще одного полезного своего тайного сотрудника». Однако никаких сведений о принадлежности Фиалковской к «Азбуке» ни в данной выписке, ни в самом деле нет.

(Дело № 26959-п на 4 человек)

Не позднее **30 апреля 1920 года** особым отделом ВЧК при реввоенсовете Юго-Западного фронта без предъявления обвинения арестован

ДЕНИСОВ Александр Иванович (25 лет). Родился в 1894 (1895) году в Аккермане Бессарабской губернии; русский (?), из мещан; образование среднее, по профессии — кадровый офицер, штабс-капитан; беспартийный; холост (?). На момент ареста числился в Добровольческой армии; постоянное место жительства — Аккерман (Георгиевская ул., 33).

Не позднее **1 мая 1920 года** особым отделом ВЧК при реввоенсовете Юго-Западного фронта без предъявления обвинения арестован

АКИШЕВ Николай Александрович (20–21 год). Родился в 1899 году, место рождения и национальность не указаны, из дворян; образование неполное среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, подпоручик; беспартийный; холост (?). На момент ареста числился в Добровольческой армии; постоянное место жительства — город Изюм (ул. Пушкинская, 19).

Обстоятельства ареста. Акишев и Денисов находились на фронте, в составе дивизии белых под городом Геническим перешли на сторону красных и сдались в плен.

Ордера на арест и обыск, протоколов обыска, постановлений о содержании под стражей, анкет арестованных в деле нет.

Единственный запроотоколенный допрос *Денисова* провел 30 апреля следователь особого отдела ВЧК при реввоенсовете Южного фронта Пиванов. В протоколе записано, что допрашиваемый происходит из семьи купца, по окончании аккерманской гимназии был мобилизован в армию, попал на фронт, служил в 418-м пехотном Александровском полку в чине штабс-капитана. В 1918 году после демобилизации вернулся домой, жил при отце, работы не имел. В 1919 году его мобилизовали белые; служил в Алексеевском полку, участвовал в боях против красных, но не по убеждению: «Цели их не знал, только слышал, что борьба идет за Учредительное собрание. На советскую власть я последнее время смотрел как на организацию».

Под протоколом допроса — заключение следователя Пиванова от 30 апреля: «Рассмотрев дело штабс-капитана Денисова Александра и принимая во внимание, что он служил в рядах Добрармии партизаном и был в боях против красных, сам сын купца, для советской власти полезным быть не может. А потому полагаю возможным заключить в концлагерь в город Орел по группе V».

Единственный запроотоколенный допрос *Акишева* провел 1 мая следователь особого отдела ВЧК при реввоенсовете Южного фронта В. Денисевич. В протоколе записано, что допрашиваемый происходит из дворянской семьи, но отец его служил десятником в земской управе города Изюма Харьковской губернии и собственности не имел. Окончив 4 класса Полтавского кадетского корпуса, Акишев попал на фронт; в конце 1917 года находился в резерве в городе Ровно. После демобилизации уехал жить в Сочи к тетке. В феврале 1919 года мобилизован в Белую армию, служил в пешей разведке Алексеевского полка в чине подпоручика; о своей службе заявил: «Относиться к Добрармии хорошо нельзя, так как при последнем отступлении она грабила».

Под протоколом — заключение следователя Денисевича от 1 мая: «Рассмотрев дело подпоручика Акишева Николая, нашел: 1) что он участвовал в боях против Красной армии; 2) что не интересуется и не разбирается в политических событиях, а слепо защищал интересы капиталистического строя. Полагаю отправить его в город Орел в концентрационный лагерь, причислив к группе V».

2 мая 1920 года заместитель начальника особого отдела ВЧК Юго-Западного фронта, рассмотрев дела *Н. А. Акишева* и *А. И. Денисова* по обвинению в «службе в Добрармии», постановил: **отправить в город Орел и заключить обоих в концлагерь по группе V.**

Дальнейшие судьбы неизвестны.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

(Дело № 13770-п на 2 человек)

30 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован

ПАЛЕЕШ (ПАЛИЕШ, ПОЛЕЕШ) Юрий Борисович (29 лет). Родился в 1890 (1891) году в местечке Каховка Днепровского уезда Таврической губернии; национальность не указана, из служащих; образование незаконченное высшее, специальность не указана; беспартийный, холост. На момент ареста — студент (учебное заведение не

указано), служащий резерва рабоче-крестьянской милиции; проживал в Одессе (ул. Нежинская, 18, кв. 31).

Обстоятельства ареста изложены в рапорте милиционера Александра Черкасова, поданном 30 апреля начальнику боевого резерва милиции. Черкасов пишет, что опознал в Палееше «контрразведчика, который нес караульную службу при добровольцах», и на этом основании задержал его и доставил в ЧК. Резолюция: «Направить в следственную часть под конвоем».

Ордер № 1782 ОГЧК на арест и обыск оформлен 1 мая, после того как арестованный уже сутки находился в комендатуре ЧК. В протоколе обыска его квартиры, проведенного также 1 мая, указано, что изъяты 653 рубля, кожаный портфель и поломанное ружье (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК).

Постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Палееша (за три месяца ведения следствия): 30 апреля на допросе он написал собственноручные показания и через полтора месяца, 18 июня, его допросил помощник уполномоченного по общим делам Альбинский.

В протоколах записано, что допрашиваемый происходит из семьи ветеринарного врача, до германской войны был студентом, затем находился на фронте, в 1917 году служил в милиции Малофонтанского района Одессы. По поводу обвинения сказал, что в караульную команду попал по назначению, будучи в сентябре 1919 года мобилизован белыми как вольноопределяющийся. «Сознавая всю гнусность учреждения, в котором служил, два раза подавал рапорт об отправке на фронт». Пробыл в роте три недели, затем уехал на петлюровский фронт. Вернувшись в Одессу в конце ноября, заболел сыпным тифом, в январе и феврале 1920 года нигде не служил и после прихода красных войск поступил в боевой резерв караульной службы милиции. «В контрразведке не служил и, будучи в караульной команде, оказывал арестованным разные услуги». Например, помог военному коменданту Тирасполя, поместив его в больницу для душевнобольных, хотя добровольцы обещали за его выдачу 5000 рублей.

В начале мая мать обвиняемого Анна Марковна Палееш подала в ОГЧК заявление, в котором писала, что он попал в конвойную команду по мобилизации, не добровольно, но оказавшись там, помогал многим арестованным. «Мне больно, что один из членов нашей семьи, глава коей был народовольцем, старший сын мой — ссыльным, обвиняется в контрреволюционной деятельности, что противоречит укладу и традициям семьи. Прошу об удовлетворении моего ходатайства о вызове свидетелей и о разрешении мне свидания с заключенным». На заявлении резолюция от 12 мая: «Прошу передать следователю непосредственно». Были ли удовлетворены просьбы матери Палееша, неизвестно.

В ОГЧК поступили также заявления в защиту обвиняемого от коммунистов, находившихся в 1919 году в подполье или арестованных белыми (написаны 6 и 7 мая):

«Настоящим удостоверяю, что Юрий Борисович Палееш в августе 1919 года по уходе советской власти из Одессы оказал очень ценную услугу бывшему военному Тирасполя товарищу Павлову (Фельдману), скрывая его сначала в городе, а затем поместив в качестве пациента в психиатрическую лечебницу, откуда близкие товарища Павлова имели возможность увезти его под видом умалишенного в Ростов»;

«...Караульный контрразведки вольноопределяющийся Палееш с арестованными обращался весьма корректно, оказывал... всякие услуги, неизвестен ни один случай избиения или глумления над арестованными со стороны Палееша»;

«Подтверждаю, что во время моего ареста в одесской контрразведке... Палееш проявил себя весьма корректным и отзывчивым человеком... Он всячески облегчал пребывание под арестом товарищей...»

Один из заявителей, инженер-механик, будучи допрошен 7 мая в качестве свидетеля, повторил то, что писал в поддержку арестованного: «Благодаря содействию Юрия Палееша я уцелел, так как он предотвратил наказание меня шомполами... О случаях дурного обращения с заключенными, я ничего от сотоварищей не слышал, а наоборот, мне говорили, что среди конвоиров он, Палееш, был очень предупредителен и оказывал многим ценные услуги».

18 мая помощник уполномоченного по общим делам Альбинский в заключении написал, что следствием не выяснено, чем обвиняемый проявил себя в караульной команде при контрразведке, поэтому «полагал бы следствие продолжать, так как данных для расстрела мало» (утверждено уполномоченным Кирилловым).

3 июня в качестве свидетеля допрошена еще одна из заявителей, секретарь губнаробраза. Она подтвердила написанное ранее и заявила, что обвиняемый не служил в контрразведке, а только нес караульную службу. «Держался он хорошо со всеми арестованными, относился ровно и спокойно».

Более чем через полтора месяца, 27 июля, допрошен последний свидетель — милиционер, задержавший Палееша. Он сказал, что во изменение поданного им ранее рапорта «должен заявить, что Палееш в контрразведке не служил, но нес караульную службу в контрразведке. Пошел ли он туда добровольно или по мобилизации, сказать не могу».

В конце июля соседи арестованного по дому также написали в ЧК заявление, в котором подтвердили его показания: Палееш служил у белых не добровольно, а по мобилизации (7 подписей). Здесь же свои ходатайства добавили еще несколько коммунистов-военных, занимающих командные должности. В одном из них говорится: «Во время пребывания в тюрьме в контрразведке не могу пожаловаться на отношение караульных, а все, что происходило в контрразведке, не зависело от караульных. От товарища Палееша к себе, бывшему военному флота, видел лишь самое доброжелательное отношение и сочувствие».

3 августа, через три месяца после начала следствия, помощник уполномоченного по общим делам Александров составил заключение по делу Палееша, обвиняемого в «службе в караульной роте при контрразведке». В документе повторяются показания арестованного и затем говорится: «Вследствие невозможности установить, был ли Палееш действительно назначен при мобилизации в караульную роту или пошел туда добровольно, но принимая во внимание отзывы о нем товарища Дины Фридендер, товарища Белого, товарища Горожанина, участие, которое он принимал в сентябре прошлого года по отношению к военному Тирасполя, поместив его в качестве пациента в психиатрическую больницу, благодаря чему Павлову удалось спастись, предлагаю гражданина Палееша Юрия Борисовича заключить в концентрационный лагерь на 1 год». Резолюция уполномоченного Кириллова от 4 августа: «Согласен».

6 августа 1920 года малая коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Ю. Б. Палееша по обвинению в «караульной службе тоже при контрразведке», постановила: «Заключить в лагерь на 1 год общ[их] работ».

Место отбытия наказания и дальнейшая судьба неизвестны.

Документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют.

Примечание.

В документах встречаются разные варианты написания фамилии подследственного: Палееш, Палиеш, Полееш. Это означает, что в ходе следствия его личность осталась неустановленной, что исключает производство по делу в принципе. Собственная подпись подследственного и написание его фамилии в части следственных документов — Палееш.

(Дело № 12014-п)

30 апреля 1920 года милицией Петропавловского участка без предъявления обвинения арестован

ПУГОВСКИЙ Филипп Николаевич (44 года). Родился в 1875 (1876) году в селе Шукай-Воды Уманского уезда Киевской губернии; национальность не указана, из крестьян; образование начальное, по профессии — хлебопашец; православный, беспартийный, холост. На момент ареста постоянного места работы не имел; временно находился в Одессе, постоянное место жительства — Винница.

Обстоятельства ареста отражены в протоколе допроса милиционера Петропавловского участка Герша Шустера от 30 апреля. Он доложил, что во время дежурства на Александровском проспекте к нему подошли два гражданина и сообщили, что на постоялом дворе в Успенском переулке некий Пуговский, в котором они опознали бывшего жандарма, агитирует крестьян, чтобы те ничего не возили в город. Он задержал Пуговского и доставил в участок милиции, а затем, после опроса, в ОГЧК.

Ордер № 1783 ОГЧК на арест и обыск оформлен 1 мая, после того как арестованный уже сутки находился под стражей (в документе он назван Перовским). В протоколе личного обыска, проведенного также 1 мая, указано, что у арестованного изъяты медаль, значок, ключи, записная книжка, кожаный кошелек и более 3 тысяч рублей разными деньгами (оприходованы отделом хранилищ ОГЧК). Через несколько дней содержания под стражей оформлен еще один ордер на арест — № 1842 от 4 мая, на этот раз с правильно написанной фамилией арестованного.

Запротоколированы три допроса Пуговского (более чем за месяц ведения следствия): 30 мая его допросили дважды — в милиции старший милиционер Петропавловского участка Зайденберг и затем в ОГЧК дежурный следователь Исаевский, а через десять дней, 10 мая — помощник уполномоченного по общим делам секретно-оперативного отдела Дновский.

В протоколах и личных документах, изъятых при обыске, записано, что допрашиваемый окончил сельскую школу, крестьянствовал, затем в течение восьми лет служил жандармом в 4-м полевом эскадроне при штабе Одесского округа — «нижним чином». В годы войны находился на фронте в составе Ахтырского полка. После демобилизации в конце 1917 года постоянной работы не имел, ходил по селам Винничины и занимался на поденную работу в поле и на огородах. В Одессу приехал в поисках работы, остановился на постоялом дворе и через три дня был арестован, за что — не знает. По поводу обвинения категорически заявил, что никакой агитации против советской власти среди крестьян не вел.

После двух недель содержания в ЧК 13 мая доставлен в одесскую тюрьму.

8 июня арестованный написал на имя следователя Ильина заявление: «Вчера при моем допросе я был напуган Вашим обращением и подписал показание, не прочитавши его (протокола этого допроса в деле нет. — *Ред.*). Поэтому теперь заявляю, что служил

при штабе из-за куска хлеба вестовым, как нижний чин, и никому зла не делал. Будучи бедным и малограмотным крестьянином, я всегда был сторонником власти народа и не мог агитировать против советской власти». (Заявление зарегистрировано в секретном отделе ОГЧК 25 июня — спустя две недели после того, как Пуговский был расстрелян).

Протоколов допроса свидетелей и очных ставок в деле нет.

Не позднее 9 июня помощник уполномоченного по общим делам С. Ильин составил заключение по делу Пуговского, обвиняемого в «агитации против советской власти». В заключении сказано: «обвинение... жандарма Пуговского... вполне доказано свидетельскими показаниями... ходил по постоялым дворам на Успенском переулке, где собиралось множество крестьян, агитировал, чтобы они не брали советских денег, не возили бы для большевиков провизию... Кроме того, у него нашли бумагу и сургуч для каких-то темных дел. Я полагал бы жандарма Пуговского расстрелять».

9 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Ф. Н. Пуговского по обвинению в «службе жандармом», постановила: его **расстрелять**, имущество конфисковать. Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 11 июня, когда дело было сдано в архив.

Реабилитирован 8 августа 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Примечания.

1. Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Пуговского пока невозможно.

2. К делу подшиты личные записки и документы Пуговского, в том числе — черновик его заявления в секретный отдел Винницкой ЧК от 17 февраля 1920 года, где он писал, что в начале февраля при обыске у квартирной хозяйки взяты его вещи: два сундука, около 6 тысяч рублей, шинель, одеяло. «...Когда забирали, я лежал больным без памяти, а потому прошу вернуть». Было ли возвращено его имущество — неизвестно.

(Дело № 26945-н)

30 апреля 1920 года военным комиссаром бронепоезда без предъявления обвинения арестован

СТРУК Гавриил Данилович (38 лет). Родился в 1891 (1892) году в деревне 2-я Богдановка (Будан) Захарьевской волости Тираспольского уезда Херсонской губернии; национальность не указана, из крестьян; неграмотный, по профессии — хлебопашец; беспартийный; женат, имел пятерых детей. На момент ареста — крестьянин; проживал в деревне 2-я Богдановка (Будан).

Обстоятельства ареста отражены в записке военкома бронепоезда «Умрем или победим» Власова от 30 апреля, поданной линейному агенту участковой транспортной ЧК станции Одесса-Главная Юго-Западной железной дороги: «При сем препровождаю арестованного, которого подозреваю как шпиона, заключая из его разговоров. Вышеуказанный, проходя между эшелонами, спрашивал, какие части отправляются на фронт — кавалерия ли, пехота или бронепоезд. Одному говорил, что сам из Харькова, другому, что он — одессит и т. д. С красноармейцами разговаривает обыкновенно, а когда его начали спрашивать после задержания, он представился совершенно малоумным. Прошу разобраться с ним тщательно как можно».

1 мая линейный агент Грицай написал заведующему уездной транспортной ЧК (фамилия не указана): «Привели к нам арестованного с бронепоезда, который задержал его (так в документе. — *Ред.*). По рассказам товарища артиллериста с бронепоезда он расспрашивал, какая часть куда уходит, конница или пехота. А когда подошли к нему, он стал притворяться полоумным и притворяться, что ничего не знает. Его стали расспрашивать, откуда он, говорит то Волынской губернии, то Подольской, то Херсонской. Прошу расследовать это дело и препровождаю бумагу с бронепоезда и его к Вам».

Ордера на арест и обыск, протокола обыска, постановления о содержании под стражей, анкеты арестованного в деле нет.

Неделю арестованный содержался при УТЧК; 7 мая вместе с материалами по делу препровожден в ОГЧК.

Запротоколированы два допроса Струка (более чем за месяц ведения следствия): 1 мая его допросил следователь УТЧК (фамилия не указана) и 7 мая — дежурный следователь ОГЧК Горшкова.

В первом протоколе записано, что допрашиваемый всю жизнь занимался хлебопашеством, кроме 1914–1917 годов, когда был мобилизован в армию ратником ополчения 2-го разряда. После демобилизации вернулся домой; имеет лошадь, двух коров, теленка, две повозки и двенадцать десятин земли.

Далее на этом же листе написано заключение уполномоченного по службе движения и пути (подпись неразборчива) от 5 мая: «Дальнейший допрос Струка стал невозможным, ибо он себя представляет как малоумный и возможно симулирует. А потому и полагаю дело и арестованного отправить губЧК для освидетельствования его и привлечения в случае выяснения факта симуляции к строгой мере наказания как явного врага советской власти».

На допросе в ОГЧК арестованный объяснил: «После тифа у меня отбило память... брат стал меня ругать, что я плохо работаю. Тогда я рассердился и поехал в Одессу, чтоб Богу помолиться чтоб выздороветь. Пробыв в Одессе пять суток, я решил уехать и пошел на станцию. Там поезда не отходили ко мне домой, я ждал поезда, что говорил — не помню». Дополнительно сказал: «После новолуния я становлюсь больным, теряю память и не знаю, что говорил. 30 апреля я пошел на станцию с тем, чтобы поехать домой, и расспрашивал куда какая часть отправляется».

7 июня помощник уполномоченного по общим делам Радионов составил заключение по делу: «Рассмотрев дело гражданина Струка Гавриила Даниловича, происходящего из крестьян Херсонской губернии, 38 лет, обвиняется в шпионаже, имеет вид глупого человека, не способного мыслить. Допросив его (протокола допроса, проведенного Радионовым, в деле нет, в протоколе от 7 мая указана фамилия Горшковой. — *Ред.*) и просмотрев дело, где указывается в отношении УТЧК, что он расспрашивал куда отправляются эшелоны кавалерии или пехоты, Струк в своем показании говорит, что он это делал без всякой цели и что он человек больной. Учитывая положение, что если бы Струк действительно являлся бы шпионом, он бы не сознался, что он расспрашивал красноармейцев, считая, что обвинение подтвердил, но то, что он делал это благодаря своей неосознанности, предлагаю его заключить в концентрационный лагерь на 3 года».

9 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело Г. Д. Струка по обвинению в «шпионаже», постановила: «**Заключить в концлагерь сроком на 6 месяцев**».

Место отбытия заключения и дальнейшая судьба неизвестны.

В 1998 году дело пересмотрено. В заключении прокурора сказано: «Анализ материалов дела свидетельствует об отсутствии совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения Струка к ответственности за шпионаж и направления его в концлагерь».

Реабилитирован 29 января 1998 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона Украины «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств совершения им преступления».

(Дело № 28419-н)

30 апреля 1920 года Одесской губЧК без предъявления обвинения арестован **ШПИЛЕВОЙ Владимир Игнатьевич (23 года)**. Родился в 1896 (1897) году в селе Будища Звенигородского уезда Киевской губернии; русский, из крестьян; образование среднее специальное, по профессии — кадровый офицер, поручик; беспартийный; холост. На момент ареста постоянного места службы не имел, инвалид; проживал вместе с отцом в Одессе (ул. Коблевская, 41, кв. 6).

Основания для ареста из дела не ясны. Судя по показаниям обвиняемого, он был задержан на улице Коронгозовой неизвестным ему человеком, который велел идти с ним в ЧК, и хотя там их не принимали, неизвестный требовал, чтобы его арестовали: «когда незнакомец настаивал, то комендант велел написать записку, которая была написана и меня посадили». Ни этой записки, ни протокола допроса задержавшего в деле нет.

Ордер № 1784 ОГЧК на арест и обыск оформлен 1 мая, после того как арестованный уже сутки находился в комендатуре ОГЧК. Изъятые при аресте личные документы и записки приложены к делу.

Протокола обыска, постановления о содержании под стражей и анкеты арестованного в деле нет.

Запротоколированы два допроса Шпилевого (более чем за месяц ведения следствия): 30 апреля его допросил дежурный следователь ОГЧК Иванов и через три недели, 20 мая — сотрудник ОГЧК, не указавший своей фамилии.

В протоколах записано, что допрашиваемый окончил рижское реальное училище и поступил в Юрьевский университет. После начала войны с Германией мобилизован, окончил киевское военное училище, был направлен на фронт, служил в 35-м Сибирском стрелковом полку в чине поручика, 27 сентября 1917 года был тяжело ранен и попал в лазарет, после демобилизации приехал к отцу в Одессу и жил на его иждивении. При добровольцах был мобилизован, но как инвалид служил на нестроевой службе дежурным офицером при интендантском складе Кавказской армии. Неявку своевременно на регистрацию бывших офицеров, объявленную приказом ОГЧК от 25 февраля 1920 года, объяснил тем, что был болен.

Среди изъятых у арестованного документов два подтверждают его показания. Первый — удостоверение, выданное 2 марта 2-м одесским эвакуационным госпиталем: «Владимир Игнатьевич Шпилевоу болен воспалением паховых желез и вследствие этого вынужден лежать в постели и на регистрацию явиться не может». Второй — регистрационная карточка от 8 марта, согласно которой «поручик Добровольческой армии гражданин Шпилевоу Владимир Игнатьевич находится на учете управления коменданта города Одессы», — свидетельствует, что он не уклонялся от объявленной регистрации.

4 июня помощник уполномоченного по общим делам Радионов составил заключение: «Рассмотрев дело гражданина Шпилевого Владимира Игнатьевича, обвиняемого в службе в Добрармии, офицер в чине поручика, служил в дни добровольцев в комендантском управлении дежурным офицером. Как видно из его показания по приходе советской власти, не желая служить Красной армии, он заболел, то есть симулировал, а потому предлагаю за уклонение от регистрации заключить в лагерь до окончания гражданской войны».

*4 июня 1920 года коллегия ОГЧК, рассмотрев дело В. И. Шпилевого по обвинению в «службе в Добровольческой армии», постановила: его **расстрелять**, имущество конфисковать. Дата расстрела не указана, — предположительно не позднее 7 июня, когда дело было сдано в архив.*

Реабилитирован 12 сентября 1994 года заключением прокуратуры Одесской области на основании статьи 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года «в связи с отсутствием совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности».

Примечание.

Протоколы заседаний коллегии ОГЧК с данными о принятых репрессивных решениях и датами расстрелов до сих пор остаются «секретными», поэтому указать дату расстрела Шпилевого пока невозможно.

(Дело № 26970-п)

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ПОДСЛЕДСТВЕННЫХ ПО ОПИСАННЫМ АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННЫМ ДЕЛАМ

Указаны фамилии, имена и отчества всех репрессированных, упоминающихся в описанных делах: тех, кто привлекался по данному делу, тех, кто упомянут в нем, но проходит по другим делам, и тех, чьи дела отсутствуют в фонде «П», но известно об их аресте. Варианты написания фамилий, другие фамилии и псевдонимы приведены в алфавитном порядке со ссылкой на первый вариант написания фамилии репрессированного.

Фамилии людей, в отношении которых предполагалось возбудить или было возбуждено уголовное преследование, но точных данных об аресте которых нет, здесь не указаны.

После порядкового номера, фамилии, имени и отчества подсудимого приведен номер дела и страницы 3-го тома «Мартиролога», где помещено аннотированное описание дела, в котором фигурирует или упоминается данный человек.

1919 год

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	№ дела	Страницы аннотации
1	Андреевская Елизавета Сергеевна	6073-п	136–137
2	Апрелев Федот Иванович	6078-п	139–141
3	Афанасьев Сергей Севастьянович	6076-п	158–159
4	Беликович Владимир Цезаревич	6071-п	121–123
5	Богачев Роман Михайлович	6055-п	141–142
6	Гавиновичский Федор Исаакович	6060-п	157
7	Гельбак Владимир Сергеевич (Александрович)	12247-п	165–166
8	Дусинский Иван Иванович	6082-п	125–135
9	Завелевич Анелия Петровна	16215-п	148–149
10	Зингер Герш Шимонович	6080-п	151–153
11	Иващенко Лев Афанасьевич	6093-п	163–165
12	Карузо Мария Димитриевна	6081-п	154–156
13	Карузо Спиридон Иванович	6081-п	155–156
14	Магденко Владимир Евгеньевич	6061-п	166–170
15	Мирошниченко Федор Иванович	6062-п	137–139
16	Мойсеенко (Моисеенко) Мария Ивановна	6094-п	160–162
17	Мусатов Александр Епифанович	6056-п	170–172
18	Петровский Михаил Борисович	6069-п	162–163
19	Подольская Мария Ивановна	6060-п	156–157
20	Савинкова Екатерина Константиновна	6065-п	172–174
21	Сатинский Владимир Васильевич	16215-п	148–149
22	Саулина Ксения Алексеевна	6092-п	153–154
23	Снежко-Блоцкий Михаил Викторович	12249-п	135–136
24	Сомова Августа Ивановна	6075-п	149–151
25	Строк Димитрий Иванович	6072-п	123–125

1.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	№ дела	Страницы аннотации
26	Сярчинский Герард Викентьевич	15206-п	159–160
27	Тургенев Владимир Александрович	6061-п	166–170
28	Хорват Иозеф (Иосиф Иосифович)	27697-п	104–120
29	Хорват Осип Осипович	27697-п	111–113
	Хорват-Адринский Осип Осипович, см.: Хорват Иозеф		
	Хорват-Идрианский Осип Осипович, см.: Хорват Иозеф		
	Хорват-Идринский Осип Осипович, см.: Хорват Иозеф		
30	Чайковский Сергей Александрович	6061-п	168–170
31	Шостак Семен Иванович	12254-п	147–148
32	Эбелов Михаил Исаевич	12250-п	142–147

1920 год
(февраль — апрель)

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	№ дела	Страницы аннотации
1	Абраменко Петр	12005-п	227–228
2	Авербух Лев Осипович	26944-п	212–214
3	Азаров Павел Григорьевич	12248-п	222
4	Акишев Николай Александрович	13770-п	467–468
5	Александров Александр Васильевич	26938-п	178–180
6	Александров Владимир Александрович	27173-п	334–336
7	Александров	26942-п	413
8	Алешин Исаак (Исаакий) Васильевич	12243-п	187–189
	А. Мурский, см.: Смирнов Сергей Петрович		
9	Андрусенко Диомид (Деомид) Калистратович	27169-п	425–428
10	Антощук Терентий Карпович	26949-п	375–377
11	Басов Вячеслав Евгеньевич	11999-п	219–220
12	Белоусов Семен Дмитриевич, он же Репин	26941-п	288–290
13	Бельченко Михаил Романович	27033-п	304–306
14	Беляев Игнатий Поликарпович	27593-п	437–446
15	Билима-Постернаков (Билима-Пастернак, Постернак, Пастернак, Пастернаков) Сергей Васильевич	26961-п	276–279
16	Бернацкая Мария	26962-п	410–411
17	Бойко Иван Фотиевич	26996-п	232–234
	Борисенко, см.: Бусло Дмитрий Петрович		
18	Борисенко (жена Борисенко-Бусло)	11973-п	197–200
	Боровская, см.: Матвеевко Елизавета Ивановна		
19	Боровский Николай Иванович	27163-п	360–362
20	Бродюк Семен Алексеевич	5657-п	183–184

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	№ дела	Страницы аннотации
21	Булкот Авраам Давидович	12049-п	282
22	Бусло Дмитрий Петрович, он же Борисенко (Борисенко-Бусло)	11973-п	197–200
23	Бутенко Ефрем Зинович (Зилович)	27052-п	413–415
24	Вацюк, см.: Дацюк Петр Осипович Вейнберг Владимир Григорьевич Великанов-Страцинский, см.: Страцинский Даниил Саввич	15655-п	245–248
25	Вовк Иван	12009-п	178
26	Волковский Иван Иванович	26988-п	200–202
27	Воробьев Афанасий Осипович	26943-п	403–404
28	Вороков Василий Иванович	27037-п	224–225
29	Воронович Франц Иванович	12238-п	406–408
30	Воронцов Владимир Георгиевич	11998-п	391
31	Гаврилюк Андрей Демьянович	26917-п	279–280
32	Гавришев Логин Логинович (Логгин Логинович)	12012-п	296–298
33	Гагарина Августа (Августина) Антоновна	7916-п	175–176
34	Гарнич-Гарницкий (Гарин-Гарницкий) Владимир Федорович	26918-п	228–231
35	Гарстинг Георг-Генрих	5691-п	428–432
36	Гладков (Глатков, Гладко) Константин Иванович	27166-п	313–316
37	Голль (Голь) Филипп Эдуардович	11975-п	225–227
38	Гончаренко Иван Максимович	27084-п	262–265
39	Горошко Яков Савич	26996-п	234
40	Говицкий Иван Петрович	8027-п	408–409
41	Данилевский Григорий Максимович	26962-п	409–411
42	Дацюк (Доцюк, Вацюк) Петр Осипович	27163-п	360–362
43	Дементьев Иван Андреевич	26958-п	273–275
44	де-Морже (де-Марже) Чеслав, он же де Морже Чернец	27798-п	316–320
45	Демьянов Александр Арсеньевич	27312-п	450–452
46	Денисов Александр Иванович	13770-п	467–468
47	Дитятин Виталий Федорович	26986-п	292–296
48	Дмитриев (Димитриев) Гавриил Тимофеевич Доцюк, см.: Дацюк Петр Осипович	27447-п	184–187
49	Дьячковский Алексей Данилович	26946-п	324–326
50	Дымченко Спиридон Тимофеевич	26968-п	362–364
51	Дяткова Ирина Георгиевна	10037-п	275–276
52	Егоров Михаил Федотов (Федотович)	28493-п	369–372
53	Жданов Михаил Савич	12820-п	232
54	Желинский (Жилинский) Михаил (Михеле) Леонидович	26974-п	446–448
55	Журавлев Григорий (Георг, Георгий) Семенович	5685-п	248–249
56	Загайкевич Богдан Петрович	26980-п	320–322

1.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	№ дела	Страницы аннотации
57	Загордан (Загардан) Никанор (Никифор, Николай) Николаевич	12005-п	228
58	Загорский Александр Владимирович	26975-п	284–285
59	Зарудский Петр Николаевич	27164-п	404–406
60	Захаров Игнат Федорович	7689-п	254–255
61	Зегорш Вильгельм	12009-п	178
62	Иванов Борис Семенович	27072-п	265–271
63	Иванов Михаил	26940-п	240
64	Иващенко Николай Михайлович	27205-п	280–282
65	Ингелевич Мария Эразмовна	26938-п	178–180
66	Иноземцев Всеволод Васильевич	26920-п	271–273
67	Иозефер (Иозефер-Иосселиане, Иоселиане) Евгений Львович (Леонович)	9192-п	255–258
68	Кавура Иван Павлович	27210-п	385–387
69	Калиновский Александр Иосифович	12243-п	187–189
70	Каминский (Каменский) Даниил Тимофеевич Канери, см.: Карнери Микеле Фраческович	27593-п	437–446
71	Каннер (Канер) Лев Феликсович	27444-п	336–343
72	Карнери (Канери, Корнели) Микеле Фраческович	27020-п	347–349
73	Карп Иван Антонович	27348-п	377–379
74	Карпов Анисим	27442-п	417
75	Карпов Трофим Анисимович (Онисимов, Анисович)	27442-п	415–417
76	Келтуяло (Келтуялов, Келтуялы, Колтуялы, Колтуяло) Александр Афанасьевич	8754-п	283–284
77	Кивович Иосиф (Осип) Хацкелевич Килтуялы, см.: Келтуяло Александр Афанасьевич	27183-п	217–219
78	Кирилюк Александр Федорович	5655-п	432–433
79	Кириченко Тимофей Артемович	28493-п	370–372
80	Кисель-Загорянский Евгений Иосифович (Осипович), он же Незнамов	11977-п	455–456
81	Клехниовский Станислав Иванович	27014-п	329–332
82	Климов Николай Николаевич	26986-п	293–296
83	Козловский Алексей Николаевич Колтуялы, см.: Келтуяло Александр Афанасьевич	27031-п	332–334
84	Комиссаренко-Комиссаров (Комиссаров-Комиссаренко) Николай Лукич Корнели, см.: Карнери Микеле Фраческович	26997-п	308–310
85	Коробко Петр Михайлович	26942-п	411–413
86	Королевич Николай Тихонович	27010-п	448–450
87	Коссовский Борис Владимирович	26986-п	293–296
88	Краст Георгий	12005-п	228
89	Крепович Константин Константинович	26989-п	388–389

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	№ дела	Страницы аннотации
90	Кузмин, см.: Кузьмин Иван Иванович Кузнецов Иван Федорович	27068-п	351–353
91	Кузьмин (Кузмин) Иван Иванович	26919-п	322–324
92	Кулешов (Кулишов, Кулишев) Кузьма Феофилактович (Феофиоктович)	27443-п	301–304
93	Куницкий Федор Григорьевич	27445-п	343–346
94	Купарадзе Петр Федорович	27026-п	285–288
95	Лапкин Владимир Иосифович, он же Хмара	12013-п	191–192
96	Лебеденко (Либедеенко) Семен Семенович	27172-п	306–308
97	Ливинская (Левинская) Александра Михайловна	26959-п	461–467
98	Ливинский (Левинский) Николай Дмитриевич (Данилович)	26959-п	461–467
99	Ливинский (Левинский) Стефан (Степан) Дмитриевич	26959-п	461–467
100	Липилин Иван Иванович	27461-п	381–383
101	Лойко Петр Васильевич	27163-п	361–362
102	Луценко Семен Никитович	11998-п	389–391
103	Лысый Парфений Кузьмич	26944-п	214
104	Мак-Гинес Джон-Иосиф	5691-п	432
105	Максимович Владимир Яковлевич	27441-п	202–205
106	Малога Александр	27051-п	417–418
107	Малый Федор Сергеевич	27181-п	456–461
108	Мамонтов Петр Михайлович	27211-п	356–360
109	Марков Георгий Авксентьевич	12002-п	391–393
110	Матвееенко Елизавета Ивановна, она же Боровская	27163-п	360–362
111	Морозов Димитрий (Дмитрий) Иванович	12003-п	193–194
112	Мрачковский Михаил Мурский А., см.: Смирнов Сергей Петрович	12820-п	232
113	Недзельский (Недзильский) Николай Антонович	26934-п	379–381
114	Недосекин Николай Федорович Незнамов, см.: Кисель-Загорянский Евгений Иосифович	27039-п	194–196
115	Николаев Михаил Николаевич	27449-п	251–254
116	Одарий Лукьян Данилович	27181-п	456–461
117	Озеров Василий Захарович	26936-п	393–395
118	Озеров Василий Эммануилович (Мануилович)	27100-п	433–437
119	Окунев Владимир Михайлович	12009-п	176–178
120	Омельченко Игнатий Сергеевич	27084-п	265
121	Омельяненко Всеволод Илларионович	27084-п	262–265
122	Орловский Анатолий Семенович	12241-п	395–396
123	Острецов Александр Иосифович (Иосипович)	27100-п	435–437
124	Палееш (Палиеш, Полееш) Юрий Борисович Паршерон (Пашерон), см.: Поршерон Габриель-Иосиф Иосифович	12014-п	468–471

Г.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	№ дела	Страницы аннотации
	Пастернак (Пастернаков), см.: Билима-Постернаков Сергей Васильевич		
125	Петленко, см.: Питленко Виталий Витальевич		
	Петров Антоний (Антон) Логвинович	26950-п	291–292
126	Пивовар (Пивоваров) Павел Феофанович	26957-п	350–351
127	Питленко (Пытленко, Петленко) Виталий Витальевич	5691-п	428–432
128	Подольцев Василий Михайлович	24605-п	419–421
	Полеш, см.: Палеш Юрий Борисович		
129	Полянин Валентин Иванович	27237-п	249–251
130	Полянюк Порфирий Александрович	9193-п	189–191
131	Поршерон (Паршерон, Пашерон, Поширон) Габриель-Иосиф Иосифович	27020-п	348–349
	Постернак, см.: Билима-Постернаков Сергей Васильевич		
	Поширон, см.: Поршерон Габриель-Иосиф Иосифович		
132	Прикот (Прикота) Василий Васильевич	7689-п	254–255
133	Приходько Михаил Иванович	13570-п	326–328
134	Проскурнин (Проскурин) Михаил Алексеевич	27236-п	353–356
135	Пуговский Филипп Николаевич	26945-п	471–472
	Пытленко, см.: Питленко Виталий Витальевич		
136	Разказов Василий Евгеньевич	26987-п	220–222
137	Разказов Сергей Евгеньевич	26987-п	220–222
	Репин, см.: Белоусов Семен Дмитриевич		
138	Селевин (Селевина) Зинаида Ивановна, она же Фалевская Станислава Владиславовна	27001-п	240–242
139	Семенов Петр Данилович	27014-п	328–332
140	Семисенко Александр Александрович	27593-п	437–446
141	Серпилин (Сerpелин) Владимир Константинович	27020-п	346–349
142	Сибогло (Сибоглу) Дмитрий (Димитрий) Степанович	27032-п	364–366
	Сигаев, см.: Сулов Анатолий Николаевич		
143	Сковронский (Скавронский) Ричард Владиславович	28588-п	242–245
144	Скотаренко (Скаторенко, Скутаренко) Семен Климентьевич (Клементьевич)	11979-п	222–224
145	Слуцкий Леонид Гершевич, он же Людовик Денди	11998-п	391
146	Смирнов Сергей Петрович, он же А. Мурский	27027-п	372–375
147	Смолеев Александр Тимофеевич	5738-п	214–215
148	Старосольский (Старосельский) Михаил Константинович	27025-п	366–367
149	Страцинский Даниил Саввич, он же Великанов-Страцинский	27024-п	180–183
150	Струк Гавриил Данилович	28419-п	472–474
151	Сурин Евгений Ильич	12820-п	231–232
152	Сулов Анатолий Николаевич, он же Сигаев	26947-п	396–398

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	№ дела	Страницы аннотации
153	Сычев Григорий Дементьевич	26973-п	234–236
154	Теминский Николай Константинович	12238-п	408
155	Тимофеев Михаил Германович	27014-п	329–332
156	Турченко Андрей Васильевич	27014-п	329–332
157	Уроде (Уродэ) Иосиф Войцехович Фалевская Станислава Владиславовна, см.: Селевин Зинаида Ивановна	26991-п	367–369
158	Фиалковская Людмила Феодоровна (Федоровна)	26959-п	461–467
159	Филатов Василий	26940-п	240
160	Филенко Павел Григорьевич	26986-п	293–296
161	Фокин Пантелеймон Алексеевич	26921-п	236–237
162	Фомин Семен Васильевич	14775-п	196–197
163	Фомин Тимофей Климентьевич	11997-п	207–208
164	Фонда (Фондо) Карло (Карл) Лаврентьевич	5244-п	398–403
165	Фролов Георгий Корнилиевич (Корнилович, Кириллович) Хмара, см.: Лапкин Владимир Иосифович	27168-п	298–301
166	Хонило (Ханило) Антон Васильевич	27450-п	310–312
167	Цуканова Варвара Ивановна	27080-п	205–207
168	Цыганков	8027-п	409
169	Черниховский Стефан (Степан) Титович	26960-п	312–313
170	Черный Михаил Семенович	27053-п	215–217
171	Чирский Владимир Антонович	27034-п	423–425
172	Чумаченко Анатолий Емельянович	27051-п	417–418
173	Шалля (Шаля, Шоля) Антон Михайлович	27141-п	258–260
174	Шатров (Шульц) Георгий	26996-п	234
175	Шаховцев Петр Васильевич	12005-п	228
176	Шершнева Иван Павлович	27029-п	260–261
177	Шлезингер (Шлейзингер) Григорий Семенович	26939-п	422–423
178	Шмидт Франц Иванович	27448-п	208–212
179	Шмидт Ясь Францевич Шоля, см.: Шалля Антон Михайлович	27448-п	212
180	Шпилевой Владимир Игнатьевич Шульц, см.: Шатров Георгий	26970-п	474–475
181	Яблонский Николай Иванович	27054-п	452–455
182	Ягодин Павел	12243-п	187–189
183	Яковенко Порфирий Семенович	12005-п	228
184	Якубовский Михаил Романович	27047-п	383–385
185	Янко Александр Лазаревич	26940-п	237–240
186	Янко Екатерина Николаевна	26940-п	238–240

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК сотрудников ЧК — ГПУ, особых отделов армий, других организаций, свидетелей, родственников и знакомых подследственных по описанным архивно-следственным делам

Указаны фамилии и, при наличии, инициалы людей, причастных к описанным делам. Названы их должность, звание (на год события) или отношение к репрессированному. Приведены также фамилии людей, в отношении которых предполагалось возбудить или было возбуждено уголовное преследование, но точных данных об аресте которых нет. После фамилии, должности и года приведены номер дела, где фигурирует названный человек, и страницы книги с описанием этого дела.

Фамилии, встречающиеся в нескольких делах, в списке не повторяются; после первого упоминания перечисляются в порядке возрастания все номера дел и указываются соответствующие страницы в книге.

Следует еще раз оговорить, что сотрудники УСБУ продолжают считать фамилии своих предшественников — сотрудников ЧК «секретными», так же как и фамилии сексотов, осведомителей и заявителей, из-за которых пострадали миллионы людей. Были эти люди ни в чем не виновны и оговорены или в чем-то повинны — не нам судить, все они — репрессированные. И наш долг, изучая историю репрессий, назвать всех их, а также и тех, кто эти репрессии осуществлял и кто им способствовал. Не ради мести, а ради исторической правды. Это наша история, и знать ее мы обязаны.

Дела 1919 года

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Агарев А. И.	член Русского народно-государственного союза (1918)	6082-п	125–135
		6080-п	151–153
Амелин	свидетель по делу Г. Ш. Зингера	12250-п	142–147
Андреенко А.	уполномоченный особого отдела III Красной армии (1919)	27697-п	104–120
Антонов (Антонов-Овсенко)	верховный главнокомандующий советских войск юга России (1918)	6056-п	170–172
Антонов И.	агент секретного отдела Вознесенского военного комиссара (1919)	6065-п	172–174
Апетер Ахмедов	начальник особого отдела XII Красной армии (1919) заведующий следственной частью особого отдела III Красной армии (1919)	6056-п	170–172
		6061-п	166–170
		6069-п	162–163
		6072-п	123–125
		6080-п	151–153
		6093-п	163–165
		6094-п	160–162
		12247-п	165–166
		12250-п	142–147
		27697-п	104–120
Баринбаум	уполномоченный Иркутского губотдела ГПУ (1922)	27697-п	104–120

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Барминский Безпалов	начальник КРО Одесского губотдела ГПУ (1925)	27697-п	104–120
	начальник санчасти группы войск Курского направления (1919)	27697-п	104–120
Безрадецкий	генерал, член Русского народно-государственного союза (1918)	6082-п	125–135
Беликович М.	жена арестованного В. Ц. Беликовича (1919)	6071-п	121–123
Белоцерковский	старшина в петлюровских войсках (1918)	6056-п	170–172
Белявский	следователь пограничной участковой ЧК (слобода Троицкая Валуйского уезда, 1919)	27697-п	104–120
Берман	начальник Иркутского губотдела ГПУ (1922)	27697-п	104–120
Бернад	вестовой штаба окружного военкома (Одесса, 1919)	16215-п	148–149
Бобровский П.	комендант штаба окружного военкома (Одесса, 1919)	16215-п	148–149
Богур	член Русского народно-государственного союза (1917)	6082-п	125–135
Бородин	начальник 10-го отделения УКГБ по Одесской области, подполковник (1978)	6065-п	172–174
Бриль	секретарь Елисаветградского ревтрибунала (1918)	6056-п	170–172
Брусилов	генерал (1910-е)	12250-п	142–147
Булгаков	адъютант в петлюровских войсках (1918)	6056-п	170–172
Бурштейн	житель города Хмельницкого (1917)	6093-п	163–165
Бюллер	барон, член Русского народно-государственного союза (1918)	6082-п	125–135
Вайруб	сосед арестованного Л. А. Иващенко (1919)	6093-п	163–165
Викторов	сотрудник иностранной агентуры особого отдела XII Красной армии (1919)	6065-п	172–174
Витолин П.	военный следователь реввоен трибунала Южного фронта (1919)	27697-п	104–120
Волошанович	сотрудник особого отдела III Красной армии (1919)	6072-п	123–125
Гавиновичий Ф. И.	курьер эвакуационного пункта Одесского района (1919)	6060-п	156–157
Гаевский	свидетель по делу Д. И. Строка (1919)	6072-п	123–125
Галанти	генеральный консул Италии (Одесса, 1924–1925)	27697-п	104–120
Ганский П. П.	член Русского народно-государственного союза (1918)	6073-п	136–137
Гарин	помощник начальника Одесского губотдела ГПУ (1925)	27697-п	104–120
Гетц	смотритель иркутской тюрьмы (1922)	27697-п	104–120
Гинц	свидетельница по делу Г. Ш. Зингера	6080-п	151–153
Гладковский	член комитета рабочих Вознесенска (1918)	6056-п	170–172
Голубев	начальник станции Палатовка Валуйского участка Южного фронта (1918)	27697-п	104–120
Гонт	уполномоченный особого отдела Восточно-Сибирского военного округа (1922)	27697-п	104–120
Гончаров	железнодорожный политкомиссар на станции Палатовка (1918)	27697-п	104–120
Григорьев	участник погромов (1919)	6094-п	160–162

1.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Гринченко	начальник разведки VIII Красной армии (1918)	27697-п	104-120
Грузинов	сотрудник особого отдела III Красной армии (1919)	6061-п	166-170
Гуз	военный следователь реввоен трибунала XIII Армии (1919)	27697-п	104-120
Данильчук	начальник железнодорожной охраны 7-го (Лискинского) участка (1918)	27697-п	104-120
Дмитриев	командир бригады VIII Армии (1918)	27697-п	104-120
Драло	служащий одесского военно-окружного автомобильного управления (1919)	6061-п	166-170
Дубровин	основатель Союза русского народа (1905)	6082-п	125-135
Дусинская Е. П.	жена арестованного И. И. Дусинского (1919)	6082-п	125-135
Дусинский И. И.	руководитель Русского народно-государственного союза (Одесса, 1918)	6055-п	141-142
		6060-п	156-157
		6073-п	136-137
		6075-п	149-151
		6076-п	158-159
		6081-п	154-156
Емельяненко П. М.	начальник центрального оперативного архива КГБ при СМ СССР, подполковник (1978)	6065-п	172-174
Закин Я.	военный следователь особого отдела III Армии (1919)	6062-п	137-139
		6073-п	136-137
		12249-п	135-136
Зарубаев	командующий войсками Одесского военного округа	12250-п	142-147
Зарудный	командир крейсера «Синоп» (1917)	12250-п	142-147
Звенев	сотрудник особого отдела III Красной армии (1917)	6061-п	166-170
Зимин	уполномоченный КРО Иркутского губотдела ГПУ (1922)	27697-п	104-120
Зингер Ш. Л.	отец арестованного Г. Ш. Зингера	6080-п	151-153
Зубков	следователь особого отдела XII Красной армии	6065-п	172-174
Иванов В.	заместитель начальника справочно-информативной части, затем начальник учетно-оперативной части ГПУ УССР (1925)	27697-п	104-120
Идин	помощник одесского губпрокурора (1925)	27697-п	104-120
Калобов	екатеринославский губернатор (1910-е)	12250-п	142-147
Кальницкий	комендант штаба группы войск Курского направления (1919)	27697-п	104-120
Кандель А.	начальник военно-контрольного пункта № 1 особого отдела XII Красной армии (1919)	6065-п	172-174
Капустянский	начальник уездной тюрьмы города Купянска (1919)	27697-п	104-120
Карелин	уполномоченный 2-й группы КРО Одесского губотдела ГПУ (1925)	27697-п	104-120
Каульборс	командующий войсками Одесского военного округа (1909), генерал	12250-п	142-147

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Качановский А. В.	член Русского народно-государственного союза (Одесса, 1918)	6081-п	154–156
		6082-п	125–135
Кнапский	врач (1919)	27697-п	104–120
Коваль	сотник в петлюровских войсках (1918)	6056-п	170–172
Коновницын	граф, основатель одесского отделения Союза русского народа (1906)	6071-п	121–123
		6082-п	125–135
Кочергин	свидетель по делу Д. И. Строка (1919)	6072-п	123–125
Кривошеев	деятель Румчерода, окружной военком (1918–1919)	6082-п	125–135
Крюков	военный комиссар VIII Красной армии (1918)	27697-п	104–120
Кузин	помощник окружного военкома (1919)	16215-п	148–149
Курек	командир полка VIII Красной армии (1918)	27697-п	104–120
Курков М.	политком 1-й Одесской автомобильной мастерской (1919)	6061-п	166–170
Кусков	помощник начальника осведомительного отдела Иркутского губотдела ГПУ (1922)	27697-п	104–120
Кушнарев	заведующий активной частью особого отдела III Красной армии (1919)	6055-п	141–142
Лапин	председатель военно-полевого трибунала Южного фронта (1919)	27697-п	104–120
Левковский	комиссар по охране Одессы (1919)	6072-п	123–125
Леонов	начальник милиции Бульварного района Одессы (1919)	12247-п	165–166
Лидин	военный следователь особого отдела III Красной армии (1919)	6056-п	170–172
Личковаха	член Русского народно-государственного союза (1917)	6082-п	125–135
		27697-п	104–120
Меламед	председатель кассационной коллегии уголовных дел Верховного суда УССР (1925)	27697-п	104–120
Мельников	судебный следователь особого отдела III Красной армии (1919)	12254-п	147–148
Меньшов	военный следователь особого отдела III Красной армии (1919)	6076-п	158–159
Мечников	товарищ одесского городского головы Пеликана (1910-е)	6071-п	121–123
		12250-п	142–147
Милицкий	член Совета рабочих депутатов и политком флотилии Красного флота (1919)	6069-п	162–163
Миронов	член кассационной коллегии уголовных дел Верховного суда УССР (1925)	27697-п	104–120
Михайлов	помощник уполномоченного 2-й группы КРО Одесского губотдела ГПУ (1924)	27697-п	104–120
Мойсеенко М. П.	муж арестованной, подлежащий аресту (1919)	6094-п	160–162
Молдаванов К.	агент секретного отдела вознесенского военкома (1919)	6056-п	170–172
Муравьев Е.	председатель Купянского ревкома, член партии левых эсеров (1918)	27697-п	104–120

Т.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Муравьев	верховный главнокомандующий Красной армии (1919)	6082-п	125–135
Наджарова	член военно-полевого трибунала Южного фронта (1919)	27697-п	104–120
Науменко	комиссар (1919)	6055-п	141–142
Николаев	военный следователь особого отдела III Красной армии (1919)	6055-п	141–142
		6078-п	139–141
		6082-п	125–135
Оболенский	граф	12249-п	135–136
Огинский	командир 1-й бригады, начальник отделения VIII Красной армии (1918)	27697-п	104–120
Озоля	член военно-полевого трибунала Южного фронта (1919)	27697-п	104–120
Осипов	заявитель по делу М. В. Снежко-Блоцкого (1919)	12249-п	135–136
Пеликан	Одесский городской голова, глава Союза русского народа (1910-е)	6071-п	121–123
		12250-п	142–147
Петренко С. З.	комиссар николаевской автоколонны (1919)	6075-п	149–151
Плотеев	житель города Хмельницкого (1917)	6093-п	163–165
Побирская Т. Г.	старший прокурор отдела поддержания государственного обвинения в судах, советник юстиции (2004)	12247-п	165–166
Подвойский Н.	предсовнаркома и наркомвоендел (1919)	6061-п	166–170
Полухин	член Купянского ревкома (1918)	27697-п	104–120
Портной П.	телефонист штаба III Красной армии (1919)	6094-п	160–162
Пятницкий	политком эвакупункта (Одесса, 1919)	6060-п	156–157
Радзевич	председатель Союза русских людей (Одесса, 1910-е)	12250-п	142–147
Рейгерин	сотрудник Иркутского губотдела ГПУ (1922)	27697-п	104–120
Рененкамф	генерал	12250-п	142–147
Романов	член кассационной коллегии уголовных дел Верховного суда УССР (1925)	27697-п	104–120
Савинков Д. А.	сотрудник особого отдела III Красной армии (1919)	6065-п	172–174
Садовский	свидетель по делу Г. Ш. Зингера	6080-п	151–153
Саморупо Е.	член Русского народно-государственного союза (1918)	6082-п	125–135
Саргани	начальник контрольно-пропускного пограничного пункта Одесского порта (1925)	27697-п	104–120
Сахаров	командир 1-й бригады VIII Красной армии (1918)	27697-п	104–120
Свидерский А.	командир нестроевой роты 50-го Украинского советского полка (1919)	15206-п	159–160
Семенов	военный следователь особого отдела III Армии (1919)	6060-п	156–157
		6061-п	166–170
		6072-п	123–125
		6075-п	149–151
		6081-п	154–156
		6092-п	153–154

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Семенов	начальник окружного военно-юридического управления (1919)	12247-п	165–166
		12250-п	142–147
		6061-п	166–170
Силин Скарлато С. Н.	заявитель по делу М. В. Снежно-Блоцкого член совета Русского народно-государственного союза, казначей (Одесса, 1918)	12249-п	135–136
		6078-п	139–141
Смаглий Смирнов Собчак	командир дивизии петлюровских войск (1918) начальник особого отдела XIII Красной армии (1919) председатель кассационной коллегии уголовных дел Верховного суда УССР (1925)	6081-п	154–156
		6082-п	125–135
		6056-п	170–172
Соколовский Сончак	сотрудник особого отдела III Красной армии (1919) соседка арестованной М. И. Подольской (1918)	6055-п	141–142
		6060-п	156–157
Спектор Суворов	житель Одессы в 1900-е годы служащий при контрольно-пропускном пункте № 1 Валуевского участка Южного фронта (1918)	6094-п	160–162
		27697-п	104–120
Тамарин Н.	член военно-полевого трибунала при штабе группы войск Курского направления (1919)	27697-п	104–120
Толмачев	градоначальник Одессы, генерал (1900-е)	6071-п	121–123
		12249-п	135–136
Ушеров Фомин	комендант высшей военной инспекции (1919) начальник особого отдела III Красной армии (1919)	16215-п	148–149
		6056-п	170–172
		6060-п	156–157
		6062-п	137–139
		6071-п	121–123
		6072-п	123–125
		6078-п	139–141
		6080-п	151–153
		6081-п	154–156
		6082-п	125–135
		6093-п	163–165
		6094-п	160–162
		12247-п	165–166
		12249-п	135–136
12250-п	142–147		
15206-п	159–160		
Хорват О. Чаплик Червин	медсестра, жена арестованного И. Хорвата (1924) житель Одессы в 1900-е годы служащий при контрольно-пропускном пункте № 1 Валуевского участка Южного фронта (1918)	27697-п	104–120
		6094-п	160–162
		27697-п	104–120
Чуйко	комиссар в VIII Красной армии (1918)	27697-п	104–120

Г.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Шанин	начальник отдела центральной регистратуры ОГПУ (1922)	27697-п	104–120
Шапошников	член Купянского ревкома (1918)	27697-п	104–120
Шаференко	сотрудник сыскного отделения (1910-е)	6080-п	151–153
Штейнберг	уполномоченный особого отдела III Красной армии (1919)	6061-п	166–170
Штерн	арендатор «Одесского листка» (1917)	6082-п	125–135
Шувалов	граф, варшавский генерал-губернатор (1910-е)	12250-п	142–147
Щепетовский	полковник (1919)	12250-п	142–147
Щербачев	помощник начальника одесского окружного автомобильного управления (1919), полковник	6061-п	166–170
Юзовский	председатель высшей военной инспекции (1919)	16215-п	148–149
Яворский И. Я.	профессор, член Русского народно-государственного союза (Одесса, 1918)	6082-п	125–135
Яковлев Б.	полковник Белой армии	6071-п	121–123
Якунин	губернатор Екатеринослава (1910-е)	12249-п	135–136
Янин А.	военный следователь особого отдела III Красной армии (1919)	6069-п	162–163
		6080-п	151–153
		6093-п	163–165
		6094-п	160–162
		15206-п	159–160

Дела 1920 года

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Абрамов И.	заявитель по делу И. Х. Кивовича, комсомолец (1920)	27183-п	217–219
Абрамович	сотрудник ОЧСК (1919)	27026-п	285–288
Аквис	красноармеец особого батальона ОЧСК (1920)	12049-п	282
Акулов	начальник Одесской уездной милиции (1920)	27181-п	456–461
Алейник П.	участник большевистского подполья (1919)	27141-п	258–260
Александров А.	заявитель по делу В. И. Ворокова, шофер (1920)	27037-п	224–225
Александров С. П.	секретный сотрудник ОГЧК (1920)	27010-п	448–450
Александров	помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам (1920)	12014-п	468–471
Александров	санитар 37-го полевого сводного эвакуационного госпиталя (1920)	26942-п	411–413
Алексеев	заведующий комитетом Красного Креста (Одесса, 1920)	26959-п	461–467
Алексеев	студент (1920)	27032-п	364–366
Алехнович	знакомый арестованного Ч. де-Морже (1920)	27798-п	316–320

Раздел I. Репрессии: категория подсудимых

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Алешкина	жена арестованного А. Н. Суслова, сестра милосердия в 30-м сводно-эвакуационном госпитале (Одесса, 1920)	26947-п	396–398
Алкт	сотрудник ОГЧК (1920)	27798-п	316–320
Алладин	военный следователь административно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта (1920)	27029-п	260–261
Аллилуева	секретарь президиума ОГЧК (1920)	27441-п	202–205
Альбинский	помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам (1920)	12014-п	468–471
		24605-п	419–421
		26944-п	212–214
		26957-п	350–351
		27051-п	417–418
		27072-п	165–171
		27172-п	306–308
		27443-п	301–304
Альбрехт	поручик Белой армии, начальник команды связи (1920)	27348-п	377–379
Анадин	военный следователь административно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта (1920)	27168-п	298–301
Андрющенко Т.	председатель районного ревкома (Одесский уезд, 1920)	27051-п	417–418
Анисимов	знакомый арестованного В. В. Иноземцева (1920)	26920-п	271–273
Арнольдов	полковник Белой армии (1919)	27447-п	184–187
Арнольдов	следователь особого отделения № 7 особого отдела XIV Советской Красной армии (1920)	26973-п	234–236
Архангельский К. П.	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	27100-п	433–437
Ашахманов	подполковник Белой армии (1919)	27164-п	404–406
Балабанова	член ВКП(б) (Москва, 1920)	5244-п	398–403
Баландин	сотрудник особого отдела ЧК (1919), заявитель по делу Г. Т. Дмитриева (1920)	27447-п	184–187
Баленко	сотрудник ОГЧСК (1920)	26986-п	292–296
Баленков Е.	помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией секретно-оперативного отдела губЧК (1920)	26921-п	236–237
		26947-п	396–398
		27014-п	328–332
		27084-п	262–265
		27100-п	433–437
		27163-п	360–362
Балицкий	начальник ГПУ УССР (1928)	5691-п	428–432
Бантов И.	военнослужащий Белой армии (1919)	27053-п	215–217
Баранников	сотрудник Черноводтрана (1919)	27593-п	437–446

Т.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Барминский	уполномоченный активной части особого отдела ОГЧК (1920)	27236-п	353–356
		27010-п	448–450
Баровский	полковник Белой армии (1919)	27211-п	356–360
Барский Я.	свидетель по делу С. А. Бродюка (1920)	5657-п	183–184
Барский	инструктор пехотных курсов (Одесса, 1920)	27211-п	356–360
Батурин	командир повстанческого отряда (1919)	27037-п	224–225
Батханов	начальник пересыпской комендатуры (1920)	26939-п	422–423
Бедненко (Бененко) С.	дворник (Одесса, 1920)	27445-п	343–346
Белаенко	свидетель по делу Н. М. Иващенко (1920)	27205-п	280–282
Беликов	сотрудник киевского Обвода (1920)	27593-п	437–446
Белосукня	служащий дивизиона 4-го Украинской галицийской бригады, капитан (1920)	27084-п	262–265
Белый	поручитель по делу Ю. Б. Палееша (1920)	12014-п	468–471
Бельский	уполномоченный ОГЧК по борьбе с контрреволюцией (1920)	27010-п	448–450
		27014-п	468–471
Беляев В.	моряк-партработник (1920)	27181-п	456–461
Беляева Д. П.	жена арестованного И. П. Беляева (1920)	27593-п	437–446
Березан	младший помощник начальника Александровского района советской рабоче-крестьянской милиции (1920)	27172-п	306–308
Бернацкая М.	сестра милосердия в 37-м полевом сводном эвакуационном госпитале (Одесса, 1920)	26962-п	409–411
Билима-Постернакова Л. Н.	жена арестованного С. В. Билима-Постернакова (1920)	26961-п	276–279
Бирилов	топитель катера «Жека» (1919)	26921-п	236–237
Блюгерман	обвинитель по делу Г. К. Фролова (1920)	27168-п	298–301
Блюмберг В.	житель Одессы (1920)	26980-п	320–322
Блюмкины	свидетели по делу А. В. Хонило	27450-п	310–312
Богов	следователь военно-контрольного пункта № 1 особого отдела XII Советской Красной армии (1920)	8027-п	408–409
		12238-п	406–408
Бодров	ротмистр Белой армии (1919)	27164-п	404–406
Божьев	сотрудник РТЧК (Одесса, 1920)	26941-п	288–290
Болотин	сотрудник оперативной части ОГЧК (1920)	27442-п	415–417
Болтянский	политработник (Одесса, 1919)	26946-п	324–326
Бондарев	член Бельчанского волисполкома, член КП(б)У (1919)	27181-п	456–461
Бондарь	топитель катера «Жека» (1919)	26921-п	236–237
Борисенко	комиссар оперативного отдела ОЧСК (1920)	27072-п	265–271
Борисенко	районный уполномоченный Новороссийской области (1920)	27448-п	208–212
Борисенко-Бусло	начальник контрразведывательного пункта Белой армии (Одесса, 1919)	26988-п	200–202

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Боровский А. И. Боровский Н. И. Бранднер В.	военнослужащий Красной армии (1920)	27163-п	360–362
	вольноопределяющийся Белой армии (1919)	27163-п	360–362
	помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией активной части особого отдела ОГЧК (1920)	26991-п	367–369
Бредов	генерал Белой армии (1919)	27164-п	404–406
		27348-п	377–379
Бренман С. М.	заявительница по делу В. И. Цукановой (1920)	27080-п	205–207
Бродер Д.	заявитель по делу С. Т. Черниховского (1920)	26960-п	312–313
Броневой	сотрудник ЧК (1920)	27798-п	316–320
Брутман Д., он же Давидзон	румын, портной (Одесса, 1919)	27183-п	217–219
Брытковский	член верховной коллегии Главвода (1920)	27593-п	437–446
Бурдман А.	врач, свидетель по делу С. П. Смирнова (1920)	27027-п	372–375
Бурштейн	заявитель по делу Н. Ф. Недосекина (1920)	27039-п	194–196
Бутилов	помощник уполномоченного особого отдела ОГЧК (1920)	26974-п	446–448
Бухарин	сотрудник особого отделения № 7 особого отдела XIV Советской Красной армии (1920)	9192-п	255–258
Вагнер	сотрудник ОГЧК (1920)	27210-п	385–387
		27014-п	328–332
		27444-п	336–343
Вайсберг П.	заявитель по делу А. Т. Смолеева	5738-п	214–215
Вальдман С.	член ВКП(б), подпольщица (Одесса, 1919)	26944-п	212–214
Вальдман	заявитель по делу В. Е. Басова (1920)	11999-п	219–220
Ватолин	следователь особого отдела ВЧК при реввоенсовете XII Советской Красной армии (1920)	13570-п	326–328
Везмитин Г.	дядя арестованного М. Л. Желинского	26974-п	446–448
Вейцель М.	заявитель по делу Н. И. Яблонского (1920)	27054-п	452–455
Векслер Г.	помощник заведующего судебно-уголовным розыском Петропавловского района Одессы (1920)	26941-п	288–290
Винокур	заместитель председателя УТЧК станции Одесса-Главная (1920)	11997-п	207–208
		26940-п	237–240
Винокуров С.	секретарь Одесского губревтрибунала, свидетель по делу С. П. Смирнова (1920)	27027-п	372–375
Вихман	сотрудник ОГЧК (1920)	27163-п	360–362
Вихров Н.	помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам (1920)	11975-п	225–227
		26958-п	273–275
		26997-п	308–310
		27001-п	240–242
		27037-п	224–225
		27053-п	215–217

Т.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Вишневский М. Влайк Власов Вовк И. Войцеховский Волков Н. Волков Воловенский Володько (Володко) В. Е. Вольский Вольский Вольф Воробьев Востросаблин Вуль М. Габай Гаврилов И. Гавронский Гайдаров Гайдукос Галушко Гарис Гарри Гезе Гейкве И. Герц С.	заявитель по делу С. Д. Белоусова (1920) следователь ОЧСК (1920) военком бронепоезда «Умрем или победим» (1920) житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году политком (Одесса, 1920) сосед арестованного И. П. Кавуры (1920) санитар, член комячейки 37-го полевого сводного эвакуационного госпиталя (Одесса, 1920) красноармеец пулеметной команды при ЧК (1920) житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году комиссар оперативной части ОГЧК (1920) ротмистр Белой армии (1919) свидетель по делу Н. М. Иващенко (1920) сотрудник комендатуры (Одесса, 1920) полковник Белой армии, начальник хозчасти отряда «Священный долг» (Одесса, 1919) военком эвакуопункта (Одесса, 1920) сотрудник ОГЧК (1920) крестьянин, заявитель по делу П. М. Мамонтова (1920) сотрудник для поручений особого отдела ОГЧК (1920) следователь особого отдела ВЧК при V Красной армии (1920) следователь отделения № 7 особого отдела XII Советской Красной армии (1920) начальник 12-го района Одесского уезда (1920) комиссар оперчасти ОГЧК (1920) следователь юридического отдела при ОЧСК (1920) служащий 4-го Украинско-галицийского дивизиона (1920) комиссар-оператор ОГЧК (1920) помощник уполномоченного ОГЧК по борьбе с контрреволюцией (1920)	27072-п	265–271
		27173-п	334–336
		27593-п	437–446
		26941-п	288–290
		27053-п	215–217
		28419-п	472–474
		12009-п	176–178
		26921-п	236–237
		27210-п	385–387
		26962-п	409–411
		27052-п	413–415
		28493-п	369–372
		5691-п	428–432
		27164-п	404–406
		27205-п	280–282
27026-п	285–288		
27164-п	404–406		
26934-п	379–381		
27034-п	423–425		
27210-п	385–387		
27211-п	356–360		
27033-п	304–306		
12820-п	231–232		
7916-п	175–176		
27051-п	417–418		
27166-п	313–316		
11979-п	222–224		
12003-п	193–194		
12013-п	191–192		
14775-п	196–197		
27084-п	262–265		
27100-п	433–437		
12002-п	391–393		
26934-п	379–381		
26949-п	375–377		
27461-п	381–383		

Раздел I. Репрессии: категория подсудимых

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Гехт Гилет Гинтер	знакомый арестованного В. В. Иноземцева (1920) офицер Белой армии (1919) уполномоченный ОГЧК по борьбе с контрреволюцией (1920)	26920-п	271–273
		27080-п	205–207
		26920-п	271–273
		26943-п	403–404
		26947-п	396–398
		26986-п	292–296
		27054-п	452–455
		27100-п	433–437
		27014-п	328–332
		27166-п	313–316
Гладков И. И. Глебов	брат арестованного К. И. Гладкова помощник уполномоченного ОГЧК по борьбе с контрреволюцией (1920)	27168-п	298–301
		27054-п	452–455
Глембоцкий И.	служащий одесской Народной центральной сберкассы (1920)	27054-п	452–455
Глик	военный следователь особого отдела XIV Советской Красной армии (1920)	9193-п	189–191
		12243-п	187–189
Година К.	член Коминтерна (Италия, 1920)	5244-п	398–403
Гойхман Л.	житель Одессы (1919)	27183-п	217–219
Гокман	член КП(б)У (1920)	26975-п	284–285
Головина	секретная сотрудница ОГЧК (1920)	27593-п	437–446
Голубь И.	заявитель по делу А. Г. Гаврилюка (1920)	26917-п	279–280
Горбатский	командир отряда Красной армии (1920)	27166-п	313–316
Горбаш	сотрудник ОГЧСК (1920)	27001-п	240–242
Горбаченко	член ревтрибунала XIII армии при 8-й Червонной казачьей дивизии (1920)	8754-п	283–284
Гордеев Ф.	служащий при ревтрибунале (Одесса, 1920)	11973-п	197–200
Гордзеико А.	знакомая арестованного А. Д. Дьячковского (1920)	26946-п	324–326
Горев	начальник карательного отряда Красной армии (1919)	27181-п	456–461
Горожанин В.	следователь ОГЧК (1920)	11973-п	197–200
		26988-п	200–202
		27024-п	180–183
		12014-п	468–471
Горожанин	поручитель по делу Ю. Б. Палееша (1920)	12014-п	468–471
Горошко	свидетель по делу И. Ф. Бойко	26996-п	232–234
Горшкова	следователь ОГЧК (1920)	12012-п	296–298
		14775-п	196–197
		26997-п	308–310
		27039-п	194–196
		27047-п	383–385
		27068-п	351–353
		27141-п	258–260
		27237-п	249–251

1.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации		
Гофман	атаман Украинской галицийской армии (1919)	28419-п	472-474		
		26980-п	320-322		
		Грановская Д.	соседка арестованного Ф. Г. Куницкого (1920)	27445-п	343-346
				Греков	генерал (1918)
		Григорович П.	сотрудник оперативной части ЧСК (1920)	27141-п	258-260
		Григорьев В.	начальник административно-мобилизационного отдела (Одесса, 1920)	26959-п	461-467
				Григорьев В.	уполномоченный ОГЧК (1920)
		Григорьев М.	следователь ОЧСК и ОГЧК (1920)	11998-п	389-391
		Григорьев П.	уполномоченный ОГЧК (1920)	27024-п	180-183
		Григорьев	уполномоченный ОГЧК (1920)	26917-п	279-280
				26918-п	228-231
				26943-п	403-404
				26944-п	212-214
				27020-п	346-349
				27031-п	332-334
				27039-п	194-196
				27068-п	351-353
				27141-п	258-260
				27210-п	385-387
				27442-п	415-417
27443-п	301-304				
27445-п	343-346				
27461-п	381-383				
27593-п	437-446				
28493-п	369-372				
Григуц	участковый надзиратель Михайловской части Одессы (1919)	26957-п	350-351		
Гринберг И.	военком 20-го эпидемического госпиталя (Одесса, 1920)	26943-п	403-404		
Грицай	линейный агент ОГЧК (1920)	28419-п	472-474		
Гришин-Алмазов	генерал (1918)	27210-п	385-387		
Грос (Гресс) Г. Ф.	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	27100-п	433-437		
Груздев А.	взводный командир 316-го отдельного стрелкового батальона ВОХР (1920)	27001-п	240-242		
		Губенко Д. А.	учитель бельчанской школы, член КП(б)У (1920)	27181-п	456-461
Гумперт	член верховной коллегии Главвода (1920)	27593-п	437-446		
Гурашвилли	командир Одесского советского караульного полка (1920)	26946-п	324-326		
Гутман	свидетель по делу Г. С. Шлезингера (1920)	26939-п	422-423		
Давидов	резидент ЧК при белых (1919)	27447-п	184-187		
Давыдов	начальник отряда особого назначения при Тираспольском особом отделе ЧК (1920)	11977-п	455-456		

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Давыдова Ю. И.	хозяйка квартиры арестованного Б. С. Иванова (1920)	27072-п	265–271
		27449-п	251–254
Даниленко	Петропавловского района Одессы (1920)		
Данилов	председатель подпольного комитета большевиков (Ананьев, 1919)	27448-п	208–212
Двишин	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	27100-п	433–437
Дворницкая Е.	заявительница по делу братьев Разказовых (1920)	26987-п	220–222
		27210-п	385–387
де Ансельм	генерал (1918)	27210-п	385–387
Дейч	заведующий секретно-оперативным отделом ОГЧК (1920)	11977-п	455–456
		26947-п	396–398
		26959-п	461–467
		27001-п	240–242
		27014-п	328–332
		27029-п	260–261
		27047-п	383–385
		27205-п	280–282
		27593-п	437–446
		12005-п	227–228
Дембо Д., он же Б. М. Дельман	адъютант 361-го интернационального полка 41-й дивизии Красной армии, член ВКП(б) (1920)	12005-п	227–228
Денисевич В.	следователь особого отдела ВЧК при реввоенсовете Южного фронта (1920)	13770-п	467–468
Длугарио, Бернардо, он же Дулгачев	коммунист-подпольщик (Одесса, 1919)	27024-п	180–183
Дновский С.	помощник уполномоченного по общим делам секретно-оперативного отдела ОГЧК (1920)	5691-п	428–432
		26945-п	471–472
Добровольский	полковник Белой армии	27029-п	260–261
Добруш	палатный надзиратель 37-го полевого сводного эвакуационного госпиталя (Одесса, 1920)	26962-п	409–411
Доманский	следователь 5-го отделения особого отдела XII Советской Красной армии (1920)	28588-п	242–245
Домброва М.	знакомая арестованного Ч. де-Морже (1920)	27798-п	316–320
		27210-п	385–387
Донской	сотрудник особого отделения № 7 особого отдела XIV Советской Красной армии (1920)	27210-п	385–387
Дорин	следователь ОЧСК и ОГЧК (1920)	26938-п	178–180
		27447-п	184–187
		27449-п	251–254
		26944-п	212–214
Драгич	сотрудник секретно-оперативного отдела ЧК (1919)	26944-п	212–214
Дрикер Л.	заявитель по делу И. И. Кузьмина (1920)	26919-п	322–324
Дроздовский	генерал Белой армии (1919)	9192-п	255–258
Дузовский Б.	заведующий губфинотделом, член ВКП(б) (Одесса, 1920)	27444-п	336–343

Т.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Дуки З.	знакомая арестованного А. М. Шалля, работница фабрики Попова (1920)	27141-п	258–260
Дульский	поручик отдела пропаганды контрразведки белых (1919)	26921-п	236–237
Дунин Д. С.	заведующий губотделом по борьбе с саботажем и преступлениями по должности при Одесском губернском судебном уголовном розыске, член ВКП(б) (1920)	26938-п	178–180
Дунин Д.	член боевой десятки большевистского подполья (1919)	27173-п	334–336
Духовный	комиссар губфинотдела (Одесса, 1920)	27444-п	336–343
Дыбенко	командир дивизии Красной армии (1919)	12003-п	193–194
Евдокименко А., он же	член КП(б)У (1920)	27181-п	456–461
Бессарабченко			
Еканидзе А.	военнослужащий Красной армии, военком (1920)	27031-п	332–334
Елисеев	полковник Белой армии, командир батальона (1920)	27236-п	353–356
Елкин	полковник (1919)	27024-п	180–183
Ерашвили	уполномоченный активной части ОГЧК (1920)	12009-п	176–178
Ерашуниц	свидетель по делу З. И. Селевин (1920)	27001-п	240–242
Жанро	сотрудник ОГЧК (1920)	26939-п	422–423
Жевахин А.	сотрудник ЧК, заявитель по делу А. Л. Петрова (1920)	26950-п	291–292
Железняк И.	курсант школы советского строительства (1920)	26989-п	388–389
Жемчужников	уполномоченный ОГЧК (1920)	26947-п	396–398
Жофе	помощник заведующего французской контрразведкой (Одесса, 1918)	27020-п	346–349
Жуков	заместитель начальника Всеукраинской чрезвычайной комиссии (1920)	27798-п	316–320
Загордан	поручик Белой армии (1919)	27237-п	249–251
Загородняя М.	заявительница по делу П. Ф. Купарадзе (1920)	27026-п	285–288
Зайденберг	старший милиционер Петропавловского участка Одессы (1920)	26945-п	471–472
Зайцев М.	помощник уполномоченного ОГЧК по борьбе со спекуляцией и преступлениями по должности (1920)	27593-п	437–446
Зайчик	свидетель по делу Г. Д. Сычева (1920)	26973-п	234–236
Закатов М.	заявитель по делу А. О. Воробьева, сосед по палате (1920)	26943-п	403–404
Заковский	начальник особого отдела ОГЧК (1920)	12009-п 14775-п 26936-п 27014-п 27163-п 27183-п 27798-п	176–178 196–197 393–395 328–332 360–362 217–219 316–320
Замашкин	член КП(б)У (1920)	27181-п	456–461

Раздел I. Репрессии: категория подсудимых

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Заторский	военный следователь административно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта (1920)	26939-п	422–423
		27169-п	425–428
Захаров	следователь ОГЧК (1920)	27205-п	280–282
Звезда	офицер Белой армии (1919)	27080-п	205–207
Зегорш В.	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	12009-п	176–178
Зельцман Л.	помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам (1920)	26917-п	279–280
		27442-п	415–417
Земский	следователь юридического отдела при ОГЧК (1920)	5657-п	183–184
		5738-п	214–215
		11973-п	197–200
		12013-п	191–192
		26918-п	228–231
		27183-п	217–219
		27441-п	202–205
		27448-п	208–212
		27053-п	215–217
Зибцов	подпрапорщик Белой армии (1919)	27010-п	448–450
Зиверт	сотрудник ОГЧК (1920)	27798-п	316–320
		27210-п	385–387
Зильберберг	доктор медицины, житель Одессы (1919)	26950-п	291–292
Зиновьев	помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам (1920)		
Зиповец	следователь ОГЧК (1920)	26975-п	284–285
Зотова В. Г.	невеста арестованного К. Фонды, дочь начальницы училища для слепых (Одесса, 1919)	5244-п	398–403
Иванов К. Б.	сын арестованного Б. С. Иванова (1920)	27072-п	265–271
Иванов П.	государственный обвинитель при ревтрибунале (1920)	24605-п	419–421
Иванов	следователь ОГЧК (1920)	5244-п	398–403
		12002-п	391–393
		24605-п	419–421
		26970-п	474–475
		26989-п	388–389
		27052-п	413–415
		27168-п	298–301
		27447-п	184–187
		5691-п	428–432
Иванова Н. Я.	дочь генерал-майора Бунина, жена арестованного Б. С. Иванова (1920)	27072-п	265–271
Игнашкин Е. И.	крестьянин Орловской губернии (1920)	27236-п	353–356
Ильин С.	помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам (1920)	11998-п	389–391
		12002-п	391–393
		26939-п	422–423

Г.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Иноземцева М. Е.	жена арестованного В. В. Иноземцева, в девичестве — Оноприенко (1920)	26945-п	471–472
		26946-п	324–326
		27029-п	260–261
		27072-п	265–271
		27100-п	433–437
		27168-п	298–301
		27593-п	437–446
		28493-п	369–372
		26920-п	271–273
		Иордан	знакомый арестованного Ч. де-Морже (1920)
Иоффе	сотрудник киевского Обвода (1920)	27593-п	437–446
Ипполитов	заведующий информационно-инструкторским отделом Одесского губисполкома (1920)	11977-п	455–456
Иржевский	член Одесского уездного исполкома, член КП(б)У (1920)	27236-п	353–356
Исаевский	следователь ОГЧК (1920)	11977-п	455–456
		26945-п	471–472
Истомин	житель Одессы, член ВКП(б) (1919)	27031-п	332–334
Казимиров Ю.	знакомый арестованного В. Е. Басова (1920)	11999-п	219–220
Калабин	сослуживец арестованного П. Ф. Купарадзе (1919)	27026-п	285–288
Каледин	генерал Белой армии (1920)	12012-п	296–298
Калиновский	уполномоченный ОГЧК по борьбе с контрреволюцией (1920)	5691-п	428–432
Каминский С. Т.	брат арестованного Д. Т. Каминского	27593-п	437–446
Кантолинский	секретарь отдела пропаганды и агитации при Одесском губпарткоме, член ВКП(б) (1920)	27034-п	423–425
Карелин	военный следователь административно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта (1920)	12009-п	176–178
		27168-п	298–301
		27211-п	356–360
Кауфельдт Е.	родственница А. В. Турченко (1920)	27014-п	328–332
Квирченг	председатель Укрсовнархоза (1920)	27593-п	437–446
Керженецкий А. М.	церковный хорист (Одесса, 1920)	26959-п	461–467
Кеслер Б.	заявитель по делу Ф. Э Голля (1920)	11975-п	225–227
Кивович Р.	мать арестованного И. Х. Кивовича	27183-п	217–219
Кириллов	уполномоченный по общим делам при секретно-оперативном отделе ОГЧК (1920)	11975-п	225–227
		12014-п	468–471
		24605-п	419–421
		26917-п	279–280
		26938-п	178–180
		26940-п	237–240

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Кирпичников	начальник штаба армии Деникина (1919)	26944-п	212–214
		26986-п	292–296
		27010-п	448–450
		27072-п	265–271
		27100-п	433–437
		27141-п	258–260
		27181-п	456–461
		27211-п	356–360
		27442-п	415–417
		27449-п	251–254
		11973-п	197–200
		26920-п	271–273
		26988-п	200–202
Клейновский	начальник радиостанции «Воронцовский дворец» (Одесса, 1919)	27444-п	336–343
Кобрин А.	заявитель по делу С. Т. Черниховского (1920)	26960-п	312–313
Ковалев	командир Красной армии (1920)	27211-п	356–360
Коваленко	полковник Белой армии, комендант города Летичева (1920)	27164-п	404–406
Коле	главный заведующий французской контрразведкой (Одесса, 1918)	27020-п	346–349
Колесницкий	начальник милиции Умани (1920)	26961-п	276–279
Колосов	помощник следователя УТЧК Юго-Западной железной дороги (1920)	11999-п	219–220
Колоупский	член Молдаванского райпарткома КП(б)У (1920)	27461-п	381–383
Колтунов	адъютант строевой части при коменданте Одессы (1920)	27168-п	298–301
Кольман Я. К.	комиссар дома № 11 по Матросскому спуску (Одесса, 1920)	27236-п	353–356
Кондуненко	сотрудник киевского Обвода (1920)	27593-п	437–446
Коновский	подполковник Белой армии (1919)	27164-п	404–406
Копыленко	житель Одессы, старьевщик (1919)	27461-п	381–383
Корбачинский	начальник милиции Бульварного района Одессы (1920)	27461-п	381–383
Коринский	гражданский муж арестованной З. И. Селевин (1919)	27001-п	240–242
Корниенко Г. С.	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	27100-п	433–437
Королевич М. П.	мать арестованного Н. Т. Королевича	27010-п	448–450
Королевич П. Т.	дядя арестованного Н. Т. Королевича	27010-п	448–450
Королюк	служащий авиамастерских (Киев, 1919)	28588-п	242–245
Костенич М.	военнослужащий Белой армии (1919)	27053-п	215–217
Котляр С.	член Молдаванского райпарткома КП(б)У (Одесса, 1920)	27461-п	381–383
Котовский	командир конной бригады Красной армии (1920)	8027-п	408–409
		9192-п	255–258
		26986-п	292–296

Т.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Кочубей И.	комендант Одессы и порта (1920)	27029-п	260–261
		27237-п	249–251
		11979-п	222–224
Крайзер М.	комендант Очакова (1919)	27053-п	215–217
Кремер	ротмистр Белой армии (1919)	27237-п	249–251
Кремлянский Н. А.	председатель коллегии Черноводтрана, член КП(б)У (1920)	27593-п	437–446
Кривский Л.	член Одесского губернского комитета по борьбе с дезертирами, член КП(б)У (1920)	27173-п	334–336
Крупникова О.	знакомая арестованного Д. К. Андрусенко (1920)	27169-п	425–428
Крыжановский А.	одесский городской и уездный военрук (1920)	26949-п	375–377
Крымский	военный следователь особого отдела XIV Советской Красной армии (1920)	9193-п	189–191
Кугель М.	помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам (1920)	12243-п	187–189
		27052-п	413–415
Кулик	житель Одессы (1919)	27169-п	425–428
		26921-п	236–237
		27031-п	332–334
Курицын	следователь ОГЧК (1920)	27020-п	346–349
Курочкин	сотрудник ОГЧК (1920)	27084-п	262–265
Кущихонь Е.	крестьянин Одесского уезда (1919)	27181-п	456–461
Кушнарера Д.	заявительница по делу И. И. Кузьмина (1920)	26919-п	322–324
Кушпи	сотрудник ОГЧК (1920)	27014-п	328–332
Лабзин	свидетель по делу Д. И. Морозова, член ВКП(б) (1920)	12003-п	193–194
Ладыженский Д.	житель Черкасс (1919)	27047-п	383–385
Лапкин	полковник Белой армии (1919)	27039-п	194–196
Ларионов	служащий авиамастерских (Киев, 1919)	28588-п	242–245
Латин	командир отряда Красной армии (1919)	26917-п	279–280
Лебединский	военнослужащий Красной армии, член ВКП(б) (1920)	15655-п	245–248
Лепов	сотрудник ОГЧК (1920)	27020-п	346–349
Летштейн	следователь особого отдела XII Советской Красной армии (1920)	8027-п	408–409
Леут Н. Л.	член киевского отделения Всероссийского профсоюза работников банковско-кредитного дела (1920)	26940-п	237–240
Лидин	политком (1919), помощник командира продполка (1920)	27172-п	306–308
		27443-п	301–304
		5738-п	214–215
Лин В.	следователь юридического отдела при ОЧСК, уполномоченный ОГЧК по борьбе с контрреволюцией (1920)	11997-п	207–208
		11999-п	219–220

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Липовецкий	капитан отдела пропаганды контрразведки Белой армии (1919)	12013-п	191–192
		26961-п	276–279
		27020-п	346–349
		27084-п	262–265
		27205-п	280–282
		26921-п	236–237
Лисовский	следователь административно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта (1920)	26939-п	422–423
Лобачев	военнослужащий Белой армии (1920)	26940-п	237–240
		27054-п	452–455
Лобутин В. К.	управляющий киевской сберкассой (1919)	27054-п	452–455
Ловякин М.	старший милиционер 12-го района Одесского уезда (1920)	27051-п	417–418
Лойко П. В.	поручик Белой армии (1920)	27163-п	360–362
Лось Е. А.	житель Одессы, арестован белыми в 1919 году	27236-п	353–356
Луговой	младший помощник начальника милиции Александровского района Одессы (1920)	5657-п	183–184
Лузинов А. В.	взводный командир Красной армии (1920)	26997-п	308–310
Лысов Т.	красноармеец, заявитель по делу И. Ф. Захарова и В. В. Прикота (1920)	7689-п	254–255
Львов	следователь юридического отдела при ОЧСК (1920)	7689-п	254–255
		11979-п	222–224
		26917-п	279–280
		26944-п	212–214
		26986-п	292–296
		27001-п	240–242
		27449-п	251–254
		26997-п	308–310
Магденко С. Г.	заявитель по делу Н. Л. Комиссаренко-Комиссарова (1920)	26997-п	308–310
Магрилов С.	заявитель по делу И. Ф. Бойко, партработник (1920)	26996-п	232–234
Мадатов	следователь контрразведки Белой армии (1919)	27447-п	184–187
Мазадгаровы	жители Одессы, супруги, арестованы белыми в 1919 году	27236-п	353–356
Майер С. В.	поручитель по делу В. М. Окунева, народоволец и политссыльный	12009-п	176–178
Маков Л. И.	свидетель по делу М. Л. Желинского, член ВКП(б) (1920)	26974-п	446–448
Максимович Е. Н.	дочь дворянина Н. Д. Гиржева-Бельчика, жена арестованного В. Я. Максимовича (1920)	27441-п	202–205
Мамендос	сотрудник ОГЧК (1920)	12003-п	193–194
		27014-п	328–332
Мамонтова М. Ф.	приемная мать арестованного П. М. Мамонтова	27211-п	356–360
Маркинович	член КП(б)У (1919)	27181-п	456–461
Мармарино Н.	студент (Одесса, 1920)	27445-п	343–346

1.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Марс	следователь особого отдела ВЧК при реввоенсовете Южного фронта (1920)	27312-п	450–452
		27348-п	377–379
Маркинович	член КП(б)У (1919)	27181-п	456–461
Мартынов Ф. Я.	начальник особой группы Управления начальника чрезвычайных комиссий и особых отделов при ревкоме Украины (1920)	26959-п	461–467
Марьян	серб, подпольщик, расстрелянный белыми в 1919 году	27447-п	184–187
Марьяновский С. А.	свидетель по делу С. П. Смирнова (1920)	27027-п	372–375
Матвеенко Е. И.	сестра Николая Боровского (1920)	27163-п	360–362
Матенков А.	помощник уполномоченного активной части особого отдела ОГЧК (1920)	26946-п	324–326
Медведь	большевик-подпольщик (Одесса, 1919)	27027-п	372–375
		26944-п	212–214
Мельников	поручик Белой армии (1919)	27211-п	356–360
Менис, он же Шварцман	уголовный преступник (Одесса, 1919)	26950-п	291–292
Милер	уполномоченный 2-й группы ОГЧК (1920)	27444-п	336–343
Миль	сотрудник ОГЧК (1920)	27014-п	328–332
Милькевич И.	член исполкома южного бюро III Коминтерна (1920)	5244-п	398–403
Мильчин И. Б.	заявитель по делу В. И. Лапкина, член ВКП(б) (1920)	12013-п	191–192
Миронов Я.	помощник уполномоченного ОГЧК по борьбе с преступлениями по должности, член РКП(б) (1920)	27442-п	415–417
Мирские	супруги, знакомые арестованной Л. Ф. Фиалковской	26959-п	461–467
Мисошников М.	заместитель уполномоченного ОГЧК по общим делам (1920)	26962-п	409–411
Моисеева-Лашкевич	вдова генерала царской армии (1920)	26989-п	388–389
		27010-п	448–450
		5691-п	428–432
Москалюк Г.	комиссар отдела Увофлота Харьковского и Киевского округов, свидетель по делу Р. В. Сковронского (1920)	28588-п	242–245
Муравьев	верховный главнокомандующий Красной армии (1919)	26920-п	271–273
Нагорный М.	помощник уполномоченного ОГЧК по борьбе с контрреволюцией (1920)	27020-п	346–349
Назаров Наздарский Назимов-Некрасов С. В.	член Бельчанского волисполкома, член КП(б)У (1919)	27025-п	366–367
		27163-п	360–362
		27211-п	356–360
		27181-п	456–461
Назаров Наздарский	Ильинский военный комиссар (1920)	27211-п	356–360
Назимов-Некрасов С. В.	член подпольной организации «Азбука» (1920)	26959-п	461–467

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Наймушен Е.	председатель Ямпольской уездной ЧК (1919), помощник уездного военкома, член ВКП(б) (1920)	26991-п	367–369
Насонов Н. А.	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	27100-п	433–437
Науменко	сотрудник особого отделения № 7 особого отдела XIV Советской Красной армии (1920)	27210-п	385–387
Начерный	инструктор по организации волостного исполкома (1920)	27211-п	356–360
Начинович	подпольщик, расстрелянный белыми в 1919 году	27447-п	184–187
Нейман И.	сотрудница активной части особого отдела ЧК (1919), заявительница по делу Г. Т. Дмитриева (1920)	27447-п	184–187
Нейман	младший помощник начальника милиции Петропавловского района Одессы (1920)	11979-п	222–224
Немов А.	военнослужащий Красной армии, сосед арестованных Г.-Г. Гарстинга и В. В. Питленко (1920)	5691-п	428–432
Непенин	полковник Белой армии (1919)	27348-п	377–379
Нефедов	заведующий активной частью особого отдела ОГЧК (1920)	27033-п	304–306
		26942-п	411–413
Нечай	подполковник русской армии (1900-е)	27448-п	208–212
Никитина	сестра милосердия в 37-м эвакуогоспитале (Одесса, 1920)	26962-п	409–411
Никифоров Г. С.	начальник радиостанции «Воронцовский дворец» (Одесса, 1920)	27444-п	336–343
Николаев	следователь отдела пропаганды контрразведки Белой армии (1919)	26921-п	236–237
Николай	сотрудник особой группы Управления начальника чрезвычайных комиссий и особых отделов при ревкоме Украины (1920)	26959-п	461–467
Николова Е.	следователь юридического отдела при ОЧСК (1920)	11975-п	225–227
		12049-п	282
		26950-п	291–292
		26960-п	312–313
		27020-п	346–349
		27034-п	423–425
		27037-п	224–225
		27443-п	301–304
Нудель	помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам и бандитизму (1920)	5691-п	428–432
Озеров	капитан 1-го ранга, военнослужащий Белой армии (1919)	26921-п	236–237
Озолин	заведующий следственной частью Петроградской губЧК (1920)	15655-п	245–248
Олегина	член подпольной организации большевиков (1919)	27448-п	208–212
Оржеховская	хозяйка столовой (Одесса, 1920)	26936-п	393–395
Орлов М.	следователь административно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта (1920)	27080-п	205–207
		27445-п	343–346

Г.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Орлов	поручик Белой армии (1919)	27014-п	328–332
Островский	владелец типографии (Одесса, 1919)	27183-п	217–219
Павлов, он же Фельдман	военком Тирасполя (1920)	12014-п	468–471
Павлова А. М.	знакомая арестованного М. Р. Бельченко (1920)	27033-п	304–306
Палееш А. М.	мать арестованного Ю. Б. Палееша	12014-п	468–471
Палюшкин	помощник уполномоченного активной части особого отдела ОГЧК (1920)	26936-п	393–395
		26941-п	288–290
		26942-п	411–413
		26949-п	375–377
		27027-п	372–375
		27031-п	332–334
		27033-п	304–306
		27047-п	383–385
		27100-п	433–437
		27164-п	404–406
Панаит С.	поручитель по делу И. И. Волковского, член ВКП(б) (1920)	26988-п	200–202
Панченко	член Бельчанского волисполкома, член КП(б)У (1919)	27181-п	456–461
Пасисниченко	член КП(б)У (1919)	27181-п	456–461
Пастушенко	военнослужащий Красной армии (1920)	26947-п	396–398
Пашкевич	редактор «Известий», член ВКП(б) (1919)	27047-п	383–385
Пекелис	свидетель по делу Г. С. Шлезингера (1920)	26939-п	422–423
Перепел	сотрудник активного отделения особого отдела ВЧК (Москва, 1920)	5244-п	398–403
Петров	помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам (1920)	12012-п	296–298
		27443-п	301–304
		27593-п	437–446
Петрова Л.	дочь расстрелянного А. Л. Петрова (1920)	26950-п	291–292
Петровский	председатель ВУЦИКа (Харьков, 1926)	5691-п	428–432
Петрушевский	диктатор западной области Украинской Народной Республики (1920)	26980-п	320–322
Петухов А. Е.	подполковник царской армии	26918-п	228–231
Пиванов	следователь особого отдела ВЧК при реввоенсовете Южного фронта (1920)	13770-п	467–468
Пилат	военком Умани (1920)	26961-п	276–279
Пименов А.	помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам (1920)	27072-п	265–271
Пиской	служащий 4-го Украинско-галицийского дивизиона (1920)	27084-п	262–265
Питков	секретный сотрудник ОГЧК (1920)	27593-п	437–446
Планцис	партработник, сотрудник ЧК (1919)	27447-п	184–187

Раздел I. Репрессии: категория подсудимых

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Платон	митрополит, организатор отряда «Священный долг» (1919)	26959-п	461–467
Погорий	помощник уполномоченного ОГЧК по борьбе с контрреволюцией (1920)	11977-п	455–456
Подаговский	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	26943-п	403–404
		27100-п	433–437
Позняков	военный следователь особого отдела ВЧК при V Красной армии (1920)	12820-п	231–232
Покрасов А.	заявитель по делу Ф. Э Голля (1920)	11975-п	225–227
Полихронин	директор аккерманской мужской гимназии (1919)	27032-п	364–366
Полякова П.	поручитель по делу Г. Д. Сычева, член Маякского ревкома (1920)	26973-п	234–236
Помазов А.	односельчанин арестованного А. Е. Чумаченко	27051-п	417–418
Пономарев	военнослужащий Белой армии (1919)	26949-п	375–377
Попов	член повстанческого отряда Батурина (1919)	26917-п	279–280
		27037-п	224–225
		8754-п	283–284
Порубаев	председатель отдела ревтрибунала XIII армии при 8-й Червоной казачьей дивизии (1920)	27053-п	215–217
Поцелуев А.	военнослужащий Белой армии (1919)	15655-п	245–248
Поэглий А.	следователь Петроградской районной транспортной ЧК (1920)	26975-п	284–285
Пробер А.	заявитель по делу А. В. Загорского, член ВКП(б) (1920)	27068-п	351–353
Прокопов	следователь белогвардейской контрразведки (1919)	27054-п	452–455
Протасьев	уполномоченный министерства финансов в Одессе (1919)	27166-п	313–316
Пруженкова (Пуженко) М.	двоюродная сестра арестованного К. И. Гладкова	26997-п	308–310
Пукалов	полковник, командир карательного отряда Белой армии (1919)	27448-п	208–212
Пынтя	секретарь обкома союза рабочих водного транспорта (1920)	27039-п	194–196
Радецковский	старший следователь особого отдела XII Советской Красной армии (1920)	28588-п	242–245
Радионов	следователь ОЧСК, помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам (1920)	12012-п	296–298
		26958-п	273–275
		26960-п	312–313
		26961-п	276–279
		26962-п	409–411
		26970-п	474–475
		26987-п	220–222
		26989-п	388–389
27032-п	364–366		

Г.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
		27037-п	224-225
		27053-п	215-217
		27173-п	334-336
		27183-п	217-219
		27448-п	208-212
		27450-п	310-312
		28419-п	472-474
		12243-п	187-189
		27026-п	285-288
		26973-п	234-236
Райхер Г. М. Рахвальский Рацковский	комендант здания военного госпиталя (Одесса, 1920) житель Одессы, портной (1920) помощник уполномоченного по борьбе с контрреволюцией секретно-оперативного отдела ОГЧК (1920)	27026-п	285-288
		27072-п	265-271
		5244-п	398-403
		5657-п	183-184
		7689-п	254-255
		11997-п	207-208
		26919-п	322-324
		27001-п	240-242
		27033-п	304-306
		27166-п	313-316
Регент И. Реденс	член Коминтерна (Италия, 1920) председатель Одесской губернской чрезвычайной комиссии (1920)	27181-п	456-461
		26936-п	393-395
		27183-п	217-219
		27026-п	285-288
		27443-п	301-304
		27593-п	437-446
		27450-п	310-312
		27593-п	437-446
		27237-п	249-251
		12003-п	193-194
Рожинский М. Розенблюм Ройт Рубан С. Рудзук Я. Рудин Л., он же Блюмкин Л. Г.	военнослужащий Красной армии, член КП(б)У, заявитель по делу В. З. Озерова житель Одессы (1919) житель Одессы, член ВКП(б) (1919) сотрудник оперативной части ОГЧК (1920) председатель верховной коллегии Главвода (1920) заведующий агитационно-организационным отделом политпросвета Одесского губернского военкомата, член КП(б)У (1920)	27053-п	215-217
		27013-п	191-192
		27100-п	433-437
		12241-п	395-396
		27072-п	265-271
		5685-п	248-249
		26938-п	178-180
		27593-п	437-446
		27237-п	249-251
		12003-п	193-194
27053-п	215-217		
Румянцев Сазонов Самойлов Сандлер Сафронов Сафронов Свидерский Е. И. Северный	представитель Главвода (1920) военнослужащий Белой армии (1919) следователь юридического отдела при ОЧСК (1920) сотрудник ЧК (Одесса, 1919) житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году председатель УТЧК станции Знаменка (1920) военнослужащий Белой армии (1920) председатель Одесской чрезвычайной следственной комиссии (1920)	27053-п	215-217
		27013-п	191-192
		27100-п	433-437
		12241-п	395-396
		27072-п	265-271
		5685-п	248-249
		26938-п	178-180
		27593-п	437-446
		27237-п	249-251
		12003-п	193-194
27053-п	215-217		

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Селин А.	письмоводитель одесской городской богадельни (1910-е)	26944-п	212–214
		27080-п	205–207
		27166-п	313–316
		27441-п	202–205
		27448-п	208–212
		24605-п	419–421
Семенко	сотрудник ОЧСК, член ВКП(б) (1919)	27026-п	285–288
Семенов	следователь юридического отдела при ОЧСК (1920)	27237-п	249–251
Семисенко А. П.	родственник арестованного А. А. Семисенко (1920)	27593-п	437–446
Сергеев	член верховной коллегии Главвода (1920)	27593-п	437–446
Серебрянников	народный комиссар Одесской области и Румынского фронта (1918)	27449-п	251–254
Серебрянский А.	военком команды выздоравливающих, обвинитель по делу А. Д. Дьячковского (Одесса, 1920)	26946-п	324–326
Серето	представитель Итальянской миссии (Москва, 1920)	5244-п	398–403
Сибирцев	следователь юридического отдела при ОЧСК (1920)	27024-п	180–183
Сигал И.	военный следователь административно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта (1920)	26987-п	220–222
Сидельники	братья, жители местечка Маяки, военнослужащие Красной армии (1919)	27168-п	298–301
		27211-п	356–360
		27445-п	343–346
		26973-п	234–236
Сидоренко М.	помощник уполномоченного ОЧСК по общим делам (1920)	26938-п	178–180
Сидоровы	жители Одессы, подлежали аресту в 1920 году	27100-п	433–437
Силаев	полковник Белой армии, начальник отряда «Священный долг» (Одесса, 1919)	27164-п	404–406
Скляр И.	член районного ревкома (Одесский уезд, 1920)	27051-п	417–418
Скляров С.	заявитель по делу М. И. Приходько	13570-п	326–328
Скрябин	комиссар Куяльницкого соляного промысла (1920)	27236-п	353–356
Сляскин	сотрудник ЧК (Одесса, 1919)	26957-п	350–351
Смагин	председатель завкома завода РОПиТ, член ВКП(б) (1920)	27593-п	437–446
Смирнов	сотрудник хозотдела ЧК (Одесса, 1920)	26920-п	271–273
Сморджевский	начальник госрозыска Бульварного района Одессы (1919)	27449-п	251–254
Снегов	заведующий особым отделом ОЧСК (1920)	27448-п	208–212
Снитковский	милиционер Александровского района Одессы (1920)	27172-п	306–308
Соколов	заведующий секретно-оперативным отделом ОГЧК (1920)	27163-п	360–362
Соколов	председатель Николаевского исполкома (1920)	27068-п	351–353

1.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Соколов	председатель Одесского уездного ревкома (1920)	26958-п	273–275
Соколов	большевик-подпольщик (Одесса, 1919)	26944-п	212–214
Соловкин Б. В.	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	27100-п	433–437
Соловцев М.	военнослужащий Красной армии (1920)	27166-п	313–316
Сорочинский	военнослужащий Белой армии (1919)	27448-п	208–212
Софронов	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	27100-п	433–437
Ставро	помещик, участник крестьянского восстания в Одесской губернии (1919)	27181-п	456–461
Стальной	следователь РТЧК Приморских железных дорог и портов Черного моря (1920)	26941-п	288–290
Стамбурский	военнослужащий Белой армии (1920)	27054-п	452–455
Степановы	сестры, жители Одессы, подлежали аресту в 1920 году	27100-п	433–437
Стефанов	заведующий секретно-оперативным отделом при Ямпольской уездной милиции (1920)	26991-п	367–369
Столковская Н. Г.	невеста арестованного П. М. Мамонтова (1920)	27211-п	356–360
Стрижак	военком Ананьева (1920)	27448-п	208–212
Страцинская	сестра арестованного Д. С. Страцинского	27024-п	180–183
Струдзовский	начальник милиции Пересыпского района Одессы (1920)	27029-п	260–261
Струк	полковник, атаман крестьянского отряда (1919)	12012-п	296–298
Сурков	сотрудник Черноводтрана (1919)	27593-п	437–446
Суслов А.	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	27100-п	433–437
Таксер М.	заявитель по делу С. Т. Черниковского (1920)	26960-п	312–313
Танаев	следователь особого отделения при 8-й кавалерийской дивизии XIII Красной армии (1920)	8754-п	283–284
Твердый	генерал Белой армии (1919)	12012-п	296–298
Теверовские	знакомые арестованного Д. К. Андрусенко (1919)	27169-п	425–428
Тимофеев Н.	председатель ревтрибунала (Одесса, 1920)	24605-п	419–421
Тимошенко	комоператор ОГЧК (1920)	27593-п	437–446
Тительман	заявитель по делу В. В. Питленко, член КП(б)У (1920)	5691-п	428–432
Ткачук А. Д.	каптенармус батальона при Николаевской ЧК	27014-п	328–332
Ткачук Г.	помощник уполномоченного ОГЧК по борьбе с контрреволюцией (1920)	26919-п	322–324
		26920-п	271–273
		27444-п	336–343
Толмачев	градоначальник Одессы, генерал (1900-е)	27448-п	208–212
Топчиев	топильщик катера «Жека» (1919)	26921-п	236–237
Трайник О.	красноармеец, заявитель по делу Г. А. Маркова (1920)	12002-п	391–393
Трахтенберг	заявитель по делу А. О. Воробьева, сосед по палате (1920)	26943-п	403–404
Трофимов	заведующий одесской гарнизонной гауптвахтой (1920)	12005-п	227–228
Троцкий	нарком пути (1920)	27593-п	437–446
Трюх	председатель коллегии Черноводтрана (1919)	27593-п	437–446

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Туган-Барановский	полковник Белой армии, начальник Одесского гарнизона (1919)	9192-п	255–258
		11973-п	197–200
Тудоров Тудоровский	заведующий судной частью (1920) заведующий административно-юридическим отделом при коменданте Одессы и порта (1920)	27211-п	356–360
		26939-п	422–423
Туманов	следователь юридического отдела при ОЧК (1920)	27168-п	298–301
		26921-п	236–237
		26918-п	228–231
		26996-п	232–234
		27039-п	194–196
Тунцельман	полковник, начальник контрразведки Белой армии (1919)	11973-п	197–200
		26920-п	271–273
Турин	помощник уполномоченного ОГЧК по борьбе с контрреволюцией (1920)	26947-п	396–398
Тюренков	военком Красной армии (1920)	15655-п	245–248
Удутов	топитель катера «Жека» (1919)	26921-п	236–237
Украинский С.	командир караульного полка (Одесса, 1919)	27236-п	353–356
Уман Д. З.	заявитель по делу С. С. Лебеденко (1920)	27172-п	306–308
Уральцев	член коллегии ОГЧК (1920)	27593-п	437–446
Урицкий Л.	военнослужащий Красной армии, политрук (1920)	12012-п	296–298
Федоров	член Молдаванского райпарткома КП(б)У (1920)	27461-п	381–383
Федорова М.	парработница (Одесса, 1920)	27461-п	381–383
Фельдман	сотрудник особого отдела ВЧК (Москва, 1920)	5244-п	398–403
Феоктистов	следователь особого отдела XII Советской Красной армии (1920)	8027-п	408–409
		12238-п	406–408
Фиалковская А. Ф.	сестра арестованной Л. Ф. Фиалковской	26959-п	461–467
Фиалковский Ф. В.	отец арестованной Л. Ф. Фиалковской	26959-п	461–467
Фиалковский Ю. Е.	член подпольной организации «Азбука» (1920)	26959-п	461–467
Филатов Ф.	военный следователь административно-юридического отдела при коменданте Одессы и порта (1920)	27068-п	351–353
		27169-п	425–428
Финберг	сотрудник ЧК (Одесса, 1919)	27026-п	285–288
Фиников	сын С. Г. Магденко (1920)	26997-п	308–310
Фихер И. И.	торговец, заявитель по делу М. Н. Николаева (1920)	27449-п	251–254
Фокина	жена арестованного П. А. Фокина (1920)	27100-п	433–437
Фортушняк	надзиратель (Одесса, 1919)	27442-п	415–417
Фридендер Д.	поручительница по делу Ю. Б. Палееша (1920)	12014-п	468–471

1.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Фриман О.	военный следователь особого отдела XIV Красной армии (1920)	9192-п	255–258
Фриновский М.	начальник отделения № 1 особого отдела XII Советской Красной армии (1920)	10037-п	275–276
Фролова В. Н.	вдова расстрелянного Г. Н. Фролова (1920)	27168-п	298–301
Фроловский	профессор (Одесса, 1920)	27211-п	356–360
Фукс	начальник Одесского учетно-мобилизационного отдела при военном комиссариате (1920)	27072-п	265–271
Хайтер П. М.	свидетель по делу А. Л. Петрова (1920)	26950-п	461–467
Хан-Софронов	ротмистр Белой армии (1919)	26959-п	291–292
Харитонов Б. Ф.	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	27026-п	285–288
Харитонova	сестра милосердия в 30-м сводно-эвакуационном госпитале (Одесса, 1920)	27100-п	433–437
Хаселев	владелец типографии (Одесса, 1919)	26947-п	396–398
Хованский	сотрудник военно-контрольного пункта № 1 особого отдела XII Советской Красной армии (1920)	27183-п	217–219
Хозе	сотрудник комендатуры (Одесса, 1920)	12238-п	406–408
Хонин	капитан Белой армии (1919)	27211-п	356–360
Хотник Д. С.	свидетель по делу арестованных Ф. С. Малого и Л. Д. Одария, (1920)	27068-п	351–353
Цертович	военный следователь особого отдела XIV Советской Красной армии (1920)	27181-п	456–461
Цопоров	следователь ОГЧК (1920)	12241-п	395–396
Цыгаров	помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам (1920)	26946-п	324–326
Чепков	помощник уполномоченного ОГЧК по общим делам (1920)	27054-п	452–455
Червяков Ф.	военнослужащий Красной армии, обвинитель по делу И. И. Кузьмина (1920)	27068-п	351–353
Червяков	сотрудник Одесского исполкома (1920)	26940-п	237–240
Червякова	секретарь президиума ОГЧК (1920)	26950-п	291–292
Черкасов А.	милиционер, заявитель по делу Ю. Б. Палееша (1920)	26975-п	284–285
Черник	секретный сотрудник ОГЧК (1920)	26919-п	322–324
Черных	начальник II района Одессы (1920)	27072-п	265–271
Чернышенко	начальник канцелярии военного транспортного отдела Одесского губсовнархоза (1920)	26980-п	320–322
Черский	секретарь Народного банка (Одесса, 1920)	27072-п	265–271
Чижевский К. С.	радиотелефонист станции «Воронцовский дворец» (Одесса, 1920)	12014-п	468–471
		27163-п	360–362
		27444-п	336–343
		27164-п	404–406
		27211-п	356–360
		27444-п	336–343

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Чиковани Чирский	знакомый арестованного П. Ф. Купарадзе (1919)	27026-п	285–288
	помощник подольского губвоенкома (1920), брат арестованного В. Чирского	27034-п	423–425
Чихадзе	поручик Белой армии (1919)	11999-п	219–220
Чоп Ф.	слесарь, заявитель по делу С. В. Фомина (1920)	14775-п	196–197
Чуб	штабс-ротмистр Белой армии (1920)	27014-п	328–332
Чумаченко	помощник уполномоченного ОГЧК по борьбе с контрреволюцией (1920)	26959-п	461–467
		26968-п	362–364
		27034-п	423–425
Чуркин В. П.	свидетель по делу М. Л. Желинского, член ВКП(б) (1920)	26974-п	446–448
Шабинский	член Бельчанского волисполкома, член КП(б)У (1919)	27181-п	456–461
Шавикин К.	милиционер Петропавловского участка Одессы (1920)	27026-п	285–288
Шавикина-Шустова В. К.	служащая ОГЧК, заявительница по делу П. Ф. Купарадзе (1920)	27026-п	285–288
Шавленко	председатель Ананьевского уездного ревкома (1920)	27448-п	208–212
Шаров	командир повстанческого отряда колонистов (1919)	26917-п	279–280
Шахунов	житель Одессы (1919)	26921-п	236–237
Шварцман М., он же Менис	красноармеец эскадрона ЧК (1920)	26950-п	291–292
Шевцов	поручик Белой армии (1919)	27211-п	356–360
Шемаев А. А.	житель Одессы, врач (1920)	27072-п	265–271
Шестаков В.	военнослужащий Красной армии, заявитель по делу Г. Д. Сычева (1920)	26973-п	234–236
Шестаков Шиллинг	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	27100-п	433–437
	генерал Белой армии, командир карательного отряда (1919)	11973-п	197–200
		12012-п	296–298
		27448-п	208–212
Шинкевич И.	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	27100-п	433–437
Шихман М.	житель Одессы, член КП(б)У (1920)	27450-п	310–312
Шихман Я.	житель Одессы, член КП(б)У (1920)	27450-п	310–312
Шмидт М. Ф.	сын арестованного Ф. И. Шмидта (1920)	27448-п	208–212
Шмидт Ю. И.	жена арестованного Ф. И. Шмидта (1920)	27448-п	208–212
Шмидт Я. Ф.	сын арестованного Ф. И. Шмидта (1920)	27448-п	208–212
Шулович (Шумович) К. С.	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	27100-п	433–437
Шульгин В. В.	член подпольной организации «Азбука» (1920)	26959-п	461–467
Шустер Г.	милиционер Петропавловского участка Одессы (1920)	26945-п	471–472
Эдуардова, она же Керцман З.	член ВКП(б), заявительница по делу Д. С. Страцинского	27024-п	180–183
Эли	следователь юридического отдела при ОЧСК (1920)	5685-п	248–249
		26996-п	232–234

1.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

Фамилия, инициалы	Должность, отношение к репрессированному (год)	№ дела	Стр. аннотации
Эльпе	член ревтрибунала XIII Красной армии при 8-й Червонной казачьей дивизии (1920)	8754-п	283–284
Юковский Л.	родственник арестованного И. П. Кавуры (1920)	27210-п	385–387
Юраш	красноармеец пулеметной команды при ЧК (Одесса, 1920)	27052-п	413–415
Юрченко	служащий 4-го Украинско-галицийского дивизиона (1920)	27084-п	262–265
Яблонский	командир 2-го Советского Бессарабского полка (1919)	27026-п	285–288
Якушев	Главвод (Москва, 1920)	27593-п	437–446
Янов	уполномоченный ОГЧК (1920)	27593-п	437–446
Яновские	знакомые арестованного Д. К. Андрусенко (1919)	27169-п	425–428
Яровая С. Л.	заявительница по делу Л. Ф. Фиалковской (1920)	26959-п	461–467
Ярошенко	член белогвардейской организации (1920)	26959-п	461–467
Ясный	инспектор секретно-оперативного отдела ОЧСК (1920)	27001-п	240–242
Яськов (Ясько) Н.	житель Одессы, подлежал аресту в 1920 году	28493-п	369–372
Яськова М.	жительница Одессы (1920)	28493-п	369–372
Яша	сотрудник ЧК, комендант здания и курьер (1920)	26950-п	291–292

ПОРЯДКОВЫЙ УКАЗАТЕЛЬ описанных архивно-следственных дел

Указаны номер архивно-следственного дела из фонда прекращенных дел, фамилия человека, привлекавшегося по этому делу (если дело групповое, то названы фамилии всех людей, проходивших по нему) и страницы 3-го тома «Мартиролога», на которых помещено аннотированное описание данного дела. Фамилии репрессированных, упоминающихся в деле, но привлекавшихся по другим делам, или тех, чьи дела отсутствуют в фонде «П», здесь не указаны.

1919 год

№ дела	ФИО подсудственных, проходивших по делу	Страницы аннотации	№ дела	ФИО подсудственных, проходивших по делу	Страницы аннотации
6055-п	Богачев Р. М.	141–142	6081-п	Карузо М. Д.	154–156
6056-п	Мусатов А. Е.	170–172		Карузо С. И.	
6060-п	Подольская М. И.	156–157	6082-п	Дусинский И. И.	125–135
6061-п	Магденко В. Е.	166–170	6092-п	Саулина К. А.	153–154
	Тургенев В. А.		6093-п	Иващенко Л. А.	163–165
	Чайковский С. А.		6094-п	Мойсеенко М. И.	160–162
6062-п	Мирошниченко Ф. И.	137–139	12247-п	Гельбак В. С.	165–166
6065-п	Савинкова Е. К.	172–174	12249-п	Снежко-Блоцкий М. В.	135–136
6069-п	Петровский М. Б.	162–163	12250-п	Эбелов М. И.	142–147
6071-п	Беликович В. Ц.	121–123	12254-п	Шостак С. И.	147–148
6072-п	Строк Д. И.	123–125	15206-п	Сярчинский Г. В.	159–160
6073-п	Андреевская Е. С.	136–137	16215-п	Завелевич А. П.	148–149
6075-п	Сомова А. И.	149–151		Сатинский В. В.	
6076-п	Афанасьев С. С.	158–159	27697-п	Хорват И., он же Хорват-Идрианский О. О.	104–120
6078-п	Апрелев Ф. И.	139–141		Хорват О. О.	
6080-п	Зингер Г. Ш.	151–153			

1920 год

(февраль — апрель)

№ дела	ФИО подсудственных, проходивших по делу	Страницы аннотации	№ дела	ФИО подсудственных, проходивших по делу	Страницы аннотации
5244-п	Фонда К. Л.	398–403	5738-п	Смолеев А. Т.	214–215
5655-п	Кирилук А. Ф.	432–433	7689-п	Захаров И. Ф.	254–255
5657-п	Бродюк С. А.	183–184		Прикот В. В.	
5685-п	Журавлев Г. С.	248–249	7916-п	Гагарина А. А.	175–176
5691-п	Гарстинг Г.-Г.	428–432	8027-п	Готовицкий И. П.	408–409
	Питленко В. В.		8754-п	Келтуяло А. А.	283–284

Т.3. Аннотированное описание архивно-следственных дел: дополнения

№ дела	ФИО подследственных, проходивших по делу	Страницы аннотации	№ дела	ФИО подследственных, проходивших по делу	Страницы аннотации
9192-п	Иозефер Е. Л.	255–258	26936-п	Озеров В. З.	393–395
9193-п	Поляно П. А.	189–191	26938-п	Александров А. В.	178–180
10037-п	Дяткова И. Г.	275–276		Ингелевич М. Э.	
11973-п	Бусло Д. П., он же Борисенко	197–200	26939-п	Шлезингер Г. С.	422–423
11975-п	Голль Ф. Э.	225–227	26940-п	Янко А. Л.	237–240
11977-п	Кисель-Загорянский Е. И., он же Незнамов	455–456		Янко Е. Н.	
11979-п	Скотаренко С. К.	222–224	26941-п	Белоусов С. Д., он же Репин	288–290
11997-п	Фомин Т. К.	207–208	26942-п	Коробко П. М.	411–413
11998-п	Луценко С. Н.	389–391	26943-п	Воробьев А. О.	403–404
11999-п	Басов В. Е.	219–220	26944-п	Авербух Л. О.	212–214
12002-п	Марков Г. А.	391–393	26945-п	Пуговский Ф. Н.	471–472
12003-п	Морозов Д. И.	193–194	26946-п	Дьячковский А. Д.	324–326
12005-п	Абраменко П.	227–228	26947-п	Суслов А. Н., он же Сигаев	396–398
12009-п	Окунев В. М.	176–178	26949-п	Антощук Т. К.	375–377
12012-п	Гавришев Л. Л.	296–298	26950-п	Петров А. Л.	291–292
12013-п	Лапкин В. И., он же Хмара	191–192	26957-п	Пивовар П. Ф.	350–351
12014-п	Палееш Ю. Б.	468–471	26958-п	Дементьев И. А.	273–275
12049-п	Булкот А. Д.	282	26959-п	Ливинская А. М.	461–467
12238-п	Воронович Ф. И.	406–408		Ливинский Н. Д.	
12241-п	Орловский А. С.	395–396		Ливинский С. Д.	
12243-п	Алешин И. В.	187–189		Фиалковская Л. Ф.	
	Калиновский А. И.		26960-п	Черниховский С. Т.	312–313
	Ягодин П.		26961-п	Билима-Постернаков С. В.	276–279
12248-п	Азаров П. Г.	222	26962-п	Данилевский Г. М.	409–411
12820-п	Сурин Е. И.	231–232	26968-п	Дымченко С. Т.	362–364
13570-п	Приходько М. И.	326–328	26970-п	Шпилевой В. И.	474–475
13770-п	Акишев Н. А.	467–468	26973-п	Сычев Г. Д.	234–236
	Денисов А. И.		26974-п	Желинский М. Л.	446–448
14775-п	Фомин С. В.	196–197	26975-п	Загорский А. В.	284–285
15655-п	Вейнберг В. Г.	245–248	26980-п	Загайкевич Б. П.	320–322
24605-п	Подольцев В. М.	419–421	26986-п	Дитятин В. Ф.	292–296
26917-п	Гаврилюк А. Д.	279–280		Климов Н. Н.	
26918-п	Гарнич-Гарницкий В. Ф.	228–231		Коссовский Б. В.	
26919-п	Кузьмин И. И.	322–324		Филенко П. Г.	
26920-п	Иноземцев В. В.	271–273	26987-п	Разсказов В. Е.	220–222
26921-п	Фокин П. А.	236–237		Разсказов С. Е.	
26934-п	Недзельский Н. А.	379–381	26988-п	Волковский И. И.	200–202

№ дела	ФИО подсудственных, проходивших по делу	Страницы аннотации	№ дела	ФИО подсудственных, проходивших по делу	Страницы аннотации
26989-п	Крепович К. К.	388–389	27100-п	Озеров В. Э.	433–437
26991-п	Уроде И. В.	367–369		Острцов А. И.	
26996-п	Бойко И. Ф.	232–234	27141-п	Шалля А. М.	258–260
26997-п	Комиссаренко-Комиссаров Н. Л.	308–310	27163-п	Дацюк П. О.	360–362
27001-п	Селевин З. И., она же Фалевская С. В.	240–242	27164-п	Зарудский П. Н.	404–406
27010-п	Королевич Н. Т.	448–450	27166-п	Гладков К. И.	313–316
27014-п	Клехниовский С. И.	328–332	27168-п	Фролов Г. К.	298–301
	Семенов П. Д.		27169-п	Андрусенко Д. К.	425–428
	Тимофеев М. Г.		27172-п	Лебеденко С. С.	306–308
	Турченко А. В.		27173-п	Александров В. А.	334–336
27020-п	Карнери М. Ф.	346–349	27181-п	Малый Ф. С.	456–461
	Поршерон Г.-И. И.		27183-п	Кивович И. Х.	217–219
	Серпилин В. К.		27205-п	Иващенко Н. М.	280–282
27024-п	Страцинский Д. С., он же Великанов-Страцинский	180–183	27210-п	Кавура И. П.	385–387
27025-п	Старосольский М. К.	366–367	27211-п	Мамонтов П. М.	356–360
27026-п	Купарадзе П. Ф.	285–288	27236-п	Проскурнин М. А.	353–356
27027-п	Смирнов С. П., он же А. Мурский	372–375	27237-п	Полянин В. И.	249–251
27029-п	Шершнеф И. П.	260–261	27312-п	Демьянов А. А.	450–452
27031-п	Козловский А. Н.	332–334	27348-п	Карп И. А.	377–379
27032-п	Сибогло Д. С.	364–366	27441-п	Максимович В. Я.	202–205
27033-п	Бельченко М. Р.	304–306	27442-п	Карпов Т. А.	415–417
27034-п	Чирский В. А.	423–425	27443-п	Кулешов К. Ф.	301–304
27037-п	Вороков В. И.	224–225	27444-п	Каннер Л. Ф.	336–343
27039-п	Недосекин Н. Ф.	194–196	27445-п	Куницкий Ф. Г.	343–346
27047-п	Якубовский М. Р.	383–385	27447-п	Дмитриев Г. Т.	184–187
27051-п	Малога А.	417–418	27448-п	Шмидт Ф. И.	208–212
	Чумаченко А. Е.		27449-п	Николаев М. Н.	251–254
27052-п	Бутенко Е. З.	413–415	27450-п	Хонило А. В.	310–312
27053-п	Черный М. С.	215–217	27461-п	Липилин И. И.	381–383
27054-п	Яблонский Н. И.	452–455	27593-п	Беляев И. П.	437–446
27068-п	Кузнецов И. Ф.	351–353		Каминский Д. Т.	
27072-п	Иванов Б. С.	265–271	27798-п	Семисенко А. А.	316–320
27080-п	Цуканова В. И.	205–207		де-Морже Ч., он же де Морже Чернец	
27084-п	Гончаренко И. М.	262–265	28419-п	Струк Г. Д.	472–474
	Омельяненко В. И.		28493-п	Егоров М. Ф.	369–372
			28588-п	Кириченко Т. А.	
				Сковронский Р. В.	242–245